АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

И. М. МАЛЬЦЕВА, А. И. МОЛОТКОВ, З. М. ПЕТРОВА

Лексические новообразования в русском языке XVIII в.

«ИЗДАТЕЛЬСТВО НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД · 1975

Настоящее исследование представляет собой одну из четырех монографий цикла «Очерков по исторической лексикологии русского языка XVIII века», подготовленных сотрудниками группы исторической лексикологии русского языка XVIII в. (Словарный сектор Института русского языка АН СССР).

В коллективной монографии «Лексические новообразования в русском языке XVIII в.» рассматриваются процессы пополнения лексического состава русского языка XVIII в. новыми словами, образованными по моделям, свойственным русскому языку.

Монография написана И. М. Мальцевой («Новообразования в кругу отвлеченных имен существительных»), З. М. Петровой («Новообразования в кругу имен прилагательных») и А. И. Молотковым («Новообразования в кругу отыменных глаголов»).

При подготовке данной работы ее авторы широко пользовались материалами Картотеки Словаря русского языка XVIII века, Картотеки Словаря современного русского языка (Словарный сектор ИРЯЗ АН СССР, Ленинград), Картотеки ДРС (ИРЯЗ АН СССР, Москва), а также всеми оказавшимися доступными словарями и исследованиями по лексике и словообразованию. При составлении библиографии источников и их сокращений взят за основу «Список источников Словаря русского языка XVIII в.», разработанный в группе исторической лексикологии русского языка XVIII в.

Авторы и редактор книги приносят благодарность ее рецензентам кандидатам филологических наук Д. И. Буторину и Г. А. Качевской, а также всем лицам, принявшим участие в обсуждении книги за ценные и полезные замечания и советы.

Отв. редактор *Ю. С. СОРОКИН*

М $\frac{70102\text{-}536}{042(02)\text{-}75}$ 336-75

Введение

Словарный состав является наиболее проницаемой и наиболее подвижной сферой языка. Все значительные события, происходящие в общественно-политической, социально-экономической, научной, культурной жизни народа, говорящего на этом языке, в той или иной мере получают в нем свое отражение. И чем эти события значительнее, тем более существенные изменения происходят в словаре языка. Вот почему период с конца XVII до начала XIX в., ознаменовавшийся в сфере общественной жизни России крупнейшими социальными преобразованиями, а в сфере языковой совпавший с периодом сложения норм национального языка, представляет собой исключительно важный этап формирования его лексического состава. В это время язык пополняется чрезвычайно большим количеством неологизмов, причем преобладающую часть их составляют слова, образованные с помощью словообразовательных средств русского языка. Это в свою очередь послужило толчком к активизации, развитию и утверждению в языке самих способов словопроизводства.

Помимо общих причин, характерных для периодов важных общественно-исторических перемен, рост словарного состава в XVIII в. был обусловлен рядом специфических для этого времени условий. Значительное расширение словопроизводственной базы письменного языка происходило за счет вовлечения в словопроизводство основ слов, функционирование которых до этого ограничивалось сферой разговорной речи. В этом проявилась одна из сторон общего процесса сближения письменной и разговорной речи, характерного для развития русского языка на протяжении всего XVIII в. Об этом можно судить по широкому кругу источников, в которых отмечаются деривационные образования на базе разговорной лексики — дневников, писем, записок, журналов путешествий, воспоминаний, по данным таких литературных жанров, как сатира и комедия, где широко представлена лексика нейтральной разговорной речи и просторечия. О дальнейшем расширении круга нейтральной разговорной лексики в книжно-письменном

языке свидетельствуют также памятники делового языка, периодической печати, научно-популярных изданий. Рост деривационных новообразований связан и с происходившими в XVIII в. жанровыми и стилевыми преобразованиями — развитием светских жанров художественной литературы (бытового романа, поэзии и др.).

Существенной причиной активизации словопроизводства явились специфические обстоятельства развития языка XVIII в. в условиях многосторонних языковых контактов и проникновения в русский язык большого количества заимствований. Значительная активизация русских словообразовательных средств и появление большого количества русских эквивалентов связаны в этот период с потребностью передать средствами русского языка значения иноязычных слов. Это знаменует собой все более усиливающуюся тенденцию противопоставить заимствованным словам собственно русские неологизмы. Авторы «Очерков по исторической лексикологии русского языка XVIII в. Языковые контакты и заимствования» справедливо указывают, что сам «процесс заимствования с неизбежностью порождает тенденцию к контрноминации средствами русского языка и стимулирует словообразовательную активность самого русского словаря».[1]

Нельзя не отметить также, что появление деривационных новообразований в письменной речи связано было с широко развернувшейся в XVIII в. переводческой деятельностью. В процессе перевода иностранного текста возникали новые слова для передачи новых для русского читателя реалий и понятий.

Деривационные новообразования, появляющиеся в языке в определенное время, всегда отражают специфику развития лексического состава языка. Поэтому накопление сведений о новообразованиях такого рода, относящихся к разным периодам развития языка, поможет воссоздать общую картину исторического развития лексического состава языка, а изменения в кругу дериватов помогут отразить закономерности развития словопроизводственных отношений в языке, ибо они свидетельствуют о процессах формирования системы русского словообразования. Не случайно изучению лексических новообразований в современной науке о языке уделяется такое пристальное внимание.

В научной литературе деривационные новообразования рассматриваются в разных аспектах и объеме. Можно назвать обширный круг работ об отдельных словах и рядах однокоренных слов, группах и разрядах слов, принадлежащих к одному семантическому полю, словах, объединенных по синонимическому признаку или по общности словообразовательного форманта, о лек-

---

[1] Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Языковые контакты и заимствования. (Из серии «Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века», под ред. Ю. С. Сорокина). Л., 1972, с. 241.

сических пластах, относящихся к различным сферам употребления и пр.

Наиболее обстоятельному изучению подверглись новообразования в русском языке XVIII—XX вв. Особенно многочисленны материалы и исследования о новых словах в современном языке. Из работ, появившихся в последнем десятилетии, назовем коллективную монографию «Развитие современного русского языка» под ред. С. И. Ожегова и М. В. Попова (М., 1963, серия «Русский язык и советское общество»), словарь-справочник «Новые слова и значения (по материалам прессы и литературы 60-х годов)» под ред. Н. З. Котеловой и Ю. С. Сорокина (М., 1971), книгу В. В. Лопатина «Рождение слова» (М., 1973), работы В. Т. Коломиец, Е. А. Земской, многочисленные статьи о новых словах в журнале «Русская речь» и др.

Новообразования русского языка XVIII—XIX вв. рассматриваются во многих статьях В. В. Виноградова, в книге Ю. С. Сорокина «Развитие словарного состава русского литературного языка. 30—90-е годы XIX века» (М.—Л., 1965), в коллективных монографиях «Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного в русском литературном языке XIX века» (М., 1964) и «Глагол. Наречие. Предлоги. Союзы» (М., 1964) (из серии «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века», под ред. В. В. Виноградова и Н. Ю. Шведовой), в работах Г. Хюттль-Ворт, Л. Л. Кутиной, Н. М. Шанского, Л. Г. Свердлова, В. В. Веселитского, Ф. Г. Коровина, Р. П. Никитинской, Э. М. Ножкиной, Н. В. Костроминой и др. Сведения о дериватах от иноязычных основ содержатся в книге Е. Э. Биржаковой, Л. А. Войновой и Л. Л. Кутиной.

Большую сложность представляет собой проблема выявления новообразований в более ранние периоды развития русского языка. И это вполне закономерно, так как чем дальше в глубь истории отодвигается хронология новообразований, тем с большими объективными трудностями для исследователя связано их выделение. Это создает затруднения в датировке новообразований, отнесенных к XVIII в. Материал, характеризующий пополнение словарного состава русского языка на разных этапах его исторического развития, содержится в исследованиях Е. С. Истриной, Б. А. Ларина, П. Я. Черных, Ф. П. Филина и др.

Изучение лексического состава широкого круга источников, отражающих разные языковые сферы, жанры и стили и накопление обширных лексических материалов, относящихся к языку XVIII века, позволило продолжить наблюдение некоторых общих тенденций в развитии деривационных образований этого времени.

В предлагаемом исследовании рассматриваются разряды слов, объединенных общностью грамматического форманта в пределах данного словообразовательного типа. Они неоднородны по семантической значимости, по употребительности, а соответственно и

по месту в лексической системе языка, по сфере употребления. Новообразования представлены целыми разрядами слов, семантика которых определяется значением как производящего слова, так и словообразовательных формантов, и отдельными словами, не попадающими в тот или иной разряд и имеющими свое индивидуально обособленное лексическое значение. Наряду со словами широко употребительными в поле зрения авторов работы находятся также слова, использование которых связано со специальной или ограниченной сферой распространения. По частотности употребления в источниках новообразования XVIII в. представлены словами трех типов: 1) словами, которые в XVIII в. (или в дальнейшем) получают широкое распространение в языке; 2) словами разовыми по употреблению, окказиональными; 3) словами, образующими промежуточный по своему положению слой так называемой «потенциальной» лексики, которая используется по мере того, как в них возникает потребность, и употребление которой в отличие от окказиональной лексики не является нарушением нормы; эти слова могут в дальнейшем войти в словарный состав, остаться на его периферии или сомкнуться с разрядом окказиональной лексики. Судьба окказиональных и потенциальных слов, образование которых было особенно характерно для XVIII в., а также слов, имеющих узко специальную или в значительной мере ограниченную сферу распространения, прослеживаются в работе в той мере, в какой они являются показательными с точки зрения отражения в них общих закономерностей развития словарного состава языка.

Во все периоды развития языка новообразования особенно интенсивно пополняют основные лексико-грамматические классы слов — существительные, прилагательные и глаголы. В соответствии с этим лексические новообразования представлены в работе только этими тремя основными лексико-грамматическими разрядами, которые составляют три самостоятельных раздела. Ограничения касаются не только лексико-грамматических разрядов слов, но и определенных типов новообразований. Так, например, в книге совсем не рассматриваются новообразования, возникшие в результате словосложения.

В кругу имен существительных расширение словарного состава особенно интенсивно происходило в этот период за счет отвлеченной лексики. Поэтому в разделе об именах существительных рассматриваются некоторые разряды отвлеченной лексики, пополнившейся в XVIII в. особенно большим количеством новых слов. К их числу относятся существительные с суффиксами *-ость* и *-ние*, представляющие наиболее обширные группы новообразований, и существительные на *-ство*, отчасти сходные с существительными на *-ость*.

В разделе, посвященном имени прилагательному, дается анализ отыменных новообразований на *-ный*, *-овый*, *-ский*, составляющих ядро этого лексико-грамматического класса. Формирование

разрядов прилагательных с иноязычными аффиксальными элементами, активно проходившее в XVIII в., показано на примере образований на *-онный*. Из отглагольных прилагательных рассматриваются новообразования на *-тельный* и *(не-)—емый/-имый*.

Глаголы представлены новообразованиями от именных основ.

Новообразования характеризуются в работе в различных аспектах в зависимости от специфики части речи. В связи с общим направлением работы особое внимание обращается на рассмотрение новообразований в лексикологическом плане. В исследовании дается семантическая классификация слов, объединяющихся как по тематическому принципу, так и по более общим семантическим критериям. На примерах истории отдельных новообразований иллюстрируются типичные процессы, связанные с их вхождением в язык.

Поскольку XVIII век изобиловал синонимичными и тождественными по значению однокоренными параллельными образованиями, особое место в работе занимает анализ однокоренных параллелей, их семантической дифференциации, закрепления в языке одних новообразований и ухода других.

При анализе дериватов обращается внимание на характер семантического соотношения производящей основы и словообразовательного суффикса, на соотносительность производящей и производной основ, без чего не может быть правильно определено значение производного слова.

Для целого ряда лексико-семантических групп новообразований важную роль играет их сочетаемость с другими словами. От характера сочетаемости нередко зависит значение нового слова. Поэтому вопросам сочетаемости в необходимых случаях уделяется особое внимание.

Наряду с семантической характеристикой новообразований в работе затрагиваются вопросы, связанные со словопроизводством: как образуются новые слова, по каким существующим словообразовательным моделям, какие новые словообразовательные типы появились в языке на данном этапе его развития. Эти вопросы, относящиеся к кругу словообразовательных проблем, подчинены в работе раскрытию основной темы.

Освещаются также вопросы функционирования новых слов в языке, определяются сферы их применения, прослеживается их употребительность в определенных жанрах, что дает возможность, в отдельных случаях, судить о стилистической характеристике этих слов.

Как новообразования в работе рассматриваются слова, впервые зафиксированные в книжно-письменных источниках XVIII в. общего и специального назначения, а также слова, получившие в это время широкое распространение. Установление времени появления слов — вопрос чрезвычайно сложный, вызывающий на данном этапе развития исторической лексикографии и лексикологии серьезные затруднения. До сих пор современная

русская лексикология располагает ограниченными данными о первой фиксации слов в письменной речи. Возможности хронологизации разных разрядов слов словарного состава языка неодинаковы. Более точную датировку получают слова, появление которых связано с конкретными явлениями развития языка, либо подтверждается фактами внешней истории. К этому ряду относятся, например, слова, создаваемые по новым для языка моделям, возникающим в связи с развитием внутриязыковых словообразовательных средств, слова, принимаемые языком из других языковых систем, образующиеся на их основе производные и некоторые другие. Значительно бо́льшие трудности представляет датировка других дериватов, в особенности тех, которые образуются по издавна существующим в языке моделям от основ общеславянских или исконно русских. Вопрос о появлении в языке этих слов по ряду объективных причин может быть решен лишь условно, в определенных, более или менее широких хронологических границах. Говоря о появлении того или иного слова, необходимо учитывать, что мы располагаем данными лишь письменной речи и что между возникновением слова в устной речи и его фиксацией в письменной возможен значительный разрыв. Кроме того, одно и то же слово, особенно из числа образующихся по продуктивным моделям, могло создаваться и получать отражение в разных источниках письменной речи независимо, нередко через значительный промежуток времени. Поэтому по отношению ко многим деривационным образованиям в настоящее время следует говорить не о дате, а о периоде их вхождения в язык, принимая за «точку отсчета» этого периода начало регулярного употребления данного слова в письменной речи.[2] Установление окончательной датировки появления слов в письменных памятниках русского языка — вопрос будущего, решение которого станет возможным лишь после создания сводного словника всех слов, содержащихся во всех памятниках письменности до XVIII в.

В связи с отсутствием в нашем распоряжении исторических словарей, которые бы представляли подробную семантическую характеристику словарного состава древнерусского и среднерусского языка, мы не имеем возможности судить о тех семантических изменениях, которые он претерпел в процессе исторического развития языка со стороны образования слов-омонимов. Поэтому дериваты, отмеченные в письменных источниках и словарях до XVIII в., независимо от их семантики, мы не считаем новообразованиями XVIII в. Исключение составили лишь слова, зафиксированные в памятниках и словарях Юго-Западной Руси XVI—XVII вв., представляющих иную языковую систему (в част-

---

[2] О необходимости установления широкого периода для фиксации многих дериватов, появляющихся в языке, см.: Веселитский В. В. Отвлеченная лексика в русском литературном языке XVIII—начала XIX в. М., 1972, с. 80.

ности, в толкующей части словарей П. Берынды и Синонимы славено-росской).[3]

Таким образом, в данной работе, как и в других, имеющих сходный объект исследования, вопрос о датировке новообразований решается лишь условно:[4] новообразованиями мы считаем слова, встретившиеся в обследованных памятниках XVIII в., не отмеченные в использованных исторических словарях, в Картотеке ДРС и специальных исследованиях, оказавшихся в поле зрения авторов работы.

По указанным выше причинам вопрос о датировке новообразований имеет в работе подчиненное значение: эта проблема решается авторами лишь в той мере и постольку, поскольку она позволяет раскрыть основные задачи исследования — показать некоторые тенденции в развитии деривационных образований в письменной речи XVIII в.

---

[3] См. об этом: Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Языковые контакты и заимствования, с. 49.

[4] См.: Романова М. Н. Из истории отглагольных существительных на *-ние*, *-ение*, *-тие* в русском языке XVI в. — Слов'янське мовознавство, II. Київ, 1958, с. 61; Веселитский В. В. Отвлеченная лексика в русском литературном языке XVIII—начала XIX в., с. 17; Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Языковые контакты и заимствования, с. 99.

Новообразования в кругу отвлеченных имен существительных

НОВООБРАЗОВАНИЯ С СУФФИКСОМ *-ОСТЬ*

История развития письменной речи свидетельствует о том, что расширение словарного состава на всех этапах развития языка происходило прежде всего за счет отвлеченной лексики, представленной в значительной части разного рода деривационными образованиями. Наиболее продуктивными разрядами дериватов, постоянно пополнявших лексический состав, являются существительные с суффиксами *-ость* и *-ние*, древнейшими формантами русского языка.

Существительные на *-ость* в XVIII в., как и в последующие периоды развития языка, составили один из самых многочисленных разрядов новообразований.[1] В древнерусском языке количество слов с этими суффиксами было сравнительно невелико, а круг

---

[1] Изучению истории существительных с этим суффиксом уделено большое внимание как в разного рода общих, так и в специальных исследованиях. Наиболее подробное описание исторического развития имен на *-ость* в разных аспектах дано в диссертации: Шанский Н. М. Из истории имен существительных на *-ость* в русском литературном языке. М., 1949. См. также его статью «О происхождении и продуктивности суффикса *-ость* в русском языке» (в сб.: Вопросы истории русского языка. М., 1959). Общая характеристика развития этого разряда слов в XVIII—XIX вв. представлена в соответствующих разделах в книгах: Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного в русском литературном языке XIX в. М., 1964 (автор раздела В. Н. Хохлачева); Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30—90-е годы XIX в. М.—Л., 1965. Обширный круг новообразований на *-ость* XVIII в. представлен в кн.: Hüttl-Worth G. Die Bereicherung des russischen Wortschatzes im XVIII. Jahrhundert. Wien, 1956; в ряду других этот разряд слов рассматривается в работе: Веселитский В. В. Отвлеченная лексика в русском литературном языке XVIII—начала XIX в. М., 1972. Более частным вопросам исторического изучения существительных на *-ость* посвящены диссертация Э. М. Ножкиной «К истории образования имен существительных с суффиксом *-ость* и *-ство* в русском литературном языке» (Саратов, 1962), статья Н. М. Шанского «К истории некоторых слов на *-ость* в русском языке» (Уч. зап. Рязанского пед. ин-та, 1949, в. 8) и др.

прилагательных, от которых они образовывались, — ограниченным.[2] С течением времени структурные связи этого суффикса расширяются, увеличивается его продуктивность. Особенно возрастает она к концу XVII в. Как указывает Н. М. Шанский, конец XVII в. «можно считать датой начала той исключительной продуктивности суффикса *-ость* в русском языке, которая отмечается для современного русского литературного языка».[3] Сферой наиболее широкого распространения имен на *-ость* с исторических времен служили произведения высокой и научной книжности, но уже в древнерусском языке они были распространены во всех жанрах письменности.[4]

Расширение словопроизводственной базы существительных на *-ость*

В источниках XVIII в. фиксируется огромное количество новообразований на *-ость* от различных по структуре основ качественных, значительно реже относительных прилагательных, образованных как по моделям, обладавшим до XVIII в. высокой продуктивностью, так и по моделям, словообразовательная активность которых начинается лишь с XVIII в. В этот период имена на *-ость* образуются от основ почти всех качественных прилагательных без существенных ограничений. В источниках первых десятилетий XVIII в. новообразования еще сравнительно немногочисленны. Преобладающая их часть фиксируется в письменной речи второй половины XVIII в. В основном это производные от основ суффиксальных прилагательных.

В XVIII в. в словопроизводственный процесс вовлекаются все новые ряды отыменных прилагательных, представлявших основу словопроизводственной базы имен на *-ость* до XVIII в. Гораздо более обширный круг, чем в предшествующие периоды, составляют образования от прилагательных с глагольными и глагольно-именными основами, что является характерной особенностью структурного развития этого разряда слов в XVIII в. Соответственно наибольшей продуктивностью отличаются в этот период модели образования имен на *-ость* от основ прилагательных с общим суффиксальным формантом отыменного и отглагольного происхождения с преобладанием последних либо от основ исключительно отглагольных прилагательных.[5]

На протяжении всего XVIII в. существенно расширяется круг образований от основ одного из самых многочисленных

---

[2] Шанский Н. М. О происхождении и продуктивности суффикса *-ость* в русском языке, с. 128.
[3] Там же.
[4] Там же, с. 121.
[5] Словообразовательная структура производящего характеризуется в работе на уровне словообразовательных (не этимологических) связей в языке XVIII в.

в языке разрядов прилагательных с суффиксом *-н-*, отличавшихся высокой продуктивностью до XVIII в. В сферу письменной речи продолжают вовлекаться производные от основ отыменных прилагательных. В этот период появляются такие слова, как *вещность, главность, законность, заочность, истинность, кровность, ложность, молочность, необычайность, овальность, опытность, остроконечность, подводность, поднебесность, попутность, порубежность, посторонность, правильность, пристрастность, сердечность, совестность, сочность, статность, степенность, телесность, усердность, успешность, уютность, чудесность, щелочность* и др.

Еще в бо́льшем количестве в источниках XVIII в. представлены образования от основ глагольных и глагольно-именных прилагательных с суффиксом *-н-*. См., например: *видность, движность, душность, закрытность, звучность, знатность, зычность, мешкотность, мыльность, наклонность, нежность, оплошность, ослушность, отбытность, открытность, отличность, подвержность, порывность, превратность, прибавность, приемность, приклонность, протяжность, рассудность, складность, сложность, уборность, шумность* и др.[6]

В XVIII в. продолжается активное образование существительных на *-ость* от основ отглагольных прилагательных с суффиксом *-л-*. В источниках первой половины XVIII в. такие новообразования сравнительно немногочисленны: *застылость, заунылость, омерзелость, отлеглость, протяглость, пухлость.* Значительно больше их наблюдается в источниках второй половины XVIII в. См., например: *блеклость, возмужалость, дорослость, загрубелость, задеревенелость, затхлость, навыклость, небывалость, обветшалость, огорелость, одеревенелость, окаменелость, окреплость, омертвелость, онемелость, опустелость, остылость, оцепенелость, перегорелость, подопрелость, престарелость, прилеглость, раздобрелость, устарелость, цепенелость, чахлость* и др.

Наряду с ростом имен на *-ость* по широко известным моделям, в XVIII в. активизируется образование слов по моделям, которые до этого времени были представлены в письменной речи лишь отдельными дериватами или ограниченным рядом слов. Растет продуктивность образований на *-ость* от основ прилагательных отыменного и отглагольного образования с суффиксом *-к-*. Бо́льшую их часть (от глагольных и глагольно-именных основ) отмечают преимущественно источники второй половины XVIII в.

[6] Большой ряд новообразований составили также слова, в значительной своей части соотносительные не только с прилагательными, но и с соответствующими бесприставочными существительными на *-ость*: *беззрачность, безъизвестность, безобразность, безопытность, безответность, безотвязность, безрассудность, безутешность, беспредельность, беспрерывность, бессильность, бессловесность, бессомненность, бессонность, бесстыдность, бестелесность, бестолковость, бесхарактерность, бесхитростность, бесчеловечность, бесчинность* и др.; *неизбежность, ненасытность, неподлежность, непорочность, непроторность, несговорность, неустройность, неусыпность и* др.

См., например: *бойкость*, *верткость*, *вязкость*, *громкость*, *едкость*, *звонкость*, *знобкость*, *зоркость*, *зыбкость*, *каткость*, *клейкость*, *ковкость*, *колкость*, *маркость*, *меткость*, *мылкость*, *робкость*, *скользкость*, *цепкость*, *хлюпкость*, *хрупкость*, *шаткость* и др.

Значительно возрастает, особенно во второй половине XVIII в., количество имен на *-ость* от основ прилагательных с суффиксом *-енн*, глагольного и глагольно-именного образования. В их числе такие, например, слова, как *влюбленность*, *возвышенность*, *впаренность*, *доверенность*, *изнеженность*, *испорченность*, *надменность*, *обнаженность*, *ограниченность*, *определенность*, *отверженность*, *отвлеченность*, *отраженность*, *подчиненность*, *приверженность*, *развращенность*, *раздраженность*, *расширенность*, *сокращенность*, *сокровенность*, *удаленность*, *уравненность*, *ухищренность* и др.,

Более ограниченным кругом слов представлены в источниках той поры новообразования от отыменных прилагательных: *беременность*, *болезненность*, *временность*, *жизненность*, *неприязненность*, *пламенность*, *постепенность*, *рукомесленность*, *современность* и др.

В меньшем количестве, и также в основном во второй половине века, появляются существительные именного и глагольно-именного образования от основ прилагательных с суффиксом *-ственн-*: *бодрственность*, *божественность*, *величественность*, *вещественность*, *девственность*, *излишественность*, *нравственность*, *общественность*, *ответственность*, *отечественность*, *соответственность*, *сходственность*, *таинственность*, *торжественность*, *чувственность*, *явственность* и др.

Высокую продуктивность приобретают во второй половине XVIII в. существительные от основ отглагольных и глагольно-именных прилагательных с суффиксом *-лив-*, соотносительные с глаголами и отглагольными существительными: *блудливость*, *бодливость*, *болтливость*, *бранливость*, *брыкливость*, *брюзгливость*, *ворчливость*, *гнусливость*, *заботливость*, *завистливость*, *задумчивость*, *запасливость*, *копотливость*, *кропотливость*, *огурливость*, *податливость*, *потачливость*, *потливость*, *пужливость*, *работливость*, *рассудливость*, *скучливость*, *спорливость*, *ссорливость*, *страшливость*, *трусливость*, *угодливость*, *ужасливость*, *услужливость*, *хвастливость*, *хрипливость*, *шумливость*, *шутливость*, *щекотливость* и др.[7]

В письменных источниках второй половины XVIII в. представлены почти все отмеченные новообразования на *-ость* от основ отглагольных прилагательных с суффиксом *-чив-*: *влюбчивость*, *возмерчивость*, *вспыльчивость*, *доверчивость*, *забывчивость*, *задумчивость*, *запрометчивость*, *застенчивость*, *напорчивость*, *обманчивость*, *порывчивость*, *предприимчивость*, *приборчивость*, *пре-*

---

[7] Имена на *-ость* от прилагательных с именной основой представлены среди новообразований лишь единичными примерами: *слезливость*, *сонливость*, *уродливость*.

рывчивость, *привязчивость*, *прилипчивость*, *приманчивость*, *притворчивость*, *разбивчивость*, *разборчивость*, *уборчивость*, *увивчивость*, *увязчивость*, *уклончивость*, *урывчивость*, *уступчивость* и др.[8]

Особенно увеличивается в XVIII в. рост новообразований на *-ость* от основ прилагательных на *-тельный*. Как и ранее рассмотренные, эта модель становится продуктивной во второй половине XVIII в. В источниках 50—70-х годов фиксируется довольно значительный ряд таких слов: *властительность*, *вместительность*, *медлительность*, *неосмотрительность*, *неупотребительность*, *окончательность*, *основательность*, *ощутительность*, *повелительность*, *рачительность*, *снисходительность*, *сомнительность*, *удостоверительность*, *устремительность* и др.

Еще больше существительных на *-тельность* встретилось в материалах последних десятилетий: *блистательность*, *блюстительность*, *вникательность*, *вредительность*, *выразительность*, *заразительность*, *касательность*, *мечтательность*, *мнительность*, *мстительность*, *надеятельность*, *настоятельность*, *оберегательность*, *оборонительность*, *общительность*, *огорчительность*, *питательность*, *погрешительность*, *подражательность*, *претительность*, *привлекательность*, *признательность*, *продолжительность*, *проницательность*, *раздражительность*, *решительность*, *соблазнительность*, *сострадательность*, *старательность*, *существительность*, *убедительность*, *уверительность*, *усладительность*, *утомительность*, *язвительность* и др.

Во второй половине XVIII в. окончательно формируется еще одна новая структурная модель образования существительных на *-ость* — от основ отглагольных прилагательных с суффиксом *-уч-/-юч-*. Об этом свидетельствуют данные «Словаря Академии Российской» (1789—1794 гг.),[9] впервые в лексикографии фиксирующего ряд таких существительных. См., например: *гниючесть*, *едучесть*, *колючесть*, *летучесть*, *линючесть*, *могучесть*, *пахучесть*, *сыпучесть*, *текучесть*, *тягучесть* и др. Однако обследованные материалы свидетельствуют еще об ограниченной употребительности этих образований в источниках XVIII в.

В это же время наблюдается рост имен на *-ость* от основ отглагольных прилагательных и страдательных причастий настоящего времени с суффиксом *-им-/-ем-*.[10] Наиболее многочисленную группу составляют новообразования на *-имость*, представленные преимущественно производными от основ прилагательных с приставкой *не-*.[11] См., например, в источниках первой половины

---

[8] В источниках первой половины XVIII в. отмечено всего лишь несколько таких новообразований: *нахальчивость*, *переимчивость*, *переменчивость*.

[9] Далее: «Словарь Академии Российской».

[10] Об активизации образования имен на *-ость* от основ причастий на *-м-* см.: Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного. . ., с. 110.

[11] О высокой продуктивности этих прилагательных в XVIII в. см. в разделе «Новообразования в кругу прилагательных», с. 236.

XVIII в.: *недвижимость*, *неизмеримость*, *необходимость*, *непоколебимость*, *неразрешимость* и некоторые другие; в источниках второй половины XVIII в.: *невредимость*, *независимость*, *незримость*, *неизбежимость*, *неизлечимость*, *неизъяснимость*, *неизследимость*, *неисчислимость*, *неключимость*, *ненарушимость*, *ненасытимость*, *необоримость*, *непреоборимость*, *непроходимость*, *неразрушимость*, *нерешимость*, *нетерпимость*, *неустрашимость*, *неутомимость* и др.[12]

Существительные от основ прилагательных и причастий с суффиксом *-ем-* представлены в имеющихся материалах более ограниченным количеством примеров. Они встретились лишь в источниках второй половины XVIII в. См., например: *въемлемость*, *гиблемость*, *зыблемость*, *колеблемость*, *некончаемость*, *неожидаемость*, *непременяемость*, *обитаемость*, *переменяемость*, *прозябаемость*, *растираемость*, *сгараемость*, *чаемость* и др.

Менее продуктивными были в XVIII в. имена на *-ость* от основ отглагольных прилагательных и страдательных причастий с суффиксом *-анн-/-янн-*, которые, так же как большинство образований с суффиксом *-им-/-ем-*, отмечены в источниках второй половины XVIII—начала XIX в. См. примеры: *замешанность*, *избалованность*, *избранность*, *начитанность*, *необузданность*, *несказанность*, *отчаянность*, *обдуманность*, *обработанность*, *обязанность*, *постоянность*, *привязанность*, *рассеянность*, *сохранность*, *счетанность* и др.[13]

Непродуктивными, в отличие от рассмотренных выше, были в XVIII в. имена на *-ость* от прилагательных, образующихся только от именных основ.[14] В источниках первой половины XVIII в. отмечены единичные образования от прилагательных с суффиксами *-ав-*, *-ит-*, *-овит-*: *величавость*, *знаменитость*, *сановитость*, *худощавость*; в источниках второй половины XVIII в. — от основ прилагательных с суффиксом *-ат-*: *кончатость*, *мохнатость*, *чреватость*; *-ов-*: *багровость*; *-овн-*: *виновность*, *сановность*, *членовность*; *-ит-*, *-овит-*: *домовитость*, *духовитость*, *именитость*, *красовитость*, *племенитость*, *страховитость*, *яровитость*; *-ав-/-яв-*: *картавость*, *кудрявость*, *курчавость*, *моложавость*, *шершавость* и некоторые другие.

---

[12] От других прилагательных и причастий в обследованных материалах новообразования представлены ограниченным рядом слов. См., например, в источниках первой половины XVIII в.: *делимость*, *измеримость*, *разделимость*, *страшимость* и др.; во второй половине XVIII в.: *зависимость*, *преходимость*, *решимость*, *терпимость* и др.

[13] В источниках первой половины XVIII в. с суффиксом *-анн-/-янн-* отмечены лишь слова *преданность*, *непостоянность*, *нечаянность* и некоторые другие.

[14] Рост продуктивности существительных на *-ость* от прилагательных с именными основами произойдет позднее, в XIX в., за счет образований от основ прилагательных с иноязычными суффиксальными элементами *-арн-*, *-ичн-*, *-озн-* и др. См.: Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного, с. 109.

Исключение составили лишь существительные на *-ость* от основ отыменных прилагательных с суффиксом *-оват-/-еват-*, обозначающие уменьшенную степень качества. С довольно последовательной регулярностью они представлены в «Словаре Академии Российской». См., например: *иловатость*, *кисловатость*, *коротковатость*, *косоватость*, *моложеватость*, *плосковатость*, *светловатость*, *сутуловатость*, *тиноватость*, *угрюмоватость*, *черствоватость* и многие другие. Однако почти полное отсутствие слов с этим суффиксом в источниках [15] свидетельствует об их неупотребительности в сфере письменной речи XVIII в.[16]

Вследствие систематического регулярного образования имен на *-ость* и высокой их продуктивности многие слова с этим суффиксом в XVIII в. образовывались не по строгим канонам словообразования, а по аналогии, минуя исходные ступени словопроизводства.[17] Примером таких образований в XVIII в. могут служить *шалость* (по глаголу *шалить*), *торопость*, *скатость;* слова *решимость*, *переменяемость*, *разделимость*, *надеянность*, *раскаянность*, *примиримость*, *предосторожность*, не имеющие в общем употреблении соотносительных прилагательных и причастий; отмеченное у Посошкова окказиональное образование *нивочтожность*, соотносительное со словосочетанием [18] и др.

По тем же причинам возникали предпосылки для переразложения основ и появления сложных суффиксов. Уже в XVII в. под влиянием образований на *-ость* от основ прилагательных

---

[15] В обследованных источниках отмечены единичные случаи употребления таких слов. См., например: «Какое другое насекомое летит жузжа, покрытое бронею черною и носящее на крылах красноватость блистающую?» (Гесн. Идил. 118).

[16] Новообразования от других структурных разрядов — от основ коренных и сложных прилагательных — представлены в источниках XVIII в. в соответствии с их общим количеством в словарном составе языка и степенью их освоенности: производные от основ коренных прилагательных — ограниченным кругом слов, см., например: *алость*, *голость*, *ражесть*, *рыжесть*, *рьяность*, *рябость*, *седость*, *сизость*, *хилость*, *чивость* и др. Более многочисленны имена от основ сложных прилагательных, среди которых производные с первой частью *благо-*: *благозрачность*, *благонамеренность*, *благонравность*, *благодарность*, *благотворительность*, *благоумность* и др.; *высоко-*: *высокодумчивость*, *высокопарность*, *высокоученость*; *добро-*: *добросердечность*, *добросовестность*; *мало-*: *малочисленность*, *малоопытность*, *маловажность*; *много-*: *многоречивость*, *многочисленность*; *скоро-*: *скоропостижность*, *скороспелость*, *скоротечность*; см. также образования от основ других прилагательных: *двусмысленность*, *двуличность*, *достопримечательность*, *дружелюбность*, *единообразность*, *косоглазость*, *кратковременность*, *легковерность*, *лучезарность*, *миловидность*, *общеполезность*, *противоположность*, *равноценность*, *разнообразность*, *целомудренность*, *чистоплотность*, *чистосердечность* и др.

[17] См. об этом также: Веселитский В. В. Отвлеченная лексика в русском литературном языке XVIII—начала XIX в., с. 81—82.

[18] См. пример: «Токмо о себе и о своем разуме высокая помышляет, всех же православных христиан. . . нивочтожность вменяет» (Пос. Зерк. 21).

с суффиксом *-н-* в ряде слов выделяется суффикс *-ность*[19] (*живность*, *горячность*, *готовность* и некоторые другие). В XVIII в. этот ряд пополняется еще несколькими словами — *будущность*, *сущность*. Но продуктивным суффикс не становится. Приведенные выше примеры слов на *-ость* (с отсутствующими в сязыке соотносительными причастиями и прилагательными с суффиксами *-им-/-ем-*, *-анн-/-янн-*) свидетельствуют о существовании в словообразовательной системе в это время также других сложных суффиксов *-имость/-емость*, *-анность/-янность*.[20]

По сравнению с множеством слов от основ прилагательных с русскими и славянскими основами имена на *-ость* от прилагательных с иноязычными основами встречаются в памятниках XVIII в. в очень небольшом количестве. По нашим подсчетам они составляют около 2% общего количества новообразований на *-ость*.[21] Больше всего среди них слов от основ прилагательных с суффиксом *-н-*. В источниках XVIII в. отмечены следующие примеры: «Сегодня для уверения газеты аглинския к послу великобританскому к лорду Таузену на обличение индискретности канцелярии их в деле великаго секрета отослал я с прилежным прошением» (АК IV 252 1710); «Ея Императорское Величество о сем деле декларацию в Польше учинить повелела, что все такия безпокойства с индиферентностию снести не может» (АВ III 53 1749); «За неаккуратностию имеющихся при помянутых офицерах морских квадрантов, в одном месте, по разных их обсервациям, находятся ширины тех мест меж собою разнственны» (МАН X 421 1750); «При этом процеживании много тратится летучих частиц, заключающих в себе мушкатную ароматность» (Сл. пов. V 199); «В замену материи, видим множество новых слов, которыми ни один еще Руской Лексикон не украшен: . . .Фигурность» (ММ III 45). См. также: *азартность*, *индисциплинность*, *аккуратность*, *деликатность*, *субтильность*, *мизерность* и другие.

В источниках этого времени отмечены производные от основ прилагательных с суффиксом *-альн-*: «А персональности я не вмешиваю» (АВ III 275 1757); «Минодора: Я. . . принимала вас безо всякой церемонияльности и без фасоний» (Сум. Мать 76); «Целость, оригинальность! вы во всем драгоценны» (Кар. ПРП III 230); «Здешний двор ясно и точно решен оставаться в нейтральности» (Пис. Репн. 169 1798); «Филологи светские завлеченные одного прелестью сердечности *. . .*Сентиментальности, если позволят так перевесть» (Корифей I 4). См. также: *натуральность*,

---

[19] О суффиксе *-ность* см.: Шанский Н. М. Основы словообразовательного анализа. М., 1953, с. 28.

[20] См.: Шанский Н. М. О происхождении и продуктивности суффикса *-ость* в русском языке, с. 129.

[21] В современном языке существительные на *-ость* составляют 16.5% от общего числа слов с этим суффиксом. Подсчеты произведены по данным словаря: Bielfeldt H. H. Rückläufiges Wörterbuch der russischen Sprache der Gegenwart. Berlin, 1958.

национальность, пропорциональность, пунктуальность и некоторые другие. Образования от иноязычных основ прилагательных с другими суффиксами представлены лишь отдельными примерами: «Объявляю сим письмом без всякой фальшивости, так мне здешняя бытность противна и скучна» (АК III 325 1706); «Через некоторое время они приметили, что ударов было всегда двадцать четыре. Долго думали они, что бы значила сия регулярность» (МЖ II 174); «Могут находящиеся на нем люди для покупки нужных к содержанию своему припасов употребить деньги из суммы, назначенной на экстренности» (АВ XXIV 212 1792). См. также: *куриозность, прозаичность, фамилиарность* и некоторые другие.[22]

Пополнение разряда имен на *-ость* происходит в XVIII в. также за счет прямых заимствований из польского языка. Тесные контакты России с Польшей в XVII—начале XVIII в. несомненно способствовали не только активизации такого рода слов в русском языке, но и пополнению его словарного состава. Но в письменных памятниках первой трети XVIII в. это не получило широкого отражения. Например, в Словаре Н. А. Смирнова отмечено всего 3 слова, заимствованных в Петровскую пору из польского языка: *готов(н)ость, шляхетность* и *субтильность.* Из них *готов(н)ость* и *шляхетность*, как свидетельствуют данные Картотеки ДРС, были известны в русском языке до XVIII в.[23] Слово *субтильность* вошло в широкое употребление в XVIII в., но пути его появления в языке могли быть различны. Так, Н. М. Шанский склонен рассматривать это слово как заимствование из языка Юго-Западной Руси, западнорусских памятников.[24] Исторический словарь польского языка Линде фиксирует его в значении 'тонкость' в памятниках второй половины XVII в., что указывает на возможность непосредственного заимствования этого слова из польского языка. Наконец, не исключено, что оно могло быть образовано на русской почве от заимствованного прилагательного *субтильный* (лат. subtilis), имевшего в языке XVIII в. уже довольно широкое распространение.

Помимо слов, указанных Н. А. Смирновым, к числу заимствований из польского может быть отнесено отмечаемое в конце XVII—первой половины XVIII в. слово *приемность* (польск. przyemność) 'дружеский прием', имеющее в языке-источнике

---

[22] Примеры имен на *-ость* от прилагательных с заимствованными основами см. также в кн.: Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Языковые контакты и заимствования. (Из серии «Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века», под ред. Ю. С. Сорокина). Л., 1972, Словарь вхождений и словоуказатель.

[23] См. примеры употребления этих слов в источниках XVII в.: «Лист писан к Польскому ж королю Казимеру. . . с посланным стряпчим о готовности на съезд» (ДТП 1 642 1683); «Тарсия. . . рекла ему с великим плачем о. . . княже одолей свои прироженный шляхетности умысл» (РД 41 1688).

[24] Шанский Н. М. О происхождении и продуктивности суффикса *-ость* в русском языке, с. 126.

то же значение. См. примеры употребления этого слова в языке конца XVII—первой половины XVIII в.: «. . .и как им была от цесаря Римскаго приемность и почтение и увеселение» (Пут. Толст. I 149); «И не хотя. . . чтоб было что в церемониях приемности противно мне» (АК II 208 1710).

В языке первой трети XVIII в. встречаются также такие слова, как *многость*, *сердитость*, *светлость*, *людскость*: «И яко дом четвероуголный бывает высоту же его многость числа образует» (Арифм. Магн. 60); «На Белое море тяжелые пушки ставят, а на Черное море — легкие за сердитость его» (ПБП III 213 1704); «У запечатленных людей ум омрачен есть, и того ради ходит и глаголет, яко вне ума своего, и всякая светлость ему темна есть» (Пос. Зерк. 48); «От тех фонарей в Вене по вся почти бывает по улицам и переулкам великая светлость» (Пут. Толст. I 326); «Казать всякою лютскость» (ПБП II 243 1703); «Действия, которыя творим по самои должности человекаприятства или людскости, различна суть от оных, которыя по договору и по обещанию совершенному долженствуем правилно и чинно творити» (Пуф. ДЧ 190) [25] и др.

Более ранняя фиксация слов mnógość, sierditość, swietlość и ludskość в польском языке [26] может свидетельствовать о их проникновении из этого языка в русский. Но в равной мере эти слова могли появиться и как новообразования от основ известных уже в древнéрусском языке прилагательных *мъногыи*, *сердитыи*, *свѣтьлыи*, *людьскыи* (отмечены в Словаре Срезневского). Равно как широкое употребление в языке XVII в. прилагательного *приемный* [27] не исключает возможности образования соотносительного по значению слова *приемность* от основы прилагательного на русской почве.

Целый ряд слов, имеющих соответствия в польском языке, утверждается в русском языке во второй половине века. См., например, такие слова, как *маловажность* (małoważność), *овальность* (owalność), *огромность* (ogromność), *опустелость* (opusciałość), *оригинальность* (oryginalność), *остылость* (ostygłość), *понурость* (ponurość), *предвечность* (przedwieczność), *пунктуальность* (punktualność), *регулярность* (regularność), *самолюбность*

---

[25] См. также употребление в языке XVIII в. слова *нелюдскость*: «Сие знание заведет его в некоторой род нечувствительности, да и самой нелюдскости» (Действ. чел. 34).

[26] Словарь Линде отмечает употребление первых трех слов начиная с XVI в. О слове *людскость* как возможном заимствовании из польского см.: Орлов А. С. «Тилемахида» В. К. Тредиаковского. — В кн.: XVIII век. Сборник статей и материалов. М.—Л., 1935, с. 51.

[27] См. один из примеров употребления прилагательного *приемный* в языке XVII в.: «И где того к дружбе вечной крепче, что безпошлинной торг? Во всех землях похвально и приемно, и учинено, показывая всему свету великого Государя царя. . . такое доброхотение к постоянному вечному миру» (ДАИ V 20 1665—1666).

(samolubnošč), *складность* (składnošč), *слизкость* (šlizkošč), *стыдливость* (wstydliwošč) и некоторые другие.

Однако если для указанных слов, вошедших в употребление в первой трети XVIII в., польский язык является одним из возможных источников заимствования, то для существительных, появившихся в языке во второй половине XVIII в., когда польский язык окончательно утрачивает свое влияние, такой путь проникновения в русский язык является уже менее вероятным. Очевидно, такие существительные образовывались по общему типу — от основ соответствующих прилагательных, бытовавших в то время в русском языке.

Таким образом, представляется, что вопрос о расширении лексического состава существительных на *-ость* в первой трети XVIII в. за счет прямых заимствований из польского и языка Юго-Западной Руси [28] должен решаться относительно каждого слова особо, с привлечением обширных дополнительных материалов по исторической лексикологии русского, украинского и белорусского языков.

Активизация старых и рост продуктивности новых моделей сопровождается в XVIII в. вовлечением в словопроизводство более разнообразных по сфере распространения и стилистической функции прилагательных. Наряду с образованиями от основ стилистически нейтральных слов, составлявших основную часть новообразований, а также являвшихся специфической принадлежностью «высокого» слога, существительные на *-ость* все чаще образуются от основ слов, употреблявшихся в разговорной речи, нередко имевших отрицательно-экспрессивную окраску.[29] Особенно показательными примерами таких новообразований являются существительные на *-ость*, получившие в «Словаре Академии Российской» пометы «просторечное» или «простонародное», а также существительные, имеющие общую основу с другими производными словами того же корня, сопровождаемыми в этом словаре указанными пометами. Наиболее многочисленны в этом ряду образования от основ прилагательных с суффиксом *-лив-*. См., например: «**Возгривость**. В просторечии. Сопливость» (I 804); «**Бурливость**, п р о с т о н. Склонность к бурлению» — ср.: «**Бурливый**. . . 2) В отношении к лицу употребляется в смысле * и в простореч. Не спокойный, шумливый» (I 390); «**Кропотливость**. Брюзгливость; склонность, привычка брюзжать» — ср.: «**Кропочу**, кропотать, п р о с т о н. Брюжжу, ворчу» (III 970); «**Огурливость**. Ослушание, упрямство» — ср.: «**Огурь и Огурник**, п р о с т о н а р о д н. Ослушник, упрямец» (IV 618); «**Збойливость** Склонность, способность к пронырству, увертливости, лукав-

---

[28] См.: Ш а н с к и й Н. М. О происхождении и продуктивности суффикса *-ость*. . ., с. 129.

[29] Пр оникновение имен на *-ость* в сферу просторечия отмечает Г. П. Князькова (Русское просторечие второй половины XVIII в. Л., 1974, с. 101—102).

ству» — ср.: «**Збой**, п р о с т о н а р. Пронырливость, ухищрение» (I 190); «**Болтливость**»[30] — ср.: «**Болтаю**. . . 2)* В просторечии а) Не ясно, не вразумительно говорю. б) Пустословлю, суесловлю, пустое, неосновательное или без нужды что-нибудь говорю» (I 272—273). К этому же ряду относятся такие слова, имевшие стилистически сниженную окраску, как *прожорливость*, *обжорливость* и некоторые другие образования с другими суффиксами — *забулдыжность*, *мозглявость* (см. в САР: «**Мозглявость**.* Чахлость, чрезвычайная худощавость» — ср.: «**Мозглявый**. То же, что мозглый, весьма худощавый во 2-м смысле»; «**Мозглый**. . . 2)* В просторечии: чахлый, весьма худощавый» (IV 127)) и некоторые другие.

Одновременно с количественным ростом имен на *-ость* в XVIII в. происходит дальнейшее расширение сферы их распространения. Помимо памятников делового и научного характера, остававшихся, как и прежде, основной областью образования и употребления значительной части имен на *-ость*, в XVIII в. по мере развития языка, сложения его норм, формирования новых стилей и жанров существительные с этим суффиксом получают все более широкое распространение не только в нейтральной общеупотребительной письменной речи, но также и в произведениях, отражающих разговорную речь и просторечие. В это время они уже составляют неотъемлемую часть лексического состава изданий периодической печати, широко представлены в записках путешествий, дневниках, письмах, в различных жанрах художественной литературы не только «высокого», «среднего», но и «низкого» стилей. См. примеры употребления ряда указанных слов в источниках XVIII в.: «Стихотворцы описуют счастие с плешивою головою, оставя косу волосов на самом только лбу; для того говорят, что надобно счастье хватать пока к нам смотрит и пока не оборотит к нам зад; понеже тогда за его плешивостию, не за что будет его ловить» (Кант. Сат. V 133); «Сие утишит беспрестанное волнение ея крови, и произведет то, что она кропотливостию своею сама будет гнушаться» (Трут. 1769 215); «Я было думал наслаждаться веселостями, которых в вашем городе нашел я очень довольно, но злость и болтливость лишили меня сего удовольствия» (Трут. 1769 67); «По случаю нравов, проповедей, брюзгливости и скуки, ибо чего не говорено! он думал, и не ошибся, что развеселит беседу, передразнивая Банина» (С.-Меран 205); «В нем столько много человеколюбия и к одолжению охотливости, что иначе не могу оное приписать, как к доброте его качеств» (Рад. ПСС III 395).

Большое количество деривационных новообразований, в том числе имен на *-ость*, появляется в XVIII в. в переводных источниках при подборе отсутствовавших в русском языке лексических

---

30 Слово не отмечено в «Словаре Академии Российской».

эквивалентов, тождественных по значению иноязычным словам, или под непосредственным их влиянием.

С противоположной целью — для замены иноязычных слов образованиями русского языка — вводили в употребление деривационные новообразования сторонники так называемого «пуристического» направления, боровшиеся за очищение языка от иностранных слов, что также явилось одной из частных причин роста дериватов.

В ряде случаев наряду с малоизвестными в языке словами (нередко это структурные кальки и полукальки) в источниках XVIII в. приводятся их иноязычные аналоги. См., например: «Действуют наш ум поминая вещи Просто. . . Разумностию (Intelligentia), или Разумом (Purus intellectus). . . иногда познавает он Чувственностию (Sensatio), . . . вещи телесные. . . посредством пятерицы оныя Чувств» (Тред. СП I 433); «Разделения такой науки философии понятой в такой общественности (généralité) были произвольныя» (ПЭ I 12); «Основательность (soliditas) есть искусство уметь так связывать свои умствования, чтоб из одного предложения выходило другое» (Коз. ФП 86); «Видывали весьма довольно в свете сих метафисических умов идущих столь далеко со своими отделительностями (д) и раздробительностями (е), что терялись во облаках и наполнили свои сочинения. . такими мнениями, кои не что иное суть, как бредни. д) abstraction; е) précision» (Муратори I 209—210); «Изобретение денег или другой подобной равноценности *. . . облегчило и умножило сие распространение в тем большей степени. *Aequivalent» (Приб. МВ 1783 2—3); «Великий успех сей пиесы надобно приписать интересным подробностям (détails) и сильным стихам, которыми она наполнена» (МЖ IV 354); «Я люблю постепенность (gradation) слов. Сперва напишу книгу, а после думаю, как назвать ее» (ВЕ II 129); «Судьба обеих держав составляет любопытнейшую часть европейской политики и которые столь важны в истории гражданственности (civilisation)» (ВЕ II 375); «Допустите (balance) равносторонность вывоза; допустите (concurrence) соторжку других народов — и вы увидите, что мы выиграем третью долю оборота!» (Корифей I 154) и др.

Иногда подобные новообразования поясняются более известными в языке словами (в том числе заимствованными). См., например: «Однако, сколько сие второе мнение ни сильно и ни Хитро есть в Созерцательности (в Феории); но первое оное в самой деятельности (в Практике) превозмогает» (Тред. Тилем. I III); «Философы выводят свои генеральные правила, или заключения из генеральности или общественности вещей или случаев на свете» (Коз. Расс. 243); «Мы не знаем внутренних теснейших их соединений, ни соразмерности, или пропорции» (СПб. ж. I 295) и др.

Но все это лишь наиболее очевидные случаи образования производных слов, и в том числе имен на *-ость*, под влиянием иноязычной лексики или в противовес ей. Как пра-

вило, дериваты, создававшиеся по аналогии со словами других языковых систем или под их влиянием, не сопровождались в письменных источниках указаниями на их иноязычный эквивалент. Выявление круга таких слов — проблема чрезвычайно сложная, так как факторы внешнего лексического воздействия накладываются при этом на факторы внутреннего развития лексической системы языка.[31]

Увеличению количества дериватов в XVIII в. в известной мере способствовало наличие в языке множества тождественных по значению однокоренных разносуффиксальных образований, что определялось спецификой языковой нормы того времени. Вовлеченные в следующую ступень словопроизводства, эти слова порождали новые ряды дублетов. См., например, образование тождественных по значению имен на *-ость* от основ однокоренных разносуффиксальных прилагательных: *безбоязненость — безбоязность, беззаботность — беззаботливость, бескорыстность — бескорыстливость, бодренность — бодрственность, задумчивость — задумливость, копкость — копотливость — копоткость, недоверчивость — недоверенность — недоверность, неизбежность — неизбежимость, ненасытность — ненасытимость, нерешительность — нерешимость, отличность — отличенность, порывность — порывчивость, приметность — приметливость, притворность — притворчивость, протяжность — протяглость, распускность — распустность — распустительность, рассудность — рассудливость, страховатость — страховитость, стремливость — стремленность, уборность — уборчивость, ужасность — ужасливость, уклонность — уклончивость, упругость — упружность, услужливость — услужность, чистосердечность — чистосердность* и др. Наблюдаются также случаи образования в XVIII в. вариантных форм имен на *-ость* от вариантных основ прилагательного. См., например: *ворkливость — ворчливость — ворчаливость*.

Итак, рассмотрение существительных на *-ость*, появившихся в языке XVIII в., с точки зрения их структурно-морфологического строения свидетельствует, что их образование происходило преимущественно от прилагательных с глагольными и глагольно-именными основами.

---

[31] См: Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Языковые контакты и заимствования, с. 293. Попытка рассмотреть появление значительного ряда новообразований XVIII в. под влиянием лексики других языков предпринята в книге Г. Хюттль-Ворт («Die Bereicherung des russischen Wortschatzes im XVIII. Jahrhundert»). Материалы такого рода содержатся также в книгах: Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. М., 1938; Кутина Л. Л. 1) Формирование языка русской науки. М.—Л., 1964; 2) Формирование терминологии физики в России. Л., 1966; Левин В. Д. Очерки стилистики русского литературного языка конца XVIII—начала XIX в. М., 1964, и др.

Такие слова создавались как по ранее известным моделям (от основ прилагательных с суффиксами *-л-*, *-н-*), так и по сравнительно новым для XVIII в. моделям (от основ прилагательных с суффиксами *-к-*, *-енн-*, *-лив-*, *-чив-*, *-тельн-*, *-им-/-ем-*, *-уч-/-юч-*). В языке первой половины XVIII в. эти модели были представлены лишь небольшим количеством примеров, а некоторые (например, с суффиксом *-тельн-*) даже отдельными словами. Продуктивными они становятся только во второй половине века.

«Глагольная ориентация» новообразований с суффиксом *-ость* в языке XVIII в. еще более подчеркивается ростом продуктивности таких существительных от основ страдательных причастий, которая особенно заметно возрастает к концу века.

Невелик в числе новообразований XVIII в. процент слов, образованных от прилагательных с иноязычными основами, и прямых заимствований.

Состав этой категории слов увеличивается в XVIII в. также за счет значительно более широкого вовлечения в словопроизводство прилагательных, относящихся к разговорной и просторечной лексике.

Семантическая характеристика новообразований на *-ость*

В XVIII в. существительные на *-ость* образуются в основном в тех же значениях, которые были свойственны этому разряду слов в предшествующие исторические периоды. В кругу новообразований представлены два основных семантических разряда: 1) имена с отвлеченным значением, обозначающие абстрактные понятия; 2) имена, обозначающие конкретные понятия, предметные и непредметные.[32]

Из факторов, определяющих семантику имен на *-ость*, наряду со словообразовательным наиболее существенны: 1) характер производящей основы слова, его лексические и грамматические особенности; 2) степень лексической зависимости производного слова от производящего.[33] Одни существительные сохраняют тесную семантическую связь с соотносительным прилагательным. В основном это образования от основ качественных, значи-

[32] В связи с тем, что имена на *-ость* обозначают множество различных понятий, их деление на отвлеченные и конкретные не имеет резко очерченной границы. Наиболее очевидные примеры этих семантических разрядов представляют слова, занимающие в них крайние позиции. Ср.: *материальность* (вещества) и *жидкость* (жидкое вещество). О принципах разграничения абстрактных и конкретных имен см.: Степанова В. В. К вопросу о выделении абстрактных имен в составе существительных. — Уч. зап. Ленинградского пед. ин-та им. А. И. Герцена, т. 293. Л., 1968; Межсловные семантические связи абстрактных существительных в современном русском языке. — XX Герценовские чтения. Филологические науки. Программа и краткое содержание докладов 13 апреля—27 мая 1967 г. Л., 1967, с. 86—89.

[33] См. об этом: Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка, с. 189.

тельно реже относительных прилагательных. Значения других имен на *-ость* более обособлены или являются самостоятельными знаками особых понятий (Ю. С. Сорокин). Такие семантические единицы образуются от основ как качественных, так и относительных прилагательных.

Существительные с отвлеченным значением

Преобладающую часть отвлеченных новообразований на *-ость* в XVIII в. составили слова с основной семантической функцией этого разряда имен — значением отвлеченного качества, свойства, образованные преимущественно от основ качественных прилагательных. Эти слова характеризуются тесной семантической связью с основами соотносительных прилагательных. Таким образом, в основе выделения данной семантической группы лежит лексико-грамматический принцип.

Семантика имен на *-ость* со значением отвлеченного качества, свойства «во многом зависит от того, употребляются ли они абсолютивно или в сочетании с родительным падежом существительного, качество и внутреннее свойство которого они выражают».[34] В этих употреблениях имена на *-ость* обозначают различную степень отвлеченности. В сочетании с существительным в родительном падеже они определяют качество, свойство данного предмета или явления и потому имеют более узкое значение. Существительные на *-ость* в абсолютивном употреблении имеют более обобщенное значение: выражают более высокую степень отвлеченности того или иного признака, названного производящей основой. Имена на *-ость*, входившие в употребление в XVIII в., по мере потребности в равной степени широко и свободно использовались в письменной речи и в «зависимом», и в «абсолютивном» употреблениях. См. некоторые примеры.

а) С родительным падежом существительного. «Сие влияние души на тела составляет жизнь нашу, которая по тех пор продолжается, пока союз сей имеет место, и чувственность тела пребывает сохранна» (Эйлер ПП II 56); «Слезливость глаз» (Приб. МВ 1783 134); «Громкость выстрела» (Зап. Бол. I 50); «Пылкость наших страстей изощряет наше воображение» (Пис. мас. 211 1792); «Притупить всю едкость яда» (Рад. СС I 97); «С котораго времени актеры. . раздробили утонченность страстей?» (Корифей I 241) и др.

б) В абсолютивном употреблении. «Три рода суть гневливости: запыльчивость, огорчительность и некоторое с досады как будто оцепенение» (Арист. 28—29); «Честность, искренность, любовь к порядку — суть чуждые гражданам добродетели» (Приб. МВ 1783 5); «Обязанность, произведенная зависимостью» (Приб. МВ 1784 158); «Необходимо к сему нужно, чтоб молоко имело в себе клейкость» (Сл. пов. VI 119); «Сия

[34] Виноградов В. В. Русский язык. М., 1947, с. 128.

порода. . . имеет такую же степень плавкости» (Минер. Северг. 300) и др.

Новообразования со значением отвлеченного качества, свойства как наиболее продуктивные в языке представлены в XVIII в. настолько большим количеством различных по значению производящих слов, что попытка дать их подробную тематическую классификацию означала бы попытку классифицировать бóльшую часть функционировавших в XVIII в. качественных прилагательных и окачествленных причастий. Но так как в рамках данной работы это не представляется возможным, укажем лишь одну наиболее многочисленную в XVIII в. тематическую группу, которая существенным образом характеризует развитие не только рассматриваемой категории слов в XVIII в., но и лексического состава языка в целом. Ее составляют существительные от основ прилагательных, раскрывающих черты характера человека, его моральный облик, поведение, психику, эмоциональный склад, физическое состояние и т. п.,[35] а также от основ прилагательных, которые обозначали более широкие понятия качества или использовались как определения более широкого круга слов, но могли быть применены также для характеристики человека. См., например: «Все сие от искренности моея поведав» (Устр. 626 1718); «Он и впредь намерен поступать с такою же чистосердечностью» (Кант. Деп. 155 1741); «Вино дар божественный, много в нем провору, . . . Жестоких смягчит сердца, угрюмость отводит» (Кант. Сат. I 17); «С начала она стыдилась. . ., но увидя нелицемерную преданность. . ., успокоилась» (Маркиз I 88); «Здесь разумеем мы наипаче безпорядки, которые производят по большей части слуги, а господа либо по небрежению, либо по снисходительности. . . подают оным повод» (Приб. МВ 1783 35); «От сего происходит. . . та разсеянность, отвращающаяся от всякаго важнаго и полезнаго упражнения» (Приб. МВ 1783 34); «Старайтесь вперить во младенцев внимательность, или берегитесь только разсеять свойственную им от натуры» (Приб. МВ 1783 165); «Развращенность сына приводит фамилию в замешательство» (Приб. МВ 1783 6); «Несправедливо по излишней заботливости не допускать детей пользоваться публичным учением» (Приб. МВ 1784 438); «Главнейший источник развратности и в самых добродетельных душах происходит от ослабления духа благочестия» (ПТ III 49); «Розета хотя и негодовала иногда на его брюзгливость, но всегда старалась предупредить его желания» (Оберон 126); «Не взирая на свою вспыльчивость, я не слыхал, чтоб он с кем нибудь поссорился» (Фонв. Призн. 5); «А для того, что тебе откровенность так угодна, я не обинуясь тебе говорю,

---

[35] О развитии такого рода лексики в языке XVIII в. см.: Войнова Л. А. Эмоционально-психологическая и морально-этическая лексика в повествовательной прозе последней трети XVIII в. — В сб.: Процессы формирования лексики русского литературного языка. М.—Л., 1966, с. 205—236.

что твои слабости составят комедию» (Мизантр. 9); «Петр. . . весьма отличился в сей последней игре, в которой можно показать проворство, обгоняя других в бегу; . . . добросовестность, осуждая самого себя в случаях сомнительных» (Кар. ДВ XI 4—5); «Излишняя уверенность ослепила меня» (МЖ II 268); «Я об нем без трогательности вздумать не могу» (Пис. Капн. 365); «Я видел, что Микаст от природы к влюбчивости склонен» (Хераск. Полид. I 59); «Все мы были уверены в добродетели и правдивости родителя» (МЖ I 286); «Никогда не читывал я романов с такою мечтательностию, . . .как милой, единственной сей сочинительницы» (Ипп. I 511); «Не одна начитанность и память требуются для сего важнаго предмета» (Корифей I 524) и др. См. также: *бдительность, безбоязненность, безграмотность, беззаботливость, безопытность, безрассудность, бережливость, бескорыстливость, бескорыстность, беспристрастность, бессловесность, бессовестность, бесстыдность, бесхарактерность, бесхитренность, бесчеловечность, благоумность, бойкость, болтливость, брезгливость, вежливость, вероломность, взыскательность, возгривость, ворkливость, ворчливость, гневливость, говорливость, добросердечность, доверчивость, домовитость, жадность, забиячливость, забывчивость, завистливость, задумливость, застенчивость, избалованность, изнеженность, кичливость, коварность, крикливость, лживость, мнительность, многоречивость, мстительность, мужественность, надменность, напорчивость, неаккуратность, невнимательность, нежность, ненасытность, неосмотрительность, неповоротливость, непослушность, неразумность, нерассудливость, нерассудность, нерешительность, нескучливость, несмысленность, нетерпимость, неумолимость, неустрашимость, обходительность, общительность, ослушность, осмотрительность, переимчивость, повелительность, поворотливость, подозрительность, порядочность, потливость, похотливость, почтительность, предприимчивость, пренебрежливость, привязанность, привязчивость, приметливость, примиримость, принужденность, пристрастность, притворность, притворчивость, прихотливость, проворность, прожорливость, прометчивость, проницательность, пунктуальность, пылкость, работливость, радивость, разговорчивость, раздраженность, раздражительность, рассудительность, рассудливость, расточительность, рачительность, ревнивость, ретивость, решимость, решительность, рьяность, самолюбность, самонравность, сановитость, сановность, сварливость, сговорчивость, сердечность, скаредность, скучливость, слезливость, смешливость, смышленность, сожалительность, сонливость, сопливость, спесивость, спокойность, спорливость, ссорливость, старательность, степенность, страшливость, строптивость, стыдливость, суеверность, суетливость, терпимость, трезвенность, трудолюбность, трусливость, угодливость, уклончивость, упрямость, усердность, уступчивость, утонченность, фамилиарность, хвастливость, целомудренность, честолюб-*

ность, чистоплотность, чувственность, чувствительность, чуткость и др.

Немногочисленный ряд новообразований, сохраняющих семантическую связь с производящими основами, составили существительные от основ относительных прилагательных, в значительной мере специфичные для языка XVIII в. В большинстве своем они имели широкое значение отвлеченного признака (по значению соотносительного прилагательного), зачастую реализующееся лишь в контекстном употреблении.[36] В числе таких новообразований XVIII в., например, существительные на *-ость* со значением отвлеченного признака, раскрывающего различный характер отношений предметов и явлений: *взаимность, зависимость, совместность, единственность* и др., слова со значением отвлеченного признака, характеризующего самые различные отношения — временные, пространственные и др.: *соседственность, подводность, пограничность, временность, всегдашность* и некоторые другие. См. примеры употребления этих слов в указанных значениях в источниках XVIII в.: «Никоторое государство в Европе так от трех частей пограничностью земли не имеет» (АК III 158 1705); «И тако не толь о происхождении рек, как источников о начале и всегдашности вопрос есть» (Геогр. ген. 197); «Сии искусства. . . показывают действие перьвоначальных материй, когда оне обращаясь в пламени; коловратным движением движут ефир, и чрез совместность производят в чувстве зрения разные цветы» (Лом. СС I 347); «Последнее мое размышление о добродетельной жизни апостолов и перьвоначальных христиан служит непреоборимым доказательством божественности христианскаго закона» (Эйлер ПП II 163); «Мнение о бывшей подводности сих мест и воспоследовавшей после того перемене. . . утвердится» (Пут. Зуева 26); «Почто нас временность не вечность веселит?» (Аониды II 4); «Соседственность сего города со многими народами побудила оной населить паче других Сибирских городов» (Рад. Сиб. 59) и др.

Сравнительно немногочисленную группу отвлеченных имен на *-ость* образуют существительные со значением состояния. Состав этой группы определяется семантикой соотносительных прилагательных. В XVIII в. она пополняется ограниченным количеством новых слов, в основном также образованных от основ качественных прилагательных, относящихся к характеристике физического или морального состояния человека. См., например, такие слова, как *бездейственность, беспокойность, бесчувственность* (состояние лишившегося чувств), *беременность, безутешность, девственность, замешанность, расстроенность, растерянность* и др.

---

[36] В современном языке от основ относительных прилагательных наблюдается регулярное образование существительных на *-ость* со значением отвлеченного качества, свойства. См.: Словообразование современного русского литературного языка. М., 1968, с. 142—144.

Ряд новообразований характеризует состояние более широкого круга явлений: *безвестность*, *бесплодность*, *застылость*, *обветшалость*, *оцепенелость*, *подчиненность*, *прилепленность*, *смутность*, *улежалость* и др.

У части слов, таких, например, как *стельность*, *беременность*, *безбрачность*, *раздраженность* и др., значение состояния является «собственным» лексическим значением. См. примеры употребления некоторых из них в источниках XVIII в.: «Знаете ли вы, что испровержение подчиненности уничтожает должность, содержащую согласие» (Эмин Фемист. 231—232); «Корабли, не допуская до большой обветшалости, упреждать починками» (ПСЗ XVII 276 1765); «Для чего, бездельница, не хочешь ты меня взять в часть твоей беременности; а я так думаю, что . . . я один отец будущего твоего детища» (Н. Эмин Роза 56); «Слово, изреченное или начертанное, возбуждает волнение мысленности. Разстроенность произведет болезнь» (Рад. Чел. III 85) и др.

В других случаях (обычно это характерно для полисемантичных слов) значение состояния реализуется в составе словосочетаний «быть, пребывать, находиться и т. п. в каком-либо состоянии», «приходить, впадать и т. п. в какое-либо состояние»: «Сердце твое всегда будет, как и теперь, в великой беспокойности» (АВ III 315 1755) — ср.: «Оное местечко называется безпокойность» (ЕОЛ 15); «Сидел в великой задумчивости» (Эмин Ернест I 158) — ср.: «Душа моя наполнилась мрачною задумчивостию» (Н. Эмин Роза 76); «Удивление, проистекающее от созерцания естества, есть возмущение мирное, щекочущее духи, и содержащее чувства в приятной действенности» (Бакон 98) — ср.: «Вред, производимый их [детей] действенностию» (Приб. МВ 1784 410); «А естьли бы ты кому впадши в спыльчивость. . . дал две пощочины» (Эмин Фемист. 30) — ср.: «Честные люди были бы очень сожалительны, естьли бы злые чрез вспыльчивость свою себя не обнаруживали» (Действ. чел. 44); «Сон есть подобие смерти; но сие случается только тогда, когда дух и тело погружены бывают в совершенную бесчувственность» (ПД I 226) — ср.: «Естьли бы он в этом случае не осердился, то я почел бы это в нем слабостию и бесчувственностию» (Приб. МВ 1784 698).

Одну из разновидностей отвлеченных имен на *-ость* составили образования, обозначающие отвлеченное действие, близкие или тождественные по значению отглагольным именам на *-ние*. Таким образом, основой формирования этой группы слов является семантико-словообразовательный принцип — способность суффикса *-ость* выступать в качестве синонима или семантического дублета суффиксов отглагольных имен, в первую очередь суффикса *-ние*. Слова этой группы также характеризуются тесной семантической связью с соотносительным прилагательным. Чаще всего такие значения наблюдаются у существительных, соотносительных либо с прилагательными, имеющими ярко выраженное процессуальное значение (в наших материалах — преимущественно с при-

лагательными с суффиксами *-тельн-* и *-н-*), либо с причастиями, или непосредственно с глагольными основами. Имена с таким значением специфичны для языка XVIII в. Уже к середине XIX в. такие образования становятся редкостью.[37] Однако и в источниках XVIII в. количество слов на *-ость* с глагольным значением невелико. См. некоторые примеры из числа новообразований: «А на дачу вышеписанным школьным ученикам по отбытности их из приказу Артиллерии окладных и кормовых денег по табелю не положено и вышеписанных кормовых денег дать не из чего» (ДПС II 2 160 1713); «А что по Регламенту Камер-Коллегии по 14 пункту положено в обнадежность подрядчиков, что все контракты, какой оные ни суть натуры, ни которым образом нарушены не будут» (ПСЗ IX 37 1733); «Та от — Ерота стрела Не возмогши пробить сквозь Егида, Пала на землю тут, без всяки содейности, тщетно» (Тред. Тилем. I 60); «Подчинительность диетам, стоит иногда больше, нежели обыкновенная болезнь» (Бакон 51); «Торжественныя врата, истуканы, пирамиды, даже и самые храмы и жертвенники разрушаются временем, и забвенность изглаждает их» (УС III 209); «Другие говорят, что есть в телах сила скрытая и сокровенная, между ими притяжательность производящая» (Рад. Уш. 138); «Соблаговоление чувствительных душ облегчает стезю в шествии и отъемлет терние сомнительности» (Рад. Пут. 403); «Непонятная на себя надеятельность согнала французов к Парижу в таком состоянии, что они не имеют самых нужных к своей защите вещей» (Пис. Б.-Б. III 16 1792); «Ранние скуки, отверженность света, болезни — настали: двери гроба отверзлись» (Корифей I 175) и др.

Довольно обширный круг новообразований в XVIII в. в отличие от рассмотренных выше составляют слова, значения которых более обособлены от значений соотносительных прилагательных. В основном это терминированная лексика, образованная как от основ качественных прилагательных (обычно эти значения развиваются у слова наряду со значением отвлеченного качества, свойства), так и от основ относительных прилагательных.[38]

Образование такого рода слов в языке XVIII в. довольно интенсивно происходило во всех сферах языка — от общеупотребительного до специального.

Из новообразований, обозначающих отвлеченные понятия, обособившихся по значению от производящей основы и в дальнейшем вошедших в словарный состав языка, следует отметить такие, например, как *надобность*, *необходимость*, *вероятность*, *обязанность*, *прерывность*, *непрерывность*, *определенность*, *отраженность*, *раздражительность*, *ощутительность*

---

[37] См.: Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного. . ., с. 107.

[38] О новообразованиях от основ относительных прилагательных, сохраняющих связь с семантикой производящего, см. выше, с. 28.

терпимость, *зависимость*, *независимость*, *несостоятельность* и др.[39]

Перечисленные слова неодинаковы по степени употребительности в языке XVIII в. Одни из них, такие, например, как *надобность*, *необходимость*, *вероятность*, *обязанность* и другие в XVIII в. имели уже довольно широкое распространение. Все указанные существительные, за исключением слова *обязанность*, отмечены в источниках первой половины XVIII в., но лишь слово *вероятность* получило фиксацию в Вейсманновом Лексиконе 1731 г. Остальные представлены в словарях второй половины XVIII в.: *необходимость*, *надобность* — в Российском Целлариусе 1771 г., *случайность* — в Словаре Нордстедта, *нечаянность* — в «Словаре Академии Российской». См. примеры употребления некоторых из указанных слов в различных памятниках XVIII в.

Надобность. «Сего искуства надобность и польза простирается так далеко, что по истинне сказать возможно, что ничего в свете есть, еже бы не возмогло оным преодоленно и зделано быти» (Геом. 1709 10); «Я требовал совета от деда моего, который за надобность почел купно со мною, как возможно скорее туда ехать» (Маркиз I 125); «Валяй тесто, смачивая временно водою, естьли будет надобность, то есть тесто будет очень круто» (Сл. пов. IV 221) и др.

Необходимость. «Необходимость различия между простонародным и подлым языком с таким, которому надлежит быть благороднее и чишче, для того что сей последний долженствует употребляем быть в писменных и ученых сочинениях» (Тред. Ортогр. 295); «Ежели боги зделали тело, то необходимость того требует, чтоб украсить оное душею» (Эмин Фемист. 189); «Не отступайте от оных [правил] никогда без крайней необходимости» (ПТ I 9).

Вероятность. «Но понеже ежечасно умножалась вероятность, что суда пропали: то на конец склонясь на то, дал позволение к отъезду» (Сойм. КМ 1763 IV 298); «Сии слова произносила она толь непринужденно и с таким хитрым к приобретению вероятности видом, что долгое время не знал я, что ей ответствовать» (Маркиз IV 116).

Нечаянность. «Кто поверит, что Гомерова Илиада, славная и совершенная толь поэма не силою духа сотворена толь великаго стихотворца, а одна нечаянность, разбросанныя литеры алфабета собрав, поставила в порядок» (Кант. Прир. 27); «Что может быть зыбчее, как ожидание нечаянности!» (УС II 313); «Так называют. . . те камни, на которых нечаянность и игра природы изобразила растения или животных» (Кар. ДВ II 36).

---

[39] Ряд существительных с таким значением — *случайность*, *способность*, *ответственность*, *деятельность* и некоторые другие — рассмотрены в работе Г. Хюттль-Ворт («Die Bereicherung des russischen Wortschatzes im XVIII. Jahrhundert»).

Также довольно широко используется в языке появившееся во второй половине XVIII в. слово *обязанность*: «Обязанность родителей воспитывать детей своих как возможно лучше» (Приб. МВ 1783 8); «Не взирая на порабощение всех и каждого генерала к начальствующему ими министру, . . . исполнял каждый свою обязанность» (АВ XXIV 350 1799); «Облегчена теперь обязанность моя» (Держ. Соч. IV 15).

Один из частных случаев существительных на *-ость*, обозначающих понятия, не соответствующие значению производящей основы, представляют слова, которые имеют более узкое значение, чем соотносительное прилагательное. В их числе слова с терминированным значением. См., например, отмеченное в языке второй половины XVIII в. слово *независимость*, у которого наряду с общим значением 'свойство независимого' появляется более узкое значение 'суверенность': «Благосостояние граждан приметно исправится независимостью Северо Американских областей» (Приб. МВ 1784 313); «Они просят независимости и утверждения границ» (Дн. Храп. 122); «Колонии хотели независимости» (ВЕ I 48).

К этому же ряду существительных относится слово *терпимость*, также имеющее более узкое значение, чем соотносительное прилагательное.[40] Это слово появляется в языке в последней трети XVIII в. и в дальнейшем до конца века встречается преимущественно в значении 'веротерпимость': «К чести его можно сказать, что он распространил сию взаимную терпимость в верах, которая сделалась характером наших времен» (Кар. ПРП III 253); «Тюрго вселил в него равнодушие к церковным распрям и терпимость в разсуждении несогласных вер» (ВЕ I 27); «Вольнодумцы наши кричали, что он хочет быть врагом терпимости и признать католическую религию единственною и государственною» (ВЕ I 32).[41] Первую лексикографическую фиксацию оно получило в «Словаре Академии Российской»: «**Терпимость.** Снисхождение к иноверным, не запрещение им отправлять по своему обряду богослужение» (VI 104).

Существительные с конкретным значением

С древнейших времен известно употребление имен на *-ость* в конкретном значении. Эта способность обозначать конкретность заключена в природе самих этих существительных. Указанную

---

[40] См. определение прилагательного *терпимый* в «Словаре Академии Российской»: «**Терпимый.** 1. Сносный. Эти поступки терпимы. 2. Свободный. Различные веры в России терпимы» (VI 104).

[41] В более широком значении — 'способность терпимо, снисходительно относиться ко взглядам других' — слово *терпимость* в источниках XVIII в. встречается реже: «Терпимость пороков в обществах злу подпоры ставит» (Хераск. Кадм. 79); «Где искать терпимости, естьли самые философы, самые просветители. . . сказывают столько ненависти к тем, которые думают не так, как они?» (Кар. ПРП I 182).

семантическую функцию они выполняют в тех случаях, когда обозначают предмет или явление по его основному постоянному признаку.

Существительные на *-ость* обозначают конкретность разного свойства. Одни из них имеют конкретно-предметные значения. См., например, встретившиеся в числе новообразований на *-ость* существительные *возвышенность* 'возвышенная местность', *низменность* 'низко расположенная местность', *жидкость* 'жидкое вещество', *доверенность* 'правовой документ' и др. Другие (в отличие от «предметных» условно назовем их «вещественными непредметными») передают конкретность иного порядка — обозначают какое-либо явление, факт, событие, действие и т. п. Однако при этом необходимо отметить, что соотносимость слова на *-ость* с предметными и непредметными понятиями не всегда является основанием для выделения в слове двух значений, т. е. соотнесенность и с предметным, и с непредметным понятием возможна в пределах одной семантической единицы.

Конкретное значение чаще имеют имена на *-ость* от основ качественных прилагательных в абсолютивном употреблении. Обычно это значение является не единственным, а развивается наряду со значением качества, свойства, состояния. Анализ материала показывает, что последовательность развития этих значений у слов, вошедших в употребление в XVIII в., была различной. Рассмотрим некоторые примеры.

Жидкость. В письменных источниках до XVIII в. это слово встречается очень редко.[42] Но уже во втором-третьем десятилетии оно имеет довольно широкое распространение в языке научных произведений.[43] В источниках этого времени отмечены случаи употребления слова *жидкость* для обозначения родового названия жидкого вещества: «Вода или иная какая жидкость» (Мех. Штурма 51); [44] «Аще ко оному прилитая житкость да того же свойства есть» (Мех. Штурма 53); «Понеже жидкость так же в таком движении наименьших частиц состоит, то всяк легко видит, что сна от стужи всегда умаляться и напоследок совершенно перестать долженствует» (Прим. Вед. 1734 21) и некоторые другие.

Еще чаще оно встречается в значении 'жидкое состояние (вещества)': «Как долго вода жидкость свою содержит, то при умножении стужи того не видно бывает, чтоб она раздавалась, но. . . больше вместе сжимается» (Прим. Вед. 1734 21); «Из химии известно, что все алкалическия вещи кровь в жидкости содержат,

---

[42] В Словаре Срезневского отмечен единственный случай употребления этого слова в форме *жидость* в памятнике XVII в. «Богословии св. Иоанна Дамаскина».

[43] Однако первую лексикографическую фиксацию слово получает значительно позднее — в Российском Целлариусе 1771 г.

[44] Пример взят из книги Л. Л. Кутиной «Формирование терминологии физики в России» (с. 161).

а иногда оную еще жиже делают» (Прим. Вед. 1739 131); См. также в значении 'недостаточность чего-либо': «В ней [горе] також магнит, токмо не так железом богат, и для житкости без прибавки других жесточайших руд не годится» (Геогр. Тат. 61); «Для жидкости молока, козье масло быть не может» (ФЭ 248).

В дальнейшем слово *жидкость* получает более широкое распространение преимущественно в терминологическом употреблении в обоих значениях. См., например, в 1-м значении: «Другие [вещества] распускаются при определенном градусе огня в блистающую непрозрачную жидкость: а именно разные роды металлов» (ЕС 1763 III 266); «Пример сей для того мною приведен, чтоб. . . доказать, что жидкость сыскивает себе дорогу к исхождению из тела» (Вениам. 1769 12); «Сей опыт и черной вид земли показывают, что она много содержит железа, раствореннаго неизвестною жидкостию» (Рад. Влад. 163); во 2-м значении: «Откуду следует, что жидкость воды зависит от разсыпанной по ней теплоты, а лед от недостатку онаго раждается» (Вольф. физ. (Лом.) 69); «Что надлежит до пития, которое по причине своей жидкости удобнее себе находит дорогу» (Вениам. 1769 12); «Не менее сего истинну показывали и грудами попадающияся как в самом слонце, так и в глине окаменелыя черепокожныя, которыя не иначе могли туда зайти, как во время жидкости ила» (Пут. Леп. I 308).

В конце века сфера распространения слова *жидкость* еще более расширяется, оно становится словом общего употребления. См., например, его использование в языке художественной литературы: «Когда в машине нашей находится все в совершенном равновесии; когда все сосуды действуют и отделяют исправно разныя жидкости; . . . тогда и душа бывает здорова» (Кар. ПРП II 158); «Он воспевал ключи приморски. . . Из коих в виде пузыря Подъемлясь темно-сера жидкость На все страны вокруг лиется» (Бобр. Херс. 136) и некоторые другие.

Достопамятность. В обследованных источниках первой половины XVIII в. это слово отмечено в значении 'свойство достопамятного': «Все построено и великолепно убрано в один месяц и 16 дней от сгорения прежняго дворца, что почитаю. . . для достопамятности ведения, в журнал записать всеконечно нужно есть» (Зап. Нащ. 132).

Во второй половине века оно встречается преимущественно в конкретном значении 'примечательный факт, заслуживающий особого внимания'. В этом же значении оно получает первую лексикографическую фиксацию в Словаре Нордстета 1780: «**Достопамятность**; Die Merkwürdigkeit, Denkwürdigkeit, fait mémorable». Характерно, что и в предметном, и в непредметном значении оно используется преимущественно в форме множественного числа. См., например: «Теперь мы услышим от него других достопамятностей» (Сойм. КМ V 426); «Баку, город — достопамятности около онаго» (ЕС 1763 VI 562); «Теперь мы будем

рассматривать достопамятности в журнале господина Соймонова содержащиеся» (ЕС 1763 V 410).

Первоначально слово *достопамятность* сосуществовало в языке со словом *достопамятство*.[45] К концу XVIII в. оно выходит из употребления. В это же время появляется слово *достопримечательность*: «Цель нашего автора есть та, чтобы в прекрасной картине представить все достопримечательности» (МЖ III 106). Но распространение оно получает лишь в XIX в. Наиболее широкоупотребительным до конца XVIII в. остается слово *достопамятность*: «Лучшее из всех достопамятностей, обретаемых по берегам реки Ика, есть пещера» (Ж. Рычк. 94); «И делали нам известными вместо важных достопамятностей маловажные отменности и редкости» (Приб. МВ 1784 635); «Цель нашего автора есть та, чтобы в прекрасной картине представить все достопамятности древней Греции» (МЖ III 98).

Неприятность. Для этого слова характерна та же последовательность развития значений, что и для слова *достопамятность*. Оно приходит на смену еще употреблявшемуся в начале XVIII в. параллельному образованию *неприятство*.[46] Первую фиксацию получает в Вейсманновом Лексиконе 1731 г. в значении 'свойство неприятного'. См. также некоторые примеры употребления этого слова в указанном значении в источниках XVIII в.: «По неприятности своего тела» (Коз. ФП 156); «. . а меньшой человек от большаго и того еще меньше отважится требовать. Ибо в сем случае он будет представляться ему напоминающим долг, которой от неприятности требований обыкновенно платится разрушением любви» (Десн. 1770 12).

Российский Целлариус 1746 г. наряду с отвлеченным (Unanmutigkeit, с. 153) отмечает более конкретное значение этого слова — 'неприятное чувство, печаль' (Mißfallen, Verdruß, с. 246). См. примеры использования слова *неприятность* в этом значении в источниках XVIII в.: «А естьли и впредь будете так немилостивы к себе и к другу своему, который за несколько тысяч верст берет участие даже в минутной вашей неприятности: то он, в отмщение вам, сам будет грустить от утра до вечера» (Кар. ПРП I 147); «Какую-то я чувствовал неприятность, смешанную со страхом» (Лабз. 18).

---

[45] См. употребление слова *достопамятство* в том же источнике, что и *достопамятность*: «Он описывал, что он видел, не рассуждая о том, что другие прежде его о сих же достопамятствах писали» (Сойм. КМ V 421); «Достопамятства натуры около Баку» (Сойм. КМ VI 565); Гораздо реже в источниках встречается слово *достопамятствие*: «Трофей есть славное достопамятствие знатныя какия победы одержанныя над неприятелями» (Арг. II 888).

[46] См. примеры употребления этого слова в языке начала XVIII в.: «Дабы от всего сего дела удалитися, которым я токмо ненависть, неприятство и злой кредит. . . возбудил» (ПБП II 683 1703); «Дабы никакого неприятства и ни малой причины к безпокойству. . . подано было» (ПБП II 142—143 1703).

Еще более конкретный характер имеет это слово в значении 'неприятный факт, событие', отмеченном в языке конца XVIII в.: «На возвратном пути из Казбина в Испаган. . . случилась со мною неприятность: меня прибили, заставили заплатить большую сумму денег» (Пант. ин. сл. II 265); «Хозяин разгорячится, хозяйка перетрусится; вместо удовольствия выдет неприятность» (Держ. Соч. IV 329).

Подробность. На протяжении века употребляется и в конкретном, и в отвлеченном значениях. Особенно широкое распространение получает в конкретно-непредметном значении 'частность, деталь какого-либо дела, явления, обстоятельства': «Мне хочется, чтоб вы всю в сем подробность изволили вытолковать» (Тред. Ортогр. 28); «Подробность сего торга мне мало известна» (Рад. Торг. 150) и др. В форме множественного числа: «О подробностях сего мирнаго дела ему рангу не объявлено» (ЖПВ II 550 1718); «Не буду я описывать читателю подробности случившиеся в пути нашем» (Гулливер I 180); «Великой успех сей пиесы надобно приписать интересным подробностям (détails)» (МЖ IV 354) и др. Близкое по значению определение получает это слово в Словаре Нордстета, впервые дающем его лексикографическую фиксацию: «**Подробность**. Die Umstände einer Sache, le détail» — ср. также приведенное в словаре речение: «*входить в подробности*, alle Umstände der Sachen aufsgenaueste untersuchen, descendre dans le détail» (с. 578).

Конкретно-предметное значение представлено единичными примерами: «Надобно иметь телеги. . . для вожения снопов, сена и соломы; . . . на которых бы всегда крестьянам ездить с принадлежащими к тому подробностьми, а именно: колесами, осьми, цепями, веревками, хомутами, вожжами и шлеями» (ФЭ 142).

Употребление слова *подробность* в отвлеченном значении 'свойство, качество подробного' шире представлено в источниках второй половины XVIII в. См., например: «Сии листы будут иметь недостаток как в полности и подробности, так и в новости» (Приб. МВ 1784 406); «Только в иных местах желали бы мы более подробности» (МЖ III 103). Ср. также в выражениях «вступать, входить в подробность»: «Я не должен здесь вступать в великую о том подробность» (ПЭ II 9); «Мне кажется, что авторы писавшие о странности и непостоянстве человеческаго разума судили об одной только поверхности; а желательно бы было, чтоб они входили в обстоятельную подробность» (ПД II 180). Для второй половины XVIII в. особенно характерно употребление этого слова в предложных сочетаниях: «С довольною подробностию описано в них [письмах] все то, что в Швейцарии наиболее примечания достойно» (МЖ III 217—218); «Ночью написали о всем в подробности генералу Потемкину рапорт» (Держ. VI 480). Как отвлеченное понятие это слово характеризуется в «Словаре Академии Российской»: «**Подробность**. Обстоятельность, точность». Приведенные там же речения указывают на употребительность слова

в отвлеченном и конкретном значениях. Ср.: «*С подробностию говорить* о чем. *Входить в подробности*» (II 754). Более конкретное определение получает слово во втором издании «Словаря Академии Российской» (1806—1822 гг.), что свидетельствует о двойственном характере семантики такого рода слов: «**Подробность.** Обстоятельность, точность какого происшествия, деяния или случая» (IV 1325).

Более редки в XVIII в. новообразования с конкретно-предметным значением от основ относительных прилагательных. Примером могут служить получившие в XVIII в. широкое распространение синонимы *наружность* и *внешность*.

На протяжении всего века слово *наружность* употребляется в конкретном значении 'внешняя сторона какого-либо явления' (нередко в противопоставление его внутренней сущности): «Ханжа грабил тысячами, а раздает полушками. Такою наружностию он многих обманывает» (Трут. 1769 223); «Но дети нескольких лет не должны делать из единаго повиновения наружность только какого-либо действия» (Приб. МВ 1783 257); «Самыя математическия доказательства часто могут, имея наружность совершенно уверительных и неоспоримых, быть неправильны и погрешительны» (Панк. 1792 40). Ср. в форме множественного числа: «Именем Критона означается тут притворнаго богочтения человек, . . . который наружности закона существу его предпочитает для своей корысти» (Кант. Сат. I 26); «Справедливость не делает в свете столько добра, сколько делают в оном зла наружности оныя» (МЕИ I 246) и др.

В то же время слово широко используется в конкретно-предметном значении 'наружная часть чего-либо': «[Брусок] привернут твердо к верхней машинной наружности четырьмя винтами» (ТМ [л. 38]); «Польза наружности уха состоит в том, что она захватывает звук в большом количестве» (Коз. Расс. 59); «Всю наружность онаго [ящика] раскрасил я разными красками» (Зап. Бол. I 685) и др.

Источники второй половины XVIII в. свидетельствуют о довольно частом употреблении слова *наружность* в широком конкретно-непредметном значении 'внешний вид предмета, человека'. См., например, о внешнем виде предмета: «Кто может разсуждать о качестве здания по одной наружности, не видав его внутренности. Я постарался бы на тот год сделать наружность журнала приятнее для глаз читателей» (МЖ IV 248); «По наружности земледельцы земли разделяют: на чернозем, на землю глинистую, песчаную и меловую» (Рад. Влад. 152) и др.; о внешнем виде человека: «В наружности ея было нечто весьма привлекательное» (МЖ VII 155—156); «Я не закрываю от себя ни недостатков своей наружности, ни своих лет» (Пельск. 128) и др.

В конце века намечается тенденция к сужению этого значения. Слово употребляется преимущественно для обозначения внешнего вида человека. При этом происходит некоторый разрыв той

тесной семантической связи с соотносительным прилагательным, которая характерна для других его значений. Наиболее очевидным свидетельством появления у слова *наружность* нового, более узкого значения служат примеры его абсолютивного употребления в этом значении: «А при столь выгодной наружности не позабыл я представить себя в богатом кафтане» (ПД I 55); «Имел приятную наружность, быстрые чорные глаза, любезную усмешку» (Корифей II 187) и др.

Слово *внешность* появляется в языке, по имеющимся данным, в первой половине XVIII в. и входит в употребление со значением 'внешний вид человека' (возможно, в противовес многозначному слову *наружность*, обозначавшему также внешний вид предмета, внешнюю сторону какого-либо явления). См., например: «Все желают царя по внешности крепка и храбра, разума полна» (Тред. Тилем. I 80); «С тех пор, как я живу не один, душа моя обновляется, здоровье укрепляется, даже внешность моя прияла лучший вид» (АВ V 296 1791); «Он. . . под грубою внешностию сокрывал чувствительную и великую душу» (Кар. ДВ IX 105); «Блаженны. . . имеющие внешность к благоговению всех влекущую» (Рад. Пут. 399) и др.

Вместе с тем слово *внешность* выступает как семантический дублет слова *наружность* и в ряде других значений. Источники фиксируют употребление этого слова в значении 'внешний вид здания': «Внутренность [дворца в Сан-Суси] еще великолепнее внешности» (Кар. ПРП I 215). Отмечены случаи употребления слова *внешность* в значении 'внешняя, поверхностная сторона какого-либо обстоятельства, явления (в противопоставлении его внутренней сути)': «Люди, ослепляющиеся внешностию, и чтущие в человеке чин. . . обучилися уже его почитать заранее» (Рад. Уш. 9); «Безпокойныя обстоятельства, в которых многие писатели сочиняли лучшия свои пиесы, . . . служат доказательством той власти, которую душа человеческая имеет над внешностию» (МЖ II 60). См. в форме множественного числа: «Но коль велика наша монархиня, которая. . . не внешностями украшает оное [владычество], но под видом сих везде соединяет истинное и существенное для подданных своих благодеяние!» (Зыб. 1773 33); «Тот истинно молится, . . .который, собрав в себя помышления свои и отвлекши оныя от всех внешностей, углубляется в едином боге» (ПТ III 123).

Однако такие примеры немногочисленны. Основным значением слова и в конце века остается обозначение внешнего вида человека, что, по всей вероятности, послужило предпосылкой закрепления в дальнейшем за словом *внешность* этого значения.

Значительно чаще, чем лексически — в форме единственного числа, конкретность значения имен на *-ость* передается в XVIII в. грамматически — употреблением слова (обычно со значением отвлеченного качества, свойства) в форме множественного числа. Такая форма конкретизации слов с отвлеченным значением была

особенно характерна для существительных на *-ость* в XVIII в.[47] Новообразования на *-ость* с конкретным значением, выражаемым формой множественного числа, так же как конкретные существительные на *-ость*, имеющие форму единственного числа, соотносительны с предметными и непредметными понятиями и соответственно имеют предметные и непредметные значения. См. примеры существительных на *-ость*, имеющих в форме множественного числа конкретно-предметное значение: «Всеми потребностьми (к поварне и погребу надобныя вещи) наполненная камера» (ЛВ I 404); «Естьли имеют наличные деньги, то сами покупают с биржи все домашние потребности» (Эмин Ернест IV 205); «Их изобретения и рукомесленности были також чрезвычайно простыя» (Трет. 1768 11); «В вечеру после ужина ласкательный Перигурдин умножил свои учтивства и услужливости» (Кандид 103); «Покупает пряжек, цепочек и других подобных сим необходимостей» (ПД 165); «Кольми паче невозможно отстать от того, что считаем между первейшими необходимостями, как-то одежда в северном климате, и естьли нет штофа и парчи, наденем, вздохнув сермяжное сукно» (Рад. Торг. 143); «Наши упражнения были одинаковы, наши книги, наши занимательности и вечерния наши увеселения были одни и те же» (Шарл. 28) и др.

Гораздо шире формы множественного числа используются в XVIII в. для обозначения конкретных непредметных понятий: «Несомненна помощь. . . в опии против всяких досадностей тела» (Прим. Вед. 1741 323); «Однакож Титлей себе флатирует всякия выгодности в облегчение сей негоциации найти» (АВ III 68 1749); «Я не хотел бы, чтоб учили детей много всем мелочам и чрезвычайностям учтивства» (Локк 114); «Но и как передали нам его древнейшие мудрецы, исключая некоторыя ложности, прибавленные к тому пиитами и баснотворцами» (УС I 186—187); «Ловлю свои мысли на мирских ничтожностях» (Кар. ПРП VI 88); «Могут находящиеся на нем люди для покупки нужных к содержанию своему припасов употребить деньги из суммы, назначенной на экстренности» (АВ XXIV 212 1792); «Мечтательности и ужасы ваши изтреблены, и баснословие ваших соблазнителей обличено» (Хераск. Полид. I 41) и др.

Нередко значение существительного в форме множественного числа, как и в единственном числе, определяется контенкстным употреблением, когда одно и то же слово в зависимости от его понятийной соотнесенности может иметь и конкретное предметное и непредметное значение. Например: «Экипажи и. в. и прочия к путешествию надобности приуготовляются со всевозможною поспешностию» (Зап. Гарн. XV 257); «Мы принуждены были итти чрез великие свертки канатов и другия корабельныя надобности» (Маркиз IV 97) — ср. употребление этого же слова

---

[47] В дальнейшем, по мере сложения языковых норм, такая форма конкретизации имен на *-ость* все больше ограничивается сферой разговорной речи.

в конкретном невещественном значении: «На удовлетворение надобностей государства» (Дн. Храп. 125); «А для содержания во оном университете достойных профессоров и в гимназиях учителей, и для прочих надобностей, мы определили довольную сумму денег» (ЕС 1755 109).

Конкретные значения имеет ряд новообразований на *-ость* с невыраженной формой множественного числа. Но значения собирательности, множественности, выражаемое в форме единственного числа, не характерны для данного разряда слов. Как правило, они не являются и основным значением существительных на *-ость*. Среди новообразований XVIII в. слова с такими значениями представлены единичными примерами. Собирательное значение имеет, например, слово *подлость*, употребляемое в XVIII в. в значении 'простой народ, низкое сословие'. См., например: «Подлость, простой народ» (ЛВ I 921); «Народ, подлость» (ЛВ II 275); «У нас довольно прикладов имеем, что редко, когда шляхтич в такую мерзость вмешался, но более подлость, яко Болотников и Боловня холопи, Заруцкой и Разин казаки, а потом стрельцы и чернь все из самой подлости и невежества» (Тат. Разг. 66); «Были тут знатные, были дворяне, были купцы, мастеровые, духовные и всякаго рода подлость» (Зап. Бол. I 342).

Во второй половине XVIII в. конкретное значение 'то, что принадлежит кому-, чему-либо' развивается в слове *собственность*, получившем распространение в языке с середины XVIII в.[48] «Скудные люди, у которых вся собственность из нескольких единиц рублей состояла» (Пут. Леп. IV 422); «Это место, прекраснейшее во всей той области, принадлежит тому, кто никогда не имел никакой собственности и провел почти всю жизнь свою пересчитывая чужой капитал» (Долгор. 47).

Конкретное значение отмечено у новообразований *потребность* и *наличность*: «К тому ж годовое их жалованье, и дополнка людей и всякая воинская потребность давана будет царского величества» (ПБП II 665 1703).

Слово *наличность* встретилось в указанном значении лишь при обозначении имеющихся в наличии денег. См., например: «Когда же они совсем уже обезденежали, то Пети. . . начал ссужать их наличностию, брав от них обязательства в верности платежа с двадцатью на сто и двойным закладом» (ЗС II 267); «В некоторых областях утверждено законоположение: чтобы впредь должников, не имеющих чем платить, под стражею не держать, но отобрав всю наличность. . . отдать заимодавцам» (ЗС I 325).

Имена на *-ость* с отвлеченным и конкретным значением создавались в различных сферах письменной речи. Одни с самого на-

---

[48] Особенно широко в XVIII в. это слово было известно в следующих значениях: 1) 'право владеть, распоряжаться кем-, чем-либо': «Удивление точно происходит от непонятия собственности какой-либо вещи» (Эмин Фемист. 128); 2) 'то, что принадлежит кому-либо по праву': «В сем трактате Тоскана признается навеки собственностию Гишпании» (ВЕ II 94).

чала по своему происхождению были связаны с общеупотребительным язком.[49] Образование другой части происходило в сфере научных и профессиональных языков, многие из которых так и продолжали в XVIII в. употребляться преимущественно в специальной литературе. В числе таких новообразований — большое количество слов с отвлеченным значением. В основном в философских произведениях закрепилось в XVIII в. употребление таких слов, как *прерывность*, *определенность*, *раздражительность*, *ощутительность*, *отраженность* и др. См., например: «Ощутительность в частях чувственности души — неоспорима» (ПТ I 60); «Образ дает вещественности определенность, протяженность, место, а не проницательность, отделенность» (Рад. Чел. II 123); «Опыты доказывают, сколь трудно. . . привести два вещества в истинное прикосновение; и сия отраженность есть ничто, от твердаго вещества со всем отменное» (Рад. Чел. II 140); «Следствием нежности в нервенном сложении и раздражительности в сложении фибров, человек паче всех есть существо соучаствующее» (Рад. Чел. II 55); «В природе нет нигде прерывности» (Брян. 1799 5).

Лишь в деловом языке встретилось слово *несостоятельность* 'неспособность к уплате долга': «Если онаго вина в предписанныя места. . . не отвозить, . . . могут хозяева восчувствовать обиду и тем к платежу казенных податей несостоятельность» (МЗК XIV 14). Главным образом в языке научных сочинений отмечено употребление ряда слов с конкретным предметным значением. Таковы, например, *прозябаемость* в значении 'растение', *ископаемости* в значении 'полезные ископаемые', *посторонности* в значении 'примеси', встретившиеся в «Дневных записках путешествий» Лепехина, содержащих большое количество научно-естественных терминов: «Ископаемости Новой Земли. Между извлекаемыми из внутренности земли по нуждам человеческим богатствами запримечены на Новой Земле 1) серебро; 2) каменное уголье» (Пут. Леп. IV 170); «Прозябаемости Новой Земли. Низкия новоземельския припайки показанныя выше, . . . производят главныя растения Новой Земли» (Пут. Леп. IV 171); «Сии опыты ясно ему изобразят могущее быть колчеданов преображение и все посторонности, которые при каменноугольных ямах случаются» (Пут. Леп. II 43). В «Наставлении хирургическом» Платнера отмечены слова *распухлость*, *окреплость*, *жесткость*: «Мозоль, затвердение, заматерение, окреплость, твердость, жесткость в фистуле» (Наст. хир. 968); «Распухлость бледная, мягкая, холодная» (Наст. хир. 974). Слова *молочность*, *творожность* — в «Словаре поваренном»: «Перемой масло в нескольких водах, чтоб молочность его вся вышла» (Сл. пов. IV 291): «Сыворотка сливается,

[49] См., например, рассмотренные выше слова с отвлеченным значением — *надобность*, *вероятность*, *нечаянность*, *обязанность* и др.; с конкретным значением — *внешность*, *наружность*, *неприятность*, *достопамятность* и многие другие.

а оседшуюся тво́рожность после того троекратно сгнетать руками» (Сл. пов. VI 88) и др.[50] Однако многие слова уже в течение XVIII в. выходят за пределы узкоспециальных сфер и получают более широкое распространение в языке. См., например, употребление таких слов, как *возвышенность*, *жидкость*,[51] *низменность*, *окаменелость*, *пологость* и др., возникновение которых было связано с развитием специальной лексики, в произведениях художественной литературы, в журнальных статьях, имеющих широкое назначение: «Домы стоят большею частию на приятных отлогостях» (ММ I 181); «Все стены покрыты или лучше сказать составлены из драгоценных хрусталей и разных окаменелостей: как то кораллы всякого рода, аметисты, топазы и янтари» (Дашк. Англ. пут. 111); «Следующие сию речку возвышенности становятся ниже» (Рад. ПСС III 272); «Когда встретится ему трудной проход, то он выискивает способ чрез него пройти. А когда найдет пологость отдохнувши там не засыпает» (Действ. чел. 56): «К посеву льна надлежит избирать на низменностях и ободворках влажную и жирную землю» (ЗС II 44) и др.

Не все новообразования в XVIII в. сразу получают стабильные значения. Семантическое развитие многих слов, в особенности терминологической лексики,[52] продолжается на протяжении длительного времени и завершается нередко уже за пределами XVIII в. У ряда слов, входящих в употребление, еще отсутствуют окончательно сложившиеся значения, их границы расплывчаты и неопределенны; семантика некоторых существительных предстает в виде ряда более частных и узких значений или серии контекстных употреблений.[53] Многие имена на *-ость* сохраняют более очевидную семантическую зависимость от производящего, чем в дальнейшем.

Формирование терминированного значения происходитт во второй половине XVIII в., например, у слова *нравственность*. Оно впервые отмечено в переводном источнике 70-х годов, где употреблено как эквивалент французского moralité: «От сих же самых различений, принаровленных ко всякому государственному обществу и их членам проистекают общие и точные правила, по ко-

---

[50] Большое количество терминологических существительных на *-ость* образуется в XVIII в. и в других специальных сферах, например в языке физики. Обширный круг существительных на *-ость*, появившихся в XVIII в. в сфере физической терминологии, среди которых такие слова, как *упругость*, *плотность*, *делимость*, *прозрачность*, *скорость*, *влажность*, *расширяемость*, *пористость*, *сжимаемость*, *скважность*, *протяженность*, *непроницаемость*, *непроницательность* и другие рассматривается в книге Л. Л. Кутиной «Формирование терминологии физики в России»..

[51] Примеры употребления слова *жидкость* см. выше, с. 33—34.

[52] О специфике семантического развития терминов в XVIII в. см. в книгах Л. Л. Кутиной «Формирование языка русской науки» и «Формирование терминологии физики в России».

[53] Аналогичное состояние характерно для заимствований в период их освоения языком-заимствователем. См. об этом в книге Е. Э. Биржаковой, Л. А. Войновой, Л. Л. Кутиной «Языковые контакты и заимствования».

торым судить можно о хорошем и худом правлении или вообще о нравственности действий человеческих» (Руссо П. эк. 13). В дальнейшем слово получает распространение в языке с широким значением по прилагательному *нравственный*, определяемому в «Словаре Академии Российской» вместе со словом *нравоучительный* как 'относящийся к нравам, к управлению нравов, содержащий в себе нравоучение' (IV 559). См., например, у Радищева: «Федор Васильевич. . . отвлечен был [от учения] случившимся с нами неприятным происшествием, которое для всех нас было деятельного наукою нравственности во многих отношениях» (Уш. 33); «Ты более к учености и нравственности имеешь побуждений, нежели мой сын» (Пут. 376); Иногда оно обозначает духовный мир человека в противоположность его физической сущности: «Правила единожития, елико то касаться может до вас самих, должны относиться к телесности вашей и нравственности» (Рад. Пут. 176); «И как устав сей наблюдается в вещах физических, то не подвержено сомнению, что оной имеет свою силу и во нравственности» (Брян. 1799 6).

Отмечено употребление этого слова и в значении 'нравоучение'. См. приводимую в журнале «Московский Меркурий» за 1803 г. автором критической статьи П. И. Макаровым выдержку из перевода «Антеноровых путешествий» Лантье: «В скорби и печали предписывают они нам чтение важных и наполненных нравственностию книг», по поводу которой он замечает: «Нравственностию. Не лучше ли нравоучением?» (II 63).

Но чаще всего в источниках XVIII в. слово *нравственность* встречается в закрепившемся в дальнейшем за ним значении 'моральный облик, поведение человека, соответствующие принятым в обществе нормам': «Нередко семилетний. . . отрок до той степени бывает закоренел в испорченности нравов, что удобнее кажется сделать белым лицо Ефиопа, нежели очистить нравственность сего нещастнаго юнаго человека» (Сохац. 11); «В рассуждении поведения самые неприятели отдавали справедливость строгой его нравственности» (Пант. ин. сл. II 125); «Мать и отец должны образовать нравственность детей своих» (ВЕ I 53).

В то же время наблюдаются случаи использования этого слова в терминологизированном значении 'совокупность норм поведения': «Человек. . . без всякой собственной пользы. . . старался всеми силами утверждать слабеющую власть законов и нравственности» (Пант. ин. сл. II 111). Но окончательная утрата словом *нравственность* непосредственной семантической связи с прилагательным *нравственный* в характерном для него в XVIII в. значении и закрепление за ним терминированного значения происходит уже в XIX в.

Некоторая семантическая аморфность характерна в XVIII в. для слова *естественность*. Оно получает в языке распространение начиная с Тредиаковского, который употребляет его преимущественно в значении 'сущность' как эквивалент латинского

essentia: «Сея мудрости просвещением познаваем, что существо оное пребесконечно действующее, и предсутствует от себя самого, как сущее необходимое и пресовершенное, коего бытность есть в самой естественности, или его сущности» (Тред. СП I 257).

Более широкий ряд семантических единиц передает этим словом Радищев. В его сочинениях оно употребляется, например, в значении 'природная сущность, естество': «Он хотя и преступник, но тот же человек. Вникни в его естественность, увидишь, что благообразие ему дано тем, кто жизнь ему дал» (Рад. Чел. II 55); «Все, что есть следствие естественности, единственности, не может относиться к лицу соборному или нравственному, напротив редко может быть такое право лица соборного, которое бы не могло быть присвоенность лица естественнаго» (Рад. ПСС III 172). Часто этим словом обозначаются явления живой или неживой природы, совокупность таких явлений, природные условия: «Смерть на земле объемлет всю жизненную и нежизненную естественность» (Рад. Чел. III 8); «Гораздо еще учебнее и любопытнее было, если бы Сибирь разделена была (на карте разумеется) на округи, естественностию означенныя» (Рад. ПСС III 356). То же значение слово *естественность* имеет в словосочетаниях «истина, правила, закон естественности»: «Многие дни жития своего провел он в изследовании истинн естественности» (Рад. Пут. 449); «Многия его умственныя силы следуют законам естественности» (Рад. Чел. II 71).

Отмечены также многочисленные примеры использования этого слова Радищевым в более частных значениях и употреблениях. См., например, в значении 'тело, естество' (в противопоставлении разуму): «Когда избыточныя соками питательными яства обильный хил влияют в твои жилы и естественность в тебе обновляться начнет, ты знаешь то, сколь слаба тогда мысль твоя» (Рад. Чел. II 184).

В этом же ряду несколько примеров употребления слова *естественность*, свидетельствующих о наметившихся в семантике этого слова изменениях в сторону формирования новых значений, характерных для него в современном языке. В этих употреблениях оно обозначает, например: а) 'то, что реально (в противоположность нереальному, вымышленному)': «Если потомкам нашим предлежит заблуждение, если оставя естественность гоняться будут за мечтаниями, то весьма полезной бы был труд писателя, показавшего нам из прежних деяний шествие разума человеческаго» (Рад. Пут. 96); б) 'то, что вытекает из природы явления (в противоположность искусственному, преднамеренному)': «Приращение, прибавка, присоединение, исправление есть способ приобретения собственности. Они могут быть следствие естественности или искусства и называются общим названием приращение» (Рад. ПСС III 209).[54] Однако образование

---

[54] Такого рода употребления слова *естественность* наблюдаются также в других источниках конца XVIII в. См., например: «В очах заблуждающаго

новых значений на основе такого рода употреблений произойдет позднее, за пределами XVIII в.

Не терминологизировались в XVIII в. еще и многие другие слова, такие, например, как *мощность*, сохранявшее семантическую связь с глаголом *мочь* и употреблявшееся в то время в значении 'потенциальная возможность, способность к каким-либо действиям'; *наследственность*, имевшее значение 'наследование, наследство'; *очевидность*, еще обнаруживавшее непосредственную смысловую связь со значением производящей основы; *национальность*, обозначавшее в отмеченном примере 'свойство нации'; *письменность*, употребленное в значении 'литература', и др.[55] См. примеры употребления этих слов в указанных значениях в источниках XVIII в.: «И так тот, кто естественную имеет мощность распоряжать вещию исключительно пред другими, о том говорят, у него вещь состоит в имуществе» (Рад. ПСС III 194); «Сия наследственность великих государственных чинов и воинских жалованных поместий есть достопамятная эпоха» (Приб. МВ 1784 154); «В средния времяна титул Nobilis. . . прилагался только высшему, а не нижшему дворянству; чаятельно для того, что первые присвоили себе в наследственность такие чины, которые отправляющим старая франконская учтивость посвятила сие почестное название» (Приб. МВ 1784 177); «Логика научила его разсуждать; математика верныя делать заключения и убеждаться единою очевидностию» (Рад. Пут. 428); «В мангеймских немцах менее национальности, нежели в других» (Фонв. Соч. 321); «Слово литтература будет на русском не столько словесность, сколько любословие, наука письмен, или ближе к переводу, если позволят назвать, письменность» (Корифей I 27).

В связи с общей особенностью семантического развития существительных и прилагательных в XVIII в. у многих новообразований на *-ость*, особенно со значением отвлеченного качества, свойства, помимо прямых значений, появляются переносные, развивающиеся на основе соответствующих переносных значений соотносительных прилагательных. Подобные значения отмечены в источниках XVIII в. у таких, например, слов, как *едкость*, *колкость*, *низость* (*низкость*, *низкоть*), *плавность*, *подлость*, *привязанность*, *пышность*, *холодность* и др. См. примеры употребления некоторых из этих слов в указанных значениях в источниках XVIII в.: «Вы первой . . . заставили слушать едкость сатиры» (Жив. 5); «Пруссия хочет Датских союзников с нею в хо-

---

света, естественность бледнеет в простоте своей; я изгнал из некоторых обществ разум, а со сцены сладкой обман» (Муза I 128); «Порок сие пагубное существо, безобразит разумное творение, лож представляет в виде правоты, делает оную для человека естественностию» (Зерц. безб. 751).

[55] О словах *современность*, *гласность*, *действительность*, *личность*, окончательная терминологизация которых произошла в XIX в., см. в кн.: Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка, с. 198—205.

лодность привести» (АВ III 92 1749); «При всяком слове лице ея теряло черты прежния привязанности и дружбы» (Сидней 24); «Смешными мне кажутся почитающие за подлость ужинать вместе с своим слугою» (ВЗ I 61); «Возрите на меня, яко на странника и пришельца, и если сердце ваше ко мне ощутит некую нежную наклонность, то поживем в дружбе» (Рад. Пут. 161) и др. Переносные значения таких слов, как *едкость*, *колкость*, *низость*, *привязанность*, *холодность* и другие были зафиксированы в «Словаре Академии Российской», первом лексикографическом труде, выделявшем подобные значения.

Формирование переносного значения ряда других новых слов происходило, по всей вероятности, позднее, в конце XVIII в., и поэтому они не были отмечены в указанном словаре. Источники конца XVIII в. отмечают, например, частые случаи употребления слова *короткость*[56] в переносном значении 'близость, дружественность отношений, обращения': «Тон Бюффонов вообще есть тон самой непринужденной короткости» (Пант. ин. сл. I 61); «Ничто так не утверждает короткости между людьми, как маленькое путешествие в хорошее время года» (ВЕ IV 112); «Он не допускал ни которого из них ни к какой короткости с собой, но всегда был вежлив и благопристоен» (Долгор. 337).

Лишь в источниках конца XVIII в. отмечено переносное значение слов *рассеянность* 'отсутствие сосредоточенности', *утонченность* 'изысканность, изощренность'.[57]

Наряду с развитием переносных значений в XVIII в. наблюдаются многочисленные случаи распространительного и образного употребления новых существительных на *-ость*. Но такого рода употребления не опираются на соответствующие значения прилагательных, а использование слов в этой функции не носит систематического характера. Поэтому указанные случаи, хотя и укладываются в общие рамки семантического развития слов в XVIII в., но еще не являются фактором лексической языковой системы. См. примеры такого употребления слов: «Незадолго пред разрешением от авторской моей беременности» (Пис. мас. 72); «Они уже и не берут труда скрывать окаменелость душ своих» (Сидней 20); «И как я оное хваля воспоминаю, Не ломкость лживаго я щастья представляю» (Лом. СС I 387); «В голосе сделано на все возражение, даже и на пухлость слога П. В. Зав-го» (Дн. Храп. 163); «В о л д ы р и о в. Посмотри на меня. Во всиом во

---

[56] В «Словаре Академии Российской» оно дано со следующими значениями: «1. Свойство того, что в протяжении не имеет надлежащей меры, длины 2. Говоря о пути: недалекость, недальность, близость. 3. Непродолжительность. 4. Малословесие» (III 923).

[57] Наиболее ранняя фиксация первого из этих слов в указанном значении отмечена в статье Н. Новикова «О воспитании», второго — в I части «Писем русского путешественника» Н. Карамзина. См. об этом у Г. Хюттль-Ворт («Die Bereicherung des russischen Wortschatzes im XVIII. Jahrhundert», с. 179, 212).

мне увидишь постоянство, крепость. Стан ли? есть что обнять. Рука ли? есть чем хватить. Нога ли? есть чем ступить: а в ниом ветренность, жидкость» (Княж. Сбит. 261); «И впрямь, коль самолюбья лесть Не обуяла б ум надменный. Что наше благородство, честь, Как не изящности душевны?» (Держ. Соч. I 211) и др.

Обзор семантики новообразований на *-ость* показывает, что в XVIII в. бо́льшую часть этих существительных составляют слова со значением отвлеченного качества, свойства, образующиеся от основ соответствующих качественных прилагательных или окачествленных причастий.

Спецификой семантического развития этой категории слов в рассматриваемый период является интенсивное образование существительных, обозначающих особые самостоятельные понятия. В отличие от существительных со значением качества, свойства, признака, состояния и некоторых других, обнаруживающих тесную смысловую связь с производящей основой, для этих существительных характерен известный семантический «отрыв» от значения производящей основы. Такие существительные получают распространение как в общеупотребительном языке, так и в специальных его сферах.

Многие новообразования на *-ость* имеют конкретные значения, вещественные и невещественные. Значительно чаще, чем в дальнейшем, они передаются формой множественного числа. Менее характерно для существительных на *-ость* выражение множественности в форме единственного числа, собирательности. Существительные с таким значением представлены среди новообразований единичными примерами.

Немногочисленны также среди новых слов на *-ость* существительные с глагольными значениями; они являются специфической принадлежностью языка XVIII—начала XIX в.

Наряду с качественными прилагательными и окачествленными причастиями в XVIII в. производящими довольно часто выступают относительные прилагательные. Они образуют имена на *-ость* со всеми значениями, кроме отвлеченного качества, свойства. Существительные от основ относительных прилагательных составляют особый семантический ряд со значением относительного отвлеченного признака. Чаще всего от основ относительных прилагательных образуются существительные, обозначающие разного рода самостоятельные понятия.

Существительные на *-ость* в языковой практике общественных деятелей XVIII в.

Развитие языка, пополнение его лексического состава в значительной мере происходило и получало отражение в трудах таких выдающихся деятелей XVIII в., как А. Кантемир, В. Тредиаковский, М. Ломоносов, В. Сумароков, Д. Фонвизин, Н. Новиков, Н. Карамзин, Н. Радищев, Г. Державин и др. Многие новооб-

разования, обогатившие словарный состав языка, впервые появлялись в произведениях научной литературы, в изданиях периодической печати, рождались под пером известных переводчиков. Несмотря на то, что точная датировка появления в языке слов на *-ость* в XVIII в. по указанным выше причинам вызывает существенные затруднения, не подлежит сомнению, что употребление многих из них в языковой практике известных общественных деятелей могло послужить и послужило началом их распространения в языке.[58] Так, наиболее ранняя фиксация группы существительных на *-ость* отмечена в произведениях А. Кантемира. См., например, в «Сатирах»: *деликатность* (III 85), *жадность* (II 43), *излишность* (III 65), *лишность* (V 101), *плешивость* (V 133), *смиренность* (III 82), *связность* (VIII 175); в документах и других сочинениях: *дерзновенность* (Рел. I 175), *надменность* (Деп. 150), *нечаянность* (Прир. 27).

Ряд новообразований ведет начало от Ломоносова, например *нелепость* (СС I 8), *отлогость* (СС I 303), *тленность* (СС I 387), *точность* (Вольф. физ. 142); Фонвизина — *привязанность* (Недор. 108); Сумарокова — *бессовестность* (ДС 68), *великомудрость* (Трес. 305), *церемониальность* (Мать 76); Козельского — *возмужалость* (ФП 148), *безболезненность* (ФП 114), *затхлость* (Расс. 108).

Большое количество имен на *-ость*, по имеющимся данным, представлено в переводах и произведениях Тредиаковского, например в «Езде в остров Любви»: *беспристрастность* (91), *благодарность* (2), *величавость* (143), *неразрешимость* (140), *ревнивость* (55), *умильность* (109); в «Феоптии»: *избранность* (212), *свойственность* (281); в «Сокращении философии канцлера Франциска Бакона»: *злобность* (131), *независимость* (187), *неимоверность* (110), *неосмотрительность* (28), *почтительность* (15), *престарелость* (114), *разноцветность* (82), *рачительность* (158), *сомнительность* (21), *сообразность* (76), *стремительность* (70), *цельность* (78); в «Тилемахиде» впервые отмечены такие слова, как *безвестность* (I 105), *благодетельность* (II 41), *благонравность* (I 84), *благочинность* (II 17), *гневность* (I 177), *дальновидность* (I 218), *дружелюбность* (I 189), *зазорность* (I 212), *миловидность* (I 3), *непроторность* (I 215), *общность* (II 188), *особенность* (I LIV), *раскаянность* (I 78), *ретивость* (I 124), *рьяность* (I 83), *снисходительность* (I 133), *ядреность* (I 145), *яркость* (I XLV); в других произведениях: *бесполезность* (СП II 169), *гласность* (СП II 9), *драчливость* (Три рассужд. 115), *непорочность* (Ортогр. 262), *неправильность* (СП II 17), *неусыпность* (СП II 18), *ослушность* (СП I 193), *порочность* (СП II 159), *сущность* (СП II 257).

---

[58] Большое количество имен на *-ость* в ряду других новообразований отмечено в работе Г. Хюттль-Ворт («Die Bereicherung des russischen Wortschatzes im XVIII. Jahrhundert»). В приводимом ниже перечне указываются слова, отсутствующие в этой работе или обнаруженные в более ранних источниках.

Появление ряда слов связано с литературно-редакторской деятельностью Новикова, Карамзина, творчеством Радищева, Державина. В издававшемся Новиковым журнале «Прибавление к Московским ведомостям» за 1783 г. отмечены, например, следующие слова: *безопытность* (135), *невнимательность* (105), *развращенность* (6), *рассудительность* (154), *слезливость* (134); в выпусках за 1784 г.: *двусмысленность* (685), *наследственность* (154), *неопытность* (414), *опытность* (221), *торжественность* (263), *тщательность* (365); *предприимчивость* (Оп. сл. 127—128).

От Карамзина ведут начало употребления в языке такие слова, встретившиеся в его произведениях, как *добросовестность* (ДВ XV 4—5), *ковкость* (ДВ XII 163), *неловкость* (ПРП I 21), *несоразмерность* (ДВ X 174); в редактируемых им журналах отмечены *выразительность* (Пант. ин. сл. I 262), *натуральность* (МЖ I 221), *определенность* (МЖ II 209), *протяженность* (МЖ VII 322).

В произведениях Радищева впервые встретились — в «Житии Ф. В. Ушакова»: *бездеятельность* (135), *непроницательность* (135), *нерешительность* (131), *раздражительность* (122); в «Путешествии из Петербурга в Москву»: *беспредельность* (442), *девственность* (228), *надутлость* (77), *неприязненность* (168), *несвойственность* (318), *несообразность* (340), *первобытность* (443), *плавность* (174), *прелестность* (114), *смертоносность* (200), *убедительность* (140); в трактате «О человеке, его смертности и бессмертии»: *беззащитность* (II 37), *могущественность* (II 33), *неразрушимость* (III 100), *отраженность* (II 159), *подражательность* (II 61), *раздраженность* (II 14,) *разнородность* (II 120), *расстроенность* (III 85), *совокупность* (II 118), *содрогательность* (II 27), *сопричастность* (II 29), *утлость* (II 42); в других произведениях: *бесхитренность* (ПСС III 149), *мощность* (ПСС III 175), *повсеместность* (Торг. 92), *соседственность* (Торг. 117).

В сочинениях Державина отмечены: *запутанность* (VI 38), *изнеженность* (IV 326), отличительность (VI 236), *пламенность* (Соч. IV 49), *предосмотрительность* (VI 90), *скоротечность* (Соч. I 32), *созвучность* (Соч. I 241), *хлопотливость* (VI 319).

Начало употребления ряда новых слов, получивших в дальнейшем распространение в языке, восходит к другим популярным в конце XVIII—начале XIX в. изданиям.[59] Однако лексический состав существительных на *-ость* был в XVIII в. еще во многом неустойчив. Наряду с огромным количеством слов,

---

[59] См., например, некоторые новообразования, отмеченные в периодическом издании «Корифей, или Ключ литературы» Я. Галинковского: «Но дело идет не о языке: о хорошем идеяле, о той изящной обдуманности, которою тщеславятся нации» (II 141); «Со всем тем история сия неудовлетворительна; надобно бы больше обработанности, больше искуства в слоге» (I 105); «Предваряю что последователи господствующаго вкуса, . . . завлеченные единою прелестью сердечности,* не найдут занимательною

в дальнейшем вошедших в словарный состав языка, в это время появляется множество индивидуально-авторских, окказиональных образований. Единичными примерами представлены в источниках XVIII в. такие, например, слова, как *военность*, *возмерчивость*, *движность губкость*, *извлетность*, *излишественность*, *напорчивость*, *ощадливость*, *последственность*, *прибавность*, *распускательность*, *рассмотрительность*, *тщаливость*, *упадливость*, *ущипливость* и др.[60]

Много такого рода слов встречается в произведениях известных деятелей XVIII в. Особенно примечателен в этом отношении язык сочинений и переводов Тредиаковского, изобиловавший образованиями, характеризующими индивидуальное словотворчество автора. В их числе отмечены, например, в «Езде в остров Любви»: *незнамость* (140), *неподлежность* (63), *омерзелость* (74), *очесливость* (29); в «Феоптии»: *благопроизвольность* (304), *вещность* (227), *самолюбность* (286), *счетанность* (311); в «Сокращении философии канцлера Франциска Бакона»: *державность* (8), *невежность* (5), *неподчинность* (9), *разгласность* (65), *подчинность* (124), *смятность* (79), *содружность* (63); в «Тилемахиде»: *благостройность* (I 47), *возблагодарность* (II 22), *вперенность* (I 180), *добролепность* (I 62), *наверхность* (I 45), *недоверность* (I 183), *поверность* (I 53), *преобратность* (I 22), *преспособность* (II 6), *пречность* (I XXVIII), *проразность* (I XXXVI), *речеточивость* (I XLVII) и др.[61]

В XVIII в. появляется также большое количество существительных на *-ость*, обозначающих особые отвлеченные понятия, которые, хотя и были употребительны в XVIII в., но либо не сохранились в языке вообще, либо закрепились в нем с другими

материи училищной, книжной. *Сентиментальности, если позволяет так перевесть» (I 4); «Многие осуждают в наших . . . неумеренное подражание, охладевающую любовь к отечеству, . . . безхарактерность, несходство самих себя с собою» (I 176); «И наострят ум свой, напитают дарования гораздо скорее начитанностью и размышлением, нежели всеми наставлениями Аристотелей и Квинтилиянов» (I 36). См. также: *избалованность* (I 174), *равносторонность* (I 154), *письменность* (I, 27) и др.

60 См. примеры употребления некоторых из этих слов в источниках XVIII в.: «О вашем побожном жителстве и усердных годных всему християнству, храбрых ваших в военностях. . . донесу ему в. г-рю» (Пут. Шерем. 1662—1663); «Такая возмерчивость никогда не бывает без наглости» (УС III 271); «Объявленная воина королю Богемскому доказывает напорчивость французов» (Пис. Б.-Б. II 380); «Г. Горас Валполь. . . вздумал напасть на него некоторыми личными ущипливостями, издеваясь над его молодостью» (БГ III 248); «Сия распускательность оказывается всего лучше в польской соли» (Сл. пов. V 330) и др.

61 См. некоторые примеры употребления указанных слов в «Тилемахиде»: «Силились всяко узнать, своими алчными взоры, Взоры своими еще напряженными в остру вперенность, Что могли означать движения частыя оных» (I 180); «Чтоб ему показать своего содетельность гнева» (I 196); «Зрится смешение и пречность удивительная как Добродетелей так и Страстей, на предивной его картине» (I XXVIII); «Взрилась сия колесница лететь по наверьхности водной» (I 71).

значениями. См., например, такие слова, как *вещность*, *вещественность* (*невещественность*), *телесность* (*бестелесность*), употреблявшиеся в значении 'материальность'; слова *естественность*, *существенность* (*бессущественность*), *существительность*, имевшие синонимичные значения 'сущность, бытие, пребывание'; см. также такие слова, как *тяжественность*, 'тяготение'; *опытность* 'опытный способ познания', *действенность* 'деятельность'; *широкость*, *великость*, *размерность обширность* 'объем'; *бездеятельность*, *леность*, *упорность*, *грубость* 'инерция' [62] и др.

Неустойчивость лексического состава, неупорядоченность употребления многих слов, в том числе существительных на *-ость*, в конце XVIII в. вызывала критические суждения со стороны лиц, нередко придерживавшихся даже противоположных взглядов на развитие языка. Так, один из наиболее ревностных сторонников церковно-книжной традиции А. С. Шишков в «Рассуждении о старом и новом слоге российского языка» (СПб., 1803, с. 24), критикуя сторонников «нового слога» за употребление слов *изящность*, *суетность*, *безопасность*, замечает: «Ныне уже оныя пишутся и печатаются во многих книгах, а потому надеяться должно, что словесность наша время от времени будет еще более процветать. Например: вместо прошедшее станут писать прошедшность». И далее: «Мы думаем быть великими изобретателями и красноречия учителями, когда коверкая собственные слова свои пишем: ответность, предельность, повседневность» (с. 54).

Свое неудовлетворение появлением в языке множества неизвестных существительных на *-ость* высказывает представитель другой ориентации П. И. Макаров, разделявший взгляды сторонников «нового слога». В критической статье, посвященной разбору сочинения Я. Галинковского «Корифей, или Ключ литературы», автор которого в числе новых существительных употребил ряд неапробированных в языке существительных на *-ость*, он с осуждением пишет: «В замену материи видим множество новых слов, которыми ни один еще руской лексикон не украшен: начитанность — сердечность — равносторонность (вместо политического равновесия) — чинность — неписьменность (вместо простоумия) — фигурность — изящная обдуманность. . . Многие по-

---

[62] Два последних примера взяты из книги Л. Л. Кутиной «Формирование терминологии физики в России». См. примеры употребления некоторых из этих слов в источниках XVIII в.: «Им не безъизвестно было, что телесность богов подвержена бы была великим затруднениям» (Эйлер ПП II 209); «Мне кажется, одно из сильнейших доказательств о безтелесности души, можем мы почерпнуть из нашея речи (Рад. Чел. III 74); «Вещество неразделимое, простое, словом, душа твоя, есть ничтожество, безсущественность, небытие» (Рад. Чел. II 176); «Природа души и тела не столько еще вразумительна, а невещественность души не известна была» (Аничк. 1783 6); «Где ограниченность в деяниях, там несовершенство; где пределы, там существительность твари» (Зерц. безб. 743).

думают, что мы шутим! Право нет: все выписанное находится действительно в Корифее».[63]

Для далнейшей нормализации состава этой категории слов и семантики отдельных существительных, предпосылки которой были заложены в языке XVIII в., понадобилось еще довольно продолжительное время, хотя существенный перелом в эту сторону произошел уже в первой половине XIX в.[64]

Взаимоотношения новообразований на *-ость* с однокоренными суффиксальными существительными

Высокая продуктивность отвлеченной лексики, отсутствие окончательно сложившихся языковых норм, наличие тождественных по словообразовательной функции и значению суффиксов, все это создавало в XVIII в. особенно благоприятные условия для возникновения разного рода однокоренных синонимичных и тождественных по значению слов. В одном ряду с существительными на *-ость* в качестве таких параллелей выступают однокоренные образования с суффиксами *-ство*, *-ствие*, *-ие*, *-ние*, *-ота* и др.[65] Несмотря на то что в XVIII в. слова указанных разрядов образуются и используются значительно свободнее, чем в дальнейшем, вследствие происходящей в это время перестройки в словообразовании и семантике в их употреблении уже наблюдаются известные закономерности, которые в дальнейшем станут языковой нормой. Распространение одних параллельных образований и исчезновение других в значительной мере обусловлены спецификой семантического развития этих слов. Не менее существенную роль в этом играет характер их словообразовательных связей. Поэтому при анализе взаимоотношений однокоренных параллелей следует особо рассматривать одноосновные и разноосновные образования (ср. *смелость — смельство* и *доверенность — доверие*).

Поскольку новообразования в первую очередь отражают изменения, происходящие в семантике и словообразовании, они пред-

---

[63] Московский Меркурий, 1803, ч. III, с. 45.

[64] См. об этом в работе Ю. С. Сорокина «Развитие словарного состава русского литературного языка».

[65] Однокоренные параллели, включающие образования с суффиксом *-ость* в языке XVIII в., рассматривались в работах: Шанский Н. М. Из истории имен существительных на *-ость* в русском литературном языке; Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного. . ., Мальцева И. М. Из наблюдений над словообразованием в языке XVIII в. — В сб.: Процессы формирования лексики русского литературного языка. М.—Л., 1966; Казанская Э. В. Суффиксальная синонимия имен существительных в языке научной прозы М. В. Ломоносова. Автореф. канд. дисс. Казань, 1968; Данилова З. П. О суффиксальной синонимии в истории русского языка, — В сб.: Вопросы теории и методики изучения русского языка. Казань, 1971; Веселитский В. В. Отвлеченная лексика в русском литературном языке XVIII—начала XIX в., и др.

ставляют наиболее показательный материал для выявления основных тенденций, обнаруживающихся в XVIII в. во взаимоотношении однокоренных параллелей.

Однокоренные параллели на ***-ость* — *-ство***

Особенно часто в качестве параллельных образований к именам на *-ость* со значением отвлеченного качества, свойства выступали существительные с суффиксом *-ство*, которые с древнейшей поры шире, чем слова с другими синонимичными суффиксами, использовались для передачи этого значения. По мере роста продуктивности существительных на *-ость* и утверждения их как основной категории слов, обозначающей отвлеченное качество, свойство, суффикс *-ство* постепенно утрачивает способность соединяться с основами прилагательных для передачи этого значения. Употребительность имен на *-ство* сокращается — они уходят из языка, уступая место образованиям на *-ость*,[66] что соответственно приводило к уменьшению в языке однокоренных параллелей с суффиксами *-ость* и *-ство* с указанным значением.

Вместе с тем в связи с ростом продуктивности имен на *-ость* происходит постоянное увеличение таких параллельных образований. При этом новообразования чаще составляют дублетную пару с именами на *-ство*, уже известными в языке до XVIII в. С появлением имен на *-ость* в источниках XVIII в. отмечено параллельное использование таких дублетных пар, как *безответность — безответство*, *безрассудность — безрассудство*, *дородность — дородство*, *достаточность — достаточество*, *досужность — досужество*, *знакомость — знакомство*, *изрядность — изрядство*, *мнительность — мнительство*, *надобность — надобство*, *ненасытность — ненасытство*, *неприятность — неприятство*, *опрятность — опрятство*, *постоянность — постоянство*, *рачительность — рачительство*, *срамость — срамство*, *сродность — сродство*, *человечность — человечество* и др.

Значительно реже употребление однокоренных параллелей наблюдается вследствие образования в XVIII в. обоих членов пары: *взаимность — взаимство*, *знатность — знатство*, *излишность — излишество*, *деликатность — деликатство*, *рассудительность — рассудительство*, *степенность — степенство*, *строптивость — строптивство*, *субтельность — субтельство*, *терпимость — терпимство*, *фамилиарность — фамилиарство* и др.

Вытеснение существительными на *-ость* тождественных по значению имен на *-ство* происходило в языке задолго до XVIII в.[67]

---

[66] См. об этом: Шанский Н. М. О происхождении и продуктивности суффикса *-ость* в русском языке, с. 127; Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного. . ., с. 104, 112.

[67] См. об этом: Шанский Н. М. Из истории имен существительных на *-ость*. . ., с. 127.

В источниках XVIII в. уже фиксируется множество существительных на *-ость*, сменивших употреблявшиеся до этого однокоренные образования на *-ство*. В их числе, например: *благоумность* (*благоумство* — Срезн.), *истинность* (*истинство* — ДРС XVI в.), *неприязненность* (*неприязнество* — ДРС XVII в.), *кудрявость* (*кудрявство* — ДРС XVII в.), *смутность* (*смутство* — ДРС XVII в.), *тщивость* (*тщивство* — ДРС XV в.) и др.[68]

Процесс вытеснения ранее известных в языке имен на *-ство* новообразованиями на *-ость* продолжается в течение всего XVIII в. Так, на смену распространенному в XVII в. и первой половине XVIII в. слову *опрятство* приходит появившееся во второй половине XVIII в. однокоренное образование *опрятность*. Его регулярное употребление в источниках наблюдается в языке с 70-х годов: «Я бы не описывал столь пространно о таком обстоятельстве, . . . естьлиб я за потребно не разсудил оправдать в опрятности поведение свое» (Гулливер I 31); «Часто ни тела своего чистоты с благопристойною опрятностию не наблюдая, ни дух ни к чему не поощряя» (Зыб. 1777 17). Об этом же свидетельствует фиксация слова *опрятность* словарями Кондратовича 1775 г. и Нордстета. В источниках конца века слово *опрятство*, хотя и продолжает встречаться,[69] но значительно более широкое распространение уже имеет слово *опрятность*. См. примеры употребления этого слова в источниках конца XVIII в.: «Уж в некоторых животных примечается опрятность» (Рад. Чел. II 55); «Чистота и опрятность в одеждах и убранствах солдат. . . придавали особливую красу войску» (Зап. Бол. I 418) и др.

Вместо устаревшего слова *рачительство*[70] во второй половине XVIII в. утверждается входящее в это время в широкое употребление слово *рачительность*: «Когда рачительность и поверенность утвердятся; то оне суть золотые рудокопные ямы для всякаго торговаго гостя» (Бакон 158); «Сей. . . драгоценный монумент Ваших трудов и рачительности будет сохраняем, яко самая редкая вещь в моей книгохранительнице» (Жив. 174); «Поступать с младенцем с рачительностию» (Приб. МВ 1783 71) и др. В лексикографии это слово впервые представлено в Словаре Нордстета.

Аналогичен рассмотренным выше характер отношений слов в дублетных парах, каждое из которых является новообразованием XVIII в. Примером могут служить слова *взаимность* и *взаим-*

---

[68] В скобках указываются источники, подтверждающие употребительность этих слов в языке до XVIII в.

[69] В имеющихся материалах оно отмечено, например, у Лепехина: «Недостаток в домостроительстве и опрятстве вогуличи награждают ревностию в своих звериных промыслах» (Пут. III 21); у Дмитриева: «А у меня живи в опрятстве и красе И по брюхо всегда в овсе» (III 22) и др.

[70] Случаи употребления слова *рачительство* в XVIII в. уже чрезвычайно редки. См., например: «Аще же и обретаются где невернии, оное есть дело священническое, учителское, пастырское, тех есть тое попечение и рачителство» (Буж. Ап. Андрей 5); в Словаре Кондратовича 1775 г.: «pilność» — прилежность, прилежание, рачительство» (128).

ство. На протяжении всего века слово *взаимность* употребляется преимущественно в широком значении 'равное одного к другому отношение; ответное, взаимное чувство; обоюдность': «Каковую человецы имеют между собою взаимность» (Пуф. ДЧ 337); «И любовь, которую будут иметь друг к другу, от часу больше будет усиливаться, и взаимность учтивости учинится между ими употребительнее» (Локк 241); «Сей благотворной договор о уступке собственности какого имения или право с одной стороны, с другой предполагает взаимность только нравственную, признание, благодарность и не производит обязанности понудительной» (Рад. ПСС III 235). В конце века оно начинает использоваться в более узком значении — 'взаимное дружеское или любовное отношение'. См., например: «Возвращать плоды взаимной горячности. — Но может ли тут взаимность, где с одной стороны пламя, а с другой нечувствительность?» (Рад. Пут. 232); «Я видел, что мне платили за любовь мою нежнейшею взаимностию» (Пожар Капа 96).

Слово *взаимство* первоначально имело более конкретное значение. Оно отмечено в значениях 'взаимная зависимость, связь': «Нужда привела людей к сообществу и коммерции, взаимству друг от друга» (Кант. Прир. 32); 'взаимный обмен товарами': «Следственно уже в самых первейших временах было купечество, а по меньшей мере взаимство или вид некоторой нынешней коммерции подобной» (ЕС 1755 144).

Во второй половине века наблюдаются случаи употребления слова *взаимство* в значениях, присущих существительному *взаимность*. См. пример использования слов *взаимность* и *взаимство* в значении 'обоюдность' в языке одного лица: «Во всем надобно наблюдать взаимство: когда их послу дозволено не будет, то не можно и для нашего здесь требовать» (АВ VI 203 1756); «А от какой державы посол принимается таким же образом, каково принимается у той державы здешний посол; что во всем взаимность наблюдается» (АВ VI 200 1756).

Встречается также слово *взаимство* в это время в характерном для существительного *взаимность* значении 'взаимная дружба, любовь': «В о л о с о к: В любови некогда не знаю, кто горит, И никакова в ней взаимства он не зрит» (Сум. Притчи 238). К концу века это слово уже исчезает из языка, вытесняемое словом *взаимность*. Оно не встретилось в обследованных источниках этого времени. Не получило отражения оно и в «Словаре Академии Российской», в котором представлено лишь слово *взаимность*.

Подобным же образом развивались в XVIII в. отношения слов *фальшивость* и *фальшивство*, которые наряду со значением отвлеченного качества, свойства, могли выражать также некоторую процессуальность или результативность. Появившиеся в языке в самом конце XVII—начале XVIII в., эти слова в течение всей первой половины века используются параллельно, причем уже

в это время слово *фальшивство* встречается реже: «Не надлежит им давать знать, что их союз ни во что ставим, но им фальшивство их равными деньгами платить» (ПБП II 687 1703); «И всякое свое дело делает правдиво, без всякого фальшивства, чтоб в работе твоей никакова и малого повреждения не было» (Пос. РП 154); «Как отцу своему объявляю сим письмом без всякой фальшивости так мне здешняя бытность противна и скучна» (АК III 325 1706); «Не сделал ли он какой фальшивости при копировании» (МАН V 249 1742). Источники второй половины века существительного на *-ство* уже не отмечают. В словарном составе закрепляется слово *фальшивость*: «За фальшивость и за подлог публично на теле наказывая, от дела отрешать» (ПСЗ XV 831 1761); «Последствие доказало, что сон мой сбылся наиточнейшим образом не только в рассуждении виденных денег, но, и самой фальшивости оных» (Зап. Бол. II 905).[71]

Значительно дольше сохраняется в языке *регулярство* (от прил. *регулярный*, лат. regularis), являющееся полным семантическим дублетом слова *регулярность* лишь в значении ʻсвойство по прилагательному регулярный — построенный, спланированный по определенному правилуʼ. В этом значении слово фиксируется в источниках начиная со второй половины XVIII в.

В первой половине XVIII в. слово *регулярство* использовалось преимущественно как военный термин в значении ʻпостоянная, обученная по правилам военного искусства армияʼ: «Не соизволит ли ваше и. величество его, Чебышова, . . . пожаловать чином генерал-майора, понеже служит он в регулярстве 34 года» (Бум. КМ IV 196). В более поздних источниках оно отмечено в значении ʻсвойство, качество, порядок, присущие регулярной армии, войскуʼ: «Войско к регулярству давно приобыкшее» (Лом. СС I 330); «Весь лагерь поставлен был в четыре минуты. Ея величество таковым проворством и исправностию и регулярством чрезвычайно была довольна» (Зап. Пор. 331).[72] Появление у слова *регулярство* в середине века значения ʻсвойство регулярного — равномерно повторяющегося, спланированного по определенному порядкуʼ явилось следующим этапом в развертывании семантической структуры этого слова: «Хотя положение города дозволило бы приступить ко всему тому, что совершенное регулярство с красотою с собою приносит, и великолепие столичного города требует; но . . . комиссия старалась, сколько можно в линиях уже учрежденных улиц остаться» (ПСЗ XVII 20 1765); «Погрешность моя состояла в том, что я, любя во всем регулярство, вздумал и в нем насадить липовых шпалер» (ЭМ II 27). Почти одновременно со словом *регулярство* в этом значении начинает употребляться

[71] Словари XVIII в. ни того, ни другого слова не отмечают. Впервые слово *фальшивость* зафиксировано в Словаре 1847 г.

[72] В этом значении слово *регулярство* встретилось в источнике конца века. Но в это время оно является уже историзмом: «Не успел дед мой. . . придти в возраст, как началось в войске нашем регулярство» (Зап. Бол. I 23).

слово *регулярность*, одна из ранних фиксаций которого отмечена в «Письмовнике» Н. Курганова (1769). Но источники конца века уже отмечают в этом значении преимущественно *регулярность*: «Его [город] по справедливости можно назвать прекрасным по регулярности улиц и хорошим зданиям» (Кар. ПРП I 163); «Через некоторое время они приметили, что ударов было всегда двадцать четыре. Долго думали они, что бы значила сия регулярность» (МЖ II 174). В отличие от слова *регулярство*, не представленного ни одним словарем, слово *регулярность*, как более известное в конце XVIII в., получает отражение в «Новом словотолкователе» Н. Яновского.

Во второй половине века таких однокоренных параллелей образуется меньше. К этому времени относится, например, появление в языке слова *степенство*: «Сие краткое нравоучение возвратило ему степенство» (Маркиз V 123). Однокоренное образование на *-ость* зафиксировано впервые во Французско-русском словаре 1786 г.: «**Sérieux**, f. Важность, степенность» (II 512). В «Словаре Академии Российской» приводятся оба слова: «**Степенство.** Степенность. Постоянство» (V 751). И то, и другое однокоренное образование отмечено также в Словаре Гейма 1802 г.: «**Степенство. Степенность.** la solidité, gravité, die Gesetztheit, Ehrbarkeit». Но в источниках этого времени встретилось лишь слово *степенность*: «Совершаем был оный [обряд]. . . со всею важностию и степенностию, каковая была сему духовному мужу свойственна» (Зап. Бол. II 540); «Свидетельствуюсь историею, что сия степенность, важность, никогда его не покидали» (Корифей I 166). Полное вытеснение слова *степенство* в указанном значении дублетным образованием на *-ость* произойдет в языке позднее, в XIX в.

Единичными примерами по сравнению с широко распространенным во второй половине XVIII в. словом *знатность* представлено в источниках этого времени слово *знатство*: «Такова великова господина дочь, знатство и богатство, кроме природных достоинств обратит очи всех знатных женихов на себя» (Зап. Н. Долг. 12).

Процесс вытеснения существительными на *-ость* дублетных образований с суффиксом *-ство*, наиболее отчетливо проявляющийся к концу века, охватывает в рассматриваемый период достаточно большой круг однокоренных параллелей. Однако не меньшая часть такого рода дублетных образований продолжает употребляться на протяжении всего XVIII в. без каких бы то ни было существенных ограничений. См., например, параллельное функционирование в языке первой половины XVIII в. таких слов, как *доброхотность* и *доброхотство*, впоследствии ушедших из языка: «А мы, великий государь, наше царское величество, изволим ту вашу доброхотность иметь у себя в почитании» (ПБП I 84 1696); «Ученицы великое ко учению возъимеют доброхотство» (ДР 27); слов *окончательность* и *окончательство*, замененных впоследствии словом *совершенство*: «Согласие Рифмическое, Отро-

ческая есть Игрушка, недостойная Мужеских Слухов. Вымысл сей оледенелый есть Гофичский, а не Елинское и Латинское, благорастворенным жаром блистающее и согревающее Окончательство» (Тред. Тилем. I XXXVIII); «Купили только одну [картину] у нашего корреспондента, раззорение Трои, писанную с великою окончательностию Брегелем де Велуром» (Ж. Дем. 22).

См. также параллельное употребление в конце века слов *дородность* и *дородство*, *достаточность* и *достаточество*, *излишность* и *излишество* и др. Таким образом, параллелизм в использовании однокоренных существительных с суффиксами *-ость* и *-ство* еще является отличительной особенностью языка XVIII в., так же как и довольно отчетливо наметившаяся к концу века тенденция к его преодолению.

Другую, меньшую, часть однокоренных параллелей с суффиксами *-ость* и *-ство*, появившихся в XVIII в., составляют слова, не обнаруживающие в значении полного тождества. Это, например, такие параллельные образования, как *вероломность* — *вероломство*, *проворность* — *проворство*, *распутность* — *распутство* и др. В отличие от рассмотренных выше эти существительные вследствие различия их значений, как правило, оба сохраняются в словарном составе языка.[73]

*Однокоренные параллели на **-ость** — **-ие**, образованные от именных основ*

С образованием новых слов на *-ость* в языке XVIII в. появляются такие однокоренные параллели как *пристрастность* — *пристрастие*, *разнообразность* — *разнообразие*, *усердность* — *усердие* и др.

Такого рода образования на *-ость* и *-ие*, как правило, не тождественны по значению: в отличие от имен на *-ость*, обозначающих отвлеченное качество, свойство, имена на *-ие* обозначают явление, характеризующееся тем или иным качеством, свойством. Из двух параллельных образований более широкое распространение в языке обычно получают имена на *-ие*. Однако и семантическая дифференциация, и степень употребительности для многих параллельных образований определились лишь в процессе развития языка, да и то не для всех. Вплоть до настоящего времени мы встречаемся со случаями употребления таких парных образований как тождественных по значению. Тем более это было характерно для XVIII в. в начальный период их сосуществования в языке, когда семантические отношения только устанавливались. Отсутствие различия в семантике характерно, например, для многих случаев употребления появляющегося в XVIII в. слова *усердность* и известного в языке до XVIII в. слова *усердие*. Ср. примеры

---

[73] Подробнее о словах такого типа на *-ство* см. с. 96—101.

употребления этих слов в сходных контекстных условиях: «Но ваше усердие и охота ваша, внешними знаками оказываемая, . . .обнадеживает меня» (ЕС 1755 186); «Я же рабскую мою усердность к службе. . . оказываю» (АВ VI 445 1760).

Как и слово *усердие*, *усердность* представлено в «Словаре Академии Российской». Источники XVIII в. свидетельствуют о более ограниченном его употреблении по сравнению с существительным *усердие*.

Как дублет в некоторых значениях распространенного в языке слова *пристрастие* входит в употребление во второй половине XVIII в. слово *пристрастность*. См., например, в Словаре Волчкова: «Пристрастность, держание чьей стороны» (II 591). Ср. также употребление этого слова в нехарактерном для него впоследствии значении 'особая склонность к кому-, чему-либо': «Пристрастность халдеев к астрономии завела их наконец к странным предрассудкам» (ПТ II 248).

Вследствие семантической недифференцированности имен на *-ие* и *-ость* и словообразовательной активности последних существительное на *-ость* иногда имело в XVIII в. более широкое распространение, чем параллельное образование. Примером может служить слово *разнообразность*, вошедшее в употребление во второй половине XVIII в.: «И естьли бы. . . начальный образ вещей должен иметь во всех происшествиях натуры свое подобие, то до тех пор не было бы производящее действие к произвождению способное, пока бы в оное разнообразность не вмешалася» (Эмин Фемист. 179); «Сочинитель, разыскивая прилежно действия разума человеческаго, ограничивает их на способность замечать сходствия и различия, приличность и разнообразность предметов между собою» (Рад. Уш. 147); «Разнообразность мнений о естестве ея [природы] распространяет над нею великую мрачность» (ПТ III 135—136).

Слово *разнообразие* появляется лишь в источниках последней трети века: «Разнообразие, как в одежде, так и в поступках прохаживающихся там людей, представляло весьма странное. . . зрелище» (ПД II 72); «Сколь некоторые роды людей. . . ни уродливы, (есть ли можно разнообразие природы почесть уродством), но члены их соразмернее обезьяны» (Рад. Чел. II 39); «Лотарингские горы. . . придают разнообразие виду обширных равнин, утомительных для зрения» (Кар. ПРП II 224).

В лексикографических трудах XVIII в. также более раннюю фиксацию получает слово *разнообразность*, отмечаемое Словарем Нордстета. Но уже в «Словаре Академии Российской» оно дается в одной словарной статье со словом *разнообразие*, что свидетельствует об известной предпочтительности, которая отдавалась составителями последнему по сравнению со словом *разнообразность*.

Большое количество однокоренных параллелей на *-ость* и *-ие* от именных основ представлено в источниках XVIII в. образова-

ниями с приставкой *без-*. Здесь и однокоренные параллели, возникшие вследствие появления новых слов на *-ость* наряду с ранее известными в языке именами на *-ие*: *безбрачность — безбрачие*, *бессмертность — бессмертие*, *бесчинность — бесчиние* и др.; и однокоренные образования XVIII в.: *безызвестность — безызвестие*, *бескорыстность — бескорыстие*, *бессловесность — бессловесие*, *бессмысленность — бессмыслие*, *бесхитренность — бесхитрие* и др. Эти пары, как и рассмотренные выше, в зависимости от семантики производящей основы либо имеют разные значения (слова на *-ость* выражают категориальное значение качества, свойства; имена на *-ие* — более конкретны, обозначают отсутствие чего-либо, обозначенного производящей основой), либо употребляются как тождественные. Различие в семантике явилось причиной сохранения в языке многих однокоренных образований такого типа до настоящего времени (ср., например, *бессмертность* и *бессмертие*).

Подобные отношения характерны для некоторых параллельных образований уже в XVIII в. В их числе, например, *бескорыстие* и *бескорыстность*. *Бескорыстие* входит в употребление во второй половине века: «Скромность его, егож бескорыстие, добрая Верность, Делают что Судия он есть окрестным Державам» (Тред. Тилем. I 88); «К л е р д о н. Толикая нежность, толикое безкорыстие, толикое величество духа» (Безбожн. 52); «Безкорыстие его было удивительно» (BE I 45).

В это же время отмечено в языке и слово *бескорыстность*.[74] Оно зафиксировано, например, в Словаре Волчкова: «Бескорыстность, безмездие, упущение, несмотрение своей пользы» (I 709). Представлено оно и в Словаре Нордстета, но, так же как рассмотренные ранее параллели на *-ость*, встречается в языке значительно реже, чем слово *бескорыстие*.

Напротив, некоторые параллельные образования, обнаруживающие семантическое сходство и тяготеющие к выражению категориального значения отвлеченного качества, свойства, состояния, распадаются в связи с неупотребительностью имен на *-ие*. Разрушение некоторых пар такого рода происходит уже к концу XVIII в., например, *безызвестность* и *безызвестие*. Более раннюю фиксацию в языке имеет последнее: «С его интересами весьма несходно сей конгресс в таком безъизвестии далее продолжать» (ЖПВ II 540 1718); «Я был тогда в превеликом безызвестии, что чинить» (ЕОЛ 143). Слово *безызвестность* отмечено в Словаре Нордстета, который дает также и *безызвестие*. Но источники конца XVIII в. отмечают преимущественно слово *безызвестность*: «И безъизвестность сия делает мне отраду» (Вертер 69); «В сей безызвестности и безпокойствии решились мы отсюда поехать

---

[74] См. параллельное употребление в языке слова *бескорыстливость*: «В согласное следствие нашей при сем безкорыстливости не полагаются теперь никакие проценты ни с приему, ни с выдачи» (ПСЗ XV 1022 1762).

в Париж» (Пис. мас. 37 1790); «Особливо по объявлении войны в первый раз, нечаянность и безызвестность умы поражали» (Держ. VII 218). На меньшую употребительность слова на *-ие* указывает и «Словарь Академии Российской» (2-е изд.), определяющий слово *безызвестие* через *безызвестность*: «**Безызвестие.** То же, что безызвестность» (I 174).

Вместе с тем употребление некоторых параллелей наблюдается в языке еще до конца века. См., например, *бессмысленность* и *бессмыслие*: «Достоинство народа оскорбляется бессмыслием и косноязычием дурных писателей» (ВЕ IV 128); «Молодые Афиняне, ветренные и надменные. . . почитали себя ко всему способными, и гордостию своею не превосходили только одной их бессмысленности» (Пант. ин. сл. II 120). Эти слова представлены также во 2-м издании «Словаря Академии Российской»: «**Бессмысленность** и **Бессмыслие.** Неимение смысла» (I 163).

Нередко сходные или тождественные значения передавались в XVIII в. несколькими однокоренными существительными. Многочисленные дублетные и синонимические ряды образовывали, например, существительные на *-ость*, *-ство*, *-ие*. Отношения этих слов в языке складывались по типу отношений парных параллелей. В источниках XVIII в. наблюдается употребление таких параллельных образований, как *бессовестность — бессовество — бессовестие*; *безвременность — безвременство — безвремение*; *бесчеловечность — бесчеловечество — бесчеловечие*; *бесплодность — бесплодство — бесплодие*; *бессильность — бессильство — бессилие*; *безначальность — безначальство — безначалие*; *неразумность — неразумство — неразумие*; *разумность — разумство — разумие* и др. Но уже при самом возникновении эти ряды оказывались неустойчивыми. Наименее «жизнеспособными» в них были существительные на *-ство*, выступавшие как полные дублеты к именам на *-ость* или *-ие*. Существительные на *-ость* и *-ие*, нетождественные по значению, оба сохраняются в языке. Например, из употреблявшихся в XVIII в. слов *высокомерие — высокомерность — высокомерство* в языке закрепляется первое, отмеченное в Словаре Нордстета. Несколько позже, в «Словаре Академии Российской» получает фиксацию слово *высокомерность*, также вошедшее в употребление в XVIII в. наряду со словом *высокомерие* как его неполный синоним. Наименее употребительным оказалось в этом ряду слово *высокомерство*, встретившееся лишь у Тредиаковского: «Также волнуемы быть: Честолюбием, Высокомерством, Страхом, Любостяжанием и сребролюбием зельным» (Тилем. I 142).

В ряду *бесплодность — бесплодие — бесплодство* слово *бесплодство* появляется как дублет к уже утвердившемуся к этому времени в языке слову *бесплодие* (отмечено в Лексиконе Поликарпова). Оно не представлено ни в одном из словарей XVIII в. и встретилось лишь в источниках начала века: «Плодоносие и бесплодство, такожде овощеи роды» (Геогр. 1710 3). Более широкое распространение в языке, чем слово *бесплодство*, наряду

со словом *бесплодие* получает появившееся в XVIII в. слово *бесплодность*, о чем свидетельствует его фиксация в словарях начиная со Словаря Нордстета.

Аналогичны рассмотренным выше отношения слов в рядах *разумность — разумство — разумие*; *неразумность — неразумство — неразумие*.

Несколько иные отношения характерны для существительных *бессилие — бессильность — бессильство*. Существительное *бессильство*, хотя и известно в языке с XVII в., но широкого распространения в XVIII в. не получило. В источниках отмечены лишь единичные примеры его использования: «А до коликих лет в младенцах безсилство ума, препятствующее входить в договор с обязателством протягается?» (Пуф. ДЧ 197). Слово *бессильность* встретилось в имеющихся материалах у Тредиаковского: «Нетерпеливность, котора является Крепость душевна, Токмо есть — Сла́бость, и к претерпениям всяким безсильность» (Тилем. II 217); «Сколько людей, которых бедность и купно безсильность, чтоб вознестись Добродетельми им в прославление громко, Нудят сего достигать пороками и злодеяньми?» (Тилем. II 207). Не получили отражения эти существительные и в словарях XVIII в. Основным, передававшим указанные значения, было в это время древнерусское слово *бессилие*, единственное из всех отмеченное в «Словаре Академии Российской».

Существительные на *-ство*, как и в парных параллелях, закрепляются в языке в тех случаях, когда они нетождественны существительным на *-ость*. Так, в ряду параллельных образований *бесстыдность — бесстыдство — бесстыдие* основным для выражения значения качества, свойства бесстыдного, а также таких поступков и действий служит утвердившееся в языке к XVIII в. слово *бесстыдство* [75] (отмечено в Лексиконе Поликарпова). Слово *бесстыдность* фиксируется в начале XVIII в. (отмечено, например, в Русско-голландском лексиконе 1717 г., с. 45) и изредка используется наряду со словом *бесстыдство* как его синоним: «Для обличения безстыдности и нахальчивости» (Кант. Сат. VIII 172). См. в Словаре Кондратовича 1775 г.: «Бесстыдство, бесстыдность» (97). Довольно редко наблюдаются в источниках XVIII в. и случаи употребления слова *бесстыдие*, тождественного по значению слову *бесстыдство*: «Изображает токмо одни пороки и безстыдия» (Тред. Тилем. I XXV); «Г е о р г и й. Избавится ль сей град безстыдия и срамов» (Сум. ДС 105).

Подобен приведенному ряд *бесчинство — бесчинность — бесчиние*.

---

[75] См. примеры употребления этого слова в языке XVIII в.: «Плати безстыдством за неимением способов твердейших» (Бакон 138); «Я сделался рабом мерзких его прихотей. Всюду возил он меня, где честь и безстыдство имело свои олтари» (Н. Эмин Роза 104); «Не возтревожся, если закоренелый в развратности, поседевшей в объятиях безстудства, мимо тебя пройдет, и тебя презрит» (Рад. Пут. 229).

Однокоренные параллели на ***-ость — -ие, -ость — -ние (-тие)*** *соотносительные с глагольными основами*

Появляющиеся в языке XVIII в. однокоренные параллели указанного типа различны по значению, что определяет их дальнейшую судьбу в языке.

Основную часть парных образований составляют слова на *-ость*, *-ие*, *-ние* с глагольно-результативным значением. Из тождественных по значению однокоренных образований в языке закрепляются слова на *-ие*. Однако в XVIII в. в отношениях такого рода однокоренных образований еще нет того единообразия, которое обнаруживается в языке позднее: в это время многие существительные на *-ость* еще выполняют семантическую функцию, которая в дальнейшем полностью закрепляется за именами на *-ие* или *-ние*. См., например, слова *доверенность* и *доверие*. С начала XVIII в. в значении 'уверенность, убежденность в чьей-либо честности, надежности, в том, что кому-, чему-либо можно верить, доверять' употреблялось преимущественно слово *доверенность*, имевшее также ряд других значений: [76] «Доверенность, которую его царское величество имел к. . . учиненным словесным обещаниям от вашего величества, не позволяли его царскому величеству верить сим уведомлениям» (ЖПВ II 703 1720); «Надобно. . . объявить ему о намерениях известных людей, что они будут стараться искать его доверенности только для его же пагубы» (Локк 195); «Довели его до того, что удостоил он меня своей доверенности и согласился разсказать свои несчастия» (Осип. Не прямо в глаз 42).

Первую лексикографическую фиксацию это слово получает в Российском Целлариусе 1771 г.

В середине века в том же значении отмечено слово *доверение*, получившее, как и *доверенность*, отражение в «Словаре Академии Российской». См. пример его употребления в языке XVIII в.: «Когда она думала, что довольно возбудила к себе доверения, то позвала она полковника со всеми офицерами к себе обедать» (Сойм. КМ 1763 VI 488).

Слово *доверие* чаще встречается в языке второй половины XVIII в. в других значениях.[77] В указанном значении оно отмечено лишь в некоторых источниках. См., например: «Городское общество как и члены, так и прочия общественныя службы и должности, назначает граждан, заслуживших честное имя и общее доверие» (ПСЗ XXV 371—72 1798); «Кассир Кельберг. . . был

---

[76] Подробно о словах *доверенность — доверие* см. в статье: Войнова Л. А. Эмоционально-психологическая и морально-этическая лексика в повествовательной прозе последней трети XVIII в. — В сб.: Процессы формирования лексики русского литературного языка. М.—Л., 1966, с. 233—236.

[77] Так, «Словарь Академии Российской» дает его только в значении «доброе мнение заимодавцев о исправности платежа, которое бывает причиною к удобному займу. Иначе иностранным словом называется кредит» (I 1026).

у главнаго директора и прочих чиновников в великом доверии, и на сие-то надеясь, вошел он со вторым директором Зайцовым в толь короткую связь, что брали казенныя деньги на покупку бриллиантов» (Держ. VI 662). Окончательная утрата существительным *доверенность* этого значения и утверждение в нем слова *доверие* произойдет значительно позднее, в XIX в.

Из употреблявшихся в XVIII в. в тождественных значениях однокоренных образований *отличность* и *отличие* более раннюю фиксацию в языке получает слово *отличность*. Оно регулярно встречается в источниках начиная с 50-х годов. Первоначально его употребление было связано со сферой дипломатического языка: «[Грос] в дворских обхождениях и приемностях по своему характеру пред других Дворов министры неприязненную отличность имел» (Зап. Нащ. 104 1751); «Послам фамилии та одна отличность делается, что они везде. . . вход имеют» (АВ III 200 1756). Но уже в 60-е годы оно получает более широкое распространение: «Зелень на нем светлая, и подобен листу хренному, с тою отличностию, что. . . стебель сего табаку до трех аршин в вышину иногда подъимается» (ЕС 1763 IV 321); «Разсуждая о различных фамилиях и коленах, в Риме поселившихся, натурально представить, что, не смотря на соединение, у всякаго из них, к древним, себе единственно собственным отличиям, . . .пристрастие еще оставалось» (Трет. 1769 6); «Женщины имеют только ту отличность, что носят юбки» (Приб. МВ 1784 139).

Слово *отличие* первую фиксацию получает в Словаре Нордстета, где оно дано вместе со словом *отличность*. Обе параллели включает также «Словарь Академии Российской»: «**Отличие и Отличность**. 1. Разность, различие. . . 2. *Предпочтение, отмена. 3. *Превозходство, достоинство в чем, делающее в разсуждении других отмену» (III 1204—1205). Широкую употребительность этого слова наряду со словом *отличность* подтверждают также источники последней трети XVIII в.: «И так может быть одно соразмерное сложение мозга, изящнейшее его положение, так как приятная внешность человека, суть истинное отличие человеческого мозга в его образовании» (Рад. Чел. II 42); «Прожить век на скотном дворе и ограничить отличие свое от животных только тем, чтоб ходить на двух ногах!» (СПб. М. I 31).[78]

Иногда однокоренные имена на *-ость* образуются в XVIII в. и употребляются как синонимичные к имевшим это значение существительным на *-ие*, *-ние*. Такую пару представляют, например, слова *отчаянность* и *отчаяние*: слово *отчаянность* появляется во второй половине XVIII в. и наряду со значением ‘безрассудная

---

[78] См. употребление в синонимичном значении в языке XVIII в. также однокоренных существительных *отличение* и *отличка*: «Но намерение наше, показав его [человека] в вещественности и единообразности, показать его отличение» (Рад. Чел. II 29); «Другие члены, как то перевод, тело и подзор взаимствуют свои пропорции от чинов дорическаго и ионическаго без всякой отлички» (Витр. (К.) 101).

смелость, удальство'[79] употребляется также в значении 'состояние крайней безнадежности, безвыходности', которое к этому времени уже закрепилось за словом *отчаяние*.[80] «Самое Речь сия содевала то для Богини, Всю отчаянность в ней и всю болезнь утоляя» (Тред. Тилем. I 122); «Она в отчаянности бросилась в Двину» (Никанор 21).

В дальнейшем в течение довольно продолжительного времени эти слова сосуществуют в языке в указанном значении. Оба они представлены в Словаре Гейма и в «Словаре Академии Российской».[81] Как равноправные синонимы даются они и в Словаре 1847 г. Но, как свидетельствуют имеющиеся данные, в течение XVIII—начала XIX в. слово *отчаянность* в указанном значении употреблялось гораздо реже.[82]

Множество однокоренных параллелей указанного типа возникает в языке XVIII в. вследствие появления наряду с уже вошедшими в словарный состав языка существительными на *-ние* малоупотребительных или окказиональных существительных на *-ость*: *раскаяние — раскаянность*, *предпочтение — предпочтенность*, *поползновение — поползновенность*, *сожаление — сожалительность*, *забвение — забвенность*, *подозрение — подзорность*, *расположение — расположность* и др.[83]

Синонимические или тождественные по значению однокоренные пары составляют имена на *-ость*, обозначающие отвлеченное качество, свойство, и отглагольные существительные на *-ние*, в одном

---

[79] См. примеры употребления слова *отчаянность* в этом значении: «Юный сей царь и высок, и статен, силен, надменен, В зорких очах имел отчаянность купно и ярость» (Тред. Тилем. I 34); «Они были полны горячностью и отчаянностью» (Гист. доф. 69 (ДРС)); «Зеницы пламенно вращаясь не горят, В которых пред сим отчаянность грозила, небесная печаль грусть ада заступила» (Держ. Соч. V 102).

[80] См. примеры использования этого слова в источниках первой половины XVIII в.: «А аще, сыне мой, и весма оскудееши, . . . то и тогда. . . во отчаяние, ни во уныние не вдавайся» (Пос. Завещ. 145); «Один ея взгляд приводит сердце в крайнее отчаяние» (ЕОЛ 34).

[81] См. определения этих слов в «Словаре Академии Российской»: «**Отчаяние.** Состояние души унывшей, потерявшей упование, надежду к прекращению зла или к получению некакого добра» (VI 683—684); «**Отчаянность.** Состояние отчаявшегося» (VI 684).

[82] Как устарелое оно рассматривается лишь начиная со Словаря современного русского литературного языка АН СССР (т. 8, М.—Л., 1959).

[83] См. примеры употребления некоторых таких имен на *-ость* у Тредиаковского: «Внутрь предчувствие горестна бедства его приводило в зельну раскаянность, о своем обречении дерзком» (Тилем. I 78); «Многия он усмотрел из Царей тех древних Лидийских, мучимых за предпочтенность утех трудам надлежащим» (Тилем. II 579); «Ментор, обрадован быв, что в Несторе зрил сердолюбность, Он с каковою принял к нему Тилемаха притекша, В пользу употребил сию расположность изрядну» (Тилем. I 182); в других источниках: «Торжественныя врата, пирамиды, даже и самые храмы и жертвенники разрушаются временем и забвенность изглаждает их» (УС III 209); «Когда чернь однажды напала в обманчивое начало, то уже и должно выводить оттуда все последствия, рождающиеся от неукротимых страстей и поползновенности» (Пис. Б.-Б II 391) и др.

из значений, обычно переносном, что усиливает в них элемент качественности: *надменность — надмение, уверенность — уверение, преданность — предание, рассеянность — рассеяние, принужденность — принуждение* и др. Из этих пар в языке, как правило, закрепляется существительное на *-ость*, а однокоренное слово на *-ние* утрачивает соответствующее значение. Такие параллели образовывались в XVIII в. либо примерно в одно время, либо имена на *-ость* появлялись как синонимы или семантические дублеты к ранее употреблявшимся в этом значении именам на *-ние*. Утверждение в языке некоторых имен на *-ость* и оттеснение ими существительных на *-ние* в соответствующих значениях происходит уже в XVIII в. Такие отношения характерны, например, для существительных *надменность* и *надмение*.[84] Слово *надмение* появляется в языке гораздо раньше, чем *надменность*. В значении 'гордость' оно отмечено в Словаре Срезневского в памятнике XI в. Из словарей XVIII в. в том же значении 'гордость, кичение' его включает Лексикон Поликарпова 1704 г. Употребительно оно в значении 'высокомерие, кичливость' и в источниках XVIII в.[85]

Слово *надменность* встретилось в источнике 40-х годов: «Надменность англичан становится нестерпимою» (Кант. Деп. 150). Оно быстро получает распространение, оттесняя слово *надмение*, широко используется в различных языковых сферах, в произведениях различных жанров: «Они. . . открыли мне всю пышность, всю надменность покровителей» (Сидней 18); «Я за лучшее почел посетить его самаго в кочевье и тем удовлетворить башкирской надменности» (Пут. Леп. II 105). В конце века оно уже преобладает в языке: «Ты. . . презираешь суетную надменность людей» (Кар. ПРП V 60); «Естьли бы сии люди. . . без всякой надменности, свойственной только низким душам — совершенно посвятили себя литтературе» (МЖ IV 246) и др. Слово *надмение* в это время еще встречается в источниках.[86] Однако использование его ограничено.[87]

---

[84] Это слово в XVIII в. еще не утратило живой связи с глаголом *надмевать* 'надувать'. См., например: «И того ради зделала себе около живота искусно из стараго худаго сукна, шерсти и пуха пояс, и оныи от часу прибавливала, донеле же пух липе к великому чрева надмению несоравнилось» (Прим. Вед. 1728 37).

[85] См., например: «Скорби, рече, и искушения временная премного помоществуют или ко уврачеванию надмения гордыни, или ко искушению терпения» (Буж. Нотенб. л. 10 об.); «Оба, в неистовом надмении многое вымышляя, ненарочныи взоры, или мановения, приписывали себе в обиду» (Арг. II 63).

[86] Ср., например, употребление слов *надмение* и *надменность* у Державина: «Сребра зрел горы на столах, Вельмож надменность, роскошь, пышность» (Соч. II 11); «Лист желтый, на пример: — надменность Явит, что гордо ты жила» (Соч. III 229). Ср.: «Куда теперь твое надмение девалось?» (III 420); «Давно надменья, властолюбья, Сию личину знаем мы» (Соч. I 196).

[87] Подробное рассмотрение других примеров, аналогичных данному, см. в статье: Мальцева И. М. Из наблюдения над словообразова-

Самыми неустойчивыми однокоренными параллелями на *-ость*, *-ние* были в XVIII в. имена, обозначавшие отвлеченное действие. Как отмечалось выше, слова на *-ость* с этим значением представляли собой специфичные для XVIII в. образования и уже в XVIII в. не выдерживали конкуренции с отглагольными существительными на *-ние*. Например, слова *отбытность* и *отбытие* в значении 'действие и состояние отбывшего', обнаруживающие тесную связь с глаголом, встречаются уже в источниках первой половины XVIII в.: «Он [подполковник] есть первыи по полковнике, и имеет во отбытии полковника, начальство равное со оным» (Кн. экс. 18); «Также одному дал власть: во время своего отбытия с Москвы и вне государства» (АК I 77 1727); «А на дачу вышеписанным школьным ученикам по отбытности их из Приказу артиллерии окладных и кормовых денег по табелю не положено» (ДПС II 2 160); «Мое мнение, чтоб в такой моей отбытности определили его, конечно, к себе» (АК II 364 1711). В дальнейшем слово *отбытность* выходит из языка, о чем свидетельствуют источники второй половины XVIII в., отмечающие лишь слово *отбытие*. См., например: «Без терпеливности ждал моего отбытия в страхе» (Тред. Тилем. I 50); «Лилипутский император после моего отбытия никаких не делал за мною поисков» (Гулливер I 170); «По отбытии их из того села, крестьяне собравшись в великом множестве бежали за ними по берегу реки» (В. Каин 48) и др.

В один синонимический ряд выстраиваются в языке XVIII в. также имена на *-ость*, *-ство*, *-ние*: *забвенность* — *забвенство* — *забвение*; *оберегательность* — *оберегательство* — *оберегание*; *повелительность* — *повелительство* — *повеление*; *подчиненность* — *подчиненство* — *подчинение*; *проницательность* — *проницательство* — *проницание*; *смиренность* — *смиренство* — *смирение*; *снисходительность* — *снисходительство* — *снисхождение*; *сомнительность* — *сомнительство* — *сомнение*; *старательность* — *старательство* — *старание*; *содрогательность* — *содрогательство* — *содрогание*; *стремительность* (*стремливость*, *стремленность*) — *стремительство* — *стремление* и др.

Представляется, что объединение этих слов в общий синонимический ряд происходило через существительные на *-ство*, обладавшие способностью выражать и качественность, и глагольность. Семантически сходными все три слова оказывались в тех случаях, когда существительное на *-ость* употреблялось, как и существительные с суффиксами *-ство* и *-ние*, с глагольным значением, либо когда существительные с этими суффиксами имели, подобно существительным на *-ость*, качественное значение, либо, наконец, когда все три слова обозначали явление, характеризующееся определенным признаком, свойством. Образование подобных параллелей является специфической особенностью языка XVIII в.

нием в языке XVIII в. — В сб.: Процессы формирования лексики русского литературного языка. М.—Л., 1966, с. 272—283.

В дальнейшем эти синонимичные ряды разрушаются: существительные на *-ство* выходят из употребления, а существительные на *-ость* и *-ние* в большинстве случаев окончательно семантически дифференцируются. Но в XVIII в. наличие имен на *-ство* способствовало еще большему семантическому сближению имен на *-ость*, *-ние*, их употреблению в близких синонимических или тождественных значениях. Так, из слов *сомнение — сомнительство — сомнительность* в первой половине XVIII в. были известны только слова *сомнение* и *сомнительство*, употреблявшиеся в синонимичных или тождественных значениях. См., например, употребление их в значении 'неясность, неопределенность': «Понеже бо ветры помогли, то в сумнительстве осталося мужество победивших: кто весть что бы было, аще бы не помогли ветры?» (Прокоп. СР II 58); «Яровой хлеб. . ., хотя по мнению Стеллера родиться там и может, . . .однако оно оставляется в сумнении до будущего времени» (Краш. ОЗК I 155); в значении 'состояние сомневающегося': «Гедвик Доротея пришла в великое сумьнителство» (Александр 139); «Пафнутий его обличал, что он Димитрий его Пафнутия в сумнение о вере привел» (Д. Тв. 102). Как близкие по значению рассматриваются эти слова и в словарях — см., например, у Волчкова: «Сумнение, сумнительство» (I 776).

Во второй половине века слово *сомнительство* уже чаще встречается в одном синонимическом ряду с вошедшим к этому времени в употребление словом *сомнительность*. Эти слова даются, например, в одной словарной статье в Словаре Нордстета: «**Сомнительность** и **сомнительство** — die Zweifelhaftigkeit, der Zweifel, die Ungewißheit» (II 761). Общее определение «Свойство сумнительного, неясность, невероятность» получают они также в «Словаре Академии Российской» (IV 192).

Таким образом, слово *сомнительство*, связанное семантически со словами *сомнение* и *сомнительность*, способствовало объединению всех трех слов в один ряд близких, а иногда тождественных по значению существительных. См., например, отмеченные в источниках XVIII в. случаи использования этих имен в конкретном значении в форме множественного числа: «Подлинно, что многия сомнительства к опровержению сей моей догадки предложены быть могут» (Лом. СС I 269); «Так краткия доказательства, сопряженныя счастливо, определят твердо истинну, вместо того что тратится время разгнанием всех сомнительностей» (Бакон 21); «К л е р д о н. Все решены мои сомненья. Неверность его явна мне стала» (Безбожн. 61).

Попечение — попечительство — попечительность. В этом ряду наиболее древним является слово попечение 'забота о ком-, чем-либо', которое было известно в языке до XVIII в. В том же значении в XVIII в. употреблялось слово *попечительство*, о чем свидетельствует «Словарь Академии Российской», включающий его со следующим определением: «**Попечительство**. Попечение, старание о ком или о чем» (IV 757). Источники середины XVIII в.

отмечают появление прилагательного *попечительный*, и вслед за ним существительного *попечительность*, которое нередко использовалось в языке с глагольным значением, входя, таким образом, в один ряд с однокоренными параллельными существительными *попечение* и *попечительство*. См. примеры употребления этого слова в языке XVIII в.: «Богослужительная, политическая, семейственная и все протчия части соотношений в краткое время возведены до высокой степени благотворного и неутомимого его попечительностию» (Панк. 1792 4); «[Очевидцы] описали нам его удивительную попечительность о спасении народа во время страшнаго голоду, который два года свирепствовал в России» (ВЕ V 36); «Попечительность моя о тварях не имеет других пределов, кроме предписанных вышнею властию» (ММ III 86).

Однокоренные параллели на -ость-(-ство)-ствие

Нередко в качестве дублетов к именам на *-ость* в языке XVIII в. выступали существительные с суффиксом *-ствие*.[88] Но так как эти существительные в свою очередь очень часто дублировали по значению существительные на *-ство*, то в языке возникали дублетные или синонимические ряды слов с суффиксами *-ость*, *-ство*, *-ствие*, которые при соответствующих производящих основах могли дополняться существительными на *-ие*: *бездейственность — бездейство — бездействие*; *безопасность — безопасство — безопасствие*; *безответность — безответство — безответие*; *благодарность — благодарство — благодарствие*; *неблагодарность — неблагодарство — неблагодарствие*; *благородность — благородство — благородствие*; *добролепность — добролепотствие*; *коварность — коварство — коварствие*; *последственность — последство — последствие*; *посредность — посредство — посредствие*; *спокойность — спокойство — спокойствие*; *неспокойность — неспокойство — неспокойствие*; *суетность — суетство — суетствие*; *сходность — сходство — сходствие*; *трудолюбность — трудолюбство — трудолюбствие*; *усильность — усильство — усильствие — усилие* и др.

Имена на *-ствие* по сравнению с однокоренными образованиями на *-ость* и *-ство* встречались гораздо реже (но чаще, чем впоследствии) и имели более ограниченную сферу распространения. Помимо памятников церковно-богослужебной литературы, в которых они с древнейшей поры использовались особенно широко, эти существительные в XVIII в. получили распространение в произведениях «высокого слога», а также в языке поэтических

---

[88] Рассмотрению существительных с суффиксом *-ствие* в историческом аспекте посвящены статьи: Соломина А. С. Из истории отвлеченных имен существительных с суффиксом *-ствие* в русском языке. — Уч. зап. Казахского жен. гос. пед. ин-та. 1964, в. 4; Николаев Г. А. Именные образования с суффиксом *-ствие* в русском литературном языке XVIII в. — В кн.: Очерки по истории русского языка и литературы XVIII в. — Ломоносовские чтения. Казань, 1967, в. 1, и др.

произведений, где их употребление часто диктовалось потребностями стихотворного размера. Многие слова на *-ствие*, особенно относящиеся к числу новообразований, появлялись в языке как окказионализмы. Обследованные материалы показывают, что в ряду параллельных образований, обозначающих отвлеченное качество, свойство, основным словом, выражающим это значение, были имена на *-ость*.[89]

Среди параллелей, обозначающих какое-либо явление, характеризующееся определенным качеством, свойством, ведущими уже в XVIII в. в ряде случаев были имена на *-ство* или *-ствие*. Так, в ряду *благородность — благородство — блогородствие* в значении 'высокое достоинство, изящество, красота' наиболее употребительным было слово *благородство*: «По сему описанию видно, что она благородством материи, высокостию речей не разнится от эпическия поэзии» (Тред. СП II 30); «Художества украшают жизнь, дают благородство чувствию, становятся ободрительными средствами добродетели» (Приб. МВ 1783 6).

Слово *благородность* встречается в обследованных источниках довольно редко: «Но в эпической Пииме, коя есть Род нравоучительныя Философии, такия Заплетения почитаются игрою Разума, и они суть ниже важности ея и благородности» (Тред. Тилем. I CXXII).

Редки также случаи употребления в источниках XVIII в. слова *благородствие*: «Мыслит всегда и единственно о чертах совершенных, Коими б дать жизнь, страсть и своим благородствие лицам» (Тред. Тилем. II 706). Однако «Словарь Академии Российской» наряду со словом *благородство* фиксирует и слово *благородствие*, по всей вероятности, еще воспринимавшееся современниками как слово живого употребления.

Такие же отношения характерны в XVIII в. для однокоренных параллелей *коварность — коварство — коварствие*. Основным выражающим значение 'качество, свойство коварного; коварные поступки, дела', было в этом ряду слово *коварство*. Слова *коварность* и *коварствие* употреблялись редко,[90] хотя оба были представлены в «Словаре Академии Российской».

Наряду со словообразовательными синонимами, среди которых доминирующее слово уже определилось, в XVIII в. встречаются и такие, которые продолжали употребляться параллельно даже в конце века. Это, как правило, имена, имеющие собственное

---

[89] Так как в этих рядах имена на *-ствие* тождественны именам на *-ство*, то отношения однокоренных образований сводятся к отношению пар на *-ость* — *-ство*, которые подробно рассмотрены выше.

[90] См. примеры употребления этих слов в источниках XVIII в.: *коварствие* (в образном контексте): «В нем Царь, как кормчий прозорливый, Обязан ветры знать щастливы, Сражаться с бурею войны, предвидеть мель коварствий темных, . . . И не дремать средь тишины» (Костр. Соч. I 46); *коварность*: «Еще ли чаешь ты в коварности успеть?» (Лом. СС II, 44); «Тому ли повредит сердец неблагодарность, кто для Спасителя прощает им коварность» (Никол. Тв. 125).

лексическое значение. Наиболее употребительным из ряда однокоренных параллелей *сходство — сходность — сходственность — сходствие* было древнерусское слово *сходство*.[91]

Значительно реже встречается *сходность* (представлено уже в Вейсманновом Лексиконе 1731 г.): «Оный Павел подложно сказывается греческим священником. . . и хотя к тому много сходности есть, . . . однакож я попу Варфаломею тогда запретил, чтоб он впредь в такия дела не вступал» (Кант. Рел. I 208); «Сие имеет довольно сходности на французском языке, но зело мало на латинском» (Ордина 210).

Во второй половине века широкое распространение получает появившееся в это время слово *сходственность*: «Монетной канцелярии. . . шестаки и ферцинги делать, чтоб оныя с соседними такими ж деньгами имели сходственность» (ПСЗ XIV 587 1756); «Чего ни Картезий, ни Лейбниций, в сходственность началам богословским, чрез свои положения не доказывают» (Аничк. 1783 24); «Наружные признаки соединяют часто разнороднейшия тела и разделяют те, кои ближайшую между собою имеют сходственность» (Минер. Северг. I 63).

Довольно часто в источниках XVIII в. встречается также слово *сходствие*: «И число семян, и собственное сих положение, листвие, травное, корения, собственный образ растения, и прочее, есть причина сего сходствия» (КАН 53); «Мы благосклонность других людей приобретаем сходствием наших мыслей и деяний с их мыслями и деяниями» (Рад. Уш. 125).

О параллельном употреблении существительных *сходство — сходственность — сходствие* в конце XVIII в. свидетельствует и «Словарь Академии Российской», в 1-м издании которого даны *сходство* и *сходственность*, а во 2-м — и *сходствие*.

Параллельно употреблялись в XVIII в. также некоторые однокоренные существительные, в дальнейшем дифференцировавшиеся по значению, например *бесчувство*, *безчувствие* и *безчувственность*. См., например, употребление этих слов в значении ‘потеря сознания, беспамятность’: «Довести его до бесчувственности» (Коз. ФП [19]); «Сон есть подобие смерти; но сие случается только тогда, когда дух и тело погружены бывают в совершенную бесчувственность» (ПД I 266); «Но на что печали посредство зыблющагося воздуха, да произведет в тебе болезнь, обморок, безчувствие» (Рад. Чел. III 84); «В безчувствии глухом лежащего владыку Проникнул сладкий шум Сего священна лику» (Держ. Соч. V 94).

---

[91] См. примеры его употребления в источниках XVIII в.: «Есть постоянное сходство между временами, в которая всякая планета периоды свои совершает, и их средственными от солнца разстояниями» (КАН 45); «Истинна логическая есть ни что иное, как сходство мыслей наших с самою вещию» (Коз. ФП 27); «Но и судить есть ни что иное, как усматривать сходство и разность, принадлежность и неприличность наших чувствований и понятий» (Рад. Уш. 148).

Наблюдаются также случаи употребления этих слов в значении 'безразличие, безучастность': «Естьли бы он в этом случае не осердился, то я почел бы это в нем слабостью и безчувственностию» (Приб. МВ 1784 698); «Прикроем безчувствием уничижение наше, и видится воспаленна ярость в очах наших» (Рад. Пут. 283).

В некоторых случаях из числа однокоренных синонимов, обозначающих какое-либо явление, характеризующееся определенным качеством, свойством, в языке оставались существительные не на *-ство*, а на *-ствие*. В имеющихся материалах такой пример представлен однокоренными синонимами *спокойствие* — *спокойность* — *спокойство*, из которых уже в языке XVIII в. наибольшее распространение получает существительное *спокойствие*, обозначавшее в отличие от однокоренных синонимов не отвлеченное свойство, качество спокойного, а имевшее более конкретное значение 'отсутствие шума, движения; тишина'.

Еще чаще в языковой обиход входили существительные на *-ствие*, соотносительные с глагольными основами и имевшие значение результативности.[92] Из указанных параллелей пример такого рода представляют существительные *последствие* — *последство* — *последственность*, употреблявшиеся в XVIII в. со значением 'результат, следствие чего-либо, обстоятельство, явившееся следствием чего-либо'.

Основным существительным, передающим указанное значение в ряду однокоренных словообразовательных синонимов, является во второй половине XVIII в. слово *последствие*, вошедшее в употребление с середины века: «Прежде нежели быть уже в беде всеконечно, Долг предвидеть напасть, и — тоя последствий бояться» (Тред. Тилем. I 11); «Таким образом повержен и лежащ ниц смотрел я со стороны последствие сего происшествия» (Апулей I 19); «Последствие доказало, что предсказание сие было очень справедливо» (Зап. Бол. I 24).

Древнерусское слово *последство* встречается в XVIII в. редко. В обследованных источниках оно отмечено лишь у Тредиаковского: «Дваб тем произошли нам пагубные бедства, От густоты одной и от ее последства» (Феопт. 224); «О! вы Еллины, кои пришли сюда в Есперию, Вы пришли все в нея по причине токмо Несчастий, Бывших Последствами от Троянския оныя Брани» (Тилем. I 178).

В конце века с тем же значением появляется слово *последственность*, но широкого распространения оно не получило: «Тяжесть есть свойство. . . Последственностями оныя тяжести почитают притяжение и отражение» (Рад. Чел. II 126).

---

[92] О закреплении в языке существительных на *-ствие*, соотносительных с глагольными основами, см. в статье Г. А. Николаева «Именные образования с суффиксом *-ствие* в русском литературном языке XVIII в.», с. 82.

*Однокоренные параллели на **-ость** — **-ота**, **-ость** — **-ина**, **-ость** — **-изна***

Значительно реже образуются в XVIII в. однокоренные параллели с указанными суффиксами. Для этих пар в XVIII в. характерна та же закономерность, что и для образований с суффиксами *-ость* — *-ство*, *-ость* — *-ствие*, *-ость* — *-ие*: из двух слов, обозначающих отвлеченное качество, распространение в языке XVIII в. получали преимущественно существительные на *-ость*. Так, в имеющихся материалах слово *мешкота* отмечено лишь у Тредиаковского: «О кой бы череп тот разбить без мешкоты» (Тред. Феопт. 255). Тогда как *мешкотность* представлено в «Словаре Академии Российской» и сравнительно часто встречается в источниках XVIII в.: «Выиграть нечто чрез мешкотность» (УС I 250); «Они приписывали воде всю вину сей мешкатности, говоря, что етому пособить иначе не можно, как бросив в горшок немножко соли» (Анекд. пошех. 156).

Более употребительно по сравнению со словом *серота* также в XVIII в. слово *серость*: «Как скоро взор мой возведу на облако с удивлением зрю плавающую воду над моей головою, которая серостию своею чинит умеренным воздух, удерживает воспламененные лучи солнца и отражает землю» (Кант. Прир. 35). Из лексикографических пособий оно впервые получает фиксацию в Словаре Нордстета. Как слово, вошедшее в общее употребление, его включает также «Словарь Академии Российской»: «**Серость и Серизна.**[93] Качество серого цвета» (V 1065). Существительное *серота* встречается в языке очень редко: «Дневный свет потемнел; порфир, который блистает на западе, бледнеет в желтой сероте» (ПТ IV 220).

В отличие от существительных на *-ость* существительные на *-ота* имели в XVIII в. тенденцию к обозначению более конкретных явлений; и лишь в этих случаях получали более широкое распространение, чем однокоренные параллели на *-ость*.

В значении 'пустое, незаполненное пространство' получает в XVIII в. распространение слово *пустота*: «Чаю, что все беглые крестьяня возвращены будут и во всей России пустоту всю населят» (Пос. КСБ 183); «В нервах нутров, пустот и пропарин не обретают. О движении мышц» (КАН 58); «Понеже естество никакой пустоты терпеть не может, то вытягиванием из насоса сердечника учинившемуся пустому пространству делает оно вспоможение» (Прим. Вед. 1734 134). Его однокоренная параллель с суффиксом *-ость* отмечена в имеющихся материалах лишь в источнике первой половины XVIII в.: «От име-

---

[93] О вспышке продуктивности суффикса *-изна* в языке XVIII в. см.: Шанский Н. М. Существительные на *-изна* в русском языке. — Сб. статей в честь В. В. Виноградова. М., 1958. с. 330—341.

ющейся в земли пустости. . . земля обваливается» (Прим. Вед. 1730 330).

Слово *срамота* имело в начале и середине XVIII в. конкретное значение: «А ты же не тщишься Поберечь младенцев глаз, ему не стыдишься Открыть твою срамоту» (Кант. Сат. VII 156); «Срамота, тайный уд женский (вулва)» (Анат. Г. XXXIX). В значении 'стыд, позор' наиболее распространенным было слово *срам*, наряду с которым в источниках начала XVIII в. встретилось также слово *срамость*: «Но хитрым своим промыслом себя в такую срамость и порицание не привела» (Александр 165). Слово *срамота* в этом значении отмечено только в языке второй половины XVIII в.: «Философов просвещенья От лишней Царской доброты, Ты пала в хаос развращенья И в бездну вечной срамоты» (Держ. Соч. II 168); «Изжени сию гордую чернь, тебе предстоящую и прикрывшую срамоту души своей, позлащенными одеждами» (Рад. Пут. 73).

* * *

Итак, определяющим фактором во взаимоотношениях однокоренных параллелей является семантика этих слов, в значительной мере зависящая от их словообразовательных связей.

В XVIII в. во взаимоотношениях однокоренных параллелей, включающих имена на *-ость*, уже наметились совершенно определенные тенденции. Утверждение существительных на *-ость* в качестве основной модели для выражения значения отвлеченного качества, свойства, проявлялось в вытеснении этими существительными из языка других однокоренных тождественных по значению образований с суффиксами *-ство*, *-ие*, *-ота* и др.

В тех случаях, когда имена на *-ость* выступали в ряду параллельных образований с другими значениями, они не сохранялись в языке.

Из множества однокоренных разносуффиксальных параллелей, возникавших и существовавших в языке XVIII в., в дальнейшем в словарном составе закреплялись только синонимичные, не тождественные по значению слова. Семантическое размежевание многих однокоренных параллелей особенно активно происходило во второй половине XVIII в.

Несмотря на ярко выраженную тенденцию к преодолению лексической и семантической дублетности, для языка XVIII в. еще характерен ее непрерывный рост.

Одновременно с семантической дифференциацией в XVIII в. наблюдаются противоположные явления — случаи взаимного семантического влияния разносуффиксальных существительных, проявляющегося в появлении у того или иного слова нехарактерного для него значения под влиянием однокоренного существительного с другим суффиксом.

НОВООБРАЗОВАНИЯ С СУФФИКСОМ *-СТВО*

Словопроизводственные связи существительных на *-ство*

Существительные с суффиксом *-ство*, другим древнейшим словообразовательным формантом, были продуктивны в языке на всем протяжении его развития.[1] Но особенно много новых слов на *-ство* появляется в XVIII в.

Специфической особенностью суффикса *-ство*, отличающей его от других словообразовательных формантов, как уже неоднократно отмечалось учеными, начиная с Н. Греча,[2] является его способность соединяться с основами различных частей речи — существительных, прилагательных, глаголов, местоимений, причастий и др. В XVIII в. слова на *-ство* продолжают создаваться по тем словообразовательным моделям, которые оформились в языке в предшествующие периоды его развития. Однако вследствие происходящей в это время перестройки словообразовательных связей в языке наблюдается рост продуктивности одних словообразовательных моделей и сокращение, а иногда почти полное исчезновение других.

Еще более высокопродуктивными становятся в языке XVIII в. образования на *-ство* от производных основ существительных со значением лица. В этот период в употребление входят такие слова, как *барство*, *бочарство*, *волокитство*, *городничество*, *кузнечество*, *ключарство*, *мужичество*, *молодечество*, *пекарство*, *ростовщичество*, *скорнячество*, *слесарство*, *супостатство* и многие другие. Особенно большое количество новых слов образуется в XVIII в., в частности, от основ иноязычных существительных со значением лица, усвоение которых активно происходило в языке на протяжении всего XVIII в. В это время словарный состав языка пополняется, например, такими словами, как *аббатство*, *адмиральство*, *адвокатство*, *авторство*, *банкротство*, *баронство*, *бригадирство*,

---

[1] Историческому изучению существительных с суффиксом *-ство* в различных аспектах в языке XVIII в. посвящены работы ряда исследователей. См.: Никитинская Р. П. Отвлеченные существительные с суффиксом *-ство* в литературном языке Петровской эпохи — Уч. зап. Кемеровского пед. ин-та, вып. III, 1959; Николаев Г. А. Некоторые случаи употребления существительных с суффиксами *-ость*, *-ство* в языке «Мерило праведное» (список XIV в.). — В кн.: Итоговая научная конференция аспирантов за 1962 г. Казанский гос. ун-т. Тезисы докладов. Казань, 1962; Казанская Э. В. Синонимия образований на *-ство* (*-тельство*) и *-ние* в языке научной прозы М. В. Ломоносова. — В кн.: Очерки по истории русского языка и литературы XVIII в. Казань, 1969, и др. См. также соответствующие разделы в кн.: Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного в русском литературном языке XIX в. М., 1964 (автор В. Н. Хохлачева) и Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30—90-е годы XIX в. М.—Л., 1965.

[2] Греч Н. Начальные основания российской грамматики. М., 1831, с. 38.

буффонство, *бухгалтерство*, *вассальство*, *генеральство*, *герцогство*, *губернаторство*, *депутатство*, *диктаторство*, *директорство*, *инспекторство*, *кавалерство*, *кандидатство*, *квартирмейстерство*, *комиссарство*, *консульство*, *кураторство*, *курфиршество*, *ландграфство*, *масонство*, *парикмахерство*, *педанство*, *пилигримство*, *прокурорство*, *протекторство*, *регентство*, *рефендарство*, *фанфаронство*, *фиглярство*, *шаманство*, *шпионство*, *электорство*, *юнкерство* и многие другие.

Большую группу новообразований составляют в языке XVIII в. существительные на *-ничество*. В ряде исследований указывается, что образование таких слов происходит от основ двух частей речи — существительных и глаголов.[3] Имеющиеся материалы и данные словарей показывают, что бо́льшая часть новообразований на *-ничество* соотносилась в XVIII в. только с существительными на *-ник*, а глаголы если и встречались, то лишь в виде единичных употреблений: *затворничество* (*затворник*, ЛП),[4] *изменничество* (*изменник*, Срезн.), *колесничество* (*колесник*, Срезн. доп.), *котельничество* (*котельник*, Срезн.), *невольничество* (*невольник*, ЛП), *отшельничество* (*отшельник*, Срезн.), *полковничество* (*полковник*, ЛП), *посредничество* (*посредник*, ВЛ), *преступничество* (*преступник*, ЛП), *сверстничество* (*сверстник*, ЛБ), *сопутничество* (*сопутник*, Срезн.) и др.

Другая часть существительных на *-ничество* фиксируется в словарях и материалах раньше, чем соответствующие глагольные образования, что также указывает на их генетическую связь с существительными на *-ник*: *огородничество*, ВЛ (*огородник*, Срезн.; *огородничать*, Даль), *сапожничество*, ВЛ (*сапожник*, ЛБ; *сапожничать*, РЦ), *совместничество*, Норд. (*совместник*, Норд.; *совместничать*, Сл. 1847), *соперничество*, Норд. (*соперник*, *соперничать*, Сл. 1847) и некоторые другие.

Не могут служить свидетельством отглагольного образования существительных на *-ничество* сравнительно редко встречающиеся в языке случаи примерно одновременной фиксации глагола на *-ничать* и существительного на *-ничество*, такие как *безбожничество*, Норд. (*безбожник*, ВЛ) и *безбожничать*, Норд., *горшечничество*, СК (*горшечник*, ЛП) и *горшечничать*, Норд., *мошенничество*, РЦ (*мошенник*, Срезн.) и *мошенничать*, РЦ, *приспешничество*, САР² (*приспешник*, ВЛ) и *приспешничать*, САР² и др.

Примеры более ранней фиксации в языке глагольных форм, чем существительных на *-ничество*, в наших материалах единичны: *бездельничество*, Норд. (*безделник*, *безделничати*, ВЛ).

Таким образом, приведенные данные указывают на то, что в XVIII в. образование слов на *-ничество* происходило в основном от основ существительных на *-ник*.

---

[3] Грамматика русского языка. 1952, т. I, с. 258—259; Виноградов В. В. Русский язык. М., 1947, с. 122.
[4] В скобках указывается первая фиксация слова в словарях.

В это же время вследствие укрепления семантических связей существительных на *-ничество* с активно формирующимся разрядом глагольных образований на *-ничать* наблюдаются отдельные случаи появления в языке существительных с суффиксом *-ничество*, присоединяющимся непосредственно к глагольным основам. См., например, в словах *бродяжничество*, *скряжничество* и др. Однако такие образования для языка XVIII в. еще мало характерны.

Образования на *-ство* от неличных основ существительных, редко встречавшиеся в языке и ранее, представлены среди новообразований XVIII в. несколькими словами с иноязычными основами: См., например: *каперство* (*капорство*), *дебошство*.[5]

Резко сокращается в XVIII в. также количество новых слов на *-ство* от основ качественных прилагательных, отличавшихся до XVII в. особенно высокой продуктивностью. Как уже отмечалось ранее, это было вызвано тем, что с XVII в. основы прилагательных становятся базой образования существительных на *-ость* со значением отвлеченного качества, свойства. Однако в течение всего века существительные на *-ство* от основ прилагательных все еще продолжают появляться в языке. См., например, новообразования от основ прилагательных с суффиксом *-н-*: *вероломство*, *взаимство*, *враждебство*, *высокомерство*, *ехидство*, *злоязычество*, *знатство*, *малолетство*, *отважество*, *раболепство*, *распутство*, *спокойство*, *степенство*, *суеверство* и др.; от основ прилагательных с другими суффиксами: *материнство*, *ребячество*, *чреватство*. В связи с общей тенденцией к сокращению существительных на *-ство* от основ прилагательных обращает на себя внимание также немногочисленность новообразований от основ иноязычных прилагательных: *деликатство*, *нейтральство*, *регулярство*, *субтильство*, *фальшивство*, *фамилиарство* и др.

Особый ряд новообразований составляют существительные на *-ичество*, соотносительные с прилагательными на *-ический*, получившими распространение в языке только в XVIII в., а также слова, образованные по аналогии с этими существительными: *героичество*, *демократичество*, *политичество*, *электричество*, *эпичество* и др.

Сокращается в XVIII в. также количество существительных на *-ство* от глагольных основ, и до этого времени встречавшихся реже, чем производные от основ существительных и прилагательных. В числе новообразований появляются такие, например, слова, соотносительные с глаголами, как *колобродство*, *наследство*,

---

[5] См. примеры употребления этих слов в источниках XVIII в.: «Когда в Адмиралтействе по указу определено будет отдать для капорства какой корабль арматору, тогда надлежит в Коллегии учинить договор» (РАВ 33); «А главной их объявил, что они желали б иметь патент для капорства в случае войны» (АВ III 75 1749); «Тут же в доме. . . началось дебошство, пьянство так великое, что невозможно описать» (АК I 66 1727).

насмешество, *настойство*, *обзаводство*, *превосходство*, *расстройство*, *удостоинство*; входят в употребление *браковство*, образованное от глагольной основы на *-ов*, а также ряд существительных со сложным суффиксом *-овство*: *мотовство*, *шатовство*, *хвастовство* и некоторые другие.

Большую группу новообразований составили в XVIII в. существительные на *-тельство*. В отличие от слов на *-ничество*, обнаруживавших генетическую связь преимущественно с основами существительных, эти образования были связаны с глагольными основами через сложный суффикс *-тельство* уже в древнерусском языке, что, однако, не исключало возможности образования такого рода слов и от основ имен на *-тель*, отличавшихся в языке XVIII в. особенно высокой продуктивностью.[6] Различие в способах образования существительных на *-тельство* подтверждают те довольно сложные соотносительные связи, которые наблюдаются у них в языке XVIII в.

Для большей части этих новообразований характерна соотносительность с именем и глаголом, причем имя и глагол являются довольно ранними по времени фиксации в языке. Например: *водительство* (*водити*, *водитель*, Срезн.), *избирательство* (*избирати*, Срезн.; *избиратель*, ЛП), *искательство* (*искати*, *искатель*, Срезн.), *наблюдательство* (*наблюдати*, Срезн.; *наблюдатель*, ЛП), *надзирательство* (*надзираю*, *надзиратель*, ЛП), *подражательство* (*подражати*, *подражатель*, Срезн.), *показательство* (*показати*, Срезн.; *показатель*, ЛП) и др.

Другая часть существительных на *-тельство* соотносилась в XVIII в. преимущественно с глаголами, которые были гораздо более употребительны в XVIII в., чем имена на *-тель*. Таковы, например, слова *домогательство* (*домогаюся*, ЛП), *доказательство* (*доказати*, ВЛ), *запирательство* (*запиратися*, Срезн.), *иметельство* (*имети*, Срезн.), *обязательство* (*обязати*, Срезн.), *обстоятельство* (*обстояти*, Срезн.), *отлагательство* (*отлагати*, Срезн.), *старательство* в значении 'старание' (*старатися*, ВЛ), *пренебрегательство* (*пренебрегаю*, ЛП) и др.

В ряде случаев существительные на *-тельство* фиксируются в языке раньше, чем соответствующие образования на *-тель*, что также указывает на генетическую связь этих образований с глагольными основами. См., например, следующие слова: *образовательство*, 80-е годы XVIII в.[7] (*образовати*, ЛБ; *образователь*, Сл. 1847), *разбирательство*, 60-е годы (*разбираю*, ЛП; *разбиратель*, 80-е годы), *ручательство*, 60-е годы (*ручаться* Л 1762; *ручатель*, САР), *укрывательство*, начало XVIII в. (*укрываю*, ЛП; *укрыватель*, Норд.), *язвительство*, 40-е годы (*язвлю*, ЛП; *язвитель*, САР).

---

[6] См. об этом: Виноградов В. В. Русский язык, с. 112.
[7] За словом указывается время его наиболее ранней фиксации в XVIII в.

Образование слов на *-тельство* с разной степенью интенсивности наблюдается в языке на всем протяжении XVIII в. Особенно многочисленны были такие новообразования в Петровскую эпоху.[8] В языке этого времени отмечены, например, следующие слова: *домогательство*, *обходительство*, *оказательство*, *отбывательство*, *отлагательство*, *пожигательство*, *показательство*, *почитательство*, *предостерегательство*, *председательство*, *пренебрегательство*, *состоятельство*, *укрывательство* и др.

В дальнейшем, по мере приближения к концу века, их продуктивность заметно сокращается. В источниках конца XVIII в. встретилось лишь несколько слов — *водительство*, *образовательство*, *предсказательство*, *сожигательство*, *ручательство*, *оборонительство* и некоторые другие.

Небольшим количеством примеров представлены в XVIII в. новые существительные на *-ство* от причастных основ: *могущество*, *подчиненство*, *ползущество*, *прибранство*, *приданство*, *имущество*, *любимство*, *терпимство* и др.[9]

Новые слова, соотносительные с местоимениями, отмечены в наших материалах лишь словами *самство*, *якство* и *ячество*, появившимися в языке как русские эквиваленты иноязычного *эгоизм*.[10]

Таким образом, самыми продуктивными в языке XVIII в. были образования на *-ство*, соотносительные с nomina agentis.

Семантическая характеристика имен на *-ство*

Семантическая структура существительных на *-ство* характеризуется наличием значений двух типов: широких — лексических и более узких — тематических, что позволяет соответственно выделить в их составе лексико-семантические разряды слов и группы тематически однородных слов.

В языке XVIII в. отмечены следующие лексико-семантические разряды, охватывающие значительную часть новообразований на *-ство*: 1) со значением качества, свойства, признака, 2) со значением отвлеченного действия и глагольно-результативным значением, 3) со значением состояния, 4) с собирательным значением и 5) с конкретным значением.

---

8 На продуктивность этих образований в первой четверти XVIII в. указывает Р. П. Никитинская (Отвлеченные существительные с суффиксом *-ство*. . ., с. 404).

9 См. примеры употребления некоторых из этих слов в источниках XVIII в.: «Казать всем тож учтивство, все искать свою радость, такову то любимство дает в жизни всем сладость» (ЕОЛ 96); «. . . Кая все веры содержит в терпимстве» (Никол. Тв. IV 7); «Но властелин и презирающ, неведающих его низкости и ползущества» (Рад. Пут. 400).

10 См. примеры их употребления в XVIII в.: «В газетах Московских переведено égoisme ячество» (Дн. Храп. 29); «Грубость нравов уменьшилась, но оставленное ею место лестью и самством наполнилось» (Щерб. Повр. нр. II 20); «Но дружба на земли еще не истребленна. От гордого она лишь якства удаленна» (П.-с. 120).

Из новообразований на *-ство* с однородными тематическими значениями в XVIII в. особенно многочисленны слова, обозначающие название чинов, должностей, званий, ремесел, занятий и т. п., характеризующие человека по его действиям, поступкам, поведению и др.

В связи с происходившей в XVIII в. перестройкой словообразовательных связей, вследствие которой преобладающими производящими основами имен на *-ство* становятся основы существительных со значением действующего лица, в языке особенно увеличивается количество слов с тематическими значениями. Нередко такие значения развивались в слове наряду с одним из указанных выше широких лексических значений.

Наличие у имен на *-ство* особых тематических значений является характерной особенностью этого разряда слов, отличающей его от других разрядов отвлеченной лексики (например, на *-ость* или *-ние*), у которых лексические значения одновременно являются и тематическими (ср., например, часть имен на *-ость* со значением качества, свойства составляет вместе с тем тематическую группу слов, характеризующих человека, его моральный облик, поведение, психику, эмоциональный склад, физическое состояние и пр.).

Ниже мы рассмотрим новообразования на *-ство* с указанными лексическими значениями и особо — группы слов, имеющих тематически сходные значения. Такой порядок рассмотрения позволит нагляднее показать происходившую в XVIII в. перестройку в семантической и словообразовательной структуре имен на *-ство*.

Лексико-семантические разряды новообразований с суффиксом *-ство*

Существительные со значением свойства, признака, качества

Основным значением существительных на *-ство* с древнейшей поры было значение качества, свойства, признака. Образовывались существительные с этим значением преимущественно от основ прилагательных.[11] По мере утраты этой моделью продуктивности число образований от основ прилагательных со значением качества заметно сокращалось. В XVIII в., как указывалось выше, количество новых слов с этим значением было уже невелико. Со значением качества, свойства употреблялись, например, такие вошедшие в это время в язык слова, как *бесплодство*, *регу-*

---

[11] См.: Ножкина Э. М. Значение имен существительных с суффиксом *-ьство* в древнерусском языке. — В сб.: Вопросы русского языкознания. Саратов, 1961, с. 50.

лярство, *субтельство* и некоторые другие. Бо́льшим количеством примеров представлены новообразования от основ прилагательных, характеризующих свойства и качества человека, его действия, поступки, например: *знатство*, *фальшивство*, *степенство*, *высокомерство*, *героичество*, *благорассудство*, *отважество*, *проворство* и др.

Почти все эти немногочисленные существительные употреблялись в языке недолго и в том же XVIII столетии были вытеснены более сильными однокоренными образованиями от основ прилагательных с суффиксом *-ость*, реже *-ие*.[12]

Из новообразований от основ прилагательных, появившихся в языке в XVIII в., в словарный состав языка вошли лишь немногие — *вероломство*, *распутство*, *проворство* и некоторые другие. Основной причиной закрепления этих слов в языке является отсутствие полного тождества между этими существительными и соответствующими производными на *-ость*. В отличие от существительных с суффиксом *-ость*, обычно обозначающих отвлеченность и конкретность дифференцированно (либо разными значениями слова, либо разными словами), у существительных на *-ство* такие значения нередко оказываются настолько тесно связанными, что не разграничиваются даже в контексте, образуя семантически сложные единицы, которые, с одной стороны, обозначают действия, поступки, с другой стороны, характеризуют качество, свойство, проявляющееся в этих поступках. Примером могут служить слова типа *жеманство*, *геройство*, *чванство* и др.[13] Наиболее показательны в этом отношении слова *вероломство* и *распутство*.

Слово *вероломство* в значении ʽсвойство, качество вероломного человека, поступки, действия такого человекаʼ отмечено в источниках начала века:[14] «Не только телом, но и вероломством хромый» (Прокоп. СР I 44). Позднее употребительность его возрастает: «Когдаб не была она всесовершенная плутовка и не бесилась бы неистовством вероломства. . ., тоб. . . чужомуб человеку того. . . не рассказала» (Арг. II 335); «Возврати мне Кариту, или мечь накажет тебя за вероломство» (Карита 140); «Я чрезвычайно удивлялся, слушая сии разговоры, наполненные гнуснаго ласкательства, и почитал оное непростительным вероломством» (ПД I 146) и др.

Наряду со словом *вероломство* в первой половине XVIII в. в синонимичном значении уже использовалось также слово *вероломность*: «Сколь великие он приносил жалобы на сию ея вероломность» (ЕОЛ 83). Однако в дальнейшем оно специализируется на выражении значения отвлеченного качества, свойства. См.,

---

[12] См. об этом в разделе «Новообразования с суффиксом *-ость*», с. 54—62.
[13] Подробнее об этих словах см. ниже, с. 96—99.
[14] Первую лексикографическую фиксацию слово *вероломство* получает в Вейсманновом лексиконе 1731 г.

например: «Учтивость есть вероломность, которую люди поставили вместо откровенности» (Действ. чел. 60). В словарях это слово впервые зарегистрировано у Нордстета. Отсутствие полного тождества в значениях слов *вероломство* и *вероломность* — глагольно-качественный характер значения слова *вероломство* и преобладание качественного у слова *вероломность* — послужило причиной сохранения этих и ряда аналогичных образований в языке до настоящего времени.

Еще более отчетливо наряду с качеством глагольность выражается в значении слова *распутство* 'свойство, качество распутного: распутный образ жизни, распутные действия, поступки'. Его первая лексикографическая фиксация, как и однокоренных образований *распутный* и *распутник*, дана в Словаре Нордстета. В источниках оно отмечено раньше, начиная с 60—70-х годов: «Гранвиль: Когда ты вероломным учинился? Не в толь зловредныя минуты, с которыми совокупно и все твои распутства началися?» (Безбожн. 10). «Какое распутство! . . . какой беспорядок!» (ПД I 180); «В Бастильских темницах томилися нещастные, дерзнувшие охуждать хищность министров и их распутство» (Рад. Пут. 336).

Слово *распутность* (в форме *распустность*), являющееся неполным синонимом слова *распутство*, зафиксировано в Вейсманновом Лексиконе 1731 г. В источниках встречается реже, чем его однокоренной синоним: «Распустность или сладострастие есть порок, вожделеющей души, по коему люди порочным и непозволительным утехам предаются» (Арист. 12—13). Ср. также один из ранних случаев употребления слова в форме множественного числа: «Была ему великая удобность к нападению на него по причине распустностей, бывших в первом его юношестве, которое всемерно погружено было. . . в непотребства самые беспутные» (Римск. ист. XIII 212). Первую фиксацию в словарях это слово получает лишь у Даля.

Таким образом, существительные на *-ство* с чисто качественным значением от основ прилагательных в языке XVIII в. образуются в небольшом количестве. Многие из них уже к концу века выходят из употребления, уступая место однокоренным образованиям на *-ость* или *-ие*. Сохраняются лишь те существительные от основ прилагательных, которые либо содержат качественную характеристику каких-либо действий, поступков, либо обозначают эти действия, поступки.

Существительные со значением отвлеченного действия и результативно-глагольным значением

Указанные значения имеют образования от глагольных и глагольно-именных основ. Не обладавшие высокой продуктивностью в древнерусском языке новые существительные на *-ство* со значением действия (за исключением образований на *-тельство*)

и в XVIII в. были немногочисленны. Среди них такие, например, слова, как *браковство*, *мотовство*, *шатовство*, *хвастовство*, *удостоинство*. Однако даже эти немногие существительные не все сохранились в языке. Наименее устойчивыми оказались дериваты от глагольных основ, имевшие близкие синонимы или дублеты на *-ние* и *-ка*. К их числу относится, например, слово *браковство*, встретившееся в памятнике деловой письменности начала XVIII в.: «Понеже великаго ради пространства при Санкт-петербурге одному человеку, который древен, помянутаго браковства на себе нести не может» (ПСЗ V 562 1718). Значительно более широкое распространение в XVIII в. в той же языковой сфере имело слово *браковаиие*: «Браковщику надлежит быть. . . доброму и знатному человеку, которому б пенечное бракование было в обычае» (ПСЗ V 8 1713); «Чтоб вязальщики не могли при браковании той пеньки и льна какой фальши учинить» (ПСЗ XIV 466 1755); «Бракование привезенных лесов производить не иначе как при поставщике и приемщике» (ПСЗ XXII 170 1784). В том же значении отмечено в источниках XVIII в. слово *браковка*: «Чтоб один или двое купчин, знающие в оном ревене силу, аптекарю в браковке помогали» (ПСЗ IX 993 1736); «Браковку складенных лесов производить по прошествии 8 дней» (ПСЗ XXII 170 1784). Судя по тому, что слово *браковка*, как и *бракование*, представлено в «Словаре Академии Российской», оно также было более употребительно в языке, чем слово *браковство*, не получившее отражения в лексикографии.

В источниках XVIII в. отмечено слово *удостоинство*, имеющее в предложных сочетаниях глагольно-результативное значение: «По доношению адмиралтейской коллегии велено, по удостоинству той коллегии, быть фискалем в портах, а именно в Архангелородском — гардемарину Волкову, в Астраханском. . . — Вяткину» (Бум КМ IV 89); «Но приводя таковыми словами просвещенных людей к удостоинству своея остроты, показываемся мы людьми слабыми и надутыми пустою гордостию» (Сум. ДС 350); «Когда вы. . . по удостоинству от университета захотите, и от Академии дозволено вам будет, принять градус доктора юриспруденции, тогда к диспутации вашей изберите такую материю, которая бы соответствовала великому намерению всемилостивейшей государыни» (Пис. Полен. 727). Но в последние десятилетия его сменяет синонимичное слово *удостоение*: «Указ о неиздании книг греческих, латинских и пр. на народном языке без предварительнаго ученых удостоения 1486 года» (Рад. Пут. 317). Как более употребительное, это слово получает отражение в двух крупнейших словарях второй половины XVIII в. — Словаре Нордстета и «Словаре Академии Российской» — в отличие от слова *удостоинство*, не отмеченного ни одним словарем этого времени.

Значительно более многочисленную группу слов со значением действия составили существительные на *-тельство*, характеризующиеся в XVIII в., как было показано выше, особенно тесной

связью с глагольными основами: *водительство*, *зажигательство*, *запирательство*, *избирательство*, *искательство*, *наблюдательство*, *надзирательство*, *оборонительство*, *оказательство*, *отбывательство*, *отлагательство*, *подозрительство*, *подражательство*, *показательство*, *предостерегательство*, *предсказательство*, *предускорительство*, *почитательство*, *пренебрегательство*, *провожательство*, *производительство*, *разбирательство*, *сожигательство*, *соправительство*, *состоятельство*, *старательство*, *укрывательство*, *учредительство*, *язвительство* и др.

Существительные на *-тельство* имели в XVIII в. более ярко выраженную глагольность, чем в современном языке. Нередко они даже сохраняли характерное для соответствующего глагола управление: «И им за показательством сей нашей великаго государя грамоты иметь везде свободной проезд безо всякаго задержания» (ПСЗ IV 479 1711); «Законным браком вам без отлагательства времени сочетаться» (АК II 399 1719); «Для показательства, что сеи новыи устав государству полезен — г. Роберт Валпол употребляет следующие резоны» (Кант. Рел. I 71); «Для наикрепчайшаго наблюдательства за теми караульными» (ПСЗ XV 729 1761); «Д р а з н и л и н: По сему явствуется, что она иметельством чести преисполненная отроковица» (Подраж. 18).

Многие существительные на *-тельство* с глагольным значением возникали и употреблялись в языке XVIII в. как дублетные слова к более ранним по времени образования существительным на *-ние* (реже другим отглагольным образованиям) с тем же значением.[15] Например, слово *избирательство* имело в языке XVIII в. однокоренное образование — *избирание*, отмеченное еще в Словаре Срезневского. В том же словаре представлены однокоренные параллели следующих существительных на *-тельство*, вошедших в язык в XVIII в.: *подозрительство — подозрение*; *показательство — показание*, *показ*; *предсказательство — предсказание*; *прорицательство — прорицание*; *сожигательство — сожигание*; *почитательство — почитание*; *оборонительство — оборона* и др.

Однокоренные образования на *-ние* к словам *наблюдательство*, *обходительство*, *подозрительство*, *старательство* — *наблюдение*, *обхождение*, *подозрение*, *старание* зафиксированы в Вейсманновом Лексиконе 1731 г.; однокоренная параллель к слову *пренебрегательство — пренебрежение* — в Лексиконе Берынды 1627 г. Дублетную по значению пару с более ранней фикса-

---

[15] О тождественности образований на *-тельство* и отглагольных существительных на *-ние* свидетельствуют также данные словарей. Например, в «Словаре Академии Российской» некоторые существительные на *-тельство* определяются через существительные на *-ние*: «**Избирательство.** Зри избирание»; из слов, употреблявшихся в языке до XVIII в.: «**Попечительство.** Попечение, старание о ком или о чем» и др.

цией в языке слова на *-ние* составляют слова *зажигательство*, отмеченное в языке 60-х годов, и *зажигание*, встретившееся в начале XVIII в., и некоторые другие.

Несмотря на свободу, с которой существительные на *-тельство* со значением действия создавались и использовались в языке XVIII в., в особенности в сфере делового языка, они были значительно менее употребительны, чем однокоренные слова на *-ние*. Об этом свидетельствует следующий факт: из рассмотренных выше дублетных пар в словарях XVIII в. получили отражение все существительные на *-ние* и всего три существительных на *-тельство*: *избирательство* («Словарь Академии Российской»), *зажигательство*, *старательство* (Словарь Нордстета). На меньшую жизнеспособность существительных на *-тельство* со значением отвлеченного действия по сравнению с существительными на *-ние* указывает и их дальнейшая судьба: в отличие от существительных на *-ние*, закрепившихся в языке, все рассмотренные существительные на *-тельство* с глагольным значением постепенно вышли из употребления. По крайней мере современные словари в указанном значении не включают ни одного из этих слов.

Другой ряд новообразований на *-тельство* представлен в XVIII в. словами, еще сохраняющими тесную семантическую связь с глаголами, но не являющимися полными дублетами существительных на *-ние*: *доказательство*, *домогательство*, *укрывательство*, *поручительство*, *запирательство*, *отлагательство*, *разбирательство*, *ручательство*.

В отличие от рассмотренных выше существительных на *-тельство* одни из них лишены процессуальности, свойственной существительным на *-ние*; другие употребляются в значении, имеющем оттенок результативности; третьи наряду со значением действия имеют конкретное значение. В основном все они закрепляются в словарном составе языка.

Сферой возникновения и первоначального употребления многих из них был деловой язык, что в значительной мере определяло специфику их семантики и способствовало размежеванию с существительными на *-ние*, имевшими более широкое значение и сферу распространения. Рассмотрим некоторые примеры подробнее.

На протяжении длительного времени источники фиксируют слово *домогательство* лишь в деловом и дипломатическом языке: «По моему домогательству его королевское величество Сенатус-Консилиум созвал» (ПБП 677 1703); «От дюка Нейкастеля ответ получил, что он вновь у министерства домогательство производил» (АВ III 125 1749); «[Рассыльщики] по первому домогательству просителя. . . долженствуют иметь право и обязанность ехать прямо в показанную деревню, схватить там требуемого человека и доставить его с рук на руки помещику» (ПСЗ XXI 916 1783).

Более широкое распространение в языке это слово получает во второй половине века, но встречается в источниках довольно редко: «Он содержит или разрывает Равновесие по пределам Судьбы, и по домогательству богов» (Тред. Тилем. I VII); «После узнал я, что по его домогательству и сделано было то, что я переведен был в его роту» (Зап. Бол. I 613) и др.

Из делового языка попадает в другие сферы также слово *запирательство*, имевшее более узкое специализированное значение, чем слово *запирание*. В лексикографических источниках оно впервые отмечено в Словаре Нордстета. В судебно-деловом языке встречается с начала 20-х годов: «И коликое число в казенной коробке за продажное питье денег, того будто он не знает, в котором запирательстве я его, Рябшина, изобличил ясно» (СД 214 1724); «Сизмин, в первом своем допросе, без всякого запирательства, объявил, что он то чинил ни с какой злобы и противности» (Бум. КМ I 297); «А в случае запирательства давать веру, точию б та записка в тех лавочных книгах была по месяцам и числам чистая и порядочная» (МЗК XII 102). См. также в форме мн. числа: «И оныя деньги по вымышленным их спорам и запирательствам, в силе онаго ж векселнаго устава, взыскиваются с первых надписателей купцов» (МЗК XII 71).

Употребление этого слова в литературных произведениях отмечено в контексте, где речь идет о судебных разбирательствах: «Ежелиж в чем либо будут они чинить запирательство, то объяви им, что они будут отданы в город для наказания по указам» (Трут. 1769 237); «Захватив Каина и товарища его Жарова и забрав все покраденные у Грека пожитки, привезли в полицию, в которой по первом допросе Каин и Жаров учинили запирательство» (В. Каин 73).

Таким же путем, через деловой язык, проникают в общее употребление слова *укрывательство*, *разбирательство*, *доказательство*, *поручительство*, *отлагательство* и др.

Слово *укрывательство*, имеющее в отличие от слова *укрывание* более узкое значение 'умышленное скрытие кого- или чего-либо', также впервые отмечено в Словаре Нордстета. Но в источниках довольно часто встречается уже в начале века, также преимущественно в деловом языке: «А за их ослушательное укрывательство об отписке поместей и вотчин указ учинить в канцелярии Правительствующего Сената» (ДПС I 176 1711); «А ежели он, Бабушкин, чьим укрывательством сыскан не будет и тому укрывателю за то быть казненну смертью» (СД 115 1719); «И за ту их понаровку и укрывательство взят на нем князе. . . штраф» (ПСЗ IV 804 1712) и др. Во второй половине века наряду с источниками делового языка слово *укрывательство* уже используется в других языковых сферах в том же значении: «Подтвердить всем наместническим правлениям и губернским канцеляриям, дабы они усугубили старание к пресечению всех способов к укрывательству беглых» (ПСЗ XXI 981 1783); «А политика почитай

всегда соединена с лестью и укрывательством» (Тред. Тилем. I XXVIII); «Избы их сожжены нарочно беглыми разного звания людьми, коих. . . держат они под своим укрывательством» (Пут. Чел. 144).

Со сферой делового языка было связано утверждение в языке в 60—70-е годы слова *разбирательство*: «. . . почему за нужное почитаю, чтобы в нижеписанных малых исках, в разбирательстве и в решении, быть попрежнему третейским судам» (МЗК IV 349); «Всенижайше просим ... повелеть ... разбирательство в канцеляриях и комиссарствах производить не формою суда, но кратчайшим следствием» (МЗК XIV 21—22); «Словесный же суд к разбирательству приступить и принуждать каждаго должен» (МЗК IV 357); «Все вотчинники и дворяне аглинские. . . подвержены бывают позыву на суд для утверждения прав, для разбирательства обид, для сличения обвинений» (Блэкстон 18—19) и др. Но уже в последующие десятилетия оно встречается в том же значении в других сферах языка — в литературных произведениях, путевых заметках, записках и пр.: «В небольших ссорах и обидах разбирательство имеют их князцы, а о других важных делах просят выше» (Зуев Сиб. 52); «Дабы учинить по сему делу подробное разбирательство» (ПД II 80); «Средства судиею в разбирательство сего дела употребленные» (Зап. Гарн. XVI 237). Ср. употребление этого слова в более широком значении в научном сочинении: «Входить же в точное разбирательство анатомическое собственно не принадлежит к естественной истории» (Ист. Бюф. I 31).

Как канцеляризм входит в употребление в начале XVIII в. слово *отлагательство*, встречающееся в это время преимущественно в разного рода документах в сочетании с предлогом *без*: «За плохую икру велено править по иноземческим ценам деньги безо всякого отлагательства» (ПСЗ IV 587 1711); «Акты без всякого отлагательства сочинить» (Кант. Рел. I 4); «Чтоб Большерецкая приказная изба вышеозначенных. . . людей. . . к вышеозначенному 10 или 11 числу без отлагательства и отговорок ко мне прислала» (Краш. ОЗК II 567 1738) и др.

Значения глагольного характера имеет в XVIII в. ряд новых слов на *-ничество*, соотносившихся, как указывалось выше, с существительными на *-ник*, реже с глаголами на *-ничать*. Это, например, такие слова, как *изменничество*, *мятежничество*, *посредничество*, *преступничество*, *совместничество*, *соперничество* и др. Дальнейшая судьба этих слов, так же как и многих других, рассмотренных ранее, определялась тем, какую семантическую нагрузку несло в языке это слово: если оно не имело семантического дублета, то сохранилось в языке, если имело — то одно из этих слов с течением времени уходило из языка. Судьбы некоторых таких новообразований определялись уже в XVIII в. Так, слово *изменничество* появилось, например, как дублет к более старому слову *измена* (отмечено в Словаре Срезневского).

Оно фиксируется уже в Вейсманновом Лексиконе 1731 г., употребляется в различных памятниках первой половины XVIII в.: «На усмирение того изменничества похотели Вам быть помощию» (ПБП II 122 1703); «Человек изменничества ядом напоен, аще и многими благодеянии от государя или благодетеля своего удовольствован бывает, обаче всегда лукавое помышляет» (Апофеосис 11); «Сколько раз я ни думаю о болезни, которую я возимел, тотчас видя сие безделное ея изменничество» (ЕОЛ 87) и др. Об употребительности этого слова в языке 40—60-х годов свидетельствует отражение его в Словаре Волчкова: «Изменничество, неверность законному государю или природному господину своему» (I 982). Но уже во второй половине века источники этого слова не отмечают, не фиксируют его и словари. Оно окончательно уходит из языка, вытесненное более старым и более употребительным словом *измена*.

Слово *соперничество* в значении 'стремление превзойти кого-либо в чем-либо' начинает широко употребляться в конце 50-х— начале 60-х годов: «Честь, приобретаемая во время соперничества, восклоняема бывает на нас всеми нашими сверстниками» (Бакон 181); «Государю потребно. . . производить меж ними [министрами] оное равное соперничество, которое заставит их бодрствовать друг над другом взаимно» (Эмин Фемист. 238—239); «В то время просвещенный век народа настает, когда начинается между художествами и художниками взаимное соперничество» (Польза худ. 766) и др. Позднее, в конце XVIII—начале XIX в., встречаемся с употреблением этого слова в более узком значении 'стремление превзойти соперника, добиваясь чьей-либо любви': «Соперничество не охладило сего чувства, и благородное чистосердечие спасло друзей от буйных порывов ревности» (ММ I 198—199).

Примерно в то же время, что и слово *соперничество*, появляется в языке слово *совместничество*. По крайней мере впервые оно, так же как *соперничество*, вместе со словами *совместник* и *совместица* отмечено в Словаре Нордстета. В наших материалах это слово встретилось только в более узком значении в конце века: «— По этому все неправду говорили? — Что такое? О совместничестве их? . . . — А иначе как бы мог Любов брать такое участие в судьбе его?» (Кар. ДВ X 141); «Одна из них имела любовника, которому другая была нежным другом, но только без всякаго совместничества, без ревности и ссоры» (Кар. ПРП III 217). На употребительность этого слова наряду со словом *соперничество* в конце XVIII в. указывают также словари этого времени. См., например, во Французско-русском словаре 1786 г.: «**Compétence**— соперничество, сверстничество, совместничество» (I 307). Материалы Картотеки Словаря современного русского языка и позднейшие словари показывают, что слово *совместничество* продолжало употребляться параллельно с односуффиксальным дублетом *соперничество* на протяжении всего XIX в. и лишь в XX в. это слово стало восприниматься как устарелое.

Значение отвлеченного действия имели в XVIII в. также многие новообразования на *-ство* от основ существительных со значением лица, суффиксальных и бессуфиксальных, русских и иноязычных по происхождению, такие, например, как *авторство*, *пилигримство*, *бродяжничество*, *порутчество*, *шпионство* [16] и др. Но эти слова в большинстве своем создавались от тематически однотипных существительных и наряду со значением отвлеченного действия, в зависимости от семантики производящей основы, имели другие значения и оттенки (названия ремесел, должностей, чинов и др.). Поэтому такие существительные будут рассмотрены в составе соответствующих тематических групп.

Существительные со значением состояния

Большую часть новых слов со значением состояния, появившихся в XVIII в., составили образования от основ существительных со значением лица.[17] Это, например, такие слова, как *банкротство*, *вассальство*, *кандидатство*, *членство*, *затворничество*, *невольничество*, *сверстничество*, *сестреничество* и др. За небольшим исключением, все они довольно редко встречаются в языке XVIII в., что затрудняет датировку времени их появления. Ограничимся отдельными примерами. *Банкротство* (*банкрутство*) в значении состояния употребляется с середины XVIII в.: «По щастию он в это банкрутство пришол, впал» (ЛВ I 218). Регулярную фиксацию в словарях слово *банкротство* получает начиная со Словаря Нордстета.

Слово *вассальство* (*фазальство*) впервые встретилось в начале века: «Кто из иноземцев и их детей пожелают учитися в Адмиралтеистве какого министерства; те должны прежде присягу учинить в вечное фазалство, а без того их не принимать» (РАВ 20). Первым из лексикографических источников это слово фиксирует Словарь 1847 г.

Существительных на *-ство* со значением состояния, мотивированных основами прилагательных, в числе новообразований XVIII в. немного — *малолетство*, *материнство*, *нейтральство*, *чреватство*, *спокойство* и др.

Часть из них употребляется лишь в XVIII в., а затем уходит из языка. Например, слово *нейтральство* довольно часто встречается в материалах первой половины века: «Его королевское

---

[16] На соотносительность этого слова в XVIII в. с существительным *шпион* указывает тот факт, что на протяжении XVIII в. ни словари, ни материалы источников глагола *шпионить* не отмечают. Впервые это слово дается в Новом словотолкователе Яновского, тогда как слово *шпионство* фиксируется уже в материалах первой четверти XVIII в.

[17] Большую группу существительных со значением состояния составляют образования, соотносительные с названиями гражданских или военных чинов или должностей, которые будут рассмотрены ниже в составе особо выделенной лексико-тематической группы.

величество уже словесно и писменно обнадежил и паки повторяти изволит, что он при совершенном нейтральстве пребывати будет» (ПБП V 547 1707); «Ежели Статы не для отговорки верно имеют свое намерение, и также и другие все принцы содержат нейтральство, конечно могут своим трупом повелеть маршировать, не ожидаючи аглинских» (АК IV 289 1711); «Его королевское величество, который преж сего, так и впредь, при совершенном нейтральстве между всеми северными воюющими партиями остается и пребывает» (ПСЗ V 17 1713) и др. В дальнейшем, однако, это слово выходит из употребления, о чем свидетельствуют материалы источников и словарей, не подтверждающие его использования. Вместо слова *нейтральство* в употребление входит слово *нейтралитет*.

Не закрепилось в языке встречающееся в источниках первой половины XVIII в. слово *чреватство*: «Из Парижа отъ 5 дня генваря, у ея величества королевы явились паки некоторые признаки чреватства, которое во дворце и везде великую радость учинило» (СПб. в. 1728 26); «Во время чреватства» (Прим. Вед. 1730 347). Семантическую функцию этого слова берет на себя слово *беременность*, отмеченное в употреблении уже в XVIII в.: «Беременности примечания или знаки (гравидитатис home) 1419 и далее» (Наст. хир. 957).

Некоторые существительные на *-ство*, соотносительные с прилагательными, появившиеся в XVIII в., употребительны в языке до настоящего времени. Это, например, слова *малолетство*, *ребячество*, довольно широко известные в языке с начала XVIII в., слово *материнство*, отмеченное в языке второй половины XVIII в: «. . . и те люди теми деревнями и землями не владеют, а иные и владеют за причиною малолетства и сиротства» (ПСЗ V 93 1714); «Время малолетства по закону 1714 году мужчине 18, а женщине 17 лет положено» (ЛТ I 265); «Еслиб за тетратки в малолетстве, что крал я» (Тред. СП II 204); «Барон старик говорил по что б. . . и себя оказывают, что совесть ее мучит, не может сего утаити: понеже из ребячества в то вникла» (Александр 173); «Может быть ей пришли не по нутру те кулашные гостинцы, коими на кануне ея материнства детки ея попотчивали» (Анекд. пошех. 79).

Еще более редки среди новообразований на *-ство* со значением состояния слова с мотивирующей глагольной основой. В наших материалах из них встретилось, например, лишь слово *расстройство*.

Таким образом, среди новообразований со значением состояния преобладают слова, образованные от основ существительных со значением лица. Значительно реже встречаются с этим значением образования от основ прилагательных. Однако они обнаруживают в языке сравнительно бóльшую устойчивость, чем образования со значением свойства, качества.

Существительные с собирательным значением

Слова с этим значением были известны в языке с древнейшей поры. Однако их число было ограниченным.[18] Развитие собирательности у существительных с суффиксом *-ство* происходит в языке позднее. У ряда слов такое значение впервые фиксируется в материалах начала XVIII в. Частично это слова, образованные от основ существительных, употреблявшихся в языке до XVIII в. К ним относится, например, слово *солдатство*, более известное в начале века в значении 'пребывание в солдатах': «Солдатством души своея не погубиши, но погубиши злыми делами» (Пос. Завещ. 163). См. в собирательном значении: «Из того, не токмо казне нашей ущерб, но и солдатству, которое оную муку принимает, не малая обида причиняется» (ПСЗ IX 908 1736).

Мещанство в собирательном значении в указанной форме было известно в польском языке XVII в., откуда могло быть заимствовано в начале XVIII в.: «Наше мещанство может быть соберется для учинения своих в том протестацеи» (Вед. II 264); «Внутренняя часть онаго места огорожена была железною решоткою, за которою стояло множество гвардии и мещанства завоеваннаго города» (Прим. Вед. 1738 180).

Генеральство: «Получена подлинная ведомость, что Московское генеральство некоторые патенты в земле лифляндской рассеять приказало» (АК II 222 1710); «. . . воинскую думу отправить надлежит, и та на стороне его королевскаго величества с призывом нашего генеральства, а на стороне нашего царскаго величества с призывом при нашем дворе обретающагося королевскаго польского министра чиниться имеет» (ПБП I 438 1701).

Позднее рассмотренных выше, в конце XVIII в., отмечено в собирательном значении слово *монашество*: «В Озире монашество цистерцинскаго ордена. . . определило меня на выстройку в своей обители училища» (ЗС I 151—152).

Собирательное значение получают в XVIII в. также некоторые новообразования от основ существительных, вошедших в употребление в конце XVII—начале XVIII в., такие, например, как *офицерство*, *кавалерство*, *министерство* и некоторые другие: «В начале же швецкой войны близь 20 полков драгунских из дворянства набрано и во всей пехоте офицерством наполнено было» (Тат. Разг. 68); «И потом сказали, что им трем гранмейстер и все ковалерство повелели ему болярину и братьям его во всем служить и быть при них не отступно» (Пут. Шерем. 1658); «И одним словом, такой был глубокой траур, что генерально ходили, как дворянство, офицерство, приказные чины, до последняго члена, так и купечество» (Зап. Нащ. 22) и др.

---

[18] См.: Ножкина Э. М. Значение имен существительных с суффиксом *-ьство* в древнерусском языке, с. 46.

Ряд новообразований XVIII в. на *-ство* имеет конкретное значение. Это либо целые слова, либо отдельные значения многозначных слов, образованных от русских основ. В их числе, например, слово *имущество*.[19] В источниках XVIII в. оно отмечено в значении 'движимая и недвижимая собственность' начиная с 60-х годов: «Законы могут учредить нечто полезное для собственнаго рабов имущества» (Наказ 261); «Отобраны казачьи верховыя и подъемныя лошади, ружья. . . и прочия аммуничныя вещи, и справлено собственно казаками, то-есть иные с одного своего имущества, а другие с определенными в раскладки по частям свойственниками и подпомощниками» (МЗК XIV 17); «Но естьлиб милое государство захотело подражать сему, . . . то разорилось бы оно до основания разточая национальное свое имущество» (Приб. МВ 1783 101). Первую лексикографическую фиксацию это слово получило в Словаре Нордстета.

Слово *имущество* возникло и употреблялось в языке XVIII в. как синоним одного из значений издавна бытовавшего слова *имение*.[20] Дальнейшая их семантическая специализация — закрепление за словом *имущество* значения 'движимая и недвижимая собственность', а за словом *имение* — 'поместье' — произойдет в языке позже, в XIX в.

К этому же семантическому разряду относится слово *семейство*, регулярное употребление которого наблюдается с 60-х годов XVIII в. Первоначально семантика слова представляла совокупность не всегда членимых значений 'общество людей, связанных родством, местом жительства; племя, род, колено': «Все совокупно земель не деля своих, пребывают; Каждо семейство правимо там есть собственным главным, Кой тому есть царь, и есть он истинный суще» (Тред. Тилем. I 142); «А чтобы крестьяне без надзирательства не остались, то по согласию всего семейства выбирать им старосту, котораго по прошествии года освидетельствовав, — одобреннаго оставить» (МЗК IV 78); «Семействами, или обществами, как кто хочет называй, напредь сего почитались

---

[19] В отличие от современного языка в XVIII в. это слово имело форму множественного числа: «Между тем, как богатые и достаточные свои имущества изтощали, простой народ к трудам и работе . . . худое старание прилагал» (Трет. 1769 24).

[20] См. примеры употребления в источниках XVIII в. слова *имение* в значении 'движимая и недвижимая собственность': «Жидов также тои же король с Англии изгнал, и имения их отнял, толико всякому оставивши, елико на раменах своих вынести могл» (Пуф. Ист. 1718 116); в сочетании «недвижимое имение»: «Российским узаконением в империи нашей почитаемы были два рода недвижимых имений под именем поместья и вотчин» (ПСЗ XXI 906 1783).

Как синоним словам *имение* и *имущество* в XVIII в. употреблялось также не получившее широкого распространения слово *обзаводство*: «Всех оных отставных и с их детьми, кои не имеют никакого обзаводства и мастерства, из городов выслать» (ПСЗ XXII 198 1784).

такия первоначальныя гражданства, . . . какия были колена иудейския, семя Авраамово, семя Исааково и проч., которыя общества и священная история доказывает не иными, как семействами, состоящими из одноземцов и однофамильцов» (Аничк. 1769 9).

К концу века слово *семейство* становится более употребительным в значении 'семья', известном и ранее: «И замуж выдает тебя он для тово, чтоб мужа твоево, Включа в число семейства своево, достать себе чрез то житье не столько скудно» (Поп. Анюта 111); «Либо лбы крестьянам бреет, Не внимая плач и стон, Слез семейств их не жалеет, на все смотрит равно он» (П.-с. 564); «Он здоров трудами, . . .весел и щастлив в час отдохновения, будучи окружен мирным своим семейством, сидя, подле верной своей жены, и смотря на играющих детей своих» (Кар. ПРП II 3); «А уток и прочих ядобных птиц хотя и стреляют, но на продажу только в своем городе и на продовольствие своих семейств» (Пут. Чел. 154) и др.[21]

В это же время слово *семейство* входит в сферу научного языка, но не имеет еще четкого терминологического значения, обозначая разного рода объединения животных и растений, связанных общностью происхождения: «Семейство состоит только из животных одного рода и одного имени, впрочем имеющих между собою некоторое различие; так напр. говорится la famille nombreuse de polypes, многочисленное семейство полипов» (МЖ I 245); «Кажется, что и дуб неодушевленный и мирт целомудренный, и все многочисленное семейство растений, и земля и вода, дышат, пылают любовию» (Пант. ин. сл. I 246).

Конкретное значение развивается в XVIII в. у слова *хозяйство*. Оно появляется в языке в середине века как русский эквивалент иноязычного *экономия* 'ведение домашнего хозяйства' и сначала получает в этом значении особенно широкое распространение, о чем свидетельствуют и источники XVIII в.[22] и «Словарь Академии Российской», включивший это слово лишь в указанном значении: «**Хозяйство.** Домоводство, упражнение домашними делами, распоряжение домом» (VI 567).

В конкретном значении *хозяйство* было известно также с середины XVIII в., но употреблялось реже: «Второй возвышающагося состояния человеческаго степень приобретается . . . скотоводством и небольшим хозяйством» (Десн. 1775 17); «Он пока-

---

[21] По семантике слово *семейство* было во многом сходно с вошедшим в употребление в XVIII в. заимствованным словом *фамилия*. См. об этом слове в кн.: Биржакова Е. Э., Воинова Л. А., Кутина Л. Л. Языковые контакты и заимствования. Л., 1972, с. 130.

[22] См., например: «В таком случае должна жена его. . . благоразумным хозяйством предупредить ту разстройку, которую чрезвычайныя сии издержки могут произвести в его состоянии» (Кар. ДВ IX 7—8); «Прежде всего я тебе скажу. . . о способах к лучшему хозяйству» (Рад. Влад. 101); «Надобно не иметь ни души, ни сердца, заставляя дочь юную учиться только хозяйству» (ММ III 173) и др.

зывал нам свое хозяйство, своих коров, своих лошадей и большой плодовитой сад» (Кар. ПРП III 42) и др. В лексикографии это значение впервые зафиксировано в Словаре 1847 г.

Конкретные значения наряду с глагольными появляются в XVIII в. также у некоторых слов на *-тельство*. См., например, слово *поручительство* 'документ, подтверждающий чью-либо кредитоспособность': «С е к р е т а р ь. Однакож доносят на тебя, что ты от данного тебе Щепеткового векселя подписанное в низу поручительство проч отрезал» (Матин. 109).

Слово *доказательство* наряду со значением 'доказание' [23] имело также конкретное значение 'факты, показания; то, что подтверждает, доказывает что-либо': «Еще некоторые произнесли, якобы младенец по 4 днях оживотворяется, но оное ни коего доказательства не имеет» (Тат. Разг. 88); «Онои услышав от меня мое доказательство тотчас начал смеяться, надрывая свои живот» (ЕОЛ 110); «Конечно и несомненно она меня обманывает; доказательство письменное я в кармане имею» (Мизантр. 84) и др.

Конкретные значения имеет также ряд новообразований на *-ство* от иноязычных основ. Преимущественно в конкретных значениях употреблялось вошедшее в язык в Петровскую пору слово *адмиралтейство* (голландское *admiraaliteit*).[24] Одно из основных его значений в XVIII в. 'административный орган, учреждение, управление, ведающее делами флота': [25] «От нашего адмиралтецтва таковы ластвовые денги с караблеи в наше государство ходящих, тако, как во всех и иных землях, обычайно брать» (ПБП VIII 103 1708); [26] «Мне сказали, что паспорт мой должно надписать в адмиралтействе» (Кар. ПРП I 10); «Общия подати. . . изключить надлежит: . . .Ластовые, в числе таможенных, принадлежащие адмиральтейству» (Рад. ПСС III 100).

Широко употреблялось это слово с начала XVIII в. также для обозначения территории, на которой производилась постройка, оснастка и ремонт судов с находящимися на ней хозяйственными и административными учреждениями, специальной школой, рабочими и т. п.: «Санктъпитербурх. . . здесь при адмиралитействе спущен на воду новопостроенной фрегат» (Вед. II 355 1719);

---

[23] См. пример употребления слова *доказательство* в глагольном значении: «Остается мне поговорить однои части людеи, которую может быть всех труднее удовольствовать можно; не для того, что нет хороших доводов им к доказательству, но за тем что они имеют жалованную грамоту не склоняться, если не похотят, ни на какие хорошие доводы» (Мн. миров XII).

[24] В начале XVIII в. это слово имело многочисленные варианты — *адмиралитеиство*, *адмиралтийство*, *адмиралтецство*, *адмиральтейство* и др.

[25] В России адмиралтейством после 1717 г. называлась Адмиралтейская коллегия, созданная в этом году по указу Петра I.

[26] Ср. употребление в первой половине XVIII в. в том же значении слова *адмиралтейство* в форме *адмиралтея*: «На предложенные нижеписанные статьи требуют указу в адмиралтеи» (ПБП I 453 1706).

«И ради таковые пакости, мнитца мне, лутче в адмира(л)тийство принимать канаты несмоленые» (Пос. КСБ 205); «Адмиралтейство, место, где всякия к морскому войску и флоту принадлежащия надобности строятся и хранятся» (ЛТ I 13); «Указали мы, для укомплектования нашей армии, гарнизонов, артиллерии, флотов и адмиралтейства собрать вновь рекрут со всего государства» (ПСЗ XIV 259 1754) и др.

Реже встречаются случаи употребления слова *адмиралтейство* в значении 'здание, где помещается управление флотом': «Адмиралтейство. Перьвое основание оному положено в 1705 году и обнесено небольшим земляным валом» (РМ I 155); «Адмиральтейство есть также одно из лучших зданий в Лондоне» (Кар. ПРП VI 184).

Из новообразований от иноязычных основ конкретное значение имеет также слово *факторство* (от лат. factor) 'иностранная торговая контора на территории экономически слаборазвитых стран': «Бенгалы была такая земля, с которою свободно торговали дотоле все нации, производящия Ост-Индийскую торговлю, и содержали там большия факторства» (Приб. МВ 1784 66).

Многочисленную группу новообразований на *-ство* с конкретным значением составляют названия владений по чину или сану их владельца, такие как *герцогство*, *баронство*, *аббатство*, *курфюршество*, *ландграфство* и др., основным значением которых является обозначение чина или сана.[27]

Довольно часто конкретное значение существительных на *-ство*, как и существительных на *-ость*, передается в XVIII в. формой множественного числа: «При отправлении многих торжеств и протчих радостных оказательств препровождали по ныне время при великих веселиах» (СПб. в. 1728 80); «Бывшие между князем и его подданными неспокойства, которые с великим трудом утишены, вновь происходят» (СПб. в. 1728 23); «Многие из солдатства и из других чинов, будучи за воровства и за прочия свои подозрительства под караулами, сказывают за собою наше императорское слово и дело по первым двум пунктам» (ПСЗ IX 31 1733); «От канцлера. . . знать дано, будто. . . от французскаго посла домогательства были склонить порту» (АВ III 100 1749); «Деньги отдал он в рост; однако привыкши к бездельствам, до сей поры от них не отстает» (Лук. Мот 62); «Всем мальчикам, при кондитерской находящимся, не запрещено есть конфектов, сколько кому захочется. Но сих преимуществ для нашего мальчика не довольно» (Зап. Гарн. XV 37); «Я опасаюсь твоего проезда через Францию, где ныне такие неустройства» (Пис. Петр. 895 1789); «В землях, завоеванных магометанами, такия сожигательствы были запрещены» (Осип. Не прямо в глаз 97) и др.

---

[27] См. об этих словах ниже, с. 105—107.

Лексико-тематические группы новообразований на *-ство*

Существительные, обозначающие действия, поступки человека, определенным образом его характеризующие

Ядро этой тематической группы составляют слова, образованные от существительных, обозначающих лицо, которое совершает определенного свойства действия, поступки.[28] В соответствии со значением производящего производные на *-ство* обозначают разного рода действия, поступки, характеризующиеся определенным свойством, качеством, т. е. имеют глагольно-качественный характер. Однако соотношение глагольности и качественности у имен на *-ство* бывает различным. В одних случаях более ярко выражена глагольность, в других — качество, свойство, раскрывающееся в тех или иных поступках, определяется это семантикой производящего и контекстным употреблением существительного на *-ство*. Обычно имена на *-ство* обозначают определенного рода действия, поступки. Из новообразований XVIII в. см., например, *буянство*, употребляющееся в источниках XVIII в. преимущественно в значении ʻбуйные поступки, поведение буянаʼ: «Препровождал время не в праздности или невежестве и буянстве, но в полезных и свойственных каждому упражнениях» (ПСЗ XVI 271 1763); «А сей Герой Ямщик, которой за буянство Сведен в Полицию и посажен за пьянство» (Майк. Ел. 16); «Как началось у них там пьянство, буянство, собрание баб, скачки, пляска и всякия гадости» (Зап. Бол. IV 61) и др.

Значительно реже такого рода имена на *-ство* имеют значение качества, свойства. См., например, слово *скряжество* в значении ʻчрезмерная скупостьʼ: «Как можно скряге предпринять страсть мотовства, чтоб зделаться ему щедрым, когда он не смотря на приятность сего качества, которое только несколько не сходно с страстью скряжества его, не склонится к нему» (Коз. ФП 138). Ср. также определение этого слова в «Словаре Академии Российской», впервые из словарей его фиксирующем: «**Скряжество.** Чрезвычайная, подлая скупость» (V 502).[29]

Иногда о глагольности или качественности значения имен на *-ство* свидетельствует их контекстуальное употребление. См., например, слово *геройство*, получившее широкое распростра-

---

[28] Продуктивность этих образований в языке 30—90-х годов XIX в. отмечает Ю. С. Сорокин (См.: Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка, с. 220).

[29] Слово *скряжество* было в языке недолговечным. Уже в 80-е годы в источниках встретилось соотносительное с глаголом слово *скряжничество*, утвердившееся в дальнейшем в языке вместо *скряжество* в синонимичном значении: «Скряжничество есть по которому мы не хочем ничего издерживать на честныя и необходимыя дела» (Арист. 38). Словарь 1847 г. отмечает уже лишь существительное *скряжничество*.

нение в языке с начала XVIII в. в том и другом значении — в глагольном значении 'геройские поступки, действия': «Геркулей, кой был в народе славны своем геройством, убил седмиглавного змия; и та ему слава приписуется вечно» (ПБП III 663 1704); «Что Ярославом мы и храбрым Мономахом Достигли, как враги взирали к нам со страхом. Потом, что Александр от бед Геройством спас; Что от врагов покрыл Димитрий в страшный час» (Лом. СС I 180); «Зайди еще к лягушкам ты во блато, И там еще свое геройство ты яви; А после блох передави» (Сум. Притчи 212); в значении 'свойство, качество героя': «В ней зрятся истинны доброты, геройство, красота, щедроты» (Лом. СС I 55); «Вы пола превышая свойство, Явили мужеско геройство, чрез славныя свои дела» (Лом. СС I 108); «Представь в лице ея геройство, В очах величие души; Премилосердо, нежно свойство И снисхожденье напиши» (Держ. Соч. I 98).

Однако примеры дифференциации такого типа значений редки. Специфика семантики этой тематической группы имен на *-ство* в том, что в большинстве случаев значения не разграничиваются по признаку глагольности и качественности даже на уровне контекстного употребления, а сливаются воедино в одном сложном значении и являются характерным его признаком. См., например, слово *жеманство*, получившее распространение в языке в середине XVIII в. и употреблявшееся преимущественно в качественно-глагольном значении 'манерность, отсутствие естественности в поведении; манерные действия, поступки, поведение': «Василей. Нам того лишь пожелать должно, чтобы. . . усталыя кокетки, которыя во гроб с жеманством сходят. . . от того отвращение получили» (Лук. Мот 150); «Оставь не приличное тебе жеманство, брось румяны, белила. . ., которые смеяться над тобой заставляют» (Трут. 1769 192); «Я думаю, что вы можете иметь важность без гордости, ласку без подлости, и украшение без жеманства» (Приб. МВ 1784 619).

Образование слов рассматриваемой тематической группы происходило в XVIII в. от основ стилистически нейтральных слов, исторически составлявших основную базу имен на *-ство*. Кроме рассмотренного выше слова *геройство* [30] к такого рода образованиям принадлежит слово *щегольство* 'поведение щеголей, проявляющееся в пристрастии ко всему модному, изысканному в одежде, убранстве и пр.; характерные свойства щеголей', т. е. как и многие другие слова этой тематической группы, оно обозначает манеру поведения, характерную для определенного

[30] Наряду со словом *геройство* в XVIII в. наблюдается употребление однокоренных семантических дублетов — *героичество* и *геройствие*: «Но весьма мало случаев и к редким добродетелям, да и героичество оных не состоит в провозглашении» (Бакон 173); «Единый вспламенен Ийройствия огнем, Сквозь ядр, сквозь пуль, сквозь бомб идет в руках с мечем» (Вин. РВ 1786 II 79). Однако оба эти дублетные образования в дальнейшем не сохраняются.

рода людей и вместе с тем содержит качественную характеристику явления.[31] Употребление этого слова в указанном значении наблюдается в источниках начиная с 30-х годов XVIII в.: «Другое, что при Французской опере примечается, состоит в том, что их оперныя женщины в щегольстве и любовном обхождении не мало упражняются» (Прим. Вед. 1738 173); «Сшить кафтан по правилам щегольства и моды» (Кант. Сат. II 40); «Ты мне изменяешь в то время, когда я уже совсем разорился на щегольство» (ПД I 282); «Через несколько минут явился ко мне человек довольно молодой. . . одетой с величайшим старанием, но без всякаго оказания не приличнаго щегольства» (ММ I 29—30).

В числе новообразований от основ стилистически нейтральной лексики также ряд производных от иноязычных основ. См., например, *кокетство* (фр. coquette), употребляемое в языке XVIII в. с середины века в значении 'кокетливые поступки, поведение; свойство кокетствующего': «Нелепа невежеством и кокетством, ежели не во всех, так по крайней мере во мне одном произвела отвращение» (Трут. 1769 245); «И какая самая развращенная кокетка не удивится самой себе, представя в мыслях начало своего кокетства и степени его» (Пант. ин. сл. I 148).

Новообразованием от иноязычной основы является также слово *педантство*, соответствующее по значению французскому pédantisme. Оно встречается в языке начиная с 50-х годов лишь в значении 'свойство, качество педанта; проявление такого свойства, качества'. См. примеры: «Смелость в худо воспитанном человеке почитается за зверство, . . . наука за педантство» (Локк 18); «Смесь пороков, покрытая кокетством или педантством, гнусна и заслуживает презрение» (Трут. 1770 90); «Что ж касается до педантства, то оно равно несносно и в мужчине» (ММ I 10).

Особенно многочисленны среди новообразований данной тематической группы производные от основ экспрессивно-выразительной лексики, в частности от основ слов, имеющих стилистически сниженную окраску. Однако несмотря на связь имен на *-ство* с основами стилистически сниженной лексики, они употреблялись в XVIII в. без существенных ограничений в произведениях разных языковых сфер, стилей и жанров. К числу такого рода слов на *-ство*, появившихся в XVIII в., кроме упомянутых выше *скряжество*, *буянство* и *жеманство*, относится также слово *чванство*. Первую лексикографическую фиксацию оно получает в Лексиконе Целлария 1746 г. Несколько раньше начинается его регулярное употребление в письменной речи в значении 'важничание, кичливость, спесь': «Мирская суета и чванство умножается» (Прим. Вед. 1741 234); «Есть способ хвалить самому себя, который укрывает совершенное чванство покровом кроткия

---

[31] Ср. определение этого слова в «Словаре Академии Российской», подчеркивающее глагольность его значения: «Щегольство. Употребление щегольских вещей» (VI 945).

мерности» (Бакон 184); «Возможно ль снесть одних буянство, Других невежество и чванство» (П.-с. 103); «Не стыдно ли тебе, скажи, любезный сын, носить ничем еще не заслуженный чин? И титлом пользуясь природнаго дворянства Иных прав не иметь окроме только чванства?» (Княж. Хваст. 74).

Сходный пример представляет слово *волокитство*, употреблявшееся в XVIII в. с глагольным значением 'ухаживание за женщинами, поведение волокиты'. Соотносительные слова *волокита* и *волочиться*, хотя и не имеют в словарях XVIII в. стилистических помет, по характеру значения примыкают к разряду стилистически сниженной лексики, что ставит слово *волокитство* в один ряд с производными от таких основ. Первую лексикографическую фиксацию слово получает в Словаре Нордстета. В источниках оно встречается раньше, начиная с 50-х годов: «Почитает себя молодою красавицею и не может прожить без любовников. Словом, волокитство для нее по гроб будет прелестно; однако она много добродетелей в себе имеет» (Лук. Постоянство 57); «Мать взялась выходить полк для своего сына, а он в ожидании того вступил в волокитство» (Вад. ск. 53); «Билиард, карты, пунш и волокитство за пригожими женщинами, вот лучшее упражнение большей части офицеров» (ПД I 78).

К числу новообразований, связанных по происхождению с основами стилистически сниженной лексики, относится слово *нахальство*.[32] Подобно некоторым рассмотренным выше новообразованиям слово *нахальство* имело в XVIII в. глагольно-качественное значение 'наглые, бесцеремонные поступки, действия, слова; наглость, бесцеремонность, проявляющаяся в соответствующих поступках, действиях, словах' и употреблялось в этом значении очень широко без каких бы то ни было жанровых и стилистических ограничений, особенно в первой половине XVIII в., в повестях, памятниках официально-делового характера, дипломатических бумагах и т. п.: «Я удивляюс; како бы вошло в чью мысл, чтоб чужую власт нахалством отнят» (Александр 139); «За гордость, нахальство и продерзовые слова не весма любезен ему был» (Д. Тв. 105); «Обаче нахалством и лукавым смирением чуждые труды поядают» (ДР 43); «Г. Валпол с стыдом от своего предложения принужден был отстать и потерпеть народное нахальство» (Кант. Рел. I 104). Во второй половине века слово *нахальство* встречается преимущественно в произведениях художественной литературы. Несмотря на генетическую связь с просторечием, оно употребляется в произведениях высокого слога — героических поэмах, исторических трагедиях и др.: «Да посрамят же там Неприятелей Ваших нахальство» (Тред. Тилем. I

---

[32] Об этом свидетельствуют, в частности, показания словарей конца XVIII — начала XIX в. Так, в «Словаре Академии Российской» слово *нахальство* рассматривается как производное от «низкого» слова *хайло*; в Словаре П. Соколова пометой «просторечное» сопровождается слово *нахал*, соотносительное с существительным *нахальство*.

99); «Г е о р г и й. Я в век не ожидал с рожденья моево, Услышати таких речей ни от ково; неожидаемо нахальство ум расшибло» (Сум. ДС 95); «За чем с таким нахальством Меня с опричными ты вкруг стал объезжать?» (Держ. Соч. IV 293).

Помимо образований от основ существительных со значением лица в состав этой лексико-тематической группы входит также ряд слов, соотносительных с nomina agentis — отглагольные существительные *бродяжничество*, *насмешество*, *хвастовство* и некоторые другие; производные от основ прилагательных — *распутство*, *вероломство* и др.

В XVIII в. в этом кругу слов начинают развиваться переносные и распространительные значения от соответствующих значений производящего. К числу слов, получивших распространительные значения, относятся, например, слова *шарлатанство* (соответствует фр. charlatanisme) — от соответствующего значения слова *шарлатан* 'обманщик, пользующийся невежеством окружающих' [33] и *буффонство* от слова *буффон* (итал. buffone), обозначающего шутовски ведущего себя человека: «Итак относительно воспитания Франция ни в чем не имеет преимущества пред прочими государствами. В сей части столько же и у них недостатков, сколько и везде; но в тысячу раз больше шарлатанства» (Пис. Фонв. 341). «Шестой-на десять век удивлялся его знаниям, уму, буффонству» (Кар. ПРП V 333); «В них мало истиннаго остроумия, а много буфонства» (Кар. ПРП VI 283).

В это же время обнаруживаются случаи образования существительных на *-ство* от собственных имен, ставших нарицательными. См., например, слово *донкихотство* (*донкишотство*), отмеченное в источниках конца XVIII—начала XIX в. в значении 'стремление к подвигам во имя высоких, но неосуществимых идеалов; бесполезное самопожертвование': «Такое Дон-Кишотство воображения заранее определяло нравственный характер Леоновой жизни» (Кар. Рыц. 41); «Он был сержант, а я офицер. Во время караула и дежурства, не смотря на приязнь, я поднимал носок перед ним и после вместе хохотали над моим донкихотством» (Долгор. 242). В форме множественного числа: «Наконец описаны во всем их пространстве донкишотства одного из королей северных, нам враждующих» (Зап. Гарн. XVI 27).

Таким образом, среди слов данной лексико-тематической группы преобладают новообразования от основ существительных со значением лица, для которого характерны действия, поступки, преимущественно отрицательного свойства. Слова этой группы могут обозначать разного рода действия, поступки, определенную манеру поведения или отвлеченное качество, свойство. Вместе

---

[33] В языке XVIII в. еще было употребительно слово *шарлатан* в первоначальном значении 'площадной лекарь': «Шарлатаны (площадные лекари) ездячи в разных городах на ярманки и бывая на торгах; сею нефтью довольно хвастовства и обману делали» (Прим. Вед. 1739 220).

с тем они могут иметь сложные значения, совмещающие оба значения в одном. Такого рода слова возникают в языке на протяжении всего XVIII в., большей частью от основ стилистически сниженной лексики. Однако, образуемые книжным суффиксом *-ство*, в большинстве своем они входят в разряд стилистически нейтральной лексики и с самого начала имеют широкую сферу распространения. Существительные, пополнившие состав данной лексико-тематической группы, как правило, не имели в языке однокоренных дублетов и почти без исключения вошли в словарный состав языка.

Существительные, обозначающие названия ремесел, занятий, различных видов профессиональной деятельности

Эту тематическую группу составляют новообразования от основ существительных со значением лица, занимающегося какой-либо профессиональной деятельностью: *авторство*, *бочарство*, *пекарство*, *скорнячество*, *слесарство*, *шинкарство*, *шаманство*, *фиглярство* и др. Особенно большим количеством примеров представлены существительные с суффиксом *-ничество*: *ветошничество*, *горшечничество*, *кожевничество*, *котельничество*, *медничество*, *садовничество*, *сапожничество*, *хлебничество* и др.

Из новых слов с этим значением лишь немногие отмечены в материалах и словарях первой половины XVIII в. — *огородничество*, *сапожничество* зафиксированы в Вейсманновом Лексиконе 1731 г., *кожевничество*, *ростовщичество*, *садовничество*, *хлебничество* — отмечены в Лексиконе Волчкова.

Основная часть новообразований получает в письменном языке более позднюю фиксацию начиная со второй половины XVIII в. Например, употребление слова *шаманство* наблюдается, по имеющимся данным, в языке с 50-х годов XVIII в.; *авторство*, *бочарство*, *фиглярство* встретились в языке 60-х годов; словари 70—80-х годов XVIII в. фиксируют употребление слов *ветошничество*, *горшечничество*, *поварничество*, *котельничество*, *кузнечество* (СК), *скорнячество*, *шинкарство* (РЦ), *пекарство* (Норд.); в языке 90-х годов отмечены слова *медничество*, *парикмахерство*.

Существительные этой семантической группы, как и рассмотренной выше, имеют сложную семантику: они обозначают выполнение какого-либо профессионального действия и его название. Чаще эти семантические единицы дифференцируются в контекстном употреблении. См., например, употребление некоторых новообразований, обозначающих в данных контекстах выполнение какого-либо профессионального действия: «За торг и ростовщичество заповедными деньгами наказан, штрафован» (ЛВ I 260); «При шаманстве не бьют они в бубны» (Краш. ОЗК I 81); «И для того бочарство сие особливое быть должно, то есть чтоб клепка была самая тонкая, и потому легковесная, тоже обручи и дно» (ЕС 1763 IV 337); «Скорнячество их [калмыков] во всем схоже

с выделкою овчин, и та одна разность, что смотря по тонкости кожи каждого зверя разное наблюдают время в намазывании простоквашею и проч.» (Пут. Леп. I 230); «При всем том я люблю его попрежнему; знаю, что молчанию его причина есть его авторство, а не забытие меня» (Пис. мас. 199).

В других контекстных употреблениях новообразования данной тематической группы обозначают название профессионального занятия, ремесла и т. п.: «Кроме шаманства упражняются они в хиромантии» (Краш. ОЗК I 81); «При том как железное мастерство занимает большую часть жителей, то из оных определившие себя кузнечеству имеют особыя кузницы» (Пут. Зуева 58); «Я в Париже с ребячества учился перукмахерству» (Рад. Пут. 391); «В Илимске могут они [занятия] быть для меня разного рода. Садовничество будет конечно не последнее» (Рад. ПСС III 364) и др.

Однако имеются случаи, когда обе семантических единицы — выполнение профессионального действия и его название — совмещаются в одном сложном значении: «Их [окулистов] искуство сходствует с фиглярством, и фигляры весьма удивительные вещи показывают за деньги» (Эмин Фемист. 210).

Таким образом, существительные этой лексико-тематической группы семантически смыкаются с существительными на *-ство* со значением отвлеченного действия.

Существительные, обозначающие должность, чин, звание, исполнение должности

Входящие в состав этой лексико-тематической группы слова соотносятся с основами существительных со значением лица, имеющего какой-либо гражданский или военный чин, звание или находящегося на какой-либо должности. В отличие от лексико-тематической группы слов, обозначающей название ремесла, профессионального занятия, состав которой расширился в XVIII в. в основном за счет новообразований от русских основ, эта лексико-тематическая группа пополнилась преимущественно словами, образованными от иноязычных основ. В XVIII в. в нее вошли, например, такие слова, как *адвокатство*, *актерство*, *бургомистерство*, *вице-губернаторство*, *губернаторство*, *генеральство*, *гофмейстерство*, *гроссмейстерство*, *канцлерство*, *квартирмейстерство*, *консульство*, *контролерство*, *кураторство*, *лоцманство*, *министерство*, *подканцлерство*, *префектство*, *прокурорство*, *протекторство*, *профессорство*, *регентство*, *режиссерство*, *ректорство*, *рефендарство*, *секретарство*, *экономство* и др.

Производные от основ русских слов представлены в составе данной тематической группы небольшим количеством слов — *городничество*, *судейство*, *советничество* и некоторые другие.

Большинство новых слов образовано от основ существительных со значением лица, которые были известны в языке уже

в Петровскую эпоху. Однако в первой четверти XVIII в. зафиксированы лишь такие слова, как *генеральство*, *губернаторство*, *канцлерство*, *консульство*, *министерство*, *подканцлерство*, *судейство* и др. Все остальные новообразования отмечены в материалах второй половины XVIII в.

Новые слова на *-ство* от основ существительных, обозначающих лицо по должности или чину, вошедших в язык во второй половине XVIII в., представлены единичными примерами. К их числу относится, например, слово *городничество*, образовавшееся в языке после учреждения в России должности городничего в 1775 г.[34] В 80—90-е годы почти одновременно с входившим в эти годы в употребление словом *режиссер* появляется в языке также слово *режиссерство*.

Существительные этой тематической группы имеют значение чина, должности, звания. Кроме того, они обозначают пребывание в соответствующем чине, звании; деятельность лица, связанную с его должностью, чином, и входят, таким образом, в разряд слов со значением действия, состояния.

Для части слов данной тематической группы также характерны сложные значения. См., например, употребление некоторых слов в значении ‘чин, должность; пребывание в чине, должности’: «И скинули судью с судейства и кричали в радах казаки голудьба, чтоб итить им под самарские городы» (БВ 382); «Говорят веть по латине, что судейство дает честь, докторство богатство, а краснобайство нищету» (Тред. Ортогр. 386); «Поручена его имп. высочеству государю великому князю Петру Федоровичу главная команда и директорство над сухопутным шляхетским кадетским корпусом» (Ж. Анненк. 768); «Что касается до того, что ты хочешь отказаться от префектства, то я об оном предложу викариату, однако же до получения на сие позволения старайся, мой друг, яко префект привести капитель в порядок» (Пис. мас. 257); «Сын. Я такой сын, по котором свет узнает вас больше, нежели по вашем бригадирстве» (Фонв. Бриг. 94); «Принцесса не по одному актерству меня принимает, но интересуется в дальнейшей судьбе моей» (Долгор. 69) и др.

Более отчетливо семантически противостоят друг другу существительные с глагольным значением деятельности должностного лица и с отвлеченным значением чина, звания. См. примеры употребления новообразований с глагольным значением: «Лоцман. . . , который и в прошлом году во флоте ж для лоцманства был» (МРФ IX 293); «[Актеру Ивану Петрову] жалованья за актерство 700 р., да за режиссерство опер 300 р.» (АДТ 387); «Ропщут также на графа Валентина Платоновича г-н Рен и принц Нассавский, чему, как говорят, способствуют большею частию интриги Кноринговы и несколько секретарство г. Русакова»

---

[34] Впервые слово отмечено в «Словаре Академии Российской» (1806—1822).

(Зап. Гарн. XVI 404); со значением чина, звания: «Г. Генералитету, которые генеральство получили в России, тем полковничье жалованье давать по 25 рублев» (ПСЗ V 25 1713); «Речи, которую профессор Крузиус при вступлении своем в профессорство конференции говорил, . . . печатать текстными литерами шестьсот экземпляров» (МАН VIII 478 1747).

Многие существительные данной тематической группы наряду с указанными имеют также другие значения. Одни из них в определенных сочетаниях обозначают время исполнения должности: «Помянутые курфирсты во время сего викариатства все те же права имеют» (Прим. Вед. 1741 140); «В консульство Силаново и Балбово» (Лом. СС I 359); «Всего, что он учинил в течении долговременного своего министерства» (ЗС I 78); «В первый год моего министерства озабочен я был торгами по винному откупу» (Дмитр. ВМЖ 189—190).

Другие существительные в пределах этой же тематической группы обозначают орган, учреждение, представительство, которое возглавляется соответствующим должностным лицом или в состав которого входят эти должностные лица. Примером новообразования с таким значением может служить слово *консульство*, употреблявшееся в XVIII в. помимо прочих значений в значении 'представительство одного государства в другом, возглавляемое консулом': «Испанская торговля в Америке состоит под ведомством трех трибуналов. . . Верховного Совета, Индийской Коммерцколлегии и консульства» (Приб. МВ 1783 265).

К этому же ряду слов относится слово *министерство*, обозначавшее различные высшие государственные учреждения, ведающие отдельными отраслями государственного управления в западных странах и в России. Чаще всего оно встречается в значении 'министерство иностранных дел, сотрудники министерства': «Я бы желал. . . ведать — чтены ли вашим сиятельством мои две реляции, правленные из Вены. . . , касающиеся Венского министерства поступка со мною» (АВ II 283 1754); «Прошу племяннику моему новую милость оказать и исходатайствовать ему рекомендательныя к мадритскому двору письма от гишпанскаго в Париже посла, а особливо и от Французского министерства» (АВ II 375 1754). В России до 1802 г. словом *министерство* иногда называли Коллегию иностранных дел. Однако такие случаи употребления слова в языке отмечаются редко: «Сентября 12 дня по данному ему от шаха Тахмаса заключил он с Российским министерством известной трактат» (Сойм. КМ IV 319). Более широкое распространение для обозначения высшего государственного органа, ведающего отдельными отраслями управления в России, это слово получает после учреждения министерств Александром I в 1802 г.: «Он первой получил сие звание [министра внутренних дел] при образовании министерства в России» (Долгор. 337). В середине XVIII в. слово *министерство* встречается в значении 'состав министров в данном государстве, оформившийся

в конце века в некоторых странах, например в Англии, в особый правительственный орган — кабинет министров': «У г. Демареска спрашивал его превосходительство, довольны ли у них в Англии нынешним министерством» (Зап. Пор. 163 1764); «Гастингс не злодей в сердце своем, но зная тайную политику Английского министерства, зная выгоды Ост-Индийской компании, жествовал может быть собственными благородными чувствами тому предмету, для котораго послали его в Индию» (Кар. ПРП VI 300); «Вам конечно странно покажется, что я о сю пору. . . не рассуждаю о правлении, о министерстве, о политике, о торговле, о законах Англии» (ММ I 34—35).

Существительные с основным значением титула, сана, достоинства

В XVIII в. эта группа слов также пополнилась рядом новообразований от иноязычных основ. Уже с начала века в языке наблюдается употребление таких слов, как *аббатство* (*авватство*), *баронство*, *дукатство*, *комитство*, *курфиршество* (*курфирство*, *курфирстство*), *маркизство* (*маркизанство*), *ландграфство*, *кавалерство*[35] и др.

В отличие от рассмотренных ранее слов, употреблявшихся преимущественно в отвлеченном значении, у большинства этих образований отвлеченное значение, как правило, сосуществует с конкретным. Существительные на *-ство*, производящая основа которых обозначает лицо, по положению владеющее какими-либо землями или осуществляющее административную власть на какой-либо территории, служат наименованиями титула, сана, достоинства, а также земельного владения, находящегося в собственности или в административном ведении данного лица. Таково, например, слово *баронство*, обозначающее титул, достоинство выше обычного дворянского, но ниже графского, а также владения барона. В России этот титул был введен Петром I. Первую лексикографическую фиксацию слово *баронство* получает в Словаре Нордстета. В материалах источников фиксируется с начала века. В значении 'титул барона': «Чины: ландграфство, графство, баронство» (Салт. Пропоз. 10); «И сказано, что вместо процентов давать можно чины и баронство» (Дн. Храп. 266); в значении 'баронское владение': «Ежели бы которой стежатель имел под собой два баронства в разных местах» (Салт. Пропоз. 11); «Тавернье. . . купил Обонское баронство, и хотел здесь провести остаток дней своих» (Кар. ПРП III 289).[36]

---

[35] Отсутствие указаний в польских исторических словарях на употребительность слов *ландграфство* и *кавалерство* в польском языке до начала XVIII в. не позволяет с достоверностью судить о том, были они заимствованы из польского или образовались на русской почве от иноязычных основ.

[36] Наряду со словом *баронство* в первой четверти XVIII в. в значении «баронское владение» встречается слово *барония*: «Л.: В знак моей любви,

Довольно часто встречается в языке XVIII в. также слово *маркизство*, обозначающее западноевропейский дворянский титул, стоящий между герцогским и графским, и владение маркиза. В начале XVIII в. слово встречается преимущественно в форме *маркизанство*. См. в значении 'достоинство, титул маркиза': «Чины: ландграфство, маркизанство, графство» (Салт. Пропоз. 10); «Маркизанство есть титло дворянства знатнаго, у нас еще не в обыкновении» (Мн. миров VIII); в значении 'владение маркиза': «Довлеет расписать во всех губерниях и городах волости, слободы, села и деревни, и расписав те обращати по великости препорцыи в ландграфство, в маркизанство, в графство, в баронство» (Салт. Пропоз. 9). Начиная с 60-х годов источники фиксируют это слово в форме *маркизатство* (от фр. marquisat). «Маркизатство, маркграфство» (ЛВ II 352). Однако в конце века более распространенной формой становится *маркизство*: «Ибо мнимое Маркизство скружить может многим голову» (Рад. Пут. 13). Ср. также во Французско-русском словаре 1786 г.: «**Marquisat**, m. Маркизство, т. е. достоинство маркизово или поместье его, маркграфство».

Некоторые слова, например, *курфиршество* (*курфирстство*, *курфирство*) чаще встречаются в значении 'территориальное владение': «Конечно все свейское войско из здешнаго курфирства и земель выходить зачало» (Вед. I 402 1707); «Каким способом недавно обезпокоен быв светлейший король наш Август, наследническое курфирство Саксонии своей от надлежащей беды избавляя и дела свои домашния управити хотя, до некоторого времяни ис королевства Полского отлучитися принужден был» (ПБП VII 541) и др.

Более редки случаи употребления в этом значении слова *аббатство*, с большим трудом отвоевывавшего в XVIII в. право на существование у синонимичного исконного широко распространенного слова *игуменство*: «Вышепомянутои новис. . . посещая своих добрых друзеи, приходит с ними весь окружен к авватству (то есть монастырь имеющеи авву или игумна), имея кожу слоновую за броню или панцырь» (Ордина 151); «То есть, я был в аббатстве св. Дионисия, на кладбище французских царей» (Кар. ПРП V 374).

Лишь в первой четверти XVIII в. в значении 'графство' отмечено употребление слов *дукатство* и *комитство*: «Во время нужды в оное дукатство не будут введены прусския войска» (Кант. Рел. I 14); «В Трансилвании, в Тиролском комитстве,

---

изволъте взять это письмо. В.: Что оно содержит? Л.: Дар и данную на мою баронию. В.: Так поэтому я чрез вас бароном стал? Л.: И бароном и мужем» (Ит. ком. 226). Отмечается это слово в том же значении и в более поздних источниках. Например, во Французско-русском словаре 1786 г.: «**Baronie**, f. Барония, поместье баронское»; в Немецко-русском словаре Аделунга 1798 г. это слово стоит в ряду со словом баронство : «**Baronie**, **Baronei**. Барония, баронское поместье, баронство».

в Гишпании, во Азии Малои, . . .на местах близ моря Каспийскаго. . . оттуду россиане соль копают и переваривают» (Геогр. ген. 97).

Существительные, образованные от основ со значением лица, имеющего титул, достоинство без права на земельное владение, обозначают только титул, достоинство. Из новообразований с таким значением встретилось слово *кавалерство* 'достоинство кавалера, члена какого-либо кавалерского ордена или лица, награжденного каким-либо орденом': «Когда кто приедет в Мальт, желая достать кавалерство себе и венчая быть кавалерским крестом, тот прежде повинен быть правым католиком римской веры» (Пут. Толст. I 186); «И убо кавалерство есть наследственно во многих местах Италии» (Ордина 9) и др. Из лексикографических источников это слово впервые отмечает Французско-русский словарь 1786 г.: «Chevalerie, f. Кавалерство, достоинство кавалера»; из толковых словарей — Словарь 1847 г.

Отдельные новообразования XVIII в. обозначали только территориальные владения, принадлежащие лицу с определенным титулом, званием. Таково, например, слово *командорство*, известное лишь в значении 'орденское имение во главе которого стоял командор'. Такие имения начали создаваться в России при Павле I в 1797 г. Поэтому это слово существовало в языке недолго и получило отражение в первую очередь в законодательных актах: «Великому приорству [Мальтийскаго ордена] в России состоять из сана Великаго приорства и из десяти командорств» (ПСЗ XXIV 262 1797); «В имениях, отдаваемых в аренду також и в командорствах» (ПСЗ XXV 138 1798); «[Селения], отданныя в командорство» (ПСЗ XXV 99 1798).

Существительные, обозначающие общественно-политические, религиозные течения, философские учения и пр.

Помимо образований на *-ство*, сохраняющих связь с производящей основой, от основ лица образуются слова, у которых значение производящей основы покрывается, как указывает В. В. Виноградов, «общим значением отвлеченного понятия. . . Оттенки этого общего отвлеченного значения очень разнообразны. Сюда принадлежат обозначения идейных течений, политических направлений, общественных движений, принципиальных установок».[37] Ряд таких слов появляется в языке XVIII в. Немногочисленные новообразования этого времени не представляют единой тематической группы. Наиболее многочисленны среди них существительные, обозначающие различные религиозные, философские учения, политические течения. Некоторые из этих слов заняли прочное место в словарном составе языка.

---

[37] Виноградов В. В. Русский язык, с. 121—122.

Уже в источниках начала века довольно часто встречается слово *раскольничество*, имевшее в то время широкое значение 'вероучение раскольников; разделение взглядов раскольников; раскольнические действия': «И уже мнози суть в царьствующем граде Москве, иже прельщени суть ядовитым их прельщением на богомерзкое раскольничество» (Д. Тв. 127); «А если кто в подозрении будет раскольничества, хотя бы и вид на себя являл православия, и того первее привести к присяге» (ДР 38); «Я истинно, таковых стариков много при Москве видел, что лет по штидесят и больше жития своего имеют, а у отцов духовных на исповеди не бывали, не ради раскольничества, но ради непонуждения презвитерскаго» (Пос. КСБ 122).

В конце века утверждается в языке слово *масонство*, обозначающее религиозно-философское течение, получившее широкое распространение в царствование Елизаветы Петровны:[38] «Хотя теперь я не бываю в ложах, коих ныне у нас и нету, но навсегда привязан к истинному масонству, которое не может мне ни в чем добром помешать, будучи наукою добра» (Пис. мас. 25); «На первое отвечал я, что. . . оныя [отношения] ни в чем ином состояли, как в церемониальных к нему отзывах по обрядам известнаго масонства, в коем был он титулярным начальником» (Зап. Лопух. 45).

В то же время в языке появляется слово *якобинство* 'политическое течение во Франции в конце XVIII в.; политическое учение': «Якобинство глубокие пустило корни по всему пространству Франции» (Пис. Б.-Б. II 395).

Ряд таких слов увеличивается в XVIII в. новообразованиями от основ собственных имен. Уже в Вейсманновом Лексиконе 1731 г. в форме *махометанство* фиксируется слово *магометанство* 'магометанская религия, основанная, по арабским преданиям, пророком Магометом'. См. это слово в источнике второй половины XVIII в.: «Не для введения магометанства» (Дн. Храп. 21).

В источниках середины XVIII в. отмечено слово *лютеранство* 'протестантское вероисповедание, названное так по имени его основателя Лютера': «Он уже хвалит лютеранство» (АВ III 309 1755).

У Тредиаковского встретилось слово *пирроничество*, обозначающее философскую концепцию о непознаваемости мира, основанную на учении древнегреческого философа Пиррона: «Заключение Пирроничества есть сие: нет ничего истиннаго, все что есть ложно» (Бакон 86); «Но Пирроничество приводит в одобрение мнения самыя безместныя» (Бакон 86).

---

[38] С масонством связано появление отмеченного в языке XVIII в. слова *немартинистов* (образовано от слова *мартинист*), которым в то время называли последователей особой ветви русского масонства их противники: «Вот еще вывеска немартиниства, чтоб брюхо было большое, однако ж, я его не хочу, пусть слыву мартинистом» (Пис. мас. 27).

Употребление других слов наблюдается лишь в языке XVIII в. См., например, слово *атеиство*, появившееся как полукалька и существовавшее в языке наряду с более ранним по образованию синонимом *безбожие*, в конце века вытесненное словом *атеизм*: «Надлежит да бы он показал, что лучшая может быть польза человеком от атеиства, нежели егда веруют и признавают яко есть бог» (Пуф. ДЧ 77).

Терминологическая лексика

К словам, значение производящей основы которых покрывается общим значением отвлеченного понятия, примыкает также ряд терминологических новообразований, появившихся в XVIII в. Одним из немногих таких образований, сохранившихся в языке, является слово *электричество*, которым в XVIII в. обозначалось явление магнетизма: «. . . называть электричеством некоторых тел оное свойство, которым, когда они чрез тертие разогреются, лехкия тела притягивают к себе» (Тред. СП II 266); «Трение, возбуждая некую силу, приводит ее в такое действие, что она легкия тела притягивает; сию в телах обитающую силу называют електричеством» (Электр. оп. 4). В значении 'электрическая энергия' см. у Яновского: «Сим электричеством можно заряжать даже Лейденския бутылки или банки» (III 1241).

Употребление других терминологических образований ограничивается пределами XVIII в.

Только в источниках языка первой половины XVIII в. отмечено слово *архитектурство* в значении 'искусство, мастерство построения чего-либо', появившееся наряду с более ранним по происхождению и более употребительным словом (полукалькой) *архитектура*: «Новым изобретением хвалящеся, инании другим такожде показующе здания изображати стены, древа прямые и хврастием оплетше, брением облепяху. . ., и тем образом вещь помалу в художество сиречь в архитектурство произведену быти глаголют, еже создания вине научает» (Изобрет. вещей 151); «О архитектурстве же, так гражданском, яко и карабелном, имеем рещи, где о городах и о флоте писати будем» (Кн. сист. 359).

Как семантический дублет к слову *живопись* и более старому *зографство* появляется и используется в середине века слово *живописство*: «Среди зимы услаждаемся видением зеленеющих лесов, текущих источников, пасущихся стад, и труждающихся земледельцев. Все сие живописству мы должны» (Лом. СС I 255); «Если хочешь, чтоб они почтенны и богаты были, распространи вкус к живописству и каменосечению во всем народе» (Польза худ. 765) и др. Но употребление этого слова в дальнейшем источниками не подтверждается.

Более продолжительное время существовало в языке слово *умозрительство* в значении 'мысленное рассмотрение, обдумы-

вание чего-либо, рассуждение о чем-либо', являвшееся наряду со словом *умозрение* эквивалентом слова *теория*.[39] Один из ранних случаев фиксации этого слова в языке относится к 20-м годам XVIII в.: «Пророк убо повнегда таины божия неизреченныя, постановления вечныя премудрости, чины и закон глубочайшим разсмотрил умозрителством, яко ко испытанию человеческих изобретении, и познанию их усердно приложился» (Кн. сист. 1 пр.). Судя по имеющимся данным, это слово использовалось в языке реже, чем указанные синонимы, но сохранялось в употреблении до конца XVIII в.: «Сей довод не есть воображение умозрительства, но токмо обществование произшествий на опытах людей мудрых и людей мало просвещенных основанное» (Рад. Ущ. 116).

* * *

Итак, в XVIII в. категория существительных с суффиксом *-ство* пополняется множеством различных по морфологической структуре новообразований. Большой процент новых слов составляют существительные от иноязычных основ.

Существенные изменения по сравнению с предшествующими периодами развития языка происходят в XVIII в. в словообразовательной системе этой категории слов. Ведущей словообразовательной моделью становятся образования от основ существительных со значением лица. В то же время происходит заметное сокращение образований на *-ство* от основ других частей речи, и прежде всего от основ прилагательных.

Изменение словопроизводственных связей сопровождалось значительными изменениями в семантической структуре этих слов. Основной семантической функцией существительных на *-ство* становится выражение отвлеченного непроцессуального действия и состояния, а также обозначение разного рода отвлеченных явлений более частного свойства, связанных прежде всего с характеристикой лица (его действий, поступков, поведения, рода его занятий, профессиональной деятельности, его общественно-социального положения и т. п.), в той или иной мере сохраняющих элемент глагольности и примыкающих, таким образом, к разрядам слов со значением действия и состояния.

Почти утратив способность выражать отвлеченное качество, свойство по значению прилагательных, существительные на *-ство* специализируются в XVIII в. на обозначении отвлеченных свойств, качеств, проявляющихся в различного рода действиях, поступках, манере поведения.

Изменение словообразовательных связей в кругу существительных с суффиксом *-ство* проявляется в XVIII в. также в исчезновении из активного употребления некоторой части слов

---

[39] О словах *теория*, *умозрение* см.: Кутина Л. Л. Формирование терминологии физики в России. М.—Л., 1966, с. 66—69.

этого разряда. Так, существительные на *-ство* от основ прилагательных со значением отвлеченного качества, свойства в XVIII в. уже уступают место в языке однокоренным образованиям с суффиксами *-ость* или *-ие*. Слова с суффиксом *-ство* со значением отвлеченного процессуального действия вытесняются тождественными по значению однокоренными образованиями с суффиксом *-ние*. Особенно широко этот процесс охватывает слова на *-тельство*, чаще других выполнявших в языке такую семантическую функцию.

Напротив, отсутствие полной дублетности в значении однокоренных существительных с суффиксами *-ство* и *-ние* (в случае передачи существительными на *-ство*, в отличие от образований на *-ние*, отвлеченного непроцессуального действия) приводило к закреплению в языке обоих слов (*балагурство — балагурение*; *хвастовство — хвастание*).

Иногда новообразования на *-ство* возникали в XVIII в. как семантические дублеты к однокоренным существительным с другими суффиксами. Но, как правило, они не получили дальнейшего распространения в языке (*беспорядок — беспорядство*; *избыток — избыточество*, *непорядок — непорядство*, *недосуг — недосужество* и др.).

Некоторые существительные с суффиксом *-ство* появлялись в связи с различными способами передачи в русском языке иноязычных слов. Такие новообразования также оказались менее устойчивыми, чем заимствования. Особенно часто они употреблялись в начале XVIII в. Например, французское слово débauche передавалось в это время словами *дебош* и *дебоштво*. Наряду с широко употреблявшимся словом *архитектура* (польск. architektura от лат. architectura) в первой половине XVIII в. встречается слово *архитектурство*. Немецкое Neutralität передавалось словами *нейтралитет* и *нейтральство*. Довольно часто существительные на *-ство* соответствовали французским заимствованиям на *-isme*, которые как полные заимствования стали утверждаться в языке в конце XVIII в., либо вытеснив существительные на *-ство*, либо получив большее распространение, чем эти существительные. См. примеры: athéisme — *атеиство* — *атеизм*; patriotisme — *патриотство* — *патриотизм*; pédantisme — *педантство* — *педантизм*.[40]

Большую группу новых слов на *-ство*, существование которых также было ограничено рамками языка XVIII в., составили индивидуально-авторские образования, появление которых было обусловлено рядом обстоятельств: с одной стороны, высокой словообразовательной активностью суффикса *-ство*; с другой стороны, неупорядоченностью языковых (и в том числе словообразовательных) норм языка того времени. Такие слова встречаются

---

[40] Случаи закрепления при такой дублетности слов на *-ство* наблюдаются в языке значительно реже. См. фр. jacobinisme, русск. *якобинство*.

в языке многих авторов XVIII в. См., например, употребление слов *нощество*, *политичество* в следующих примерах: «В сем свете, так как в комедии, в нощество представляет первое действие; и потому все недремлющим взирают на оное оком» (Добр. душа 9); «[Князь Вяземский] говорил одному из приятелей своих: „когда я возвращусь сюда, то я буду с ея и. в-вом говорить так, как теперь говорю с вами“. Толкуют слова сии аки пророчество воскресения сил его политичества» (Зап. Гарн. XV 22). К такого же рода словам относится встретившееся у Лукина слово *женерозство* в значении 'великодушие', от фр. généreux,-euse — 'великодушный' (соответствует фр. générosité): «Канцелярист: А мне ваше сиятельство за труды со всем моим причетом? Я знаю, что ныне взятков брать не велено: и для того униженно прошу вашей милости пожаловать нам не в силах аксиденции, а из женерозства» (Мот 142).

Особенно многочисленны индивидуально-авторские образования у Тредиаковского. В языке этого писателя встретились такие слова, как *детинство*, *любимство*, *предержавство*, *преспейство*, *робчество*, *укромонство*, *эпичество*, *повсемство* и др.: «Он поспешает к веслу его приучить от Детинства» (Тилем. I 80); «И чтоб сам же хвалил ты явно оных поступки, кои в преспействе себя поведут и мерно, и скромно» (Тилем. I 211); «Некоторое заблуждение, повредившее разумы и погубившее науки (оно есть, чтоб прилепляться к поверхности и к повсемству более, нежели к грунту и к подробности вещей) размножило учение математическое» (Бакон 71) и др.

В XVIII в. происходит дальнейшее расширение сферы употребления существительных на *-ство*. В русле установившейся традиции эти слова продолжают использоваться в произведениях высокой книжности, в славянизированных текстах, в языке научных произведений. Еще более широкое распространение они получают в деловом языке, причем нередко именно деловой язык оказывается той языковой сферой, в которой происходит образование многих новых слов. Такие новообразования либо остаются в сфере делового языка, либо получают распространение в общем употреблении (см., например, такие слова, как *искательство*, *отбывательство*, *поручительство*, *посягательство*, *разбирательство*, *ручательство* и др.).

Наряду с основами стилистически нейтральной и «высокой» лексики в XVIII в. в сферу образования этих существительных все чаще вовлекались основы не только стилистически сниженной, но и просторечной лексики, что еще более увеличило проникновение этих слов в разговорный язык, в такие жанры, его отражающие, как письма, дневники, записки, сатирические произведения, комедии и пр. Вместе с тем в сочетании с «книжным» суффиксом *-ство* просторечность производящего несколько нивелировалась, в связи с чем употребление таких образований наблюдается в XVIII в. также в книжно-письменном языке.

НОВООБРАЗОВАНИЯ С СУФФИКСОМ *-НИЕ*

Развитие семантики имен на *-ние*

Существительные на *-ние* составляют один из самых обширных разрядов имен в составе лексики русского языка. Структурно-семантическое единство этих слов, специфика их семантики способствовали тому что на всем протяжении развития языка начиная с древнейших времен, когда продуктивность имен на *-ние* поддерживалась и стимулировалась влиянием церковнославянского языка, и позднее, когда их образование уже происходило на собственно русской основе, именно этот разряд слов служил постоянным источником пополнения сначала книжной, канцелярско-деловой, позднее научной и общеупотребительной лексики. Поэтому понятен тот большой интерес, который имена на *-ние* неизменно вызывали у исследователей русского языка. Особенно много работ, посвященных изучению этого разряда слов, специфики их структуры, семантики, образования на разных этапах развития языка, появилось в последние три десятилетия.[1] Большое внимание уделено изучению этого разряда слов в языке XVIII в.[2] Поэтому в данном разделе рассматриваются лишь некоторые стороны развития этого лексического разряда в XVIII в.

Структурная ограниченность имен на *-ние* кругом глагольных основ определила их основную семантическую функцию, состоящую в обозначении отвлеченного действия. Но наряду с основным

---

[1] Библиография основных работ за этот период приводится в кн.: Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного в литературном языке XIX в. М., 1964, с. 86—88; Хохлачева В. Н. К истории отглагольного словообразования существительных в русском литературном языке нового времени. М., 1969.

[2] Из основных работ см.: Левин В. Д. Имена действия в русском языке. — Уч. зап. Ивановского гос. пед. ин-та. 1941, т. 1, в. 2; Васильев А. И. Из истории образования имен действия в русском языке. — Уч. зап. Киргизского гос. ун-та. 1958, в. V; Свердлов Л. Г. 1) Отглагольные имена существительные на *-ние* (*-ение*), *-тие* в русском литературном языке XVIII в. Автореф. канд. дисс. Андижан, 1962; 2) Проблема вида в отглагольных именах существительных (на материале русского литературного языка XVIII в.). — Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1959, № 4; 3) Семантика отглагольных имен существительных на *-ние*, *-тие* в русском языке. — Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1961, № 2; 4) Имена на *-ние*, образованные от глаголов с суффиксом *-ну*. — В сб.: Этимологические исследования по русскому языку, в. 3. М., 1961; 5) О некоторых отглагольных именах существительных. — В сб.: Этимологические исследования по русскому языку, в. 4. М., 1963; 6) Из истории некоторых отглагольных имен существительных на *-ние*, *-тие* в русском литературном языке. — Труды Андижанского гос. пед. ин-та, 1961, № 8; Никитинская Р. П. Отвлеченные существительные с суффиксами *-ние*, *-ение*, *-тие* в литературном языке Петровской эпохи. — Уч. зап. Кемеровского гос. пед. ин-та. 1962, в. 5, Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного. . ., с. 86—100; Хохлачева В. Н. К истории отглагольного словообразования существительных. . .

значением именам на *-ние* уже в древнейшую пору развития языка были свойственны и другие — результативности действия,[3] возникавшие вследствие присущего этому разряду слов стремления избавиться от «отягощающей их значение глагольности»,[4] которую имена на *-ние* преодолевали путем забвения формы.[5]

В XVIII в. происходит дальнейшее семантическое развитие этого разряда слов.[6]

Существительные с глагольным значением

Как и в предшествующие периоды, в XVIII в. продолжает расширяться круг имен со значением действия. Значения этой семантической группы существительных в значительной мере зависят от грамматических особенностей производящего глагола, в частности его видовой принадлежности, и от того, насколько производное существительное отражает эти особенности. Более ярко выраженной глагольностью обладают имена на *-ние*, образованные от основ глаголов несов. вида, обозначающие действие, протяженное во времени, и сохраняющие характер глагольного управления. Большей частью это существительные, употребляющиеся с родительным падежом объекта при глаголе. Слова на *-ние* с таким значением появляются в источниках на протяжении всего XVIII в.: «При слушании . . . всякого дела подавать собранию надлежащия уведомления» (ПСЗ XVII 694 1766); «Хребетная кость [у телятины] разнимается по суставам чрез нагнетание ножа сверьху» (Сл. пов. IV 87); «После всех трудов, понесенных Лепехиным и Озерецковским в обозревании земель» (Пут. Леп. IV 457) и др.

---

[3] Результативными, как и Л. Г. Свердлов (см.: Семантика отглагольных имен существительных. . ., с. 23), мы считаем все значения имен на *-ние*, сохраняющие семантическую связь с образующим глаголом, кроме значения отвлеченного действия.

[4] См.: Винокур Г. О. Глагол или имя? — В сб.: Русская речь. Новая серия, III. Л., 1928, с. 83.

[5] На семантическую неоднородность имен на *-ние* указывали многие исследователи: Покровский М. М. Несколько вопросов из области семасиологии. — Филологическое обозрение, т. XII, кн. 1. М., 1897, с. 64; Потебня А. А. Из записок по русской грамматике, т. III. Харьков, 1899, с. 105; Винокур Г. О. Глагол или имя? и др.

[6] Семантическая классификация имен на *-ние* в работах некоторых исследователей характеризуется отсутствием общего основания, что представляется неправомерным. Так, П. В. Булин выделяет следующие семантические группы имен на *-ние*, опираясь при этом на ряд различных принципов — сопоставление семантики производящего глагола и производного имени, характеристику их субъектно-объектных отношений, тематический принцип, противопоставление слов по конкретности-абстрактности и пр.: 1) результата действия, 2) орудия или средства действия, 3) объекта действия, 4) места действия, 5) отвлеченного действия. См.: Булин П. В. О лексических значениях отглагольных имен существительных (имена с суффиксами *-ни(е)*, *-ени(е)*, *-к(а)*, *-ок* и бессуффиксные. — Уч. зап. Вологодского пед. ин-та. 1967, т. 33, в. 2, с. 15—16.

Реже встречаются случаи сохранения именами на *-ние* предложного глагольного управления, такие, например, как: «Сим генеральным именем [философия] разумеется основательное и ясное знание дел естественных и преестественных, которое достается прилежным разсуждением и исследованием о тех делах» (Мн. миров [III], пр.).[7]

Ярко выраженная процессуальность характерна также для имен на *-ние*, образованных от глаголов с суффиксом *-ыва-/-ива-*.[8] Развитие в XVIII в. категории глагольного вида и появление в языке начиная со второй половины XVII в.[9] множества глаголов с суффиксом *-ыва-/-ива-* создавало обширную базу для образования отглагольных существительных с процессуальным значением, получивших широкое отражение в источниках XVIII в.[10] См. некоторые примеры: «. . .о набучивании диким камнем и наверх буту как в должности мастеров показано» (Геннин 251); «Полотна и другия намоченныя материи к просушиванию других тел употребляются» (ЕС 1763 IV 368—369); «Дело сие состоит в размалевывании печатных кунштов масляными красками» (ЭМ I 134); «. . . калиф, занятый опоражниванием кубка» (Оберон 97) и др.[11]

В меньшей мере глагольность значений свойственна именам на *-ние* от основ глаголов сов. вида, обычно обозначающих процесс, собранный «в точку» (Пешковский). Так же как имена на

---

[7] Для глагола *исследовать* в XVIII в. было характерно управление предложным падежом с предлогом *о*: «Медики при животе оныя женщины никакой надежды не имели подлинно о той скорби исследовать» (Прим. Вед. 1728 38).

[8] См.: Свердлов Л. Г. Проблема вида в отглагольных именах существительных. . ., с. 123—124.

[9] См.: Прокопович Е. Н. Категории вида глагола в языке памятников русской письменности второй половины XVII века. Автореф. канд. дисс. М., 1953, с. 7.

[10] Необходимо отметить, что для семантики многих имен на *-ние* характерно совмещение глагольности и результативности, причем нередко эти признаки настолько тесно связаны, что не всегда дифференцируются даже в контексте. Представляется, что такие значения могут быть свойственны существительным от глаголов, обозначавших неярко выраженное или не выраженное внешне действие, например: «Аристарх. Пожалуй не умничай, а без умничания говори скорее» (Лук. Постоянство 25). Нередко степень глагольности или результативности значения зависит от синтаксических условий его использования. Например, употребление в качестве объекта или именной части сказуемого уменьшает глагольность существительного на *-ние*, а абсолютивное его употребление без управляемого слова создает предпосылки для развития результативного значения. Ср. употребление существительного на *-ние* в функции объекта и именной части сказуемого: «При учинившемся после Гишпанской наследственной войны замирении» (Прим. Вед. 1738 157); «В 1775 году Версальский сад претерпел страшное опустошение» (Кар. ПРП V 354).

[11] Особенно очевидна глагольность рассматриваемых имен в противопоставлении с образованиями от основ сов. вида. Примеры см. в разделе «Однокоренные параллели, включающие новообразования на *-ние*», с. 137.

-ние от основ глаголов несов. вида, они могли употребляться с родительным падежом объекта или иметь то же предложное управление, что и образующий глагол. См., например: «Кадм. . . восходит на высокую башню, для обозрения Фив некогда служащую» (Хераск. Кадм. 41); «Армянин. . . пошел на гоубъвахту для осведомления о своем товарище» (В. Каин 26); «Самые отроки понуждаемы были учить свой дванадесятый табличный закон наизусть для впечатления еще в младенчествующей их памяти знания законов и постановлений своего отечества» (Блэкстон 13).

Глагольность значений этих образований определяется (по сравнению с именами на *-ние* от основ глаголов несов. вида) более сложным комплексом условий, в том числе семантикой производящих глаголов, контекстными и синтаксическими условиями употребления. Довольно определенно выраженное глагольное значение имеют, например, имена на *-ние* в предложно-именных конструкциях типа: «О естьли бы ты знала, что я чувствую при произнесении единаго слова самоубийство» (СПб. М. I 217).[12]

Существительные с результативно-отвлеченным и результативно-конкретным значением

В то же время у другой части имен на *-ние* продолжают развиваться результативные значения: многие слова утрачивают значение глагольности, появляются новые слова с «собственными» лексическими значениями. В процессе семантической перестройки имен на *-ние* происходит все более существенный семантический разрыв между производным именем и глаголом, все более независимыми становятся связи отглагольного имени и обозначаемого им понятия.[13] Наиболее обширную группу новообразований с результативным значением составляют отвлеченные существительные, образованные от основ глаголов сов. вида. Многие из них имеют результативные значения наряду с глагольными.[14] Например, слово *вычисление* фиксируется источниками 60-х годов с тем и другим значением. С глагольным: «Разность между силами, которыми поверхность земная и центр к солнцу влекутся, есть весьма мала и по вычислении находят, что сия разность втрое почти меньше, нежели разность между силами, от луны происхо-

---

[12] См.: Свердлов Л. Г. Проблема вида в отглагольных именах существительных, с. 130.

[13] См.: Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30—90-е годы XIX в. М., 1965, с. 330.

[14] Развитие результативных значений на основе глагольных отмечалось многими исследователями при описании истории отдельных слов: *очертание* (Виноградов В. В. Из истории русской литературной лексики. — Доклады ИЯ АН СССР, 1959, № 12, с. 40—49), *растение* (Сорокин Ю. С. Из истории русской естественнонаучной терминологии и ее литературного распространения. — Известия АН СССР, серия лит. и яз. 1966, т. XXV, в. 3, с. 218—225), *отверстие* (Свердлов Л. Г. Из истории некоторых отглагольных имен существительных. . ., с. 246) и др.

дящими» (Эйлер ПП I 268); с результативным: «Желательно при том иметь вычисление, сколько десятина земли приносит крестьянину или хозяину» (ТВЭО I 192).

Исключение. Появляется в 60-е годы в деловом и научном языке в предложных сочетаниях «с исключением, за исключением (кого-, чего-либо)»: «. . .сборы за исключением издержек при оных столь маловажны, что не стоят и старания» (Десн. МКУ 44); «А те вещи, которыми какой человек пользуется один с исключением других называется собственная его вещи» (Коз. ФП 94). Первая лексикографическая фиксация дана в Словаре Нордстета. Один из ранних случаев употребления в значении 'отклонение от общего порядка, правила' отмечен в памятнике деловой письменности в форме множественного числа: «Когда в каком законе исключения, ограничения и умерения не надобны, то гораздо лучше их не полагать» (Наказ 450).

Проименование. Отмечено также и с глагольным, и с результативным значением: «Россия иногда и Белою Русью называема была, от чего Азиатские народы к проименованию Белаго Царя могли принять повод» (ЕС 1763 IV 382); «Проименование свое имеет он [г. Мценск] от реки Мецны» (Пут. Зуева 117).

Упущение. Фиксируется в источниках с 30-х годов XVIII в. в глагольном значении: «. . .в упущении назначеннаго срока» (Прим. Вед. 1733 240); «Из того немалая тяжесть и упущение времени происходит» (МЗК XIV 16). В лексикографии впервые отмечено в Российском Целлариусе 1771 г. С 80-х годов в языке преобладает с результативным значением: «Всякое упущение [в воспитании] причиняет вечной вред, естьли не будет примечено и поправлено заблаговременно» (Приб. МВ 1783 7); «В природе нет никакого упущения, никакого внезапного прехождения от одной крайности к другой» (Брян. 1799 5) и др.

Некоторые существительные на *-ние* от глаголов с соответствующей семантикой появлялись и употреблялись в XVIII в. только с результативным значением, например *дозволение*. Оно встречается с 20-х годов, видимо, как и *исключение* в сфере делового языка, в качестве синонима к широко употреблявшемуся слову *позволение*: Кузнецы и рещик . . . ныне ведомы . . . у стольника Никиты Коковинскаго, к которому и посылаем был подьячий о дозволении означенным кузнецам и рещику для меднаго двора делать чеканы» (ДПС II 2 36 1712); «Гонение человеческие умы раздражает, а дозволение верить по своему закону умягчает и самыя жестоковыйныя сердца» (Наказ 496). Другим возможным источником появления этого слова в письменном языке была разговорная речь лиц, занимавших низкое социальное положение: «Кольмиж паче если без дозволения его почнет бутылку хорошаго вина, то до полусмерти прибьет» (Никанор 16).[15]

---

[15] Слово *разрешение*, являющееся в современном языке синонимом к слову *позволение*, употреблялось в XVIII в. преимущественно в значениях 'осво-

В абсолютивном употреблении отмечено также получившее в XVIII в. распространение слово *значение*, одна из ранних фиксаций которого встретилась в деловом языке: «Сей власти в Российской империи кроме монархов никто в полном значении не может иметь» (Десн. МКУ 34).

К этому же ряду результативных образований с отвлеченным значением, вошедших в употребление в XVIII в., относятся слова *впечатление*, *дозволение*, *допрошение*, *занятие*, *изъяснение*, *обозрение*, *различение* (различие), *распоряжение* и др.

Сравнительно ограниченный круг новообразований на *-ние* имеет конкретно-предметные значения, которые свойственны именам, образованным от основ глаголов как с отвлеченной, так и с конкретной семантикой. Они развиваются и наряду с глагольными значениями, и как единственное у слова. Обратимся к примерам.

Завоевание. С начала века употреблялось с глагольным значением: «Знатнейшая экспедиция к завоеванию города Баку клонящаяся» (ЕС 1763 IV 318); «Из Мексики выступил, . . .отложа конечное завоевание царства вашего» (Сумар. Разг. 240). Появление конкретно-предметного значения ‘завоеванная территория; то, что завоевано’ отмечено у слова в источниках второй половины XVIII в.: «Римляне начинали уже тогда быть знаемы, расширив свои завоевания за Италию» (ПЭ I 35—36); «Узнав победу Волк, да и Медведь, В завоеваньи часть задумали иметь» (Держ. Соч. III 431).

Предуведомление и *предъизъяснение*. Эти слова появляются в источниках 60-х годов наряду с известным до XVIII в. полным синонимом *предисловие*: «Предъизъяснение о ироической пииме» (Тред. Тилем. I I); «Она была из тех женщин, которыя сочиняют романы и пишут предуведомления к оным стихами» (Чулк. Повариха 80). Более часто встречается во второй половине XVIII в. слово *предуведомление*. Оно отмечено в Лексиконе вокабулам новым (с. 376), но до 60-х годов не имело широкого распространения. Из последующих словарей отмечено у Нордстета.

Донесение. Один из наиболее ранних случаев употребления слова в конкретном значении в форме множественного числа отмечен в источнике 70-х годов: «Я . . . был в доме вашего сиятельства нарочно, чтоб быть очевидным свидетелем и найтиться в состоянии сделать мои донесения вашему сиятельству» (АК VIII 218 1776). Несколько позднее оно встретилось в значении ‘письменное сообщение каких-либо сведений начальству’ как эквивалент

бождение, ослабление, отмена чего-либо’: «О разрешении запрещения войсковым обывателям промеж собою чинить покупку и продажу земель» (МЗК XIV 18). И только в конце XVIII в. появляется в значении ‘позволение’ «Посылаю Вам Ябеду, которую продают из лавок, . . . но разрешения играть ее нет» (Держ. VII 170).

иноязычному *рапорт*: «Буде капитан пришедшего военнаго корабля желает послать рапорт или донесение, то карантинному приставу принять оное в разчеп длинной палки, окурить в карантинном доме» (ПСЗ XXII 588 1786).

До появления слова *донесение* указанное значение передавалось рядом слов, которые были известны в языке до XVIII в. В первой половине широко бытовало слово *ведомость*, в дальнейшем специализировавшееся на передаче других значений: «И для сеи ведомости, яко ко отцу и брату посылаю ведомость» (ПБП I 21 1694).

В течение всего века в синонимическом значении встречается также слово *известие*: «Барон Герц велел мне о состоянии дел, и от чего ныне здешняя наша негоциация наипаче зависит, наперед известие подать» (ЖПВ II 542 1718); «Александр Васильевич обещал прислать полное известие с курьером» (Держ. VI 27 1795).

Широкое распространение имели в XVIII в. вошедшие в язык в Петровскую пору заимствования *реляция* и *рапорт* (*репорт*): «Имеют Коллегии в реляциях и ведомостях, такожде в доношениях своих, которые Его Царскому Величеству, или в Сенат о чем подаватися будут, все основании и обстоятельства написать» (ГР 14); «О приеме доношеней или репортов и на них отправленных резолюцей» (ЗА 537 1715—1725); «Реляция посла г. Сальдерна содержит в себе все то, что может подать совершенную идею о настоящем положении польских дел» (Пис. Фонв. 287 1771); «Я только почел не безнужным довесть помянутый рапорт до сведения вашего» (Держ. VI 41 .1796).

Реже встречаются слова *мемориал* (обычно о деловом сообщении высокому лицу) и *представление*: «Секретарь которои в Коллегии докладывает, збирает все указы, грамоты, писма, мемориалы, реляции» (ГР 21); «Герц Остермана просил, дабы он о том двору своему потребныя представления учинил, чтоб за таким малым делом сей мир не остановился» (ЖПВ II 556 1718).

Ко второй половине века основным в передаче значения 'письменное сообщение начальству' из ряда синонимов становится слово *доношение*, которое было известно в этом значении и раньше, но в начале века чаще употреблялось в значении 'донос':[16] «В доношении Господина генерала фелт маршалка и кавалера Шереметева. . . написано» (Вед. I 255 1705); «Камергер Шувалов поданным в Сенат доношением. . . следующее представлял» (ЕС 1755 104). Но в конце века слово *доношение* в источниках уже не встречается, его сменяет слово *донесение*: «В правление посылает приказ, чтобы наряжен был немедленно курьер, которого он имеет в Петербург отправить с важными донесениями» (Рад. Пут. 44). Первая лексикографическая фиксация слова *донесение*

[16] См. пример употребления слова *доношение* в значении 'донос': «Харликин пришед к судье подает доношение» (Интерм. 19).

отмечена в «Словаре Академии Российской». С этого времени оно получает все более широкое распространение, вытесняя из употребления прочие синонимы.

См. примеры употребления в источниках XVIII в. других новообразований с конкретно-предметными значениями: «Столь нежныя выражения оживляют слог твой» (Фанни 10); «Плотный излом бывает. . . с) раковистый, изъявляющий полосы в раковине подобном углублении» (Минер. Северг. I 46); «[Минерал] со впечатлениями, кои образуются, когда какое тело вросшее в другое. . . выпадает» (Минер. Северг. I 34); «Предъявить свое увольнение» (САР I 845) и др.

Показательным примером развития семантики имен на *-ние* в XVIII в. — от глагольного значения к результативному, отвлеченному и конкретно-предметному, и, наконец, к собственно лексическому — может служить слово *заведение*. Наиболее ранняя фиксация слова в глагольном значении отмечена в источниках 30-х годов: «И радуемся, что мы случаи имеем известно учинить, коим образом Россия. . . в заведении всяких изрядных искусств и наук щастливою была». (Прим. Вед. 1731 4). Ср. другие случаи употребления слова *заведение* в глагольном значении: «Для заведения мастерства цехи полезны» (Наказ 401); «Кто знает, сколь трудно было заведение мануфактур в Германии» (Приб. МВ 1784 334); «О заведении особеннаго роду удобной почты» (Сат. в. 26—27). В 80—90-е годы у слова возникает ряд новых значений. Ср. употребление в результативно-отвлеченном значении в форме множественного числа: «Да и какая, государь наш, польза в таких заведениях, которыя не наградят трудов крестьянина» (ЭМ I 357); о конкретных предметах: «Вот пчельник и десять ульев полных сотов, все суть их [царя и царицы] заведения» (РМ I 56); в конкретно-предметном значении: «На Марциальных водах нашел я все заведение состаревшим, обвалившимся и сгнившим» (МИГ 1791 73).

Обозначение словом *заведение* училищ, школ и других учреждений закрепило за ним значение ‘учебное или какое-либо другое общественное учреждение’, которое реализовалось либо в сочетании (обычно со словом учебный), либо в абсолютивном употреблении с пояснениями в контексте. См., например, в словосочетаниях: «Учредить на Тереке в удобном к тому месте казенное училищное заведение, в коем преподавать практически нужныя наставления» (ПСЗ XXV 71—72); «Тысячи общественных учебных заведений. . . воспламеняли в них огнь рачения» (Антон. 17). В абсолютивном употреблении: «Юношество наше может учиться всем языкам и всем наукам, нужным гофмейстеру: для сего в обоих столичных городах здешних преизрядныя находятся заведения» (Приб. МВ 1783 58); «[Училище] осталось, как и прежде пожара, таким заведением, в котором до некоторой известной точки граждане и ученые получают соразмерное своей цели образование» (ПЖ 1790 III 369); «[На Каменном острове] находится его высочества

дворец и благодетельное премудрое заведение Инвалидной дом» (РМ I 26).

Конкретность у имен на *-ние* создается в XVIII в. не только лексическим путем — новыми значениями, но и грамматически — их употреблением в форме множественного числа. Такое употребление (характерное для имен на *-ние* с отвлеченно-результативным значением) разрушало значение отвлеченности, грамматическое выражение которой заключалось «в обладании только формами единственного числа».[17] Имена на *-ние* с отвлеченным значением в форме множественного числа встречались и до XVIII в. В XVIII в. частотность их употребления особенно заметно возрастает: «Когда по изтребованиям полковых лекарей. . . каких припасов куплено будет: оное отдавать лекарю» (ПСЗ XV 152); «Но разумная радость сия, имеюща нечто от блаженных тех в себе предвкушений небесных, Чиста и — есть непримесна всегда» (Тред. Тилем. I 66); «Ласковыми оговориваниями своими и советами она так меня вышколила, что я совсем переменился» (Зап. Бол. I 270); «А когда человек до такого полномощия достигнет, и на самой вышней степени всех роскошествований себя увидит, так что не будет ему чего больше желать, таковый ежели умеренности в себе не имеет, будет нещастливейшим из всех смертных» (Эмин Фемист. 296). См. употребление в форме множественного числа также многих других отвлеченных существительных — *огорчение*, *ограничение*, *опустошение*, *осведомление*, *предзнаменование*, *предубеждение*, *предусматривание*, *предъявление* и др.

О некоторых языковых факторах, влияющих на развитие семантики имен на -ние

Значение слова — явление, формирующееся под влиянием множества языковых и внеязыковых факторов. В ряду лингвистических причин, влияющих на семантику отглагольных имен, существенно значимой является видовая принадлежность производящего глагола. Как отмечалось выше, глагольные значения свойственны преимущественно именам на *-ние* от основ глаголов несов. вида, сохраняющим глагольное управление, в особенности именам на *-ывание*. В меньшей мере глагольность значений обнаруживается при тех же условиях у имен на *-ние* от основ глаголов сов. вида. Для последних более характерны непроцессуальные результативные значения.[18] Особенно эта семантическая функция свойственна именам на *-ение*.

Не менее существенными факторами, определяющими значение слова, являются семантика образующего глагола и действие за-

---

[17] См.: Виноградов В. В. Русский язык. М.—Л., 1947, с. 156.

[18] См.: Быкова Л. А. Условие проявления глагольных значений в именах действия на *-ние*, *-тие* в русском языке. — В кн.: Актуальные вопросы современного языкознания и лингвистическое наследие Е. Д. Поливанова, т. I. Самарканд, 1964, с. 268.

кона аналогии. Преимущественно этими причинами объясняется появление в числе новообразований XVIII в. с результативно-отвлеченным значением наряду с существительными от основ глаголов сов. вида ряда имен от основ глаголов несов. вида. См., например, слово *замечание*. Как и ряд других слов с результативно-отвлеченным значением, оно встречается в материалах начала века с глагольным значением: «А иного способа к вернейшему замечанию прилива и отлива не знаю» (Краш. ОЗК II 553). Во второй половине века это слово появляется с результативным значением 'краткое наблюдение, соображение по какому-либо поводу': «Не годится ли вам. . . следующее маленькое экономическое замечание, относящееся до приготовления нюхательнаго русского тобаку» (ЭМ I 202). Отмечено также употребление этого слова в более конкретном, собственно результативном значении 'то, что замечено; наблюдение, вывод': «Флорзель был в замешательстве. . . София также принуждала себя. . . Это замечание уменьшило для меня горесть разлуки» (ВЕ III 4).

С результативно-отвлеченным значением отмечено употребление в источниках XVIII в. также следующих новообразований от основ глаголов несов. вида: «Махмуд-Бег задержан был в Дербенте. Его разсказывание много разнится от известия Измаила-Бега» (ЕС 1763 V 403); «К сим чувствованиям [всеобщим] принадлежат: симпатия, или сочувствование, чувствование изящного и дурнаго» (Приб. МВ 1784 451); «Судья должен не только быть украшен различными добродетельми, и наипаче соболезнованием, но знать исправно естественныя нравы» (Кант. Сат. II 61).

В ряде случаев значение имен на *-ние* зависит от характера их употребления или функции в предложении. Выше уже отмечалась специфика имен на *-ние* с объектом в родительном падеже, в абсолютивном употреблении, а также в функции именной части сказуемого.[19] Семантика некоторых имен на *-ние* определяется их сочетаемостью, что можно наблюдать на примере некоторых слов со значением состояния. Такие существительные образуются от глаголов определенной семантики и составляют в кругу новообразований довольно ограниченную группу. Некоторые из них обозначают состояние лишь в определенных предложных словосочетаниях. Например, слово *огорчение* начиная с 30-х годов XVIII в., когда оно начинало входить в широкое употребление, и на протяжении всего XVIII в. встречается только в сочетаниях «приводить в огорчение» или «приходить в огорчение»: «Но Купидон всегда меня принуждал, чтоб ея повесть в его храм, за что всегда она на меня в огорчение приходила» (ЕОЛ 47); «Пойду расскажу ей все его умыслы, приведу на него в крайнее огорчение» (Лук. Мот 57); «Такая бесподобная вольность может ли нас когда нибудь противу мужей приводить в огорчение» (Жив. 144). В таком же предложном сочетании отмечено употребление слова

[19] См. с. 115.

соприкосновение в значении состояния: «Сколь трудно привести тело с другим в совершенное соприкосновение» (Рад. Чел. II 134).[20]

Развитие семантики имен на *-ние* в XVIII в. характеризуется возникновением у многих слов этого разряда распространительных, образных, переносных и прочих «смещенных» (по отношению к исходному) значений. Их появление было связано с происходившими в это время изменениями в семантической системе глагола. Более широкое и свободное употребление конкретных глаголов со словами, обозначающими понятия, относящиеся к сфере духовного мира человека, человеческих чувств и разума, характерное для XVIII в., вызывало возникновение тех «смещенных» семантических единиц, на основе которых образовывались соответствующие значения имен на *-ние*.

Такие образования чаще имели значение глагольности: «Простирайтесь в обогащении разума» (Лом. СС I 206); «Поощрение к охотнейшему понесению подъемлемаго мною труда» (ЕС 1755 177); «Легко ли было для обозрения часто обыкновенных и мыслей и чувствований списывать величайшие свитки?» (Панк. 1800 54); «Расторопность, твердость в преследовании предпринятого намерения» (Рад. Сиб. 26); «Тут изображает он первое пробуждение страстей» (МЖ II 87); «Оное все произходило просто от мечты, привидения, и от великаго суеверных углубления и закоснения в таких мыслях» (Аничк. 1769 16) и др.

Реже глагольные значения такого рода служили основой образования имен на *-ние* с результативно-отвлеченным значением. См., например, *влияние*,[21] *вдохновение*,[22] *отвращение*,[23] *направление* [24] и др.

Описанные семантические процессы были характерны не только для новообразований XVIII в., но и охватывали слова на *-ние*, употреблявшиеся в языке до XVIII в.: у многих слов появляются результативно-отвлеченные и результативно-конкретные значения; например, у слова *гуляние* во второй половине века — значение 'массовое празднество', у слова *внушение* — 'поучение, наставление', у слова *извлечение* — 'выдержка из книги, статьи', у слова *собеседование* — 'беседа, разговор с кем-либо' и др.

---

[20] См. также другие примеры имен на *-ние* со значением состояния, встретившиеся в источниках XVIII в.: *сосуществование*, *разъярение*, *остервенение*, *состязание*, *пробуждение*, *углубление* и др.

[21] Виноградов В. В. О некоторых вопросах русской исторической лексикологии. — Известия АН СССР ОЛЯ, т. XII, в. 3, 1953, с. 188—189; Сорокин Ю. С. К истории семантических изменений слов в русском языке XVIII в. (влияние и его синонимы). — В кн.: Проблемы современной филологии. М., 1965, с. 256—257.

[22] Свердлов Л. Г. Имена на *-ние*, образованные от глаголов с суффиксом *-ну*, с. 32.

[23] Свердлов Л. Г. Из истории некоторых отглагольных имен существительных. . ., с. 244.

[24] Бельчиков Ю. А. Общественно-политическая лексика В. Г. Белинского. М., 1962, с. 118—120.

У многих существительных наряду с основным значением (конкретное действие) развиваются новые (по переносным значениям глагола): *влечение* стало обозначать не только 'тащение, волочение', но и 'стремление, склонность к чему-либо'; *воспаление* 'зажигание' и 'болезненное состояние, жар'; *опровержение* 'опрокинутие' и 'доказательство ложности, неправильности чего-нибудь' и т. д.

Вместе с тем многие слова в XVIII в. еще не имели тех результативных значений, которые разовьются у них позднее (*заявление* — 'деловая бумага', *укрытие* 'убежище', *предупреждение* 'предупреждающее замечание', *заграждение* 'преграда', *помещение* 'внутренняя часть строения' и др.).

Словопроизводство и структура имен на *-ние*

Имена на *-ние* отличались в XVIII в. чрезвычайно высокой словопроизводственной активностью. Источники этого времени фиксируют большое количество новообразований — и тех, которые в дальнейшем получили распространение в языке, и более редко употребительных, относящихся к потенциальной лексике. Этот разряд слов получил широкое отражение в «Словаре Академии Российской», что не только определялось принципами составления словаря, но в значительной мере отражало уровень роста и высокую степень свободы их образования в языке XVIII в.

Увеличение этого разряда слов в первую очередь результат активизации их образования по различным моделям, «апробированным» языком в предшествующие периоды его развития.

Особенно высокая продуктивность характерна в это время для имен на *-ение* от основ приставочных перфективных глаголов на *-ить*, образование которых происходило в XVIII в. без установившихся в дальнейшем ограничений.[25] Большое количество новообразований с суффиксом *-ение* появляется в источниках XVIII в. от приставочных глаголов сов. вида на *-ить*, соотносительных по виду с глаголами на *-ать*. В их числе такие, например, существительные, как *нагромождение*, *обвинение*, *обеднение*, *обеление*, *обогащение*, *ободрение*, *обременение*, *обучение*, *оглушение*, *ограбление*, *огорчение*, *огранение*, *означение*, *округление*, *опустошение*, *освежение*, *оснащение*, *остервенение*, *осушение*, *отлупление*, *отправление*, *отучение*, *отягощение*, *перерождение*, *переселение*,

---

[25] См. заключение А. И. Васильева о том, что в современном языке от глаголов сов. вида на *-ать*, *-ить*, соотносительных с глаголами несов. вида на *-ыва*, имена на *-ние* не образуются (Васильев А. И. 1) Образование существительных на *-ние* от продуктивных глагольных классов в современном русском литературном языке. — Уч. зап. филологического факультета Киргизского ун-та, 1957, в. 4, с. 181—182; 2) Из истории образования имен действия в русском языке. — Уч. зап. филологического факультета Киргизского ун-та, 1958, в. 5, с. 55—56).

повторение, *погашение*, *погрешение*, *подразделение*, *подчинение*, *помещение*, *посвящение*, *превышение*, *предвкушение*, *предосуждение*, *предохранение* и др.

Продолжают образовываться и широко употребляются также многочисленные существительные на *-ние* от перфективных глаголов на *-ить* с конкретными приставками, соотносительные по виду с глаголами на *-ыва-*, утрачивающие продуктивность уже в начале XIX в.: [26] «А сия болезнь приходит от великаго жару, или от застужения» (ФЭ 264); «И для того нам нужно прилежать о знании качеств и употреблении количеств брашен, дабы мы могли. . . по утрачении здравие возвратить» (Тат. Разг. 77); «И хотя 50 000 рублев по векселям к заплачению. . . в готовности были, но однакож оный торг. . . незаключен» (Прим. Вед. 1729 227); «Чувствительно бывает некоторое в воздухе движение, котораго причиною бывает перехождение ефира» (Эйлер ПП II 291); «По обмочении в это тесто аллюметов обжарить в масле румяно» (Сл. пов. IV 90); «По разварении зеленаго гороху положить в него обваленных петрушки и перьев» (Сл. пов. IV 78); «В ископаемых производит она охрусталение» (Рад. Чел. III 53) и др.

См. также *выслужение*, *обезображение*, *обвешение*, *обеспокоение*, *обесчещение*, *очиновление*, *переваление*, *присажение*, *просрочение*, *разваление*, *разгромление*, *уговорение*, *утрачение* и др.

Часть таких новообразований получает отражение в «Словаре Академии Российской»: *выстреление*, *надавление*, *обварение*, *подбеление*, *подгущение* и др.

Новообразования на *-ение* от глаголов на *-ить* несов. вида представлены в источниках XVIII в. ограниченным количеством примеров преимущественно от бесприставочных глаголов. В их числе, например, следующие: *анатомление*, *балагурение*, *бочененье*, *брожение*, *буравление*, *бурлаченье*, *бурление*, *кабаление*, *картавление*, *клеение*, *клочение*, *кобенение*, *конопачение*, *лабжение*, *лазение*, *леденение*, *лепление*, *лупление*, *манение*, *метение*, *множение*, *морожение*, *муравление*, *мусление*, *мысление*, *мягчение*, *орление*, *пиление*, *плочение*, *плющение*, *портняжение*, *порчение*, *потрошение* и др.

Наиболее продуктивными образованиями на *-ние* от основ глаголов несов. вида в XVIII в. были производные на *-ание* [27] от глаголов на *-ать*, обладавшие продуктивностью и до XVIII в., но постепенно утрачивающие ее по мере приближения к современ-

---

[26] См. там же, а также в кн.: Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного. . ., с. 91.

[27] Исключение составляют образования от глаголов на *-ать*, соотносительные по виду с глаголами на *-ить*, от которых имена на *-ние* и до XVIII в. образовывались редко, а в XVIII в. уже полностью утратили продуктивность в связи с усилением продуктивности имен на *-ение* от глаголов сов. вида на *-ить*. См.: С в е р д л о в Л. Г. Проблема вида в отглагольных именах существительных, с. 127.

ности.[28] Свободное образование и широкое употребление имен на *-ание* наблюдается в XVIII в. от основ бесприставочных и приставочных глаголов несов. вида. См., например, от основ бесприставочных глаголов: *блеяние*, *бодание*, *болтание*, *ботание*, *брыкание*, *брюзжание*, *вахляние*, *верезжание*, *калякание*, *качание*, *кашляние*, *клокотание*, *клохтание*, *коверкание*, *ковыляние*, *ковыряние*, *колупание*, *колыхание*, *лазание*, *лелеяние*, *лепетание*, *лизание*, *линяние*, *лопание*, *лягание*, *ляпание*, *мазание*, *макание*, *марание*, *меняние*, *мерцание*, *обожание*, *ошибание*, *пахтанье*, *пачканье* *пеленание*, *пестанье*, *печатанье*, *пихание*, *плутание*, *порхание* и др.; от приставочных глаголов: *вычитание*, *занимание*, *набегание*, *набирание*, *нагнетание*, *нагребание*, *надевание*, *надзирание*, *надсмехание*, *насекание*, *настилание*, *насыпание*, *натирание*, *обгибание*, *обдирание*, *объезжание*, *оседание*, *оскребание*, *осыпание*, *отбирание*, *отгибание*, *перегибание*, *пересыпание*, *перетирание*, *пóдбегание*, *подбирание*, *подгрéбание*, *поднимание*, *предостерегание* и др.

Обширную тематическую группу в ряду новообразований на *-ание* от глаголов несов. вида составляют производные от глаголов с суффиксами *-а-* и *-ка-*, образованные от междометий и звукоподражательных слов, которые до этого были в языке малоупотребительны.[29] Например: *ауканье*, *аханье*, *бряканье*, *бульканье*, *гуканье*, *гулюканье*, *даканье*, *кваканье*, *мурлыканье*, *мяуканье*, *неканье*, *пиканье*, *прысканье*, *пуканье*, *таканье*, *тананаканье*, *труханье*, *тыканье*, *тюканье*, *тявканье*, *фырканье*, *харканье*, *хлопанье*, *хныканье*, *чавканье*, *чваканье*, *чирликанье*, *чмóканье*, *чоканье*, *шарканье*, *щелканье* и др.

В XVIII в. появляются также отдельные новообразования на *-ание* от приставочных глаголов сов. вида на *-ать*, ограниченность которых была обусловлена малочисленностью в языке образующих глаголов: *вбежание*, *набежание*, *набрание*, *напечатание*, *halfметание*, *насыпание*, *облыжание*, *осыпание*, *отобрание*, *отстание*, *перебежание*, *перегнание*, *подобрание*, *подогнание*, *пождание*, *пожелание*, *посеяние*, *перевязáние* и др.

Источники XVIII в. еще фиксируют образования на *-ание* от основ приставочных перфективных глаголов, соотносительных с глаголами несов. вида с суффиксом *-ыва-*, утративших в дальнейшем продуктивность,[30] но их количество невелико: «В сводах и перемычках — чтоб доброе и плотное везде перевязание было» (ДАЭ 34); «Можно от того их отводить . . . отказанием желаемаго» (Эмин Фемист. 252); «Каково место, такая ему и плата за отыскание онаго» (Чулк. Повариха 28); «. . . в отнятии насильно и пере-

---

[28] См.: Булатова Л. Н. Отглагольные существительные на *-ние* (*-нье*), *-тие* (*-тье*) в русских говорах. — Труды Института языкознания АН СССР, т. VII. М., 1957, с. 335.

[29] См.: Свердлов Л. Г. — Отглагольные имена существительные на *-ние* (*-ение*), *-тие*. . ., с. 7.

[30] См. сноски 25, 26.

пахании земли» (МЗК IV 357); «И никогда не были бы образцом проспания своея жизни» (Приб. МВ 1783 33); «Европа разделилась тогда на разныя общества, земля осталась без обработания, города были опустошены» (Приб. МВ 1783 30); «Наиглавнейшия работы мои состояли . . . в откопании многих мест в горах» (Зап. Бол. IV 25); «Пшеница после тщательного вывеяния и подсеяния . . . вымывается» (Сл. пов. VI 289) и др.

Таким образом, преобладающую часть новообразований на *-ание* в XVIII в. составляли производные от глаголов несов. вида. Тогда как имена на *-ение*, как было показано выше, образовывались преимущественно от основ сов. вида на *-ить*.

Существенно пополняется разряд имен на *-ние* в XVIII в. образованиями от глаголов на *-ывать*. Глаголы с этим суффиксом были употребительны в разговорной речи в XVI в., но в письменных памятниках и глаголы, и отглагольные имена на *-ние* получают отражение позднее. Источники XVIII в. свидетельствуют уже о практически свободном образовании имен на *-ывание* на протяжении всего века в различных языковых сферах — памятниках деловой письменности, в научной литературе, журналах, разного рода руководствах, реже — в произведениях художественной литературы. См. например: «А во время разснащиванья корабля, должен [плотник] копию с журнала отдать в кантору» (УМ 87); «Части тех червячков и тело змеи после разрезывания несколько времени светились» (Прим. Вед. 1738 298); «Не может он [свет] к нам от луны приходить, разве чрез преломление (или отсвечивание)» (Мн. миров 50); «Требует обделывание оной [глины] гораздо долее времени, нежели на воздухе лежавшая» (ТВЭО III 10); «Что касается до переваживания картин на стекло, об этом прочтете вы 37 лист моего Сельского Жителя» (ЭМ I 211); «Изпытуют плоды их в облагополучивании своих подданных» (Приб. МВ 1784 93); «Суетон препровождающий утренние свои часы . . . в волосочесании, в нарядах, в охорашивании» (УЧ I 5—6); «Прохватывание и вымесивание, когда работник руками по переменжно в тесто толчет» (Сл. пов. VI 298); «Срастывание бывает, когда частицы различной фигуры вместе соединяются» (Минер. Северг. I 96) и др.

Появление имен на *-ывание/-ивание* значительно увеличивало количество парных параллелей на *-ние* от видовых глагольных коррелятов.[31]

В связи с развитием категории вида в XVIII в. также несколько активизируется рост отглагольных образований от основ глаголов несов. вида с суффиксом *-ва-*, не отличавшихся до XVIII в. высокой продуктивностью. Небольшое количество таких новообразований по сравнению с именами на *-ывание* объясняется ограниченностью в языке соответствующих глаголов. В источни-

---

[31] См. в разделе «Однокоренные параллели, включающие новообразования на *-ние*», с. 137.

ках XVIII в. они представлены исключительно образованиями от приставочных глаголов: *вбивание*, *восставание*, *доспевание*, *навивание*, *наддавание*, *наливание*, *непризнавание*, *обмежевание*, *обозревание*, *обривание*, *отбивание*, *отбывание*, *отдавание*, *отливание*, *отогревание*, *отставание*, *перебривание*, *перевивание*, *переплывание*, *переставание*, *повелевание*, *повивание*, *подбивание*, *подбривание*, *подвивание*, *поддавание*, *подливание*, *подогревание*, *подозревание*, *преподавание*, *претерпевание*, *преуспевание*, *пробривание*, *продавание*, *разбивание*, *разувание*, *разливание*, *расшивание*, *свивание*, *снабдевание*, *согревание*, *сплывание* и др.

Значительно увеличивается число имен на *-ние*, образующихся по продуктивным до XVIII в. моделям — от глаголов сов. и несов. вида с суффиксом *-ова-*. В письменной речи XVIII в. появляется и закрепляется, например, ряд следующих слов от основ русских глаголов на *-овать*, бесприставочных и приставочных: *боронование*, *брезгование*, *зернование*, *колдование*, *колесование*, *векование*, *воркование*, *ворсование*, *воспользование*, *востребование*, *обвеснование*, *обнародование*, *обрисование*, *опечалование*, *опробование*, *отсоветование*, *перезимование*, *переименование*, *пестование*, *пилование*, *поболезнование*, *припамятование*, *проименование*, *рисование*, *согласование*, *сообразование*, *стеклование*, *шельмование*, *шнурование* и др.

Множество слов на *-ование* появляется от основ иноязычных глаголов, заимствованных из польского, немецкого или французского языков: *аккредитование*, *апробование*, *атакование*, *бракование*, *дискутование*, *иллюминование*, *комплектование*, *конфирмование*, *подарование*, *публикование*, *ратификование*, *секундование*, *секвестрование*, *скассование*, *транспортование*, *трактование*, *укомплектование*, *фехтование*, *фортификование*, *шлифование*, *шпикование*, *шурфование* и др.

В XVIII в. группа имен на *-ние* пополняется также рядом новообразований на *-вование*, *-ствование*. Эти существительные в большинстве своем имеют множественную мотивацию — соотносительны с именем и глаголом (*предводительствование — предводительство — предводитель — предводительствовать*; *свирепствование — свирепый — свирепство — свирепствовать*). Такие образования встречались в памятниках и до XVIII в. Но они были немногочисленны. В XVIII в. в связи со значительным увеличением в языке имен на *-ство* с глагольным значением,[32] а соответственно и глаголов с суффиксом *-ствова-*, их количество значительно возрастает.[33] Широкое употребление имен на *-ствование* наблюдается уже с первой четверти и продолжается в течение всего XVIII в. См. некоторые примеры слов на *-ствование*, появившихся в источ-

---

[32] См. раздел «Новообразования с суффиксом *-ство*.
[33] Противоположное суждение — о непродуктивности имен на *-вование*, *-ствование* — высказывается в статье Р. П. Никитинской «Отвлеченные существительные. . .», с. 53—54.

никах этого времени: *бодрствование*, *властвование*, *довольствование*, *завиствование*, *немотствование*, *неудовольствование*, *обществование*, *освидетельствование*, *повсемствование*, *пособствование*, *почествование*, *почувствование*, *присутствование*, *сиротствование*, *тиранствование*, *философствование*, *ходатайствование*, *чувствование*, *шествование* и др.

Большинство имен на *-вование*, *-ствование* имело в языке XVIII в. однокоренные параллели с суффиксами *-ство*, *-ствие*. Например: «Помена принцесса персидская. . . лишает меня того спокойствия, которым бы я при благоприятствовании фортуны наслаждаться должен» (Эмин Фемист. 107); «Здесь к составлению полнаго благополучия не достанет. . . фортунина благоприятства» (Коз. ФП 143); «Коммиссия о коммерции рассуждая о приведении российских купцов в познание того искусства в купечествовании, по которому чужестранные ведут свой торг. . ., приказали. . .» (ПСЗ XVI 739); «Купечеством больше народы скрепляются и соединяются нежели каким другим средством» (Десн. 1768 7); «Приятное приближающагося блаженства предчувствование владеет мною» (Безбожн. 98); «Я не совершенно спокоен: какое-то нещастное предчувствие меня тревожит» (ММ III 80); «Не благодарный, на пример, человек может. . . огорчить своего благодетеля несоответствованием своим его одолжениям» (Десн. 1770 12); «Что мешает духовному человеку приготовлять сына, дочь для света. . . Не вижу никакова несоответствия» (Шалик. ДПМ. 165); «Человек есть паче всех есть существо соучаствующее. Соучаствование таковое в животных уже примечается: звери стекаются к испускающему жизнь» (Рад. Чел. II 55); «Подвигнутый истинным соучастием я отважился спросить, далеко ли осталось ей итти с таким бременем?» (ММ III 70—71). См. также *бегствование — бегство*, *волшебствование — волшебство*, *державствование — державство*, *заимствование — заимство*, *начальствование — начальство*, *несоответствование — несоответство*, *отсутствование — отсутство*, *поспешествование — поспешество*, *правительствование — правительство*, *предводительствование — предводительство*, *приветствование — приветство*, *приятствование — приятство*, *продовольствование — продовольство*, *противоборствование — противоборствие*, *роскошествование — роскошество*, *свирепствование — свирепство*, *торжествование — торжество*, *умствование — умствие*, *ходатайствование — ходатайство* и др.

Однокоренные параллели к именам на *-ствование* составляли также существительные на *-ие*, *-ние*, *-ование*, с нулевым суффиксом и др.: *бескорыствование — бескорыстие*, *дарствование — дарование — дарение*, *пиршествование — пирование — пиршество*, *соучаствование — соучастие*, *споборствование — споборение — споборство*, *усердствование — усердие — усердствие*, *участвование — участие*, *усовершенствование — усовершение* и др. В большинстве своем указанные параллели имели синонимичные значения. Синонимичность этих слов определялась тем, что имена на *-ствование*

выражали бо́льшую степень глагольности, чем их пары. Наблюдаются случаи употребления однокоренных образований, включающих имена на *-ствование* в тождественном значении.

Реже имена на *-ствование* и их параллели имели разные значения. Например, в ряду однокоренных параллелей слово *препятствование* встретилось в источниках лишь с глагольным значением: «Воздух произведению света препятствует. Причина сего препятствования нам сия быть кажется, что воздух теплотворной материи противится» (Вольф. физ. (Лом.) 92); «Франция и прочия Бурбонския державы. . . желают только иметь казистой предлог к высылке в море своих эскадр. . . для беспосредственнаго препятствования операциям вашим» (ММЭ 543); «Дальнейшее препятствование ваше исполнить иначе сие решение удостоверит меня, что вы желаете мира только на словах» (Пис. Капн. 433).

Встречавшееся в первой половине века слово *препятие* употреблялось и в глагольном, и в результативном значениях. Ср.: «И многие злыя хитрости к препятию мира с королем свойским исполнял» (Вед. I 11); «Он ради некоторых предложенных препятий. . . в службу нашу по сие число ехать размышляет» (ПБП XI 265 1703).

Слова *препятство* и более распространенное *препятствие* отмечены в источниках XVIII в. только в результативном значении. См. один из типичных случаев употребления: «Средством называется то, что содержит в себе причину, для чего конец достигается, а противное средству называется препятствие, например, добродетель есть средство, а порок препятство к получению чести» (Коз. ФП 46).

Сравнительно свободное образование имен на *-ствование*, обозначавших, как отмечалось выше, бо́льшую глагольность, чем их однокоренные параллели с суффиксами *-ство* и *-ствие*, поддерживалось и стимулировалось в XVIII в. общей тенденцией семантического развития имен на *-ние* к выражению глагольности, процессуальности.

По мере того как имена на *-ние* утрачивали эту тенденцию и развивали значение результативности, образования на *-ствование* переставали употребляться, уступая место однокоренным параллелям с более ярко выраженными результативными значениями. Наивысшего уровня продуктивность имен на *-ствование* достигла в XVIII в. В дальнейшем она падает, а многие имена на *-ствование* выходят из употребления.[34]

Существительные на *-ничание* представлены в XVIII в. ограниченным количеством примеров в источниках и словарях второй половины века: «Аще бо услаждаешися хулением али осуждением, или самоумничанием» (Пос. Зерк. 11); «Пришла господам туль-

---

[34] В Словаре Ушакова отмечено всего около 30 существительных на *-ствование*. См.: Bielfeldt H. H. Rückläufiges Wörterbuch der russischen Sprache der Gegenwart. Berlin, 1958.

ским . . . охота между прочим, балагурничаньем, перепрыгивать чрез помянутую лощину» (Зап. Бол. III 1102); «Сей человек . . . был не из последних охотников до бражничанья» (Зап. Бол. IV 61); «Что это за секретничанье и такое скрывание от нас твоего сватовства» (Зап. Бол. III 1008); «Между ними [селянами] суть такие, которые плотничаньем приобретают деньги» (Рад. Влад. 137).

В «Словаре Академии Российской» отмечено около 30 слов: *бабничанье*, *барышничанье*, *башмачничанье*, *безбожничанье*, *важничанье*, *верхоглядничанье*, *домовничанье*, *жадничанье*, *завистничанье*, *извозничанье*, *криводушничанье*, *модничанье*, *насмешничанье*, *наушничанье*, *озорничанье*, *полдничанье*, *понедельничанье*, *постничанье*, *праздничанье*, *приспешничанье*, *пышничанье*, *разбойничанье*, *сапожничанье*, *скромничанье*, *умничанье*, *шалберничанье*, *шильничанье*, *ябедничанье*.

Образование имен на *-ничанье*, как и производящих глаголов с суффиксом *-нича-*, было для языка XVIII в. сравнительно новым явлением.[35] Подобно именам на *-ствование* существительные на *-ничанье* имели соотносительность двоякого рода — одни соотносились и с существительным на *-ник*, и с глаголом на *-ничать* (*бражничанье — бражник — бражничать*, *модничание — модник — модничать*), другие — только с глаголом на *-ничать* (*балагурничание — балагурничать*, *важничание — важничать*), что свидетельствовало о наличии в ряду словообразовательных средств XVIII в. суффикса *-нича-*. Большая часть имен на *-ничанье* появлялась в XVIII в. как семантические дублеты к словам на *-ничество*, одни из которых были известны в языке до XVIII в., другие являлись новообразованиями.[36] Синонимичность, а иногда и полное семантическое тождество этих разносуффиксальных образований определялись соотносительностью тех и других с существительными на *-ник* и семантическим тождеством суффиксов *-ство* и *-ние*, а соответственно *-ничание* и *-ничество*. В источниках и словарях XVIII в. фиксируются следующие однокоренные образования с суффиксами *-ничание* и *-ничество*: *бражничанье — бражничество* (ЛП), *безбожничанье — безбожничество* (АВ I 162), *важничание — важничество* (С.-Меран 246), *жадничанье — жадничество* (Пут. Леп. II 108), *извозничанье — извозничество* (ВЛ), *модничанье — модничество* (ЛП), *озорничанье — озорничество* (ПСИ 79 1700), *разбойничанье — разбойничество* (ЛП), *сапожничанье — сапожничество* (ВЛ), *шильничанье — шильничество* (Зап. Бол. I 125), *ябедничанье — ябедничество* (Пос. Завещ. 186). Некоторые имена на *-ничанье* составляли однокоренные параллели с производными от других основ: *балагурничанье — балагуренье* (Награжд. хитр. 52) — *балагурство* (П.-с. 103), *завистничанье* —

---

[35] Р. П. Никитинская отмечает непродуктивность этих образований в языке Петровской поры. (См.: «Отвлеченные существительные. . .», с. 52).
[36] См. раздел «Новообразования с суффиксом *-ство*», с. 76.

завиствование (Бакон 92), *праздничанье — празднование* (Вед. I 219 1705), *шалберничанье — шалберенье* (Зап. Бол. IV 351) — *шалберство* (ВЛ 260).

В XVIII в. появляются слова, образующиеся по новой для русского языка модели — от основ иноязычных глаголов на *-ировать*,[37] заимствование которых началось в конце XVII— начале XVIII в. Источники первых десятилетий XVIII в. уже, фиксируют большое количество новообразований от этих глаголов: [38] «И ежели случай покажет к рейторованию, то переход в руках наших будет» (ПБП IX 926 1709); [39] «Также в чины вышние выбирать баллотированием же» (ПСЗ V 606 1718); «Второе зовется просто ворожба, что некоторые плуты вымыслили чрез раскладывание бобов или костей, пунктирование на бумаге, литье воска или олова и пр.» (Тат. Разг. 84); «Еще такожде повешены бывают оныя, которые в дезертировании поимаются» (Артикул 73); «Отправлен в командирование: господин подполковник князь Голицын» (АК III 137 1709); «О фуражировании и что при том примечать» (УВ 271); «Для квартирования полков назначены иныя места» (ДПС I 392 1711); «И отпустит скамповеи для буксирования других караблеи» (МГО II 145 1714); см. также: *обордирование* (Кн. М. 26), *атакирование* (кн. М. 24), *минирование* (Кугорн 141) и некоторые другие.[40]

Множество новых слов на *-ирование* находим в источниках последующих десятилетий. Например: «Две промемории . . . о гарантировании и приступлении к заключенному в Дрездене между королем Прусским и Римскою императрицею мирному трактату и о гарантировании же оному королю по Бреславскому трактату доставшейся во владение Шлезии» (АВ VII 232 1746); «А для. . . способствования вам в письме и копировании пиес можете свободно найти приличнаго человека не за большия деньги» (АВ XXXIII 120 1756); «Художества. 1. Рисование. 2. Живопись.

---

[37] См.: Авилова Н. С. Глаголы с суффиксом *-ова-* и его вариантами *-ирова-*, *-изирова-*, *-изова-* в русском языке. Исследования по грамматике русского литературного языка. М., 1955, с. 50.

[38] Высокую продуктивность имен на *-ирование* в первой четверти XVIII в. отмечает Р. П. Никитинская («Отвлеченные существительные. . .», с. 54).

[39] См. в форме *ретирование*: «И при том их ретировании токмо авангардия дацкого флота случаи имела неприятелскую ариергардию в погоне атаковать» (Вед. II 143 1712).

[40] Указания на первую фиксацию обширного ряда слов в источниках первой половины XVIII в. содержатся в словаре вхождений и хронолого-этимологическом словнике в кн.: Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Языковые контакты и заимствования. (Из серии «Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века» под ред. Ю. С. Сорокина). Л., 1972 (*анатомирование*, *бальзамирование*, *блокирование*, *бомбардирование*, *вольтижирование*, *иллюминирование*, *канонирование*, *лавирование*, *марширование*, *моделирование*, *мундированье*, *патрулирование*, *полирование*, *сальвирование*, *сортирование*, *транспортирование*).

3. Гравирование» (ПСЗ XVII 963 1766); «Знайте, что болтание чужеземными языками, балансированье, прыганье не есть воспитание, но одно научение» (Зап. Винск. 18); «Сухопутнаго корпуса кадеты. . . упражняяся по своей охоте в декламировании, выучили наизусть одну французскую комедию» (Муз. ст. III 11). «Где. . . во всякое время года проезд сопряжен с удобностию, там натуральная дорога остаться может, учиня токмо для стоку вод каналы, но не инако, как по произведении вернаго нивеллирования» (ПСЗ XXII 580 1786); «Можно. . . несколько из самых крепких боковых сучьев отрезывать, дабы язвы не столько велики были тогда, когда их при формировании кроны одним разом срежешь» (Откр. худ. III 169). См. также: *бордирование*, *дистилирование*, *инкорпорирование*, *кальцинирование*, *копирование*, *круазирование*, *легирование*, *митонирование*, *окулирование*, *переформирование*, *прикомандирование*, *прожектирование*, *пуссирование*, *ранжирование*, *расклассифицирование*, *рафинирование*, *ректифицирование*, *ремонтирование* и др.

Источники XVIII в. продолжают фиксировать новые слова на *-ние*, образованные по некоторым моделям, не отличавшимся до этого времени высокой продуктивностью, а в дальнейшем и совсем ее утратившим. Эти образования представлены преимущественно производными от основ префиксальных глаголов. К их числу относятся имена на *-ение* от глагольных основ на согласный: *навлечение*, *обведение*, *обтечение*, *отвезение*, *отнесение*, *оттечение*, *пережжение*, *позаведение*, *понесение* и др.

Небольшой ряд составляют имена на *-ение* от основ глаголов на *-еть*, представленных в языке также довольно ограниченной группой слов, такие, например, как *надсмотрение*, *напечатление*, *натерение*, *обогрение*, *обозрение*, *овладение*, *поболение* и др.

В значительной мере активизируется по сравнению с предшествующим периодом образование слов от основ глаголов сов. вида с суффиксом *-тие*: *ввитие*, *обритие*, *отлитие*, *отытие*, *переплытие*, *подбритие*, *поднятие*, *подогретие*, *покрытие*, *помятие*, *подъятие*, *пришитие*, *пробитие*, *пробритие*, *пробытие*, *развитие*, *размытие*, *распоротие*, *смятие* и др.[41]

От основ глаголов сов. вида с суффиксом *-ну-* имена на *-ние* образовывались с помощью суффиксов *-нутие*, *-нение* и *-новение*. Наибольшим количеством примеров представлены слова на *-нутие*: *вдвинутие*, *надутие*, *обвернутие*, *пахнутие*, *проткнутие*, *разгнутие*, *свернутие*, *треснутие*, *тронутие* и др.[42] Имена с суффиксами *-нение* и *-новение* в источниках XVIII в.

---

[41] В меньшем количестве образовывались с этим суффиксом слова от основ глаголов несов. вида: *битие*, *бритие*, *гнитие*, *крытие*, *литие*, *мятие*, *мытие*, *полотье*, *рытие* и др.

[42] Образование от основ глаголов несов. вида с суффиксом *-ну-*, как и с суффиксом *-тие*, ограничены рядом примеров: *гнутие*, *киснутие*, *пахнутие*, *сохнутие*.

отмечены ограниченным количеством примеров.[43] См., например: *напоминовение* (Кн. историогр. 3), *подвигновение* (Тред. СП II 264), *потолкновение* (Бакон 178), *столкновение*, *соприкосновение*. Слово *напоминовение* появляется в XVIII в. как семантический дублет к уже утвердившемуся в языке слову *напоминание*, поэтому оно не вошло в общее употребление. *Потолкновение* и *подвигновение*, появившиеся в переводах как русские эквиваленты к иноязычным словам, к тому же отличавшиеся неопределенностью семантики, также не получают в языке дальнейшего распространения. *Столкновение* и *соприкосновение*[44] входят в языковую практику в XIX в. Наиболее известным в языке XVIII в. из указанных было слово *выдохновение*, обозначавшее испарение растений. Оно отмечено в «Словаре Академии Российской»: «**Выдохновение.** Нечувствительное испарение животных и прозябаемых» (II 819). Встречается в языке специалистов и в научной литературе: «Плаватели за несколько миль находятся в море, чувствуют выдохновение ароматных растений с островов Молукских» (НЕС III 11); «Сия мокрота или влажность [дерева] есть двоякая, одна водяная, и она скоро попадает чрез выдохновения, а другая маслинная, которая больше подвержена гнилости» (Витр. (Б.) II 214).[45]

Имена на *-нение* представлены лишь единичными примерами, и по количеству, и по употреблению: «Чины видя свое конечное разорение и государства расторгнение» (Шаф. 53); «Сей почтенный старик, носящий в разуме своем божеское вдохнение» (Апулей II 286).

Наряду с суффиксальным способом для образования имен на *-ние* в XVIII в. широко использовался также префиксальный способ. В источниках XVIII в. содержится большое количество слов на *-ние*, образованных путем префиксации: *безрассуждение*, *неблаговоление*, *невенчание*, *невосприятие*, *недоглядение*, *недопущение*, *нежелание*, *ненарушение*, *необременение*, *неотрицание*, *не-*

---

[43] Л. Г. Свердлов отмечает, что слова на *-новение* чаще встречались до XVIII в., а имена на *-нение* проникали в русский язык, по его предположению, из языка Юго-Западной Руси или заимствовались непосредственно из польского («Имена на *-ние*, образованные от глаголов с суффиксом *-ну-*», с. 38). См. также: Романова Н. П. Из истории отглагольных существительных на *-ние*, *-ение*, *-тие* в русском языке XVI в. — Слов'янське мовознавство, II. Київ, 1958, с. 61.

[44] Одна из ранних фиксаций слова *столкновение* отмечена Л. Г. Свердловым в журнале «Вечерняя заря» (III, 41). Относительно слова *соприкосновение* автор указывает, что оно было образовано в конце XVIII—начале XIX в. См.: Свердлов Л. Г. Имена на *-ние*, образованные с суффиксом *-ну-*, с. 29. В имеющихся материалах *соприкосновение* отмечено у Радищева: «Естли бы здесь было место приводить в доказательство опыты физические, то можно бы показать было, сколь трудно привести тело с другим в совершенное соприкосновение» (Чел. II 134).

[45] Ср. в более широком значении у Лепехина: «Не в одни теплые дни водяные пары вздымаются на воздух, но и в студеные бывает выдохновение, а особливо в крепкие морозы» (Пут. III 134).

ощущение, *предожидание*, *предосуждение*, *предумягчение*, *предощущение*, *предъизбирание*, *предъизготовление*, *предъизречение*, *предъизъяснение* и др.

Можно заключить, что существенный количественный рост имен на *-ние* в языке XVIII в. прежде всего был связан с активизацией тех моделей, по которым происходило образование слов в предшествующие периоды развития языка. Словообразовательная активность характерна в это время как для моделей, которые сохраняют ее в дальнейшем (например, образования на *-ение* от основ глаголов сов. вида на *-ить*, не соотносительных по виду с глаголами на *-ывание*), так и для тех, которые утрачивают ее за пределами XVIII в. (образования на *-ание*, *-ение* от основ глаголов сов. вида на *-ать*, *-ить*, соотносительные по виду с глаголами на *-ывать*). Развивают словообразовательную активность модели, которые не были или еще не были продуктивными в предшествующие периоды (от основ глаголов с суффиксами *-ва-*, *-ыва-*). Происходит образование слов по моделям, наибольшая продуктивность которых падает на XVIII в. (*-ствование*, *-тие*). Активное словопроизводство наблюдается по новым для русского языка моделям, освоение которых начинается в XVIII в. (*-ированье*, *-ничанье*).

Повышение словообразовательной активности имен на *-ние* происходит в XVIII в. при значительном расширении словообразовательной базы — вовлечении в словопроизводство широкого круга глаголов, не только издавна бытовавших в языке, но и новообразований XVIII в., возникавших на русской основе и заимствованных.

Особенно существенный рост имен на *-ние* наблюдается в XVIII в. от основ префиксальных глаголов.

Значительное увеличение этого разряда слов происходило в связи со свободным, не регламентированным языковой нормой образованием имен на *-ние* от основ соотносительных по виду глаголов.

Кроме слов, вошедших в дальнейшем в лексический состав русского языка, в XVIII в. образуется множество имен, являющихся специфической принадлежностью письменной речи XVIII в.

Наблюдение над словообразованием имен на *-ние* и отдельных разрядов (в частности, на *-ание* и *-ение*) позволяет проследить некоторую зависимость, существующую между семантикой и структурой имен на *-ние*. Значение некоторых разрядов имен на *-ние*, помимо ряда других причин, в значительной мере определялось их словообразовательной и структурной однородностью. Имена на *-ание* в словообразовательном отношении представляли в XVIII в. однородную группу слов, соотносительных с глаголами несов. вида (количество имен на *-ание* от основ глаголов сов. вида было незначительно), что сказывалось на семантике этих имен, сохранявших связь с производящей основой и имевших преимущественно глагольное значение. Для имен на *-ение* характерны

более широкие словообразовательные связи. Кроме глаголов сов. вида на *-ить*, часть таких существительных соотносилась с глаголами несов. вида — с основами на согласный, на *-еть*, на *-ить* (подобных образований в языке XVIII в. сравнительно больше, чем имен на *-ание*, соотносительных с глаголами сов. вида). Кроме того, часть имен на *-ение* (образованных от глаголов на *-ить* с видовым глагольным коррелятом на *-ать*) имели двойную соотносительность — с основами глаголов сов. и несов. видов.[46] Оба эти обстоятельства наряду с другими факторами способствовали нейтрализации семантики имен на *-ение*, ослаблению их смысловой зависимости от образующих глаголов, что создавало благоприятные условия для развития у этих слов результативных значений.

Большое количество слов на *-ние*, как и других разрядов деривационных образований, создавалось переводчиками для передачи соответствующих иноязычных слов: «Сверьх того Рифмический перевод больше не обходимо есть Парафрасис (Произложение) отнюд же не метафрасис (Преложение)» (Тред. Тилем. I VIII); «Друг мой, если напряжение сил составляет крепость почтож надорвение [Übeıspannung] называться должно противным тому?» (Вертер 94); «Во всей вселенной везде примечаемо определенное количество действующих сил. На сей же равности сил утверждается закон вознаграждения (lex compensations)» (Брян. 1799 11) и др.

Однокоренные параллели, включающие новообразования на *-ние*

Спецификой данного круга однокоренных параллелей является наличие в нем наряду с разносуффиксальными образованиями параллелей с синонимичными и тождественными значениями от глагольных основ сов. и несов. видов.[47]

Однокоренные параллели на ***-ние*** *от видовых глагольных коррелятов*

Этот ряд однокоренных параллелей особенно существенно увеличивается в XVIII в. в связи с появлением в языке отглагольных имен на *-ывание*, *-вание*, *-ание*, *-ение*, *-тие*.

---

[46] См.: Свердлов Л. Г. Проблема вида в отглагольных именах существительных. . ., с. 127.

[47] Однокоренные образования с синонимичными и тождественными значениями рассматривались в работах многих исследователей. См.: Левин В. Д. Имена действия в русском языке; Васильев А. И. Из истории образования имен действия в русском языке; Свердлов Л. Г. Проблема вида в отглагольных именах существительных; Данилова З. П. Из наблюдений над суффиксальной синонимией отглагольных имен (на материале языка А. Н. Радищева). — В сб.: Развитие синонимических отношений в русском языке второй половины XVIII в. Казань, 1972, и др.

Наиболее многочисленны в языке этого времени парные однокоренные образования указанного типа со следующими суффиксами:

а) *-ание* } от основ глаголов — *-ывание* от основ глаголов
-ение } сов. вида — несов. вида

Они возникали в связи с появлением в языке одного или обоих отглагольных имен: «От сожжения трав рождается питательная хлебу щелочная соль. При выпалении пашен употребляют они разныя средства, дабы чрез то больше не причинить вреда, нежели пользы» (Пут. Леп. I 142); «Каждою весною оставшуюся солому (ибо они высоко жнут хлеб) выпаливают, которое выпаливание не мало к удобрению земли служит» (Пут. Леп. I 142); «Для измерения шара земнаго» (Лом. СС I 275); «. . .для измеривания вновь по тракту от Москвы до Санкт-Питербурха дороги» (МАН VII 365 1745); «Тали, чаки и прочие для нагружения и выгружения товаров али груза снаряды, добры ли и крепки» (ПСЗ XXI 161 1781); «. . .сматривал. . . на множество народа, упражняющагося на берегах в нагруживании и выгрузке судов» (Зап. Бол. I 699); «300 субскрибентов едва платят мне за напечатание двенадцати книжек» (МЖ IV 948); «В случае самовольнаго напечатывания таковых соблазнительных книг, . . . о виновных . . . сообщать куда надлежит» (ПСЗ XXI 792 1783); «Крепкою водою называют все те ключевые воды, в коих по отварении садится белая земля» (ТВЭО III 259); «Частицы, содержащияся в сырой воде, . . . чрез отваривание нимало не переменяются» (ТВЭО I 38); «Стебель [хмеля] поднимается вверьх, обвиваясь по длинным тычинам, втыкаемым нарочно для поддержания онаго» (Позн. прир. 10); «К удобнейшему поддерживанию растения» (Линней 49); «Естли же просрочение его [векселя] по нещастию случилось, от такого и проценту брать не надлежало» (Эмин Фемист. 61—62); «Естли кто боится, чтоб за первое просрочивание имение его не было конфисковано» (Эмин Фемист. 62).

См. также: *выдавление — выдавливание*, *доверение — доверивание*, *ограничение — ограничивание*, *отварение — отваривание*, *отыскание — отыскивание*, *перехождение — перехаживание*, *спрошение — спрашивание*, *увеличение — увеличивание*, *возделание — возделывание*, *выделание — выделывание*, *доказание — доказывание*, *переделание — переделывание*, *перепахание — перепахивание*, *поддержание — поддерживание* и др.

Такие парные образования были настолько типичны в языке XVIII в., что получили последовательное отражение в «Словаре Академии Российской»: *вбежание — вбегивание*, *выбеление — выбеливание*, *вычисление — вычисливание*, *добавление — добавливание*, *задарение — задаривание*, *заявление — заявливание*, *изведание — изведывание*, *набеление — набеливание*, *перевалениe — переваливание*, *перевязание — перевязывание*, *передвоение — передваивание*,

приваление — приваливание, подбегание — подбегивание, разбросание — разбрасывание, разваление — разваливание, увязание — увязывание и др.

б)	*-ание* *-ение*	от основ глаголов сов. вида	—	*-вание*	от основ глаголов несов. вида

Эти параллели возникали в меньшем количестве в связи с ограниченностью в языке глаголов на *-вать* и соответственно отглагольных имен на *-вание* (сравнительно с глаголами на *-ывать* и именами на *-ывание*): «Аще же таковое задание задастся, его же в памяти не можеши содержати, но имаши его написати» (Арифм. Магн. 69); «При задавании сочинения надлежит задавать не большой план онаго» (Приб. МВ 1784 481); «Римляне в невежестве и затмении своего языческаго суеверия часто имели. . . нелепыя понятия о своих богах» (Десн. 1772, 39); «Это бы можно было им утверждать и без затмеванья нас учоным термином не проницаемости тел» (Коз. Расс. 158); «Я лучше мог судить о том, что изрек сперва, следуя тогда некоему, так сказать, предузнанию» (Рад. Торг. 67); «Эхатология, наука предузнавания будущаго» (Корифей I 209); «Таким образом, пользуясь ветром, достигли мы по претерпении страха. . . благополучно до Ливорнии» (Маркиз II 72); «Будь известен, что жизнь наша ни что иное есть, как претерпевание и сокрушение о главной природы нашей утрате» (Эмин Фемист. 75); «Для придания ему лучшаго запаха употребляется баргамотовое масло» (ЭМ I 203); «Что касается до сих пустых полей, то как они всей картине наилучшей вид придавать могут, то для придавания онаго, можно делать их различныя» (ЭМ I 213); «Обещай мне. . . пред расстанием нашим, что ты навсегда забудешь ту разность, которую между тобою и мною предел положил» (Адел. 43); «Отцовская болезнь была ему чувствительна, но расставание со мной превосходило оную несказанно» (Чулк. Повариха 16) и др.

в)	*-тие*	от основ глаголов сов. вида	—	*-вание*	от основ глаголов несов. вида[48]
	-ение	»	—	*-ание*	»
	-ание	»	—	*-ание*	»
	-ение	»	—	*-ение*	»

Однокоренные параллели указанного типа встречаются в источниках XVIII в. еще реже, чем рассмотренные выше: «Для прочтения их и прибития в публичных местах» (Приб. МВ 1784 196); «Для удобнейшаго прибивания образа на стене» (Зап. Бол. IV 287—288); «По извлечении воздуха из сосуда» (Вольф. физ. (Лом.) 137); «Извлекание солей из щелока» (ТВЭО III 65); «По выбрании

[48] Круг этих параллелей ограничивается именами на *-ние* от видовых коррелятов, образующихся чередованием гласных или согласных корня.

коноплей из земли» (ТВЭО III 241); «Понеже от такого их [денег] выбирания в народе остаются легкие . . . деньги, от чего государственной и всенародной убыток может происходить немалой» (ПСЗ IX 762 1736).

См. также: *обритие — обривание*, *подогрение — подогревание*, *кружение — кружание*, *недопущение — недопускание*, *донесение — доношение*,[49] *забегание — забежание* и др.

В источниках XVIII в. встречаются однокоренные параллели от видовых глагольных коррелятов с другими суффиксами: *-новение — -ание*: *напоминовение — напоминание*, *воскликновение — восклицание*; *-нутие — -ывание*: *развернутие — развертывание*, *обвернутие — обвертывание* и др., но они также немногочисленны.

Рассмотренные имена от видовых глагольных коррелятов в подавляющем большинстве обозначали отвлеченное действие по глаголу или имели результативно-отвлеченные значения, за исключением некоторых слов, имевших конкретные значения (например, *доношение — донесение*), и выполняли в языке, как свидетельствуют приведенные материалы, функцию синонимов или семантических дублетов. С возникновением в языке XVIII в. множества подобного рода образований имена на *-ние* получали возможность более тонко передавать оттенки характера действия образующего глагола — длительность, кратность, краткость, завершенность, незавершенность и др.[50] Особую выразительность в противопоставлении разновидовых образование на *-ние* приобретали имена от основ глаголов несов. вида, обозначавшие ярко выраженную глагольность, что характеризовало одно из существенных направлений в развитии семантики имен на *-ние* в XVIII в.[51]

Однокоренные параллели на ***-ние*** *от разносуффиксальных глагольных основ и на* ***-ние — -тие***

Однокоренные параллели такого типа отмечены, например, от глаголов несов. вида на *-ить*, *-ать* и на *-овать*: «. . .чтобы он [чернозем]. . . когда уже вредныя травы помощию боронения все вычищены, был сбит и удавлен помянутым катком» (Афон. 22). Ср. «**Боронование**. Влачение, вожение бороны по вспаханной пашне, для разбития на ней комьев, и для уравнения оныя» (САР I 288); «**Брезгование и брезганье**. Отвращение от чего нибудь что нашему вкусу или зрению противно» (САР I 335); «Иль думает, что

---

49 Об этих словах см. «Развитие семантики имен на *-ние*», с. 118—119.

50 Вопрос об отражении в именах на *-ние* XVIII в. значения видообразующего глагола, специально рассматривавшийся В. Д. Левиным, А. И. Васильевым, Л. Г. Свердловым и др., в данной работе объектом исследования не является.

51 См. «Развитие семантики имен на *-ние*».

данное. . . благословение, наемным извещателем слова божия, сочетование их утвердило, иль думает, что насильственное венчание во храме божием может назваться союзом?» (Рад. Пут. 345); «О сон пресладостный, прервавший мой покой! Енея видела идущаго со мной Во храме утвердить сердечно сочетанье» (Княж. Дид. 61); «. . .для пиления на потребу Архангельскаго. . . адмиралтейства тесу» (Пут. Чел. 116); «Пильная мельница для пилования лесу к заводским делам» (Геннин 76) и др.

От глаголов на *-ировать* — *-ить*, *-ировать* — *-овать*: «. . . дабы некоторое право имели, чрез анатомирование подлинную вину оныя скорби исследовать» (Прим. Вед. 1728 38); «При анатомлении оных [птиц] найдено» (Достопам. 188). Ср. также: «Для анатомливания онаго слона отвесть особливое место или сарай» (МАН VIII 385 1747); «О конвоировании погруженной в Ревеле артиллерии» (Семил. в. 407); «Железо и разныя чугунныя вещи. . . отправлять в Санктпетербург в караванах за пристойным конвоеванием» (ПСЗ XVI 635 1761); «Из Венеции. . . пошел публичныи фрегат с другими суднами в Корфу для транспортирования разнои воинскои аммуниции» (СПб. в. 1728 98): «Аглинскии губернатор указ получил, тамошние воинские карабли в Гибралтар отправить, для транспортования в Англию тамошних воиск» (СПб. в. 1728 51).

Как правило, указанные образования были тождественны по значению и создавали в языке XVIII в. наряду с другими аналогичными образованиями характерную для этого периода лексическую «избыточность» (Ю. С. Сорокин). Поэтому в дальнейшем в процессе изменения и формирования нормы в языковой практике сохраняются имена на *-ние* от одного из закрепившихся в языке глаголов (*сочетание*, *пиление*, *анатомирование*, *транспортирование*, *конвоирование* и др.), а их семантические дублеты выходят из употребления.

Однокоренные параллели на *-ние* — *-тие* представлены в источниках XVIII в. ограниченным количеством примеров. Образующие их слова имеют одну и ту же или варьирующуюся основу: *киснение* — *киснутие*, *вдохнение* — *вдохнутие*, *вывихнение* — *вывихнутие*, *пороние* — *поротие*, *полоние* — *полотие* и др. Все они были малоупотребительны и в XVIII в., и в дальнейшем.

Однокоренные параллели с разными суффиксами

Основанием для образования таких параллелей явилось наличие в языке суффиксов с синонимичными словообразовательными значениями. Наряду с именами на *-ние* значение отвлеченного действия могли иметь слова с суффиксами *-ка*, *-ство*, *-ствие*, *-ость* и с нулевым суффиксом. С ростом отглагольных новообразований с этими суффиксами увеличивалось и количество соответствующих однокоренных параллелей.

-н и е — -к а. Имена на *-ние* и *-ка* могли употребляться и как синонимы, и как семантические дублеты. Синонимические значения более очевидны у имен на *-ние* от основ глаголов несов. вида с родительным падежом объекта и имен на *-ка*, употреблявшихся абсолютивно. См. в следующем примере: «Прогуливание знатных господ и госпож по гостиному двору. . . торговле нашей прибыль приносит» (Жив. 154); «В прекраснейшей оде. . . описана веселая прогулка по Цирихскому озеру» (МЖ VI 91).

Менее очевидно различие в значении однокоренных слов, когда оба они употреблены либо с объектом в родительном падеже, либо абсолютивно. Ср., например: «Они кушанье, питье, сон, убирание, визиты и карточную игру почитают определением человеков» (Приб. МВ 1783 34); «Он чрезмерно уважает наряд, уборку, богатые кафтаны» (Пант. ин. сл. I 97—98); «Второй способ в приобретении жен состоит в покупании оных» (Десн. 1775 24); «Взять роспиську в покупке часов у подрядчика» (Трут. 1769 103).

Известную глагольность имена на *-ка* приобретают в конструкциях с предлогом *при*, что также сближает их значения со значением однокоренного имени на *-ние*: «Сему худому урожаю нахожу я многия причины. . . 3) . . .глубокое запахивание семян в земле» (ТВЭО II 143); «Множество зерен не всходят единственно от того, что при запашке зарываются слишком глубоко в землю» (СЖ II 116); «Надлежит, взяв с Олонецких заводов штегеров. . . с приличными инструменты для разрабатывания по горному искусству весною по сходе снегу, послать» (ПСЗ XV 673); «Уголье сие не к самолучшим причислять должно, но к хрупким, но может быть в глубине и при порядочной разработке дойдено будет и до крепкаго» (Пут. Леп. II 42).

Тождественные значения имели имена на *-ние* от основ глаголов сов. вида и на *-ка* в аналогичных синтаксических условиях — при абсолютивном их употреблении или с объектом в родительном падеже: «Не уменьшили бы привозу и проплавки руд на старых заводах» (ПСЗ XXII 20 1784); «Установить в Горном совете непременную методу проплавления руд» (ПСЗ XXII 519 1786); «Горячаго вина есть свойство стеснять. . . сосуды в теле, а жидкия содержащияся в оных делать густыми. Первые усмотрели чрез открытие тел, а другие доказали чрез употребление в остановлении кровотечения» (Вениам. 1769 14); «. . .От чего несварение пищи, остановки, кровостремления, грыжи. . . один после другаго вред причиняя, наконец и самой смерти причиною бывает» (Зыб. 1775 33).

Тождественные значения наблюдаются у конкретных имен на *-ние* и *-ка*: «Иметь старание, чтоб коль скоро оснастка корабля будет снята, все стенги и райны. . . высмолены были» (ПСЗ XVII 296 1765); «Оснащение корабельное еще довольно рано будет готово только за якорем дело не стало» (МРФ I 31).

-н и е — н у л е в о й с у ф ф и к с. Однокоренные существительные на *-ние* и с нулевым суффиксом в языке XVIII в. менее

многочисленны и выразительны. Семантические отношения этих пар определялись значением имен на *-ние*, так как имена с нулевым суффиксом, как правило, имели результативные значения. См. некоторые примеры однокоренных образований в источниках XVIII в., включающих имена на *-ние* с глагольными или глагольно-результативными значениями: «О лучшем образе засевания и собирания плодов» (Рад. Влад. 149); «И таковым образом производят сей засев до тех пор, покамест. . . столько накопится хлеба, сколько потребно будет» (ТВЭО II 6); «[Друзья] будут подвергнуты попреканию, что о избавлении его не старались» (УС I 39—40); «И правила вкуса не заслуживают сего попрека за то, что чрез них никто не может сделаться остроумным» (Приб. МВ 1784 466) и др.

С именами на *-ние*, имеющими результативное значение: «И роспросить ево. . . без уятия дробных вопрошений, но еще и приложить тонкостнейших допрошений» (Пос. КСБ 149); «И егда. . . допросы кончатся и правда вся означится, то немедленно надлежит и вершить ево» (Пос. КСБ 149); «Увы! лишь в свете вспоминаньем Бессмертен смертный человек: Нарцисс жил Нимфы отвечаньем» (Держ. Соч. V 168); «Здесь дал бесстрашный Долгоруков Монарху грозному ответ» (Держ. Соч. V 216) и др.

По мере сложения языковых норм, перестройки семантики имен на *-ние*, при структурных ограничениях в их образовании многие из параллелей с суффиксами *-ние* — *-ка*, *-ние* — нулевой суффикс распадаются. Так, в связи с полной утратой продуктивности именами на *-ание*, *-ение* от основ глаголов сов. вида, имеющих коррелятами формы на *-ывать*, перестают образовываться в языке параллели типа *остановление* — *остановка*, *допрошение* — *допрос*, *утрачение* — *утрата* и др.

-ние — *-ство*. Наиболее многочисленные примеры параллелей представлены в XVIII в. следующими парными образованиями, в которых один или оба суффикса являются частью сложного:

а) *-ствование* — *ство* (*-ствие*); [52]

б) *-ничание* — *ничество*, *-ство* (*-ствие*); [53]

в) *-ание*, *-ение* — *-тельство*: *предостережение* — *предостерегательство*, *противостояние* — *противостоятельство*, *ручание* — *ручательство* и др.

-ние — *-ость*. Появление однокоренных параллелей с суффиксами *-ние* — *-ость* было обусловлено не только ростом отглагольных имен на *-ние*, но в большей мере многозначностью суффикса *-ость*, который наряду с другими значениями мог придавать отвлеченным именам значение глагольности, а также возникновением в языке XVIII в. новообразований с этим суффиксом с глагольным значением от отглагольных прилагательных и при-

---

[52] См. «Словопроизводство и структура имен на *-ние*», с. 128—130.
[53] См. там же, с. 131—132.

частий, таких как *поверение — поверенность, предохранение — предохранность* и др. [54]

-ние — -ок, -ба, -ие и др. Некоторые новообразования на *-ние* составляли в XVIII в. однокоренные параллели к именам, имевшим другие суффиксы, но их число невелико. См., например: *безопасение — безопасие, предрассуждение — предрассудок, дружение — дружба* и др.

Варианты однокоренных параллелей на **-ние**

Увеличение однокоренных образований происходило в XVIII в. за счет появления в языке разного рода вариантов однокоренных слов, таких, например, как *опоражнивание — опорожнивание, отсоветывание — отсоветование, снабжение — снабдение, утонение — утончение, невыразумение — невыразумление, выразумение — выразумление, гремение — гремление, обработывание — обрабатывание, разработывание — разрабатывание* и др.

Ряды однокоренных параллелей на **-ние**

Свободное продуцирование в XVIII в. однокоренных образований разного типа приводило к одновременному употреблению целых рядов однокоренных слов с синонимичными и тождественными значениями. См., например: *вывихнутие — вывихание — вывихнение — вывих; доверие — доверение — доверивание; доливание — доливка — долив; неверение — неверие — неверствие — неверство; отбытие — отбывание — отбывательство — отбытность; ответствование — ответство — ответ; отличение — отличие — отличенность — отличительность; отстание — отставание — отстатие; отступление — отступание — отступ; отсутствование — отсутствие — отсутство; отыскание — отыскивание — отыск; перекликание — перекличка — переклик; поддержание — поддерживание — поддержка; доказание — доказывание — доказательство; помогание — помощь — помогательство; предостережение — предостерегание — предостерегательство; разбиение — разбитие — разбивание; разбирание — разбор — разборка; расстраивание — расстроение — расстройка; растяжение — растягивание — растяжка; утруждение — утруднение — утрудновение* и др.

* * *

В заключение необходимо отметить следующее.

В XVIII в. происходит дальнейшее развитие разряда имен с суффиксом *-ние*. Расширяются словообразовательные функции суффикса *-ние*. В связи с появлением в языке новых разрядов глаголов, русских и заимствованных, возникают новые модели,

---

[54] См. с. 29—30.

активизируются старые, не обладавшие до XVIII в. высокой продуктивностью.

Развитие семантики имен на *-ние* характеризуется определенной двойственностью: с одной стороны, увеличивается количество слов, имеющих значение глагольности; с другой стороны, существенно возрастает количество слов с результативными и собственно лексическими значениями.

Увеличение числа слов с конкретным значением и рост употребительности имен на *-ние* с отвлеченным значением в форме множественного числа усиливали тенденцию к выражению именами на *-ние* конкретности, наличие же в языке большого количества имен на *-ние* со значением глагольности, появление у этих имен наряду со значением конкретного действия значений от переносных, образных и подобных значений глагола обнаруживает у этого разряда слов тенденцию к выражению отвлеченности.

Обилие однокоренных параллелей в кругу отглагольных имен в XVIII в. было обусловлено спецификой развития языка этого времени — его грамматики, словообразования и семантики. В связи с развитием глагольного вида появлялось множество новых слов, входивших в ряды однокоренных образований. Отсутствие жестких словообразовательных норм допускало образование однокоренных слов по разным моделям, в том числе непродуктивным до XVIII в. и утратившим продуктивность за пределами XVIII в. Очевидная тенденция к выражению в имени семантических особенностей образующего глагола вызывала особенно полную реализацию грамматических и словообразовательных возможностей этой категории слов, проявлявшуюся в широком образовании новых слов на *-ние* от разновидовых глаголов, однокоренных синонимичных и тождественных по значению слов и их вариантов.

Формирование имен на *-ние* происходило в XVIII в. под очевидным влиянием разговорного языка. Это проявляется в существенном увеличении новообразований от основ глаголов несов. вида, в особенности от основ глаголов с суффиксом *-ыва-*, бытовавших в разговорной речи.[55] Все отчетливее обнаруживается тенденция к конкретизации семантики имен на *-ние*, что проявляется не только в развитии конкретных значений и широком употреблении результативно-отвлеченных существительных в форме множественного числа, но и во все увеличивающемся вовлечении в словопроизводство глаголов с конкретным значением, от которых образовывались следующие, например, слова: *бодание*, *боронование*, *брызгание*, *брыкание*, *буравление*, *ввинчива-*

---

[55] Показателен в этом отношении вывод Л. Н. Булатовой, получивший подтверждение в дальнейших исследованиях о том, что исконными для говоров являются образования от основ глаголов несов. вида, а образования от основ глаголов сов. вида проникают в них из литературного языка. См.: Булатова Л. Н. Отглагольные существительные на *-ние* (*-нье*), *-тие* (*-тье*) в русских говорах, с. 359.

ние, взбалтывание, вклеивание, впрягание, выбеливание, вываривание, выкапывание, довязывание, доглаживание, догораживание, жевание, забрызгивание, заворачивание, завтракание, загораживание, заикание, заклеймение, запекание, зубрение, картавление, клеймение, ковыряние, колупание, крахмаление, лакирование, маринование, муравление, мыление, набрызгивание, навинчивание, надрезывание, наливание, намазывание, нанизывание, напечатывание, ночевание, ныряние, нюхание, обваливание, обваривание, огораживание, переплетание, подслуживание, причесывание, пробуравливание, разваривание, связывание, сгибание, склеивание, случание, спотыкание, ужаривание и пр.

Влияние разговорной речи сказывается также в появлении в XVIII в. ряда слов на *-ние* от глаголов, имеющих стилистически сниженный характер, носящих окраску просторечности, некоторой грубоватости: *барахтанье, барышничанье, ботанье, бражничанье, вахляние, верезжание, взвизгивание, визжание, гавканье, гарканье, жрение, завистничанье, завиствование, запутнение, калякание, кобененье, коктание, ковыряние, колупание, лопание, ляпание, мыканье, набучивание, облыжание, остервенение, пахтанье, пихание, порсканье, прысканье, пуканье, сморкание, тазание, топырение, хижение, хлябание, шалберенье, шалберничанье, шатанье, шерошение, шильничание, щучение, ябедничание* и др. Соответственно в XVIII в. продолжается расширение сферы употребления имен на *-ние* — их свободное использование не только в книжном деловом и научном языке, но и в различных произведениях, отражающих разговорную речь, — дневниках, письмах, путевых заметках и пр. Широкое распространение имена на *-ние* получают также в произведениях художественной литературы разных стилей и жанров.

Новообразования в кругу имен прилагательных

ОТСУБСТАНТИВНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

Новообразования на *-ный*, *-овый*, *-ский*

Суффиксы *-н-*, *-ов-* и *-ск-* с древней поры и до настоящего времени играют главную роль в формировании класса отсубстантивных прилагательных русского языка.[1] Разряд образованных в XVIII в. прилагательных на *-ный*, *-овый*, *-ский* настолько многочислен и разнообразен, что в рамках данной работы его всестороннее рассмотрение было бы невозможно. В силу этого приходится ограничиться анализом лишь некоторых групп новообразований XVIII в. по этим моделям.

Активизация словообразовательных процессов в области имен существительных, многочисленные заимствования, изменения, происходившие в системе словосочетаний, а также другие причины, экстралингвистические и внутриязыковые, создали в XVIII в. благоприятные условия для появления большого числа прилагательных и в особенности новообразований с суффиксами *-н-*, *-ов-*, *-ск-*.

Структурно-грамматические условия образования новых прилагательных с суффиксами *-н-*, *-ов-*, *-ск-*

Структурных и лексико-грамматических ограничений, свойственных словообразовательным моделям отсубстантивных прилагательных с суффиксами *-н-*, *-ов-*, *-ск-*, в XVIII в. было меньше

---

[1] Литература о прилагательных данных моделей в разные периоды развития русского языка обширна. Из работ последних лет см.: Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного в русском литературном языке XIX в. М., 1964 (в этом исследовании указана обширная литература по данному вопросу); Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка. М.—Л., 1965; Улуханов И. С. О закономерности сочетаемости словообразовательных морфем. — В кн.: Русский язык. Грамматические исследования. М., 1967;

по сравнению с предшествующими и последующими периодами.[2] Это создавало условия для свободного образования большого числа новых прилагательных. Так, в рассматриваемый период при образовании прилагательных с суффиксом *-н-* допускалась бо́льшая свобода комбинаций согласных в исходе производящей основы, т. е. фонетические и формальные ограничения при производстве прилагательных действовали слабее. Это подтверждается наличием таких новообразований XVIII в., как *амбрный*, *бунтный*, *карпный*, *картный*, *квитанцный*, *кустный*, *лентный*, *наперстный*, *помпный*, *спаржный*, *текстный*, *тортный*, *фрахтный*, *шерстный* и т. п.[3]

С расширением словообразовательной базы, вовлечением в словопроизводственные процессы иноязычных заимствований, а также исконно русских осложненных основ разной структуры у прилагательных на *-ный* часто наблюдались незакономерные изменения на стыке основы и суффикса (усечение основы, явления гаплологии и т. п.). См. возникшие в XVIII в. прилагательные: *домный* (ср. *домна*, *доменный*), *дороговизный*, *канарейный* (ср. *канарейка*), *фалерный* (*фалерное вино*; ср. ит. falerno), *штольный* (ср. *штольня*), *фишбейный* (ср. нем. Fischbein 'китовый ус', прил. fischbeinen) и т. п. Появляются неологизмы типа *антимонный* (ср. *антимония*, *антимоний*), *гармонный* (ср. *гармония*), *инфантерный* (ср. *инфантерия*), *кавалерный* (ср. *кавалерия*), *квитанцный* (ср. *квитанция*), *комментарный* (ср. *комментарий*), *консисторный* (ср. *консистория*), *экзекуцный* (ср. *экзекуция*), в которых наблюдается усечение конечной гласной основы. Морфологические изменения в исходе иноязычных основ на *-ия*, колебания их в процессе приспособления к системе русского языка вызвали появление дублетов типа *амуницинный* — *амуничный* — *амуницийный*, *артиллерийный* — *артиллерный*, *канцелярийный* — *канцелярный*, *коллегийный* — *коллежный* и т. п.

Приток большого числа иноязычных заимствований на протяжении всего XVIII в., их активное усвоение, выражавшееся

Словообразование современного русского литературного языка. М., 1968. Другие работы будут указываться в связи с освещением соответствующих вопросов словообразования прилагательных данных моделей.

[2] См.: Виноградов В. В. Русский язык, М.—Л., 1947, с. 222; Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного, с. 344; Улуханов И. С. О закономерности сочетаемости словообразовательных морфем, с. 172—174.

[3] И. С. Улуханов отмечает, что в современном русском языке весьма ограничены возможности сочетаний согласных перед суффиксом *-н-*. (Улуханов И. С. О закономерности сочетаемости словообразовательных морфем, с. 173—174). Ср. указание В. В. Виноградова на редкие случаи сочетаемости суффикса *-н-* с односложными и двусложными основами, имеющими в исходе два или более согласных (Виноградов В. В. Русский язык, с. 222). Такие прилагательные впоследствии вытесняются образованиями с другими суффиксами (*бунтовой*, *карточный*, *кустовой*, *ленточный*, *квитанционный*, *помповый*, *спаржевый*, *фрахтовый*, *шерстяной*) или уходят из употребления (*карпный*, *тортный*).

в вовлечении их в словообразовательную систему русского языка, вызывали появление прилагательных от несклоняемых существительных.[4]

Эти образования отличались тем, что суффикс прилагательного присоединялся непосредственно к основе существительного, причем часто наблюдалось усечение конечного гласного основы (*доминный*, *марокский*, *мокский*, *таитский*) или наложение морфем (*манговый*).

В ранний период вовлечения несклоняемых существительных в словопроизводство, каким был XVIII в., для них не была характерна интерфиксация (ср. образования XX в. *доминошный* и *доминовский*, *марокканский*, *таитянский* и т. п.).[5]

Из многочисленного набора интерфиксов, которые характерны для современного русского языка при образовании прилагательных от несклоняемых существительных, в XVIII в. отмечено несколько случаев с интерфиксом *-j-*: *брийский* (ср. сорт сыра *бри*), *конгоиский*, *рапейный* (ср. *рапе*).

С начала XVIII в. и на протяжении всего рассматриваемого периода происходит активный процесс вовлечения в словообразование существительных разной морфологической структуры и разных лексико-грамматических классов, до этого времени не отличавшихся высокой активностью. Производные основы существительных легче всего соединялись с простым по структуре и абстрактным по семантике суффиксом *-н-*. Этот процесс начинается задолго до рассматриваемого периода, но XVIII в. дает особенно много новообразований от таких основ существительных, от которых ни в предшествующие, ни в последующие периоды активного словотворчества не наблюдалось. Таковы прилагательные от производных существительных абстрактной и конкретной семантики на *-уша*, *-ядь*, *-еж*, *-изна*, *-оть*, *-ота*, *-ыш*: *толкушный*, *рухлядный*, *давежный*, *дележный*, *картежный*, *градежный*, *кормежный*, *дороговизный*, *мякотный*, *мокротный*, *простотный*, *щедротный*, *игрышный* и др.

На протяжении всего XVIII в. различные источники фиксируют многочисленные образования на *-ный* от существительных на *-ица*, от уменьшительных существительных на *-ец*, *-ок*, *-онок*. К числу таких новообразований относятся прилагательные *материчный*, *озорничный*, *гробничный*, *грудничный*, *железничный*, *зарничный*, *маковичный*, *огневичный*, *репичный*, *юничный*, *погребечный*, *цветочный*, *платошный*, *боченочный* и др.

---

[4] Ср. замечание об ограниченности производства прилагательных от несклоняемых существительных в XIX в. в кн.: Словообразование современного русского литературного языка. Русский язык и советское общество. М., 1968, с. 47. По мнению авторов исследования, процесс вовлечения несклоняемых существительных в словопроизводство характерен для нашего современного языка.

[5] Там же, с. 47—48

Вовлечение осложненных основ в процесс словообразования прилагательных наблюдается и при образовании неологизмов с суффиксом *-ов-* от исконно русских существительных.

С середины XVIII в., когда возникла потребность в создании русской терминологии бурно развивавшихся в это время различных отраслей науки (ботаники, анатомии, химии, минералогии и др.), промышленности, промыслов и ремесел, словарный состав русского языка пополняется новыми прилагательными на *-овый* от производных основ конкретно-предметной семантики на *-ец*, *-ок*, *-ик*, *-ка*:[6] *волчецовый*, *леденцовый*, *сланцевый*, *зверковый*, *звонковый*, *кусковой*, *листковой*, *ноготковый*, *озорочковый*, *орешковый*, *позвонковый*, *прутковый*, *пузырьковый*, *ростковый*, *садковый*, *сморчковый*, *станковый*, *стручковый*, *сырковый*, *цветковый*, *поярковый*, *тисковый*, *кровавиковый*, *плавиковый*, *выбойковый*, *корковый*, *красковый*, *мазанковый*, *перепонковый*, *печенковый*, *склянковый*, *солодковый*, *шишковый* и т. п.

Обширный ряд образований формируется в XVIII в. от существительных среднего рода на *-ище*: *гульбищный*, *зрелищный*, *игралищный*, *игрищный*, *кладбищный*, *прибежищный*, *рубищный*, *сборищный*, *сонмищный*, *страшилищный*, *торжищный*, *туловищный*, *училищный*, *чудовищный* и др.[7]

Вовлечение в словообразовательные процессы осложненных основ создавало почву для образования новых производных суффиксов и новых моделей. Так, благодаря активизации образования прилагательных с помощью суффикса *-н-* от существительных на *-ка*, *-ок*, *-ек* [8] (ср. новообразования XVIII в.: *винтовочный*, *головочный*, *колотушечный*, *лягушечный*, *чахоточный*, *башечный*, *бородавочный*, *вилошный*, *вороночный*, *гребеночный*, *клеточный*, *колясочный*, *коробочный*, *корочный*, *косыночный*, *крошечный*, *мочечный*, *мышечный* (ср. *мышка*), *перстаточный*, *прожилочный*, *пряжечный*, *селезеночный*, *соляночный*, *сопочный*, *сывороточный*, *трубочный*, *пробочный*, *затылочный*, *излишечный*, *цветочный*, *оселочный*, *платочный*, *поединочный*, *стручечный*, *улиточный*

---

[6] До XVIII в. таких образований в русском языке было немного (ср. в картотеке ДРС: *брусковой*, *васильковый*, *дворцовый*, *корольковый*, *черенковый*). Об активном процессе образования новых прилагательных от рассматриваемых производных основ в современном русском языке см.: Словообразование русского литературного языка. М., 1968, стр. 107.

[7] В. В. Виноградов отмечает для современного русского языка слабую словообразовательную активность основ существительных среднего рода в образовании прилагательных с суффиксом *-н-*. В XVIII в. этих ограничений было меньше. Кроме прилагательных от существительных на *-ище*, ср. новообразования XVIII в. от основ среднего рода другой структуры: *долотный*, *доминный* (ср. *домино*), *зеренный*, *лонный*, *поленный* и др. Ср. также новообразования с суффиксом *-ов-* от основ среднего рода (преимущественно терминологического характера): *брюховый*, *гнездовой*, *колесовой*, *крыловый*, *местовый*, *молочковый*, *ремесловый*, *титловый*, *ядровый* и некоторые другие.

[8] В данном случае имеются в виду образования от основ неглагольного происхождения.

и др.) в XVIII в. наблюдается процесс формирования и вычленения нового суффикса *-очн-/-ечн-*.[9] Этот суффикс формируется обычным способом: от производной основы отделяется суффикс *-ок-* или *-к-* и происходит его сращение с суффиксом прилагательного *-н-*.

Самостоятельное функционирование нового суффикса подтверждается образованиями типа *звездочный* (ср. *звезда*, *звездный*, *звездяный*), *карточный* (ср. *карта*, *картный*, *картенный*), *луковочный* (ср. *луковица*, *луковичный*), *яловочный* (ср. *яловый*), *пулечный* (ср. *пуля*, *пулейный*), *кисточный* (ср. *кисть*) и др.: «Мох звездочный, звездочный корень, звездочная трава» (Сл. бот. 1795 130); «Шафран имеет свое происхождение от одного луковочного произрастения» (ЭМ XVI 321); «Здесь надобно упомянуть о картошном их [казаков] увеселении, какое они получали удовольствие и прибыль» (Краш. ОЗК IV 245); «Селима хотя и извинялась, что она употребляемых в Европе игор не знает, однако он ухватя ее за руку и посадя за картошный стол, сказал, что он ее играть научит» (Маркиз II 77); «На пышных карточных престолах Сидят мишурные цари» (Держ. Соч. I 160); «Кожа коровья, яловошная» (ВЛ 352); «В драгунские в 9 полков надобно: . . . 20 сум пороховых, 20 сум пулечных» (ПБП II 11 1702); «Просо красное, кисточное» (Сл. бот. 1795 67).

Многие новообразования XVIII в. на *-очный*, структурно соотносясь с уменьшительными существительными на *-ка*, *-ок*, не сохраняют экспрессии уменьшительности производящей основы. Поэтому их одинаково правомерно рассматривать и как образования с суффиксом *-н-* от уменьшительных форм (*листок*, *нитка*), и как образования с суффиксом *-очн-* от неосложненных основ (*лист*, *нить* и т. п.). Ср. образования *ниточный*, *лучиночный*, *пулечный*, *листочный* в следующих случаях: «Верхушку ножницами остричь, и ниточные малые отростки около корня ощипать» (ФЭ 188); «Кочней капусты разрезав пополам, с куском сала, изрезанного ломтями, и пришпилив к кочням лучиночною спичкою, отваривать в воде» (Сл. пов. IV 77); «Зело высокопотребно есть, чтоб. . . каждому баталиону ружье равного калибру и каждой роте пулечную фурму в 24-ре великие пули. . . имет» (ПБП III 503 1705); «Листочная чашечка» (Сл. бот. 1781 353).

Суффикс *-очн-* отсубстантивных прилагательных не стал продуктивным в последующее время.[10] Грамматика русского языка

---

[9] Е. А. Охомуш отмечает, что в исследованных ею памятниках XVI—XVII вв. встретилось всего два отглагольных прилагательных с суффиксом *-очн-*. Отсубстантивных прилагательных с суффиксом *-очн-* Е. А. Охомуш не приводит (О х о м у ш Е. А. Словообразование прилагательных в русском языке XVI—XVII вв. (На материале повестей «Казанское царство» и «О смутном времени»). Автореферат канд. дисс. М., 1961, с. 8).

[10] В современном русском языке имеется лишь несколько образований рассматриваемого типа, в которых свободно вычленяется суффикс *-очн-*. Кроме рассмотренных нами образований XVIII в., сохранившихся до настоящего времени (*карточный*, *ленточный*, *кофточный*), ср. также более

АН СССР не выделяет этого суффикса. В. В. Виноградов выделяет потенциальный суффикс *-очн-* лишь в образованиях от отглагольных существительных.[11] Одна из причин затухания продуктивности новой модели после XVIII в. заключается в ее семантической невыразительности. Суффикс *-очн-* не получил дополнительных значений по сравнению с суффиксом *-н-*. Многочисленные однокоренные дублетные образования с суффиксами *-н-*, *-ов-* и другими успешно конкурировали с образованиями с новым суффиксом, вытесняя последние. Ср.: *жилочный* и *жильный*, *звездочный* и *звездный*, *листочный* и *листовой*, *луковочный* и *луковичный*, *лучиночный* и *лучинный*, *скобочный* и *скобяной* и т. п. Устойчивыми оказались лишь образования, в исходе производящей основы которых наблюдалось скопление согласных (*карточный*, *ленточный*, *кофточный* и некоторые другие).

Более сложный в структурном отношении по сравнению с суффиксами *-н-* и *-ов-*, суффикс *-ск-* в XVIII в. значительно свободнее соединялся с основами различного морфологического строения, чем в предшествующие и последующие периоды развития русского языка. Это касается в равной мере как основ исконно русского происхождения, так и иноязычных. Взаимодействия морфонологического характера при соединении производящей основы и суффикса *-ск-* были различны и определялись структурой исхода производящей основы. Обширные ряды новообразований XVIII в. от основ существительных различной морфологической структуры уже в этот период подготовили почву для возбуждения активности производных суффиксов *-овск-*, *-инск-*, *-енск-*, *-еск-*, *-ческ-*, *-ническ-*, ставших продуктивными в более поздний период развития словообразовательной системы русского языка.

Активизируется суффикс *-овск-*, давший в XVIII в., правда еще немногочисленный, ряд новообразований как от нарицательных наименований лиц, так и от существительных другой семантики.[12] На протяжении всего XVIII в. появлялись как устойчивые образования с суффиксом *-овск-* (*бунтовской*, *дедовский*, *дьячковский*, *жениховский*, *мотовской*, *плутовской*, *прадедовский*, *стариковский*), так и окказиональные (*врачевский*, *гагантовский*,

---

поздние: *ваточный*, *афишечный*, *канвочный*, *муфточный*, *сигарочный* (Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного . . ., с. 486). Ср. также прилагательные *корсеточный*, *фанерочный*, отмечаемые современными словарями русского языка.

[11] Виноградов В. В. Русский язык, с. 226.

[12] До XVIII в. суффикс *-овск-* был малопродуктивным (ср. немногие старые образования с этим суффиксом: *отцовский*, *поповский*, *мартовский*, *августовский* и др.). Продуктивность его возрастает особенно заметно в современном русском языке. См.: Виноградов В. В. Русский язык, с. 229; Даниленко В. П. Имена существительные (нарицательные) как производящие основы современного словообразования. — В сб.: Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1964; Словообразование современного русского литературного языка, с. 31—32.

перекрестовский, *псовский*, *сыновский*, *ткачевский*, *юристовский*). Появление окказионализмов было связано с активным функционированием модели на *-овский*.

Неологизмы начала XVIII в. типа *шутский*, *корольский* свидетельствуют о том, что это был период, когда были возможны образования на *-ский* от тех основ, от которых позднее закрепились в языке прилагательные на *-овский*.

Неустойчивость ряда образований по модели на *-овский*, получившей активность только в XVIII в., была причиной функционирования однокоренных дублетных образований типа *шутский — шутовской*, *корольский — королевский*, *ткаческий — ткачевский*, *враческий — врачевский*, *палаческий — палачевский*, *гигантский — гигантовский*.[13]

Активизация суффикса *-овск-* в XVIII в. была вызвана вовлечением в словопроизводство новых производящих основ. Дополнительных значений по сравнению с суффиксом *-ск-* этот суффикс в пределах XVIII в. не развивает. Он характеризовался сочетаемостью преимущественно с односложными основами (*вор*, *плут*, *шут*, *бунт*), а также с основами на аффрикату *ч* и заднеязычный *к* (*ткач*, *врач*, *палач*, *старик*, *дьячок*).

Появление новообразований с производными суффиксами *-инск-* и *-енск-* было вызвано также в значительной мере морфонологическими условиями. Суффикс *-инск-* своим происхождением обязан суффиксу притяжательных прилагательных *-ин* (ср. *материн*, *старостин* и т. п.).

Немногие образования с суффиксом *-инский* от имен нарицательных составили в XVIII в. замкнутую лексико-семантическую группу, которая и в последующее время пополнялась слабо.[14] К их числу относятся прилагательные *материнский* (впервые лексикографически зафиксировано Словарем Нордстета), *старостинский* (впервые зафиксировано «Словарем Академии Российской»),[15] *цесаревнинский* (Зап. Шах. 29). Об активном действии этой модели и свободном вычленении суффикса *-инск-* говорят образования типа *сатурнинский*, *геометриньский*, не связанные с притяжательными прилагательными.

Суффикс *-енск-*, вариантный по отношению к суффиксу *-инск-*, свободнее присоединялся к основам разной семантики, так как он был независим от притяжательных прилагательных на *-ин*.

---

[13] В XIX в. подобного рода соотносительность однокоренных образований полностью изживается (см. об этом в кн.: Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного. . ., с. 299).

[14] Единичные образования на *-инский* отмечены в Материалах для словаря древнерусского языка И. И. Срезневского (*ординьскыи*, *сатаниньскыи*). В современном русском языке суффикс *-инск-* отличается высокой продуктивностью при образовании прилагательных от имен собственных. В XVIII в. образования от географических имен типа *олекминский*, *пенжинский*, *окинский* были немногочисленны. Ср., например, образование первой половины XVIII в. *кубский* (от *Куба*) без вставного *-ин-*.

[15] Ср. более ранее *старостский* (ВЛ 563).

Суффиксальный элемент *-ен-* присоединялся к основам с несколькими согласными, аффрикатами или звуками, вызывавшими чередования. Таковы образования XVIII в. *кладбищенский*, *нищенский*, *рождественский*, *мызенский*.[16]

Вариантным по отношению к суффиксу *-ск-* был суффикс *-еск-*, давший в XVIII в. довольно обширный ряд новообразований от основ на *ч* (*врачеcкий*, *городнический*, *зодческий*, *кравческий*, *стряпческий*, *ткаческий*, *толмаческий*), на заднеязычные *г*, *к*, *х* (с чередованиями *г/ж*, *к/ч*, *х/ш*) (*дураческий*, *евнушеский*, *зодиаческий*, *конюшеский*, *монаршеский*, *подружеский*, *супружеский*), на *ж*, *щ* (*пажеский*, *товарищеский*).[17]

Таким образом, активизация суффикса *-еск-* также была вызвана морфонологической структурой исхода производящей основы.

Повышение словообразовательной активности основ иноязычных существительных на *-ия* вызвало формирование суффиксов *-ейск-*, *-ийск-*, вариантных по отношению к суффиксу *-ск-*. Уже в начале XVIII в. новообразования с суффиксами *-ейск-*, *-ийск-* возникали свободно. Таковы прилагательные *армейский*, *гвардейский*, *компанейский*; *артиллерийский*, *инфантерийский*, *кавалерийский*, *канцелярийский* и др. Возможность присоединения суффикса *-ск-* к усеченной основе существительных на *-ия* реализовалась в новообразованиях XVIII в. *губернский*, *имперский*, *инфантерский*, *канцелярский*, *утопский* (ср. *утопия*), *коммерцский*, *ревизский*; иногда с чередованиями конечного согласного основы *коллежский*, *ревижский*.

Возникали дублетные ряды однокоренных образований с суффиксами *-ск-* и *-ийск-*, *-ейск-*, особенно характерные для первых десятилетий XVIII в.: *артиллерийский* (и *артиллериский*) — *артиллерский*, *инфантерийский* — *инфантерский*, *канцелярийский* — *канцелярский*, *компанейский* — *компанский*. Ср. также взаимодействие дублетных образований с суффиксом *-ск-* и с производными суффиксами, включающими в себя иноязычные суффиксальные элементы: *провинский* — *провинциальный*, *геодезиский* — *геодезический*, *утопский* — *утопический*, *академский* — *академийский*— *академический* и т. п.

Фонетический состав суффикса *-ск-* был с древних времен причиной чередований звуков при соединении этого суффикса с производящей основой (ср. ранние образования типа *варяжский*, *волжский*, *чешский*, *южский* и т. п.). XVIII век в отношении

---

[16] Активность модели на *-енский* проявилась в образованиях XVIII в. от географических наименований: *норвегенский* (ср. параллельно функционировавшие в то же время *норвегский* и *норвежский*), *монголенский*, *нарвенский*, *онеженский*, которые, однако, не закрепились в языке.

[17] Подробно об условиях образования, взаимодействия с однокоренными прилагательными и функционирования прилагательных на *-еский* в конце XVIII—XIX в. см. в кн.: Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного. . ., с. 321—333.

чередований согласных перед суффиксом *-ск-* дает пеструю картину, хотя уже с первых его десятилетий намечается тенденция к устранению чередований. Появляются новообразования топонимического характера, устойчиво не имеющие чередований. Таковы, например, прилагательные *петербургский*, *ямбургский* и т. п.

Отсутствие достаточного количества новообразований от основ с исходом на чередующийся согласный не позволяет определить тенденцию этого процесса в кругу образований от нарицательных существительных. С одной стороны, еще в конце XVIII в. были возможны образования типа *архипелажский* (Пис. Ек. II XVI 474 1788) с чередованием *г/ж*. С другой стороны, уже в середине XVIII в. появлялись прилагательные, устойчиво сохранявшие конечный согласный, типа *герцогский* (АВ IV 332 1743). Были возможны колебания, вызывавшие одновременное появление вариантных форм: *ревизский* и *ревижский*, *французский* и *французкский* и т. п. При устойчивом и ставшем к началу XVIII в. традиционным употреблении прилагательных от топонимических наименований и названий народов с чередованиями (*волжский*, *норвежский*) на протяжении всего XVIII в. (чаще в начале века) могли эпизодически появляться вариантные образования без чередований (*волгский*, *норвегский*). Появление подобного рода окказионализмов также выражает направление развития словообразовательной системы русского языка к агглютинативности.[18]

В результате активного вовлечения в словообразование производных основ разной морфологической структуры в XVIII в. создались обширные словообразовательные ряды, характеризовавшиеся большой степенью регулярности. Это в свою очередь создавало условия для формирования новых производных суффиксов. В частности, с активизацией образования прилагательных на *-ский* от названий нарицательных имен лиц как русских, так и иноязычного происхождения связано регулярное образование обширных рядов прилагательных с типизированной морфологической структурой.

С начала XVIII в. заметно оживляется образование прилагательных на *-(е)ский* от основ названий лиц на *-ник*. К ним относятся такие новообразования первой половины XVIII в., как *изменнический*, *мяснический*, *мятежнический*, *насильнический*, *посланнический*, *посреднический*, *сапожнический*, *схимнический*, *ученический*, *харчевнический*, *шильнический*. Источники второй половины XVIII в. фиксируют еще более обширный ряд аналогичных образований: *башмачнический*, *безбожнический*, *вестнический*, *воспитаннический*, *вотчиннический*, *колоднический*, *кор-*

---

[18] См.: Земская Е. А. Интерфиксация в современном русском словообразовании. — В кн.: Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1964, с. 36—62.

чемнический, крамольнический, красильнический, любовнический, меднический, мельнический, мошеннический, невольнический, отшельнический, охотнический, пирожнический, племяннический, полковнический, преемнический, промышленнический, противнический, пустыннический, ремесленнический, садовнический, священноначальнический, серебренический, союзнический, ставленический, художнический, целовальнический, церковнический, цырюльнический.

Регулярное воспроизведение морфемы *-ник* в сочетании с *-ск-* в перечисленных выше образованиях подготовило почву для формирования, вычленения и самостоятельного функционирования производного суффикса *-ническ-*.

В XVIII в. новообразования с этим производным суффиксом были единичны. Таково прилагательное *подданнический*, не соотносительное с именем лица на *-ник*: «Не любочестие от отца и его любезной отвлекало, но подданническая должность» (Лук. Пуст. 40).

Ряд новообразований XVIII в. от имен лиц на *-ец*, *-чик*, *-щик* пополнил группу прилагательных на *-ческий* (*владельческий, пришельческий, разночинческий, стихотворческий, монетческий, переводческий, повытческий, помещический, прапорщический, перевозческий* и некоторые другие. Образования рассматриваемой структуры послужили основой для вычленения суффикса *-ческ-*. Возникновение дублетных образований на *-ский* от имен лиц на *-ец* с усечением и без усечения основы (типа *царедворский — царедворческий, стихотворский — стихотворческий*), образования типа *иноземский* (ср. *иноземец*), *якобинский* (ср. *якобинец*) относятся к начальному этапу формирования производного суффикса *-ческ-*. Появляются окказиональные образования с суффиксом *-ческ-* типа *одиноческий* не соотносительные с именем лица.[19]

Благоприятные условия для вычленения суффикса *-тельск-* создали новообразования с суффиксом *-ск-* от имен лиц на *-тель* (ср. новообразования XVIII в.: *благодетельский, грабительский, заседательский, настоятельский, неприятельский, обывательский, правительский, прародительский, предательский, предводительский, ругательский, свидетельский, смотрительский, управительский* и др.).[20]

Многочисленные новообразования от иноязычных имен лиц также составляли в XVIII в. ряды типизированных производных

---

[19] «И в постеле одиноческой Я надеялся покой найти» (Львов ЛН 1797 278). Об образованиях на *-нический* в конце XVIII—XIX в. см. кн.: Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного. . .,с. 306—309.

[20] Ср. старые образования *властительский, святительский, гонительский, мучительский, победительский, приятельский, родительский* и др. См. о формировании производного суффикса *-тельск-*: Виноградов В. В. Русский язык, с. 228.

одинаковой структуры. Таковы образования от имен лиц на *-ер* (в первой половине XVIII в. появляются новообразования: *вальдмейстерский*, *гармахерский*, *гренадерский*, *инженерский*, *камергерский*, *квакерский*, *квартирмейстерский*, *контролерский*, *маринерский*, *маркшейдерский*, *мушкетерский*, *обер-сарваерский*, *офицерский*, *парикмахерский*, *полицеймейстерский*, *фузелерский*, *фурьерский*, *цалмейстерский*, *шкиперский*; во второй половине: *акушерский*, *гаерский*, *канонерский*, *курьерский*, *маклерский*, *пикинерский*, *почтмейстерский*, *ратсгерский*, *цолнерский* и др.); *-ир* (*бомбардирский*, *бригадирский*, *камерирский*, *командирский*, *вояжирский*, *кирасирский*, *пассажирский*); *-тор* (в первой половине XVIII в.: *авторский*, *администраторский*, *архитекторский*, *губернаторский*, *диктаторский*, *директорский*, *императорский*, *информаторский*, *медиаторский*, *кураторский*, *навигаторский*, *пасторский*, *регистраторский*, *ректорский*, *спекулаторский* — ср. *спекулатор* 'палач', *факторский* — ср. *фактор* 'поверенный', *форейторский*; во второй половине: *арендаторский*, *ефрейторский*, *корректорский*, *менторский*, *операторский*); *-ант* (*адъютантский*, *комендантский*, *маркитантский*, *протестантский*, *интендантский*, *музыкантский*).

Во второй половине XVIII в. появляются первые новообразования от имен лиц на *-ист* (*канцеляристский* и *канцеляристовский*, *протоколистский*, *копеистский*, *колонистский*), создавшие почву для вычленения производного суффикса *-истск-*, который активизируется за пределами XVIII в.[21]

Активно вовлекались в словообразование такие основы имен лиц, которые в последующее время становятся менее продуктивными — основы на *-арь* (*писарский*, *овчарский*, *бахарский*, *звонарский*, *ключарский*), *-ан* (*великанский*, *грубианский*), *-ун* (*кощунский* от *кощун* 'шут', *опекунский*) и т. п.

Все это свидетельствует о чрезвычайной активности словообразовательных процессов XVIII в. в кругу прилагательных на *-ный*, *-овый*, *-ский*.[22]

Роль иноязычных существительных в пополнении класса относительных прилагательных на *-ный* и *-овый*

Обогащение словарного состава русского языка XVIII в. шло за счет вовлечения в словообразовательные процессы заимствованных слов. Иноязычные существительные служили базой для образования имен прилагательных разной словообразовательной структуры. Особенно легко они образовывались от существительных конкретной семантики по модели на *-ный* и *-овый*.

---

[21] Виноградов В. В. Русский язык, с. 228.

[22] В дальнейшем изложении неологизмы с суффиксами, вариантными по отношению к суффиксам *-н-*, *-ов-*, *-ск-* (*-очн-*, *-овск-*, *-еск-* и др.), рассматриваются в одном ряду с неологизмами с основными суффиксами.

Кроме общих и внешних причин, по которым обычно появление новых существительных вызывает образование от них прилагательных, на производство прилагательных от заимствованных существительных в XVIII в. действовали и специфические для этого времени внутриязыковые причины. Образование большого числа прилагательных рассматриваемых моделей из заимствованного материала объясняется особенностями русской лексической и словообразовательной системы, отличающейся от системы западноевропейских языков, из которых шло заимствование.

Русский язык отличается от западноевропейских языков большим количеством прилагательных, сложностью словообразовательной системы, способностью выражать с помощью прилагательных такие понятия и синтаксические отношения, которые в других языках выражаются иными лексико-грамматическими средствами.

От заимствованных в XVIII в. существительных на русской почве образовалась обширная группа прилагательных с суффиксами *-н-* и *-ов-*, не имеющих соответствий в западноевропейских языках. Несомненно, что на русской почве образовались следующие прилагательные такого рода: *абрикосный* и *абрикосовый*, *авизный*, *аврикульный*, *акцизный*, *аметистный* и *аметистовый*, *амигдаловый*, *ананасный* и *ананасовый*, *арсенальный*, *бадьянный*, *балетный*, *бамбосовый*, *барбарисный* и *барбарисовый*, *барьерный*, *бастионовый*, *биллиардный*, *блоковый*, *болворочный*, *болверковый*, *брандвахтный*, *брустверный*, *буерный*, *вахтовый*, *вигоневый*, *визитный*, *висмутовый*, *вольфрамовый*, *гаковый*, *галантерейный*, *галгантовый*, *галстушный*, *гарантийный*, *гарнизонный*, *гиацинтовый*, *глобусный*, *гобойный*, *госпитальный*, *десертный*, *доминный*, *драконный*, *дуэльный*, *жонкильный* и *жонкилевый* (ср. фр. jonquille ʻнарцисс'), *журнальный*, *инженерный*, *инфантерный*, *какаосовый* (ср. cacaos ʻкакао'), *камзольный*, *камлотный* и *камлотовый*, *канальный*, *кантонный*, *капуциновый*, *карабинерный*, *карикатурный*, *карнизный*, *картаунный*, *картонный*, *картушный*, *кастрюльный*, *кварцевый*, *клавесинный*, *клистирный*, *коленкоровый*, *колонный*, *кометный* и *кометовый*, *комментарный*, *компасовый* и *компасный*, *конторный*, *конфетный*, *кордонный*, *корпусный*, *креповый*, *крессалатный*, *кронный*, *лабиринтный*, *лагерный*, *лагунный*, *лаковый*, *латунный*, *лафетный*, *лентный* и *лентовый*, *ливрейный*, *ливерный*, *ломберный*, *лотерейный*, *люстриновый*, *магазинный*, *макаронный*, *маскарадный*, *медальный*, *моделиевый*, *молибденовый*, *мортирный*, *мундштучный*, *нанковый*, *нарциссовый*, *нектаревый*, *никелевый*, *опаловый*, *пакгаузный*, *палашный*, *палисадный*, *параллелограммный*, *пасквильный*, *паштетный*, *пикинерный*, *пилотный* (ср. *пилот* ʻлоцман'), *пластырный*, *позументный*, *помпный*, *поплиновый*, *портовый*, *портупейный*, *призовый*, *провиантовый*, *протокольный*, *пульсовый*, *равелиновый*, *рамный*, *рапирный*, *рекрутный*, *реннетовый*, *розеновый*, *рубиновый* и *рубинный*, *секретный*, *селенитовый*, *сидровый*, *скульптур-*

ный, *сортовой*, *суповый* и *супный*, *тигровый*, *триповый*, *туберозный*, *фартучный*, *фашинный* и *фашиновый*, *фельдшпатовый*, *флеровый*, *фонтанный*, *фрегатный*, *фресковый*, *фузелерный*, *хлоритный* и *хлоритовый*, *цикорейный*, *цирконный*, *цистерновый*, *цитроновый* и *цитронный*, *шахтовый*, *шинный*, *шлюпочный*, *шпиаутеровый*, *шпинатный*, *шпорный*, *штиблетный*, *штоленный*, *штофовый*, *эфесный*, *яхтовый* и др.

Благодаря богатым словообразовательным возможностям русского языка в нем образовались прилагательные от таких заимствованных существительных, которые в западноевропейских языках, отличающихся большей аналитичностью по сравнению с русским, выполняют функции и существительного и прилагательного. Так, прилагательным *вертикальный*, *ватерпасный*, *волонтерный*, *диагональный*, *инвалидный*, *капитальный*, *комодный*, *комплектный*, *ломбардный*, *моральный*, *параллельный* и соотносительным с ними существительным *вертикаль*, *ватерпас*, *волонтер*, *диагональ*, *инвалид*, *капитал*, *комод*, *комплект*, *ломбард*, *мораль*, *параллель* в западноевропейских языках соответствуют существительные и прилагательные в одной форме: waterpas (голл.) 'уровень, ватерпас' и 'горизонтальный', volontaire (фр.) 'доброволец, волонтер' и 'добровольный', invalide (фр.) 'инвалид' и 'нетрудоспособный', 'инвалидный', capital (фр.), Kapital (нем.) 'капитал' и 'главный', commode (фр.) 'комод' и 'удобный', complet (фр.) 'комплект' и 'полный', lombard (фр.) 'ломбардский' и 'ломбард', moral (фр.) 'моральный' и 'мораль'.

На протяжении всего XVIII в., и особенно во второй его половине, появляются прилагательные, которым в немецком языке (и в других германских языках) соответствует первая часть сложного слова, а во французском — простое наименование (слово) или компонент предложно-падежной конструкции. Ср.: *Нордное море* (нем. Nordsee), *абрикосное*, *абрикосовое дерево* (фр. abricotier, голл. abricoosboom, нем. Aprikosenbaum), *кофейное дерево* (фр. cafier, нем. Kaffeebaum, голл. koffieboom), *оперный дом* (фр. opéra, нем. Opernhaus), *кабинетная жизнь* (фр. la vie de cabinet), *каминная крышка* (фр. manteau de la cheminée), *парадная лошадь* (фр. cheval de parade, нем. Paradepferd), *портретный ящик* (фр. boîte à portrait, нем. Portretenkastlein), *супная тарелка* (фр. assiette de soupe, нем. Suppenteller), *суповая чаша* (нем. Suppenschüssel), *суповая ложка* (нем. Suppenlöffel), *бутылошной товарищ* (фр. compagnon de bouteille), *кредитное письмо* (фр. lettre de crédit), *крокодиловые*, *крокодильные слезы* (фр. larmes de crocodile, нем. Krokodilstränen), *молибденовая кислота* (нем. Molibdänsäure), *оранжевое дерево* (нем. Orangenbaum, фр. oranger), *провиантовая телега* (нем. Proviantwagen), *пульсовая жила* (нем. Pulsader), *розеновое масло* (нем. Rosenöl), *розеновая вода* (нем. Rosenwasser), *тальковая земля* (нем. Talkerde), *турфовый слой* (нем. Torflager), *ульмовое дерево* (нем. Ulmbaum), *фланелевая юбка* (нем. Flanellrock), *флоретовая лента* (нем. Flo-

retband), *фруктовое дерево* (нем. Fruchtbaum), *фруктовая водка* (нем. Fruchtwein), *цементовая, цементная медь* (нем. Cementkupfer), *цинковая руда* (нем. Zinkerz), *цуговая лошадь* (нем. Zugpferd), *бамбосовый тростник* (нем. Bambosrohr), *батистовый платок* (нем. Batistenschupftuch), *бергамотовое масло* (нем. Bergamotteöl), *вахтовый корабль* (нем. Wachtschiff), *висмутовый блеск* (нем. Wismuthglanz), *вольфрамовая кислота* (нем. Wolframsäure), *гипсовая земля* (нем. Gipserde), *гипсовый потолок* (нем. Gipsdecke), *гипсовые холмы* (нем. Gipsgebirge), *глянцевая кожа* (нем. Glanzleder), *квитовое дерево* 'айва' (нем. Quittenbaum), *квитовое яблоко* (нем. Quittenapfel), *кобальтовая руда* (нем. Kobalterz), *лавровое дерево* (нем. Lorbeerbaum, фр. laurier), *мачтовое дерево* (нем. Mastenbaum), *мачтовый лес* (нем. Mastenholz), *оливковое дерево* (нем. Olivenbaum, фр. olivier), *эбеновое дерево* (нем. Ebenholz, фр. ébéne, èbènier), *штольновое устье* (нем. Stollenöffnung), *штурмовая лестница* (нем. Sturmleiter).

При заимствовании немецкого сложного слова во многих случаях обе части сложения отличались в русском языке лишь грамматическим оформлением. Такие заимствования появлялись на всем протяжении XVIII в., но особенно многочисленны они были во второй половине XVIII в.: *каминные ширмы* — Kaminenschirme, *вексельный курс* — Wechselkurs, *вексельный банк* — Wechselbank, *паришной мастер* — Perrückenmacher, *никелевая охра* — Nickelocher, *артиллерной парк* — Artilleriepark, *спаржный, спаржевый суп* — Spargelsuppe, *провиантный, провиантовый магазин* — Proviantmagasin, *слесарный мастер* — Schlossermeister, *пионная роза* — Pionenrose, *шлюзный мастер* — Schleusenmeister, *тапетный мастер* — Tapetenmeister, *флюгерный шпиль* — Flügelspille, *нервная система* — Nervensystem.

Несколько примеров из текстов XVIII в.: «Илья Исаев ко мне перевел только две тысячи рублев московской монеты, всякий рубль по 52 коп. голландских на курс вексельный» (АК IX 62 1713); «Такое изъискать место, где бы провиантные магазины построить было можно» (Сойм. КМ 246); «Росчеканить лябры, фестоны и протчия орнаме́нты и их выпиливать и полировать в должности выкованием кузнечного, а протчее шлесарного [мастера]» (ДАЭ 36); «Один тапетной мастер француз в здешнюю службу для заведения мануфактуры вступить желает» (АВ IV 32 1743); «Начали они [флорентийцы] делать гульдены из хорошего золота и завели вексельные банки» (Приб. МВ 1784 3); «Юлия поцеловала страстного Сен-Пре, и сим магическим прикосновением потрясла в нем всю нервную систему его» (Кар. ПРП III 220).

На основе немецких сложений в процессе усвоения заимствуемого материала в русском языке возникали полукальки, в которых первая часть сложения соответствовала прилагательному, а вторая — определяемому существительному. Ср.: *азартная игра* — Hasardspiel, *биллиардная лунка* — Billardbeutel, *картная, картенная, карточная игра* — Kartenspiel,

кокосный, *кокосовый орех* — Kokosnuß, *либрейный кафтан* — Libreyrock, *лилейный стебель* — Lilienstengel, *ломберная игра* — Lomberspiel, *пастельная живопись* — Pastellmalerei, *патронная сумка* — Patronentasche, *пергаментный лист* — Pergamentblatt, *понтонный мост* — Pontonbrücke, *порцелинный завод* — Porzellanfabrik, *пробная изба* — Probierkammer, *пробный камень* — Probierstein, *пробный образец* — Probierstück, *процентные деньги* — Prozentgelder, *сервелатная колбаса* — Servelatwurst, *сигнальный выстрел* — Signalschuß, *тарифное положение* — Tarifgesetze, *транспортный корабль* — Transportschiff, *фабричное здание* — Fabrikgebaüde, *фамильное имя* — Familiennamen, *фрахтное письмо* — Frachtbrief, *фурманная лошадь* — Fuhrmannpferd, *штоленный потолок* — Stollenfirste, *штоленный жолоб* — Stollengerinne, *штрафные деньги* — Strafgeld.

Полукальки, подобные вышеприведенным, характеризуют источники XVIII в. на всем его протяжении. Их особенно много в русской части иноязычно-русских словарей, в переводной научной литературе, а также в памятниках делового письма. Ср.: «Получил ведомость от Петра Матвеевича Опраксина... . дабы при том стоящим Шведцким воинским и с провиантом и с людьми транспортным кораблям, в Нарву войтить желающим, вход возбранить» (ПБП III 623 1704); «Четыре моста пунтонных» (ЖКФ 1711 57); «Пробная изба для пробы железа» (Геннин 79); «Каждого имя, кто те товары получить должен по имеющимся у него коносаментам, фрахтным письмам и прочим к сему делу служащим документам. . . подать Болдеражскому Лицент-Фервалтеру» (ПСЗ XVIII 543 1768); «Порцеленаго завода все живописцы день сей в сем году пышно торжествовали» (ЗС 1786 I 2).

При заимствовании понятий, выражавшихся двучленным сочетанием, прилагательные в русском языке могли образовываться там, где им в языке-источнике соответствовали предложно-падежные конструкции. Ср. прилагательные от заимствованных основ, которым соответствуют предложно-падежные конструкции во французском языке: *банковый* — de banque, *бастионовый* — de bastion, *батистовый* — de batiste, *блондовый* — de blonde, *гранитовый* и *гранитный* — de granit, *жонкилевый* и *жонкильный* — de jonquille, *кобальтовый* — de cobalt, *кокосный* и *кокосовый* — de coco, *малахитовый* — de malachite, *пульсовый* — de pouls, *тальковый* — de talc, *томбаковый* — de tombac, *топазовый* — de topaze, *фланелевый* — de flanelle, *цистерновый* — de citerne; в немецком: *гипсовый* — aus Gips, *нанковый* — aus Nanking, *никелевый* — aus Nickel, *флеровый* — von Flor. Ср. приводимые в переводах иноязычные соответствия: «Цинк разрушает зеленый и синий купорос и, соединяясь с кислотою оного, составляет металлическую соль, которая называется белым или цинковым купоросом (vitriol de Zinc)» (Макер 207); «Кобольтовые цветы, Ochra cobalti rubra; Coboltblüthe, Fleurs de cobalt» (Кронштет 353).

В процессе освоения новых понятий и предметов, относящихся к разным областям жизни (культуре и быту, промышленности и общественному устройству, науке и искусству и т. п.), в XVIII в. появилось большое число таких новых исконно русских прилагательных, толчок к возникновению которых дал материал иноязычный. К ним относятся прежде всего прилагательные, возникшие в процессе калькирования сложных слов и адъективных словосочетаний.

Во второй половине XVIII в., когда уже интенсивно развиваются естественные науки — ботаника, химия, минералогия, анатомия, — возникло большое число калек, в состав которых входили прилагательные с суффиксами *-н-* и *-ов-* преимущественно от конкретно-предметных существительных. Эти прилагательные служили видовыми определителями родового понятия естественнонаучного термина. Таковы термины ботаники: *бузиновое дерево* (нем. Hollunderbaum), *ветловое дерево* (нем. Weidenbaum, Pappelbaum), *жаворонковое дерево* 'лиственница' (нем. Lerchenbaum), *кучевые растения* (нем. Büschelblüther), *шишковое дерево* (нем. Zapfenbaum); минералогии, химии и металлургии: *жиловая* и *жильная гора* (нем. Ganggebirge), *жильная порода* (нем. Ganggestein), *жиловая руда* (нем. Gangerz), *квасцовая земля* (нем. Alaunerde), *квасцовый камень* (нем. Alaunstein), *квасцовая руда* (нем. Alaunerz), *кусковое железо* (нем. Stückeneisen), *кусковая медь* (нем. Stückmessing), *мышьяковая кислота* (нем. Arseniksäure), *плавиковая кислота* (нем. Flußspatsäure); анатомии: *запястные кости* (лат. ossa metacarpi), *костречная кость* (лат. os coxae), *крестцовая железа* (лат. glandulae sacrae), *крестцовая кость* (лат. os sacrum), *лбовые мышки* (лат. musculis frontalis, нем. Stirnmuskeln), *молочковая жила* (лат. arteria spermatica), *ноготные кости* (лат. unguis ossa), *пасочные сосуды* (*жилы*) (лат. lymphatica vasa), *плевная мышица* (лат. musculus membranosus) и т. п. Новые прилагательные возникали также при калькировании терминов зоологии (*костовые рыбы* — нем. Grätenfische, *крыловые перья* — нем. Flügelfeder), математики (*улитковая, улиточная линия* — нем. Schneckenlinie), оптики (*глазовое стекло* — нем. Augenglaß), архитектуры (*коробовой свод* — нем. Korbbogen), строительства (*желобовая черепица* — нем. Hohlziegel), коммерции (*оптовая торговля* — нем. Großhandel, *страховое общество* — нем. Versicherungsgesellschaft) и т. п.

Прилагательные *блошный, пепловый, печенковый, чижовый* и др. возникли во второй половине XVIII в. в результате калькирования цветообозначений: *блошный цвет* — нем. Flohfarbe, фр. couleur de puce (ср. *пюсовый цвет*, фр. puce 'блоха'), *пепловый* (и *пепельный*) *цвет* — нем. Aschenfarbe, *печенковый цвет* — нем. Leberfarbe, *чижовый цвет* — нем. Zeisiggrün [23] и т. п.

---

[23] Примеры калек цветообозначений заимствованы из статьи: Грановская Л. М. Заметки об усвоении иноязычных цветообозначений

По сравнению с терминологическими сочетаниями прилагательных в составе калькированных сочетаний из круга предметно-бытовой лексики было немного. Ср. например: *карманная книжка* — нем. Taschenbuch, *карманный пистолет* — нем. Taschenpuffer, *карманные часы* — нем. Taschenuhr, *карманный нож* — нем. Taschenmesser, *поединочное письмо* — нем. Fehdebrief, *шейный платок* — нем. Halstuch (ср. *галстук*), *ядровое мыло* — нем. Kernseife и др.

Таковы в общих чертах некоторые процессы, связанные с образованием отыменных прилагательных от иноязычных основ с помощью суффиксов *-н-* и *-ов-*. Как можно было убедиться из анализа новообразований XVIII в. данного типа, их появление было вызвано в числе других причин условиями освоения большого притока иноязычных заимствований этого периода.

Типы сочетаний с прилагательными на *-ный* и *-овый*

Прилагательные, возникшие в русском языке вышерассмотренными способами, имели, как правило, относительные значения. Они выражали разные виды отношений к предмету, часто выполняя функции существительных в падежных конструкциях,[24] и их значения конкретизировались в сочетаниях с существительными. Таким образом, устанавливается прямая зависимость словообразовательной системы прилагательных от системы адъективных сочетаний.

Вновь образованные в XVIII в. отсубстантивные прилагательные с суффиксами *-н-* и *-ов-* включались в сложившуюся к этому времени систему словосочетаний. Рассмотрим некоторые наиболее характерные типы словосочетаний, в которые входили новообразования XVIII в.

В состав сочетаний, обозначавших субъектные и объектные отношения, а также отношения, характеризовавшие орудия действия, которые состояли из прилагательного и отглагольного существительного, новые прилагательные входили редко. К концу XVIII в. такие сочетания становятся архаичными. Примеры из источников немногочисленны. Источники последней трети века их не фиксируют. Ср.: *кометное происхождение* (Кн. мир. 267), *лирное играние* (Лом. СС I 222), *лирное пение* (Хераск. Тв. VII 80), *лагерное стояние* (ПСЗ XVII 25 1765), *шпорный удар* (ЛВ I 894), *шпажные удары* (Дон-Кишот 7).

в XVIII—XIX вв. — В кн.: Образование новой стилистики русского языка в пушкинскую эпоху. М., 1964, с. 378.

[24] О сочетаниях с отсубстантивными прилагательными и о их значениях в XVII—XIX вв. см.: Белошапкова В. А., Земская Е. А. Из истории отсубстантивных прилагательных. — Материалы и исследования по истории русского литературного языка, т. V. М., 1962; Демьяненко А. Ф. Типы словосочетаний в русской письменности конца XVII—начала XVIII в. Киев, 1967.

Обычными для XVIII в. были терминированные и нетерминированные сочетания отсубстантивных прилагательных на *-ный*, *-овый* с именами лиц по профессии, роду занятий [25] и с названиями предприятий, учреждений и т. п.[26]

Сочетания этого типа были известны и до XVIII в. По их образцу возникают сочетания с новым лексическим наполнением. Особенно большое число таких сочетаний возникло с прилагательными, образованными от заимствованных в XVIII в. существительных. Такие сочетания возникали на протяжении всего XVIII в. Они характерны для жанров деловой и специальной литературы преимущественно. Ср. сочетания прилагательных с существительными *мастер*, *служитель*, *работник* и т. п.: *канцелярийные служители* (ПБП II 48 1702), *моделиевый мастер* (ЖКФ 1714 93), *служители артиллерные* (УВ 1716 209), *верфные служители* (ПСЗ V 517 1717), *бунтные вязальщики* (ПСЗ V 561 1718), *болворочные работные люди* (ПСЗ VI 163 1720), *батарейный мастер* (ПСЗ VII 68 1723), *штыковой плавильщик* (Геннин 395), *оперный махинист* (Маркиз II 99), *портупейный мастер* (ЛВ I 388), *фонтанный мастер* (ЛВ I 1021), *сементный* и *сементовый мастер* (ЛВ I 452), *камлотный мастер* (ЕС 1763 II 335), *миниатурный живописец* (Трут. 1769 42), *шлюзный мастер* (ПСЗ XXII 542 1786), *пергаментный мастер* (ФРЛ² I 37), *кассир банковый* (Рад. ПСС III 283) и т. п.; с существительными *двор*, *завод*, *фабрика*, *канцелярия*, *дом*, *комната*, *камера*, *палата* и т. п.: *галерный двор* (ПСЗ VI 181 1720), *медальный двор* (СПб. в. 1719 18), *салфеточный завод* (Кирил. ЦС I 75), *порцелинный завод* (ЗС I 2), *шпалерная манифактура* (ЛК 13), *фабрики касторные* (ЛК 13), *лентовая фабрика* (Потребн. 33 об.), *гарпиусная фабрика* (ПСЗ XIII 495 1751), *шпалерная фабрика* (ПСЗ XIV 334 1754), *макаронная фабрика* (Пут. Сум. 216), *мундирная канцелярия* (Д. Тв. 251 1716), *библиотечная контора* (ДР 26), *лицентная контора* (СПб. в. 1750 551), *вексельный банк* (Приб. МВ 1784 3), *машкаратный дом* (ЖКФ 1713 14), *трактирный дом* (ДАЭ 77), *оперный дом* (Кар. ПРП I 222), *кофейный дом* (Пут. Сум. 128), *инвалидный дом* (Держ. Соч. I 7) и т. п.

Обширный и на всем протяжении XVIII в. активно пополняющийся ряд составили словосочетания, состоящие из прилагательных и существительных, обозначавших род деятельности, занятий человека, т. е. со словами *дело*, *мастерство*, *художество*, *работа*, *искусство*, *наука* и т. п. Эти сочетания обычно

---

[25] О функционировании сочетаний прилагательных с названиями лиц по профессии в XVII—XVIII вв. см.: Щеглова Н. А. Семантические преобразования имен прилагательных в составе устойчивых словосочетаний, обозначающих лиц по профессии, в языке XVII—XVIII вв.—В кн.: Актуальные проблемы лексикологии. Тезисы докладов лингвистической конференции. Новосибирск, 1967.

[26] Белошапкова В. А., Земская Е. А. Из истории отсубстантивных прилагательных, с. 13.

носят терминологический характер. Примеры многочисленны: *мачтовое дело* (МРФ II 519 1703), *фрегатное дело* (МРФ I 10 1702), *акцизные дела* (ПСЗ V 769 1719), *артиллерные дела* (АК I 70 1727), *шлюзное дело* (ДПС I 198 1711), *тялочное дело* (ЖКФ 1714 103), *мануфактурное дело* (ПСЗ VI 384 1721), *эверсное дело* (ПСЗ VII 8 1723), *монетное дело* (Тат. Ист. I 508), *минерное дело* (ЛВ II 6), *доковая работа* (Водохожд. 14), *галерная работа* (ПСЗ VI 360 1721), *штукатурные работы* (Топ. Оренб. I 32), *миниатюрная работа* (ЛВ II 405), *мусийная работа* (ЛВ II 438), *фресковая работа* (ЭМ I 87), *гаванная работа* (ПСЗ XXII 512 1786), *блоковое художество* (ПСЗ XVII 277 1785), *галерная служба* (АК I 5 1718), *инженерная наука* (ПСЗ XXI 868 1783) и т. п.

Большое число сочетаний слов типа *работник*, *мастер*, *служитель*, *дело*, *работа* и т. п. с новыми прилагательными от иноязычных основ было вызвано к жизни немецкими сложениями, которые легко калькировались.

Одним из типичных для XVIII в. видов относительных значений, передававшихся прилагательными в составе адъективного сочетания, было значение, синонимичное падежной конструкции с прииmенным родительным. В этих сочетаниях существительное может называть часть предмета, а прилагательное обозначать отношение к предмету, являющемуся целым. В других случаях такие сочетания обозначают отношения принадлежности. Создавались обширные ряды новых прилагательных от иноязычных основ для передачи рассматриваемых относительных значений. Этот процесс особенно активно протекал в первые десятилетия XVIII в., хотя не затухал и до его конца. Примеры многочисленны: *яхтовые снасти* (ПБП III 602 1704), *ворота гаванные* (ПБП II 399 1702), *гаубичный стан* (ПБП III 742 1705), *угол бастионовый* (Побежд. кр. 54), *клинки палашные* (ДПС II 37 1711), *глобусная плоскость* (Кн. мир. 71), *компасовая стрела* (Пос. КСБ 186), *шпажный гефес* (ТМУ 32), *пионный корень* (ФЭ 309), *лилейный стебель* (ЛВ II 286), *гарнизонная артиллерия* (ПСЗ XI 61 1740), *хвост кометный* (Лом. СС I 322), *хвост кометовый* (ЕС 1763 II 439), *шахтовые стены* (Шлат. Рудн. д. 65), *удилы мундштучные* (ПСЗ XVII 523 1766), *штыковые трубки* (Пут. Зуева 71), *пустарначные коренья* (ЭМ XVI 399), *ботовые мачты* (ПСЗ XXII 174 1784), *каминные ширмы* (Голиц. Соч. III 82), *камзольный карман* (Капн. Яб. 45) и т. п.

Возникали целые серии типизированных сочетаний-полукалек, в которых от первой, определительной части иноязычного сложения производилось прилагательное, а вторая, являясь родовым понятием по отношению к первой, передавалась русским существительным. Таковы сочетания, в состав которых входит существительное *дерево* как родовое понятие и прилагательное от иноязычной основы как его видовой определитель: *абрикосовое*, *абрикосное дерево* — нем. Aprikosenbaum, *апельсинное дерево* —

нем. Apfelsinenbaum, *драконное дерево* — нем. Drachenbaum, *кофейное дерево* — нем. Kaffeebaum, *манговое дерево* — англ. mangotree, *мастиковое*, *мастичное дерево* — нем. Mastixbaum, *меспелевое дерево* — нем. Mespelbaum, *тюльпанное дерево* — нем. Tulpenbaum, *цитронное дерево* — нем. Zitronenbaum.

Многие типизированные сочетания-полукальки с новыми прилагательными возникли на основе немецких сложений со второй частью — вещественным существительным (*земля*, *глина*, *масло*, *железо* и т. п.): *поццоланная земля* — Pozzolanerde, *мергельная земля* — Mergelerde, *ангеликовое масло* — Angeliköl, *ясминное масло* — Jasminöl, *шинное железо* — Schieneneisen, *вафельное железо* — Waffeleisen. Несколько примеров из текстов: «А оттуда [из Испании] выходит полосное и шинное железо, якоря, весла» (ЛК 41); «Ясминное, канфарное и ангеликовое масло варится таким образом, как и другия» (ФЭ 310); «Мергельная земля» (Минер. Северг. I 138); «Пепел, или так называемая поццоланная земля, есть третие огнедышащих гор произведение» (Гергард 136).

О непосредственном воздействии иноязычных сложений на формирование адъективных сочетаний с новыми прилагательными говорят и ряды сочетаний, в которых постоянный компонент — прилагательное — определяет разные существительные. Эти сочетания соответствуют сложениям немецкого и других германских языков. Таковы, например, прилагательные *вексельный* и *кофейный* в сочетаниях *вексельный банк* (нем. Wechselbank), *вексельное дело* (нем. Wechselgeschäft), *вексельный иск* (нем. Wechselklage), *вексельный курс* (нем. Wechselkurs), *вексельный устав* (нем. Wechselordnung), *вексельное обязательство* (нем. Wechselverbindlichkeit), *вексельный суд* (нем. Wechselgericht), *вексельный торг* (нем. Wechselhandel), *вексельное письмо* (нем. Wechselbrief); *кофейный дом* (нем. Kaffeehaus, англ. coffeehouse, голл. koffiehuis), *кофейное дерево* (голл. koffieboom, нем. Kaffeebaum), *кофейная чашка* (нем. Kaffeetasse, англ. coffeecup, голл. koffiekopje), *кофейный цвет* (нем. Kaffeefarbe, голл. koffiekleur), *кофейная мельница* (нем. Kaffeemühle, голл. koffiemolen). Несколько примеров из источников разных периодов XVIII в.: «Всякий рубль по 52 коп. голландских на курс вексельный» (АК IX 62 1713); «За вексельный иск, описанное и оцененное в 14 р. 57 к. оставшее после покойного судьи Правдолюбова стяжание, состоящее в верности к отечеству, нелицеприятии, правосудии имеет быть продано с публичного торгу» (Трут. 1769 48); «И вексельно письмо с ограбленного взяв, Не будет поступать по силе строгих прав» (Сум. СС VII 371); «А если бы взыскание по векселям не было столь строгое? Не было бы места легковерию, не было бы может быть плутовства в вексельных делах» (Рад. Пут. 112); «В кафейных домах производит сей сардонический смех особливыя удивительныя действия» (Прим. Вед. 1736 70); «Богатой смеялся скудному и не почитал его за дворянина потому, что он. . . не умел держать в руках кофейной чашки» (Эмин Фемист. 355); «Голова

и глаза кофейного были цвету» (Пут. Леп. I 132); «В Бресте на стене кофейного дому, в котором собралось несколько офицеров, написал некто разныя карикатуры» (МВ 1791 911); «Мельницы кофейныя лучшей доброты в тарифе означены» (Рад. ПСС III 53).

Лексико-семантические разряды новообразований с суффиксами *-н-*, *-ов-*

Широкое и абстрактное значение суффиксов прилагательных *-н-* и *-ов-*, их активное соединение с основами разной семантики создают немало препятствий при попытках выделить лексико-семантические группы производных с этими суффиксами. Несмотря на это, более или менее четко выраженные тенденции к их специализации прослеживаются уже с начала XVIII в.

Рассмотрение только неологических прилагательных не дает общей картины лексико-семантических разрядов прилагательных. Однако очевидно, что производные с суффиксами *-н-* и *-ов-* пополняли в XVIII в. достаточно определенные разряды как относительных, так и качественных прилагательных.

Прилагательные с суффиксами *-н-*, *-ов-* от основ конкретной семантики

В зависимости от языковых потребностей, как внешних, так и внутрисистемных, новыми прилагательными пополнялись лексико-семантические группы, определяющиеся либо общностью характера производящей основы (напр., прилагательные от названий растений), либо общностью семантики производных (напр., семантическая группа цветообозначений). В пополнении класса прилагательных немаловажное значение имели и потребности в новых словах определенных тематических групп (напр., прилагательные, связанные с названиями одежды и ее частей). Наконец, можно выделить особенно интенсивно пополнившиеся ряды новых прилагательных и по функциональному признаку. В частности, потребности в специальных терминах, создаваемых по определенным моделям, удовлетворялись и за счет прилагательных на *-ный* и *-овый*.

Относительные прилагательные с суффиксами *-н-* и *-ов-* легко возникали от названий материалов, тканей. В XVIII в. они дали значительную группу новообразований; ср.: *батистовый*, *блондовый*, *венисовый*, *вигоневый*, *гарнитурный* и *гарнитуровый*, *гарпиусный*, *грезетовый*, *глазетовый*, *гродетуровый*, *камлотный* и *камлотовый*, *канифасный*, *касторный*, *драгетовый*, *дымковый*, *каламенковый*, *казимировый*, *кисейный*, *клееночный*, *миткальный* и *миткалевый*, *мирсинный*, *парусинный*, *флоретный*, *коленкоровый*, *креповый*, *люстриновый*, *плисовый*, *поплиновый*, *саржевый*, *сафьяновый*, *ситцевый*, *тиковый*, *штофовый* и *штофный*.

Прилагательные от названий материалов, тканей составляют семантически однородную группу и обычно передают значение 'сделанный из чего'. Благодаря такому чисто относительному их значению развитие переносных значений в них в XVIII в. наблюдалось редко.

В ряду других лексико-семантических групп прилагательных особое место занимают прилагательные, соотносительные с существительными — названиями минералов, металлов, а также вещественными. Эта группа прилагательных в семантическом отношении также достаточно однородна. Они имеют значение 'сделанный из чего', 'состоящий из чего', 'содержащий в себе что'. Ряд прилагательных рассматриваемой лексико-семантической группы в XVIII в. пополнялся новообразованиями особенно интенсивно. Это было связано с развитием терминологии химии, минералогии и других отраслей науки, горной и металлургической промышленности. Новообразования данного ряда возникали на протяжении всего XVIII в.: *агатный*, *амбрный*, *адамантный*, *аквамариновый*, *амиантовый*, *амарантовый*, *аметистный*, *гранитный* и *гранитовый*, *асбестовый*, *арсениковый*, *антимонный*, *базальтовый*, *бирюзовый*, *бриллиантовый*, *бронзовый*, *висмутовый*, *волчецовый*, *вольфрамовый*, *ворванный*, *лазурный*, *калифонный*, *сажный*, *ртутный*, *пластырный*, *топазный* и *топазовый*, *колчеданный*, *хлоритный* и *хлоритовый*, *цирконный*, *фосфорный*, *яхонтный*, *галгантовый*, *гиацинтовый*, *гипсовый*, *диамантовый*, *известковый*, *кварцевый*, *квасцовый*, *кобальтовый*, *кровавиковый*, *лаковый*, *латунный*, *малахитовый*, *марганцевый*, *мергельный* и *мергелевый*, *металловый* и *метальный*, *молибденовый*, *мышьяковый* и *мышьячный*, *нектаревый*, *никелевый*, *перламутровый*, *пимсовый*, *плавиковый*, *платинный*, *сементный* и *сементовый*, *сланцевый*, *смарагдовый*, *тальковый*, *сульфурный*, *турфовый*, *фаянсовый*, *хромовый*, *цинковый*, *шмальтовый*, *шпатовый*.

С формированием терминологии ботаники, а также с расширением знаний о растительном мире разных стран связано появление большого числа прилагательных от названий растений и их частей. Таковы новообразования XVIII в. *абрикосный* и *абрикоз(с)овый*, *аврикульный*, *амигдаловый*, *ананасный* и *ананасовый*, *апельсинный*, *бакаутовый*, *бамбосовый*, *бергамотовый*, *бузинный* и *бузиновый*, *барбарисный*, *ветловый*, *грабовый*, *гробинный*, *жонкильный* и *жонкилевый*, *индиговый*, *какаосовый*, *картофельный*, *квитовый*, *кизиловый*, *каштанный*, *кипрейный*, *кокосный* и *кокосовый*, *крессалатный*, *кофейный*, *кукурузный*, *лавандовый*, *маеранный*, *мастичный* и *мастиковый*, *нарциссовый*, *оливковый*, *пионный*, *пустарначный*, *ренеттовый*, *розеновый*, *сабурный* и *сабуровый* *самбуковый*, *сельдерейный*, *спаржный* и *спаржевый*, *туберозный*, *тюльпанный*, *ульмовый*, *фиалковый*, *фисташковый*, *цикорейный*, *цитронный*, *чаберовый*, *чайный*, *чечевичный*, *шампинионный*, *шамшитовый*, *шипковый*, *шишковый*, *эбеновый*, *ясминный*.

Из других групп новых прилагательных от конкретно-предметных существительных отметим особенно сильно пополнившуюся во второй половине XVIII в. группу образований от названий частей организма человека и животного. Это было связано в значительной мере с процессом формирования терминологии зоологии, анатомии и физиологии, медицины, проходившим именно в это время. Ср.: *башечный*, *бедерный*, *бородавочный*, *брыжеечный*, *брюшной* и *брюховый*, *височный*, *грудинный*, *грудништный*, *гузенный*, *жаберный*, *жиловый*, *запястный*, *затылочный*, *зобный*, *кадычный*, *копытный*, *кострешный*, *крестцовый*, *крыловый*, *лбовый*, *лонный*, *мозговой*, *молочковый*, *мозольный*, *мошоночный*, *мышечный*, *нервный*, *ноздревой*, *озорочковый*, *плевный*, *плечевой*, *позвоночный* и *позвонковый*, *репичный*, *перепоночный* и *перепонковый*, *сальничный*, *селезеночный*, *скульный* и др.

Обширный ряд составили образования от конкретно-предметных основ существительных определенных тематических разрядов.

В первые десятилетия XVIII в. в связи с активным образованием терминологической военной и морской лексики разряд прилагательных с суффиксами *-н-* и *-ов-*, образованных от основ существительных этих тематических групп, пополняется особенно интенсивно. Ср.: *бастионный* и *бастионовый*, *бойничный*, *болворочный* и *болверковый*, *бомбовый* и *бомбный*, *брустверный*, *винтовочный*, *гаубичный*, *контр-шарповый*, *лафетный*, *мортирный*, *палашный*, *патронный*, *пистолетный*, *портупейный*, *равелиновый*, *рапирный*, *снарядный*, *шпажный*, *фоссебрейный* и *фоссебреевый*, *штандартный*, *картаульный*, *фашиновый* и *фашинный*, *шомпольный*, *эфесный*; *барочный*, *ботовый*, *брандвахтный*, *буерный*, *весельный*, *гондольный*, *канальный*, *понтонный*, *портовый*, *скампавейный*, *тялочный*, *фрегатный*, *шлюзный* и *шлюзовый*, *эверсный*, *яхтовый* и др.

На протяжении всего XVIII в. шло интенсивное пополнение группы прилагательных от названий одежды, ее частей и обуви. В преобладающей части это были новообразования от иноязычных заимствований данной тематической группы. Ср.: *галстушный*, *доминный* (*доминная маска*), *камзольный*, *карпеточный*, *кофточный*, *косыночный*, *лентный* и *лентовый*, *ливрейный*, *манжетный*, *мишурный*, *мундирный*, *муфточный*, *позументный*, *платошный*, *плащевый*, *пряжечный*, *пуговичный*, *саванный*, *сандалийный*, *сертушный*, *туфельный*, *тесемочный*, *фартучный*, *фишбейный*, *шароварный*, *шляпный*, *штиблетный*, *юбочный* и др.

Прилагательные других тематических разрядов от существительных конкретно-предметной семантики не составили обширных групп, подобных приведенным выше. Но они легко образовывались от основ конкретно-предметной семантики там, где возникала необходимость выразить какое-либо относительное значение. Ср. прилагательные от названий предметов домашнего обихода и быта (мебели, посуды, кушаний и т. п.): *шкатульный*,

стульный, *тапетный*, *шкафный*, *кухонный*, *кастрюльный*, *конфетный*, *крендельный*, *рюмочный*, *сервелатный*, *тортный* и т. п.; от терминов и номенклатуры различных видов искусств: *гобойный*, *клавесинный*, *лирный*, *монументный*, *нотный*, *плафонный*, *портретный*, *статуйный*, *фресковый*, *спондиевый*, *эстампный*; прилагательные от названий предметов, связанных с культурой, просвещением, периодической печатью и т. п.: *глобусный*, *журнальный*, *карандашный*, *букварный*, *газетный* и т. п.

Значение суффикса *-ов-* очень широкое. Он выражает «самое общее значение относительной прилагательности».[27] При этом смысловая соотнесенность производного с суффиксом *-ов-* и производящей основы сохраняется более отчетливо, чем это наблюдается в образованиях с суффиксом *-н-*, чаще осложняющихся качественными оттенками значений. По этой причине суффикс *-ов-* уже в XVIII в. широко применялся для образования прилагательных, входивших в терминологические сочетания. Многочисленные новообразования подобного рода свидетельствуют об активности этого процесса. Ср. составные термины с прилагательными на *-овый*: *глазовое стекло*, *жиловая гора*, *костовые рыбы*, *красковая земля*, *крыловые перья*, *кукловая трава*, *лбовые мышки*, *листковые прививки*, *шишковый куст*, *брюховые перья*, *звонковая трава*, *колесовые часы*, *перепонковые яйца*, *позвонковая кость*, *цветковые растения*, *цветовая чашка* 'чашечка цветка' и т. п.

Достаточно определенно выражена специализация суффиксов *-н-* и *-ов-* в образовании некоторых групп прилагательных от основ существительных, занимающих пограничное положение между конкретными и абстрактными. К ним относятся, например, прилагательные, соотносительные с названиями геометрических линий и фигур, воображаемых географических линий и т. п., прилагательные, соотносительные с названиями мер длины, веса, объема и т. п.

История образования и функционирования прилагательных, соотносительных с названиями геометрических линий и фигур, а также географических линий, связана с формированием словообразовательных типов с суффиксами *-ическ-* и *-альн-* (*кубический*, *конический*, *диаметральный*, *экваториальный* и т. п.). Прилагательные с суффиксами *-ическ-* и *-альн-* данной лексико-семантической группы особенно активно взаимодействуют с однокоренными образованиями с суффиксом *-н-*. В XVIII в. возник также целый ряд таких новообразований данного лексико-семантического разряда с суффиксом *-н-*, которые не имели параллельных образований с иноязычными суффиксальными элементами. Таковы образования от иноязычных основ: *вертикальный*, *диагональный*, *овальный*, *параллелограммный*, *параллельный*, *полигонный*, *пунктирный*, *спиральный*, *параллелепипедный*, *полициркульный* и др.

---

[27] Виноградов В. В. Русский язык, с. 231.

Ср. также прилагательные *парабольный*, *меридианный*, *пирамидный*, *экваторный*, функционировавшие в XVIII в. параллельно с образованиями *параболический*, *меридиональный*, *пирамидальный* и *пирамидический*, *экваториальный*.

Таким образом, в формировании рассматриваемой лексико-семантической группы прилагательных существенную роль играли образования с суффиксом *-н-*. Образования данного ряда с другими исконно русскими суффиксами не были устойчивыми и не закрепились в языке (ср. окказиональные образования *экваторовый*, *горизонтовый*, *квадратовый*, *спиральский* и т. п.).

Новые прилагательные, образовавшиеся в XVIII в. от существительных, обозначавших меры площади, длины, веса и т. п., оформлялись преимущественно с помощью суффикса *-ов-*. Таковы прилагательные *гаковый* (*гак* — мера земли; ср. нем. Haken), *футовый*, *дюймовый*, *ластовый* (*ласт* — мера корабельного груза в 120 пудов зерна; ср. нем Last), *марковый*, *лотовый*, *золотниковый*, *оксовый* и др. См. также прилагательные более широкого значения: *меровый*, *размеровый*.

Процесс развития качественных значений у рассматриваемой группы прилагательных в XVIII в. не был активным. Лишь немногие из новообразований уже в этот период приобретают расширительные, качественные значения. Многие же из них закрепляются в относительных значениях либо уходят из языка в связи с изменениями в системе словосочетаний.

На основе метафорических оттенков значений таких существительных, как *кабинет*, *карикатура*, *трактир*, *картина*, *туалет*, *рынок*, *фейерверк*, в прилагательных, образованных от них, развиваются качественные значения (*кабинет* — ‘уединенное место’, *картина* — ‘нечто наглядное, живописное’ и т. п.). См. примеры из источников последней трети XVIII—начала XIX в.: «Когда некоторыи из наших восклицают как будто негодуя, это не по-русски: то жалоба их не в том, чтоб те речения были противны свойству русского языка, но что оные положены не площадныя, не рыночныя, и словом, не подлыя, да и знающим знаемыя» (Тред. Тилем. Предызъясн. с. IX); «Разговоры [в немецкой драме] пустые и слабые, действующие лица карикатурные» (СПб. М. I 67); «А сколько раз было сказано, что художество не угоняется за поэзиею? в изображении сердца, конечно; но во всем картинном для глаз поэт ученик артиста, и должен трепетать, когда художник берет в руки его сочинение» (Кар. ПРП V 353); «Бюффон с жаром начал говорить мне о приятностях ученья, о щастии кабинетной жизни; сказал, что он всегда ставил себя вне общества» (Пант. ин. сл. I 122); «Между друзьями жены моей был сын одного знатного лорда. . . тоненькой эфирной Селадон, льстец, туалетной получеловек» (Пант. ин. сл. II 81); «Нельзя поэзией усовестить льстеца, Ни мота оперой исправить, ни лентяя, Стихами в краску ввесть нет способу лжеца, Иль вежству выучить трактирна негодяя» (П.-с. 146 1804).

Взаимодействие однокоренных образований с суффиксами *-н-* и *-ов-*

Несмотря на разницу структурно-семантических связей производящих основ и производных от них прилагательных с суффиксом *-н-*, с одной стороны, и с суффиксом *-ов-* — с другой, в сфере образования прилагательных от основ конкретно-предметного ряда они составляли один семантический тип. Выбор того или другого суффикса при производстве прилагательных обусловливался нередко лишь структурно-морфологическим характером производящей основы. Этим обстоятельством, в частности, объясняется выбор суффикса *-ов-*, а не *-н-* при производстве прилагательных от односложных существительных, заимствованных в XVIII в.:[28] *винтовой*, *гипсовый*, *плисовый*, *прессовый*, *пуншевый*, *сидровый*, *снуровой*, *тальковый*, *турфовый*, *ульмовый*, *флеровый*, *хромовый*, *цинковый*, *шпатовый*, *штыковой* и др.

Об общности значений производных с суффиксами *-н-* и *-ов-* свидетельствует большое число новообразований, составивших дублетные пары с этими суффиксами: *абрико(с)зный* и *абрикоз(с)овый*, *агатный* и *агатовый*, *адамантный* и *адамантовый*, *ананасный* и *ананасовый*, *бакаутный* и *бакаутовый*, *бастионный* и *бастионовый*, *барбарисный* и *барбарисовый*, *бергамотный* и *бергамотовый*, *биллиардный* и *биллиардовый*, *блочный* *[29] и *блоковый*, *болворочный* и *болверковый*, *бомбный* * и *бомбовый*, *брюшной* и *брюховый*, *бузинный* и *бузиновый*, *вестный* и *вестовый* (ср. *вест* 'запад'), *венисный* * и *венисовый*, *вигонный* и *вигоневый*, *виперный* и *виперовый*, *гарнитурный* и *гарнитуровый*, *гиацинтный* и *гиацинтовый*, *глазной* и *глазовый*, *голосный* и *голосовой*, *гранатный* и *гранатовый*, *гранитный* и *гранитовый*, *гротный* и *гротовый*, *драконный* и *драконовый*, *жавороночный* и *жаворонковый*, *жонкильный* и *жонкилевый*, *индуктный* и *индуктовый*, *инкарнатный* и *инкарнатовый*, *камлотный* и *камлотовый*, *капуцинный* и *капуциновый*, *карминный* и *карминовый*, *каштанный* и *каштановый* *, *кокосный* и *кокосовый*, *колчеданный* и *колчедановый*, *кометный* и *кометовый*, *компасный* и *компасовый*, *коральный* и *коралловый*, *красочный* и *красковый*, *крокодильный* и *крокодиловый*, *курантный* и *курантовый*, *кустный* и *кустовой*, *лентный* и *лентовый*, *листочный* и *листковый*, *майоранный* и *майорановый* *, *мастичный* и *мастиковый* *, *метальный* и *металловый*, *мергельный* и *мергелевый*, *миткальный* и *миткалевый*, *мышьячный* и *мышьяковый*, *модельный* и *моделиевый*, *нордный* и *нордовый*, *очажный* * и *очаговый*, *пастерначный* и *пастернаковый*, *перепоночный* и *перепонковый*, *петушный* и *петуховый*, *пионный* и *пионовый*, *печеночный* и *печенковый*, *плечный* и *плечевой*,

---

[28] Об ограничении образования прилагательных с суффиксом *-н-* от односложных существительных см.: Виноградов В. В. Русский язык, с. 222.

[29] Знаком * отмечены те прилагательные, которые появились в русском языке ранее XVIII в.

плитный * и *плитовый, плинтусный и плинтусовый, позвоночный* и *позвонковый, плодный* и *плодовый, полынный* * и *полыновый, полосный* и *полосовой, порцелинный* и *порцелиновый, провиантный* и *провиантовый, пурпурный* и *пурпуровый, рубежный* * и *рубежовый, рубинный* и *рубиновый, рульный* и *рулевой, скальный* и *скаловый* *; *спаржный* и *спаржевый, ствольный* * и *стволовой, стручечный* и *стручковый, супный* и *суповой, топазный* и *топазовый, тюремный* * и *тюрьмовый, улиточный* и *улитковый, фарфорный* * и *фарфоровый, фашинный* и *фашиновый, флоретный* и *флоретовый, фоссебрейный* и *фоссебреевый, флажный* и *флаговый, фрахтный* и *фрахтовый, хлоритный* и *хлоритовый, цветной* и *цветовой, цементный* и *цементовый* (*сементный* и *сементовый*), *цитронный* и *цитроновый, чаберный* и *чаберовый, шафранный* и *шафрановый* *, *шахтный* и *шахтовый, шлюзный* и *шлюзовый, штофный* и *штофовый, яхонтный* и *яхонтовый*.

Для многих из перечисленных дублетных пар разрешение дублетности оказалось процессом длительным,[30] не закончившимся и в настоящее время. Причины появления дублетных пар были разные. Одна из них — активизация процесса словообразования прилагательных с помощью суффикса *-ов-* в XVIII в. Ср. обширный ряд вновь образованных прилагательных на *-овый* при наличии ранее возникших однокоренных прилагательных на *-ный*: *блоковый, бомбовый, венисовый, каштановый, очаговый, плитовый, полыновый, рубежовый, скаловый, стволовой, тюрьмовый, фарфоровый* и др.

Как можно убедиться на примерах приведенных рядов дублетов с суффиксами *-н-* и *-ов-*, они образуются обычно от основ существительных конкретной семантики: от названий предметов (*бастионный* и *бастионовый, биллиардный* и *биллиардовый, бомбный* и *бомбовый, блочный* и *блоковый, кометный* и *кометовый, компасный* и *компасовый* и т. п.), от вещественных существительных (*колчеданный* и *колчедановый, метальный* и *металловый, мышьячный* и *мышьяковый* и т. п.), от названий минералов (*агатный* и *агатовый, адамантный* и *адамантовый, рубинный* и *рубиновый* и т. п.), от названий материй (*венисный* и *венисовый, вигонный* и *вигоневый, камлотный* и *камлотовый* и т. п.), названий цветов, образованных от заимствованных основ (*карминный* и *карминовый, пурпурный* и *пурпуровый*), от названий растений и частей растения (*абрикосный* и *абрикосовый, бузинный* и *бузиновый, кокосный* и *кокосовый, плодный* и *плодовый* и т. п.), от названий частей и органов тела человека и животного (*брюшной* и *брюховый, глазной* и *глазовый, плечный* и *плечевой, перепонковый* и *перепоночный* и т. п.). Реже наблюдается образование дублетных пар от основ другой семантики. Ср. не закрепившиеся в языке образования от названий сторон горизонта: *вестный — вестовый, нордный — нордовый*,

---

[30] Обширный список аналогичных дублетных пар, функционировавших в XIX в., дает Е. А. Земская (см. в кн.: Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного. . ., с. 357—358).

сравнительно немногочисленные образования дублетов от отвлеченных существительных (*фрахтный — фрахтовый*, *баловый — бальный*, *рубежный — рубежовый*, *полосный — полосовой*). Немногочисленность дублетных образований с суффиксами *-н-* и *-ов-* от отвлеченных имен является свидетельством того, что процесс образования таких прилагательных при помощи суффиксов *-ов-* не был активным.

Новообразования с суффиксом *-н-* от абстрактных существительных иноязычного происхождения

Обширный ряд новообразований с суффиксом *-н-* от абстрактных иноязычных существительных составили относительные прилагательные. Процесс их окачествления на протяжении всего XVIII в. не был активным. В числе прилагательных рассматриваемого словообразовательного типа, соотносительных с иноязычными основами абстрактных существительных, лишь небольшую группу составляют качественные прилагательные. При структурной соотносительности с существительными, усвоенными русским языком, семантически они были ближе к однокоренным прилагательным соответствующего языка-источника. При этом в ряде случаев разные их значения заимствовались не одновременно. Таковы прилагательные *азартный*, *авантажный*, *интересный*, *конфузный*, *манерный*, *секретный*, *траурный*, *фасонный* и др.

Прилагательное *авантажный* известно в русском языке с 1732 г., а наречие *авантажно* — с 1714 г.[31] Из многих значений прилагательного avantageux во французском языке (ʻвыгодный, полезный, преимущественный, привлекательный, видный, заносчивый, хитрыйʼ и др. — см. ФРЛ[2]) русским языком XVIII в. было усвоено прежде всего значение ʻвыгодныйʼ, соотносительно с употреблявшимся в это время существительным *авантаж* ʻвыгодаʼ: «. . .в получении авантажных кондиций при заключении мира» (АВ IV 263 1743); «Но я никогда о таком для меня неавантажном месте не думал» (Зап. Шах. 12); «. . .говорить о таком тебе авантажном щастии не принять той чести» (Ильдежерта 36) и т. п. Ср. наречие *авантажно*: «. . .и ежели крылья и тыл войска при воде, лесу, болоте и высокой горе авантажно поставлены быть могут» (УВ 1716 18).

Только во второй половине XVIII в. прилагательное *авантажный* приобретает другое значение французского прототипа — ʻприятный, привлекательный, видныйʼ, что дает основание соотнести его уже непосредственно с прилагательным avantageux.

---

[31] См.: Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Языковые контакты и заимствования. (Из серии «Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века» под ред. Ю. С. Сорокина). Л., 1972, с. 338.

Ср.: «Ба! Что я вижу? ты не авантажен!» (Перем. нр. 55); «Авантажные мысли» (Гист. доф. 17—17 об.). Аналогичной была история прилагательного *интересный*.[32]

Более независимо от иноязычных источников развивалась система значений у прилагательных *минутный*, *модный*.

Прилагательное *минутный* в начале XVIII в. функционировало только в относительном значении. Ср.: *минутныя склянки* (УМ 912). Во второй половине XVIII в. прилагательное *минутный* широко употребляется не только в отмеченном выше чисто относительном значении, но также и в значении 'длящийся минуту' (*минутное молчание* (Кар. ДВ IX 17) и в переносном значении 'кратковременный, мгновенный': *минутные неприятности* (Кар. ПРП I 146—147); *минутное побуждение* (ММ I 127); «. . .может минутно претворить в воздух горючий и смертоносный» (Рад. Чел. III 84) и т. п.

Прилагательное *модный* образовалось от одного из значений существительного *мода* 'принятые в данное время вкусы в отношении обычаев, манеры одеваться, одежды, предметов быта и т. п.'. Это значение в немецком и во французском языках XVIII в. передавалось описательно. Ср.: «Sich nach der Mode kleiden, по моде одеваться» (Ад. II 72); «Un habit à la mode, модное или по моде сделанное платье» (ФРЛ² II 143). Прилагательное *модный* и структурно и семантически соотносится с существительным *мода* (ср. фр. moderne, не совпадающее по значению с прилагательным *модный*). В русском языке XVIII в. оно было известно как в чисто относительном, так и в расширительном значении. Ср. сочетания *модный журнал*, *модный словарь*, в которых *модный* имеет относительные значения. Ср. также: «Наконец, купив каждая, что ей было надобно, вышли оне все из лавки; модная торговка так же ушла в другую комнату» (ПД I 155).

Значительно шире применялось это прилагательное в качественных значениях. Об этом свидетельствует его свободная сочетаемость с существительными разной семантики: *модные слова* (Рад.), *модная кокетка* (Крыл.), *модный цвет* (ММ), *модные вещи* (Трут.), *модный человек* (Сум.), *модной повеса* (СПб. М.), *модные щеголихи* (Лук. Пуст.), *модный свет* (Жив.) и т. п. Прилагательное *модный* приобретает все грамматические черты качественного прилагательного (ср. формы *моднее*, *самый модный*, *по-модному* и т. п.).

Как уже указывалось, более обширный ряд новообразований от абстрактных иноязычных основ составляют прилагательные с чисто относительными значениями. Их появление в русском языке вызвано особенностями лексико-грамматической системы русского языка, его практически неограниченными возможностями образования прилагательных для выражения различных синтак-

---

[32] См.: Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Языковые контакты и заимствования, с. 261.

сических отношений. Поэтому образование прилагательных вызывалось зачастую появлением нового заимствованного существительного. Так, для передачи различных значений приименного родительного падежа в XVIII в. использовались атрибутивные сочетания, и прилагательные могли возникать для передачи именно этих значений. Таковы прилагательные *аккордный*, *кантонный*, *балетный* и другие, впервые появившиеся в атрибутивных сочетаниях, синонимичных приименному родительному падежу; ср. *аккордные пункты — пункты аккорда* 'договора', *кантонные начальники — начальники кантона*, *балетные героини — героини балета*: «Аккордные пункты, как полковник и комендант Карл Густав Скитe в 1704 году, июля 14 дня, из города Дерпта в лагерь к господину фельтмаршалу его превосходительству Шереметеву послал» (ПБП III 643 1704); «Иметь кантонным начальникам прилежное бдение» (ПСЗ XXV 190 1798); «Я разписал ей все шаги и все поклоны; научил, как ей надобно плакать и какие приятности употреблять в движении рук, так как то часто делают балетные героини» (ПД I 253).

Ряд относительных прилагательных рассматриваемой группы обязан своим возникновением способности русского языка к конденсации описательных выражений в атрибутивные сочетания: Ср. *дуэльный*, *десертный*, *протокольный* в сочетаниях *дуэльное письмо* (т. е. письмо с вызовом на дуэль), *десертный столик* (столик для десерта), *протокольный стол* (стол, за которым пишутся протоколы) и т. п. Нередки случаи, когда прилагательные от иноязычных абстрактных основ возникали в составных терминах, которым в языке-источнике соответствовало одно наименование, ср. Arende (нем.) — *арендное владение*, Duplikat (нем.), duplicata (фр.) — *дубликатное письмо*, Fractur (нем.) — *фрактурная литера*, Formular (нем.) — *формулярное письмо*, garantie (фр.) — *гарантийный трактат*, pasquille (фр.) — *пасквильное письмо* и т. п.

Существенно пополняется ряд прилагательных от иноязычных абстрактных имен за счет калькирования, а также заимствования понятий, терминов, устойчивых и фразеологических сочетаний, которые передавались в русском языке атрибутивными сочетаниями и которым в западноевропейских языках соответствовали сложения или предложно-падежные конструкции. Это явилось причиной образования прилагательных *авизный*, *визитный*, *галантерейный*, *карантинный*, *корректурный*, *лицентный*, *лотерейный*, *оперный*, *пастельный*, *пробный*, *профильный*, *процентный*, *резервный*, *сигнальный*, *тарифный*, *транзитный*, *транспортный*, *фамильный*, *цензурный* и др., которые впервые появились в составных терминах: *авизное судно* (нем. Avisboot, Avisjacht), *лицентный дом* (нем. Lizentkammer), *оперный дом* (нем. Opernhaus, фр. opéra), *пробный камень* (нем. Probierstein, фр. une pierre de touche), *сигнальный выстрел* (нем. Signalschuß), *транспортное судно* (нем. Transportschiff, фр. un vaisseau de transport), *фамильный*

герб (нем. Familienwappen), *фамильное имя* (нем. Familiennamen), *визитная карта*, *визитный билет* (фр. billet de visite, carte de visite, нем. Visitenkarte), *галантерейные товары* (нем. Galanteriewaaren), *карантинный дом* (фр. la maison de quarantaine, нем. Quarantäne-Haus), *корректурный лист* (нем. Korrekturbogen), *лотерейный билет* (фр. un billet de loterie, нем. Lotteriezettel), *пастельная живопись* (нем. Pastellmalerei), *профильный портрет* (фр. un portrait de profil), *процентные деньги* (нем. Prozentgeld), *кредитное письмо* (фр. lettre de crédit; ср. *верющее письмо*), *резервное войско*, *резервная армия* (фр. corps de réserve, нем. Reservetruppen), *фрахтное письмо* (нем. Frachtbrief), *тарифное положение* (нем. Tarifgesetze), *транзитный торг* (нем. Transithandel), *цензурный комитет* (нем. Zensurkomitee) и т. п.

Рассматриваемая группа относительных прилагательных на протяжении всего XVIII в. имела узкую сферу распространения. Своим появлением такие прилагательные обязаны переводам. Сочетаемость их ограничена, обычно они входят в терминологические и устойчивые словосочетания. Это задерживало их окачествление и было одной из причин их устойчивого употребления в относительных значениях.

Новообразования с суффиксом *-н-* от исконно русских абстрактных существительных

С начала XVIII в. активизируется образование прилагательных, соотносительных с исконно русскими абстрактными существительными, преимущественно осложненной структуры.

Прилагательные рассматриваемого ряда фиксируют источники первых десятилетий XVIII в. Ср.: *диковинный*, *добычный*, *игрышный*, *почетный*, *прибежищный*, *простотный*, *рвотный*, *справедный*, *судорожный*, *тревожный*, *трясовичный* и др. Во второй половине XVIII в. процесс образования аналогичных прилагательных становится еще активнее. В это время возникли прилагательные *воспоминовенный*, *гульбищный*, *давежный*, *дележный*, *дороговизный*, *дрянный*, *затишный*, *зрелищный*, *игрищный*, *икотный*, *мгновенный*, *обрядный*, *огневичный*, *перепутный*, *повиновенный*, *покормежный*, *пословичный*, *радушный*, *сборищный*, *сомненный*, *судьбинный*, *условный*, *уютный*, *хлопотный*, *щедротный* и др.

Как видно из приведенных примеров, указанные новообразования соотносятся не только с морфологически простыми основами существительных (*почетный*, *справедный*, *обрядный*, *тревожный* и др.), но и с основами, осложненными суффиксами (*-ина*, *-ча*, *-ыш*, *-ище*, *-ота*, *-ица*, *-ение*, *-еж*, *-изна*, *-ье*, *-ие*).

Многие новообразования рассматриваемого ряда прочно закрепились в языке и в настоящее время имеют сложную систему значений (ср. *диковинный*, *почетный*, *тревожный*, *дрянной*, *зрелищный*, *мгновенный*, *радушный*, *условный*, *уютный*).

Наряду с этим следует отметить, что в числе рассматриваемой группы неологизмов оказалось большое число неустойчивых образований. Это свидетельствует о том, что тенденция к расширению словообразовательных связей абстрактных существительных с осложненными основами определенной структуры не получила дальнейшего развития. Не случайно поэтому при наличии дублетных образований более устойчивыми оказывались прилагательные от структурно не осложненных основ.

По-видимому, избыточными были вторичные образования от отадъективных основ типа *простотный*, *страшилищный*, *дороговизный* и т. п. Появившись в языке, они вступают в дублетные отношения с уже функционировавшими в языке прилагательными *простой*, *страшный*, *дорогой* и т. п. Об идентичности их значения свидетельствуют следующие примеры из источников XVIII в.:

«Им по чину своему подобает носить самое простотное одеяние» (Пос. КСБ 132).

«Платье на неи гораздо простое, и имеет руки и шею весма закрыту» (ЕОЛ 29).

«Чтоб не принужденным быть дороговизное строение в ямах производить: того ради когда случается, что рудная жила клином пустаго камня пересечется, то ево без добывания оставить» (Шлат. Рудн. д. 54).

«Купцы на перекор просили нас в свои лавки и кричали, что у них есть самые дорогие товары» (ПД I 196).

«Нас притом наделил довольства щедротна дарами» (Тред. Тилем. I 16).

«. . .она щедрым награждением вкореняет добродетель» (Лом. СС I 202).

Избыточные образования более сложной структуры не закрепились в языке и либо ушли из употребления совсем, либо стали малоупотребительными.[33] Неустойчивыми оказались и образования *судьбинный*, *справедный*, *воспоминовенный*, *гульбищный*, *давежный*, *дележный*, *затишный*, *игрищный*, *игрышный*, *перепутный*, *повиновенный*, *прибежищный*, *сомненный* и некоторые другие. Одни из них были вытеснены однокоренными образованиями по другим моделям (*справедный* — *справедливый*, *сомненный* — *сомнительный* и т. п.). Другие, будучи образованными для выражения чисто синтаксических отношений, ушли из употребления в результате изменившейся системы словосочетаний. Ср. соотношение сочетаний *судьбинный предел* и *предел судьбины*, *прибежищная всего света Порта* и *Порта, являющаяся прибежищем всего света*, *гульбищное место* и *место для гульбища* и т. п., в которых первые сочетания являются архаичнее вторых: «Следую

---

[33] ССРЛЯ в 17 томах прилагательных *щедротный*, *простотный*, *дороговизный* не приводит.

я судьбинну пределу» (Тред. Тилем. I 78); «. . .вашей высокой и прибежищной всего света Порте» (ПСЗ VI 166 1720); «Гульбищное место» (САР II 428) и т. п.

Из числа абстрактных существительных осложненной морфологической структуры более высокой словопроизводственной активностью отличались в XVIII в. существительные на *-ость*. Это было связано с сильной активизацией образования существительных на *-ость* в рассматриваемый период. Качественные прилагательные от существительных на *-ость* (типа *радость*, *ярость*, *юность*, т. е. образованных от непроизводных первообразных прилагательных) были известны еще древнерусскому языку. См. в Материалах И. И. Срезневского: *мерзостный*, *радостный*, *хитростный* и др.[34] По их образцу, вероятно, в XVIII в. возникли прилагательные *бодростный*, *веселостный*, *краткостный*, *легкостный*, *ничтожностный* и др.

Ср. у И. Т. Посошкова: «И такая стрельба угодна при потехе или при банкете веселостном» (КСБ 47); «И аще такой краткостной суд будет ворам и разбойникам, то им страшнее жестоких смертей будет» (КСБ 71); «И аще кто узрит неправостную статью, то бы без всякого сумнения написал бы, что в ней неправости» (КСБ 163); «И ради охранения от таковые гибели всем крестьянам надлежит великаго государя указ сказать новостный» (КСБ 161) и т. п.

Приведенные выше прилагательные, так же как и производящие основы соответствующих существительных на *-ость*, имеют качественное значение.

Наряду с этим наблюдается образование и относительных прилагательных от существительных на *-ость*. Ср.: *верностный*, *должностной*, *плоскостный*, *поверхностный* и др. Эти прилагательные входят в устойчивые терминологические сочетания (ср. *верностные наследия*, *верностное послушание*). Они синонимичны падежным конструкциям (ср. *верностная присяга — присяга в верности*, *плоскостное содержание квадрата — содержание плоскости квадрата*, т. е. площадь квадрата, *поверхностный земной слой — слой земной поверхности* и т. п.):[35] «Константия мати его пред Филипом французским королем о смерти сына своего суд начинает,

---

[34] См. также у Е. А. Охомуш: *кротостный*, *дерзостный*, *лютостный* и др. (Охомуш Е. А. Суффиксы прилагательных *-н-*, *-ск-* в русском языке (на материале исторических повестей XVI и XVII вв.). — Наукові записки Дніпропетровського державного університету. 1958, т. 64, вип. 15, с. 52).

[35] Ср. в современном русском языке аналогичные новообразования (*сказуемостный*, *стоимостный*, *разностный*, *ценностный*, *повинностный*). Об активизации словообразовательного типа прилагательных на *-остный* в области современной научной терминологии см.: Даниленко В. П. Имена существительные (нарицательные) как производящие основы современного словообразования. — В кн.: Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1964, с. 66—67. Об образовании терминологических прилагательных на *-остный* типа *жидкостный*, *влажностный*, *мощностный* в современном языке см.: Словообразование современного русского литературного языка. М., 1968, с. 109—111.

понеже в его верностном послушании Иоанн король ради владения стран французских был» (Пуф. Ист. 113); «Присягу верностную о наследии Норманнии, французскому королю Гвилием Генриков сын творити принужден» (Пуф. Ист. 109) — ср. более позднее: «Присяга верности» (ПЖ 1790 I 227); «Народ все нужный, должностной» (Дмитр. I 41); «Исчислить плоскостное содержание квадрата или параллелограмма называется сыскать произведение двух расширений данной фигуры» (Геом. Назар. I 65); «Выходит кровь на поверхностные части тела» (Аничк. 1783 10); «Здесь же довольно предложить мое понятие о происхождении поверхностного земного слоя» (Ист. Бюф. I 228). В конце XVIII в. за прилагательным *поверхностный* закрепляется переносное значение: «Французские сочинения от того очень мелки и поверхностны, что авторы их не ученые люди, и только собственным умом работают» (МЖ VI 326) — ср. определение прилагательного *поверхностный* в Словаре Академии Российской: «1. Наружный. 2. В отношении к познаниям человеческим значит: малый, не основательный. В науках поверхностное токмо имеет понятие» (I 632).

Новообразования с суффиксом *-ов-* от существительных абстрактной семантики

Разряд прилагательных от существительных непредметной семантики увеличивается в XVIII в. и за счет образований с суффиксом *-ов-*. Правда, в XVIII в. они не составили обширной группы, так как суффикс *-ов-* в это время достаточно четко специализировался на передаче конкретных значений.[36] При этом появление значительного числа неологизмов от абстрактных имен с суффиксом *-ов-* было вызвано чисто формальными причинами (ср. неологизмы от основ с группой согласных на конце: *вахтовый*, *вакансовый*, *глянцевый*, *сортовой*, *фрахтовый*, *штурмовой*, *блесковый*, *игровой*, *лосковый*, *оптовый* и др.). Ряд прилагательных с суффиксом *-ов-* возник от таких абстрактных имен, от которых устойчивее оказались впоследствии дублетные образования по новым моделям (ср. *деклинациевый* и *деклинационный*, *пневматиковый* и *пневматический*, *спондиевый* и *спондеический* и др.).

Известное оживление словопроизводства прилагательных на *-овый* от имен абстрактной семантики, наметившееся уже

---

[36] Для XIX в. Ю. С. Сорокин и Е. А. Земская отмечают активизацию образования прилагательных с суффиксом *-ов-* от основ абстрактной семантики — ср. *массовый*, *нулевой*, *обрядовый* и пр. (Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава. . ., с. 271; Земская Е. А. О некоторых фактах развития словообразовательной системы современного русского языка. — В кн.: Проблемы современной филологии. М., 1965, с. 142). См. также: Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного. . ., с. 354, где отмечается активизация в XIX в. образования прилагательных на *-овый* от основ абстрактной семантики.

в XVIII в., вызывало к жизни окказиональные образования данного ряда, которые, однако, не выдерживали конкуренции с более устойчивыми однокоренными образованиями с суффиксом *-н-* (*-енн-*). Таковы дублетные пары *ремесловый* — *ремесленный*, *моделиевый* — *модельный*, *баловый* — *бальный*. Так, неустойчивым оказалось образование *ремесловый*, не закрепившееся в языке. Ср.: «Из того костела пошли чинами: прежде пошли ремесловые люди каждого ремесла со своею хоруговью» (Пут. Толст. I 330); «Многие ремесленные люди, которые не имеют довольно прокормиться, на службу нанимаются» (Вед. I 1703 30). Индивидуальное образование В. В. Капниста *баловый* также не закрепилось в языке: «Бал был у Эрмитажа, как курьер привез весть о смерти князя. Все баловое исчезло. Совет экстраординарный собран, и государыня тотчас выслала графа Безбородко в Яссы» (Капн. СС II 356 1791). Ср. прилагательное *бальный*, появившееся ранее и закрепившееся в языке: «Играла бальная музыка, а потом пел хор певчих» (Кор. АИ 20).

Новообразования с суффиксами *-н-* и *-ов-* от названий животных

В сравнении с лексико-семантическими группами прилагательных на *-ный* и *-овый*, составившими обширные ряды новообразований от основ конкретно-предметных и отвлеченных существительных, неологизмов аналогичного образования от названий животных в XVIII в. было значительно меньше. Лексико-семантический разряд названий животных принадлежит к числу таких, которые представляют собой более или менее замкнутую систему. Поэтому словопроизводственная база для прилагательных, соотносительных с названиями животных, ограничивается числом производящих основ.

Благодаря высокой продуктивности модели с суффиксом *-ов-* от названий животных до рассматриваемого периода [37] разряд прилагательных данной семантики в основном сформировался уже к началу XVIII в. Памятники русской письменности от древней поры до конца XVII в. фиксируют большое число образований на *-овый* от названий животных [38] (*барсовый*, *бобровый*, *горностаевый*, *ехидновый*, *змеевой*, *козловый*, *коневый*, *кротовый*, *львовый*,

---

[37] О формировании суффикса *-овый* из суффикса притяжательных прилагательных *-ов* см.: Виноградов В. В. Русский язык, с. 191—194. Об истории функционирования прилагательных на *-овый* от названий животных, а также о взаимодействии однокоренных образований на *-овый*, *-иный*, *-ий* в конце XVIII—XIX в. см. кн.: Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного . . ., с. 334—342.

[38] Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I—III. СПб., 1893—1903; Картотека ДРС (Институт русского языка АН СССР, Москва).

мамонтовый, *моржовый*, *орловый*, *осетровый*, *песцовый*, *псовый*, *раковый*, *слоновый*, *енотовый*, *сомовый*, *сурковый*, *тресковый*, *хариузовый*, *хорьковый*, *частиковый*, *язевый* и др.).

Появление в XVIII в. неологизмов данного ряда было вызвано отчасти общими тенденциями развития словарного состава русского языка этого периода, отчасти внутренними условиями развития и взаимодействия рассматриваемого типа образований с однокоренными прилагательными по другим моделям.

Уже для начала XVIII в. словосочетания, в которых прилагательные на *-овый* от названий животных выражали субъект или объект действия при отглагольном существительном, были архаичными. Поэтому новообразования на *-овый* для выражения данных отношений возникали редко и относились к первой половине XVIII в. Прилагательные *лебедевый*, *петуховый* относятся к числу таких образований. Ср. сочетания *лебедевое пение* (ВЛ 565), *петуховый крик* (ЛВ I 411). Употребление этих прилагательных было эпизодично, они не выдержали конкуренции с более стойкими образованиями *лебединый* и *петушиный*.

Число производных от основ названий животных на *-овый* растет в XVIII в. в основном за счет образований от заимствований этого периода, а также за счет проникновения в письменные источники этнографизмов, локально ограниченной лексики из описаний различных географических областей, их природы и животного мира. Особенно заметно обогатился литературный русский язык новыми названиями животных из трудов С. Крашенинникова, И. Лепехина, В. Зуева и др.

Прилагательные рассматриваемого ряда употреблялись обычно в относительных значениях. Разорвав семантические связи с притяжательными прилагательными на *-ов*, обозначавшими индивидуальную принадлежность, они стали обозначать отношение к роду животных, свойственности роду животных. Типичным для этих прилагательных было значение ‘сделанный, приготовленный, изготовленный из кожи, шкуры, мяса и т. п. такого-то животного’. Многие новообразования XVIII в., входящие в данную лексико-семантическую группу, обычно функционировали именно в этих значениях. Таковы прилагательные *виперовый*, *выдровый*, *кабарговый*, *кайковый*, *кроликовый*, *пескаревый*, *щокуровый*, *муксуновый*, *сырковый*, *устерцовый* и др. Несколько примеров: «Волчьи, лисьи, медвежьи, выдровые и бобровые [меха]» (Бюшинг 68); «Рога и струя кабарговая ценою на 36 212 [руб.]» (Рад. Торг. 83); «Зимнюю обувь шьют из сушеной рыбьей кожи, а особливо чавычьей, кайковой и няркиной» (Краш. ОЗК II 46); «Муксуновые, щокуровые, сырковые кишки» (Зуев Сиб. 71); «Устерцовые раковины» (Секр. Альб. 23) и т. п.

Обогащение группы прилагательных на *-овый* от основ названий животных в XVIII в. было вызвано и изменением смысловой соотнесенности производящей и производной основ. Все чаще у таких прилагательных начинает появляться значение ‘такой,

как у. . .; похожий чем-либо (цветом, формой и т. п.) на . . .', т. е. первоначальное значение отношения к роду животного осложняется дополнительными оттенками.

Прилагательные в сочетаниях типа *вигоневый цвет*, *жаворонковое дерево*, *крокодиловые слезы* и т. п. по своим семантическим связям выходят за рамки лексико-семантической группы производных от названий животных. Для выражения качественных оттенков значений, которые у них появляются, оказываются одинаково пригодными как суффикс *-ов-*, так и суффикс *-н-*. Поэтому в XVIII в. появляется ряд однокоренных образований от рассматриваемых основ с суффиксами *-н-* и *-ов*: *виперовый* и *виперный*, *крокодиловый* и *крокодильный*, *улитковый* и *улиточный*, *жаворонковый* и *жавороночный*, *драконовый* и *драконный*, *вигоневый* и *вигонный* и некоторые другие.[39]

На образование новых прилагательных с суффиксами *-н-* и *-ов-* от названий животных известное влияние оказывал иноязычный материал. Так, прилагательные *улиточный* и *улитковый*, *блошный*, *селезневый*, *жаворонковый* и *жавороночный*, *чижовый* появились в русском языке в результате калькирования. *Улитковый* (и *улиточный*) представляет собой кальку с лат. spiralis (linea spiralis 'спиральная линия'); ср. нем. Schneckenlinie. Прилагательные *улиточный* и *улитковый* в указанном значении известны с начала XVIII в.: «Линею спиралную или улиточную токмо полуциркулями начертить» (Геом. 1709 90); «Линея спиралис, или улитковая линея» (Геом. 1709 19); «Перевязаны оные стропилы бревнами, которыя по связании всех стропил улиточное изображение представляют» (Шлат. Рудн. д. 108); «Сии органическия частицы были улитковыя пружины» (Ист. Бюф. III 188). Интересно отметить, что в значении 'свойственный улитке, принадлежащий улитке' в XVIII в. функционировало только прилагательное *улитковый*: *улитковая кожа* (ВЛ 526); *улитковая раковина* (ЭМ I 25) и т. п.

Прилагательные *блошный*, *селезневый*, *чижовый* появились в русском языке также в результате калькирования для обозначения цвета. *Жаворонковый* и *жавороночный* в сочетании с существительным *дерево* представляет собой кальку с нем. Lärchenbaum.

Для выражения разного рода качественных значений, а также для передачи иноязычных терминов средствами русского языка на русской почве были образованы прилагательные с суффиксами *-н-* и *-ов-* от иноязычных основ названий животных: *вигоневый* и *вигонный* (цвет) (фр. de vigogne), *драконовое* и *драконное дерево* (фр. arbre-dragon, нем. Drachenbaum), *крокодиловые* и *крокодильные слезы* (нем. Krokodilstränen, фр. les larmes de crocodile) и др.

---

[39] В XVIII в. начинают появляться образования типа *червный* (ср. *червь*), *глистный*, *блошный* и т. п. с суффиксом *-н-*. Они имеют значение 'такой, как. . .'.

Лексико-семантические разряды новообразований с суффиксом *-ск-*

Многочисленные новообразования с суффиксом *-ск-* и его производными *-еск-*, *-(и)йск-*, *-ейск-*, *-овск-*, *-инск-*, *-енск-* на протяжении всего XVIII в. активно пополняли целый ряд лексико-семантических групп прилагательных. Сфера применения суффикса *-ск-* и его производных в XVIII в. была более ограниченной по сравнению с суффиксами *-н-* и *-ов-*.[40] Он был связан с определенным кругом производящих основ: названий лиц (собственных и нарицательных), названий коллективов людей, учреждений, различного рода совокупности людей и предметов, географических наименований. Меньше образований дал в XVIII в. суффикс *-ск-* от основ абстрактных имен.

В сфере основ конкретной семантики, а также основ названий животных суффикс *-ск-* в XVIII в. не был продуктивным.

Окказиональные образования XVIII в. от основ названий животных типа *крокодильский*, *мериносский* (ср. *меринос*), *псовский*, от вещественных существительных и основ конкретно-предметной семантики типа *адамантский*, *асфальтийский* и *асфальтидский*, *галмейский*,[41] *кармазинский*, *корабельский*, *спиральский*, *тимпанский* не закреплялись в языке. Их появление было эпизодическим и вызывалось чрезвычайной активностью словообразования и известной неупорядоченностью нормирования, особенно в первой половине XVIII в., когда появилась бо́льшая часть перечисленных неологизмов.

Новообразования с суффиксом *-ск-* от имен лиц

В потоке иноязычных заимствований XVIII в. весьма существенную роль играли имена лиц по профессии, роду занятий, должности, социальному положению и т. п. Они составили обширный фонд производящих основ, к которым с большой степенью регулярности присоединялся суффикс *-ск-* или один из его производных.

Формирование лексико-семантической группы прилагательных на *-ский* от иноязычных основ имен лиц шло в значительной мере более независимо от их иноязычного прототипа, чем это наблюдается в кругу прилагательных от иноязычных основ с суффиксами *-н-* и *-ов-*. Это объясняется тем, что их функции и сочетаемость определялись внутрисистемными лексическими и грамматическими свойствами русского языка.

---

[40] Это же относится и к предыдущим и к последующим периодам развития русского языка (Виноградов В. В. Русский язык, с. 227; Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного. . ., с. 346).

[41] «В числе красок считаются: светло- и темнокрасная вохра, галмейская земля» (Бюшинг 38).

Исключение составляют прилагательные от имен лиц, входящие в составные термины или устойчивые словосочетания, которым в западноевропейских языках соответствовали существительные предложно-падежной конструкции или первой части сложения. В этих случаях прилагательное на *-ский* было средством передачи иноязычного заимствования русскими лексико-грамматическими категориями (ср.: фр. corps de pages, нем. Pagencorps — *пажеский корпус*, нем. Admiralschiff — *адмиральский корабль*, нем. Bombardierschiff — *бомбардирский корабль*, фр. un régiment de grenadiers, нем. Grenadierregiment — *гренадерский полк*, фр. un régiment de cuirassiers, нем. Kürassierregiment — *кирасирский полк*, фр. le corps de cadets, нем. Kadetenkorps — *кадетский корпус*, фр. le club de jacobins — *якобинский клуб* и т. п.).

Но значительно чаще прилагательные на *-ский* от имен лиц иноязычного происхождения характеризуются сочетаемостью, свойственной русскому языку независимо от иноязычного прототипа. Они входят в лексико-грамматическую систему русского языка и создаются в соответствии с ее законами и потребностями.

Одновременно с этим активизируется процесс образования имен лиц от исконно русских основ,[42] которые в свою очередь послужили базой для образования новых прилагательных на *-ский*.

В дополнение к внешним факторам, объясняющим рост лексико-семантической группы прилагательных на *-ский* от имен лиц, укажем внутренние. Прилагательные на *-ский* от имен лиц составляли в XVIII в. семантически емкий словообразовательный тип. Неологические прилагательные данного словообразовательного типа возникали для выражения отношений личной и родовой принадлежности, свойственности, субъектно-объектных отношений и т. п.

С начала XVIII в. шел активный процесс вытеснения притяжательных прилагательных на *-ов-*, *-ин-*, *-j-* однокоренными относительными прилагательными других моделей и лексико-семантических классов. К концу XVIII в. этот процесс активизируется.[43] Прямым последствием этого явился интенсивный рост категории прилагательных на *-ский* от имен лиц за счет новообразований, заметно усиливавшийся по направлению к концу XVIII в. Притяжательные прилагательные на *-ов*, *-ин*, *-j-* зачастую не выдерживали конкуренции с семантически более емкими прилагательными на *-ский*. Последние выражали разнообразные смысловые оттенки, имели меньше структурных ограничений по

---

[42] См. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного ..., с. 20—50.

[43] Подробнее об истории постепенного вытеснения притяжательных прилагательных на *-ов*, *-ин*, *-j-* прилагательными на *-ский* и приименным род. п. см. в кн.: Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного. . ., с. 284, 320—332. В этой работе указана подробная библиография по истории притяжательных прилагательных.

сравнению с притяжательными прилагательными и поэтому легко их вытесняли.

Как и на протяжении всего предшествующего периода, в XVIII в. прилагательные на *-ский* соотносились преимущественно с именами лиц мужского рода. На протяжении всей истории русского языка появлялись единичные прилагательные на *-ский* от имен лиц женского рода.[44] В XVIII в. производство существительных, обозначающих лиц женского рода, также не было активным. Поэтому и для образования новых прилагательных от них не было такой широкой базы, как от названий лиц мужского рода. Следует также иметь в виду, что, как правило, имена лиц женского рода имеют более сложную морфологическую структуру, так как они представляют собой обычно производное от названия имени лица мужского рода. Это было еще одним препятствием для возбуждения их словообразовательной активности. К этому следует добавить, что во многих случаях прилагательные на *-ский* передавали такие отношения, которые не требовали противопоставления по полу или грамматическому роду.[45]

Различные лексико-семантические группы прилагательных на *-ский* от имен лиц пополнялись новообразованиями по-разному в зависимости от того, какие отношения они передавали. Активность их образования зависела также от характера их сочетаемости и от семантического объема производящих основ.

Вновь образованные прилагательные рассматриваемого лексико-семантического разряда свободно входили в сочетания, передававшие значение личной принадлежности. Это значение прилагательные на *-ский* выражали и в ранние эпохи развития русского языка.[46] Однако такое употребление рассматриваемых прилагательных в древнерусском языке было явлением ограниченным.[47] Для XVIII в. это был живой и активный процесс, так как его активность поддерживала и возбуждала конкуренция прилагательных на *-ский* и притяжательных прилагательных на *-ов*, *-ин*, *-j-*.

Многие новообразования на *-ский*, выражавшие значение личной принадлежности, не соотносились с однокоренными притяжательными прилагательными на *-ов*, *-ин-*, *-j-*. Идею притяжательности для ряда вновь возникающих неологических имен лиц оказывается возможным выразить только с помощью прилага-

---

[44] См.: Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного. . ., с. 298. К приведенным в работе новообразованиям XVIII в. от женских имен лиц *амазонский* и *дамский* добавим прилагательное *фрейлинский*, а также не сохранившиеся до настоящего времени *ворожеиский*, *подружеский*.

[45] Даниленко В. П. Имена существительные. . ., с. 70.

[46] Георгиева В. Л. Некоторые вопросы истории относительных прилагательных в русском языке. — Уч. зап. Лен. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. 1957, т. 130, с. 24.

[47] Там же.

тельных на *-ский* (или родительного приименного). Прилагательные на *-ов*, *-ин*, *-j-* перестают воспроизводиться с регулярностью, которая была свойственна в большей степени предшествующим периодам развития русского языка.[48]

Для целого ряда неологических имен лиц старая форма выражения принадлежности становится непригодной. Это в особенности характерно для слов иноязычного происхождения,[49] а также для многих исконно русских имен сложной морфологической структуры.

Можно привести большое число примеров применения прилагательных от имен лиц на *-ский* в источниках XVIII в., выражающих идею личной принадлежности, причем им не была свойственна какая-либо стилистическая или жанровая ограниченность. Вот несколько примеров (преимущественно из источников первой половины XVIII в.):[50] «. . . послано с адмиралским денщиком нарочно» (ПБП III 348 1705); «Граница между обоими государствы Россиею и Швециею начинается от большаго камня, которой лежит на косе Гупониэми. . . оттуда на норден-вестен. . . оставляя пасторской двор и капланской на вест» (ПСЗ VII 36 1723); «. . . которые поедут из приморских мест или из уезду, миновав С. Петербург, те б за помещиковыми или за прикащиковыми и управительскими руками, хотя и без записки в полиции, токмо от знаемых людей, и без того отнюдь не ездили» (ПСЗ XI 505 1741); «. . . не соизволено ль будет меньшаго администраторскаго брата. . . рекомендовать королю Прускому к произведению в полковники» (АВ IV 281 1743); «Пагубно оно [честолюбие] в сердце придворнаго человека, или в министерском» (Бакон 153); «Сему положению должно быть в форме маленькой диссертации о физиологической вещи, по выбору президентскому или бакалаврову, который оную защищает» (ПЭ III 48); «Всегда принужден бывает ретироваться, когда загремят громы из уст баронских» (Кар. ПРП III 268) и т. п.

---

[48] Так, Е. А. Алехина отмечает, что в XVIII в. притяжательные прилагательные образуются от меньшего числа семантических групп существительных по сравнению с XVI—XVII вв. См.: Алехина Е. А. Словообразование и склонение притяжательных прилагательных в литературном языке XVIII в. (Ломоносов, Тредиаковский, Сумароков). — В кн.: Вопросы творчества и языка русских писателей (XVIII—XX вв.), вып. I. Новосибирск, 1960, с. 49.

[49] Характерен, например, список членов семей военнослужащих, приводимый в документе 1713 г. о выдаче хлебного жалованья. В нем отношение личной принадлежности от русских имен лиц выражают притяжательные прилагательные, от иноязычных — прилагательные на *-ский*: «Урядничьих сержантских матерей 8, жен 10; каптенармусских матерей 3, жен 10; подпрапорщичьих матерей 2, жен 6; писаревых матерей 2, жен 2; фурьерских матерей 2; капральских матерей 13, жен 25; барабанщиковых матерей 5, жен 2; обозничьих жен 1» (ДПС III 829 1713).

[50] Об употреблении прилагательных на *-ский* в аналогичном значении во второй половине XVIII в. см. в кн.: Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного. . ., с. 316—317.

Выражение прилагательными от имен лиц на *-ский* отношения принадлежности к нескольким лицам было также обычным для XVIII в. Неологизмы по этой модели создавались и для выражения этого рода отношений. Вот несколько примеров: «. . . либо имянно помянетца о числе и имянах асессорских» (Артикул 9); «Следующего дня Мухоплев со служивыми людьми, приступя к острожку изменническому, стали вал валить и из-за валу оной острожек с бою взяли» (Краш. ОЗК[1] 747); «. . . грабительски сердца наполнилися жолчью» (Сум. Притчи 95); «Мятежническое гнездо» (МВ 1794 1845); «Союзническая партия» (ПЖ 1790 I 289) и т. п.

Неологические прилагательные от имен лиц на *-ский* на протяжении всего XVIII в. характеризовались свободным вхождением в сочетания, передававшие отношение субъекта к действию, выраженному определяемым глагольным существительным. Этот тип отношений был свойствен и древнерусскому языку, хотя чаще в функции определения в подобных сочетаниях выступали притяжательные прилагательные с суффиксами *-ов*, *-ин*, *-j-*.[51]

Свободное употребление вновь образованных прилагательных на *-ский* в указанном значении без каких-либо жанровых и стилистических ограничений подтверждают многочисленные примеры из источников XVIII в., причем в ряде случаев рассматриваемые прилагательные впервые фиксируются именно в этой функции. Приведем несколько примеров: «. . . по указу государя и по министерскому приговору велено присылать из губернии в определенные места. . . на год по третям» (ДПС I 15 1711); «А иностранные и незнакомые, без позволения и указу комендантского, ежели взоидут на вал, наказаны будут» (Артикул 30); «Если кто от учителеи противен покажется академицким уставом, и непреклонен наставлению ректорскому, таковаго ректор объявит в духовное коллегиум» (ДР 27); «. . . без отвода квартирмейстерского никаких квартир занимать не дерзали, и с двора на двор не переходили» (ПСЗ VI 299 1721); «Губернаторские представления все на том окончили: чтоб Мир-Вейсу возвратиться в Кандагор не дозволять» (Сойм. КМ V 389); «. . . от такова ж камисарскаго недозрения в припасех и в хлебных запасех козны много с сего света погибает» (Пос. КСБ 276); «. . . во всех монастырях иметь трапезы общия, располагая все к разсмотрению настоятельскому» (ПСЗ XVII 557 1766); «. . . без трудов операторских течение крови ясно видеть можно» (Трут. 1770 122); «Пошел я к губернатору Щербинину, не ведав их родства, просить, дабы он умерил почтмейстерское сребролюбие» (Пут. Зуева 197); «. . . производят оне [грации] на сем мягком травянистом месте подружеские свои пляски» (УС 1778 III 362) и т. п.

Для многочисленных производных от имен лиц на *-ский*,

---

[51] Георгиева В. Л. Некоторые вопросы истории относительных прилагательных. . ., с. 47.

возникших в XVIII в., рассмотренные выше значения не были основными. Значительно чаще они применялись для выражения отношения родовой принадлежности. Этот тип отношений носит более абстрактный характер. Прилагательные в сочетаниях, выражающих родовую принадлежность, осложнялись оттенками качественности и свойственности. Именно такого рода прилагательные на *-ский* имел в виду В. В. Виноградов, отмечая как характерную их особенность ту легкость, с которой они приобретают качественные значения.[52]

Прилагательные на *-ский* легко утрачивают семантическую связь с производящей основой. В рассмотренных выше типах отношений эта связь сохраняется в наибольшей степени. Отношение принадлежности лица предмету или действию в минимальной степени осложнялось дополнительными оттенками значений. Значительно чаще наблюдались случаи разрыва семантики производящей основы и производного при передаче другого рода отношений. Степень этого разрыва и осложненности производных на *-ский* оттенками качественности и свойственности зависела не только от типизированного или индивидуального характера семантики производящей основы (например, разное значение имели и разные отношения выражали прилагательные от названий лиц по профессии, званию, роду занятий, должности, по родственным отношениям, религиозным верованиям, эмоционально-оценочной характеристике, по действию и т. п.), но в еще большей мере от характера его сочетаемости с определенным словом.

В соответствии с этими двумя факторами, имеющими важное значение для семантики производных от имен лиц, неологизмы XVIII в. пополняли определенные лексико-семантические группы прилагательных на *-ский*.

Отношение к роду лиц, в сравнительно небольшой степени осложненное дополнительными оттенками значений, выражали прилагательные от наименований лиц по должности, профессии, званию, рангу, социальному положению и т. п. в сочетании с существительными, обозначающими должность, профессию, звание и т. п. обобщенно, т. е. частное, видовое наименование профессии сочеталось с обобщающим, родовым. Для выражения этого рода отношений неологизмы рассматриваемого типа возникали свободно на протяжении всего XVIII в. Создавались типизированные сочетания, характерные прежде всего для деловой литературы, хотя строгой жанровой ограниченности здесь не наблюдается. Ср.: *звание архитекторское*, *ассессорский чин*, *ранг*, *баронское чиноначальство*, *бригадирский ранг*, *графское достоинство*, *губернаторская должность*, *деканский чин*, *директорская должность*, *императорское достоинство*, *инженерский чин*, *информаторская должность*, *камергерский чин*, *канцеляристская должность*, *капральская должность*, *комендантская должность*,

[52] Виноградов В. В. Русский язык, с. 227.

комиссарский чин, *консульское достоинство*, *кофешенская должность*, *маклерская должность*, *обер-офицерский чин*, *переводческой чин*, *повытческая должность*, *прапорщический чин*, *прокурорская должность*, *регистраторский(ая) ранг*, *чин* (*должность*), *секунд-майорский чин*, *сержантский чин*, *смотрительская должность*, *советнический чин*, *старостский чин*, *управительская должность*, *церемониймейстерской чин*, *штаб-офицерский чин* и т. п.

Приведенные сочетания имели терминологический характер. Вот некоторые примеры употребления таких сочетаний из источников разных периодов XVIII в. и разных жанров: «. . . детем ево [Гертеля] по требованию ево чины капитанския и инженерския» (АК I 6 1716); «Указ Сенату о бытии обер-церемониймейстеру в бригадирском ранге и о пожаловании во оной церемониймейстерской чин Федора Веселовскаго» (АВ IV 348 1743); «. . . ты более не захотел быть при анатомии и просил информаторской должности в гимназии» (МАН X 129 1749); «Взирая некогда Сенат Римский на Траяна кесаря, стоящего пред консулом, для принятия от него консульскаго достоинства, возгласил. . .» (Лом. СС I 217); «. . . лишиться чина советническаго» (Жит. Бак. 26); «. . . награждать чинами обер-офицерскими и штаб-офицерскими» (ПСЗ XXI 1041 1783); «Без благодетелей регистраторского чина не получишь» (Сум. СС V 33); «Я у него во услужении в управительской должности» (Промот. 81) и т. п.

По направлению к современности можно отметить тенденцию к сокращению такого применения прилагательных на *-ский* от имен лиц. Они постепенно вытесняются либо наименованием профессии в форме существительного (*инженер*, *декан*, *директор* и т. п.), либо падежной конструкцией с родительным определительным (*чин обер-офицера*, *должность прокурора* и т. п.).

В минимальной степени осложнялись качественными оттенками значений прилагательные от тех же основ в сочетании с существительными *жалованье*, *оклад* и т. п.: *подканцеляристский оклад*, *ассессорский оклад*, *комиссарское*, *копиистское*, *переводческое жалованье* и т. п.

Эти сочетания также носили терминологический характер и были свойственны жанрам деловой письменности. Вот несколько примеров с неологизмами рассматриваемого ряда: «А до указа давать им жалованье копиистское ж по наукам, а не по штату положенное» (ПСЗ XI 55 1740); «. . . оного Голубцова из числа переводчиков выключить и переводческаго жалованья не производить» (МАН X 16 1749); «. . . оставаться на подканцеляристских окладах» (ПСЗ XVIII 500 1768) и т. п.

В современном русском языке сочетания рассматриваемого ряда характерны для разговорных стилей речи. Осложненные в большей степени, чем в XVIII в., оттенками качественности, они утратили терминологический характер.

Прилагательные на *-ский* от наименований лиц по роду занятий, входившие в сочетания с существительными, обозначавшими

объединение людей этого рода занятий, также в небольшой степени осложнялись оттенками свойственности и качественности. Основное значение таких сочетаний было 'состоящий из лиц такого рода'. Особенно много неологизмов этого типа возникало в XVIII в. в сфере военной лексики для обозначения родов войск и военных подразделений. Они в большинстве случаев возникали под влиянием иноязычных прототипов таких наименований.[53]

Более отвлеченный тип отношений передают те же прилагательные в сочетании с существительными, обозначающими обобщенное название занятий, рода деятельности людей (*дело*, *наука*, *искусство*, *работа* и т. п.). В таких сочетаниях разрыв семантики производящей основы и производного ощущается достаточно четко. Прилагательные, входящие в сочетания рассматриваемого типа, осложняются оттенками свойственности и качественности. Эти сочетания не поддаются трансформации так же легко и свободно, как рассмотренные выше (ср.: *ассессорское жалованье* — *жалованье ассессора*, *инженерская должность* — *должность инженера* и т. п.), что свидетельствует о большей слитности и зависимости семантики его компонентов друг от друга. Сочетания рассматриваемого типа были обычны для XVIII в., и неологизмы на *-ский* от имен лиц по профессии входили в них свободно на протяжении всего XVIII в. Они характерны для деловых стилей речи.

Несколько примеров из текстов XVIII в.: «Поговорить здесь не с кем, к тому ж непрестанную суету имею о исправлении полков по баталии, которая вещь есть надежнея всех посланнических дел» (ПБП VIII 189 1708); «В коммиссарския дела и провиантския не мешаться, тако ж и шкиперу надлежащия вещи с корабля не брать» (ПСЗ V 145 1714); «Не была еще регула воинская, не были искуства инженерские» (Прокоп. Полт. 52); «. . . дабы дело лоцманское, или вожей, во всех морских пристанях в надлежащем добром порядке содержано было» (ПСЗ V 675 1719); «Корректорское дело в смотрении у его высокородия Ивана Ивановича, и в том может г. Киниц у него искать» (Лом. АСС IX 604 1764); «. . . министерство наше вознамерилось к Порте отправить несколько тысяч книг о парикмахерском искусстве» (Лук. Пуст. 49) и т. п.

В сочетаниях рассматриваемого типа на отношения принадлежности роду лиц наслаиваются отношения другого характера. По значению они близки аналогичным сочетаниям прилагательных на *-ный* с теми же существительными (ср. *инженерная наука*, *минерное дело* и т. п.).

Прилагательные на *-ский* от имен лиц в сочетании с существительными конкретно-предметного ряда выражали различные отношения, причем значение прилагательного в них осложнялось оттенками качественности и свойственности.

---

[53] См. с. 156—162 настоящей работы.

Одним из самых распространенных типов отношений, выражаемых данными сочетаниями, было отношение определяемого и определения как родовой и видовой субстанции. На основе этого значения в языке XVIII в. функционировали обширные ряды типизированных сочетаний прилагательных от имен лиц на *-ский* с конкретными существительными разной семантики. Родо-видовые отношения (род предмета называет определяемое существительное, вид определяется с помощью прилагательного на *-ский* от имени лица) конкретизировались в разных типах сочетаний в зависимости от семантики определяемого существительного.

Назовем несколько типов сочетаний, в которые особенно активно входили новообразования XVIII в. — прилагательные на *-ский*.

1. Сочетания прилагательного на *-ский* от имени лица и названия помещения, предназначенного для какого-либо рода деятельности: *архитекторская контора*, *башмачнический цех*, *вальдмейстерская контора*, *министерское присутствие*, *смотрительская канцелярия*, *советнический зал*, *шкиперская камера* и т. п.

2. Сочетания прилагательного на *-ский* от имени лица и существительного — родового названия технических приспособлений для выполнения какого-либо вида деятельности, работы и т. п.: *акушерские орудия*, *малярские кисти*, *снасти пахарские*, *снасть сапожническая*, *слесарские орудия*, *ткаческие снасти*, *станок токарский* и т. п.

3. Сочетания, состоящие из родового названия судна и его видового определителя — прилагательного на *-ский* от имени лица: *бомбардирское судно* (*корабль*), *адмиральский* (*вице-адмиральский*) *корабль*, *канонерская лодка*, *комендантское судно*, *флагманский корабль* и т. п.

4. Сочетания прилагательного на *-ский* от имени лица и существительного — названия рода одежды, обмундирования, частей одежды, обуви: *амазонское платье* (*шляпка*), *гаерское платье*, *гренадерская шапка*, *дервижское платье*, *евнушеское одеяние*, *кавалерские уборы*, *кадетский мундир*, *канонерский мундир*, *каптенармусские ранцы* (*сумы*), *комедиантское платье*, *комедиантский башмак*, *конфедератская шапка*, *магистерская мантия*, *пажеское платье*, *шаманское платье*, *шкиперское платье* и т. п.

Аналогичные приведенным устойчивые типизированные и терминированные сочетания иного лексического наполнения не объединяются в группы ввиду их единичности или немногочисленности, но принцип построения их тот же, и они выражают те же родо-видовые отношения (ср. сочетания типа *бухгалтерская книга*, *дамский журнал* и т. п.).

В рассмотренных сочетаниях отношение к роду лиц в сильной степени осложнено более абстрактными отношениями рода предметов к их виду. По своему значению они близки к качественным прилагательным. *Дамский журнал* — это не только журнал, предназначенный для женщин («дам»), но и характеризующийся опре-

деленным содержанием, оформлением и т. п., свойственными данному роду изданий; *амазонское платье* — это не только платье, предназначенное для наездниц («амазонок»), но и платье определенного покроя, обладающее комплексом качественных признаков; *канонерская лодка* — это вид небольшого военного судна, а не судно для канонеров и т. п. Эти отношения и значения характеризуют многочисленный и разнообразный по семантике разряд сочетаний, в состав которых входят относительные прилагательные разных словообразовательных типов.[54]

Таким образом, по семантической емкости, по характеру выражаемых отношений рассмотренные выше прилагательные на *-ский* от имен лиц шире и абстрактнее, чем производящая основа.

Разрыв семантики производящей основы и производного прилагательного обнаруживается с особенной наглядностью при его сопоставлении с синонимичными прилагательными иной словообразовательной структуры. Ср.: сочетания *навигацкая* (и в конце XVIII в. — *навигационная*) *школа* и *навигаторская школа*, *полицейская контора* и *полицеймейстерская контора*, *архитекторские* и *архитектурные правила* идентичны по значению. Семантически однородные группы терминологических сочетаний формируются как с помощью прилагательных от имени лица, так и с помощью прилагательных иной словообразовательной структуры. Ср., например, названия родов войск: *кирасирский полк*, *бомбардирская рота*, с одной стороны, и *артиллерийский полк*, *инфантерийский полк* — с другой.

Характер взаимоотношения однокоренных неологических образований от имени лица с суффиксами *-н-* и *-ск-* также свидетельствует о том, что прилагательные на *-ский* наряду со значениями личной и родовой принадлежности передают и более абстрактные отношения.

Лексико-семантическая группа качественных прилагательных с суффиксом *-ск-* от имен лиц

Рассмотренные выше прилагательные от имен лиц в большинстве случаев входят в терминологические или в устойчивые типизированные сочетания. Их семантика выводится, как уже указы-

---

[54] Это свойство относительных прилагательных русского языка отметил В. М. Павлов: «В речи относительные прилагательные, вступая в связь с определяемым, выражают уже не только известным образом конкретизированное отношение, но и на его основе — целую гамму закономерно связанных с ним признаков предмета» (Павлов В. М. Философские основы неогумбольдтианского языкознания. — Вопросы общего языкознания. Материалы республиканского семинара преподавателей общего языкознания. Уч. зап. Лен. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена, 1967, т. 354, с. 58). См. аналогичные мысли в статье того же автора «О разрядах имен прилагательных в русском языке» («Вопросы языкознания», 1960, № 2, с. 68).

валось, не только из семантики производящей основы, но в значительной мере из семантики всего сочетания в целом. Значения качественности и свойственности, которые присущи этим прилагательным, зависят от всего сочетания в целом. Абстрагированные от определяемого слова, такие прилагательные полностью сохраняют относительное значение, и сами по себе, вне сочетаний, они редко развивают качественные значения.

В значительно большей степени семантика производного зависит от семантики производящей основы и не выводится из словосочетания у таких образований, которые соотносятся с именами лиц по характеризующему действию, чертам поведения, качественной и эмоционально-оценочной характеристике и т. п. (таких, как *ругатель*, *хват*, *любовник*, *щеголь*, *петиметр* и т. п.).

Прилагательные, образованные от основ такого рода, обычно уже с момента возникновения становятся качественными. Правда, наряду с качественными значениями они могут выражать и значения индивидуальной, групповой и родовой принадлежности. Такие значения имеют, например, прилагательные *робяческий*, *грабительский* в следующих случаях: «Не безполезно иметь в училищах рассмотрителей робяческих склонностей» (Эмин Фемист. 250); «. . .грабительски сердца наполнилися жолчью» (Сум. Притчи 95). Но выражение такого рода отношений для прилагательных данной лексико-семантической группы не типично. Последовательного развития значения от относительно-притяжательного к качественному в них также не наблюдалось. Эти значения возникали одновременно, либо значение принадлежности появилось позднее качественного. Неологизмы рассматриваемого типа не объединяются в какие-либо тематические группы ввиду их единичности. Они объединяются общей семантикой — выражением разного рода качественных характеристик по имени лица. Не ранее XVIII в. возникли следующие неологические прилагательные от основ рассматриваемой группы: *бахарский*, *безбожнический*, *благодетельский*, *великанский*, *волшебнический*, *грабительский*, *дураческий*, *канальский*, *кощунский*, *мошеннический*, *насильнический*, *отшельнический*, *петиметрский*, *подданнический*, *пустыннический*, *ребяческий*, *ругательский*, *фиглярский*, *хватский*, *шильнический*, *щегольской* и др.

Эти прилагательные характеризуются свободной сочетаемостью, что является обычным свойством всех качественных прилагательных. Они употреблялись в разных жанрах, и особенно в жанрах художественной литературы второй половины XVIII в. Несколько примеров: «Разбойническая и насильническая убийства возбраняются, яко же сотворил Каин со Авелем» (Буж. Гангут 80); «Все, что язычники имеют беззаконнаго. . . волшебническия тайности непозволеннаго. . . истекло из Манихея как из смраднаго сосуда» (Тепл. Филос. 170); «Оставь, прошу, такия пустыннические мысли; трудись ради пользы общественной» (Эмин Ернест 189); «Со ямщиком-нахалом, На иноходце хватском,

Под белым покрывалом — Бореева кума, Катит в санях Зима» (Держ. III 265); «Надела уж не Мильтоновское, но щегольское неглиже» (Н. Эмин Игра судьбы 77); «Обычайное уныние, наклонность к меланхолии, зделали даже приятным для него отшельническое убежище» (ППВ, 1795 VI 241) и т. п.

От прилагательных рассматриваемого ряда легко производились наречия на *-ски* (в единичных случаях — на *-о*), что также характеризует их как качественные. Ср.: «Не погневися, что я так дурачески сделал» (Интерл. 44); «Ругательски с нею [добродетелью] поступают» (УС 1778 II 304); «Малочисленные цесарцы бились хватско холодным ружьем» (АВ XXIV 319 1799).

Взаимодействие однокоренных новообразований с суффиксами *-ск-* и *-н-* от имен лиц

Новообразования с суффиксом *-н-* от имен лиц не составили в XVIII в. обширной группы, хотя к этому времени рассматриваемый словообразовательный тип становится значительно продуктивнее, чем в предшествующие эпохи.[55]

Почти половина всех новых прилагательных на *-ный* от имен лиц соотносилась с образованиями на *-ский* от тех же основ: *бомбардирский — бомбардирный, инженерский — инженерный, музыкантский — музыкантный, регистраторский — регистраторный, рекрутский — рекрутный, слесарский — слесарный, фузелерский — фузелерный, мушкетерский — мушкетерный, парикмахерский — парикмахерный, пикинерский — пикинерный, столярский — столярный, овчарский — овчарный* и т. п.

Характер взаимодействия однокоренных образований с суффиксами *-ск-* и *-н-* от имен лиц в XVIII в. отличался специфическими особенностями по сравнению с предыдущими и последующими периодами развития русского языка.[56]

Как уже отмечалось неоднократно, образованиям на *-ный* от имен лиц чуждо выражение индивидуальной принадлежности.[57]

---

[55] Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного. . ., с. 350.

[56] До XVIII в. наблюдалось безразличное употребление рассматриваемых образований с суффиксами *-ск-* и *-н-* (Охомуш Е. А. Суффиксальная синонимия в системе словообразования прилагательных (на материале исторических повестей XVI—XVII вв.). — Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1966, № 2, с. 77—88). В XIX в. аналогичные однокоренные образования обычно различались по значению (Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного. . ., с. 351).

[57] Представляется ошибочным мнение А. Д. Зверева о том, что прилагательные на *-ный* от имен лиц могут выражать в современном русском языке отношение, близкое к индивидуальной принадлежности (Зверев А. Д. О некоторых особенностях образования имен прилагательных. — Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1966, № 1, с. 86).

В этом значении однокоренные образования с суффиксами *-н-* и *-ск-* строго различались по значению. Отношение личной принадлежности выражали только прилагательные на *-ский*, и в этом значении однокоренные прилагательные на *-ный* и *-ский* не соотносились как дублетные. В других значениях те же образования могли быть идентичными по значению или разными. Таким образом, возникали ряды частично совпадающих по значению однокоренных образований с суффиксами *-н-* и *-ск-* от имен лиц. К концу XVIII в. намечается тенденция к устранению дублетности там, где она имелась.

Особенно часто дублетные образования возникали в сфере военной терминологии. В составных наименованиях родов войск однокоренные прилагательные от имен лиц с суффиксами *-н-* и *-ск-* в первые десятилетия XVIII в. были идентичными по значению. Таковы новообразования XVIII в. *бомбардирский* и *бомбардирный*, *мушкетерский* и *мушкетерный*, *пикинерский* и *пикинерный*, *фузелерский* и *фузелерный* и др. Ср. также: *рекрутный* и *рекрутский*, *парикмахерный* и *парикмахерский*, *инженерный* и *инженерский*, *регистраторный* и *регистраторский*, *архитекторный* и *архитекторский* и т. п.

К концу XVIII в. устраняется дублетность образований *фузелерный — фузелерский*, *пикинерский — пикинерный*. Закрепляются образования с суффиксом *-н-*: *фузелерные полки* (Щерб. Повр. нр. 54); *фузелерный провиант* (ПСЗ XXII 472 1785); *пикинерные полки* (АК IX 386 1777).

В дублетных парах *рекрутный — рекрутский*, *парикмахерный — парикмахерский*, *регистраторный — регистраторский*, *архитекторный — архитекторский* уже к середине XVIII в. закрепляются образования с суффиксом *-ск-*. Вот несколько примеров, свидетельствующих об идентичности значений приведенных выше однокоренных образований в первой половине XVIII в.: *рекрутные солдаты* (ДПС I 149 1711); *рекрутный набор* (ПСЗ VI 229 1720); *рекрутские расходы и посылки* (ДПС I 9 1711); *рекрутский счет* (ПСЗ VI 229 1720); *в рекрутских именных списках* (ПСЗ VI 252 1720); *рекрутские наборы* (ПСЗ VI 163 1720).

Идентичными по значению были прилагательные *парикмахерный* и *парикмахерский*: *парикмахерский подмастерье* (Прим. Вед. 1729 221); «Немецкого *парикмахерного цеха* мастер Иван Шустер» (ПСЗ XV 378 1759); *регистраторный* и *регистраторский*: *в первой регистраторной книге* (ПСЗ VI 153 1720); *регистраторский чин* (Сум. СС V 32); *архитекторный* и *архитекторский*: *в экспедиции архитекторной* (ДАЭ 64); *архитекторские конторы* (ДАЭ 30) и т. п.

Словарь Гейма фиксирует только образования *рекрутский*, *парикмахерский*, *регистраторский*, *архитекторский*.

В индивидуальных случаях взаимодействие параллельных однокоренных образований от имен лиц с суффиксами *-н-* и *-ск-* было сложнее. История отдельных рядов таких образований уже

к концу XVIII в. заканчивается их семантической дифференциацией. Рассмотрим несколько таких случаев.

Бомбардирный — бомбардирский. Как дублетные образования, идентичные по значению, прилагательные *бомбардирный* и *бомбардирский* в сочетаниях с существительными, обозначающими родовое наименование судна, известны с начала XVIII в.: «Когда адмирал похочет, что б все камендоры с бамбандерных караблей к нему на карабль были. . .» (ГС 1714 37); *бомбардирские корабли* (ПБП II 152 1702); *бомбардирские суда* (МРФ I 70 1705); *бомбардирской галиот* (ЖКФ 1713 26) и т. п. Недифференцированное применение прилагательных *бомбардирный* и *бомбардирский* в отмеченном значении источники фиксируют до 80-х годов XVIII в. Ср.: *9 бомбардирных галиотов* (СПб. в. 1750 4); *бомбардирное судно* (САР I 284); *бомбардирское судно* (Пис. Мордв. 1787 361). В сочетании с названием воинского подразделения с начала XVIII в. утвердилось прилагательное *бомбардирский.* Ср.: *бомбардирская рота* (ЖКФ 1714 4). К концу XVIII в. прилагательные *бомбардирский* и *бомбардирный* семантически разграничиваются; за прилагательным *бомбардирный* закрепляется более абстрактное значение и употребление в составе устойчивых терминологических сочетаний *бомбардирное судно, бомбардирный галиот.* Прилагательное *бомбардирный* в этих сочетаниях в сильной степени осложнено значениями признаковости и не передает отношения принадлежности роду лиц. Последнее значение закрепилось за прилагательным *бомбардирский.* «Словарь Академии Российской» и Словарь Гейма дают эти прилагательные в разных словарных статьях и определяют их по-разному в соответствии с указанными в них значениями.[58]

Инженерский — инженерный. Для выражения отношения к роду деятельности, в значении ʽсостоящий из. . ., предназначенный для. . .ʼ прилагательные *инженерный* и *инженерский* в первые десятилетия XVIII в. применялись как равнозначные дублеты: «. . . для учения инженерным и другим наукам» (ПБП III 739 1705); *инженерная рота* (ПСЗ VII 68 1723); *искуства инженерские* (Прокоп. Полт. 52). Как идентичные эти прилагательные в указанных значениях могут встретиться в одном памятнике. Ср. в ДПС I 1711: «11-го мая 1711 года, инженерной науки ученик Василий Спиридонов с товарищами бил челом» (96); «в инженерской науке с котораго года» (96—97): «той инженерной школе впредь быть ли» (97); «по имянному великого государя указу тое инженерскую школу велено учением распространить и учеников умножить» (97).

---

[58] Ср., например, в Словаре Гейма: «Бомбардирский — de bombardier, dem Bombardier gehörig, бомбардирская рота, une compagnie de bombardiers, eine Bombardier-Compagnie. Бомбардирный — ce qui sert au ou de bombardement, zum Bombardieren gehörig, бомбардирное судно, une galiote à bombes, eine Bombardier-Galiote».

Для выражения отношения родовой принадлежности уже с начала XVIII в. известно употребление только прилагательного *инженерский*: «К нынешнему 713 г. по инженерским реэстрам к городовому делу в Киево-печерскую крепость. . . потребно выслать работников в марте месяце» (ДПС III/1 279 1713); «Детем ево [Гертеля] по требованию ево чины капитанския и инженерския. . . » (АК I 6 1716).

Дальнейшая история рассматриваемых однокоренных образований такова. Ни изученные нами источники, ни словари XVIII в. (Российский Целлариус, Словарь Нордстета, «Словарь Академии Российской», Словарь Гейма и др.) не фиксируют прилагательного *инженерский*. Между тем прилагательное *инженерный* на протяжении всего XVIII в. в тех же значениях, в каких оно применялось в его начале, было широко употребительным. Его фиксируют все указанные словари XVIII в. Употребление прилагательного *инженерский* с середины XVIII в. затухает, и вновь появляется оно уже в XIX в.[59]

Слесарский — слесарный. На значение указанных образований в XVIII в. оказывало влияние их взаимодействие с однокоренным притяжательным прилагательным *слесарев*. Отношение индивидуальной принадлежности выражало именно это прилагательное (ср. в «Словаре Академии Российской»: «*Слесарев* — принадлежащий слесарю» (V 528).

С 20-х годов XVIII в. источники фиксируют прилагательное *слесарный*, применяемое в значении ‘относящийся к деятельности слесаря’: «Слесарных мастеров и учеников. . . » (Кирил. ЦС I 89); «. . . к кузнечной и слесарной работам» (ДАЭ 51); «Шлесарный мастер» (ДАЭ 36); «Слесарное художество» (ПСЗ XV 102 1762). Прилагательное *слéсарский* впервые лексикографически фиксирует Русско-голландский лексикон: «Пила кузнеческая, или слесарская» (149). Сочетание *слéсарские орудия* приводят «Словарь Академии Российской» и Словарь Гейма. Таким образом, за каждым из трех параллельных однокоренных образований рассматриваемого ряда закрепляются разные значения: прилагательное *слесарев* выражает отношение личной принадлежности, *слесарский* — отношение родовой принадлежности, осложненное значением свойственности, *слесарный* — отношение к роду деятельности. Перераспределение функций прилагательных *слесарский* и *слесарный* происходит за пределами XVIII в.[60]

---

[59] В справочном отделе ССРЛЯ отмечается, что прилагательное *инженерский* впервые лексикографически зафиксировано Словарем 1847 г. Е. А. Земская указывает, что в XIX в. прилагательные *инженерный* и *инженерский* различались по значению (см. в кн.: Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного. . ., с. 351).

[60] См. об этом: Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного. . ., с. 351. Как отмечено в данном исследовании, прилагательное *слесарский* выражало значение личной принадлежности (*слесарский сын*), а *слесарный* — отношение к роду деятельности (*слесарная работа*).

Новообразования с суффиксами *-ск-* и *-н-* от названий учреждений, коллективов и собраний лиц, единиц административно-территориального деления и т. п.

Обширную группу новых слов, пополнивших класс относительных прилагательных, составили прилагательные, образованные от названий учреждений, коллективов и собраний лиц, единиц административно-территориального деления и т. п. В процессе производства этих прилагательных активно действовала модель на *-ский*. К числу образований рассматриваемой лексико-семантической группы, появившихся в первой половине XVIII в., принадлежат прилагательные *адмиралтейский*, *армейский*, *артиллерийский* и *артиллерский*, *гарнизонский*, *губернский*, *имперский*, *кавалерийский*, *канцелярийский* и *канцелярский*, *коллегиатский* и *коллегский*, *комиссариатский*, *компанейский* и *компанский*, *магистратский*, *маскарадский*, *парламентский*, *ратушский*, *сенатский*, *серальский*, *театрский*, *штабской* и др.

Во второй половине XVIII в. этот ряд прилагательных продолжает пополняться. Появляются образования *гвардейский*, *гильдейский*, *диванский*, *инфантерский* и *инфантерийский*, *кабинетский*, *конторский*, *орденский*, *палатский*, *университетский*, *флотский* и др.

Одновременно с этим указанная лексико-семантическая группа прилагательных формировалась и за счет образований по модели на *-ный*. В первой половине XVIII в. появляются прилагательные *арсенальный*, *батальонный*, *батарейный*, *библиотечный*, *верфный*, *гаванный*, *госпитальный*, *кирочный* (ср. *кирка*), *пакгаузный*, *трактирный*, *фабричный*, *шквадронный* и *эскадронный* и др. Во второй половине XVIII в. образовались прилагательные *аптечный*, *кабачный*, *лагерный*, *лазаретный*, *ломбардный*, *магазинный*, *рыночный* и др.

Таким образом, рассматриваемая группа прилагательных на протяжении XVIII в. формировалась по двум моделям — на *-ный* и *-ский*. Семантическая близость указанных образований подтверждается многочисленными дублетами с суффиксами *-н-* и *-ск-*, идентичными по значению. Таковы дублеты *артиллерский*, *артиллерийский* и *артиллерный*, *артиллерийный*, *гарнизонный* и *гарнизонский*, *инфантерный* и *инфантерский*, *кавалерный* (ср. *кавалерия*) и *кавалерийский*, *канцелярский* и *канцелярный* (ср. *канцелярийский*), *флотский* и *флотный*, *штабной* и *штабской*, *конторный* и *конторский*, *маскарадный* и *маскарадский*, *ратушный* и *ратушский*.

В первые десятилетия XVIII в. не наблюдается их семантической дифференциации. Вот ряд примеров из источников этого времени, подтверждающих сказанное: «В Приказ артиллерии на алтилерной генералной штап и на алтилерийные припасы

все сполна прислать из тех губерней, что на которой тех денег взять доведетца, немедленно, чтоб за тем во алтилерном управлении какой остановки не было» (ДПС I 5 1711); «. . . артиллерийские припасы. . . » (ДПС I 167 1711); «. . . по табелю артиллерскому. . . » (ДПС I 120 1711); «. . . гварнизонным афицером. . . » (ПБП I 644 1704); «. . . гарнизонные салдаты. . . » (СПб. в. 1719 9); «. . . гарнизонные полки. . . » (ПСЗ VII 107 1723); «Никакое золото, серебро, денги, ни драгоценных каменьев, с собою не имать токмо гварнизонское» (Вед. 1703 54); «. . . канцелярный секретарь. . . » (УВ 56); «. . . канцелярные члены. . . » (ПСЗ VI 150 1720); «. . . канцелярийные служители. . . » (ПБП II 48 1702); «. . . устроен будет тайной совет воинской, состоящий из президента, советников и иных приказных людей канцелярийских» (ПБП III 330 1702); «. . . наместник канцелярский . . . » (Пут. Толст. II 133); «Г. вице-адмирал безпременно перед линией флотною сам был» (МРФ I 66 1705); «В наших морских кригсрехтах в Англии всегда собираются все флотские капитаны» (ММД 50); «Три книги конторные, счетные немецкие. . . » (МАН I 464 1729); «Книги держать против канторских» (РАВ 186); «. . . в машкаратном доме . . . в наряде машкаратном. . . » (ЖКФ 1713 14); «. . . в платье машкарацком. . . » (ЖКФ 1721 75).

К концу XVIII в. избыточные дублеты, не размежевавшись по значениям, ушли из употребления. Из перечисленных выше дублетных пар закрепились в языке к концу XVIII в. прилагательные *артиллерийский*, *гарнизонный*, *инфантерийский*, *кавалерийский*, *канцелярский*, *флотский*, *штабской*, *маскарадный*. Их фиксируют словари конца XVIII в. («Словарь Академии Российской», Словарь Яновского, Словарь Гейма) и различные письменные источники: «. . . артиллерийская школа. . . » (Пант. ин. сл. III 172); «. . . гарнизонная церковь. . . » (Фонв. Недор. 85); «. . . инфантерийских тесаков и кортиков 70. . . » (Пут. Зуева 68); «Один из кавалерийских полков. . . занимал квартиры в селе, принадлежащем Н. Н.» (СПб. М. II 77); «Севастополь же хотя и многолюден, но главная часть жителей его суть флотские служители» (ПСЗ XXIII 521 1794); «. . . к стате тут весьма приведены патенты штабские» (Капн. Яб. 117); «В а л ь д о р ф: Открытие? О! пожалуйте сообщите его нам поскорее, г. барон! Известны ваши маскарадныя открытия; ничего не может быть забавнее» (МЖ VII 141) и т. п.

В индивидуальных случаях происходит семантическое размежевание однокоренных образований с суффиксами *-н-* и *-ск-*. В этом отношении представляет интерес судьба образований *кабинетный* и *кабинетский*.

В начале XVIII в. известно образование *кабинетный*, соотносительное с существительным *кабинет* 'правительственное учреждение': *кабинетные расходы* (ПСЗ V 653 1719); *кабинетная печать* (АК IX 157 1713); *приватная кабинетная грамота* (АВ IV 334 1743) и т. п. С середины XVIII в. с прилагательным *ка-*

бинетный вступает в конкуренцию *кабинетский* в том же значении. Ср.: *кабинетный совет* (Бакон I 131); *кабинетные министры* (Зап. Шах. 15) и — *кабинетский секретарь* (СПб. в. 1750 371) и т. п. К концу XVIII в. в рассматриваемом значении закрепляется *кабинетский*: «. . . заводы ведомства кабинетского» (ПСЗ XXII 492 1785); «. . . известны ли. . . мысли государя, предприятия министра и кабинетские расположения о войне или о мире?» (ПД II 10).

В числе причин, способствовавших вытеснению прилагательного *кабинетный* в рассматриваемом значении, можно указать следующую. Со второй трети XVIII в. в русском языке существительное *кабинет* начинает применяться наряду с указанным выше значением в значении ‘комната в доме для занятий, деловых разговоров и пр.’. С ним соотносится прилагательное *кабинетный*: «11 картин кабинетных миниатурных» (МАН I 191); «. . . щастие кабинетной жизни» (Пант. ин. сл. I 122). Таким образом, *кабинетный* и *кабинетский* начинают различаться по значению потому, что они соотносятся с разными значениями слова *кабинет*.

Новообразования на *-онный* от иноязычных основ

XVIII век явился начальным этапом формирования новых моделей, по которым шел активный процесс образования новых прилагательных от иноязычных основ. Таковы лексико-словообразовательные типы прилагательных на *-ический*, *-альный*, *-ональный*, *-арный*, *-онный* и др. При этом следует иметь в виду, что в одних случаях это было оформление заимствованных прилагательных, в соответствии с морфологической и словообразовательной системой русского языка, а в других — образование прилагательных на русской почве от заимствованных существительных.

Новым словообразовательным типом прилагательных, сложившимся в XVIII в. на почве русского языка в значительной мере независимо от иноязычного образца, был тип прилагательных на *-онный*.

Источники русского языка первых четырех десятилетий XVIII в. отмечают единичные прилагательные на *-онный*.[61] К числу ранних образований этого рода относятся: *резолюционный*, *юстификационный*, *операционный*, *эмиграционный*, *фортификацион-*

[61] Е. А. Земская отмечает два прилагательных на *-онный*, возникших во втором десятилетии XVIII в. — *апелляционный* и *резолюционный* (см. кн.: Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного. . ., с. 371). Эти примеры из того же источника (ПСЗ V) см. у Н. А. Смирнова («Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху. Словарь иностранных слов, вошедших в русский язык в эпоху Петра Великого». — Сб. ОРЯС, т. 88, № 2. СПб., 1910, с. 41). Что касается прилагательного *апелляционный*, то оно, по всей вероятности, приведено ошибочно, так как взято не из текста указа № 3417, а из формуляра к нему, составленного издателями ПСЗ в XIX в. (см. предисловие к I тому ПСЗ).

ный, *стационный*: «Ему [воеводе] в каждой неделе челобитческие и резолюционные дни учредить» (ПСЗ V 631 1719); «Артикул также силным юстификационным (оправдательным) пунктом был» (Прим. Вед. 1730 343); «Учреждение операционной казны не меньшей трудности подвержено было» (Прим. Вед. 1735 25); «Ненависть, оклеветание, ложные обвинения и неправильные предосуждения. . . случилися в нынешнем эмиграционном деле» (Прим. Вед. 1732 314); «Всякое публичное строение в нашей резиденции, надлежащее кроме помянутой фортофикационной работы. . . исправлять от нашей главной полиции» (ДАЭ 98); «А при том же де шведском владении тамошний арендной и стационной хлеб ссыпан в те же магазины и в мирные времена в Швецию, а в военные в Ригу, в Пернов и в другие места судами отправливан» (ПСЗ X 818 1739).

В 40—70-е годы группа прилагательных на *-онный* пополняется интенсивно. В эти годы появились прилагательные *амбиционный*, *апелляционный*, *ассигнационный*, *аукционный*, *цикумваллационный*, *коммуникационный*, *контрибуционный*, *конфедерационный*, *конфискационный*, *коронационный*, *дивизионный*, *дирекционный*, *экзекуционный*, *экспедиционный*, *фундационный*, *иллюминационный*, *обсервационный*, *пенсионный*, *порционный*, *пропорционный*, *рационный*, *ревизионный*, *редукционный*, *рекогниционный*, *реляционный*, *специонный*, *станционный*.

В последней трети XVIII—первые годы XIX в. образование прилагательных на *-онный* активно продолжалось. За это время указанная группа пополнилась словами *ассекуранционный*, *инквизиционный*, *инфламмационный*, *контрваллационный*, *революционный*[62] и *контрреволюционный*, *конституционный*, *контумационный*, *лекционный*, *окулационный*, *пренумерационный*.

Таким образом, к концу XVIII в. группа прилагательных на *-онный* насчитывала (по нашим материалам) уже около пятидесяти слов.

Этимологически, а также по структурно-семантическим связям прилагательные с суффиксом *-онн-* представляют собой достаточно однородную группу. Они соотносятся с заимствованными из латинского и французского, реже из других европейских языков отглагольными существительными на *-ция*: *амбиция* — лат. ambitio (-onis), фр. ambition; *-зия*, *-сия*: дивизия — лат. divisio (-onis), фр. division, *пенсия* — лат. pensio (-onis), фр. pension.

Возможный путь образования производного суффикса *-онн-* представляется следующим образом.

---

[62] Одно из ранних употреблений прилагательного *революционный* — 1802 г. (Кар. Ст. полит. 67). В. В. Веселитский («Русская речь», 1968, № 3, с. 70) ошибочно указывает дату появления слова *революционный* — 1793 г. Его пример взят из формуляра к указу № 17101 (ПСЗ XXIII 402), составленного издателями ПСЗ в XIX в.

В начале XVIII в., а в некоторых случаях на протяжении всего XVIII в. и позднее существительные на *-ция*, *-сия*, *-зия*, с которыми соотносились прилагательные на *-онный*, имели в русском языке разное морфологическое оформление. В соответствии с латинскими существительными на *-tio* (directio, dispositio, capitulatio и т. п.) в русском языке появились формы *дирекцио*, *диспозицио*, *капитуляцио*[63] и т. п. Аналогичные заимствования из немецкого и французского языков могли попадать в русский язык в другой форме: *кондицион* (нем. Kondition), *индиктион* (нем. Indiction), *редукцион* (фр. rédution), *сальвацион* (фр. salvation), *провизион* (нем. Provision) и т. п. В большинстве случаев эти образования, восходящие к существительным женского рода языка-источника, не были устойчивыми, так как в русском языке возникало противоречие категории рода и его оформления. Существительные на *-tio*, *-tion*, как правило, в русском языке получали окончание женского рода *-ия*. При этом могли возникать дублетные пары типа *кондицион* и *кондиция*, *пенсион* и *пенсия*, *инструкцион* и *инструкция*, *демаркацион* и *демаркация*, *декларацион* и *декларация*, *порцион* и *порция*, *провизион* и *провизия*, *ребелион* (фр. rébellion 'бунт') и *ребелия*, *рацион* и *рация*, *циркумваллацион* и *циркумваллация*, *коммуникацион* и *коммуникация*, *ревизион* (в сложении *ревизион-коллегия*) и *ревизия*, *экспликацион* и *экспликация* и т. п. Прилагательные *кондиционный*, *пенсионный*, *порционный*, *провизионный* могут восприниматься как дериваты, соотносительные с существительными на *-он*. Но благодаря соотносительности этих прилагательных с существительными на *-ция*, *-сия*, *-зия* в них стал вычленяться суффикс *-онн-*.[64] Таким образом, прилагательные с производным суффиксом *-онн-* структурно соотносятся с существительными не только русского языка, но и тех языков, откуда эти существительные были заимствованы, т. е. с существительными на *-io* (род. п. *-ionis*) в латинском языке, на *-on* — во французском и немецком.

Словообразовательный тип прилагательных на *-онный* в русском языке соответствует нескольким словообразовательным типам латинского, французского и немецкого языков. Русским прилагательным на *-онный* соответствуют латинские прилагательные

---

[63] См.: Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Языковые контакты и заимствования, с. 232—233.

[64] Е. А. Земская предлагает в рассматриваемых образованиях выделять суффиксальный элемент *-(и)онн-*. Думается, нет оснований отступать от установившейся традиции выделять в образованиях этого типа суффикс *-онн-*. См.: Виноградов В. В. Русский язык, с. 225; Грамматика русского языка АН СССР, т. 1. М., 1958, с. 351; Галкина-Федорук Е. М., Горшкова К. В., Шанский Н. М. Современный русский язык. М., 1957, с. 194; Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык, ч. I. М., 1958, с. 237; Авилова Н. С. Слова интернационального происхождения в русском литературном языке нового времени. (Глаголы с заимствованной основой). М., 1967, с. 208.

на *-onalis* (*экспедиционный* — expeditionalis, *стационный* — stationalis, *аукционный* — auctionalis), на *-osus* (*амбиционный* — ambitiosus), французские на *-onnel*, *-eux*, *-aire* (*амбиционный* — ambitieux, *дирекционный* — directionnel, *операционный* — opérationnel, *дивизионный* — divisionnaire, *экспедиционный* — expéditionnaire, *революционный* —révolutionnaire и т. п.). Следует отметить, что в русском языке XVIII в. прилагательные на *-онный* производились от иноязычных существительных свободнее, чем в тех языках, из которых эти существительные были заимствованы.[65]

Во второй половине XVIII в. новая модель становится настолько активной, что появляются образования на *-онный* от таких основ, от которых устойчиво употреблялись однокоренные прилагательные с другими суффиксами. Таково прилагательное *специонный*. Однокоренное прилагательное *специальный* было известно в русском языке с начала XVIII в. В 60-е годы от той же основы образовалось окказиональное прилагательное с суффиксом *-онн-*: «Сверх положенного по штату числа на содержание войска, приняты от оной по специонной смете бывшего в них того количества, сверх коего сия Канцелярия никакого приращения ожидать не имела» (ПСЗ XVIII 947 1769).

«Незакономерным» с точки зрения соотношения с производящей основой было образование прилагательного *станционный*. Оно впервые встречается в текстах 60-х годов XVIII в. К этому времени слово *станция* в русском языке имело разветвленную систему значений ('стоянка, место постоя воинских частей', 'место остановки на дороге, где проезжающим меняли лошадей' и др.). Слово *станция* (вариант *станца*) было заимствовано русским языком в результате контактов с голландским, итальянским, польским, немецким и другими языками.[66]

В XVIII в. от разных значений слова *станция* по-разному шло образование прилагательных. От слова *станция* 'место остановки на дороге, где проезжающим меняют лошадей' эпизодически встречается прилагательное *станцевый*: «Проезжающие на станциях берут подводы безпорядочно со всякою обидою; Муромскаго же уезда крестьяне других помещиков живут от большой дороги в стороне и в станцовых подводах не помогают» (ДПС III 140 1713). *Станционный* в рассматриваемом значении, вероятно, стало употребляться только

---

[65] Из славянских языков сходную с русским структуру этот суффикс имеет в болгарском, в котором вычленяется производный суффикс *-онен* (*конституционен*, *традиционен*, *позиционен*, *коалиционен*, *композиционен*). В украинском языке ему соответствует суффикс *-ійн-* (*амбіційний*, *комунікаційний*, *дивізійний*, *експедиційний* и т. п.), в польском *-yjn-* (*amunicyjny*, *asekuracyjny*, *egzekucyjny* и т. п.), в чешском— *-čn-* (*apelační*, *aukční*, *komunikační* и т. п.).

[66] См.: Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Языковые контакты и заимствования, с. 395.

в XIX в. (ср. *станционный смотритель*). В XVIII в. прилагательное *станционный* имело узко специальное значение и ограниченную сферу распространения. Оно бесспорно восходит к польскому источнику. Одно из значений слова stancyja (stańca, stacja) в польском языке — obrok 'оброк, подворное' (Linde), т. е. один из видов налогов на крестьян (ср. прил. stacyjowy, stacyjny от слова stacja в этом значении). В русских законах о налогах на крестьян Остзейских губерний (Лифляндия, Эстляндия и др.) на основе польского специального термина был создан составной термин *станционный* (*стационный*) *сбор* 'определенный вид налога с крестьянского двора'. Прилагательные *станционный* и *стационный* в этом значении в источниках русского языка XVIII в. применяются как равнозначные: «Оброк и станционные сборы со всех крестьянских земель счислять по таксе на деньги» (ПСЗ XVII 71 1766); «По нынешнему арендному вычислению. . . выходит арендного и стационного сбору с публичных мыз на первой 1767 год 22723 руб.42 $^1/_2$ копейки» (ПСЗ XVIII 393 1769).

Круг сочетаемости прилагательных *стационный* и *станционный* был ограничен. Кроме слова *сборы*, они сочетаются с существительными сходной семантики: *провиант*, *фураж*, *подати*, *деньги*, *доходы* и т. п.: *грунтовые* и *стационные деньги* (ПСЗ XVII 709 1766); *станционные доходы* (ПСЗ XVIII 936 1769); *станционный хлеб* (ПСЗ XVIII 947 1769); *стационный провиант* (ПСЗ XXI 188 1781).

В первой половине XVIII в., когда в русском языке появилась многочисленная группа существительных на *-ция*, *-сия*, *-зия*, а словообразовательный тип прилагательных на *-онный* еще не сформировался окончательно, возникают образования от этих существительных с другими суффиксами (*-к-*, *-н-*, *-ейн-*/*-ийн-*, *-тельн-*, *-ск-*, *-ов-* и др.). Как правило, более устойчивыми оказывались прилагательные на *-онный*, в то время как однокоренные образования с перечисленными суффиксами носили окказиональный характер. Так, появлению прилагательных *контрибуционный*, *фортификационный*, *экзекуционный*, *экспедиционный* предшествовало функционирование однокоренных образований *контрибуцкий*, *контрибучный*, *фортификацейный*, *экзекуцный*, *экспедичный*. Последние очень скоро ушли из языка, уступив место устойчивым образованиям на *-онный* уже в XVIII в.

Однако в ряде случаев образования от существительных на *-ция*, *-зия*, *-сия* с суффиксами *-н-*, *-ск-*, *-тельн-* и других задерживались в языке на более длительное время, и их вытеснение образованиями на *-онный* происходило уже за пределами XVIII в. Так, на протяжении всего XVIII в. от существительных *амуниция*, *дистанция*, *комиссия*, *нотификация* вместо образований на *-онный*, утвердившихся в русском языке позднее, функционировали прилагательные с суффиксами *-н(н)-*, *-ийн-*, *-ск-*, *-тельн-*: *Иметь аммуницинную одноколку* (ПБП III 504 1705); *амуницийная одноколка* (ПБП III 505 1705); *аммуничных вещей* (ДПС I 420 1711); *аммуничных денег* (ПСЗ XXI 903 1783); прилагательное

амуничный фиксирует и «Словарь Академии Российской»: «**Аммуничный**. К аммуниции принадлежащий. Аммуничныя деньги, т. е. деньги, выдаваемыя на аммуницию» (I 30); «Сей походный начальник, ответствуя непосредственно за неисправность подчиненных своих, состоять однакож должен под точною командою у главного походного дистаночного начальника» (ПСЗ XXV 192 1798); «Да сверх того ему Чиркину по обязательству своему против Комисского прожекта, под оную питейную продажу построить деревянное строение в два месяца» (ПСЗ X 417 1738); [67] «Нотификательныя грамоты о заключенном с Швециею мире» (АВ IV 316 1743) — ср. *нотификация* (АВ IV 316 1743).

Устойчиво употреблявшееся на протяжении всего XVIII в. прилагательное *навигацкий* только в последнем его десятилетии вытесняется образованием *навигационный*. Ср. существительное *навигация* 'наука о кораблевождении', известное в русском языке с первых лет царствования Петра I. В первой половине XVIII в. от него образовались прилагательные *навигацкий* (*навигатский*) и *навигатический*. В 1701 г. Петром I была основана математико-навигацкая школа. С этого времени до конца XVIII в. прилагательное *навигацкий* (реже — *навигатский*) устойчиво употребляется: «Таблицы синусов, тангенсов и секансов. . . тиснению преданы в Москве вторым типом. . . под надзрением Я. В. Брюса, тщанием и засвидетельством мафематиконавигацких школ учителей Андрея Фархварсона, Стефана Гвына и Леонтья Магницкого, 1716» (загл. книги); «И тако с великим недостатком трудятся маппы или карты прямолинейные и навигатские» (Геогр. ген. 631); «Четвертая часть разделена на две книги, в первой книге показано о компасе и локсодромии и проблемах навигацких» (Кн. навиг. IV 1); «Бугерово новое сочинение по навигации, содержащее теорию и практику морского пути. С франц. перевел математических и навигацких наук учитель Н. Курганов, 1764 г.» (загл. книги).

Под воздействием иноязычных прилагательных nauticus (лат.), nautique (фр.), nautisch (нем.), nautico (итал.) 'навигационный, мореходный' в русском языке в конце XVII в. появилось прилагательное *навтичный*: «Сказано ехать для наук навтичных» (АК I 254 1695). Образование *навтичный* не было устойчиво и вскоре ушло из употребления. Возникшее в первой трети XVIII в. образование *навигатический* («Реэстр книгам, обретающимся в кабинете, на иностранных языках. . . Навигатическая» — МАН I 466 1729) также было неустойчивым.

Прилагательное *навигационный*, закрепившееся в языке, впервые фиксируют источники 90-х годов XVIII в.: «Навигационныя

---

[67] Е. А. Земская отмечает позднее появление прилагательного *комиссионный*. Оно впервые лексикографически зафиксировано Словарем 1847 г. (см. кн.: Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного. . ., с. 372).

или мореходныя исследования. Сочинены господином Безу, с франц. подлинника на российской язык переведены и дополнены С. Гурьевым» (загл. книги); «Навигационных или мореходных изследований часть первая, содержащая в себе. . . главные правила о разрешении Навигационных вопросов» (Навиг. иссл. [1]). Однако еще Морской словарь Шишкова (1795 г.) приводит образование *навигацкий*.

В редких случаях наблюдалось семантическое размежевание однокоренных прилагательных на *-онный* и образованных по другим моделям. К их числу относятся *ревизионный* и *ревизский*. Эти прилагательные, соотносительные с заимствованным словом *ревизия* (лат. revisio, фр. revision), образовались на русской почве, так как соответствующих однокоренных прилагательных ни в латинском, ни во французском языке нет. *Ревизионный* и *ревизский* имеют чисто относительное значение 'относящийся к ревизии'. Их семантическая дифференциация была связана с закреплением образования с суффиксом *-онн-* в одних терминологических сочетаниях и с суффиксом *-ск-* — в других. Ср. терминологические сочетания с прилагательным *ревизионный*: *ревизионная комиссия*, *ревизионный оклад*, *ревизионный мемориал* и т. п. Однокоренное слово *ревизский* имело узкую сочетаемость: *ревизская сказка*, *ревизские души*. Вот примеры употребления этих параллельных образований в источниках XVIII в.: «Земская ревизионная коммиссия старалась привести и установить на лучшем основании ревизионной и вычислительной метод» (ПСЗ XVIII 939 1769); «Крестьян, кои живут от заводов более 20 верст, к работе не наряжать, а ревизионной оклад брать с них деньгами» (ПСЗ XVIII 163 1767); «В сельце Курове с деревнями продается 240 душ ревизских, с большею дачею и лесом на реке Двине» (МВ 1794 1421).

Параллельные однокоренные образования с суффиксами *-онн* — *-ональн-*, *-онн-* — *-альн-*, *-онн-* — *-арн-* возникали также в период формирования модели на *-онный*. Образования с суффиксами *-ональн-*, *-альн-*, *-арн-* соотносились с иноязычными прилагательными и обычно предшествовали появлению образований на *-онный*, возникавших уже на русской почве. Так, *инквизициональный*, *провизиональный*, *комиссиальный* возникли в русском языке раньше, чем соответствующие образования с суффиксом *-онн-*: «В 1546 годе дон Педро де ла Гаска член инквизиционального суда туда отправлен» (Прим. Вед. 1729 124); ср. *инквизиционный* у Радищева в переносном, качественном значении: «Вторая эпоха заключает в себе достопамятное в отношении казней царствование императрицы Елисаветы, когда с одной стороны существовала тайная канцелярия и весьма инквизиционный обряд и пытка, а с другой — уничтожена была казнь смертная» (Радищ. ПСС III 152).

Прилагательные *конституционный* и *конституциональный* появились в русском языке почти одновременно в связи с револю-

ционными событиями во Франции: «Известия из Франции от 22-го до 30-го июня ничего еще так громко не гласят, что бы достойно было или конституциональных или антиконституциональных буйств» (Пис. Б.—Б. 1792 5); «Конституционные хартии новых законодателей» (Долгор. 2). Ср.: «Конституционный акт французов. Так называется акт по превосходству, который 24 авг. 1792 года с первою статьею преобразовал управление королевское конституционное в республику единую и неразделимую» (Ян. II 365). Слово *конституциональный* не закрепилось в языке, вытесненное образованием на *-онный*.

Влиянием французского образца объясняется и появление прилагательного *пенсионарный* (фр. pensionnaire, ср. лат. pensionarius); «Пенсионер, пенсионарный; кто за торговым, за наемным столом ест; в трактир есть ходит, кто на чужих хлебах» (ЛВ II 639). Оно вскоре было вытеснено образованием на *-онный*, соотносительным с существительными *пенсион*, *пенсия*: «Для пропитания пасторских овдовелых жен оставлять по одному пенсионному гаку из казенных земель в каждом кирхшпиле» (ПСЗ XVII 713 1766); «Жалованье нашим обер-гофмейстеру и гофмейстеру и прочим чинам, кои оное получали от помянутой канцелярии по штатам или по особым нашим указам и по штатной ея пенсионной сумме. . . исправлять по прежнему без всякого затруднения и задержания» (ПСЗ XXII 704 1786).

Как уже отмечалось, прилагательные на *-онный* соотносятся с отглагольными иноязычными существительными, оформленными в русском языке при помощи окончания *-ия* существительных женского рода. Процесс семантического развития этих существительных, утрата ими процессуальности во многих случаях происходили на почве того языка, из которого заимствовались данные существительные. От них в русском языке свободнее производились прилагательные, чем в тех языках, из которых заимствованы эти существительные. Далеко не каждое прилагательное на *-онный* соотносится с соответствующим прилагательным в латинском и французском языках. Так, например, нет прилагательных во французском языке от существительных assignation, confiscation, exécution, émigration, navigation, observation, revision и др. Поэтому семантика прилагательных на *-онный* выводится прежде всего из семантики усвоенных русским языком существительных на *-ция*, *-сия*, *-зия*.

Из образованных в XVIII в. прилагательных на *-онный* не все сохраняли значение процессуальности, свойственное существительным на *-tio* (лат.), *-tion* (фр.). Это значение имели прилагательные на *-онный*, синонимичные причастиям или отглагольным прилагательным на *-тельный*. Таковы прилагательные *экзекуционный* — ср. «Продолжение. . . экзекуционных или исполнительных. . . дел» (ПЖ 1790 I 46); *юстификационный* — «Артикул такожде и силным юстификационным (оправдательным) пунктом был» (Прим. Вед. 1730 343); *фундационный* — ср. *уфундован-*

ный (ПСЗ XVIII 463 1768). Процессуальность выражает и *обсервационный*, которое объяснено в Словаре Яновского через отглагольное прилагательное на *-тельный*: «**Обсервационный**. . . Сие прилагательное, значащее: предостерегательный, наблюдательный» (III 14). Ср.: «Наблюдательный корпус при Польских границах» (ПЖ 1790 III 1606); «Граф выпросил себе позволение набрать изо всех полков корпус. . . назвал оный корпус обсервационным» (Зап. Дан. 106).

Типичной для прилагательных на *-онный* была их соотносительность с существительными, имеющими значение обобщенно-конкретное (*амуниционный дивизионный*, *порционный*, *рационный*, *пенсионный станционный*) или абстрактное (*аукционный*, *амбиционный*, *демаркационный*, *инквизиционный*, *конституционный*, *революционный*, *коронационный*, *ревизионный*, *реляционный*, *экспедиционный*, *эмиграционный* и др.).

Новая лексико-семантическая группа слов на *-онный* состоит в основном из относительных прилагательных. Среди них образования, с самого начала имеющие качественное значение, представлены единичными примерами. К их числу относится прилагательное *амбиционный*: «Прелюбочестной, то есть амбиционной человек. . . хочет, чтоб другие люди о нем хорошо рассуждали, ищет насильно вырывать себе честь и принуждать других к почтению себя, хватается за тень славы и не так за добродетель, как за знаки добродетели» (Коз. ФП 104). Лишь немногие прилагательные на *-онный* в пределах XVIII в. развили качественные значения. Едва ли не единственным среди них является *инквизиционный*.

Круг сочетаемости и сфера употребления прилагательных на *-онный* в XVIII в. остаются ограниченными. Обычно они входят в терминологические сочетания и употребляются в деловых, дипломатических, публицистических жанрах.

Прилагательные на *-онный* пополнили круг отвлеченной лексики русского языка. За счет прилагательных на *-онный* особенно интенсивно расширялся круг военной и морской терминологии: *дивизионный*, *демаркационный*, *коммуникационный*, *контрибуционный*, *контрваллационный*, *навигационный*, *обсервационный*, *операционный*, *порционный*, *рационный*, *редукционный* (ср. *редукционная карта*, фр. carte de réduction), *рекогниционный*, *фортификационный*, *циркумваллационный*; административно-хозяйственной, общественно-политической, юридической, коммерческой и финансовой терминологии: *апелляционный*, *дирекционный*, *инквизиционный*, *коэквационный*, *конституционный*, *конфедерационный*, *коронационный*, *пенсионный*, *ревизионный*, *реляционный*, *станционный* и *стационный*, *фундационный*, *экспедиционный*, *экзекуционный*, *эмиграционный*, *революционный*, *контрреволюционный*, *контумационный*, *конфискационный*, *юстификационный*, *аукционный*, *ассекурационный*, *ассигнационный*, *операционный* и др.

* * *

Разряды прилагательных с суффиксами *-н-*, *-ов-*, *-ск-* в течение XVIII в. пополнялись новообразованиями особенно интенсивно. Производящие основы таких прилагательных свободнее соединялись с суффиксами *-н-*, *-ов-*, *-ск-* по сравнению с предшествующими и последующими периодами развития русского языка. Вовлечение в словообразовательные процессы производных основ с типизированной структурой создавало почву для образования и вычленения новых суффиксов, которые в свою очередь давали ряды новообразований. XVIII век дает начало рядам отыменных образований с производными суффиксами *-очн-*, *-онн-*, *-енск-*, *-инск*,*-овск-*, активизируются образования с суффиксами- *ническ-*, *-тельск-*, *-ческ-*, *-остн-* и др.

Большое влияние на процесс образования прилагательных на *-ный*, *-овый*, *-ский* от имен существительных оказали иноязычные заимствования. Это влияние выражалось не только в активном усвоении русским языком заимствованных существительных, в результате которого от них образуются прилагательные, органически входящие в лексическую систему русского языка. Специфика лексико-грамматической системы русского языка состоит в том, что он значительно богаче относительными отыменными прилагательными по сравнению с западноевропейскими языками. В процессе приспособления заимствований к русской лексико-грамматической системе прилагательные возникали там, где другие языки выражали аналогичные понятия по-иному. Этим было вызвано появление большого числа относительных прилагательных, преимущественно на *-ный*, *-овый*, соответствующих первой части сложения германских языков или компоненту предложно-падежной конструкции французского.

При общем большом количестве различных по значению и словопроизводственным связям новообразований на *-ный* и *-овый* определенные семантические разряды пополнялись особенно интенсивно. К их числу принадлежат относительные прилагательные от основ вещественных существительных, названий материй, растений и их частей, частей и органов тела человека и животного, предметов быта, одежды и ее частей и других разрядов прилагательных от основ конкретно-предметного ряда.

Их значение, как правило, конкретизировалось в сочетаниях с существительными. Создавались незамкнутые ряды сочетаний типизированной структуры и семантики, в числе которых наряду со свободными было большое число терминологических и связанных сочетаний.

При всей абстрактности суффиксов *-н-*, *-ов-* и свободе их соединения с основами разной семантики, новообразования XVIII в. позволяют отметить тенденцию к их специализации. Суффикс *-ов-* специализируется на образовании прилагательных от основ конкретной семантики. Семантические и словопроизводственные связи суффикса *-н-* шире. Он дает не только обширный ряд ана-

логичных образований, но и большое число образований от абстрактных существительных.

Подавляющая часть новообразований XVIII в. на *-ный*, *-овый* пополнила разряд относительных прилагательных. Развитие качественных значений в них в пределах XVIII в. отмечается редко. Большей способностью к окачествлению обладают прилагательные от основ абстрактной семантики.

Суффикс *-ск-* в XVIII в. дал ряд новообразований, которые также отразили тенденцию к его специализации. Новообразования XVIII в. на *-ский* составляют группу прилагательных от названий лиц, коллективов и собраний людей, названий учреждений и т. п. Особенно активно пополнялся ряд таких новообразований за счет иноязычных основ, хотя их отличает бóльшая независимость от лексико-грамматической системы тех языков, из которых они заимствованы.

В числе причин появления большого числа прилагательных на *-ский* от имен лиц в первую очередь следует назвать сокращение сферы функционирования притяжательных прилагательных на *-ин*, *-ов*, *-j-*. Их вытесняют прилагательные на *-ский*, обладающие более широкой семантикой, способностью передавать не только значения принадлежности, но и типизированного свойства и качества. Для передачи указанных значений создаются также прилагательные с суффиксом *-н-*. Таким образом, в сфере производства прилагательных от имен лиц, коллективов людей и учреждений суффиксы *-н-* и *-ск-* сближаются, что ведет к образованию равнозначных дублетов.

ОТГЛАГОЛЬНЫЕ НОВООБРАЗОВАНИЯ

Новообразования на *-тельный*

Расширение словопроизводственной базы прилагательных на -тельный

В сфере отглагольного словообразования прилагательных суффикс *-тельн-* в XVIII в. принадлежал к числу наиболее активных и продуктивных. Новообразования с этим суффиксом составили в рассматриваемый период обширную группу в несколько сотен слов. Словообразовательный тип прилагательных на *-тельный* характеризовался в XVIII в. исключительным разнообразием семантической структуры, сложными взаимоотношениями с однокоренными дублетными и синонимичными образованиями по другим моделям, своеобразием функционального и стилистического их применения, а также особенностями их дальнейшей судьбы.[1]

---

[1] О словообразовательном типе прилагательных на *-тельный* в русском языке на разных этапах его развития в последние годы появился целый ряд ис-

По сравнению с ранним периодом развития русского языка продуктивность прилагательных с суффиксом *-тельн-* в XVIII в. резко возросла.[2] По направлению к современности активность их образования постепенно спадает.[3] Таким образом, XVIII в. был периодом особенно активного образования прилагательных на *-тельный.*

Одна из основных задач данного раздела исследования и состоит в выявлении как внешних, так и внутриязыковых причин роста и затем постепенного спада продуктивности рассматриваемого словообразовательного типа.

Почва для притока большого числа неологических образований на *-тельный* в XVIII в. была подготовлена уже предшествующим веком. Большое число устойчивых лексем, активно функционирующих и в современном русском литературном языке, отмечается памятниками XVII в. и более ранней эпохи.

Рост продуктивности словообразовательного типа прилагательных с суффиксом *-тельн-* в XVIII в. сопровождался процессом вытеснения ими ранее функционировавших в языке однокоренных образований. Так, с прилагательными *кормильный*, *мертвенный*, *неравный*, *нерассудный*, *оральный*, *отпустный*, *отзывный*, *отчаянный*, *призорный*, *умильный*, *чувственный*, *необщивный*, *необщный*, *обитальный*, *омерзостный*[4] и другими вступают в конкуренцию однокоренные образования XVIII в. на *-тельный*: *кормительный*, *мертвительный*, *неравнительный*, *нерассудительный*, *орательный*, *отпустительный*, *отзывательный*, *отчаятельный*, *призрительный*, *умилительный*, *чувствительный*, *необщительный*, *обитательный*, *омерзительный* и др. В устойчивых старых сочетаниях типа *верющее письмо*, *прелестное письмо*, *отзывное письмо*, *отпускная грамота* прилагательные *верющее*, *прелестное*, *отзывное*, *отпускная* вытесняются новообразованиями на *-тельн-*, и в XVIIIв. наряду с перечисленными сочета-

---

следований. См. прежде всего: Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного в русском литературном языке XIX в. М., 1964, с. 401—412, библиография исследований о прилагательных на *-тельный* в русском языке. На материале XVIII в. словообразование прилагательных с суффиксом *-тельн-* со всеми специфическими для этого периода развития русского языка особенностями специально не рассматривалось.

[2] Материалы для Словаря древнерусского языка И. И. Срезневского (т. I—III, СПб., 1893—1903) фиксируют немногочисленные образования на *-тельный* (около 50). Непродуктивность суффикса *-тельн-* в русском языке XI—XIV вв. отмечает Ж. Ж. Варбот (В а р б о т Ж. Ж. Древнерусское именное словообразование. М., 1969, с. 167).

[3] В исследовании «Словообразование современного русского литературного языка» (М., 1968) суффикс *-тельн-* в числе суффиксов продуктивных не назван (см. с. 100—101, где перечисляются словообразовательные типы, характеризующиеся ростом продуктивности в русском языке советской эпохи).

[4] См. «Материалы. . .» И. И. Срезневского и «Лексикон треязычный» Ф. Поликарпова.

ниями начинают функционировать сочетания *верительное письмо*, *прельстительное письмо*, *отпустительная грамота*, *отзывательное письмо*.

Активизация словообразования прилагательных с суффиксом *-тельн-* в XVIII в. была вызвана расширением их словообразовательной базы, с одной стороны, и увеличением семантической емкости данного словообразовательного типа — с другой. Это в свою очередь привело к выходу прилагательных на *-тельный* из сферы церковно-книжного языка в сферы деловых, научных и литературно-художественных жанров.[5]

Вплоть до начала XVIII в. производящей базой прилагательных на *-тельный* были главным образом глаголы абстрактной семантики.[6] От них образовывались, как правило, качественные прилагательные.[7]

Процесс вовлечения глаголов абстрактной семантики в словообразование прилагательных на *-тельный* продолжается и в XVIII в. Но наряду с этим сильно активизируется их образование от глаголов, обозначающих конкретные физические действия. За счет новообразований от данного типа основ растет разряд относительных прилагательных с суффиксом *-тельн-*. К концу XVIII в. поток новообразований рассматриваемого ряда увеличивается.

Если в первые десятилетия XVIII в. прилагательные с суффиксом *-тельн-* от глаголов конкретной семантики носили узкоспециальный характер (таковы, например, *разрезательный*, *метательный*, *заливательный*, *качательный*, *сожигательный* и др.), то уже в 30—40-е годы наряду с ними появляются прилагательные типа *курительный*, *пилительный*, *кричательный*, *запиратель-*

---

[5] Как указывает Ф. Г. Коровин, в XI—XVI вв. прилагательные на *-тельный* употреблялись преимущественно в церковно-книжных жанрах (Коровин Ф. Г. Прилагательные с суффиксом *-тельный* в русском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1955). Е. А. Охомуш отмечает слабую продуктивность указанных прилагательных в исконно русских литературно-художественных жанрах (Охомуш Е. А. Словообразование прилагательных в русском языке XVI—XVII вв. (на материале повестей «Казанское царство» и «О смутном времени»). Автореф. канд. дисс. М. 1961).

[6] Процесс формирования сложного суффикса *-тельн-*, его вычленения, самостоятельного функционирования в данной работе не рассматривается. Этот вопрос в лингвистической литературе освещался неоднократно и поразному (см. работы В. Вондрака, В. В. Виноградова, Л. В. Булаховского, И. С. Ильинской, Ф. Г. Коровина, К. И. Семиной, Е. А. Земской и др.). Мы разделяем мнение Ж. Ж. Варбот, утверждающей, что суффикс *-тельн-* самостоятельно функционировал и свободно соединялся с глагольными основами уже в древнюю пору развития церковнославянского и древнерусского языков (Варбот Ж. Ж. Древнерусское именное словообразование, с. 161).

[7] Ж. Ж. Варбот отмечает, что в XI—XIV вв. суффикс *-тельн-* производил только качественные прилагательные (Варбот Ж. Ж. Древнерусское именное словообразование, с. 168). Ф. Г. Коровин указывает на то, что в древнерусском языке прилагательные на *-тéльный* образовывались от глаголов неконкретного действия.

ный, *нюхательный*, *обонятельный*, выходящие за пределы узкоспециальных сфер. Во второй половине XVIII в. число таких новообразований возрастает. Появляются новые прилагательные типа *брительный*, *запекательный*, *марательный*, *отирательный*, *приискательный*, *резательный*, *растворительный*, *полоскательный* и т. п.

Таким образом, только в XVIII в. формируется разряд относительных прилагательных на *-тельный*. Только в XVIII в. стала возможной дублетная соотносительность отглагольных образований с суффиксами *-тельн-* и *-льн-*, так как последние были связаны по образованию с глаголами, обозначавшими конкретные физические действия. Появляются дублетные пары типа *брильный* — *брительный*, *бросальный* — *бросательный*, *жаловальный* — *жаловательный*, *кормильный* — *кормительный*, *крестильный* — *крестительный*, *курильный* — *курительный*, *мерильный* — *мерительный*, *обжигальный* — *обжигательный*, *паяльный* — *паятельный*, *пережигальный* — *пережигательный*, *плавильный* — *плавительный*, *полоскальный* — *полоскательный*, *припекальный* — *припекательный*, *черпальный* — *черпательный* и др.

Взаимодействие новообразований на ***-тельный*** *с иноязычной лексикой*

Наряду с глаголами, связанными с традициями церковно-книжного употребления, в словообразование вовлекаются глаголы общеупотребительные и исконно русские. Ср. образования *обнадежительный*, *отягчительный*, *отвечательный*, *улыбательный*, *мешкательный*, *попрекательный* и др.

Более свободное по сравнению с предшествующим периодом соединение суффикса *-тельн-* с этимологически разными основами не вывело, однако, этот суффикс из сферы чисто славянского словообразования. И в XVIII в. суффикс *-тельн-* не соединялся с основами неславянского происхождения.[8] Единичные и нестойкие образования от иноязычных основ типа *нотификательный* лишь служат подтверждением этой общей тенденции. Исключение составляет новообразование XVIII в. от заимствованного из французского языка глагола *рекомендовать* — *рекомендательный*, с XVIII в. прочно вошедшее в основной лексический фонд русского языка.

Вместе с тем иноязычный материал оказал сильное влияние на активизацию словообразования по модели на *-тельный*. Появление значительного числа неологизмов по этой модели обязано различного рода взаимодействию русских производящих основ с иноязычными словами. Здесь следует назвать прежде всего

---

[8] См. об этом: Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного. . ., с. 415.

процесс калькирования, в результате которого в русском языке XVIII в. возник обширный ряд неологических образований на *-тельный*.[9]

Кальки-прилагательные на *-тельный* в языке XVIII в. возникали для удовлетворения различных потребностей. Одна из них — потребность в новых терминах разных отраслей знания и общественной жизни. Известно, что в процессе создания научной терминологии важную роль играли переводы.[10] При переводах научной литературы и создавались кальки, среди которых значительный пласт составили прилагательные с суффиксом *-тельн-*, с помощью которых передавались иноязычные отглагольные образования, входившие в состав терминированного словосочетания. Кальки с немецких прототипов часто восходили к сложениям, первая часть которых — отглагольная основа — переводилась прилагательным на *-тельный*.

В результате калькирования в языке первой половины XVIII в. появились неологические прилагательные *касательный*, *отдалительный*, *отпрыгательный*, *правительный*, *притягательный* и *притязательный*, *прорезательный* и *разрезательный*, *равнительный*, *сожигательный*, *умалительный*, *увеличительный*, *увеличивательный* и *увеличательный* и др. Эти новообразования входили в новые составные термины математики, физики и географии, которые восходили к немецким и (реже) латинским прототипам: *касательный пункт* — нем. Berührungspunkt, *касательная линия* — нем. Berührungslinie, *отдалительное стекло* — нем. Fernglaß, *умалительное стекло* — нем. Verkleinerungsglaß, *увеличительное* (*увеличательное*, *увеличивательное*) *стекло* — нем. Vergrößerungsglaß, *прорезательная* (*разрезательная*) *точка* — нем. Durchschnittspunkt,[11] *правительная линия* — лат. linea directionis, *притягательная* (*притяжательная*, *притязательная*) *сила* — фр. force attractive, нем. anziehende Kraft и т. п.

Начиная с 30—40-х годов XVIII в., когда формируется терминология философии, анатомии, физиологии, медицины и дру-

[9] В процессе калькирования, естественно, использовались и старые прилагательные на *-тельный*. Ср., например, полукальки XVIII в. *основательная линия* — нем. Grundlinie, *зажигательный пункт* — Brennpunkt (Кутина Л. Л. Формирование языка русской науки. Л., 1964, с. 34).

[10] О роли калькирования в процессе создания терминологии арифметики Л. Л. Кутина пишет: «Создание терминологии в арифметике происходило, как правило, путем калькирования или буквального перевода терминов иностранных источников» (Кутина Л. Л. Формирование языка русской науки, с. 28).

[11] Л. Л. Кутина пишет по поводу калек *прорезательный* и *разрезательный*: «Подобные употребления представляют собой германизмы русского математического языка XVIII в. Встречаются они, как правило, в текстах, переводных с немецкого языка, и являются кальками немецких математических терминов durchschneiden, durchkreuzen, Durchschnittspunkt. Эти кальки просуществовали довольно долго, их можно встретить в языке 40—60-х гг. XVIII в.» (Кутина Л. Л. Формирование языка русской науки, с. 55).

гих естественных наук, появляются неологические прилагательные с суффиксом *-тельн-* в составе скалькированных терминов: *делительное лекарство* — нем. zerteilende Arznei, *легчительное лекарство* — нем. lindernde Arznei, *предохранительное средство* — нем. Verwahrungsmittel, *распускательное средство* — нем. Auflösungsmittel, *лечительные воды* — фр. eaux médicinales, *поправлятельное лекарство* — фр. médicament correctif, *объительная мышка* — лат. complexus musculus, *предлежательная причина* — лат. ratio objectiva.

В формировании военной, дипломатической, юридической и общественно-политической терминологии также немаловажную роль играли новые прилагательные на *-тельный*, возникшие в процессе калькирования соответствующих составных терминов западноевропейских языков. Так появились термины *одобрительное*, *препоручительное письмо* — фр. lettre de recommandation, нем. Empfehlungsschreiben, *отзывательная грамота* — фр. lettre de récréance, нем. Abrufungsschreiben, *отрешительный приговор* — нем. widerrufliches Urteil, *охранительная грамота* — нем. Schutzbrief, *подстерегательный корабль* — нем. Spähschiff, *помоществовательные войска* — фр. auxiliaires troupes, *постановительный закон* — фр. loi fondamentale и некоторые другие.

Из калькированных словосочетаний с прилагательными на *-тельный*, не составивших тематических групп, отметим сочетания *вызывательное письмо* (*цыдула*) 'вызов на дуэль' — нем. Ausforderungsbrief, *призывательное письмо* 'приглашение' — нем. Einladungsbrief, *приглашательная карточка* — нем. Einladungskarte, *описывательная поэзия* — фр. poésie descriptive, *отражательная печь* — фр. four à réverbère и т. п.

Прилагательные на *-тельный*, входившие в скалькированные с иноязычных составных терминов сочетания, часто не выходили за пределы данного сочетания. В словопроизводственном отношении они были связаны, как правило, с глаголами конкретной семантики и принадлежали к разряду относительных прилагательных.

Новообразования на *-тельный* в процессе калькирования возникали и как самостоятельно функционирующие слова, характеризовавшиеся свободной сочетаемостью. За счет такого рода калек пополнялся разряд качественных прилагательных на *-тельный*. Сфера их употребления первоначально ограничивалась переводной литературой, откуда они легко проникали в тексты оригинальные и затем, становясь словами общекнижного употребления, — в устную речь образованной части русского общества.

К числу калек XVIII в., не связанных с узкой сферой терминологического употребления, относятся прилагательные *занимательный* — фр. intéressant, *обстоятельный* — нем. umständlich, *соотносительный* — фр. corrélatif, *трогательный* — фр. touchant и т. п.

Как видно из приведенных примеров, прототипы этих калек — преимущественно французские прилагательные, реже встречаются немецкие образцы.

Источником пополнения калькированных прилагательных с суффиксом *-тельн-* были также русско-иноязычные и иноязычно-русские словари. Составители такого рода словарей охотно прибегали к образованиям на *-тельный* при переводе или передаче иноязычных слов определенной структуры русскими лексическими средствами. Подобного рода кальки-аналоги содержат словари Вейсманна, Волчкова, Геснера, Аделунга и др. Вот некоторые примеры: *кричательный*, *вопительный* — лат. clamatorius, нем. schreierisch, *манительная птица* — нем. Lockvogel, *отнимательное*, *лишательное словцо* — нем. benehmendes Wörtlein, *обладательное имя* — лат. nomen possessivum, фр. nom possessif, нем. Besitzwort, *образительные речи*, *слова* — нем. anzügliche Worte, *осмеятельное письмо* — нем. höhnische Schrift, *прибавительное движение* — лат. motus progressionis, фр. mouvement progressif, нем. fortfahrende Bewegung, *уразительный* — фр. mordant, piquant, нем. stichelnd и т. п.

Естественно, что среди прилагательных, возникших таким образом в дву- и треязычных словарях XVIII в., было много окказиональных образований, которые применялись для данного случая и не выходили за рамки словарей.

Процесс перевода, нахождения смыслового соответствия, калькирования зачастую проходил одновременно с непосредственным заимствованием соответствующего иноязычного прилагательного или с его образованием от основы заимствованного существительного на русской почве. В результате создавались ряды аналогических и синонимических образований типа *замешательный* — *конфузный*, *занимательный* — *интересный*, *описывательный* — *дескриптивный*, *отпрыгательный* — *эластический*, *помоществовательный*, *помогательный* — *ауксилиарный*, *постановительный* — *конституционный*, *склонительный* — *симпатический*, *верительный* — *кредитивный*, *возвышательный* — *гиперболический*, *отступительный* [12] — *эпизодический* и т. п.

Основные лексико-грамматические классы глаголов, производившие неологизмы на ***-тельный***

Для удовлетворения все растущих потребностей языка в новых образованиях на *-тельный* старая словообразовательная база была недостаточной. Этим вызвано активное вовлечение в словопроизводство прилагательных на *-тельный* глаголов таких лек-

---

[12] «Да выключатся из большия части историй рассуждения отступительныя. . . то что в них останется?» (Бакон 57). В оригинале: «Séparer

сико-грамматических классов, которые до XVIII в. почти не участвовали в их образовании.

Следует иметь в виду при этом, что наиболее сильными и устойчивыми в XVIII в. были словопроизводственные связи суффикса *-тельн-* с основами приставочных переходных глаголов совершенного вида на *-ить* и *-ать*, как это было в предыдущие и последующие периоды развития русского языка.[13]

Источники XVIII в. на всем его протяжении фиксируют обширный ряд новообразований на *-тельный* от глаголов указанного лексико-грамматического класса: *вверительный*, *вменительный*, *возбудительный*, *возобновительный*, *возродительный*, *вообразительный*, *воспретительный*, *восхитительный*, *выключительный*, *выразительный*, *вычислительный*, *дозволительный*, *доказательный*, *дополнительный*, *заключительный*, *замедлительный*, *заповедательный*, *затруднительный*, *избрательный*, *извинительный*, *издательный*, *изразительный*, *исключительный* и т. п.

Наряду с этим сильно активизируется образование прилагательных с суффиксом *-тельн-* от глаголов несовершенного вида. Об этом свидетельствует интенсивно пополнявшийся на протяжении всего XVIII в. ряд неологических образований на *-тельный* от переходных глаголов несовершенного вида на *-ать* (или *-ять*) и *-ить*: *бодрительный*, *бритительный*, *бросательный*, *величательный*, *верстательный*, *вносительный*, *возвышательный*, *воображательный*. *вопрошательный*, *выпускательный*, *вытягательный*, *гнательный*, *грабительный*, *делительный*, *замечательный*, *запирательный*, *значительный*, *избирательный*, *изобретательный*, *изображательный*, *качательный*, *кормительный* и т. п.

О возбуждении словообразовательной активности глаголов несовершенного вида свидетельствует широкое распространение образований на *-тельный* от глаголов с суффиксами *-ыва-*, *-ива-*, *-ва-*, до XVIII в. не производивших прилагательных вообще.[14] При этом следует принять во внимание, что они производились в равной мере свободно от глаголов как конкретной, так и абстрактной семантики и не имели каких-либо резких жанрово-стилистических ограничений.[15] Ср. новообразования XVIII в.: *вспомоществовательный*, *вызывательный*, *втягивательный*, *выгла-*

---

de la plupart des Histories. . . des dissertations épisodiques. . . que nous restera-t-il?» (цит. по кн.: Hüttl-Worth G. Die Bereicherung des russischen Wortschatzes im XVIII. Jahrhundert. Wien, 1956, S. 140).

[13] Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного. . ., с. 402.

[14] Ж. Ж. Варбот отмечает, что в XI—XIV вв. глагольные основы на *-ṇọ-* и *-yva-* не участвуют в образовании прилагательных (Варбот Ж. Ж. Древнерусское именное словообразование, с. 168.)

[15] По свидетельству Е. А. Земской, в XIX в. образования с суффиксом *-тельн-* от глаголов рассматриваемой структуры были возможны лишь в тех случаях, когда они обозначали конкретные физические действия. Из сферы терминологического словотворчества они не выходили.

живательный, *выстроивательный*, *заливательный*, *знаменовательный*, *извещавательный*, *назнаменовательный*, *недоумевательный*, *непризнавательный*, *обнадеживательный*, *пересаживательный*, *предзнаменовательный*, *соболезновательный*, *увещевательный* и др. Только для XVIII в. характерно активное вовлечение в словопроизводство прилагательных на *-тельный* от непереходных глаголов. От непереходных глаголов как совершенного, так и несовершенного вида в XVIII в. образовался обширный ряд неологизмов: *блудительный*, *вникательный*, *грозительный*, *знобительный*, *исчезательный*, *мерзительный*, *мешкательный*, *мешательный* (ср. *мешать* 'препятствовать чему-либо'), *обитательный*, *обладательный*, *подлежательный*, *подражательный*, *пренебрегательный*, *произрастательный*, *прозябательный*, *ристательный*, *сожалетельный*, *угрожательный* и т. п.

Словопроизводственную активность получают также основы возвратных глаголов. От них образовались неологизмы *старательный*, *стремительный*, *длительный*, *касательный*, *насмехательный*, *нестарательный*, *обходительный*, *отчаятельный*, *пресмыкательный*, *препинательный*, *усумнительный*, *улыбательный* и др.

Рост словообразовательной активности глаголов несов. вида вызвал появление дублетных образований на *-тельный* от однокоренных глаголов, противопоставленных по виду.

Часто это приводило к тому, что с образованиями от глаголов сов. вида, функционировавшими в языке уже в XVI—XVII вв., вступают в конкуренцию неологизмы XVIII в. от основ глаголов несов. вида. Так, старые образования *вопросительный*, *изобразительный*, *очистительный*, *понудительный*, *разделительный*, *увеселительный*, *пренебрежительный*, *прохладительный*, *совершительный* в XVIII в. сосуществуют с идентичными по семантике новообразованиями XVIII в. *вопрошательный*, *изображательный*, *очищательный*, *понуждательный*, *разделятельный*, *увеселятельный*, *пренебрегательный*, *прохлаждательный*, *совершательный* и т. п.

Однокоренные дублетные образования, подобные вышеприведенным, свободно возникали на всем протяжении XVIII в. Так возникли ряды дублетов *вообразительный* — *воображательный*, *известительный* — *извещательный*, *облегчительный* — *облегчательный*, *обнадежительный* — *обнадеживательный*, *отделительный* — *отделятельный*, *побудительный* — *побуждательный*, *подкрепительный* — *подкреплятельный*, *пригласительный* — *приглашательный*, *презрительный* — *презирательный*, *приуготовительный* — *приуготовлятельный*, *произрастительный* — *произрастательный*, *растворительный* — *растворятельный*, *увеличительный* — *увеличательный* — *увеличивательный*, *угрозительный* — *угрожательный*, *уничтожительный* — *уничтожательный*, *усыпительный* — *усыплятельный*.

Соотносительность прилагательных на ***-тельный*** *с причастиями*

Активное вовлечение в словопроизводство прилагательных на *-тельный* глаголов разных лексико-грамматических разрядов привело к изменению семантической структуры рассматриваемого словообразовательного типа прилагательных по сравнению с таковыми предшествующих периодов развития русского языка. Одна из существенных тенденций этого изменения проявилась в том, что прилагательные на *-тельный* в XVIII в. приобретают ярко выраженный процессуальный характер. Это в особенности характерно для относительных прилагательных данного разряда в отличие от качественных, в которых процессуальность в большей или меньшей мере всегда осложнена оттенками признаковости. Именно этим обстоятельством объясняется активизация словопроизводства прилагательных с суффиксом *-тельн-* от глаголов несов. вида, в наибольшей степени выражащих процессуальность.

Доказательством сильной процессуальности прилагательных на *-тельный-* в XVIII в. служит их семантическая близость к однокоренным причастиям на *-щий*.[16] Соотносительность образований на *-тельный* и на *-щий* от одних и тех же глагольных основ характеризует весь XVIII в., но особенно заметно она проявляется в конце XVIII в., когда более четко определилась семантическая структура словообразовательного типа на *-тельный*.

Создаются идентичные в семантическом и стилистическом отношении ряды образований типа *верстательный — верстающий*, *занимательный — занимающий*, *привлекательный — привлекающий*, *притягательный — притягающий*, *пронзительный — пронзающий*, *развратительный — развращающий*, *разительный — разящий*, *терзательный — терзающий*, *угрожательный — угрожающий* и т. п. Как можно убедиться из приведенных примеров, подобного рода соотносительность в наибольшей степени свойственна образованиям от основ несов. вида (действительные причастия настоящего времени образуются только от этих основ).

О близости значений однокоренных образований на *-тельный* и на *-щий* свидетельствуют следующие примеры из источников XVIII в.: «Верстательный круг, верстающий» (Кн. мор. пл. 5); «Он описал мне [военную службу] самыми разительными словами» (ПД I 20); «Вас видел я в изнеможении телесном, вас безчувственным я зрел, когда разящая весть блаженства вас лишенных объявляла» (Рад. Чел. III 83); «Терзательныя укоризны, мучительныя угрызения совести отравляли всякую минуту кающейся красавицы» (ППВ VI 236—237); «Проходя протекшие времена и столетия, мы везде обретаем терзающие черты власти» (Рад. Пут. 306); «Правдивой старик сказал, что ему приятнее бы

[16] См. об этом в работах А. А. Потебни, В. В. Виноградова, Ф. Г. Коровина, Е. А. Земской.

было итти пешком, нежели ехать в той усыпительной люльке [т. е. карете]» (П. Львов Р. Памела I 45); «Какое щастие последовало бы для всех людей. . . естьлиб Юпитер открыл им тайну, как составлять сей усыпляющий порошок!» (ПД I 268); «. . .говорить всякие трогающие безделки» (Жив. 104); «Граф Перигор читал потом речь весьма трогающую» (Пис. Фонв. 496 1777); «Как повесть сама собою есть весьма трогательная, то очень скоро навернулись слезы на глазах моих» (Фонв. Призн. 10); «. . .при сем трогательном зрелище» (Кар. ДВ 1787 IX 58); «Надлежит также и о том рассуждать, что мы нашими чувствами, увеличивательными стеклами в них [корольках] усматриваем» (Прим. Вед. 1741 23); «Ни простым глазом, ни посредством увеличивающего стекла не можно никакого связывающаго сии части существа приметить» (Гергард 51) и т. п.

Убедительный материал, подтверждающий идентичность значений однокоренных прилагательных на *-тельный* и причастий на *-щий*, дают словари XVIII в., в которых либо прилагательные с суффиксом *-тельн-* толкуются с помощью причастий на *-щий*, либо оба образования даются как синонимы. Несколько примеров: «**Верительный**. Верющий; свидетельствующий о препоручении кому какого дела» (САР I 1008); «**Побудительный**. Понудительный, побуждающий, поощряющий» (САР I 371); «Сгибательные, сгибающие мышцы». (Сл. анат.-физиол. 38), «Совокупительная, совокупляющая очная оболочка» (Сл. анат.-физиол. 124); «Объемлющая, объительная мышка» (Сл. анат.-физиол. 24) и т. п.

Характер соотношения прилагательных на *-тельный* с их иноязычными аналогическими образованиями также подтверждает близость их значения действительным причастиям.[17] Богатый материал для таких сопоставлений дают иноязычно-русские и русско-иноязычные словари XVIII в., а также переводы и глоссированные тексты.

Обычным для перечисленных источников было соответствие русских прилагательных на *-тельный* participii praesenti activi латинского, немецкого и французского языков. Несколько примеров: лат. emmoliens medicamentum — *легчительное лекарство*, medicamentum discutiens — *делительное лекарство*, exhilarans — *увеселятельный* и т. п.; фр. agissant — *старательный*, convainquant — *уверительный*, piquant, mordant — *уразительный*, intéressant — *занимательный*, méprisant — *уничтожательный*; нем. stopfend — *запирательный*, vorbildend — *знаменовательный*, verachtend — *непочтительный*, drohend — *угрожательный*, purgierend — *слабительный*, entscheidend — *определительный* и т. п.

---

[17] А. А. Потебня отметил близость значений немецких Partizip I и русских прилагательных на *-тельный*: «По значению им (прилагательным на *-тельный*, — *авт.*) соответствуют немецкие от причастия настоящего: schlagend, treffend, reizend, zwingend, auffassend, bedeutend, ansprechend и пр.» (Потебня А. А. Из записок по русской грамматике, т. III. М., 1968, с. 314).

Вместе с тем уже с начала XVIII в. широкое распространение получают прилагательные на *-тельный*, выражающие пассивное процессуальное значение. Хотя это значение менее характерно для рассматриваемых прилагательных, чем активно-процессуальное, можно привести многочисленные примеры из различных источников XVIII в., подтверждающих, что и оно входило в сложную семантическую структуру словообразовательного типа на *-тельный*. Ср.: «Власть сего государства не есть самодержавна, но избрательна» (Геогр. 1710 31); «Большая часть их [островов] обитательна, а иные пусты» (Геогр. 1710 77); «Надежда прибыли зело усумнительна» (Пуф. Ист. 1718 15); «Ета вещь [камень], которая тебе кажется быть раздробительна, тягостна и сера, можешь ли ты мне сказать, что она такое?» (Труд. пч. 473); «Он [автор] избирает самое нужнейшее к приобретению общей пользы, и оное представляет в понимательном и приятном виде» (ЕС 1763 II 166); «Девушки так воспитательны быть имеют» (Подраж. 18); «Эта мнимая картина мира есть только вообразительная. Не должно ли доказать, что такие писатели не знали мира?» (Кар. ДВ 1787 XI 33); «Естьли непостоянство осудительно, то неосновательность в заключениях еще осудительнее» (Пант. ин. сл. III 72) и т. п.

Прилагательные, выражавшие пассивные процессуальные признаки, характеризуют их близость к значению страдательных причастий. В XVIII в. были нередкими случаи образования прилагательного на *-тельный* и пассивного причастия от одного и того же глагола, причем обычно наблюдалось полное семантическое и стилистическое совпадение этих образований: *замешательный — замешанный*, *возвышательный — возвышенный*, *угрозительный — угроженный*, *соблазнительный — соблазненный*, *предзнаменательный — предзнаменанный*, *утончительный — утонченный*, *обаятельный — обаянный*, *устремительный — устремленный*, *умилительный — умиленный*, *развратительный — развращенный* и т. п. Реже наблюдается дублетность прилагательных на *-тельный* и причастий пассивных наст. вр. Ср.: *прозябательный — прозябаемый* и т. п.[18] Об идентичности значений приведенных выше однокоренных образований свидетельствуют следующие примеры: «Электоральской Баварской принц зело умилительное письмо к цесарю писал» (СПб. в. 1719 7); «. . .умиленный глас. . .» (Тред. Тилем. I 139); «Распределение границ в новой Шотландии между нашими и французскими комиссарами в Париже замешательнее становится» (СПб. в. 1750 686); «Не возможно, что бы чрез составление из замешанных, ложных и пустых мыслей могло произродиться знание, которое имело бы гораздо высочайшей степень совершенства» (УС 1777 I 211—212); «Экономия занимается снисканием всех натуральных произведений. . . дабы. . . посредством утончительного искусства худож-

[18] Несколько иной характер имела соотносительность образований на *-тельн-* и на *-ем/-им* с приставкой *не-*, о чем см. ниже, с. 241.

ников сделаться часть торговли» (Нов. О торг. 549); «Изобретательной ум и утонченное искусство превозходят здесь все пределы, достиженные по ныне другими народами» (Приб. МВ 1783 53).

В тех случаях, когда на процессуальность прилагательных на *-тельный* наслаивались оттенки качественных значений, активные и пассивные оттенки совмещались в пределах одной лексемы. Это характеризует не только XVIII в., но и начало XIX в.[19]

Примеры совмещения активных и пассивных процессуальных значений в пределах одного прилагательного в текстах XVIII в. многочисленны. Вот некоторые из них: «Сыскать точку касательную» (Геом. 1709 88); «Касательная линея» (Мат. Рум. 211); «Презрительное слово в поругание женам» (ЛВ II 763); «Он жалок по человечеству, а презрителен по делам своим» (Лук. Мот. 108); «Жилы. . . обонятельная, нюхательная» (Анат. Г. IX); «Также приносятся всякие там обонятельны Во́дки» (Тред. Тилем. I 63); «Всегда готов во всяком месте слабому существу приобщиться и направить всякий ум, который подвержен обману и развратителен во вся веки» (Кант. Прир. 73); «Такие то развратительные примеры произшедшие, может быть, от одного любопытства заглянуть в книгу, не должно ли прекратить и предостеречь наших молодых людей, что бы они опасались всякой книги?» (СПб. М. I 36) и т. п.

Прилагательные на *-тельный* могли применяться и в чисто относительных значениях. В этих случаях они имели более тесные семантические связи не с глаголами, а с отглагольными существительными, а сочетание прилагательного на *-тельный* с определяемым существительным было синонимично сочетанию существительного в именительном падеже с существительным в косвенном с предлогом или без предлога. В XVIII в. новообразования на *-тельный* часто возникали для передачи именно этих значений.[20] Таковы прилагательные *вычислительный*, *заступительный*, *казнительный*, *неудовольствительный*, *переводительный*, *предложительный*, *предсказательный*, *произрастательный* и т. п. в следующих случаях: «Земская ревизионная комиссия старалась. . . привести и установить на лучшем основании ревизионной и вычислительной метод» — т. е. метод вычисления (ПСЗ XVIII 939 1762); «Просим блаженство ваше, дабы не препомнил нас всегда во своих патриаршеских и к богу заступительных молитвах» — т. е. молитвах о заступничестве (ПБП II 55 1702); «Казнительные уставы, коих первое намерение состоит в том, чтобы предупредить преступление, а не казнить за оное. . . сделаются. . . мечами, падающими дождем на голову народа» — т. е. уставы

---

[19] Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного. . ., с. 406.

[20] Это значение было характерно для прилагательных на *-тельный* и в XIX в. (Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного. . ., с. 403).

о казни (Бакон 148); «. . .Брать от оных купцов переводительные вексели» (Зап. Шах. 172); «Я не буду здесь разсматривать, не происходит ли красноватый цвет в земле произрастательной. . . от содержащегося в ней железа» (Ист. Бюф. I 228); «Всяк ведает или не ведает свое умоположение: иной имеет дар предложительный, другой не имеет ответственной, дедушкин ум весь составлен из заключений» (Были и небылицы 142); «Между всеми таковыми предсказательными науками никоторая так глубоко не вкоренилась, как астрология или звездословная наука» (Прим. Вед. 1735 122) и т. п.

Особенности семантики и сочетаемости относительных и качественных прилагательных на ***-тельный***

Рассмотренные в самых общих чертах значения прилагательных на *-тельный* реализовались в конкретном словоупотреблении и в словосочетаниях, в которые они входили.

Семантика прилагательного на *-тельный* зачастую зависела от характера определяемого слова. С другой стороны, рассматриваемые прилагательные сочетались с существительными в зависимости от семантики производящей основы прилагательного. Так, в сочетании с существительными абстрактной семантики типа *сила*, *средство* 'энергия, действие', *движение*, *действие* и т. п. семантический центр перемещается с существительного на прилагательное. Прилагательные, входящие в такие сочетания, с наибольшей полнотой выражают процессуальное значение. Неологизмы для выражения этих значений на протяжении всего XVIII в. возникали свободно. Ср.: *воображательная* и *вообразительная сила*, *возобновительная*, *втягивательная сила*, *качательное движение*, *облегчательная*, *отворятельная сила*, *отирательное действие*, *побудительная сила*, *помешательное намерение*, *поострительная*, *прохлаждательная*, *разделятельная* и *разделительная сила*, *раздражительное действие*, *укротительное средство*, *делительное средство*, *делительная сила*, *соизволительное решение*, *убедительная*, *усладительная*, *усыплятельная*, *склонительная сила*, *потрясательные движения* и т. п. Прилагательные в приведенных сочетаниях выражают само действие, они в наименьшей степени осложнены качественными оттенками. Их близость к отглагольным существительным (*воображательная сила — воображение*, *качательное движение — качание*, *понуждательная сила — понуждение* и т. п.) придавала приведенным выше сочетаниям плеонастический характер. Этим объясняется нестойкость прилагательных, ограниченных в употреблении только сочетаниями рассматриваемого типа, как как они оказывались избыточными. Сохранялись только те из них, которые входили в сочетания других типов и благодаря этому приобретали переносные значения (*усыпительный*, *раздражительный*, *убедительный*, *усладительный* и др.). Но процесс ухода из языка прилагательных

на *-тельный* рассматриваемой семантики происходит за пределами XVIII в. Для XVIII в. на всем его протяжении такие сочетания были характерной приметой стилей научной и деловой прозы. Вот несколько примеров такого употребления: «Соизволительное решение» (ПБП III 277 1705); «В своих намерениях помешательных. . .» (Шаф. 20); «Рассуждение о движении качательном струн, колоколов, барабанов. . .» (МАН I 278 1727); «Любовь к отечеству, стыд и страх поношения суть средства укротительныя и могущия воздержать множество преступлений» (ПЗС XVIII 203 1767); «Сущность души состоит в воображательной силе» (Аничк. 1770 12); «Коренья [лилии] имеют разделятельную, прохлаждательную и облегчательную силу» (ЭМ IX 352); «Таковою побудительною силою к насыщению своего любопытства гонимые люди не требуют никаких иных побуждений к распространению их знания, кроме находящихся в собственной их склонности» (Приб. МВ 1784 405); «Навоз же скотский. . . имеет в себе летучую щелочную соль и удобно втягивательною своею силою сообщает земле плодородие» (Рад. Влад. 175) и т. п.

В сочетаниях с существительными, обозначающими конкретные предметы, прилагательные на *-тельный* имели значение 'служащий для чего, предназначенный для чего'. В них входили прилагательные, соотносительные с глаголами конкретного действия. В отличие от рассмотренного выше типа сочетаний семантическим центром данных сочетаний является существительное, называющее производителя или объект действия, обозначаемого прилагательным. Прилагательные в них отличает процессуальность. Это сочетания типа *кормительный сок*, *отражательная печь*, *подозрительные стекла*, *заливательные трубы*, *курительный табак*, *обжигательная печь*, *плавительные горшки*, *черпательное колесо*, *полоскательная чашка*, *отделятельная колба*, *пересаживательный инструмент*, *припекательные щипцы*, *пережигательная печка*, *пилительное орудие*, *резательный станок*, *спаятельный клей*, *сгибательные мышки*, *совокупительные оболочки*, *подстерегательные корабли*, *помоществовательное войско*, *манительная птица*, *увеличительное стекло*, *обонятельная жила*. Как можно убедиться из приведенных примеров, это, как правило, устойчивые терминированные сочетания, причем прилагательные, входящие в них, легко вступают в синонимические отношения с прилагательными на *-льный* (см. об этом выше).

На протяжении всего XVIII в. сочетания рассматриваемого типа возникали свободно, и процесс активного вытеснения в них прилагательных на *-тельный* однокоренными образованиями на *-льный* проходит обычно уже за пределами XVIII в. Несколько примеров из текстов XVIII в. с рассматриваемыми сочетаниями: «Для охранения ж от пожарного случая приготовить на оный остров и в другие места парусы и щиты и заливательныя трубы и крюки и вилы» (ПСЗ VII 95 1723); «Доктор Массуэт почитает оныя [ножки червей] за некоторое пилительной орудие, которым

такие черви дерево пилят» (Прим. Вед. 1733 125); «Жилы... обонятельная, нюхательная» (Анат. Г. XI); «Для плавительных горшков удобная глина еще в тех местах не обыскана» (Пут. Леп. I 24); «Суетон... усматривает нечаянно на уборном своем столике листок Ведомостей, берущийся из Академии на завивку его волос и на опробование припекательных щипцов» (УЧ 1788 I 5—6); «Если положить глину в отражательную печь... то сверху покроется она муравою твердою» (Ист. Бюф. I 246); «Полоскательная чашка» (САР IV 980) и т. п.

Четко определилась уже с начала XVIII в. группа словосочетаний с прилагательными на *-тельный*, имевшими значение 'обладающий таким-то действием'. Новые прилагательные, выражавшие это значение, появлялись свободно и составили в XVIII в. обширный ряд. Ср. сочетания *прохлаждательное*, *гнательное*, *подкрепительное*, *слабительное*, *укреплятельное*, *делительное*, *легчительное*, *поправлятельное*, *предохранительное лекарство*, *лечительные воды*, *смягчительная*, *усыпительная трава*, *вытягивательные припарки*, *разгорячительные кушанья*, *знобительная материя* и т. п. Прилагательные в приведенных сочетаниях обозначают по преимуществу физиологические процессы. Определяемые существительные в рассматриваемых сочетаниях составляют довольно замкнутую лексико-семантическую группу, в которую входят общие названия лекарственных веществ, растений, названия пищи и питья и т. п.

Таким образом, благодаря общей сильной процессуальности прилагательных на *-тельный* они могли обозначать процесс как свойство предмета. Во многих случаях в современном русском языке это значение в аналогичных сочетаниях стали выражать действительные причастия настоящего времени (ср. субстантивированные причастия *облегчающее*, *укрепляющее*, *смягчающее* и т. п., которые обозначают лекарства по их действию).

С начала XVIII в. и на всем его протяжении активно пополняется лексико-семантическая группа прилагательных на *-тельный* в значении 'содержащий что'. Эти прилагательные, совмещающие в себе качественные и процессуальные значения, сочетаются с существительными определенного лексико-семантического ряда (*письмо*, *грамота*, *трактат*, *писание*, *указ*, *слово*, *речь* и т. п., т. е. то, что пишется, говорится, сообщается человеком в процессе общения): *доказательное письмо* 'письмо, содержащее доказательства', *наставительная книжица* 'книжица, содержащая наставления', *угрозительный голос* 'голос, содержащий угрозу' и т. п. Ср. новообразования XVIII в. на *-тельный* в составе словосочетаний с существительными указанного ряда: *верительное* и *вверительное письмо*, *верительная грамота*, *грозительные рассказы*, *возобновительный трактат*, *вызывательное письмо*, *дозволительное письмо*, *доносительные статьи* (*письма*), *заклинательные молитвы*, *заступательная речь*, *исцелительные наставления*, *напоминательный указ*, *научительная книга*, *нотифика-*

тельная грамота, *обнадеживательная грамота*, *объявительное писание*, *объявительная грамота* (*указ*, *письмо*), *осмеятельное письмо*, *отзывательная грамота*, *отпустительная грамота*, *подтвердительный указ* (*сказка*), *посвятительные письма*, *предостерегательные известия*, *предызвестительные письма*, *прельстительные письма*, *приглашательная карточка*, *призывательное письмо*, *простительная грамота*, *рекомендательное письмо*, *сожалетельное писание*, *уведомительное писание*, *утвердительная речь* (*акт*), *угрозительные слова*, *увольнительный вызов*, *узаконительная грамота*, *хулительные слова* и т. п.

Значительную часть приведенных выше словосочетаний составляют административно-канцелярские, юридические и дипломатические термины. Сочетаемость их ограничивается узким кругом лексики. Их характеризует также жанрово-стилистическая ограниченность. Они свойственны языку дипломатических документов, делового письма и т. п. Несколько примеров: «Статьи доносительные первые, присланные из Смоленска от 25 июня 1708 г.» (ПБП VIII 29 1708); «. . .послать подтвердительные печатные указы» (ПСЗ VI 290 1721); «. . .имеет разолюции, указы напоминательны» (Бум. КМ 218); «. . .не имея опровергательных указов» (ПСЗ XI 137 1740); «Слушать. . . соизволила записку чинимому прусскому министру Марденфельду ответу на его предложение о переправке и прибавках в сообщенном ему в Москве к возобновительному союзному трактату контра-проекта» (АВ IV 229 1743); «Бакон подал прошение королю о простительной себе граммате» (Жит. Бак. 89); «Семонвилль. . недавно получил вверительныя грамоты, уполномочивающия его в качестве чрезвычайного посланника при Туринском, Пармском и Моденском дворах» (Пис. Б.-Б. 1792 372) и т. п.

Рассмотренные неологические образования XVIII в. на *-тельный* составляют лексико-семантическую группу относительных прилагательных, реализующих свои значения в зависимости от характера словосочетания.

Качественные прилагательные, появившиеся в XVIII в. как новообразования, составляют обширную группу, отличающуюся от относительных семантикой, характером жанрово-стилистического применения, сочетаемостью и дальнейшей судьбой.

Новообразования XVIII в. рассматриваемого ряда пополняют сформировавшуюся уже до XVIII в. группу качественных прилагательных.[21] Однако по условиям своего возникновения, по жанрово-стилистическим признакам и по семантике они во многом отличаются от старых образований этого ряда.

Группа качественных прилагательных на *-тельный* пополнялась на протяжении всего XVIII в., но с середины века их образование идет особенно активно. Это было вызвано общими про-

---

[21] Выше уже указывалось, что в древнерусском языке модель на *-тельный* образовывала почти исключительно качественные прилагательные.

цессами развития категории качественности, начавшимися именно в этот период и все усиливавшимися по направлению к современности.

Потребности в создании новых художественно-выразительных средств новых литературно-художественных жанров, в особенности преромантизма и сентиментализма последних двух десятилетий XVIII в., в значительной мере удовлетворялись за счет вновь возникавших отглагольных прилагательных на *-тельный*, которые выступали в функции эпитетов. В связи с этим следует отметить особенно активное пополнение неологизмами группы экспрессивно-оценочных прилагательных. Ср. прилагательные *восхитительный*, *мерзительный*, *обольстительный*, *омерзительный*, *ослепительный*, *очаровательный*, *отвратительный*, *пленительный*, *презрительный*, *привлекательный*, *разительный*, *трогательный*, *умилительный*, *усладительный* и т. п., возникшие во второй половине XVIII в. Вот несколько примеров употребления перечисленных прилагательных в художественной прозе и поэзии второй половины XVIII в.—первых лет XIX в.: «Сия женщина хотя и не имела ничего отвратительнаго, но точно такия имела поступки» (Трут. 1769 244); «Презренный от всей вселенной я бы щитался предметом без полезным и омерзительным» (Абеляр 161); «Надежда! где ты? увы! исчезли восхитительныя мечты твои!» (Н. Эмин Игра судьбы 149); «Он хотел совершенно изгнать из своих мыслей ея образ со всеми очаровательными прелестями, беспрестанно пред ним носившимися» (ППВ VI 245); «Она была так любезна, трогательна в нежной томности своего взора» (Пант. ин. сл. I 174); «Песнь ваша стройна и разумна; — Ах! — как пленительна она!» (Бобр. Тавр. 103); «Все выдумки обольстительнейшего кокетства и самого утонченного сладострастия были употреблены» (ММ II 174—175) и т. п.

Все углублявшийся процесс познания внутреннего мира человека, его психики вызвал к жизни новые слова, характеризовавшие его моральные и духовные качества. Среди таких новых слов отметим новообразования на *-тельный*: *изобретательный* (ум), *необходительный* 'грубый, невоспитанный (о человеке)', *предусмотрительный*, *признательный*, *развратительный*, *старательный*, *чувствительный* и некоторые другие. Неологизмы подобного рода обычно впервые появляются в памятниках художественной и журнальной прозы, откуда они легко выходили в сферы общелитературного устного и письменного применения. Несколько примеров из текстов XVIII в.: «Одного из сих предводителей возненавидел и почел бы его за необходительнаго, угрюмаго, ненавистника рода человеческого» (ТП 401); «Любовь в бедности есть сугубое мучение для чувствительных сердец» (Пуст. 39); «Простил бы то я тебе, ради признательныя твоея души ко благодеяниям» (Рад. Пут. 444); «Будучи умнее и предусмотрительнее готтентотов, гнали они с собою большия стада быков» (МЖ I 127); «Он [автор] имеет изобретательную силу, богатое воображение и жи-

вое чувство» (Кар. ПРП II 120); «Мне, как старательному и доброму врачу, надобно довершить ваше излечение» (Пант. ин. сл. II 10).

В появлении неологизмов рассматриваемого ряда не последнюю роль играли переводы произведений художественной литературы с западноевропейских языков. Потребность в передаче иноязычных эпитетов средствами русского языка в значительной мере удовлетворялась за счет отглагольных прилагательных на *-тельный*. Мы уже указывали на образование калек *замешательный*, *занимательный*, *обстоятельный*, *трогательный*. В результате семантической индукции возникли прилагательные *умилительный*, *привлекательный*, *изобретательный*, *невразумительный*, *поразительный* и др.

Качественные прилагательные в XVIII в. обладали в большей степени оттенком процессуальности по сравнению с более поздним периодом (о семантической близости активных и пассивных причастий и прилагательных на *-тельн-* см. выше, с. 219—221). Следует принять во внимание, однако, что во всех случаях значение качественности в них преобладало над оттенками процессуальности. Сближение значений причастных форм и образований на *-тельн-* было двусторонним: причастия, употреблявшиеся в значениях, близких к качественным прилагательным на *-тельн-*, обладали сильными оттенками качественности (см. выше примеры из источников XVIII в. с прил. и прич. *трогательный* и *трогающий*, *занимательный* и *занимающий*, *замашательный* и *замешанный*, *умилительный* и *умиленный* и т. п.). До конца XVIII в. эти значения и соотносительность прилагательных на *-тельн-* и причастий сохраняется.

Качественные прилагательные на *-тельн-*, образованные в XVIII в., отличаются от относительных значительно более свободной сочетаемостью. Следует при этом иметь в виду, что и их сочетаемость не была абсолютно свободной.

Прежде всего она ограничивалась кругом литературно-книжной лексики. Прилагательные на *-тельный* рассматриваемой семантики редко сочетались с просторечными словами, принадлежавшими низким стилям. Таким образом, тот колорит «книжности», который они унаследовали от предшествующих эпох, сохранялся у них и на протяжении всего XVIII в.

С этим связана и вторая характерная особенность их сочетаемости — они сочетались преимущественно с лексикой абстрактной семантики (ср.: *трогательный* — повествование, зрелище, горесть, приятность, жар; *поразительный* — пример, прелесть, перемена, взор; *предосудительный* — дело, неизвестность, неблагодарность, намерение, интерес, мысли, обязательства, кондиции и т. п.; однако: *признательный мудрец*, *проницательный человек*, *усладительный друг* и т. п.). При этом чем шире было значение прилагательного, тем свободнее оно сочеталось с су-

ществительными различной семантики. Так, например, широкой сочетаемостью отличалось прилагательное *восхитительный* (пение, красноречие, диковинка, сила, гармония, взор, трепет, удовольствие, рассеяние, дух, шум, радость, выражение, изумление, состояние, мгновение, приятность, дни, мысль, описание, место, вид, мечты, впечатление). Но чаще наблюдается тенденция к ограничению сочетаемости прилагательных на *-тельн-* определенным кругом лексики. Это объясняется их способностью легко вступать в фразеологически связанные сочетания, что нередко было обусловлено сохранением связи семантики прилагательного с исходным, прямым значением производящей глагольной основы (ср. *пронзить — пронзительный*, *выразить — выразительный*, *ощутить — ощутительный* и т. п.). Уже во второй половине XVIII в. возникло большое число фразеологически связанных и полусвязанных сочетаний, в которые входили прилагательные на *-тельн-*: *выразительное лицо*, *выразительные черты*, *отвратительный запах*, *очаровательный взор* (*голос*), *пленительный голос*, *примечательный вид*, *разительные слова*, *разительный пример*, *пронзительный взор*, *пронзительные глаза* (*очи*), *пронзительный ветер*, *пронзительный вопль* (*крик*), *проницательный ум* (*человек*), *изобретательный ум* (*вкус*, *дух*) и т. п.

Однако ограничение сочетаемости рассматриваемых прилагательных на *-тельн-* семантически определенным кругом лексики было явлением более обычным. Ср.: *затруднительный* — всход (на гору), путь, дорога, переход; *невразумительный* — слова, задача, статья; *трогательный* — повествование, зрелище, повесть, монолог, роль, сцена, анекдоты; *обстоятельный* — ведомость 'известие', выписка, доношение, инструкция, каталог, описание, план, рисунок, экстракт; *занимательный* — игра, книга, беседа, история, приключение, тайна и т. п.

Полисемантизм глаголов как источник образования новых прилагательных на ***-тельный***

Группы качественных и относительных прилагательных на *-тельный* в XVIII в. достаточно четко отграничивались друг от друга. Источники этого периода почти не содержат материала для суждения о прямолинейном переходе относительных неологических прилагательных в разряд качественных. Обычным было сохранение относительными прилагательными их первоначального значения, а качественные прилагательные имели переносные и расширительные значения с момента своего возникновения. Совмещение качественных и относительных значений в пределах одного слова объясняется большой семантической емкостью производящих глагольных основ. От одной и той же основы, но от разных ее значений могли быть образованы или одновременно или в разное время в любой последовательности прилагательные

на *-тельн-* как в относительном, так и в качественном значениях.[22] При этом относительное прилагательное воспроизводится от прямого значения глагола, а качественное — от переносного. Таким образом, полисемантизм целого ряда отглагольных прилагательных на *-тельн-* объясняется практически ничем не ограниченной возможностью их воспроизводства от разных значений глагольной основы. Проиллюстрируем это на примерах.

Разительный. Со второй половины XVIII в. глагол *разить* употребляется как в прямом, так и в переносном значениях. Ср.: 1) 'уничтожать, поражать оружием': «Клеобул с афинянами помогал ему и разил всех, которые сражаться хотели» (Карита 139); 2) 'удивлять, поражать, изумлять': «И смерть твоя и жизнь мученье мне сулит, Воображение ужасно мя разит» (Сум. СС Ш 115 1750).

Прилагательное *разительный* образовалось во второй половине XVIII в. и было известно также в прямом и переносном значениях. В прямом значении: «**Разительный**. Весьма сильно ударяющий» (САР V 52); в переносном значении: «Не ужели мало выписал я разительных мест?» (СПб. М., II 135); «Минутныя горести младенца разительным образом отличаются от восторгов его веселости» (ППВ VI 21); «Избрал нарочно для слова своего публичное собрание, надеяся, что тем разительнее убедит меня» (Рад. Пут. 142) и т. п.

Усыпительный (*усыплятельный*). Глагол *усыпить* в XVIII в. был известен и в прямом значении ('заставить заснуть': «Жребий Сатурнов, коего. . . Юпитер усыпил посредством некотораго порошка, кажется мне гораздо щастливее, нежели самаго Юпитера». ПД I 268) и в переносных (1. 'навевать приятный сон, убаюкивать воздействием чего-либо' и 2. 'вызывать, навевать сон однообразием, монотонностью').

В соответствии с этим *усыпительный* и *усыплятельный* во второй половине XVIII в. применялись также и в относительном значении («Имеет он [табак] оглушательную, усыплятельную и проносную силу». ЭМ IX 278) и в качественных (1. «Сирен множество; и пение их так сладостно, усыпительно». Кар. ПРП V 86; 2. «Правдивой старик сказал, что ему приятнее бы было итти пешком, нежели ехать в той усыпительной люльке». П. Львов Р. Памела I 45).

Отвратительный в соответствии с прямым значением глагола *отвратить* 'предупредить, предотвратить' («Сыскан способ туже болезнь не только легчайшею зделать, но и совсем пагубное ея часто случающееся окончание уменьшить или отвра-

---

[22] О связи разных значений глагольных основ и прилагательных *обаятельный*, *очаровательный*, *обворожительный* см.: Виноградов В. В. О некоторых вопросах русской исторической лексикологии. — Известия ОЛЯ, 1953, в. 3, с. 208—209.

тить всеконечно» — Зыб. 1768 26) имело значение ‘предотвращающий, предупреждающий что-либо» («Должно ль человеку, как домостроительному правителю, и в экономии своего тела осторожно поступать, заблаговременно все приуготовив на все недостатки отвратительныя средства иметь в готовности, и оныя предупреждать для своего благосостояния и сохранения?» — Зыб. 1768 25).

Импульсом для возникновения переносных значений этого прилагательного — ‘в высшей степени неприятный, вызывающий отвращение’ и ‘противный, неприятный (о запахе)’ — послужило переносное значение глагола *отвратить* ‘возбудить в ком-либо чувство неприязни, отвращения’. Ср.: «Сия женщина хотя и не имела ничего отвратительнаго, но точно такия имела поступки» (Трут. 1769 244); «Мудрец не есть из числа тех угрюмых смертных, имеющих нечувствительное сердце и отвратительный вид» (ПД II 265); «Нет ничего сквернее и отвратительнее, как запах оных [клопов]» (Секр. Альб. 20).

Аналогичной была история образования прилагательных *поразительный*, *проницательный*, *пронзительный*, *укротительный*, *усладительный*, *унизительный*, *чувствительный* и др. в относительных и качественных значениях. Приведем несколько примеров: «Поразительные громы» (Пут. Сум. 233); «Сия пагуба столько ж поразительна» (Зыб. 1768 29); «Поразительный голос коснулся моего сердца» (Н. Эмин Роза 62); «Глаза ея сверкали огнем поразительной прелести» (П. Львов Р. Памела I 13); «Сия материя так тонка и проницательна» (Прим. Вед. 1739 38); «К комедиям простая речь способнее быть кажется, по тому что в них не так чювствительныя и не так проницательныя мысли употребляются» (Прим. Вед. 1735 180); «Ты, не озаряемая и самыми пронзительнейшими лучами светоноснаго бога, тайно процветаешь под сению густаго и престарелаго дуба» (МЖ VI 177); «Пронзительный ветр» (Пут. Сум. 104); «Пронзительное око» (Пос. КСБ 127); «Пронизительный вопль юнаго Аполлодора» (Пант. ин. сл. II 196); «Жилы чувствительные» (Зыб. 1773 14); «Тсангли и Клеменция ни к единому удовольствию столь чувствительны не были, как к музыке» (УС 1778 III 172).

В ряде случаев на протяжении XVIII в. реализовалось лишь одно из многих значений полисемантичного глагола — прямое или переносное. Так, в текстах XVIII в. только в переносном значении зафиксированы прилагательные *ослепительный*, *трогательный*, *пленительный*, *усладительный*, только в прямом — *раздражительный* и некоторые другие. Ср.: «Сей образ (image) можно назвать слишком блестящим, ослепительным» (МЖ VI 232); «Большая часть определенных для детского возраста книг состоит из приятных историек, трогательных анекдотцев о чрезвычайно добрых делах» (Приб. МВ 1783 283); «Поэт сопровождает мораль свою пленительными образами, живит ее в лицах и производит более действия» (МЖ I 80); «Irritabitilitas. Раздражение,

раздражительная сила» (Сл. анат.-физиол. 62); «Славный Галлер доказал, что иныя части чувственны, другия только раздражительны» (Рад. Чел. II 15).

Причины появления нестойких и окказиональных образований на ***-тельный***

Сильная словопроизводственная активность модели на *-тельный* продолжалась до конца XVIII в. И хотя стабилизация семантики и словообразовательных связей прилагательных на *-тельный* происходит за пределами этого периода, предпосылки для спада их продуктивности, вызванного их семантическими изменениями, наметились уже к концу XVIII в. Самым ярким симптомом этого был чрезвычайно обширный ряд окказиональных, нестойких образований на *-тельн-*, появлявшихся в источниках XVIII в. по разным причинам и за пределы данного источника не выходивших.

Как уже указывалось, большое число неологических образований на *-тельн-* было создано для передачи иноязычных аналогов. Не все они были удачны, многие, раз возникнув, в дальнейшем не воспроизводились. Так, не утвердились в языке прилагательные *отпрыгательный*, *возвышательный*, *склонительный*, *верстательный*, *заступательный*, *лишательный*, *отнимательный*, *обладательный*, *подлагательный*, *предлежательный*, *прибавительный*, *поспешительный*, которые были вытеснены либо аналогическими образованиями от иноязычных основ (*отпрыгательный* — *эластический*, *склонительный* — *симпатический*, *верстательный* — *экваторный* и *экваториальный*, *возвышательный* — *гиперболический*, *заступательный* — *апологетический*, *обладательный* — *посессивный*, *подлагательный* и *предлежательный* — *объективный*, *прибавительный* — *прогрессивный*), либо другими, более стойкими образованиями по той же модели (*лишательный* и *отнимательный* — *отрицательный*, *поспешительный* — *ускорительный* и т. п.).

Неустойчивыми оказались также многие новообразования по модели на *-тельн-*, которые возникли как дублеты к уже функционировавшим в языке образованиям по другим моделям. Так, за пределы XVIII в. не вышли прилагательные *нерадительный* (ср. *нерадивый*), *крестительный* (ср. *крестильный*), *поспешительный* (ср. *поспешный*), *насмехательный* (ср. *насмешливый*), *угостительный* (ср. *гостеприимный*), *подстерегательный* (ср. *сторожевой*), *понимательный* (ср. *понятный*) и т. п.

Индивидуальные авторские образования, создававшиеся в стилистических целях, также во многих случаях оказывались нестойкими.

Так, Я. П. Козельский, давая ироническое определение слова *политика*, создает прилагательное *выглаживательный*, сближая разные этимологически и семантически слова фр. politique 'политика' и фр. polir 'полировать, сглаживать': «Иные почитают

искусство хитро и обманчиво поступать с людьми политикою; но в том есть погрешность, как из самаго слова политика узнать можно; политика по разуму слова значит полированную или выглаживательную науку; но хитрая и обманчивая поступка по своей натуре шероховата, следовательно и не выполирована» (Коз. ФП 141). Ср. также применение с ироническим оттенком слова *толкательный* у того же автора; «Так вот что думают о тяжести тел толкательные философы, они видно хотят ее вытолкать из числа свойств принадлежащих телам, а секта г. Вольфа, не уж ли она особая какая секта? Мне кажется, что не будет ли она согласна с привлекательною сектою» (Коз. Расс. 24). Образования подобного рода нередко появлялись в сатирических журналах XVIII в. Ср. прилагательные *улыбательный*, *вопрошательный*, *отвечательный*: «По совести сказать, известный маиор С. М. Л. Б. Е., посещая, давал мне инде улыбательныя поощрении, от которых чувствую отягощение в животе, беспокойствы, подобныя тем, кои басня приписывает лягушке, когда, надуваясь, равняться вздумала с быком» (Были и небылицы 83); «Существует ли где вопрошательной народ, того не ведаю; ибо окроме города Питера, ни где не бывал, но, не быв пророком, предсказать не трудно, где ко времени и к стате отвечательной наверно найтися может» (Были и небылицы 85).

Однако указанные выше факторы не были основными и не они играли определяющую роль в появлении большого числа нестойких неологических образований на *-тельн-*. Главная причина этого была в чрезвычайно расширившемся семантическом объеме рассматриваемого словообразовательного типа. Так, совмещение активных и пассивных процессуальных признаков в пределах одного словообразовательного типа затрудняло восприятие новообразований на *-тельн-*.

Вне контекста неясными по значению были такие новообразования, как *обитательный*, *произрастательный*, *протягательный*, *подозрительный* и др. Ср.: *обитательные острова* 'обитаемые острова' (Геогр. 1710 77); *произрастательная земля* 'плодородная земля; земля, на которой что произрастает' (Ист. Бюф. I 228); *протягательный звук* 'долгий, протяжный звук; звук, который произносится протяжно' (Тат. Ист. I 188); *подозрительные стекла* 'зрительные стекла; стекла, через которые смотрят' (МАН I 4 1720).

Неясные вне контекста образования, подобные вышеприведенным, имеющие пассивное процессуальное значение, естественно, не закреплялись в языке и уходили из употребления. Этот процесс утраты прилагательных на *-тельн-* с пассивными процессуальными признаками был характерной чертой семантического развития рассматриваемого словообразовательного типа и в XIX в.[23]

---

[23] См.: Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного. . ., с. 407.

Общая тенденция семантического развития словообразовательного типа прилагательных на *-тельн-* в период после XVIII в., как неоднократно отмечалось исследователями, заключалась в утрате ими процессуальности.[24]

Исследованные нами материалы показывают, что процессуальность прилагательных на *-тельный* в XVIII в. была сильной. Однако уже в этот период наметилась достаточно четкая тенденция к устранению тех образований, которые выражали процессуальность в наибольшей степени. Это прежде всего образования от глаголов несов. вида, в особенности от глаголов с суффиксами *-ыва-*, *-ива-*, *-ва-*, от непереходных глаголов и др. Такие образования были менее устойчивы по сравнению с образованиями от переходных глаголов сов. вида. Результатом изменения словопроизводственных и семантических связей рассматриваемого словообразовательного типа явилось то обстоятельство, что в современном русском литературном языке сохранилась едва ли не одна третья часть всех новообразований XVIII в. на *-тельн-*. Это является наиболее убедительным свидетельством того, что в ту эпоху возникло большое число избыточных образований, от которых язык так или иначе избавлялся в последующие эпохи.

В связи с появлением в языке XVIII в. многочисленных неологизмов на *-тельн-* небезынтересно привести высказывание А. С. Шишкова, пуриста и блюстителя чистоты русского языка в его славянизированном виде: «Трогательная сцена; занимательная книга или площадь. Нововыдуманные слова сии в великом ныне употреблении. Почти во всякой книге и на всякой странице мы их находим. . . Есть ли что-нибудь безобразнее, как. . . трогательная сцена, в российском, и особливо важном слоге?. . . Естьли мы. . . вместо: я видел жалкое или плачевное зрелище, будем писать: я видел трогательную сцену, или вместо: на площади сей много зданий поместиться могут, площадь сия занимательна для зданий; естьли позволено писать трогательно и занимательно, для того, что пишется оскорбительно, презрительно и проч.; то кто запретит мне писать: летательно, клевательно, кусательно».[25]

Как можно убедиться из приведенного высказывания, А. С. Шишков бурно протестовал против наводнявших русский язык новообразований на *-тельн-*, навеянных иноязычными образцами (*трогательный*, *занимательный*), а также против образований от глаголов конкретной семантики, т. е. тех, которые были особенно чужды стихии церковнославянского языка. При всей крайности мнения Шишкова, отвергавшего все новые слова на *-тельн-*, в известном отношении он был прав: в последующие

---

[24] См. исследования Ф. Г. Коровина, К. И. Семиной, И. С. Ильинской, Е. А. Земской.

[25] Шишков А. С. Рассуждение о старом и новом слоге. СПб., 1803, с. 207—209.

эпохи развития русского языка начался спад их словообразовательной активности и уход из употребления многих избыточных образований XVIII в. на *-тельн-*.[26]

Новообразования по модели *(не-) — -ем-/-им-*

Роль приставки ***не-*** *в формировании словообразовательного типа прилагательных на* ***(не-) — -ем/-им-***

При сравнительной немногочисленности класса прилагательных на (*не*-) — *-ем-/-им-* [27] во все периоды развития русского языка — от древней поры до наших дней — XVIII век дал большое число неологических образований по этой модели.[28]

История формирования класса отглагольных прилагательных по модели (*не*-) — *-ем-/-им-* в русском языке до настоящего времени остается малоизученной.[29] Исследователи обращали вни-

---

[26] Как отмечает В. Вондрак, аналогичный процесс сильной активизации образования прилагательных на *-telný* происходил в чешском языке. В. Вондрак предостерегает от увлечения многочисленными избыточными образованиями на *-telný* в чешском языке первых десятилетий XX в.: «Jetzt muβ man vor einem zu intensiven Gebrauch derartiger Bildungen wie *vypočítatelný*, *odvoditelný*, *neuskutečnitelný* (!) u. dgl. warnen» (Vondrák W. Vergleichende slavische Grammatik, I. Band. Göttingen, 1924, S. 536).

[27] В прилагательных типа *делимый*, *нескончаемый*, *неистолкуемый*, *неведомый* и т. п. В. Ф. Иванова предлагает выделять суффиксы *-ем-*, *-им-*, *-ом-*, *-уем-* (Иванова В. Ф. Отглагольные прилагательные с суффиксом *-м-* в современном русском литературном языке. Автореф. канд. дисс. Л., 1952, с. 6). Что касается суффикса *-уем-*, то его элемент *-уj-* правомернее выделять как самостоятельный глагольный суффикс (ср.: *истолковать — истолкую*). Суффикс *-ом-*, продуктивный в эпоху церковнославянской письменности, в русском языке XVIII в. не дал новообразований. Поэтому в дальнейшем изложении речь пойдет о двух вариантах рассматриваемого суффикса — *-ем-* и *-им-*.

[28] Для памятников древнерусского языка подобные образования не были характерны (см.: Havránek B. Příspěvek k tvoření slov ve spisovných jazycích slovanských. — Slavia, 1928, ročn. VII, seš. 1, s. 771). Там же Б. Гавранек отмечает, что эта категория слов чужда и говорам русского языка. «Материалы. . .» И. И. Срезневского фиксируют довольно большое число образований по модели (*не*-) — *-ем-/-им-* (около 100), но все они извлечены из памятников церковнославянской письменности. В современном русском языке их также сравнительно немного. Исследованные нами материалы содержат около 140 неологизмов по данной модели (в их числе и окказиональные образования и образования без приставки *не*-).

[29] Отдельные замечания об этом см.: Havránek B. Příspěvek k tvoření. . ., s. 772. В. Ф. Иванова, подробно исследуя способ образования, семантику и условия функционирования прилагательных рассматриваемой группы в современном русском языке, почти совсем не уделяет внимания истории ее формирования. См.: Иванова В. Ф. 1) Отглагольные прилагательные с суффиксом *-м-* в современном русском литературном языке; 2) Словообразование и употребление прилагательных с суффиксом *-м-*, имеющих значение возможности-невозможности действия. (Прилагательные, образованные от переходных глаголов сов. вида). — Уч. зап. ЛГУ, № 235, Серия филол., вып. 38, Л., 1958; 3) Отглагольные прилагательные с суф-

мание на то обстоятельство, что рассматриваемый словообразовательный тип стал формироваться еще в начальный период церковнославянской письменности. Появление прилагательных типа *недвижимый*, *неутешимый* и т. п. было вызвано необходимостью перевода греческих adjectiva verbalia, образованных приставочно-суффиксальным способом (с помощью приставки 'α- и суффикса -τος).[30] В ранние эпохи в формировании этой группы прилагательных процесс адъективации страдательных причастий настоящего времени не играл решающей роли.[31] Важно отметить также, что на русской почве образования рассматриваемого типа вплоть до XVIII в. не были продуктивными.[32] И только в XVIII в. наблюдается сильная активизация их образования непосредственно на базе русской лексической системы. Их словопроизводственная база, способ образования, общая семантическая структура имеют ряд существенных отличий по сравнению с церковнославянским языком.

Отличительной особенностью словообразовательного типа прилагательных на *-ем-/-им-* в XVIII в. было появление большого числа антонимических пар, составленных из однокоренных положительного и отрицательного антонимов. Становятся обычными противопоставленные пары с отрицательной частицей *не-* и без нее. Ср. новообразования XVIII в.: *неверимый — веримый*, *невообразимый — вообразимый*, *незагладимый — загладимый*, *неизобразимый — изобразимый*, *ненарушимый — нарушимый*, *неоспо-*

фиксом *-м-*, имеющие значение возможности-невозможности действия. (Прилагательные, образованные от переходных глаголов несов. вида). — Уч. зап. ЛГУ, № 277, Серия филол., вып. 55, 1959).

30 Гавранек отмечает, что рассматриваемые прилагательные были аналогами греческих adjectiva verbalia на -τος (Havránek B. Príspevek k tvorení.., s. 770). Однако сопоставление аналогических церковнославянских и греческих образований рассматриваемого типа показывает, что их обязательным элементом почти во всех без исключения случаях была отрицательная частица ἀ. Ср. в «Материалах. .,» И. И. Срезневского, т. II: «ἀψήφιστος — невъмѣнимыи (Панд. Ант. XI в.), ἀχώρητος — невъмѣстимыи (Мин. 1097 г.), ἄσβεστος — негасимыи (Остр. ев.), ἀκίνητος — недвижимыи (Гр. Наз. XI в.), ἀνείκαστος — незаглѧдаемыи (Ефр. Сир. XIV в.)» и т. п.; ср. также в «Хронике Георгия Амартола»: ἄβατος, ἄδυτος — невъходимъ, ἄγνωστος — невѣдомъ ἄφραστος — неизвѣщаемъ, ἀβιεζόδευτος — неисходимъ, ἀνήκεστος — неисцѣлимъ, ἄτομος — непрѣсѣкомъ и т. п. (Истрин В. М. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Т. III. Греческо-славянский и славяно-греческий словарь. Л., 1930).

31 В. В. Виноградов разграничивает процесс формирования отглагольных прилагательных с суффиксами *-ем-/-им-*, с одной стороны, и адъективацию страдательных причастий настоящего времени — с другой. Суффиксы *-ем-/-им-* в этих двух разных лексико-грамматических категориях он считает омонимичными (Виноградов В. В. О грамматической омонимии. — РЯШ, 1940, № 1, с. 8).

32 Их не отмечают исследователи словообразования прилагательных в русском языке XIII—XVII вв. (диссертации Романовской, Соколовой, Охомуш и др.). См. также приведенное выше наблюдение Гавранека об их отсутствии в ранних памятниках русского языка и в русских народных говорах.

римый — оспоримый, непреодолимый — преодолимый, неразделимый — разделимый и т. п.

Образование положительного компонента антонимической пары рассматриваемых отглагольных прилагательных потенциально возможно при большей части отрицательных, но реализуется эта возможность далеко не во всех случаях. Исследованные в данной работе новообразования показывают, что и в XVIII в. прилагательные с суффиксами *-ем-/-им-* с отрицанием гораздо многочисленнее, положительного же однокоренного антонима при них во многих случаях нет вообще, а если он и образуется, то зачастую одновременно с отрицательным или позднее его.[33]

Обычно появление положительного антонима вызывается теми или иными конкретными причинами. В достаточной степени регулярно они образуются от глаголов конкретной семантики. Противопоставление по наличию и отсутствию признака обычно выражают прилагательные в терминологическом значении — там, где такое противопоставление оказывается необходимым.

Этот тип новаций для XVIII в. более характерен, чем для предшествующих периодов. Впервые они появляются в памятниках первых десятилетий XVIII в. в составе терминов математики, физики, грамматики и других наук. К концу XVIII в. число их возрастает. Ср.: *делимые* и *неделимые числа*, *непроницаемый* и *проницаемый* (в физическом смысле), *нераздражаемый* и *раздражаемый* (о материи), *необитаемый* и *обитаемый*, *склоняемый* и *несклоняемый* (о существительных), *ударяемый* и *неударяемый* (о слогах) и пр. При контекстуальном употреблении образований подобного рода легко возникают условия для противопоставления положительного признака отрицательному: «По всему сему разделяются части слова на склоняемыя. . . и несклоняемыя» (Лом. РГ 36); «Все ударяемые слоги стоят на верхней степени, а неударяемые на нижней» (Тред. СП II 94) и т. п.

В пополнении разряда отглагольных прилагательных с суффиксами *-ем-/-им-* в XVIII в. существенную роль играли также образования без отрицательной частицы. Это довольно многочисленный ряд терминологических субстантивированных прилагательных типа *вычитаемое*, *делимое*, *производимое*, *слагаемое*, *уменьшаемое*, *разделяемое*, *множимое*,[34] *обвиняемый* и т. п. Антонимический компонент с отрицанием при таких образованиях

---

[33] Вопреки этому мнению, В. Ф. Иванова считает «позитивную» форму «исходной» (Иванова В. Ф. Отглагольные прилагательные с суффиксом *-м-*. . ., с. 175). Исследованный нами материал не подтверждает этого. Так, например, прилагательные *несовместимый*, *несравнимый* образовались в XVIII в. Положительные же антонимы к ним *совместимый*, *сравнимый* возникли позднее (см. ССРЛЯ). Прилагательные *возбудимый*, *обратимый*, *приложимый*, *применимый*, *разложимый*, *расчленимый*, *растворимый*, *соизмеримый* и т. п. образовались позднее однокоренных прилагательных с отрицанием *не-*.

[34] О приводимых здесь терминах математики см.: Кутина Л. Л. Формирование языка русской науки, с. 20—23.

обычно отсутствует. В ряду других образований аналогичной структуры (с приставкой *не-* и без нее) эта группа занимает особое место. В их образовании адъективация причастий не играла существенной роли. Обычный путь их возникновения — калькирование иноязычных терминов.

По своей семантической структуре они также отличаются от других образований на *-ем-/-им-*. Они обозначают свойство предмета и явления без какого-либо оттенка модальности, характерного для других образований рассматриваемого словообразовательного типа.

Наряду с этим идет активный процесс образования прилагательных с суффиксом *-ем-/-им-*, обязательным элементом которых, как и в церковнославянском языке, является отрицательная частица *не-*. В первой половине XVIII в. в русском языке появились прилагательные *неискореняемый*, *неминуемый*, *неоправдаемый*, *неопреодолеемый*, *неспоримый*, *независимый*, *незатыкаемый*, *неисчислимый*, *неизъемлемый*, *непроникаемый* и *непроницаемый*, *неусмиримый*, *неуставаемый*, *ненаполнимый*, *неодолимый*, *неопровергаемый*, *неповреждаемый*, *неподражаемый*, *несокрушимый*, *неуличимый*, *неутруждаемый*, *невозвратимый*, *неизвинимый*, *неутрудимый* и др.

С середины XVIII в. продуктивность прилагательных данной группы сильно возрастает.[35] К числу неологизмов этого периода относятся прилагательные *невыходимый*, *неожидаемый*, *неотвратимый*, *неподтверждаемый*, *непрерываемый*, *непримиримый*, *неразраждаемый*, *несообразимый*, *несходимый*, *неумягчимый*, *неупросимый*, *неусмотреваемый*, *неутоляемый*, *неуязвимый*, *неуязвляемый*, *незримый*, *неизбежимый*, *неизвиняемый*, *неизображаемый*, *неограничимый*, *непроездимый*, *непроражаемый*, *несообщаемый*, *несразимый*, *неуправимый*, *невспоминаемый*, *ненаполняемый*, *неоценимый*, *непрощаемый*, *неколебимый*, *несоединимый*, *неизъяснимый*, *неисправимый*, *неистолкуемый*, *некрушимый*, *ненаградимый*, *необозримый*, *неопровержимый*, *неотходимый*, *неподкупимый*, *неуподобляемый*, *неусыхаемый*, *неизгладимый*, *неиссыхаемый*, *неиссякаемый*, *немыслимый*, *неоканчаемый*, *неотрицаемый*, *неподозреваемый*, *непреодолеваемый*, *несокрушаемый* и др. Как и старые образования, они в редких случаях имеют корреляты без отрицания. Так, позитивная форма возникала в сочетании с наречием, указывающим на степень проявления признака (*едва*, *неудобь*, *редко* и др.). Ср.: «Великою властию объятую Россию взять в свое повелительство есть дело и мужескому сердцу страшное, и великому Герою едва преодолимое» (Лом. СС I 195); «Увеличивая разстояние АВ, притяжение уменьшается, и уменьшая сие разстояние притягательная сила увеличивается; но последуя правилу,

[35] Сильную активизацию образования прилагательных рассматриваемого ряда во второй половине XVIII в. отметил В. В. Виноградов (Виноградов В. В. Русский язык, с. 216).

словами неудобь изобразимому» (Эйлер ПП I 229); «Кому не известна Геснерова проза в прекрасных идиллиях. . . Таковыя прозы едва ли подражаемы?» (Бобр. Херс. 10).

Противопоставление положительного и отрицательного качества наблюдается в ряде случаев не по всем значениям прилагательного, а по более конкретным и прямым. Таковы, например, прилагательные *проницаемый* — *непроницаемый* (*непроникаемый*). В физическом смысле (*проницаемые* — *непроницаемые жидкости*, *газы*, *лучи* и. т. п.) употреблялись с самого момента возникновения оба компонента данной антонимической пары: «Материя есть непроникаемая» (Филос. ест. 31); «. . .как скоро оное возьмется за проницаемое, то из числа тел изключится» (Эйлер ПП I 278); «. . .сделан из ткани, для вещества сего непроницаемой» (Рад. Чел. III 35) и т. п.

В переносном значении прилагательного *непроницаемый* в наших материалах встретилось только с отрицанием. Ср.: «Коль есть премудра наша императрица. . . глубока в рассуждениях, непроницаема в намерениях, неутруждаема в исполнении своих предприятий» (Тред. СП II 12); «Кто поставил непроницаемый покров над будущими приключениями моих лет жизни?» (ПУЧ 66).

Аналогичным образом соотносятся антонимические пары новообразований XVIII в. *невообразимый* — *вообразимый*, *неизменяемый* — *изменяемый*, *несразимый* — *сразимый* и некоторые другие. Вот несколько примеров из текстов XVIII—начала XIX в.

Прилагательные в конкретном и прямом значении

«Согласныя буквы *г*, *ж*, *к*, *х*, *ц*, *г*, *ш* называются изменяемыми» (Лом. РГ 45).

«Три суть возможности человеческого бытия по смерти: одно из сих трех быть долженствует ибо хотя и суть вообразимыя возможности иного бытия (чего не настроит воображение!), но на поверку всегда выходить будет: или то же, или хуже, или лучше, четвертого вообразить неможно» (Рад. Чел. III 101).

Прилагательные в расширительных значениях

«Добродетель и мудрость снискивают вам неизменяемое уважение» (ПТ 1784 I 13).

«Все наслаждаются, наслаждаются чем-нибудь — для меня все отрава, горесть неизмеримая, мучения невообразимыя» (СПб. М. I 213).

Появление положительных антонимов по данной модели в ряде случаев было вызвано потребностями в переводе иноязычных слов аналогичной семантики и структуры. Так, прилагательные *загладимый* (лат. delebilis, нем. auslöschlich), *извиняемый* (лат. excusabilis) впервые фиксирует Лексикон Целлария 1746 г.

Большое число отглагольных прилагательных с суффиксами *-ем-* / *-им-* без отрицания фиксируют и другие иноязычно-русские и русско-иноязычные словари XVIII в. (Вейсманна, Волчкова, Нордстета, Гейма и др.). Ср. в Словаре Нордстета: *возвратимый* — нем. wiederbringlich, rückfällig, фр. réparable, réversible; *избежимый* — нем. vermeidlich, фр. évitable; *осязаемый* — нем. fühlbar, фр. palpable, tactile; *отделяемый* — фр. séparable; *проходимый* — фр. traversé и т. п.

Таким образом, на русской почве словообразовательный тип, сложившийся в церковнославянском языке, претерпел существенные изменения. В церковнославянском языке регулярным было образование прилагательных по модели *не-* — *-ем-* / *-им-*, т. е. приставочно-суффиксальным способом.

В XVIII в. уже с самого его начала появляются регулярные соотносительные ряды антонимических образований с *не-* и без *не-*. По-видимому, здесь мы имеем дело со смешанным типом отглагольного словообразования. Приставка *не-*, как и в церковнославянском языке, продолжает играть существенную роль в образовании прилагательных данного типа. Бóльшая часть неологических образований XVIII в. носит характер приставочно-суффиксальный. Однако наряду с этим активизируется образование прилагательных с помощью суффикса *-ем-* / *-им-* и без участия приставки *не-*. Более позднее появление образований без *не-* при наличии в языке отрицательного антонима позволяет предположить, что здесь имеют место случаи обратного словообразования.[36]

Семантическая структура неологизмов на ***(не-) — -ем-/-им-*** *и их взаимодействие с однокоренными образованиями*

Церковнославянские прилагательные типа *неизглаголемый*, *неисповедимый*, *неистощимый*, *неисчерпаемый*, *нескончаемый*, *непобедимый*, *непоборимый* и другие образованы от глаголов широкой семантики, в силу чего они легко приобретали переносные значения.

На общее значение возможности-невозможности совершения действия у таких прилагательных (*неисчерпаемый* 'такой, который невозможно исчерпать', *непобедимый* 'такой, которого невозможно победить' и т. п.) наслаиваются экспрессивно-оценочные и переносные значения. Они вступают в синонимические отношения с прилагательными без отрицания: *непобедимый* — *сильный*, *могучий*; *неустрашимый* — *смелый*, *храбрый*; *неистощимый* — *богатый*; *неподражаемый* — *превосходный*, *исключительный* и т. п. Благодаря такой сильной положительной экспрессивно-оценоч-

---

[36] Если понимать обратное словообразование как образование более простого по структуре слова на базе более сложного (см.: Шанский Н. М. Очерки по русскому словообразованию. М., 1969, с. 292).

ной окраске значения в этих прилагательных нейтрализуется отрицание. Противопоставленность отрицательного признака положительному осуществляется в них не путем создания положительного однокоренного антонима без отрицания *не-*, а иными лексико-грамматическими средствами. Прилагательные рассматриваемого ряда возникали в XVIII в. в большом числе. Они активно входили в сферы литературно-книжного языка и функционировали в нем наряду со старыми, церковнославянскими образованиями аналогичной структуры и семантики.

Значение возможности-невозможности действия в церковнославянском и в русском языках выражали прилагательные, образованные и по другим моделям (адъективированные страдательные причастия прошедшего времени, отглагольные прилагательные на *-ный* и *-тельный* и др.). С активизацией образования прилагательных на *-ем-/-им-* последние начинают конкурировать с более ранними образованиями по другим моделям. Так, вступают в конкуренцию с прилагательными *непрерывный*, *несовместный*, *невозвратный*, *незыбьный*, *неизменный*, *неотвратный*, *неотходный*, *несовратный*, *неизбежный*, *ненарушный*, *неотвратный* и др., известными в русском языке ранее XVIII в.,[37] новообразования XVIII в. *непрерываемый*, *несовместимый*, *невозвратимый*, *незыблемый*, *неизменяемый*, *неотвратимый*, *неотходимый*, *несовратимый*, *неизбежимый*, *ненарушимый* и др. Адъективированные страдательные причастия прошедшего времени вступают в синонимические отношения с более новыми образованиями на *не-* — *-ем-/-им-*: *несравнимый* — *несравненный* и *несравняемый*, *непредвиденный* — *непредвидимый*, *нерастленный* — *нерастлимый* и т. п.

Сильной активизацией отглагольного словообразования в XVIII в. было вызвано одновременное появление синонимических однокоренных прилагательных с суффиксами *-тельн-* и *-ем-/-им-*. Источники XVIII в. фиксируют немало случаев возникновения синонимических образований по этим моделям преимущественно с отрицательной частицей: *невозвратимый* — *невозвратительный*, *неизвиняемый* — *неизвинительный*, *необитаемый* — *необитательный*, *неотвратимый* — *неотвратительный*, *неподозреваемый* — *неподозрительный*, *неподражаемый* — *неподражательный*, *непримиримый* — *непримирительный* [38] и др.

При общей сильной словообразовательной активности прилагательных на *-тельный* в указанных парах образований они оказались менее стойкими по сравнению с прилагательными на *-ем-/-им-*. В отличие от последних, прилагательным на *-тельн-*

---

[37] См.: «Материалы. . .». Срезневского, Лексикон Поликарпова, Картотека ДРС.

[38] О характере взаимодействия образований на *-тельный* и *-емый/-имый* с отрицанием в XIX в. см.: Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного. . ., с. 411—413.

не было свойственно выражение модальности. Значение возможности-невозможности действия, основное для прилагательных на *-ем-/-им-*, для них было периферийным. Поэтому конкуренция этих образований и оканчивалась обычно победой образований на *-ем-/-им-*.

Лексико-грамматическая характеристика производящих основ прилагательных на ***(не-) — -ем-/-им***[39]

Как и в церковнославянском языке, основной словопроизводственной базой рассматриваемых прилагательных были переходные глаголы несов. вида. Именно они составляют основное ядро данного словообразовательного типа прилагательных, так как от глаголов сов. вида причастия настоящего времени не образуются. Это прилагательные типа *невозвратимый*, *невообразимый*, *незагладимый*, *неизбежимый*, *неизвинимый*, *неизъяснимый*, *неистолкуемый*, *ненаградимый*, *неодолимый*, *неотвратимый*, *неподкупимый*, *непреодолимый* и *непреодолеемый*, *несваримый*, *неумягчимый*, *неусмиримый*, *предвидимый*, *изобразимый*, *оспоримый*, *вообразимый* и т. п.

Наряду с этим в словопроизводство прилагательных активно вовлекались и переходные глаголы несов. вида. Об этом свидетельствуют многочисленные новообразования указанного лексико-грамматического разряда, появившиеся преимущественно во второй половине XVIII в.: *несокрушаемый*, *несообщаемый*, *нетомимый*, *неударяемый*, *неуподобляемый*, *неусмотреваемый*, *неуязвляемый*, *нечувствуемый*, *невспоминаемый*, *неизвиняемый*, *неискореняемый*, *неожидаемый*, *неоканчаемый*, *непополняемый*, *неопровергаемый*, *непроницаемый*, *непрощаемый* и т. п.

Широкая возможность образования таких прилагательных создавала условия для появления многочисленных дублетов от глаголов сов. и несов. вида: *непреодолимый — непреодолеваемый*, *неизвинимый — неизвиняемый*, *неизобразимый — неизображаемый*, *ненаполнимый — ненаполняемый*, *неопровержимый — неопровергаемый*, *неотделимый — неотделяемый*, *неразделимый — неразделяемый*, *непростимый* (старое) — *непрощаемый*, *несовратимый — несовращаемый*, *несокрушимый — несокрушаемый*, *неутрудимый — неутруждаемый* и т. п.

Сосуществование таких дублетов обычно кончалось победой образования от глагола сов. вида, так как прилагательное от несов. вида было омонимично причастию.

Активизировалось также образование прилагательных от непереходных глаголов сов. и несов. вида. В XVIII в. появились неологические образования от непереходных глаголов *невери-*

---

[39] Вопросы образования указанных отглагольных прилагательных на материале современного русского языка подробно рассматривает В. Ф. Иванова в названных выше работах.

мый, невыходимый, независимый, неиссыхаемый, неиссякаемый, неотходимый, неподражаемый, непроездимый, неразраждаемый, неспоримый, неуправимый, неуставаемый, неусыхаемый, неутрудимый, неутруждаемый.

Основные сферы применения новообразований на ***(не-) — -ем-/-им-***

В числе причин, способствовавших сильной активизации образования прилагательных на *-ем-/-им-* в XVIII в., были внутриязыковые и внешние.

Прежде всего это оживление отглагольного словообразования вообще. Активизировались в первую очередь те словообразовательные типы, которые имели четко выраженное общее значение. Рассматриваемый словообразовательный тип принадлежит к числу именно таких. Прилагательные модели (*не-*) — *-ем-/-им-* имели достаточно четко выраженное общее и исходное значение возможности-невозможности совершения действия, выраженного глагольной основой.[40]

Общий процесс окачествления прилагательных, начавшийся уже с середины XVIII в., также способствовал активизации рассматриваемого словообразовательного типа. Новообразования по этой модели значительно расширили разряд качественных прилагательных.

Появлению большого числа неологических образований рассматриваемого ряда способствовали и внешние факторы. Именно в XVIII в. начинается процесс формирования терминов — отглагольных прилагательных с суффиксами *-ем-/-им-*.[41]

Появившиеся в первой половине XVIII в. термины арифметики (*вычитаемый, множимый, делимый, разделяемое, проискомое, слагаемое, уменьшаемое*), физики (*разливаемые тела, несекомое, непроницаемый* и *непроникаемый*), грамматики (*склоняемый* и *несклоняемый, ударяемый* и *неударяемый*) и другие были харак-

---

[40] Отступления от этого общего значения при образовании новых слов рассматриваемой структуры в XVIII в. наблюдалось редко. Так, некоторые новообразования этого времени имели оттенок долженствования (*наказуемый — ненаказуемый*), некоторые выражали значение способности-неспособности подвергаться действию, обозначенному глагольной основой (*делимый — неделимый, изменяемый — неизменяемый* и т. п.). Ряд новообразований не имел оттенка какой-либо модальности (*независимый, обитаемый — необитаемый, ударяемый — неударяемый* и т. п.). Последние выражали значение 'имеющий такое-то свойство или качество'.

[41] «В русской научной терминологии отпричастные прилагательные на *-мый* и производные от них отвлеченные существительные дали обширные терминологические ряды со значением качества (ср. *делимый, делимость, сжимаемый, сжимаемость* и проч.). Начало формирования данного морфологического типа терминов — отвлеченных названий свойств — было положено в научных книгах начала XVIII в.» (К у т и н а Л. Л. Формирование терминологии физики в России. Л., 1966, с. 82).

терны для жанров научной и специальной литературы.[42] По своим словопроизводственным связям они соотносились с глаголами конкретной семантики.

Потребность в экспрессивно-оценочной лексике, возникшая в связи с интенсивным развитием новых литературных направлений и появлением новых литературно-художественных жанров во второй половине XVIII в. в значительной мере удовлетворялась за счет неологических отглагольных прилагательных на (*не-*) — *-ем-*/*-им-*, соотносительных с глаголами широкой семантики. Следует при этом иметь в виду то обстоятельство, что аналогичные образования, унаследованные из церковнославянской письменности, широко употреблялись в XVIII в. в жанрах высокого стиля и придавали ему яркую стилистическую окрашенность.

Новообразования, создаваемые во второй половине XVIII в. по их образцу, становятся также характерной приметой новых литературных жанров. Экспрессивно-оценочный характер новообразований данного ряда позволял применять их как эпитеты. Можно привести многочисленные примеры такого их использования в литературно-художественных произведениях второй половины XVIII в. Ср.: «Но характер ее представлял ему в успехе непреодолимые препятствии» (Маркиз V 55); «[Любовь] лишила меня одного сына смертию, а другова неизвиняемым преступлением» (Сиф IV 93); «Хотя вы неупросимы и не хотите возвратить свободы сыну вашему, однакожь деньги, которыми я гнушаюсь, у меня не останутся» (Кар. ДВ X 100); «После комедии граф, желая сделать неожидаемое удовольствие своей супруге, открыл маскарад» (Н. Эмин Роза 47); «Я чувствовал мучения невообразимыя» (СПб. М. I 215); «Я, лишенный всякой надежды, хотел итти в невыходимый лабиринт нещастья» (Стелл. 64—65); «О природа! твои произведения неподражаемы!» (Пут. Сум. 142); «Хотя наши клятвы не имели свидетелей, но оне вырезались на совести чертами неизгладимыми» (ММ I 73); «Где Агермышь туманноглавый? И ты, Темирджи, - - - холм пустынный, Где прозябая колкий ежь Кустами стелется по камню? - - - Они глубоко низложились Перед надменным Чатыр-дагом Неразличаемы в пригорках» (Бобр. Херс. 38); «Ты видишь блистательныя искры жизни, из пламенника моего вылетающия: это возродительныя ростки, неизсыхаемыя источники радости, удовольствия, щастия и безсмертия» (ММ III 85) и т. п.

При этом применение неологических прилагательных рассматриваемого ряда с самого начала не имело жанрово-стилистических ограничений. Благодаря широкой семантике они применялись в различных стилях книжного языка — в деловой и научной литературе, в путевых и мемуарных записках, в газетах и журналах и т. п. Несколько примеров: «Право же от власти

---

[42] Примеры употребления отмеченных терминов арифметики и физики см. в исследованиях Л. Л. Кутиной.

верховныя неотделимое было, есть и будет» (ПСЗ XVIII 504 1768); «Из сего узнать можно, что всякая вещь должна иметь свое существо, что существо вещи есть необходимое, вечное, непременное и незаимствуемое» (Коз. ФП 40); «Сии палатинския привилегии, столь подобныя оной царской и не зависимой власти. . .» (Блэкстон 303); «А тем более могло подвержено быть неисправимым погрешностям в таковых случаях сочинение Витрувиево, что самая материя оного к тому больше наклонна, нежели какая иная» (Витр. (Б) I 12); «Могут выдти иногда неоканчаемыя и неприятныя возражения» (Держ. VI 36 1796); «За тем приимаю смелость просить в. и. в-во уволить меня от сего тщетнаго упражнения, которое повлечет мне неминуемыя беспокойства и неприятности без всякой пользы для вашей службы» (АВ X 412 1802); «Слова его громко раздалися в моей душе, и неизгладимою чертою ознаменовалися на памяти» (Рад. Уш. 80) и т. п.

* * *

XVIII в. характеризовался сильной активизацией отглагольного словообразования прилагательных. Обширные группы новообразований этого периода на *-тельный* и (*не-*) — *-ем-/-им-* отражают тенденции и общее направление развития словообразования прилагательных от глагольных основ.

Активизация отглагольного словообразования прилагательных рассматриваемых групп в XVIII в. происходила за счет таких лексико-грамматических классов глаголов, которые ранее не давали или почти не давали таких образований (глаголы несов. вида, непереходные, возвратные и др.).

Наряду с глаголами церковнославянского происхождения в образование отглагольных прилагательных на *-тельный* и (*не-*) — *-ем-/-им-* вовлекаются общеупотребительные и исконно русские, что не было характерно для предшествующего периода. Возможности образования прилагательных рассматриваемых групп расширялись и за счет новых значений производящих основ глаголов.

Рост словопроизводственной базы прилагательных названных разрядов происходит также за счет глаголов, обозначающих конкретные физические действия.

В результате этих процессов в XVIII в. сформировалась обширная группа новых отглагольных прилагательных.

Как и старые образования, новые прилагательные на *-тельный* и на *-ем-/-им-* характеризуются тем, что среди них нет образований от иноязычных основ. Тем не менее иноязычный материал оказал сильное воздействие на их активизацию. Иноязычные слова определенной семантики и структуры передавались с помощью отглагольных прилагательных данного ряда. Результатом этого было большое число новых прилагательных, представлявших собой кальки с иноязычных слов.

Расширение словопроизводственной базы прилагательных на *-тельный* и *-ем-/-им-* вызвало изменение семантической структуры образований этого типа. Если до XVIII в. подавляющую часть прилагательных этих разрядов составляли качественные прилагательные, то в XVIII в. формируется обширный ряд относительных прилагательных, пополнивших фонд терминологической лексики. Вместе с тем продолжается активное пополнение за счет рассматриваемых образований группы качественных прилагательных. Это особенно характерно для второй половины XVIII в., когда возрастают потребности в новых образных и языковых средствах новых литературно-художественных жанров.

Важным итогом всех рассмотренных процессов явилось то обстоятельство, что отглагольные прилагательные рассматриваемого ряда выходят за рамки церковнокнижного употребления и становятся характерной приметой научных, деловых и литературно-художественных жанров.

Новообразования в кругу отыменных глаголов

Предварительные замечания

Собственно русские отыменные глагольные образования XVIII в. — это слова, которые образовались в самом русском языке XVIII в., во-первых, от русских имен (или именных основ) с помощью русских или ставших таковыми, но этимологически иноязычных аффиксов; во-вторых, от иноязычных имен (или именных основ) с помощью тех же аффиксов.

Собственно русские отыменные глаголы отграничиваются от иноязычных отыменных глаголов, которые заимствованы русским языком из других языков, в том числе и из славянских, и которые пополняли состав глаголов русского языка на протяжении XVIII в. параллельно с русскими отыменными глагольными образованиями. Соответственно этому в настоящем исследовании не рассматриваются отыменные глаголы, которые пришли в русский язык из других языков (в той или иной форме, в том или ином фонетическом облике, с тем или иным ударением, но во всех случаях с тем же значением, которое было у них в родном языке — источнике заимствования), например: *ретироваться* (фр. se retirer), *малевать* (нем. malen, польск. malować), *оккупировать* (лат. occupare, нем. okkupieren), *фехтовать* (нем. fechten, польск. fechtować), *маневрировать* (фр. manoevrer, нем. manövrieren) и т. д.

В качестве объекта исследования взяты только отыменные глаголы, образованные в XVIII в. от русских имен существительных, такие как *водолаз-нича-ть*, *чеботар-и-ть*, *голубятнич-а-ть* и т. д., или от генетически иноязычных имен, но ставших русскими словами, например: *базар-и-ть* от *базар* (перс.), *хозяй-нича-ть* от *хозяин* (иран.) и т. д.; такие глаголы не могли быть заимствованы из других языков в русский язык, так как их не было в соответствующих языках.[1]

---

[1] Естественно, когда речь идет о том, образован ли глагол от иноязычного имени существительного на русской почве или представляет собой заим-

Новые отыменные глаголы появились на почве русского языка, как и неологизмы других лексико-грамматических разрядов слов, с одной стороны, в связи с необходимостью выразить новые понятия, которые не могли быть выражены наличными средствами. Достигнуть этого без количественного пополнения лексики возможно только за счет развития или новых значений у старых слов или описательных способов выражения понятий словосочетаниями. Иначе нельзя объяснить того очевидного факта, что многие имена существительные, от которых в XVIII в. были образованы отыменные глаголы, в прошлом не давали таких образований, хотя значение глагольного действия, передаваемого новыми отыменными глаголами, до этого как-то выражалось. С другой стороны, новые отыменные глаголы появились в языке в связи с необходимостью заменить старые по форме слова новыми, соответствующими в целом более системным словообразовательным отношениям в языке.

Конкретно речь идет, во-первых, о собственно неологизмах, т. е. словах, которых раньше в языке не было, например: *мямлить*, *кляузничать*, *критиковать*, *домоседничать* и т. д.; во-вторых, о словах, которые в сущности являются новыми только по своей форме, так как им предшествуют исторически однозначные и однокоренные слова, от которых они отличаются иным суффиксальным или префиксальным оформлением, ср., например: *грабительствовать* (XVIII в.) и *грабить* (Срезн.), *проказничать* (XVIII в.) и *проказить* (Срезн.), *царить* (XVIII в.) и *царствовать* (Срезн.) и т. п.

Это положение касается как языка в целом, так и различных форм его существования и проявления: языка письменного и разговорного, языка различных стилей и жанров литературы. Поэтому, например, «перемещение» слова из одного стиля речи в другой не может рассматриваться как возникновение нового слова для языка в целом. Понятие «новое» в этом случае будет относительно: оно приложимо только к лексике определенного жанра, стиля, разновидности речи. Нельзя особо не оговорить, например, сложного взаимодействия русских и славянских элементов в языке XVIII в., когда сплошь и рядом сосуществовали одинаковые славянские и русские слова, различающиеся лишь своим оформлением, или когда славянские по форме слова заменялись вновь образованными русскими, например: славянское

ствование, важно знать, было ли во время заимствования в языке-источнике формально-семантическое соотношение имени и глагола или существовало только имя существительное, а соотносимый с ним по своему значению и по своему образованию глагол отсутствовал. Не менее важно установить непосредственный источник заимствования, ибо могло быть и так, что глагол проникает непосредственно из одного языка, а этимологически, по своему образованию, восходит к имени существительному другого языка. Такие глаголы попадают в разряд заимствованных слов, а не в разряд новообразований на русской почве.

рыбарь заменяется на русское *рыболов*, *рыбак*; а славянское *рыбарствовать* — на *рыболовствовать* и *рыбачить*.

Появление в языке отыменных глаголов, как явствует из самого термина, предполагает предварительное наличие в нем имен, однокоренных по форме и соотносительных по значению, от которых могли быть образованы эти глаголы, ибо «производная основа без наличия производящей в действительности не существует». Появлению, например, в языке отыменных глаголов *рыбачить*, *крючкотворствовать*, *ваксить* неизбежно должны были предшествовать имена существительные *рыбак*, *крючкотворство*, *вакса*. Точно так же, как отглагольные имена существительные могли появиться лишь от соответствующих глаголов. Не исключается при этом возможность и одновременного образования в языке соотносительных пар (имя — глагол) по типу уже существующих соотносительных рядов однокоренных слов, когда трудно точно определить, что возникло раньше — глагол или имя, равно как предположить возможность образования какого-нибудь совершенно нового для языка ряда таких соотношений (например: *скорняк* — *скорняч-и-ть* — *скорнячество*).[2]

Предварительным условием обнаружения и квалификации глаголов как отыменных новообразований будет, следовательно, их соотносительность с соответствующими именами.

Однако это общее бесспорное положение нуждается в существенном уточнении, когда речь идет о лексикологической стороне соотношения отыменного глагола с однокоренными существительными. Действительно, тот или иной отыменный глагол образуется от однокоренного с ним имени существительного и тем самым формально (как слово, имеющее тот же корень, что и имя существительное) и семантически (как слово с одним, общим для этих слов, значением корня) соотносится с этим именем: *буян* — *буян-и-ть*, *плут* — *плут-ова-ть*, *токарь* — *токар-нича-ть* и т. д. В то же время по своему лексическому значению отыменный глагол не всегда равнозначно (как *токарь* — *токарничать*, *буян* — *буянить*, *плут* — *плутовать*) соотносится с именем существительным, от которого он образован. Так, например, не вызывает никакого сомнения для языка XVIII в. соответствие имени существительного *каверзник* ‘тот, кто делает каверзы, пакости, сплетни’ отыменным глаголам *каверз-и-ть* и *каверзнич-а-ть* ‘делать каверзы’, хотя первый из них образован от *каверза*, а второй — от *каверзник*. По своему лексическому значению отыменной глагол *каверзить*, будучи эквивалентным глаголу *каверзничать*, ближе стоит к имени существительному *каверзник*, чем к *каверза*, хотя все четыре слова: *каверза*, *каверзник*, *каверзничать*, *каверзить*, как однокоренные, семантически близки друг друг. Или, другой пример, по своему лексическому значению непосредственно соотно-

---

[2] См. с. 265—266.

сятся в языке XVIII в. *стихотворец* 'сочинитель стихов' и *стихотворствовать* 'заниматься сочинением стихов, сочинять стихи', хотя отыменный глагол *стихотворствовать* образован от другого однокоренного с ним слова — *стихотворство* в значении 'поэзия, искусство сочинять стихи', с которым отыменный глагол связан лишь семантической общностью всех однокоренных единиц этого ряда. В такой же степени, например, можно говорить о большей лексической близости отглагольного имени существительного *бочарничание* 'делание бочек' к глаголу *бочар-despite-нича-ть*, от которого оно образовано, чем к существительному *бочарство* 'ремесло бочара', и о большей лексической близости глагола *бочар-и-ть* к существительному *бочар*, чем к существительному *бочарство*.

Наличие однозначного корня у двух или более слов говорит только о самой общей их семантической близости; в пределах же этой общей семантической близости существует разная степень близости по лексическому значению этих слов.

Из этого следует, что когда речь идет об установлении так называемого «направления производности» («что от чего»), или о «направленности словообразовательных связей», или о «словообразовательных мотивационных отношениях», следует особо подчеркнуть, особо оговорить значение конкретной истории слов, ибо только выяснение фактической как генетической, так и хронологической связи позволит установить, что от чего образовалось.[3]

Возникновение в языке XVIII в. новых отыменных глаголов предполагает также и определенные способы их образования, исторически сложившиеся в русском языке. Как правило, новые слова создаются по существующим в языке моделям, по готовым образцам, что, естественно, не исключает совершенствования словообразовательной системы в целом путем ли развития новых словообразовательных средств или замены одних словообразовательных моделей другими.[4]

Основным способом образования отыменных глаголов в языке XVIII в., как, впрочем, и на протяжении всей истории русского языка с древнейших времен до наших дней, является с у ф ф и к с а ц и я. Отыменный глагол как «производное слово» образуется

---

[3] О постановке проблемы и предлагаемых решениях ее при синхронном описании языка см.: Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка. М., 1966, с. 50—87; М е л ь ч у к А. И. 1) К понятию словообразования. — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1967, т. XXVI, вып. 4, с. 352—362; 2) Об определении большей, меньшей смысловой сложности при словообразовательных отношениях. — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1969, т. XXVIII, вып. 2, с. 126—135.

[4] Описание отыменного глагольного словообразования в русском языке XVIII—XIX вв. см. в работах: А в и л о в а Н. С. 1) К вопросу о суффиксальном образовании русского глагола в XVIII в. — В кн.: Материалы исследования по истории русского литературного языка, т. II. М.—Л., 1951, с. 253—283; 2) Развитие отыменного глагольного словообразования. В кн.: Глагол, наречие, предлоги и союзы в русском литературном языке XIX века. М., 1964, с. 104—130.

прибавлением к имени существительному[5] того или иного глагольного суффикса, независимо от собственной словообразовательной модели имени существительного, а также независимо от того, простое или сложное слово имя существительное служит «производящей основой» в образовании нового отыменного глагола. Количество таких глагольных суффиксов для русского языка вообще, и в том числе для русского языка XVIII в., невелико. Это, во-первых, древние русские суффиксы *-а-*, *-и-*, *-е-*, *-нича-*, *-ова-* и, во-вторых, новые для XVIII в. генетически иноязычные суффиксы *-ирова-* (ср. нем. *-ieren*) и *-изирова-* (ср. нем. *-isieren*). Все древние русские суффиксы продуктивны, они широко используются в XVIII в. при образовании новых отыменных глаголов. Новые же суффиксы *-ирова-* и *-изирова-* малопродуктивны, они, видимо, воспринимаются в XVIII в. еще как иноязычные, что вполне естественно: русский язык того времени пополнялся значительным количеством иноязычных глаголов с этими суффиксами; образования же собственно русских отыменных глаголов при помощи этих суффиксов чрезвычайно редки, единичны.

Нет у русских глагольных суффиксов, при помощи которых образуются отыменные глаголы, и семантической дифференциации, она в сущности стерта. В чисто грамматическом же аспекте эти суффиксы, поскольку они замыкают саму глагольную основу, могут предопределять (но опять же лишь в той степени, в какой окончание глагольной основы влияет на соотношение основ настоящего времени и инфинитива) отнесенность глагола к тому или иному классу. Но и только.

Однотипность способа образования отыменных глаголов в русском языке и семантическая «обезличенность» самих средств (глагольных суффиксов), при помощи которых они образуются, может объяснить, с одной стороны, возможность различного оформления одной и той же семантической группы отыменных глаголов (ср.: *горшечник — горшечнич-а-ть*, *древодел — древодельств-ова-ть*, *водовоз — водовоз-нича-ть*); с другой стороны, возможность появления и одновременного существования (на первых ли порах жизни слова или на определенном отрезке его истории) в соотносительном ряду однокоренных слов двух или более отыменных глаголов-дублетов, оформленных по-разному, например: *мастер-и-ть — мастер-ова-ть*, *тиран-и-ть — тиранств-ова-ть*, *цар-ева-ть — цар-ств-ова-ть — цар-и-ть* и т. п.

Только правильный учет лексического соотношения однокоренных слов ряда может дать ответ на вопрос, имеем ли мы дело в соотносительном ряду таких слов с отыменным или неотыменными глаголами. Известно, например, что для XVIII в. слово *серебряник* в ряду слов, означающих «ремесленных людей» (ср. *медник*, *оловянник* и пр.), отличается от *серебрильщик* по своему

[5] Случаи образования отыменных глаголов от имен прилагательных здесь не рассматриваются.

значению (первое означает 'художник, работающий серебряные вещи', второе — 'ремесленник, который покрывает серебром некоторые вещи') и что только это различие в значении дает основание полагать, что глагол *серебрить* 'покрывать серебром' будучи по своему значению соотносимым непосредственно с существительным *серебрильщик*, не мог быть образован от последнего: существительное *серебрильщик* могло образоваться только от глагола *серебрить*, а не наоборот, подобно тому как слово *мостильщик* образовано от *мостить*, а не от *мостовщик* в ряду: *мостить* — *мостильщик* — *мощение* — *мостовщик* (слово *мостовщик* в XVIII в. значило 'пристав или содержатель мостовой').

Образование отыменных глаголов в языке, соотносимых с соответствующими именами, могло идти параллельно с образованием других слов в этом ряду: прилагательных, существительных, наречий и т. д., однокоренных с исходными именами и отыменными глаголами и соотносимых с ними по семантике. Для уяснения истории отыменных глаголов существенным в этом случае является, естественно, их соотношение со всеми существительными ряда, в том числе и с отглагольными существительными.

Возникновение таких соотносительных рядов слов было известно в русском языке задолго до XVIII в. В качестве примера можно назвать ряды слов типа *грех* — *грешник* — *грешить* — *грешение*, отмеченные Словарем И. И. Срезневского, или *барыш* — *барышник* — *барышничать* — *барышничанье*, отмеченные в памятниках русского языка также до XVIII в.

Наличие таких соотносительных рядов однокоренных слов, включающих отыменные глаголы, облегчает определение закономерностей образования отыменных глаголов и, что не менее важно, само по себе означает утверждение их в языке как слов этого языка. Тот или иной отыменный глагол первоначально мог быть в языке окказиональным образованием, в этом случае фиксация его в каком-либо памятнике письменности и литературы еще не говорит о том, что такой глагол утвердился в языке как новое слово. Когда же такой глагол становится в соотносительный ряд однокоренных слов, а тем более когда в таком ряду оказываются другие слова, образованные уже от этого глагола, появляется основание утверждать, что такой глагол стал узуальным, живым словом языка. Наличие соотносительного ряда однокоренных слов служит прямым доказательством того, что такой отыменный глагол вошел в состав лексики языка, хотя возникнуть, образоваться он мог раньше или позже других слов ряда.

Новые отыменные глаголы, пополняя словарный состав языка в целом, в то же время последовательно включаются в лексико-семантические группы отыменных глаголов, которые, как известно, определились в русском языке давно, значительно раньше XVIII в. Правомерно говорить о нескольких основных разновидностях русских отыменных глаголов, если анализировать их, во-первых, в зависимости от значения слов, составляющих с ними

соотносительный ряд, во-вторых, в зависимости от соотношения их с однотипными по общему значению глаголами. Причем та или иная степень близости этих групп между собой определяется общим разграничением их в зависимости от принадлежности производящей основы или а) к «лицу» непосредственно (*ямщик — ямщич-и-ть*) и опосредованно (*лицедей — лицедейство — лицедейств-ова-ть*) или б) к «предмету», не к «лицу» (*борона — борон-и-ть, лепет — лепет-а-ть, упорство — упорств-ова-ть*).

Лексико-семантические группы отыменных глаголов, производящая основа которых имеет общее значение «лица»

Отыменные глаголы, соотносимые с существительными — названиями лица по профессии, ремеслу, роду занятий

Такие глаголы имеют общее значение ʻделать, выполнять работу такого лица’: *блинничать* ʻделать блины’, т. е. заниматься по роду своей деятельности тем, чем занимается или должен заниматься *блинник* ʻлицо, которое печет (а позже — и продает) блины’; [6] *портняжить* ʻшить платье, одежду’, т. е. делать то, что положено по характеру деятельности портному.[7]

В соотносительном ряду слов, в который попадает такой глагол, могут быть также существительные со значением ʻназвание занятия, ремесла, рода деятельности, работы’ и отглагольное существительное со значением ʻназвание самого действия’ —слова, которые создают известную логическую законченность ряда. Существование глаголов в языке вне связи с лицом, совершающим действие, обозначаемое этим глаголом, практически бессмысленно.

---

[6] При определении смысловых соотношений между словами, связанными словообразовательными отношениями, мы делаем упор на выявление общего в семантике слов, а не различного. Поэтому типы толкования лексических значений соотносимых слов через их «общую» основу приняты здесь сознательно.

[7] Поскольку в языке глагольное действие может быть выражено и не глаголом (скажем, описательным оборотом), постольку в основу соотносительного ряда ставится сам отыменный глагол, а не имя. Известно, например, что в перечне «родов рукоделий» для своего времени А. Н. Радищев называет следующие существительные, обозначающие лицо, которое совершает действие: «*серебрянники, канительщики, кожевники, пильщики, кирпичники, каменщики, овчинники, портные, плотники, извозчики, известники, мостовщики, торгаши, пастухи и батраки*» (Радищ. Влад. 138). Однако только следующие из них попадают в соотносительные ряды с глаголами: *пила — пильщик — пилить — пиленье, пилка*; *портной, портниха — портняжить — портняженье*; *плотник — плотничать — плотничанье*; *извощик — извощичать*; *торговец, торгаш — торговать — торговля*; *пастух — пасти — пасенье, пасьба — пастбище*, тогда как другие из названных существительных не имеют соотносительного с ними глагола в соответствующих соотносительных рядах слов. Конструировать соотносительный ряд слов следует не по имени, обозначающему лицо, которое совершает действие, а по глаголу.

Связь появления в языке такого глагола и употребления его в речи с наличием имени, от которого он образован или с которым соотносится как с лицом, совершающим это действие, прямая. Поэтому сокращение или увеличение числа таких глаголов, а также полное их переосмысление, надо ставить в прямую зависимость от исчезновения из жизни народа, говорящего на русском языке, каких-то профессиональных занятий, от появления новых или, наконец, от коренного изменения содержания самих занятий.

Формально-семантически глаголы этой группы можно разбить на три подгруппы.

1. Отыменные глаголы, представляющие собой такие образования, которые соотносятся с именами существительными генетически. Отыменный глагол со значением 'делать, выполнять работу определенного лица' образуется прибавлением к имени существительному со значением 'название лица по профессии' того или иного глагольного суффикса, например: *кожевник — кожевнич-а-ть*, *гончар — гончар-нича-ть*, *сторож — сторож-и-ть*, *мастер — мастер-ова-ть* и т. д. Отыменный глагол и имя существительное включаются в один ряд формально-семантически соотносительных слов; для понимания формы и значения отыменного глагола этот ряд может быть ограничен даже двумя словами. Естественно, раз в основу выделения группы соотносительных рядов слов положен лексико-семантический принцип, то по словообразовательным моделям глаголы подгруппы будут различаться между собой.

В данную подгруппу попадают:

а) Глаголы, образованные от имен существительных при помощи суффикса *-и-*; их сравнительно немного: *рыбач-и-ть*,[8] *скорняч-и-ть*,[9] *штукатур-и-ть*, *чеботар-и-ть*, *ямщич-и-ть*, *сторож-и-ть*, *нянч-и-ть*, *скоморош-и-ть*, *портняж-и-ть*,[10] *мастер-и-ть* и некоторые другие. Например:

«*Штукатур-и-ть* 'наводить на потолок, на стены штукатуру': «Стены снаружи штукатурили и раскрашивали разными красками» (Зап. Болот. IV 1197). Из определения следует как будто, что глагол *штукатурить* образован от *штукатура* (итал. stuccatura) 'раствор извести или жженого алебастра и части песку составленный', то же, что штукатурка (Ян.), например: «Прочная, крепкая штукатурка. Штукатурка со стен валится, обвалилась» (САР VI 919—920). Слово *штукатура* хорошо известно в XVIII в.: «А будущим летом обделывать стены внутри штукатурой или чем другим, а по штукатуре расписывать ли афреском, или будут обои?» (Бажен. 108). Однако одновременно со словом *штукатура* хорошо было известно на протяжении века и слово *штукатур* 'тот, кто отправляет штукатурную работу'.

---

[8] См. с. 263—264.
[9] См. с. 265—266.
[10] См. с. 267—268.

У И. Кирилова: «Каменщиков и кирпичников и печников, каменотесцев, стукатуров, каменоломщиков и кузнецов» (Кирил. ЦС I 32); «Потребны плотники и каменщики и штукатуры» (СПб. в. 1750 7); «С живописцами, штукатурами и другими мастерами надлежит опасно поступать, понеже в них много пьяниц бывает» (ФЭ 60). Изначальной словообразовательной основой для *штукатур*, как и для его дублета *штукатур-щик*,[11] было слово *штукатура*.

Было также и отглагольное существительное *штукатурение* ʽдействие того, кто штукатурит'. Фактически соотносительный ряд однокоренных слов в своих словообразовательных связях и в направлении развития этих связей был значительно сложнее отношений *штукатура* — *штукатурить*. Исторически, по времени образования этих слов, на первом месте стоит прилагательное *штукатур-н-ый*: *штукатурные потолки*, *штукатурные фигуры* (АК I 122 268), *стукатурный мастер* (ВЛ 555), затем два существительных-дублета: *штукатур* и *штукатурщик* (середина века) и, наконец, глагол *штукатурить* и отглагольное существительное *штукатурение* (вторая половина века). *Штукатурный мастер* — это и был *штукатур*, а его профессиональным действием было *штукатурение*. Глагол *штукатурить*, семантически указывающий на профессиональное занятие *штукатура*, мог быть образован в этом случае только как отыменной глагол, в равной мере как от *штукатур*, так и от *штукатура*. Развитие у глагола *штукатурить* видовой пары в форме приставочных глаголов *вы-штукатурить* и *от-штукатурить*, а также отглагольных существительных, образованных от них — *вы-штукатурение* и *от-штукатурение*, падает также на XVIII в.: «В путевых дворцах или почтовых домах и в присутственных местах коробок к дверям и окнам деревянных не делать, а вместо того быть всему тому просто выщекатуренному без излишней лепной работы и украшения, також нишей не иметь» (ПСЗ XXII 413).

С т о р о ж - и - т ь ʽисполнять обязанности сторожа, караулить, нести охрану кого-либо или чего-либо': «У Суворкиных сходятся также некоторые илимские промышленники, имеющие тут свои ухожья; но промыслы как их, так и Лукичевых были в 1795 г. столь худы, что многие и плашек не сторожили» (Рад. ПСС, III, 268). В XVIII в. глагол входит в древний лексико-семантический ряд слов: *сторож* (Срезн.), *сторóжа* ʽнесение сторожевой службы, охраны', *сторожевой* (САР V 866: *сторожевой полк*), *сторожиха* (ВЛ 313), *сторожка* (ЛП) и др. Образование его связывается, с одной стороны, с более четким разграничением лексических значений у глагола *стеречь* (*стерещи*): 1) ʽберечь, хранить' и 2) ʽкараулить, приставлять стражу'; с другой — с более четким семантическим разграничением двух близких соотносительных рядов слов: 1) *стеречь*, *стеречься*, *стережение* и 2) *сто-*

---

[11] Ср.: «Договорился я с щекатурщиком Макарием Степановым» (МАН V 96) и «Штукатуру Макару Степанову. . . деньги. . . выдать» (МАН V 96).

рожить, *сторожа* (сл. *стража*), *сторож* (сл. *страж*, *стражник*), *сторожка* (*солдатская сторожка*).

Приставочный глагол сов. вида *по-сторож-и-ть* 'сторожить некоторое время' как видовой коррелят глагола *сторожить* отмечается только Словарем 1847 г.

Нянч-и-ть 'ухаживать, присматривать за ребенком': «Англичане прекрасны видом, но скучны до крайности, женщины здесь миловидны, и только: их дело разливать чай и нянчить детей» (Кар. ПРП II 169). В соотносительном ряду слов, исходным словом в котором стоит существительное *няня* (ЛП), глагол *нянчить* отмечается во второй половине века (РЦ 350) рядом со словами *няня*, *нянька*, *нянин*, *нянькин*. К этому же времени относится и образование у глагола, во-первых, видового варианта *про-нянч-и-ть* или *вы-нянч-и-ть* 'воспитать под своим присмотром'; во-вторых, глагольной пары *нянч-и-ться* (=*нянчить*) — *про-нянч-и-ться* со значением 'провести время в нянченье'.

б) Глаголы, образованные от имен существительных при помощи суффикса *-а-*: *садовнич-а-ть*, *барышнич-а-ть*, *башмачнич-а-ть*, *горшечнич-а-ть*, *ветошнич-а-ть*, *блиннич-а-ть*,[12] *голубятнич-а-ть*, *харчевнич-а-ть*, *домовнич-а-ть*, *наезднич-а-ть*, *ремесленнич-а-ть*, *кожевнич-а-ть*,[13] *разбойнич-а-ть*[14] и некоторые другие. Например:

Барышнич-а-ть 'заниматься скупкой товаров и перепродажей их; переторговывать товаром для получения барыша'. В ряду однокоренных слов *барыш*, *барышник*, *барышничанье* этот глагол известен по литературным памятникам и словарям второй половины XVIII в., хотя заранее следует оговориться, что в узкоспециальном значении его 'торговать скотом' («барышничать скотом») он мог употребляться в языке прасолов до XVIII в. одновременно со словом *барышник*. Возможность словосочетания «барышничать скотом» как исходного, первоначального, до того как расширяется сочетаемость глагола с другими существительными, подтверждается наличием сравнительных оборотов типа «барышничать чем-то как скотом»: «Напротив того в северной Америке где европейцы великое отправляют купечество и барышничают людьми точно как скотиной и вещьми, у таких народов отец и ныне продает детей обоего пола невозбранно» (Десн. 1768 45). Ко второй половине XVIII в. относится, вероятно, развитие переносного значения у этого глагола, он начинает употребляться «в смысле уничижительном к означению людей жадных к корысти»: «Он всем барышничает». Оно связывается с развитием у сущест-

---

[12] «Блинничаю. . Пеку илу продаю блины и тем промышляю» (САР I 228).

[13] «Оне [башкирские женщины] портняжат, сапожничают, кожевничают и валяют войлоки» (Пут. Леп. II 39).

[14] «Гуселник, иже бе мужик что дуб и на гуслях играе безделно, всем не хвалящым, един токмо диочек похвалял, многим же чудящымся, чего ради то творит, рече: того ради хвалю его, яко сеи мужик дородный похотел гуслями промышляти, а не разбойничать» (Апофегм. 30).

вительного *барышник* второго значения: «В уничижительном смысле называется тот, который всячески домогается что-либо от другого присвоить»: «Надобно с ним осторожно обходиться, он сущей барышник». Или: «И так разсердясь на их [книги] темноту, определил сослать их в ссылку, то есть продать барышникам» (Чулк. Пересм. I 85).

Садовнич-а-ть 'работать в качестве садовника', 'заниматься садовничеством'. Глагол есть в словаре Нордстета (II 723), он стоит в ряду слов *сад* (Срезн.), *садовый* (Срезн.), *садовник* (Срезн.), *садовница*, *садовнический*, *садовничество* и *садоводство*. Последние два слова для языка XVIII в. были дублетами со значением 'занятие садовника; искусство выращивания садов и ухода за ними'.[15] Показательно, что при наличии соотносительных слов *садовник* — *садовничать* — *садовничество*, слово *садоводство* выглядит одиноко, обособленно, без слова *садовод*, которое появляется, видимо, позже, во всяком случае в языке XVIII в. его нет. Академические словари фиксируют его в 1847 г.

в) Глаголы, образованные от имен существительных при помощи суффикса *-нича-*:[16] *гончар-нича-ть*, *водолаз-нича-ть*, *слесар-нича-ть*,[17] *водовоз-нича-ть*, *столяр-нича-ть*, *пивовар-нича-ть*, *кашевар-нича-ть*, *ложкомой-нича-ть*, *бочар-нича-ть*,[18] *хозяй-нича-ть*,[19] *повар-нича-ть*, *баб-нича-ть* и некоторые другие. Например:

Водовоз-нича-ть 'доставлять себе пропитание, возя другим воду' (САР I 797); «Ты ничем, Добрыня, не похвалишься? Еще чем мне будет похвалитися? Еще жил я у тебя [кн. Владимира] ровно девять лет: Еще три года водовозничал, Еще три года приворотничал, Еще три года ложкомойничал, Трое на трое стало девять лет» (Былины 81). Этот глагол соотносится в XVIII в. по своему значению с существительным *водовоз* 'тот, который, возя для других воду, достает себе от того пропитание' и с его дублетом *водовозщик* (САР I 796).

---

[15] Ср.: «Також могут они [новопоселяющиеся жители] невозбранно упражняться наровне с прочими в садоводстве, хлебопашестве, скотоводстве и во всех частях сельского хозяйства» (ПСЗ XXV 373). «Мы здесь живем, дожидаясь зимы; и ожидание мое сопряжено с немалою нетерпеливостию; для того что наскучило жить не на месте и так сказать почти без упражнения. В Илимске могут они быть для меня разного рода. Садовничество будет конечно не последнее, и для того вашего сиятельства прошу усерднейше прислать мне семян» (Рад. ПСС III 398).

[16] Здесь возможно двоякое объяснение словообразовательной модели слова: а) глагол образован от соотносительного с ним имени существительного путем прибавления сложного суффикса *-нич-а-* или б) глагол образован от соотносительного с ним имени существительного, структурно включающего суффикс *-ник-*, в этом случае следует различать два суффикса: собственно именной *-ник-*, входящий в основу имени, и собственно глагольный *-а-*.

[17] См. с. 267.

[18] См. с. 268.

[19] См. с. 262—263.

Баб-нича-ть. Глагол образован от существительного *баба* в значении 'повивальная бабка' или 'бабка' (САР I 66), 'женщина, повивающая, принимающая младенцев' (*искусная бабка*).[20] Глагол *бабничать* соотносится, с одной стороны, с синонимическим глаголом *баб-и-ти* «повивать, упражняться в повивальном искусстве» (САР I 67), с другой — с производным от него отглагольным существительным *бабничанье* 'отправление повивального искусства'.

Пивовар-нича-ть. Образованный от старого слова *пивовар*, хорошо известного языку XVII в.,[21] глагол *пивоварнича-ть* 'промышлять пивоварением' употребляется в XVIII в. наряду с однокоренными словами *пивоварение* 'приготовление пива', *пивоварня* 'место, строение, где варят пиво на продажу или для поставки куда', *пивоварный*, *пивоварский* и др.: «Сам толку, сам мелю, Еще щи, — кашу варю, кашеварничаю, пивоварничаю» (ВНП III 466).

г) Глаголы, образованные от имен существительных при помощи суффикса *-ова*, присоединяемого непосредственно к основе имени существительного со значением 'название лица по профессии, ремеслу, роду занятий', единичны: *мастер-ова-ть*,[22] сюда же, вероятно, *критик-ова-ть* и производный от него глагол *критик-ова-ться*.

Глагол *критиковать* в ряду однокоренных слов *критика*, *критик*, *критический* отмечается на протяжении всего века: «Сверх того в народе здешнем врожденная почти страсть критиковать и противиться всем поступкам настоящего министерства» (Кант. Рел. II 202); «[Граф Чесменский] особливо сей раз критиковал более прочих часть воинскую» (Зап. Гарн. XVI 207); «Помни, что ты не пресужателем но исполнителем повелеваемого быть должен; и что тебе не критиковать, но только послушаться велено» (Бол. Пам. кн. 86). Глагол впервые фиксируется Словарем Нордстета (1780). К концу XVIII в. относится и развитие семантики этого глагола от первоначального значения 'судить о сочинениях' (ср.: *критика* 'искусство судить о сочинениях' и более широкое 'судить вообще о ком-либо или о чем-либо'). Об этом можно составить представление по значению глагола *критиковаться*, образование которого падает на это же время: «Пастор стал его [ростовщика] описывать столь живо, что хотя не называл его по имени, однако всякой легко мог подразуметь, что сей токмо ростовщик, так ценится и критикуется» (Вес. Мел. 81); «Когдаж

---

[20] В XVIII в. для выражения этого понятия наиболее употребительным было, видимо, словосочетание «повивальная бабка». См., например: «Младенцам имена дают бабки повивальные, которых они никогда не переменяют. Из двойнишных одного всегда убивают» (Краш. ОЗК II 184), а также: ПСЗ, XVI 353 (1763).

[21] Например у Котошихина: «Винокуры, пивовары, сторожи, бочкари, которые вина курят и пива варят, и меды ставят и делают суда» (Котош. 75).

[22] САР IV 54.

все английское в такой у нас превеликой моде, то для чего любители иностранных вкусов не почитают пятый ваш листок в английском вкусе написанным: там дворяне критикуются так же как и простолюдины» (Жив. 1772, 102).

2.Отыменные глаголы, представляющие собой такие образования, которые формально-генетически не связаны с именами существительными, обозначающими «лицо». Отыменный глагол со значением 'делать, выполнять работу лица' образуется прибавлением глагольного суффикса не к имени существительному со значением 'названия лица по роду занятий', с которым он соотносится семантически, а к основе имени существительного со значением 'названия занятия лица', например: *водоходец — водоходство — водоходств-ова-ть*, *грабитель — грабительство — грабительств-ова-ть*, *опекун — опекунство — опекунств-ова-ть* и т. д. Отыменный глагол включается формально-семантически в соотносительный ряд, который состоит не менее чем из трех слов: имя существительное, от основы которого образован отыменный глагол, сам отыменный глагол и имя существительное, обозначающее лицо, с которым соотносится такой глагол семантически. В эту группу попадают глаголы, образованные от имен существительных на *-ство* при помощи суффикса *-ова-*:[23] *крючкотворств-ова-ть*, *грабительств-ова-ть*,[24] *лицедейств-ова-ть*, *изуверств-ова-ть*, *водоходств-ова-ть*, *опекунств-ова-ть*, *тиранств-ова-ть*[25] и некоторые другие. Например:

Опекунств-ова-ть над кем-либо или над чем-либо 'в опеке кого или что иметь'. Вполне определенно можно сказать, что в ряду однокоренных слов *опека* («быть под опекою», «отдать именье под опеку», «дворянская опека», «взять под опеку», «освободить из-под опеки» и т. д.), *опекун* («кто имеет опеку над кем или над чьим именьем»), *опекунство* («принимать на себя опекунство»), *опекунский* («опекунский совет») глагол *опекунствовать* появляется в языке значительно позже, чем другие слова. Слово *опека* известно языку еще в XVII в.: «То село Романово княжны Слуцкой, а в опеке или в обороне воеводы Троицкого, пана Оляховского» (Пут. Толст. I 173). *Опекун* фиксируется уже словарем Вейсмана (ВЛ 1731 733), там же есть и *опекунство* (727). Особенно активно начинают употребляться эти слова со второй половины XVIII в. в связи с законодательным определением положения о дворянской опеке.[26] «Если потребно будет для исправления по

---

23 Как справедливо замечает Н. С. Авилова, «глаголы на *-ова-* находятся в непосредственном соотношении с именами деятеля, а не с существительными с суффиксом *-ство*» (Авилова Н. С. Развитие отыменного глагольного словообразования, с. 113).

24 См. с. 264—265.

25 См. с. 262.

26 См.: «Учреждение для управления Губернии Всероссийския Империи» (7 XI 1775). ПСЗ XX, 14392 247—251 (гл. XVI. «О дворянской опеке и о должности сего места»).

сему опекунству дел к содержанию и производству проходных и расходных книг, или к управлению деревень управителей, оных принимать им опекунам по сему ж разсмотрению производя жалованья из собираемых доходов» (ПСЗ XX 151). К этому времени относится, вероятно, и появление в языке глагола *опекунствовать*: «В Фракии народ имел и по домам своих богов, называя их богами им опекунствующими, а в Афинах кумиры богов только в своих храмах поставляемы были; а по домам никто их иметь не смел» (Эмин Фемист. 47).

Водоходств-ова-ть по своему значению соотносится со словами *водоходец* или *водоход* 'мореплаватель судовщик; управляющий судном по реке или на море' (САР I 801), *водоходство* 'искусство управлять судном на реках и морях', а также со словом *водоходный* («водоходное судно», «водоходное училище»). И хотя словари XVIII в. не отмечают этого глагола, тем не менее слово *водоходствовать* в таком семантическом соотношении с *водоходец* и *водоходство* было известно в то время. Ср.: «Сим озером 20 верст водоходствуют до деревни Копкиниц» (МИГ 1791 92); «Мы признали за благо, до издания третьей части Устава о водоходстве, предписать следующие статьи» (ПСЗ XXII 26); «На купеческие корабли и суда принимать корабельшиков, судовщиков, штурманов и лотцев присяжных; а буде число записных водоходцев есть недостаточно, то вольных» (ПСЗ XXII 253); «Низкого состояния люди, питающиеся от нашествия других, содержа постоялые дворы, приготовляя пищу, доставляя пропитание от извозов, отдающие в наем домы, амбары и лавки, кормящиеся от водоходства» (Рад. Торг. 663).

В формально-семантически соотносительном ряду слов — имя существительное, обозначающее лицо, имя существительное на *-ство*, обозначающее название занятия лица, и отыменный глагол — второе слово, от которого образуется отыменный глагол, кроме основного значения может иметь и другие: 'результаты занятия лица', 'сфера приложения деятельности лица' и 'общественное положение и состояние лица': *государств-ова-ть*, *хозяйств-ова-ть*,[27] *президентств-ова-ть*, *председательств-ова-ть*, *законодательств-ова-ть*, *попечительств-ова-ть* и т. д. Например:

Государств-ова-ть 'царствовать, верховную власть иметь, владычествовать, управлять государством' (САР II 280) отмечен на протяжении всего века: «Желаем от господа Бога вам, брату нашему любезнейшему. . . многолетнаго здравия и счастливаго в государствах ваших государствования и правления с приращением» (ПБП I 207); «Прежде сего всякое [королевство английское, шотландское и ирландское] особливо государствовало, а Ирландия к тому многим небольшим королям разделена была» (Геогр. 1719 76); «Спокойно буди о сем, благословенная страна, спокойно буди дрожайшее Отечество наше, когда в тебе толь щед-

---

[27] См. с. 262.

рая наук покровительница государствует» (Лом. СС I 253). Ряд однокоренных существительных, с которыми семантически соотносится глагол *государствовать*, в XVIII в. представлен словами *государь*, *государство* (впервые у Срезн.), *государствие*, *государствование*: «Кир старейшии царь персидскии, глаголаше, яко ни единому подобает промышлять на государствование, разве бы тому, которои во всех добродетелех первенствовал пред теми, над ними же имеет государствовать» (Апофегм. 125); «Писан государствия нашего во дворе, в царствующем велицем граде Москве, лета от создания мира 7204-го месяца июля 11-го дня, государствования нашего 15-го году» (ПБП I 84). В лексикографической практике глагол *государствовать* впервые отмечается Вейсманом (1731 г.).

К этому времени относится, вероятно, развитие у глагола значения 'господствовать, занимать руководящее положение, верховодить', которое не отмечается словарями: «Вымышлятели систем, а почитай и все ученые люди поступают как оттоманцы, кои, чтоб им безопасно государствовать, начинают сперва умерщвлять своих братов» (Бакон 17). «По истине то самое теперь сбывается, что Платон говорит, когда либо философы государствуют, либо государи философствуют» (Жив. 1772 93).

3. Отыменные глаголы-дублеты, которые формально различаются между собой только словообразовательной моделью, семантически же соотносятся с одним и тем же именем существительным. Они образуют с этим именем такой формально-семантический соотносительный ряд слов, в котором имя существительное со значением 'название лица по его профессии' соотносится с двумя (или даже тремя) отыменными глаголами-дублетами со значением 'делать, выполнять работу такого лица'.[28]

Исторически дублетность отыменных глаголов проявляется по-разному: глаголы-дублеты образуются одновременно, как бы параллельно друг другу в какой-то определенный отрезок времени, или последовательно, один за другим, через определенные промежутки времени. В том и другом случае они представляют собой отдельные самостоятельные слова, а не варианты одного слова. На протяжении некоторого времени они сосуществуют в языке, будучи обозначениями одного и того же глагольного действия, семантически никак не разграничиваясь. Но со временем дублетность той или иной пары отыменных глаголов устраняется семантической дифференциацией глаголов или вытеснением из языка одного из них.

---

[28] Образование таких соотносительных рядов слов, включающих глаголы-дублеты, как и вообще возникновение дублетности в языке, — явление обычное. Оно прослеживается на разных этапах истории русской лексики как до, так и позже XVIII в. Ср., например; *воевод-и-ти — воевод-ова-ти — воевод-ств-ова-ти* (Срезн. 280—281) и *маклер-и-ть* (Слов. 1847) — *маклер-ова-ть* (Михельсон, 1866) — *маклерств-овать* (Ушак., Толк. слов., 1938).

а) Примерами первой разновидности глаголов-дублетов как новообразований XVIII в. могут служить глаголы *тиранств-ова-ть — тиран-и-ть*,[29] *хозяй-нича-ть — хозяй-ств-ова-ть*, *мастер-и-ть — мастер-ова-ть*, *рыболовств-ова-ть — рыбач-и-ть — рыбак-ова-ть* и некоторые другие. Например:

Хозяй-нича-ть и *хозяй-ств-ова-ть* в значении 'домоводствовать, отправлять хозяйственную должность' (САР VI 567). В XVIII в. эти глаголы-дублеты входят в лексико-семантический ряд слов: *хозяин* (*хозяйка*) — *хозяйство*, в котором нет еще отглагольного существительного *хозяйничанье*, образованного от *хозяйничать*, и отглагольного существительного *хозяйствование*, образованное от глагола *хозяйствовать*.[30]

Очевидно, что формально-грамматически глагол *хозяйничать* образован от слова *хозяин*, а глагол *хозяйствовать* — от *хозяйство*. И поскольку в языке XVIII в. *хозяин* — это 'главный, старший в доме или в семействе' или 'тот, у которого живет кто в работниках или нанимает покои', т. е. 'домовладелец (и глава семьи), владелец двора, отдельного самостоятельного хозяйства, хотя бы и мелкого',[31] а *хозяйство* — 'домоводство, управление домашними делами; распоряжение домом', что входило в прямые обязанности 'старшего в доме, в семействе', постольку, естественно, генетически глаголы-дублеты, образованные от таких имен существительных, не могли не быть однозначными. «Управлять домашними делами», «заниматься домоводством», «домоводствовать» мог только *хозяин*, а само «домоводство, управление домашними делами» и было *хозяйством*.

Есть все основания предполагать, что образование отыменных глаголов-дублетов *хозяйничать* и *хозяйствовать* относится к XVIII в. Во всяком случае в литературный язык они вошли не ранее второй половины века, так как отмечаются в разных памятниках литературы только этого времени: Ср: «[Бригадир:] Я уже начал здесь хозяйничать. Пришел вас звать к столу» (Фонвиз. Бриг. 55). «Видя, какъ один сосед хозяйствует, как другой мотает, Оронт молчит; . . . не льстить богатому, ибо он может обеднять; боится оскорбить беднаго, ибо онъ может раз-

---

[29] «Стародум. Нет, сударыня, тиранствовать никто не волен. Гж. Простакова. Не волен! Дворянин, когда захочет, и слуги высечь не волен: да на штож дан нам указот о вольности дворянства?» (Фонвиз. Недор. 146); «Дядя ее за то слово разсердился, и ударил ее так больно в щоку, что она упала, а как встала, то в слезах и азарте сказала ему: если он начал и ее тиранить. . ., то она лучше по миру пойдет нежели у него жить станет» (Никанор 20).

[30] *Хозяйничанье* и *хозяйствование* есть в Слов. 1847 г. (т. IV, с. 406—407), где они семантически уже дифференцируются: *хозяйничанье* — это 'действие хозяйничающего', а *хозяйствование* — 'действие хозяйствующего'. Оба слова широко употребительны в языке художественной литературы XIX в.

[31] См.: Иорданский А. М. Происхождение и история слова *хозяин* в русском языке. — Уч. зап. Владимирского пед. ин-та. Серия «Русский язык». 1967, с. 17.

житься» (В Е IV 135); «Надзиратели Мазариновой Коллегии дозволяют старику хозяйствовать в Библиотеке и через то промышлять себе хлеб» (Карамз. ПРП V 264).

По степени употребительности глаголов-дублетов *хозяйствовать* стоит на первом месте, что подтверждается, в частности, тем, что в Российском Целлариусе 1771 г., например, где впервые в лексикографической практике описывается глагол *хозяйствовать* (в гнезде однокоренных слов *хозяин*, *хозяйка*, *хозяйский*, *хозяйство*), нет глагола *хозяйничать*.

Развитие смысловой дифференциации у этих глаголов намечается, видимо, еще в XVIII в., но утверждается она не ранее первой половины XIX в. По своей причинной обусловленности смысловое разграничение слов *хозяйствовать* и *хозяйничать* связано с возникновением новых оттенков значений у самих имен существительных *хозяин* и *хозяйство*, от которых образовались эти глаголы-дублеты и с которыми они формально-семантически соотносились. По данным Словаря 1847 г., *хозяин* это уже 'полновластный владетель или содержатель дома, лавки и проч.' («Дело хозяина смотреть за порядком в доме»), а *хозяйство* это 1) 'совокупность всех принадлежностей домашнего быта' и 2)' 'домоводство, управление и распоряжение всем, относящимся к дому, заведению или ведомству' («заводское хозяйство», «горное хозяйство»).[32] Соответственно: *хозяйничать* это 1) 'распоряжаться в доме по-хозяйски' («Он начинает хозяйничать») и 2) 'смотреть за домом вместо хозяина' («Все уехали в гости, и кухарку оставили хозяйничать»), а *хозяйствовать* это 'заниматься хозяйством или домоводством' (Сл. 1847 IV 406—407). Такое значение глагола *хозяйствовать* (или очень близкое к нему) можно отметить уже в литературе конца XVIII в. Ср.: «Не лучшим образом хозяйствовал он и нашими излишними, в оброк отдаваемыми землями» (Зап. Бол. IV 177) и «Я разскажу вамъ, какъ по приезде изъ службы въ отставку обостороживался я въ маленькомъ домишке, какъ учился хозяйничать и привыкалъ къ сельской экономии, поправлял и приводил въ лучшее состояние свое домоводство» (Зап. Бол. II 300).

Рыболовств-ова-ть и *рыбач-и-ть* 'заниматься рыбной ловлей, быть рыбаком': «Прогностик на 12 месяцев. Октябрь. Говорится, что время, когда листвие от древес отпадает, и когда древеса разметываются, здравию противно: ныне на то помятуючи, подобно на предлежащую зиму снабдеть поварню и погреб: кормных говядь бить, в прудах рыболовствовать, и ловить дичину» (Календ. 1725 40); «С меня довольно, когда я скажу, что Волжския воды, начиная от урочища называемого Лапшовской взвоз, даже до Дойнихина истока, принадлежат Синбирскому купечеству, где никому не дозволяется

---

[32] «Мне кажется русское наше слово хозяйство во всех случаях то же значит, что хотя уже и обруселое, но чужестранное экономия» (ПЭ II 3).

рыбачить без платежа или без наряду» (Пут. Леп. I 245). Наиболее употребительным остается, видимо, глагол *рыбачить*. *Рыболовствовать* же сохраняет, судя по замечаниям А. С. Шишкова, в литературном языке элемент необычности, новизны, ненормативности: «Казалось, что вся природа искала нам добронравствовать. — Добронравствовать? По этому можно говорить: благополучствовать, рыболовствовать, горохосажательствовать? Вот какие новые к обогащению языка открываются источники!» (Шишк. Расс. 198—199). В XVIII в. эти глаголы входят в соотносительный ряд слов с общей основой *рыбак*, ср.: *рыбак* («Рыбак рыбака далеко в плесе видит»), *рыбачка* (Нордст. 1782), *рыбачий* («рыбачья лодка»), *рыбацкий* (САР V 282), шире — в соотносительный ряд однокоренных слов, в том числе и сложных: *рыба*, *рыбка*, *рыбица*, *рыбник*, *рыболов*, *рыболовец*, *рыбий*, *рыбный*, *рыболовный*, *рыболовский*, *рыболовство*, *рыбаченье*, *рыбоядение*, *рыбно* (нареч.), сл. *рыбарь*, *рыбарский*, *рыбарство*, *рыбарствовать* (Влх., Сл. 1658 682). Наряду с глаголами *рыбарствовать* и *рыбачить* для обозначения соответствующего действия в XVIII в. употребляются древние обороты «ловить рыбу» и «удить рыбу»: «Его величество ловили рыбу у города и купались тут все» (ЖКФ 1715 61); «Не сыщешь рыбы в луже Колико во трудах прилежен ты ни будь, И целый год хотя ты в луже рыбу удь» (Сум. СС VII 174). В лексикографических трудах XVIII в. эти глаголы не отмечаются. Нет в это время у них видовых коррелятов. Образование приставочного глагола *по-рыбач-и-ть* с соответствующим сдвигом лексического значения, обусловленным значением приставки *по-* ('рыбачить некоторое время'), относится, видимо, к XIX в. Позднего образования и глагол совершенного вида *от-рыбач-и-ть* 'кончить, перестать рыбачить, заниматься рыбной ловлей' (Даль).

б) Примерами второго ряда отыменных глаголов-дублетов, которые образуются в языке не одновременно, а через какие-то промежутки времени, п о с л е д о в а т е л ь н о друг за другом, могут служить пары — новообразование XVIII в. и его эквивалент, известный до XVIII в. или появившийся позже, за границами XVIII в. Например, с более ранними образованиями в XVIII в. сосуществовали: *граб-и-ть* (Срезн.)[33]—*грабитель-ств-ова-ть* (САР);[34] *царств-ова-ть* (Срезн.) — *цар-ева-ть* (до XVIII в.) — *цар-и-ть* (XVIII в.); *скорняч-и-ть* (XVII в.) — *скорняж-нича-ть* (САР) и некоторые другие.

Г р а б - и - т ь и *г р а б и т е л ь с т в - о в а - т ь*. Семантическая однозначность этих глаголов для языка XVIII в. не вызывает никакого сомнения. Ср.: «Многие воеводы такой народ утесняют, грабят, мучат, чтобы их бедными пожитками обогатиться» (Кант. Сат. II 59); «В 1789 году весь свет потрясен был так

[33] В соотносительном ряду: *грабеж*, *грабитель*, *грабление*, *грабежник*.
[34] В соотносительном ряду: *грабеж*, *грабитель*, *грабительница*, *грабление*, *грабительство*, *грабительский*, *грабительски*.

сильно, что везде открылись чрезвычайныя движения, и произошло в Европе начало новой эпохи человеческого рода. . . Отсекали людям головы, грабительствовали и разрушали домы и крепости, дабы показать права человечества» (ПЖ 1790 3—4). Вместе с тем как неологизм XVIII в. глагол *грабительствовать* не может быть поставлен рядом с глаголом *грабить* ни по своей употребительности, ни по своему месту в ряду однокоренных глаголов. Если *грабить* является производящей основой для образования глаголов сов. вида с различными по своей семантике приставками (*ограбить*, *награбить*, *разграбить*, *пограбить*, *выграбить*) и соответствующих образованных от некоторых из них отглагольных существительных или прилагательных (*ограбление*, *пограбление*, *разграбление*, *пограбленный* и т. д.), то *грабительствовать* стоит обособленно от однокоренных глагольных образований и соотносится только с существительным *грабительство*. Сфера употребления его как для XVIII в., так и для последующего времени — книжная речь, сочинения на темы исторические: «Есть государства, где разбойники смертнаго убийства не делают для того, что воры грабительствующие только могут надеяться, что их пошлют в дальния поселения, а смертноубийцы сего ожидать не могут ни под каким видом» (Наказ 95); «В начале прошедщаго столетия, некоторый донской казак называемый Ермак Тимофеевич, быв принужден оставить свою землю, и не ведая чем себя прокормить, присовокупил к себе нескольких разбойников, и начал грабительствовать по большим дорогам» (Пут. Бел. 154); «Тщетно изгнанник [князь Изяслав], переходя из области в область, грабительствует вместе с союзными половцами» (Жук. Соч. V 523). Интересно, что в дальнейшем глагол *грабительствовать* воспринимается как устаревшее слово наряду с существительным *грабление*, а не со словом *грабительство*.[35]

Скорнячить и *скорняжничать* в значении ‘промышлять выделыванием мехов’ (САР V 487—488). Оба глагола к концу XVIII в. стоят в лексико-семантическом ряду слов: *скорняк* ‘тот, кто выделывает мехи или пушной товар’ — *скорнячество* ‘ремесло скорняка’ — *скорнячий* ‘принадлежащий или свойственный скорнякам’, где в это время нет еще отглагольного существительного *скорняжничанье* и существительного *скорняжничество*, которые отмечаются позднейшими словарями.

Как глаголы-дублеты они оформляются в разное время. Глагол *скорнячить* есть в рукописных памятниках XVII в.: «Дворишко бобыля Гришки Ерофеева, в длину и с огородом 28 с., поперечь 8 с., скорнячит, а ныне скопан в ров».[36] Наравне со словами *скорняк*, *скорнячество*, *скорнячий* глагол *скорнячить* отме-

---

[35] См.: Словарь современного русского литературного языка, т. III. М.—Л., 1954, с. 350.

[36] Переписна книга г. Новгорода и Новгородских пригородов, 1698—1699 г. Рукоп. ЛОИИ (Собр. рукоп. книг, № 324).

чается Российским Целлариусом (1771 227). Можно думать, что на протяжении всего XVIII в. он остается наиболее употребительным из этих глаголов: «Женский пол приучают к отправлению всех их домашних обиходов: ибо женщина должна, кроме скотоводства, отправлять все нужныя у них рукоделия, как-то выделывать овчины, шить шубы, сапоги и платье, стричь овец, бить шерсть, валять войлоки на кошмы и кибитки, сидеть свой кумыз, заготовлять в зиму сыр, корешки, скорнячить, вить веревки из верблюжей шерсти, собирать оную и приуготовлять» (Пут. Леп. I 230). Глагол же *скорняжничать* попадает в словарь только в конце XVIII в.

Совершенно ясны и словообразовательные модели этих глаголов: *скорняч-и-ть* образовано от имени существительного *скорняк* прибавлением к нему глагольного суффикса *-и-*, а *скорняжнич-а-ть* — от имени существительного *скорняжник* (=*скорняк*), старого слова, известного еще до XVIII в., прибавлением к нему глагольного суффикса *-а-*; от *скорняжник* образовано, естественно, и прилагательное *скорняжный*,[37] послужившее позже основой для образования глагола *скорняж-и-ть*.

Царств-ова-ть, *цар-ева-ть* и *цар-и-ть*. Для XVIII в. в этом ряду глаголов наиболее употребительными были первый и третий,[38] что касается глагола *царевать*, то он сопровождается в словарях XVIII в. пометой «славянское» (САР VI 617) и употребляется очень редко. Возможно, что и значение его 'носить на себе имя царя' («Яко царюя царствовати имаши») в известной степени у́же, чем у глаголов *царствовать* и *царить*. Последние объединены значением 'иметь верховную над каким-либо царством власть; владеть, управлять царством, нося на себе имя царя'. Ср.: «Царь недостойный царскаго престола не можетъ долго царствовать» (Телемак I 22); «Владимир начал один царствовать около 982 года по Христе» (Кант. Сат. VI 144); «Как государю долго царить недостойну престола!» (Тред. Тилем. I 32). К XVIII в. относится, видимо, и развитие переносного значения у глагола *царствовать* 'преобладать, господствовать', которого еще нет в это время у глагола *царить*: «Сей великий градъ есть столица шума и понеже ты желаешь иметь описанйе ея, зачну отъ безпрестаннаго движения, которое зде царствуетъ во дни и нощи» (Кант. II 361); «Безпрерывная весна царствовала в сей

---

[37] См. у Поликарпова (ЛП, 1704): «скорняшник и скорняшное дело, скорняшное ремесло». Однако, если прилагательное *скорняшный* так и осталось живым словом в языке XVIII в. (см. ЛК 12: *скорняжный*); то существительное *скорняшник* (*скорняжник*), известное в XVII в., было вытеснено на протяжении XVIII в. словом *скорняк*.

[38] «Пою властителя французскаго народа, Кого взвела на трон победа и порода, Несчастием самим навыкнул кто царить, В изгнаньи знал сражать, а победив, простить» (Держ. 1870 III 369); «На Пегаса я возсевши Полечу въ страны далеки В те я области обширны Что Понт черной облегают, Протеку страны и веси Где стояло сильно царство Славна древле Митридата. Где Тигран царил в Арменьи» (Рад. СС I 29).

стране благополучной» (Карита 4); «[Писатель] говорит что у городских жителей нравы развращены, пороки царствуют, всио отравлено ядом; что добродетель и блаженство бегают от городов» (Жив. 1772 13).

К парам — новообразование XVIII в. и дублет более позднего происхождения — относятся *слесар-despite-нича-ть* (XVIII в.) — *слесар-и-ть* (Слов. 1847), *бочар-нича-ть* (Норд.) — *бочар-и-ть* (Даль), *портняж-и-ть* (XVIII в.) — *портняж-нича-ть* (Даль), *скоморош-и-ть* (САР) — *скоморошеств-ова-ть* (Слов. 1847) — *скоморош-нича-ть* (Даль) и некоторые другие.

Слесар-нича-ть и *слесар-и-ть* в значении 'заниматься слесарным мастерством'. Хотя эти глаголы отмечаются словарями как дублеты только в середине XIX в. (см. Сл. 1847), тем не менее образование одного из них — *слесарничать* — относится к XVIII в. В это время он уже употребляется наравне с однокоренными словами соотносительного ряда: *слесарь*, *слесарство*, *слесарня*, *слесарский* и др.; «У старика который слесарничает, был серебряник боровской, 90 лет, помнит деда моего, имя его Иван Щукин» (Рад. ПСС III 278). Глагол *слесарить* как дублет глагола *слесарничать* появляется в языке позже. Ни в памятниках XVIII в., ни в словарях того времени он не отмечается.

Портняж-и-ть и *портняж-нича-ть* в значении 'промышлять портняжным ремеслом'. Оба глагола образованы от имени существительного *портняга*, живого слова в языке XVIII в., которое вместе с производным *портняжка* не только стилистически (как просторечное, по оценке словарей — даже вульгарное), но и семантически отличалось от слова *портной*, с последним связывалось представление о «портном мастере» (Норд. II 602). Ср., например: «Портняшка прежде всех сказал другим сие: Когда бы не было портных на белом свете, так вы бы в осени, в весне и в жарком лете, И зиму к ним прибавить барышом, Ходили нагишом» (Майк. Басни II 14).[39] Однако отыменный глагол *портняжить* 'шить платье из платы' и 'промышлять портняжным ремеслом' (новообразование XVIII в.) не имеет сниженной стилистически окраски. Оно включается в XVIII в. в соотносительный ряд однокоренных слов *портной*, *портниха*, *портнячий* и т. д. как стилистически нейтральное слово: «Бортевой присмотр должны иметь мужчины, а прочая домашняя работа отправляется женщинами: оне у них [башкир] портняжат, сапожничают, кожевничают и валяют войлоки. Кожевничество их от всех кожевных выделок отменно» (Пут. Леп. II 38); «Для пополнения ежегоднаго скуднаго дохода своего Аркадий Ильич брал в свободное время

[39] Показательно, что «портной мастер» предшествует слову *портной* в том же значении; язык русского средневековья знает только словосочетание «портной мастер». Для обозначения профессии портного писатели в то время пользуются только этим словосочетанием: «Сами — плотники, сами кузнецы, прътные мастера и сапожники, и кожевники» (М. Грек. Неизд., 196 об.).

переписывать со стороны бумаги. Жена его продолжала портняжить и помогать этим мужу» (Крыл., Влюбл. в самого себя). Образованное от него отглагольное существительное *портняженье* также нейтральное слово.

Глагол *портняжничать* появляется, судя по данным словарей, в языке в XIX в., а производное от него слово *портняжничество*, как и *портняжество*, еще позже.

Б о ч а р - н и ч а - т ь и *б о ч а р - и - т ь* в значении 'ремесло бочара отправлять'. Глагол *бочарничать* стоит в языке XVIII в. в соотносительном ряду однокоренных слов *бочар* 'ремесленник, который делает бочки',[40] *бочарничанье* 'ремесло бочара' и 'делание бочек' и *бочарство* 'ремесло бочара'. Последнее слово также было, вероятно, новообразованием XVIII в., возникшим по словообразовательной модели имен, обозначающих 'ремесло, род занятий', и появилось оно в языке рядом со словом *бочарничанье*, надо полагать, для того чтобы расчленить два значения: 'ремесло бочара' и 'делание бочек', закрепив каждое из них за разными словами, хотя еще и в XIX в., видимо, слова *бочарство* и *бочарничанье* могут употребляться как дублеты в значении 'ремесло бочара'. Фиксация слова *бочарство* в литературных текстах XVIII в. относится ко второй его половине: «В корзинах скоряе воздух сырой и мокрота заходит, да и собственной табачной дух не столь хорош в них сохраняется; чего ради ежели бочки будут легкия, то оныя и предпочитать надобно корзинам, и для того бочарство сие особливое должно то есть, чтоб клепка была самая тонкая, и потому легковесная, тоже обручи и дно, так как то в бочках видим, в которых из заморя сахар привозят, и чтоб бочки были величиною по 2 аршина с половиною, или больше, 24 вершков поперечну» (ЕС 1763 IV 337—338).

Глагол *бочарить* как дублет глагола *бочарничать* входит в литературный язык в XIX в. Впервые рядом со словом *бочарничать* 'бондарить, заниматься бочарным ремеслом' оно отмечено в Словаре Даля.

Отыменные глаголы, соотносимые с существительными — названиями лица по его поступкам, действиям, характеризующим лицо со стороны его поведения

Такие глаголы имеют общее значение 'проявлять себя как лицо, совершающее это действие': *буянить* 'забиячить, дерзностно, нагло поступать', *греховодничать* 'приводить кого-либо соблазнительными поступками ко греху, или вздорным нравом к смутам, ко вражде', *домоседничать* 'сидеть дома, со двора не сходить, не отлучаться от дому'.

---

[40] Слову *бочар* предшествует в русском языке, видимо, слово *бочарник*, известное в средневековье: «Дал на постриганье бочарник Деменя четыре рубли без гривны» (Кн. прих. Болд. мон., 192).

В соотносительном ряду слов, в который попадает такой глагол, может быть также существительное со значением 'название самого действия' или 'название состояния, в котором лицо совершает такие поступки', или 'название самих поступков': *буян* — *буянить* — *буйность*, *буйство*; *греховодник* — *греховодничать* — *греховодство*.

Формально-семантически глаголы этой группы также можно разбить на подгруппы.

1. Отыменные глаголы, представляющие собой такие образования, которые соотносятся с именами существительными генетически. Они образуются, подобно глаголам первой группы, от имен существительных при помощи различных суффиксов, добавляемых к основе имени.

а) Глаголы, образованные при помощи суффикса *-и-*: *зубоскал-и-ть*, *балагур-и-ть*, *горлан-и-ть*,[41] *шарлатан-и-ть*, *буян-и-ть*,[42] *ханж-и-ть*, *мытар-и-ть*,[43] *егоз-и-ть*, *зазноб-и-ть*, *баламут-и-ть*,[44] *мямл-и-ть*, *вертопраш-и-ть*, *сумасброд-и-ть*, *грубиян-и-ть*, *штукар-и-ть*, *дурач-и-ть*,[25] *пустомел-и-ть*, *пророч-и-ть*,[46] *скоморош-и-ть*, *ротозе-и-ть*, *канюч-и-ть* и т. д. Например:

Мямл-и-ть 'медленно делать что-либо', точнее, видимо, 'медленно говорить': «Сквалыгин. Азбуку она было выучила; после купил я ей у носящева на рынке книжку для забавы, Лошадиной Лечебник: только она мямлила, мямлила ее, да и бросила. Да на что девке знать грамоте?» (Матин 94).

В таком значении глагол *мямлить* соотносится с именем существительным *мямля* 'медлительный, нерасторопный человек'. Слово *мямля* есть у Нордстета. И, по всей вероятности, это слово было известно до XVIII в. Ср. как собственное имя: «Кирил игумен купил Пречистой в дом у Пестерка у Мямли деревню» (Арх. Строев. I 386).

Ко второй половине XVIII в. относится, вероятно, развитие второго значения у глагола *мямлить* 'произносить или говорить

---

[41] «Граф Воронцов злодействует везде. Касательно требования на переселение запорожцов денег один только он горланил в Совете вопреку сему» (Зап. Гарн. XV 690).

[42] См. с. 276—277.

[43] «И так разсудивъ то, что неприятели наши иногда и без науки досаждают нам довольно, а на учившися от нас, еще и больше досаждать могут, не нахожу я, для чегоб человеку мытарить к неприятелям своим знанием» (Коз. ФП 122).

[44] «Сквалыгин. Вот каков стал ныне свет; Баламутит так речами, Нищих ставит богачами, Бредит то, чево и нет!» (Матин 27).

[45] «Я, не разговаривая с ними долго, сказал им, что они обманулись, и напрасно почли меня таким дураком, котораго бы они дурачить могли» (Маркиз I 1).

[46] «Ты мертв, но в памяти потомков будешь жив, Пророчит муза то и глас ея правдив» (Петров 231); «Багиня мудрости тогда на Геликоне Имела с Музами ученнейший совет О страшном некаком наклоне Бродящих близ земли комет, Которы долгими хвостами; Пугая часто робкий свет, Пророчили беды местами, И Апполонов путь Грозили в мир запнуть!» (Богд. 127).

вяло, невнятно': «Таратора. Оставь, пожалуй, свою дурацкую привычку, не зная по-французски болтать и портить французския слова; да и вечно мямлишь; Ну кстати ли говорить премиереман... pramierement надобно, сударь» (Крыл. ПСС I 271); «Кутейкин: Так у нас одна кручина. Четвертой год мучу свой живот. По сей час кроме задов новой строки не разберет: да и зады мямлит, прости Господи, без складу по складам, без толку по толкам» (Фонв. Недор. 83).

В словарях XVIII в. глагола *мямлить* нет.

Штукар-и-ть 'выдумывать'. Глагол образован от просторечного слова *штукарь* (женск. *штукарка*) 'выдумщик' (САР VI 919), которое было хорошо известно языку XVIII в.: «Всякое дело мастера боится; а мы своих, каковы штукари и проворы, довольно видели. И так им опростать полати от коровы для хозяина такая безделица, что и говорить не стоит» (Анекд. пошех. 138).

В письменный язык XVIII в. глагол *штукарить* входит, по всей вероятности, не ранее второй половины или конца века: «Французам, да чертям лишь можно так штукарить, Чтоб даже в моду ввесть и пудру в печке жарить, И ею волоса природны засыпать На то, чтоб не могли наследника узнать» (Княжн. СС III 9).

Балагур-и-ть. Глагол отмечается в середине XVIII в. в ряду однокоренных слов: *балагур* 'шутник, смехотвор, весельчак', *балагурство* 'шутливость' и *балагурный* 'забавный, шутливый': «[Н е н и л а:] Гдеж он? [Л у к а:] В низу стоит с барчугом моим. Ха! ха! ха! Каким жо он мне чудаком топерь кажотца! уж подлинно залютная птица! как уж знать, девка, станют балагурить, то, так животики надорвют на нюво глядя. Да вон и он. Вишь ли каким фертиком идют» (Попов, Досуги II 197); «Его высочество [в. кн. Павел Петрович] разговаривать или лучше сказать балагурить изволил, по большей части с графом Федором Григорьевичем Орловым» (Зап. Пор. 554); «На зависть Европы я весьма спокойно смотрю; пусть балагурят, а мы дело делаем» (Пис. Ек. II XVI 48).

Изменение в семантике глагола связано в это время с особенностями употребления его, точнее с развитием у него способности грамматически управлять именем существительным — «балагурить на счет кого-либо»: «[Г. П р о м о т а л о в:] Приезжайте все, балагурьте на щет моей деревенской родни, смейтесь над нами, над первым мною, я етому достоин» (Промот. 9).

Видовой пары у него нет. Но от глагола *балагурить* образуется в XVIII в. *прибалагуривать* — *прибалагурить* 'пришучивать, говоря применивать шутки' (САР I 87).

б) Глаголы, образованные п р и п о м о щ и с у ф ф и к с а *-а-* путем прибавления к основе имени существительного, оканчивающегося преимущественно на *-ник*: *греховоднич-а-ть*, *кляузнич-*

а-ть, мошеннич-а-ть,[47] *шильнич-а-ть, крамольнич-а-ть, щеголя-ть,* [48] *криводушнич-а-ть, горемык-а-ть, чудеснич-а-ть, каверзнич-а-ть, развратнич-а-ть, хищнич-а-ть, угоднич-а-ть, ехиднич-а-ть, наушнич-а-ть, насмешнич-а-ть, бездельнич-а-ть,*[49] *беззаконнич-а-ть, своднич-а-ть,*[50] *похабнич-а-ть* и т. д. Например:

Наушнич-а-ть. В ряду однокоренных слов *наушник* (Л. 1762), *наушница* (Норд.); *наушничанье* (РЦ 561), *наушничество* (Норд.); глагол *наушничать* отмечается словарями второй половины века, начиная с Российского Целлариуса, а также в произведениях писателей этого времени: «Плутон может быть и сам бы на его покусился для своей живописи; но он боялся Юпитера, которому не преминул бы Меркурий наушничать по своей склонности» (ПД I 257). По своему значению ʻнаговаривать, клеветать на кого-либоʼ глагол *наушничать* соотносится со всеми словами ряда.

Шильнич-а-ть ʻплутовать, мошенничатьʼ: «Соперник наш еще кичился и гордился, и об мире слышать не хотел, или, по крайней мере, хотел, чтоб мы заплатили ему огромную сумму. Подозревали, что сам воевода вместе с ним шильничал и его наущал, дабы ему самому тем более от нас и от него [нашего соперника] поживиться было можно» (Зап. Бол. I 167); «Он с ним за одно шильничает» (САР VI 885). Слово *шильник* ʻплут, мошенникʼ, от которого образован глагол *шильничать*, известно до XVIII в.: «Князь великий Василе(й) Васильевич был в Новегороде Великом миром, и тогда в Новегороде хотели убити шильники» (Арх. анг. Лет. 290). В XVIII в. оно входит в синонимический ряд слов: «Ковник, коварщик, шильник, лиходей» (Сл. Кург. 38). Помимо отглагольного существительного *шильничество* ʻмошенничество, плутовствоʼ в XVIII в. в ряду однокоренных слов *шильник, шильничать* стоит также глагол *изшильничаться* ʻизбездельничаться, измошенничатьсяʼ.

---

[47] «Они то ходя по Москве под видом шпионов, проведывали разными способами о всяких подозрительных людях, и объявляли о том Каину, а между тем и сами много мошенничали вынимая из карманов платки, часы, табакерки и другие вещи» (В. Каин 61); «Лиса мошенничать обыкла, И в плутни вникла» (Сум. Притчи 91).

[48] «Щеголять чем и перед кем: турки и персияне любят щеголять платьем, но только не блесящим; атлас и бархат оставлены у них женщинам» (Пант. ин. сл. II 284); «Будучи в мундире Преображенском, на голстинский манер кургузом, с золотыми петлицами, с желтым камзолом и таковыми же штанами сделанном. . . щеголял пред московскими жителями» (Держ. VI 424).

[49] «Выразумев Повар, что бездельничают те, Говорит: не знаю мяса часть девалась где, И меня легко провесть заклинаясь ложно; Только ж Бога обмануть вам никак не можно» (Тред. СП I 201); «Ч у ж е х в а т. Ну, какая у тебя Рифма? П а с к в и н. Нежели понедельничать, лучше не бездельничать» (Сум. СС V 29).

[50] «Филин вырос пьяница . . . для того, что пьяница был его сродник, который его вскормил; Миртил блядун, для того, что дядька своднячал; Савка у бабушки своей лгать перенял; Сильвия у матери предаваться в любовния забавы» (Кант. Сат. XII 164).

в) Глаголы, образованные при помощи суффикса *-ннча-*: *домосед-ничать*, *невеж-нича-ть*,[51] *нахаль-нича-ть*, *проказ-нича-ть*,[52] *бродяж-нича-ть*, *верхогляд-нича-ть*, *повес-нича-ть*, *вертопраш-нича-ть*, *сумасброд-нича-ть*,[53] *скряж-нича-ть*, *буян-нича-ть* [54] и некоторые другие. Например:

Повес-нича-ть 'шалить, проказничать': «[Марфа:] А разве там позволяется вам повесничать? [Разсмешин:] Нет; да утерпишь ли, увидя купца, или подьячева, или старика офицера, чтоб не пошутить... инова сгоним мы с места бранью, другова принудим к тому булавками, третьева насмешками... тово щипньом, другова толкньом» (Подраж. 33).

В XVIII в. глагол соотносится только с существительным *повеса* (РЦ 83), от которого он образован. Других однокоренных слов этого ряда — *повесничанье*, *повесничество* — в это время, видимо, еще нет.

Домосед-нича-ть 'дома сидеть, со двора не сходить, не отлучаться от дому' соотносится с именем существительным, от которого он образован (*домосед*, женск. *домоседка*): «У Лизы был старик отец: Известны стариков беседы — Старинны люди домоседы, Не знают нежности сердец» (Зрит. II 218). Но стоит в ряду таких однокоренных слов, как *домоседство*, *домоседный*, известных в литературном языке второй половины века: «Я весьма склонен к домоседству — часто провождаю я целые после обеды, целые вечера сам с собой» (АК VII 259); «Таким людям, которые упражняются в мысленных и домоседных трудах, для малаго их движения, советует [Бургов] употреблять свежое мясо и рыбу, как по легче к сварению в желудке» (Коз. Расс. 84).

Интересно отметить для XVIII в. необычное, может быть даже индивидуально авторское употребление слова *домоседничать*: «Посещение сие принудило меня домоседничать в лодке почти до самого города» (Пут. Леп. I).

г) Глаголы, образованные при помощи суффикса *-ова-*, прибавляемого непосредственно к основе существительного со значением лица, единичны: *шельм-ова-ть*, *дезертир-ова-ть*, *плут-ова-ть* и некоторые другие. Например:

Плут-ова-ть. Глагол известен с самого начала века. Он стоит в ряду однокоренных слов, особенно широко и активно употребляемых в языке второй половины века: *плут*, *плутня*, *плутоватый*, *плутовка*, *плутовство* и др. Семантическое соотношение его с однокоренными словами очевидно: «Трофим. Да не станем забывать того, что сколько бы плуту ни удавалось плутовать, но всегда на конец попадется в несчастье, ежели заранее не покается, и не кинет своих плутней» (Попов Досуги 163);

---

[51] См. с. 278.
[52] См. с. 277—278.
[53] См. с. 276.
[54] См. с. 276—277.

«Людей графа Чернышова для науки землянаго строения прикажу прислать других. Московскому управителю строго предпишу, чтоб он не плутовал и о продаже дома сделал вам вспомоществование» (Держ. Соч. VI 104).

Исторически глаголу *плутовать* предшествует, по всей вероятности, глагол *плутать*, хорошо известный языку XVII в.: «И Степан Наумов воровал, плутал, Чердынцом и Усольцом в том запасе наровил того стрелецкого хлеба на Чердынцах и на Усольцах по свой съезд не доправил, для своей жадности и бездельной корысти» (ДАИ IV 253). Но для XVIII в. уже четко определяется смысловое различие глаголов *плутовать* и *плутать*. Ср.: «Давай и взятки сам, и сам опять бери! Коль нет свидетелей, воруй, плутуй, сколь можно, А при свидетелях бездействуй осторожно!» (Сум. Притчи 377); «И так принуждены мы были плутать верст с шесть по займищам и искать прибежища у сенокосцов» (Пут. Леп. I 23).

Ш е л ь м - о в а - т ь. Нет никакого сомнения в том, что глагол *шельмовать* является отыменным глаголом, производящей основой для образования которого послужило хорошо известное для Петровского времени слово *шелм* (*шелма*), из нем. Schelm. Словарь Вейсмана слово *шелм* (*шелма*) определяет для русского языка как 'вор, плут, лукавец, лукавый человек'. Там же приводятся сочетания с этим словом: «шелмою, плутом остаться», и отыменные образования: «кого шелмовати, ошелмовати», «шелмовану быти».

Нет также сомнения в том, что первоначальное значение глагола *шельмовать* связывалось с определенным наказанием в армии: «. . .от армии до войска кого яко шелму, плута отогнати, выгнати» (ВЛ); «Которые стоя пред неприятелем или в акции уидут. . ., оныя имеют шелмованы быть, а когда поимаются убиты будут» (Артикул 121) или: «Кто из офицеров, или рядовых, с неприятелем тайную, и опасную переписку иметь будет,. . . оныи иметь яко шелм и изменник, чести, пожитков и живота лишен, и четвертован быть (Артикул 92—93). *Шельмовать* кого-либо значило 'наказывать как шелма' и связывалось с понятием «лишать звания, чинов, имущества». В это же время намечается употребление глагола *шельмовать* и по отношению к невоенным: «Третьяго сенатора речь. Аз мнение свое полагаю И тако разсуждаю: Надлежит его [Фарсона] шелмовати И без решпекту из града изгнати» (Фарсон 60).

Во второй половине века, если судить по «Материалам для комиссии об уложении», глагол *шельмовать* получает более узкое значение 'наказывать палками', при этом имеется в виду, очевидно, что само наказание не распространяется на «благородных» людей: «Последнего офицера если наказать палкою и шпагою, в таком случае он скажет, что палкою скотину, а шпагою офицера бьют; что самое есть довольным доказательством всей отменности, надобной благородным в наказании перед подлостью: то есть благородных можно штрафовать, в ссылку ссылать и смертью казнить, только не шельмовать» (Десн. МКУ 15).

Глагол *шельмовать* есть в польском языке, он отмечается словарем Линде рядом со словами *шельма*, *шельмовство* и др. (Linde V 1859 577). Поэтому уместен вопрос: можно ли русский глагол *шельмовать* квалифицировать как новообразование в языке XVIII в.? Не является ли он заимствованным словом из польского языка? При условии полного семантического соотношения слов *шелма* и *шелмовство* в русском и польском языках русский глагол *шелмовать* и польский szelmować такого соответствия не имеют. Польский глагол szelmować приводится у Линде только в значении ʽbazecnym go czynić czci pozbawiać' (ʽлишать чести, объявлять бесчестным'). Того первоначального значения русского глагола, которое известно с Петровских времен, у польского глагола нет. Русский глагол *шельмовать* с его значением возник на русской почве по продуктивой словообразовательной модели.

Д е з е р т и р - о в а - т ь ʽуходить из войска' нем. ausreisen, durchgehen, davon laufen, фр. deserter (Норд. 154) отмечается в русском языке в середине XVIII в.: «Те им [рекрутам] деньги выдавать, разделяя в три года, дабы получа единовременно деньги, дезертировать не могли» (МЗК II 484). Слово входит в соотносительный ряд слов известных ранее (начало века): *дезертир*, *дезертирование* и др. Оно пришло в русский язык на смену другому глаголу того же корня и также отыменного образования — *дезертовать* (лат. desertor ʽбеглец, изменник'):[55] «Ежели полки, воиско, или шквадроны дезертуют. . ., оныя имеют во время девяти недель чрез публичнои барабаннои бои, и труби трижди в генеральнои крикскрехт позиваны» (Артикул 71); «Из Португалских полков много людей дезертуют, и говорят, что те беглые почитаи все в нашу службу идут» (Вед. II 354).

2. Отыменные глаголы, представляющие собой такие образования, которые ф о р м а л ь н о - г е н е т и ч е с к и н е с в я з а н ы с и м е н е м с у щ е с т в и т е л ь н ы м, о б о з н а ч а ю щ и м л и ц о. В то же время образование их как отыменных глаголов нельзя прямо связывать с существительным на *-ство*, хотя они не только ф о р м а л ь н о представляют собой образования, которые соотносятся с существительным на *-ство* со значением ʽназвание самого действия', или ʽназвание состояния, в котором лицо совершает такое действие', или, наконец, ʽназвание самих поступков, которые совершает лицо': *чародей-ств-ова-ть* — *чародей-ство*, *злодей-ств-ова-ть* — *злодей-ство* и т. п., но и с е м а н т и ч е с к и. Будучи непосредственно связаны с лицом, совершающим действие, они сохраняют такую же непосредственную связь с существительным, называющим само действие, как и с существительным, обозначающим лицо. И поскольку их общее

---

[55] См.: Б и р ж а к о в а Е. Э., В о и н о в а Л. А., К у т и н а Л. Л. Языковые контакты и заимствования. (Из серии «Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века» под ред. Ю. С. Сорокина). Л., 1972, с. 357: «Дезертовать 1715 г. От фр. déserter < лат. desere».

значение 'проявлять себя как лицо, совершающее определенное действие' связано с характеристикой лица со стороны его поведения, постольку общее значение существительных на *-ство* может быть производным от глаголов, а сами существительные на *-ство* могут рассматриваться скорее всего как отглагольные существительные. Поэтому характеризуя эту группу отыменных глаголов, более правильным и, видимо, более объективным будет признание формально-семантического соотношения между этими глаголами и существительными на *-ство*, ибо генетически вполне возможно здесь и другое «направление словообразовательных связей».[56]

В эту группу попадают следующие глаголы, образованные при помощи суффикса *-ова-*: *крючкотвор-ств-ова-ть*, *актер-ств-ова-ть*, *языче-ств-ова-ть*,[57] *мытар-ств-ова-ть*, *кокет-ств-ова-ть*,[58] *идолопоклон-ств-ова-ть*, *тиран-ств-ова-ть*, *изувер-ств-ова-ть*, *единоборств-ова-ть*,[59] *доброжелатель-ств-ова-ть*,[60] *лицедей-ств-ова-ть*, *ехид-ств-ова-ть*, *тунеяд-ств-ова-ть*, *покровитель-ств-ова-ть*, *педант-ств-ова-ть*, *учитель-ств-ова-ть*, *обезьян-ств-ова-ть* и т. д. Например:

Покровитель-ств-ова-ть 'защищать, заступать, попечительствовать о ком-либо'. Глагол стоит в ряду однокоренных слов *покровитель* (Срезн.), *покровительница* (РЦ 246), *покровительство* (ВЛ 85). Интересен тем, что в первоначальном употреблении управляет только винительным падежом существительного: «Премудрая Екатерина не только преславно художества обновив, науки везде покровительствует, но и по всей России обое распространит по желанию своему просвещения между людьми!» (Зыб. 1773 33); «Я ему [кабинет-министру] представился, и был принят от него тем милостивее, что сам он, прославясь своим витийством на русском языке, покровительствовал молодых писателей» (Фонв. ПСС III. 35); «Король Себастиан покровительствовал флорентийцов отменно пред всеми другими нациями, и дал им все свободы и выгоды собственных своих подданных» (Приб. МВ 1784 15).

Но к концу века параллельно намечается уже современное нам управление у этого глагола — *покровительствовать* кому, чему: «Блажен тот муж, блажен, стократно, Кто покровительствует им! Вознаградят его обратно Они бессмертием своим» (Держ. Соч. I 151).

---

[56] Более непосредственное соотношение имени существительного на *-ство* и глагола приводит к тому, что образование самих глаголов возможно и без соотношения с лицом (типа *раболепство — раболепств-ова-ть*).

[57] См. с. 277.

[58] См. с. 279.

[59] «Такия непристойности бывают весьма часто. Вообще в заседаниях нет ни малой торжественности, никакого величия; но многие риторы говорят красноречиво. Мирабо и Мори вечно единоборствуют, как Ахиллес и Гектор» (Кар. ПРП VI 23).

[60] «Старайтесь доброжелательствовать всем людям и радоваться их щастию, сколько бы ни различествовали они с вами во мнениях» (Приб. МВ 1784 609).

Актер-ств-ова-ть. Глагол образован от хорошо известного языку конца XVIII в. существительного *актерство* 'профессиональное занятие актера': «[Актеру Ивану Петрову] жалованья за актерство 700 р., да за режиссерство опер 300 р.» (АДТ 387). Можно предполагать, что впервые он был употреблен Н. М. Карамзиным в «Письмах русского путешественника» в значении 'вести себя как актер': «Проповедник был распудрен и разряжен; в телодвижениях и в голосе актерствовал до крайности» (Кар. ПРП II 230). В словари это слово попадает только в середине XIX в., причем, что примечательно, по существу с тем же значением, что и у Н. М. Карамзина: 'представлять собою актера; поступать по-актерски' (Сл. 1847).

3. Отыменные глаголы-дублеты, которые соотносятся с именем существительным с общим значением 'название лица по его поступкам, действиям, характеризующим лицо со стороны его поведения'. Как и для глаголов первой подгруппы, здесь возможны также два разряда глаголов-дублетов.

а) Глаголы-дублеты, образованные в XVIII в.: *язычнич-а-ть — язычеств-ова-ть*, *каверзнич-а-ть — каверз-и-ть*, *мытар-и-ть — мытарств-ова-ть*, *мастер-ова-ть — мастер-и-ть*, *идолопоклонич-а-ть — идолопоклонств-ова-ть*, *чудеснич-а-ть — чудес-и-ть*, *буян-и-ть — буян-нича-ть*, *ехиднич-а-ть — ехидств-ова-ть*, *вертопраш-и-ть — вертопраш-нича-ть*, *невеж-нича-ть — невежеств-ова-ть*, *сумасброд-и-ть — сумасброд-нича-ть — сумасбродств-ова-ть*;[61] *проказ-и-ть — проказ-нича-ть*, *грубиянств-ова-ть — грибиян-и-ть* и т. д. Например:

Буян-и-ть и *буян-нича-ть*: «Когда ты буянить перестанешь» (САР I 374); «И весь привал Добрынюшка черный шатер. . . Фсе развеял — разметал он по чисту полю. А где был он, буянил, тут и улекса спать» (Арханг. былины 183); «Посетителям же, коим по выходе хозяев не трудно было примерить свою ошибку, ломать замки, озарничать и буянничать не рассудилось за благо: сойти со двора тоже не было охоты» (Анекд. пошех. 153). Возможно и такое употребление: «Жасмин. Нет не сыпь сих брилиантов — Изобьешь мою ты ткань; Пожалей моих гирландов; Слышишь, дожжик, не буянь!» (Муза IV 143).

Оба глагола образованы от одного имени существительного *буян* со значением 'название нарицательное, присвояемое чело-

[61] Ср.: «Нет уж сударыня, говорила мне одна барышня; здесь вовсе свету подражать не знают, а все то испортили училища да ученыя люди: куда ни посмотришь, везде ученой человек лищь сумазбродит и чепуху гонит» (Жив. 1772 83); «А июля во 2 д. нынешнего 720 г. в доношении того монастыря казначея иеромонаха Иоанна написано: тот де Юдин в монастыре у них сумасбродничает и представленных к нему служебников бьет и самовольничает» (СД II 102—103); «Чтобы ученых отучить В пустых словах искать и тайну находить, Которую они по их речам находят И, сумасбродствуя, других в безумство вводят, Не помню царь земли какой Их шуткой осмеял такой» (Хемн. Басни² 257).

веку забиячливому, дерзкому, наглому, мотовитому', будучи формально и семантически соотносимыми с ним: «Я в роскошах забав Испортил уже мой и непорочный нрав, Испортил, развратил, в тьму скаредств погрузился, — Повеса, мот, буян, картежник очутился» (Держ. Соч. III 192).

Попадает в соотносительный ряд этих слов в XVIII в. и отглагольное существительное *буянство*: «Беспутный человек в Есопа бросил камень, Хотя ему Есоп не зделал ни чево: Беспутство, младости и глупости то пламень. Бывает и у нас буянство таково» (Сум. Притчи 86).

Язычеств-ова-ть и *язычнич-а-ть*. Судя по употреблению этих слов в литературе, а также по данным словарей, *язычничать* не является в XVIII в. дублетом глагола *язычествовать*, у них разные значения. *Язычествовать* 'идолопоклонствовать, жить в язычестве', а *язычничать* 'переносить вести; пересказывать, что у кого делается или что о ком говорят'. Но дело в том, что в XVIII в. рядом со словом *язычество* 'идолопоклонство', которое известно в языке до XVIII в., появляется в том же самом значении слово *язычничество*. Ср.: «Ерусалим так Бога чтит, И о творце воспоминает: Язычество во мраке спит И мира Господа не знает» (Сум. Оды² 27); «Каково тогда будет матерям смотреть на развратную жизнь своих дочерей, и муж какое тогда поведет житие с предавшеюся слабостям всем супругою! Такому нечестию не токмо в православие, но ниже в самом язычничестве не попущает водоворяться природа человеческая» (Десн. 1772 42). Естественно предположить: подобно тому как *язычество* соотносится с *язычествовать*,[62] так и *язычничать* — с *язычничеством*. Это в свою очередь дает основание допустить возможность соотношения в языке XVIII в. *язычествовать* и *язычничать* как глаголов-дублетов, которые в дальнейшем семантически дифференцируются.

Проказ-и-ть и *проказнич-а-ть*. Оба глагола появляются в литературном языке второй половины XVIII в., в это же время они фиксируются и словарями. Стоят они в соотносительном ряду однокоренных слов *проказы* 'шалости, дурачество', *проказник* и *проказница* 'тот кто делает проказы'. *Проказить*, по определению «Словаря Академии Российской» (III, 359), глагол, «употребляемый в просторечии и значащий: делать шалости, дурачества, проказы»: «Человек сей был хотя весьма добрый и всеми нами любимый, но совсем особливаго и такого характера, который заставливал нас иногда над ним проказить и смеяться» (Зап. Болот. I 665); «П р о с т о д у м. Проказить надо мной еще ты молоденек. П о л и с т. Удары палошны моих на выкуп денег Изволь отщитывать» (Княж. СС III 8); «М и л о в и д о в а. Хорошо: станьте рядом. (*Становятся*) В а р и н ь к а,

---

[62] «Или язычники прежде Пелагия пелагианствовали, или Пелагий по язычниках язычествовал» (Тред. Тилем. I 30).

вытянувшись по солдатски. Вот и строй готов. Миловидова. Ты все проказничаешь: но тут шутки не у места, где приказывают; внимание первый знак повиновения» (Держ. Соч. IV 316). Известны в это время и видовые корреляты у глагола *проказить*: *напроказить*, *спроказить* («Он много напроказил»; «Говорят, что ты это спроказил» — САР III 359).

Глагол *проказничать* образован, как можно предполагать, от имени существительного *проказа*, однозначного существительному *проказник*. Ср.: «Качая головою, ему сказал: „ах, братец, братец, братец! что ты там наделал? и долго ли тебе, проказа, проказничать? вот до чего довела тебя твоя глупая и скверная привычка“» (Зап. Бол. IV 369—370); «Куда какой ты был проказник с молоду! бывало животики надорвем со смеха» (Жив. 1772 182).

Невеж-нича-ть и *невежеств-ова-ть* 'своевольно, против благопристойности поступать; грубые поступки оказывать; неучтиво говорить, обходиться': «Когда офицер в скорости, людей своих при себе иметь не возможет, и ряди малои и легкои помощи и пособления, кого из солдат попросит, а оная работа без великого труда и тягости учиниться может: тогда да не дерзают солдаты в том, хотя в поле, или где инде противитися, или невежествовать» (Артикул 41); «Да он же, Поляков, перед комисскими членами поступал грубо и невежничал» (МАН VII 159); «Буде же хотите играть в билиар, ищите товарища, и что вам угодно, то сей час прикажу подать; а невежничать и ругать меня не извольте» (Милорд. 162); «Вральман (*оправляясь от робости*). Как фы терсаете нефешничать перет ушоной персоной? Я накраул сакричу. Цифиркин. А мы те и честь отдадим. Я доскою. . . Кутейкин. А я часословом» (Фонв. Недор. 96).

Оба глагола в XVIII в. стоят в ряду однокоренных слов, которые известны русскому языку до XVIII в.: *невежа* и *невежда* (Срезн.), *невежество* и *невежественный* (Срезн.) и др. Совершенно ясны словообразовательные связи глагола *невежничать* с именем существительным *невежа* (сл. *невежда*) и глагола *невежествовать* с *невежество*, хотя семантические связи глаголов с именами существительными отражены у них по-разному. Глагол *невежничать* по своему значению соотносится только с одним из значений имени существительного *невежа* — 'грубиян, неучтивец, неуч, не умеющий поступать благопристойно', у него нет значения, которое бы соотносилось с другим значением 'простак, неученый, непросвещенный'. Наоборот, у глагола *невежествовать* значение 'пребывать в невежестве, в неразумии' есть, хотя в этом значении глагол *невежествовать* сопровождается в словарях пометой славянское (САР I 974). Вполне вероятно, что в этом значении он мог быть известен до XVIII в. В свою очередь глагол *невежничать*, который впервые отмечается словарем Вейсмана, расценивается как просторечное слово.

б) Глаголы-дублеты, один из которых образован во временных границах XVIII в.,

другой — за границами XVIII в.: *кокетств-ова-ть* (XVIII в.) — *кокет-нича-ть* (Сок. 1834); *фигляр-ств-ова-ть* (XVIII в.) — *фигляр-и-ть* (Сл. 1847), *фигляр-нича-ть* (Даль); *ротозе-и-ть* (XVIII в.) — *ротозей-нича-ть* (Сл. 1847); *бродяж-нича-ть* (XVIII в.) — *бродяж-и-ть* (Даль); *скоморош-и-ть* (XVIII в.) — *скоморошеств-ова-ть* (Сл. 1847), *скоморош-нича-ть* (Даль); *обезьян-ств-ова-ть* (XVIII в.) — *обезьян-нича-ть* (Сок. 1834), *обезьян-и-ть* (Даль) и некоторые другие. Например:

Кокетст-ова-ть и *кокет-нича-ть*. Во второй половине XVIII в. известно три слова с этим корнем, которые отмечаются уже словарями: *кокетка* (от фр. la coquette), *кокетство* и *кокетствовать*: «Кокетствовать, значит славиться красотою, стараться всякого прельстить» (ЛЛ 32). Семантическая соотносительность слов этого ряда не вызывает сомнения.

Глагол *кокетствовать* употребляется очень часто в языке художественной литературы этого времени: «Между ими одна была собою хороша, которая не имела нужды кокетствовать, ибо она и без того могла нравиться» (Марианна 128); «Она кокетствовать не умеет» (ЛП 193—194); «Сострата. Он [Валерий] разсказывал то, что он двойнишник, и что вырезано на кресте у нево, когда он родился в доказательство, сколько ему лет, и что такая верная записка старым женщинам, которыя молодятся и кокетствуют, убавляя себе безстыдным образом лет по десятку, закрывая морщины белилами и румянами, конечно не была б угодна, и что такой же крест надет и на брата ево, которой с ним родился» (Сум. Опекун 9).

Лексико-семантические группы отыменных глаголов, — производящая основа которых имеет общее значение «предмета»

Отыменные глаголы, соотносимые с существительными — названиями предмета, представляющего сам объект действия

Такие глаголы имеют общее значение 'делать то, что обозначено основой глагола': *бороздить* 'делать, прорезывать борозды', *гранить* 'делать грани на чем-либо', *бугрить* 'делать бугры на поверхности, вздымать поверхность буграми' и т. д.[63]

Они образуются при помощи преимущественно суффикса *-и-* (значительно реже при помощи суффиксов *-а-* и *-ова-*), прибавляемого к основе существительного: *кайм-и-ть*, *вьюч-и-ть*, *борозд-и-ть*, *клейм-и-ть*, *гран-и-ть*, *запруж-а-ть*, *грунт-ова-ть* и др.

---

[63] Например: «Для понуждения собак делаются на головне оной палки побрякушки или колокольчики, останавливают уткнув оттал перед копылом передним и бороздя дорогу» (Краш. ОЗК II 57); «Иль стоя внемлет шум зеленых, черных волн, Как дерн бугрит соха, злак трав падет косами, Серпами злато нив — и ароматов полн Порхает ветр меж Нимф рядами» (Держ. Соч. II 307).

З а п р у ж - а - т ь 'делая запруду, плотину останавливать течение воды': «Новый Кайдак уже составляет преддверие к порогам, почему и неудивительно, что как на берегу, так и через реку, почти до половины лежало множество гранитовых каменьев, которыя реку нарочито запружали» (Пут. Зуева 251). Глагол соотносится с однокоренным именем *запруда*(*запруд*), от которого он, вероятно, и образован: «Наводнения в Фрисляндии Еверне и во всех имеющихся низко землях, где востающее море прудами и запрудами загородить и удерживать надлежит» (Прим. Вед. 1729 360); «Колеблются в волнах, борющися с волнами. Поглощены водой глотают воду ртами; Запруд среди реки из их воздвигся тел! Колико гнев небес на них отяготел!» (Петр. 227).

В русском языке XVIII в. ему предшествует глагол *запрудить*, который являлся видовым коррелятом глагола *прудить*: «И тое це реку Карагач Хивинцы запрудили в давных летах и сделали плотину» (Зап. РГО IX 329). В этом ряду стоят в XVIII в. также глаголы *запруживать*, *запруживаться*, *запрудиться*: «А понеже они приплыли к острогу на батах, то бросаясь в оные, иные перетонули, а иные побиты; и сия их погибель столь была велика, что реки запрудились трупами» (Краш. ОЗК II 66); «Что касается до пеньки здесь на продажу приуготовляемой, то мочится она осенью и весною более в колодезной воде, в ручьях, где запруживаются нарочно для того малые прудки: однако мочат ее и в реках» (ТВЭО 215).

К л е й м - и - т ь 'таврить, полагать на чем клеймо' (САР III 604—605): «Каждое дерево клеймить особо по данному в 9 статье предписанию» (ПСЗ XXII 171); «Кубы и казаны для винокурения впредь не клеймить, и за то денег в казну не имать и не платить» (ПСЗ XXI 258). Глагол соотносится в XVII в. с отглагольным существительным *клеймение* 'полагание клейма' («клеймение товаров, мер и весов»), прилагательным *клейменый* 'имеющий клеймо' и существительным *клеймо*, от которого оно образовано.

Интересно отметить, что слово *клеймо* (старая форма *клейно*), хорошо известное русскому языку задолго до XVIII в.; глагол *клеймить* соотносится в это время с существительным *клеймо*, в его двух значениях: 'тавро, знак для означения, для замечания, для удостоверения полагаемый либо на товарах хозяевами и в таможнях, на дельном золоте и серебре художниками, либо на гранях, межевых столбах, на лошадях, на преступных выжигаемых или наконец на белье натисняемый и проч.' и 'само орудие, чем клеймят', которое развивается, видимо, позже первого значения и не без воздействия древнего ряда соотносительных глаголов и имен типа *борона — бороновать*, когда отыменные глаголы соотносятся с именами существительными с общим значением 'название предмета, которым действуют или который употребляется при совершении действия': «И всякой бы мастер сделал по имени своему и по прозванию клеймо, и тем бы клеймом всякий мастер свою работу и клеймил впредь для ведома, чтоб мочно было разо-

брать, кое коего мастера ружье» (Пос. РП 57); «Чистую штыковую медь каждой штык клеймить, на котором заводе медь делана и в котором году, также имя гармахерское и штыкового мастера» (Геннин 415); «И с того вышеписаннаго числа, в Оружейной палате бумагу вышеписанными клеймами и до ныне клеймят, на листу по два клейма» (ПСЗ IV 65). Есть в это время и глагол *клеймиться*: «А сыскныя памяти писать на клейменой же бумаге, которая клеймится на ерлыки, о двенадцати клеймах лист, по деньге ярлык» (ПСЗ IV 11).

Отыменные глаголы, соотносимые с существительными — названиями предмета, который употребляют при совершении действия

Такие глаголы имеют общие значения 'подвергать действию что-либо или воздействовать на что-либо тем, что указано в основе глагола'. Сюда относятся преимущественно имена существительные со значением предмета, представляющего собой, во-первых, м а т е р и а л, в е щ е с т в о, которое используют при действии: *золить* 'усыпать, засыпать золой', *лакировать* 'покрывать лаком', *мелить* 'мелом натирать, марать' и т. д.; во-вторых, о р у д и е д е й с т в и я: *воробить* 'посредством воробы очерчивать круг', *утюжить* 'гладить утюгом', *лучить* 'с лучем бить в воде рыбу' и т. д.

Они также образуются преимущественно при помощи суффикса *-и-*, прибавляемого к основе имени существительного: *канифол-и-ть*, *пудр-и-ть* и *пудр-и-ться*,[64] *вакс-и-ть*, *масл-и-ть*,[65] *лак-ирова-ть*, *крахмал-и-ть*, *зол-и-ть*, *туш-ева-ть*, *утюж-и-ть*,[66] *цемент-ова-ть*, *вороб-и-ть*, *мел-и-ть*,[67] *луч-и-ть*, *помад-и-ться*[68] и др. Например:

К р а х м а л - и - т ь 'в растворе, в взваре сделанном из крахмала мочить, скорбить белье, платье'. Глагол был хорошо известен языку XVIII в. еще до того, как фиксируется Российским Цел-

---

[64] «Когда загрунтуется полотно, тотчас его сырое пудрят толченою пензою» (Рисован. 132); «Если и ты деревенщина и волос не пудриш, то не осуди буде я на тебя невзгляну и пройду мимо» (Рад. Пут. 87); «Велел он себе дать на руки воды; по том стал волосы убирать, пудриться и прочая» (Ит. ком. 182).

[65] «Шила ризы золотыя, Сплошь низала жемчугом, Маслила брады седыя И не ссорилась с умом» (Держ. Соч. V 184).

[66] «Р и ф м о х в а т. Вы ее выутюжите сударыня? Д а р ь я. Ето ничево нестоит, я буду в сей же час утюжить свои косынки, так вместе» (Крыл. Сочинитель 171).

[67] «Писец выигрывал и деньги брал И в свой карман их клал Не шуткой самым делом Проигрывая ж их назад не отдавал А только головой кивал И разуметь давал Мелить чтоб на нево те деньги мелом» (Абл. Ск. 35).

[68] «Лишь только остановимся, извощик наш Гаврила, котораго она зовет Габриелем, должен нести за нею в горницу уборной ларчик ея, и по крайней мере час она помадится, пудрится, так что всегда надобно ее дожидаться к обеду» (Кар. ПРП I 46).

лариусом в 1771 г. (с. 243): «Белая прачка должна уметь чисто мыть крахмалить белить, всякое платье штопарить и починивать, летом на солнце белить, а зимою мыть в сыворотке, на катке катать, всякое белье шить и гладить» (Тат. Эк. зап. 32). В XVIII в. он стоит в ряду однокоренных слов: *крахмал* (*крухмал*), *крахмальный* (*крухмальный*), *крахмальщик*, *крахмаление* (*крухмаление*), *крахмаленый* (*крухмаленый*) и др. Впервые он отмечается в литературном языке, вероятно, на рубеже XVII и XVIII вв.: «[Сень] обита красными камками, а по камкам делано белым крахмаленым камортком фрукты и всякие узоры зело предиво» (Пут. Толст. I 357).

Видовой кореллят глагола *крахмалить* представлен двумя приставочными глаголами: *накрахмалить* и *выкрахмалить*, которые стали производящей основой для образования слов *выкрахмаление*, *выкрахмаленный* и *накрахмаленный* («накрахмаленное платье»).

Б о р о н - и - т ь 'влачить, возить борону по вспаханной пашне для разбития комьев земли'. Глагол известен в XVIII в. как дублет глагола *бороновать*. Ср.: «Последния борозды сходят на средния полосы; и сие делают для того, что плуг землю всегда отворачивает в одну сторону. Боронуют, ездя взад и вперед по полосе, иногда и поперег; также иногда пашут поперег; но в России сие мало случается» (Рад. СС IV 171); «Около Камышлова верст около ста в ту и другую сторону озими зеленилися, земля была под яровое вспахана осенью, и ее сеяли и боронили везде железными боронами» (Рад. СС III 285).

Как старое слово, хорошо представленное в языке памятников XVIII в., глагол *бороновать* послужил сам основой для образования слов *бороновальщик*, *боронование* и *взбороновать*, употреблявшиеся в языке XVIII в. так же широко, как и глагол *боронить*, но последний попадает в литературный язык, вероятно, не ранее XVIII в. Это подтверждается тем, что дублетность глаголов *бороновать* и *боронить* сказывается и на словах, образованных от этих глаголов, причем лексические образования от глагола *боронить* более поздние, чем образования от глагола *бороновать*. Так, рядом с *бороновальщик* стоит слово *боронильщик*, которое возникает значительно позже, рядом с *боронование* стоит в XVIII в. не только *бороньба*, но и *боронение*, не отмечаемое словарями: «Низовой довольствуется одним паханием и боронением; верховый дважды сию работу отправлять принужден бывает, первой раз под пар, а другой под посев» (Пут. Леп. I 62). Но особенно показательно, что видовые пары приставочных глаголов с этой основой представлены только образованиями от глагола *боронить*: *доборанивать* и *доборонить*, *заборанивать* — *заборонить*, *переборанивать* — *переборонить* и т. д. Глаголы сов. вида *добор采оновать*, *забороновать*, *перебороновать* не имеют ожидаемых собственных видовых кореллятов несовершенного вида «добороновывать», «заборонoвывать», «перебороновывать» и т. д. и могут

рассматриваться только как дублеты соответствующих глаголов сов. вида *доборонить*, *заборонить*, *переборонить* и т. д.

Л а к - и р о в а - т ь 'покрывать лаком' попадает в русский язык, видимо, в первой половине XVIII в.: «К лаковому мастеру, которой в Везеле, писано, чтоб он прислал пробу, ежели может на полотне лакировать» (ПРГ I 162); «Персияне белую, а особливо из Сузы выходящую нефть, на свой преизрядной лак употребляют: они берут гумми, сандараку, льняного масла, и все сие вместе смешавши варят, а потом тудаже прибавливают нефти; и сим составом живописную или другую работу, которую они лакировать хотят, самою тонкою кисточкою помазываютъ и сушат, от сего вся сия работа весьма крепка станет, и преизрядной гланц получит. Тем же лаком они старыя лакированныя вещи чистят и обновляют» (Прим. Вед. 1739 57—58). Ко второй половине века относится употребление глагола в переносном значении: «Видали мы не раз подобныя затеи; Но как ни лакируй порочного пятна, А глянец вмиг сойдет и мерзость их видна» (Долгор 283). Впервые в лексикографической практике глагол отмечен в Российском Целлариусе в 1771 г. Он соотносится в нем с однокоренными словами ряда *лак*, *лакирование*, *лаковый*, *лакированный*. В конце века в словарь попадают также *лакировка*, *лакировщик*, *лакировальщик*, *лакирщик*.

По данным словаря Н. А. Смирнова, в начале века был известен русскому языку глагол *лак-ова-ть* (приводится причастная форма *лакованный*: «Всяких рук лакованных подносов»),[69] для обозначения соответствующего глагольного действия. Поэтому вряд ли будет верным рассматривать *лакировать* как заимствованный глагол из немецкого языка (см.: Фасмер II 453). Скорее всего замена *лаковать* на *лакировать* происходит под воздействием широко распространенной глагольной словообразовательной модели на *-ирова-*, по которой оформляются в русском языке заимствованные глаголы из европейских языков. Наличие lackieren в немецком языке могло лишь косвенным образом влиять на утверждение в русском языке формы *лакировать*.

Отыменные глаголы, соотносимые с существительными — названиями чувства, физического и душевного состояния человека

Такие глаголы чаще всего имеют, во-первых, общее значение 'быть, находиться в состоянии, указанном в основе глагола': *беспокойствовать* 'волновать, тревожить', *горевать* 'печалиться, тужить, скорбеть, сожалеть о чем'; во-вторых, общее значение 'приводить кого-либо в состояние, указанное в основе глагола': *злобить* 'сердить, в ярость приводить', *голодить* 'причинять

[69] С м и р н о в Н. А. Западное влияние на русский язык в Петровскую пору. СПб., 1910, с. 173.

голод, заставлять нужду терпеть в пропитании'; в-третьих, общее значение 'проявлять по отношению к кому-либо какое-либо чувство': *журить* 'счунять, делать выговор, или попросту тазать за дурное дело, увещевать', *заботиться* 'печься о ком или о чем, иметь заботу'.

В этот разряд слов русского языка XVIII в. попадают отыменные глаголы, которые соотносятся формально-семантически не только с производящей основой: *злорадство — злорадств-ова-ть, беспокойство — беспокойств-ова-ть, дичь — дич-а-ть* и *дич-е-ть*,[70] *жаль — жал-е-ть, горе — гор-ева-ть, жур(б)а — жур-и-ть* и т. д., но также соотносятся и между собой, например: *голод-а-ть* и *голод-и-ть, забот-и-ть* и *забот-и-ться, испуг-а-ть* и *испуг-а-ться, злоб-и-ть* и *злоб-и-ться* и подобные. Например:

З а б о т - и - т ь с я. В XVIII в. глагол стоит в ряду однокоренных слов *забота, заботливый, заботливость, заботный, заботно* и *заботить.* Он управляет предложным падежом имени существительного: *заботиться* о ком, о чем: «Впрочем, ты не заботься людей сих об умножении: Род их конечно не-вдоме станет быть неисчетный» (Тред. Тилем. I 217); «Б а р о н. Я не забочусь больше о нем: только берегись вводить в какую нибудь шалость его брата» (Попов. Досуги II 28); «Разверни новейшия таинственныя творения, возмнишь быти во времена схоластики и словопрений, когда о речениях заботился разум человеческий, несмысля о том, был ли в речении смысл» (Рад. Пут. 95).

Однако у глагола *заботиться* есть в это время и другое значение 'беспокоиться, волноваться, быть озабоченным чем-либо', когда глагол управляет уже не предложным падежом, а творительным: «О путешествиях наших не было между тем никакого слуха, и мы заботились тем, что ехать им очень дурно: погода была такая ж ветряная и мороз прелютый» (Зап. Бол. IV 261). Отмечается и управление родительным падежом: «О том, что многие мелкие сочинения в свет выходят, не заботтесь таких слабых писателей, когда не продажа книг их, то по крайней мере общественная критика и насмешка от сочинений отвалит» (Коз. Расс. 39).

Соотносимый с *заботиться* глагол *заботить* употребляется в XVIII в. сравнительно редко: «Напрасно ты меня такою безделицей заботишь» (САР III 3).

И с п у г - а - т ь 'внушить, вселить страх, боязнь' (РЦ 407) и *и с п у г - а - т ь с я* 'прийти в состояние страха, боязни' (Норд. I 274). Эти глаголы входят в письменный язык XVIII в., с одной стороны, как глаголы, соотносимые формально-семантически с су-

---

70 «И дарование согласий иногда Бывает отнято от духа недостойна, Дичает лира стройна, И стоит тяжкого труда Согласье разбудить в струнах ее заснувших» (Мур. Ст. 229); «Таким образом сладкой виноград переменяется в кислой, вкусныя яблоки делаются неприятными. . . мягкая спаржа деревянистою, вкусныя вишни кислыми и все огородныя травы дичеют и теряют свою силу» (Линней 146).

ществительным *испуг* (Норд.) 'чувство страха', с другой — как видовые корреляты глаголов *пугать* и *пугаться*. Появление их в языке XVIII в. следует связывать со сложным взаимодействием форм *пугать* и *пугаться* и *пужать* и *пужаться*, *испугать* и *испугаться* и *испужать* и *испужаться*. Древними из них, известными до XVIII в., были *пужать* и *пужаться*, они сохраняются как живые формы на протяжении всего XVIII в. Но в XVIII в. с ними начинают конкурировать формы *пугать* и *пугаться*, что особенно заметно отражается на формах совершенного вида, образованных от них: *испужать* — *испужаться* и *испугать* — *испугаться*. Но если для первой половины века можно говорить о том, что чаще употребляются формы *испужать* и *испужаться*, а *испугать* и *испугаться* начинают только входить в письменный язык, то во второй половине века и те и другие формы употребляются одинаково. Ср. в первой половине века: «Испужан зверь далече бежит» (ППЗ 28); «Онои священник весма испужан, побледневши и затрясшись к князю прибежал» (Прим. Вед. XXV 99); «Но Старик Смерть пред собою видя незаочно Испужался очень» (Тред. Соч. I 206); «Как тебе вверить корабль? ты лодкой не правил, И хотя в пруду твоем, лишь берег оставил, Тотчас к берегу спешишь: гладких испугался ты вод» (Кант. Сат. II 44); во второй половине века: «То вихри бурные ужасно заревели, Спирались облака и скрылся дневной свет, Покрыла небо мгла и воздух в части рвет, Вороны в деревнях под кровлями скрывались, Подобно воробьи сей бури испужались» (Чулк. ПП 29); «Лишь только ты меня, безумец, испужал; Я думал, что бежит разбойник с дубиною» (Майк. Басни I 15); «Испуган заяц и дрожит, И из кустарника к болоту он бежит» (Сум. Притчи 194); «У нас часто случается, что ведьмы ребят выкрадывают: испугался тово я и о своей невестке, выслал ее на час вон, сам повалился старухе в ноги, чтоб пощадила она моево внука или внучку» (Поденщ. 44); «Но едва только зачал я в нем [железном гробу] находящийся влажный пепел кинжалом разгребать, как вдруг и нечаянно пламя из него выбросившееся большую часть моих волос в мгновение ока пожрало. Сие чудо ввергнуло в смертный ужас трех моих товарищей, да и я признаваюсь, что несказанно испужался» (Маркиз II 115); «Милена. Да чево ты ето испугался? Лесник. Чиво? лешева: я думал он меня кличет» (Никол. Розана); «Повествование Гофмейстерины было здесь прервано таким случаем, которой до-смерти испугал ее и Карделию» (МЖ VII 79—80).

Глаголы, соотносимые с существительными, объединенные семантически в одну группу как глаголы «звучания, говорения, речи»

Формально-семантически сюда попадают глаголы, образованные не только от имен существительных, но и от междометий, звукоподражательных слов. Такие глаголы имеют, во-первых,

общее значение глаголов собственно «речи, говорения» они соотносятся или с существительными, обозначающими лицо, с которым связано действие, выраженное глаголом: *горлан — горлан-и-ть*, или с существительными, обозначающими название голоса: *голос — голос-и-ть, бас — бас-и-ть* и т. д.: «Полагаются под прикрытием на театру несколько робят, разного возраста, с тем, когда во образ орган как тянуть будет, чтоб в разные голоса голосили» (Интерм. 5); «Граф Воронцов злодействует везде. Касательно требования на переселение запорожцов денег один только он горланил в Совете вопреки сему» (Зап. Гарн. XV 690); «Тот в рог трубил всей силой, Другой под голосок унылой Подладя пел, На русском песню пел языке, Последней в такту шел, И горло драл, басил, хрипел» (Трут. 1769 106); «И хотя он благородный человек и равен в богатстве с своею любовницею! но не зная, как за нее посвататься, и как войти в дом к ее отцу, ничего не вздумал лучше, как в своем господском платье и в щегольской прическе, пристать к толпе деревенских разтрепанных мужиков, и басить, чтобы охрипнуть, подтягивая им песни, которыми их господин изволит забавляться» (ПД II 243).

Сюда же относятся глаголы с общим значением 'говорить или кричать звуки (слова), которыми начинается глагол': *аукать* и *аукаться, атукать, дакать, фукать, цыкать, ахать, нукать, некать, мекать, гикать* и др.: «М и л е н а (*идучи с горы*). Ау! ау! (*волторы ей повторяют*). Л е с н и к. Ба! кто-то аукается? а! ето знать наши бабы ходят по грибы» (Никол. Розана 58); «М и х а й л а. Буде она чего захочет, так ваша милость только дакнете; а как скоро вы станете дакать, так барыня некать» (Спорщица 5); «Любовник бывает верен до тех пор, когда не видит еще никакой благосклонности от любимой им особы. Тогда он вздыхает, ахает, стоя перед нею на коленях, притворно плачет и клянется верностью такою, которая царствует на одних только театрах» (Чулк. Повариха 52); «Иные подняли на смех ея [Венеры] алтарь, Другие стали горько плакать; Другие жь не дослушав такать, Когда лишь слово скажет Царь» (Богд. 22); «Не всяк Дурак; Однако многия не видят ясно врак. Обманщик вякай, Безумец такай, Что хочешь то набрякай» (Сум. Притчи 322).

Некоторые из этих глаголов, семантически сохраняя связи с группой, как глаголы «речи, звучания», развивают в себе значение, выходящее за семантические границы этой группы: *хныкать, гаркать, шикать, буркать, вякать, бурчать, щелкать, бормотать, гайкать, верезжать* и др.: «И надлежит мне сказывать что наши пушки с кораблей таково метко стреляли будто из мушкетов и на часто многажды было мочно слышать как ядра в корабли неприятельские щелкали» (МРФ I 66); «М и л е н а. Ты плачешь батюшка! Л е с н и к. Ну полно же хныкать-то: вить она още не околела? И з л е т ь. Ах! мне бы легче было видеть еио во гробе, нежели в позоре» (Никол. Розана 67); «Г ж а О с м и-

нина. Говори, я хочу знать, что ты бормочешь» (Дом. несогл. 260); «Супруга верезжит во всю супругу мочь, И сделала ему в полудни темну ночь» (Сум. Притчи 264); «Став. Что ты, брат! шумишь? ведь я немного места засяду. Мош. О! еще много вякать стал!. . Еще стал много разговаривать со мною» (Интерл. 45); «Помышляет и меня отженить от волости прочь и на место мне определить мужика брата Степана Ивановича Вельяминова, имевшего только две способности в свете, а именно: ездить и гайкать с собаками» (Зап. Бол. IV 304).

Во-вторых, общее значение глаголов 'издавать звуки или крики (о животных, птицах, насекомых, лягушках и т. д.)', они соотносятся с существительными, обозначающими звуки или крики: *рев-е-ть*, *щебет-а-ть*. Сюда же относятся глаголы с общим значением 'издавать звуки или крики', которыми начинается глагол: *мяукать*, *мурлыкать*, *квакать*, *каркать*, *хрюкать*, *гавкать*, *крякать*, *кудахтать*, *чирикать*, *жужжать*: «Не Нимфы из воды к нам на берег идут, Лягушки, квакая, из тины в куст ползут» (Чулк. ПП 18); «Не каркала ворона, как к верьху летела; а к низу летучи некогда каркать» (Барс. Посл. 153); «Несколько птичек, прыгая по навесам церьковной кровли, чирикали что-то в благодарность за такой редкой в царстве Осени день» (Муза III 215). «Лубки прибиты к окнам, И на дверях запор; Все тихо! — лишь на кровле Мяучит тощий кот» (Дмитр. 95); «Не дети их виж-жат, не девки их горят, Не свиньи хрюкают, не бабы говорят Которыя, в раскол вводя старуху, плачут; Но стихотворцы тут к Олимпу борзо скачут» (Чулк. ПП 15); «Между тем величавый петух на дворе собирает в округ себя своих квохчущих кур» (Геснер Идил. 126); «Не могут они [лилипутцы] терпеть тех учителей, кои туттат непрестанно ученикам своим в уши о грамматических спряжениях, о бесплодных оной науки правилах» (Гулливер 127); «Ручная рысь поступками своими сходствует со всем на кошку; она мурлычит и трется около человека так, как кошка» (Егер 77).

В-третьих, общее значение 'издавать звуки (о предметах)'. Сюда относятся глаголы *бренчать*, *тикать*, *булькать*, *журчать* и др.: «Внимая нечто ключ молчит, Которой завсегда журчит И с шумом в низ с холмов стремится» (Лом. СС I 142); «В колокола безпутно звонить, дрянить, ключами бренчать, блюдами, сковородами; или другим чем звенеть, греметь, стучать» (ЛВ I 314); «Со клубом клуб огня, смыкаясь шар за шаром, Непрерываемым бить слышатся ударом; Прорвавшись жупелом кипящий океан Урчит, клокочет, жрет противных в дыме стан» (Петров 218).

Такие глаголы также подчинены общей закономерности, определяющей их утверждение в языке; они входят в соответствующие ряды однокоренных слов, составляющихся из их производящей основы и, как правило, отглагольного существительного; *ау* — *аукать* — *ауканье*, *квак-квак* — *квакать* — *кваканье*, *тик-тик* — *тикать* — *тиканье* и т. д.

Отыменные глаголы, соотносимые с существительными с общим значением отрезок времени: 'время года' 'время суток'

Речь идет о глаголах *зимовать*, *весновать*, *летовать*, *осеневать*, *вековать*, *годовать*, *дневать*, *ночевать*, *вечере́ть*, *утренневать* и *часовать*. Они объединены общим значением 'проводить указанное (именем существительным) время в каком-либо месте или быть, находиться в течение этого времени в таком месте'. У них общая структурная модель образования (основа имени + суффикс *-ова-*, исключение — глагол *вечер-е́-ть*). Имена существительные, с которыми они соотносятся и от которых они образованы (*зима*, *век*, *ночь*, *год*, *час* и т. д.), сами по себе очень древние слова в русском языке, они входят в основной фонд русской лексики с давних пор и широко употребляются на протяжении всей истории русского языка. Об этом можно судить хотя бы потому, что они отмечаются всеми старыми и новыми словарями, причем в общем в том же значении, что и в первых письменных памятниках.

Вполне естественно, что большинство отыменных глаголов этой группы зафиксированы в языке также до XVIII в. Лишь некоторые из них попадают в письменный литературный язык XVIII в. Однако глаголы этой группы, являющиеся исконно русскими образованиями по своей структурной организации и по своей лексико-семантической законченности целого, строго очерченного ряда отыменных глаголов, интересны не тем, что пополняются новыми словами, а тем, какие изменения они претерпевают в это время в своем употреблении, предопределяя тем самым эволюцию самого́ соотносительного ряда слов, в который они входят. Некоторые глаголы этой группы становятся малоупотребительными и впоследствии выпадают из состава языка вообще, другие, наоборот, в это время расширяют свои возможности употребления и сочетания со словами; некоторые остаются по-прежнему однозначными, другие развивают в себе новые значения или новые оттенки значения; одни из них начинают входить в состав таких словосочетаний, которые становятся прототипами новых русских фразеологических единиц, другие никак не связываются с развитием фразеологии языка.

а) Отыменные глаголы, соотносимые с именами существительными со значением 'время года': *зим-ова-ть*, *весн-ова-ть*, *лет-ова-ть*, *осен-ева-ть* (*осен-ова-ть*).

Зим-ова-ть. В XVIII в. этот глагол состоит в соотносительном ряду слов *зима* — *зимовать* (сов. вид *зазимовать*) — *зимование* — *зимовщик* — *зимовье* — *зимовище*, *зимовник* — *зиметь*, позже, вероятно в XIX в., в этот ряд станет и *зимовка* (=*зимование*) (Сл. 1847 II 85). Будучи образован от слова *зима*, глагол *зимовать* сам стал исходной основой, от которой образовались такие слова этого ряда как *зимованье*, *зимовье*, *зимовище*, *зимов-*

ник, *зимовщик*, наличие которых в XVIII в. в свою очередь подтверждает давность образования этого глагола в языке. На протяжении всей истории русского языка слово *зимовать* сохраняет неизменным свое значение, свою форму и свою сочетаемость со словами в речи. *Зимовать* 'жить где-либо зимой или оставаться где-либо на зиму' может живое и неживое: люди и корабли, животные и рыбы, растения и насекомые и т. д. См.: «Говорят, что вся пехота в Лаузнице зимовать станет» (Вед. I 213); «А корабль который зимовал в Шоткусе реке и тот корабль от нас отпущен и чаем вскоре быти ему здесь» (МРФ I 60); «Когда ж ветер утишился, то мы продолжали наш путь к Кандии где просил я капитана, чтоб он зимовал тамо» (Маркиз II 72); «Зимует она [красная рыба] по глубоким ямам, а весною оттуду выходит, и далее по реке вверх подъимается» (Краш. ОЗК II 312).

Глагол *зимовать* входит в состав оборота «зиму зимовать», обычного для языка XVIII в., но только в форме «зима зимовать»: «Знает сорока с кем зима зимовать» (ППЗ 28); «Не первая волку зима зимовать» (Барс. Посл. 157); «[Казаки] взяли запасы хлебныя много свинцу пороху и пошли вверх по Чусовой реке где бы Ермаку зима зимовать» (Кирша Д. 48).

К XVIII в. относится, видимо, и возникновение фразеологизма «знать *где раки зимуют*» '(знать) как поступить наилучшим образом, наиболее выгодно, удачно и т. п.': «[Ч в а к и н а:] Милена и сама И спит и видит чтоб. . . [В е р х о л е т:] Она не без ума. [Ч в а к и н а:] И все уж сделает, когда ей растолкуют; Она веть знает то, где раки та зимуют» (Княж. СС III 81).

В е с н - о в а - т ь. В указанном значении отыменный глагол *весновать* (сов. вид *завесновать*) соотносится только с именем существительным *весна*. Так же как и слово *зимовать*, глагол *весновать* известен в языке до XVIII в.: «Их [воевод] отпускать, и с Москвы посылать по зимнему пути ранее, чтоб тем же путем мочно поспеть в Тобольск, а в Верхотурье бы не весновать» (ПСЗ III 365). Глагол *весновать* широко употребляется в языке XVIII в.: «В то же время близ японской бусы выкинуло кита на берег, где иноземцов множество собралось весновать» (Краш. ОЗК II 753); «Святослав не трогался с места. Весна наступила боясь распутья, он решился оставить часть обоза и стан в добычу неприятелю. . . и прибыл весновать в Новгород, где жители встречали его как победителя» (Кар. ИГР III 62); «Мать моя с меньшими детьми отправилась в отчизну, а отец наш с старшим братом моим и со мною остался весновать, чтобы с первым путем отпустить нас при себе в Петербург для явки в действительную службу» (Дмитр. ВМЖ 12). Глагол этот отмечается всеми словарями того времени. «Словарь Академии Российской» выделяет у него даже два значения (по существу — два употребления: общее и частное) и тем самым как-то отмечает его семантическое своеобразие в ряду других глаголов этой группы. Во-первых, *весновать* — это 'препровождать в каком-либо месте весеннее время' («будем весновать

в Казани») и, во-вторых, *есновать* — это ʻпо нужде оставаться где-либо на весну для распутицы’: «Наши купцы завесновали в Киеве» (САР I 664). Словари XIX в. такого разграничения значений у глагола *весновать* не дают. Глагол *весновать* образует со словом *весна* оборот «весну весновать».

Л е т - о в а - т ь. В соотносительном ряду: *лето* — *летовать* (сов. вид *пролетовать*) — *летовище* — *летовье* — *летовщик* глагол *летовать* имеет значение ʻпребывать, препровождать в каком-либо месте лето; на лето оставаться где-либо’: «Против острожка Енталана есть на море близ берега островок, где жители его летуют» (Краш. ОЗК I 56). От глагола *летовать* образованы слова *летовище* ʻместо, где кочующие народы лето препровождают’ и *летовье* — слово, не отмеченное словарями XVIII в., но бытующие в языке того времени: «Начали казаков бить, кого не встретят, начали пленить и жечь их летовья» (Краш. ОЗК II 227). Глагол *летовать* старое слово русского языка. Срезневский приводит примеры употребления его в летописях Ипатьевской и Никольской (Срезн., II, 78). Известен он в языке XIX в. и в языке нашего времени.[71] Слово *летовать* входит также в состав оборота «лето летовать».

О с е н - е в а - т ь. Хотя словари русского языка XVIII в. не фиксируют этого глагола (впервые, очевидно, он отмечается в Академическом словаре 1847 г. III 81), тем не менее этот глагол известен до XVIII в. (только в форме *осен-ова-ть*): «В Царской грамоте Чердынскому воеводе, князю Федору Борятинскому, о дозволении Чердынцам построить особый ямской двор в Соли Камской от 29 марта 1682 года написано: Сибирские служилые люди, с денежными и с товарными нашими Великого Государя казнами, и ссыльные люди. . . у Соли веснуют и осенуют» (АИ V 128). Употребителен он и в XVIII в.: «Тимофей Кобелев, прожив на Камчатке года с полтора. . ., поехал назад в Якуцк с ясашною казною, а путь его был из Верхнего острога батами до устья Еловки реки, и вверх по Еловке батами, а осеновал он в новопостроенных украинских зимовьях» (Краш. ОЗК II 750). В такой форме этот глагол образовался под влиянием и по аналогии с глаголами *зимовать* и *летовать*. К этому времени относится оформление его и по мягкой основе (*осен-ева-ть*), причем не без воздействия, видимо, глаголов другой семантической подгруппы — *ночевать* и *дневать*. В XIX в. форма *осеновать* в сравнении с формой *осеневать* воспринимается уже как «старая»;[72] естественно поэтому, что предпочтение отдается в это время

---

[71] «Остаются здесь вить гнезда и летовать обычные их [степей] обитатели: кукушки, дрозд, горлинка, сорока. . ., сойка, куропатка и очень часто утки» (Данилевский, Четыре времени года украинской охоты); «Люди, летовавшие в Красноводске, уверяют, что город летом похож на раскаленную русскую печь» (Соколов-Микитов, Кровь земли).

[72] Сл. Акад. 1847 III 81.

форме *осен-ева-ть*: «И шли мы, холопи государевы, до той речки с усть Амура реки восемь недель и три дня, а питалися травою да водою, да морским зверем нерпою — и тут мы оcеневали».[73]

Наиболее употребительным словом из четырех глаголов как для русского языка XVIII в., так и для языка нового времени остается глагол *зимовать*, причем вместе с соотносительным рядом слов, образованных от него, — *зимовщик*, *зимовье*, *зимовка* — входит в активный запас слов русского языка. Не будет ошибкой квалифицировать этот глагол как единственный из четырех глаголов, сохранившихся в языке, и как наиболее часто употребляющийся в языке на протяжении всей его истории.

Следующим по употребительности в речи глаголом, но только для языка прошлого времени, стоит глагол *летовать*, в языке XVIII в. это слово так же активно, как и *зимовать*. Однако позже оно начинает употребляться все реже и реже и отодвигается, очевидно, на периферию литературного языка. А к нашему времени, несмотря на возможность его употребления в специальной по тематике литературе, становится словом пассивного состава русской лексики. Новейшие толковые словари русского языка, указывая на примеры его употребления некоторыми современными писателями, отмечают при этом его явно просторечную окраску.

Наконец, известные языку XVIII в. глаголы *весновать* и *осеневать* постепенно уходят из литературного языка совсем. В современной разговорной речи и в литературном языке этих глаголов нет. Они сохраняются, если судить по данным картотеки Словаря русских народных говоров, только в диалектах.

Что касается устойчивых сочетаний слов: «зиму зимовать», «лето летовать», «весну весновать» и «осень осеневать», то историко-генетически они связаны с народным языком, с устным народным творчеством и пришли в литературный язык XVIII в., вероятно, как своеобразный стилистический повтор двух одноосновных слов: «Мне не лето у вас летовати, Мне не осень у вас осеневати, Мне не зиму у вас зимовати» (Киреевск. Песни, нов. 102); «Не весну-то у вас весновать, Не лето у вас да летовать. . . Одну ноченьку осталось ночевать» (Ефим. II 87).

б) Отыменные глаголы, с о о т н о с и м ы е с и м е н а м и с у щ е с т в и т е л ь н ы м и с о б щ и м з н а ч е н и е м ‘в р е м я с у т о к’: *дн-ева-ть*, *ноч-ева-ть*.

Д н - е в а - т ь. Исходное значение этого глагола ‘препровождать день где-нибудь’ отмечается для языка XVIII в. только

[73] Н е б о л ь с и н П. И. Заметки на пути из Петербурга в Барнаул. СПб., 1850, с. 173. Отмечается в это время и форма *осенеть*, но это в сущности совсем другое слово, образованное, по-видимому, по аналогии со словами *белеть*, *краснеть*, *желтеть* и т. д.: «Вкруг осенеюща природа Дает унылы мысли мне, Холодная с кладбищ погода Разносит хлад по всей стране» (Держ. Соч. V 76).

в соотносительном ряду: *день — дневать* (сов. вид *передневать*): «Февраля в 21 день дневали на Урюк реке для того, что многие люди переприставали и ногами опухли» (ПСИ I 142); «В 7 день, в субботу. Дневали с армеею всею при вышеописанном урочище Станелищах» (ЖКФ 1711 67); «По прошению зайсана Лозона дневали, чтоб торговаться, и приезжали Калмыки, продавали лошадей, баранов и овчинки» (Унк. 23). Хотя в словарях XVIII в. этот глагол не отмечается совсем, вряд ли можно допустить мысль, что его образование или вхождение в литературный язык относится именно к XVIII в. Свидетельство обратному можно видеть в том, что он по своему образованию и по своему общему значению находится в одной группе отыменных глаголов, известных в языке давно; кроме того, он входит, с одной стороны, в состав оборота «день дневать» (или «в... день дневать»): «Ночевали [мы] при Слизине мельнице, где в последующий день дневали» (Зап. Бол. I 405), который хотя и мог быть образован по аналогии с другими подобными оборотами даже в XVIII в., но который предполагал уже заранее наличие в языке глагола *дневать*. С другой стороны, глагол *дневать* входит наравне с древним отыменным глаголом *ночевать* в состав словосочетания «дневать и ночевать», которое стало прототипом для образования фразеологизма *дневать и ночевать* 'находиться безвыходно, неотлучно или бывать часто где-либо или у кого-либо', известного языку XVIII в.:[74] «Вместо прежних 13 чел. для пожарного времени мистерских полатах днюем и ночуем по росписи ево Щеголина по 28 чел. по день окроме салдацкого караулу» (МСД 111); «Я почти дневал и ночевал у него [Строгонова] во всю болезнь».[75] Кроме того, неоспоримо, что с XVIII в. отыменный глагол *дневать* получает новое значение, образуя совершенно новый соотносительный ряд слов: *день —дневать* (сов. вид *отдневать*) — *дневанье* — *дневальной*; позже, вероятно к началу XIX в., в этот ряд включается и слово *дневальня*. Здесь *дневать* значит 'пребывать день и ночь в приказе или в другом каком месте по очереди или надзирания и исправления могущих случиться дел; или для стражи': «Мне еще не скоро достанется дневать» (САР II 581). Очевиден здесь узкопрофессиональный характер употребления слова *дневать* в этом значении. Соответственно *дневанье*, как и отглагольное существительное, — это 'неотлучное пребывание при должности по очереде с другими': «Барабанщикам и габоистам на дневанье ни у кого не быть, и за собою... тако и протчих всяких чинов не брать, что весьма запрещается, понеже для услуг своих имеют денщиков» (Кн. экс. 51—52); «И егда дневание твое будет, то ни на едину минуту от определеннаго ти дневания не отлучайся, дондеже товарищь не сменит тя. А егда и не твое дневание, обаче

---

[74] «*Днюют и ночуют*. Говорится о таком человеке, который безвыходно в каком месте бывает» (САР II 581).
[75] Арх. бр. Тург. Письма, II, 449.

буди ты неотлучен, ничем же буди от дневальных подьячих отменен» (Пос. Завещ. 172). Образование этого ряда слов, соотносимых между собой, в XVIII в. бесспорно. Интересно лишь заметить, что первоначальное значение соотносимых в этом ряду с глаголом *дневать* существительных имело более широкое по сравнению с последующим временем значение, точно соответствующее такому же широкому значению глагола *дневать*. Ср., например, значение и употребление глагола *дневать* с значением и употреблением слов *дневальной* 'очередной, который в свою очередь остается на день и на ночь при своей должности' и *дневальня* 'комната, определенная для дневальных': «Лакеи ж между собой имеют очередь дневальным быть по суткам, который должен все покои вымести, сор и путины на печах и панелях обмести щеткою пыль, окончаны протереть» (Тат. Эк. зап. 32); «Насилу нашел дневальнаго, у которого сии дела, он мне гордо сказал: подождите, не бывал дежурной» (Трут. 1770 86); «А дом сей мыши был в углу пещеры той, Где льва была спокойна почивальня, И кухня с погребом, и пажеска дневальня, И, словом, весь его дворец — Царям-строителям отнюдь не в образец» (Озеров 398).

Обращает на себя внимание отсутствие отыменного глагола *дневал-и-ть* как в языке XVIII в., так и в языке первой половины XIX в. История вытеснения глагола *дневать* из этого соотносительного ряда и замена его словом *дневалить*, а также преобразование самого ряда в новый соотносительный ряд слов *дневальный — дневалить — дневальство* относится к новому времени. Есть все основания полагать, что этот новый соотносительный ряд слов мог так четко оформиться в языке после того, как определилось семантическое разграничение между словами *дневать* и *дежурить*, *дневальный* и *дежурный*, входивших формально в разные ряды слов, но семантически не очень четко различающихся в XVIII в., разграничение, которого не было, видимо, еще даже в начале XIX в. Слова А. С. Шишкова, которые приводит в своих записных книжках П. А. Вяземский, как нельзя лучше указывают на семантическую близость этих слов: «Что может лучше и ближе к значению своему, как слово дневальный? Нет вздумали вместо его ввести и облагородить слово дежурный» (Вязем. Стар. зап. кн. VIII, 81).

Едва ли не впервые слово *дневалить* в языке художественной литературы отмечается у А. И. Куприна: «Дневальный — Лука Меркулов — только что „заступил на смену". До двух часов полуночи он должен не спать, ходить по казарме в шинели, в шапке и со штыком на боку и следить за порядком: за тем, чтобы не было покраж, чтобы люди не выбегали на двор раздетыми, чтобы в помещение не проникали посторонние лица. В случае посещения начальства он обязан рапортовать о благополучии и о всем происшедшем. Меркулов дневалит не в очередь».[76]

[76] Куприн А. И. Ночная смена. Соч. т. II, М., 1957, с. 330.

В лексикографической практике глагол *дневалить* и образованное от него отглагольное существительное *дневальство* впервые отмечаются только в «Толковом словаре русского языка» под ред. проф. Д. Н. Ушакова (1934).

Н о ч-е в а-т ь. В своем общем неизменном значении 'пребывать где-либо ночью' отыменный глагол *ночевать* так же древен и так же широко употребляется, как и глагол *зимовать*, что нетрудно объяснить значением слов *ночь* и *зима* в ряду имен существительных *весна*, *лето*, *осень*, *день* и т. д.: «Февраль в 28-й день поехав из Дорогомиловской слободы, ночевал в деревне Одинцове, от Москвы 15 верст» (Пут. Толст. I 170); «Дойных коров и овец надлежит необходимо по три раза доить в сутки. . . и для того летом скотину пригонять на двор в 1 м часу и держать до 4 часу по полудни в хлевах, а ночевать скотине в поле здоровее, тот год минует скот падежа» (Татищ. Эк. зап. 16); «[Х в а т а й к о:] Желаю здравствовать. — Не потревожу-ль вас? [К р и в о с у д о в:] Ни как: любезный гость; спокойно-ль ночевали?» (Капн. Яб. 123).

В языке XVIII в. глагол *ночевать* входит также в состав оборота «ночь ночевать» и фразеологизма *дневать и ночевать*.

По общему типу для таких соотносительных рядов слов образовано и отглагольное существительное *ночевание*: «А во время ночевания или днневания в польских местечках или пруских городках [офицеры проводили время] в расхаживании компаниями по оным» (Зап. Бол. I 667).

Рядом с глаголами *ночевать* и *дневать*, соотносимыми соответственно с именами существительными *ночь* и *день*, в языке XVIII в. стоят отыменные глаголы: русский глагол *вечер-é-ть* и славянский по своему происхождению глагол *утренн-ева-ть*, образованные от имен существительных *вечер* и *утреня* 'утро, рассвет'. Но они совершенно обособляются по своему общему значению от глаголов *ночевать* и *дневать*. Ни у глагола *вечерéть* нет в XVIII в. значения 'проводить время где-либо вечером', ни у глагола *утренневать* — значения 'проводить время где-либо утром'. *Вечереть* (сов. вид *обвечереть*) значит в языке XVIII в. 'смеркаться, клониться к ночи', например: «О вечереюще Светило! Любезный, — но багровый луч! — Что солнце тихо, так уныло Ты сходишь в лоно темных туч, — И мглистым, по тускнелым златом Наводишь мрак на светлый день, Печальнейшим твоим закатом Всем разстилаешь гроба тень?» (Держ. Соч. V 76); «День вечереет». Утренневать для этого же времени — «бодрствовать по утру» (САР I 672).[77]

Ближе всего к общему значению глаголов, образованных от имен существительных со значением 'время суток', т. е. к гла-

---

[77] У Срезневского есть еще *утрен-и-ти* 'с утра приходить, обращаться к кому-либо без замедления' (т. III, с. 1319) и *ютрен-ева-ти* 'с утра спешить; в образ. выраж. — стремиться' (т. III, с. 1630).

голам *ночевать* и *дневать*, если судить по данным первого Академического словаря, стоит только производный от *вечере́ть* глагол *завечере́ть* ‘захвачену быть вечером’: «Не доезжая до города завечерели» (САР I 672).

в) Отыменный глагол, соотносимый с существительным с общим значением ‘время, исчисляемое сотней лет’: *век-ова-ть*.

Глагол *вековать* в значении ‘пребывать через долгое время’ известен в литературном русском языке на протяжении всего XVIII в. Образованный по общему типу глаголов этой группы, он входит в соотносительный ряд слов: *век — вековать — векование* и употребляется в составе оборота «век вековать»: «Там мне не век вековать» (САР I 965). Тоже в рукописном сборнике XVIII в.: « — Убей, убей, молодец, угрюму жену: Возьми, возьми, молодец, меня за себя! — Ах, глупая девица, неразумная: С угрюмою женой мне век вековать, С тобою, душа моя, мне час часовать» (ВНП III 208). Генетическая связь оборота «век вековать» с языком фольклора очевидна. В записях пословиц, песен, былин и т. д. он отмечается наравне с оборотами «ночь ночевать», «год годовать», «час часовать» и др., например: «Ночь ночевать — не век вековать, Год годовать — не век вековать» (Даль Посл. 612). Интересно, что у отглагольного существительного *векование*, образованного от глагола *вековать*, развивается к концу века помимо значения ‘долговременное пребывание в одном месте’, соотносимое со значением глагола *вековать*, новое значение ‘продолжение чьей-либо жизни’ (САР I 965).

г) Отыменный глагол, соотносимый с существительным с общим значением ‘время, исчисляемое в 365—366 дней’: *год-ова-ть*.

В значении ‘жить или продолжаться в течение года’ глагол *годовать* встречается в языке XVIII в., во-первых, только в текстах песен и пословиц, во-вторых, только в составе оборота «год годовать». В «Собрании разных песен» М. Д. Чулкова от 1770—1773 гг.: «Тебе полно сын ходити к купеческой дочке, Тебе полно сын любити купеческую дочку, Велю тебя поимати, велю приковати, Велю, велю приковати к каменной палате, Не куй не куй меня мати к каменной палате Прикуй меня мати к девичьей кровати, Я у девичьей кровати рад год годовати, Рад год годовати и век вековати» (Чулк. Песни I 622).[78]

Известен этот глагол и в языке XIX в. У Даля: «Год годовати — не век вековати» (Даль Посл. 612). В письме Н. А. Захарьиной к А. И. Герцену от 28 февраля 1838 г. оборот «год годовать» употреблен, видимо, с целью стилизации под народную речь как оборот из разговорной речи: «Всеми манерами я не жилица ея

---

[78] См. также: Соболевский А. И. Великорусские народные песни, т. III. СПб., 1897, с. 208.

сият., и здесь мне „не год годовать“. А где бог приведет, не знаю, да это все равно».[79]

Глагол *годовать* в XVIII в. входит в соотносительный ряд слов *год — годовать — годование* ‘пребывание через целый год’ (САР II 167) — *годовальщик*.[80]

д) Отыменный глагол, соотносимый с именем существительным с общим значением ‘время, исчисляемое в 60 минут’: *час-ова-ть*.

Появление в литературном языке слова *часовать* ‘проводить где-либо небольшое, короткое время’ без всякого сомнения следует относить к XVIII в., даже точнее — ко второй его половине. Есть все основания полагать, что слово пришло из разговорной бытовой речи. Оно отмечается в литературном языке в этом значении только в составе оборота «час часовать» (или «часу часовать») и только в пословицах или песенных текстах: «Не чаем где часу часовать, а Бог приведет и ночь ночевать» (ПК 1777 116); «Мне ведь не год годовать, а только час часовать» (САР VI 678). Устойчивость оборота «час часовать» (или «часу часовать») отмечается и в дальнейшем именно в записях устного народного творчества. Ср.: «Не мог-то бы Добрынюшка ни жить, ни быть, Ни дни бы не дневать, ни часу бы часовать»; [81] «Час часовать — не ночь ночевать (не век вековать)» (Даль Посл. 612).

Встречающиеся употребления глагола *часовать* в языке XVIII в. вне оборота «час часовать» связываются с иным лексическим значением его ‘жить последние часы перед смертью’: «Когда Колмык часует, то приходят к нему Гелюни [священники] и читают свои молитвы, при чем бывает и некоторый род исповеди, и молитвы продолжаются до последнего Калмыцкаго издыхания» (Пут. Леп. I 1771 484). Вполне возможно, что и это значение глагола *часовать* идет из народной разговорной речи, из языка фольклора. Ср.: «У нас в дому нездорово: Родной батюшка хворает, Родна матушка часует» (ВНП 57).

* * *

Рассмотренные здесь семантико-тематические разряды отыменных глаголов в русском языке XVIII в. не исчерпывают, естественно, всех отыменных образований того времени. За границами этих разрядов остается известное количество глаголов из других групп, которые нуждаются в отдельном описании. Они включены в общий словник слов, который приводится в конце книги.

---

[79] Герцен А. И. Соч., т. VII. СПб., 1905, с. 489.

[80] «Да они же киргизы твоих великого государя служилых людей, пеших казаков, набили на Чолыме реке, четырех человек, которыя посланы были в Ачинский острог на перемену которым годовальщиком» (ПСИ 22).

[81] А. Ф. Гильфердинг. Онежские былины, т. III. М.—Л., 1940, с. 364.

Выделение тех или иных семантико-тематических разрядов, групп отыменных глаголов, по которым распределяются отыменные новообразования, обусловлено лексикологическим аспектом исследования слова, предопределяющим формально-семантическое соотношение слова с другими словами этого ряда, группы слов.

Слово не существует изолированно от других слов, связи и отношения с другими словами различны и многообразны. Попадая в отдельную семантико-тематическую группу, разряд слов, каждое слово становится носителем общих признаков этой группы, характеризующих его с семантической, формальной и лексико-грамматической стороны. Трудно представить себе реализацию, например, однотипного лексикографического описания слова вне учета общих особенностей разряда, группы слов, в которую оно входит. Речь идет об однотипном толковании лексического значения таких слов, об однотипном описании их формы, их лексической и грамматической сочетаемости и т. д.

В истории лексики языка, какой бы период, отрезок ее ни был избран для исследования, с самого начала, по-видимому, основным вопросом в отношении новообразований остается вопрос об объективном критерии вхождения и утверждения нового слова в составе лексики языка. Таким критерием нельзя признать первую фиксацию слова в том или ином памятнике, поскольку привлечение нового круга источников может существенно уточнить решение вопроса о том, когда действительно слово пришло в письменный язык. Кроме того, наличие слова в каком-нибудь источнике еще не говорит о том, что это слово вошло в состав языка. Нельзя признать за критерий определения нового слова и первую фиксацию слова в словарях, несмотря на то что это в определенной степени объективный показатель усвоения слова языком, тем не менее общеизвестно, что лексикографическая датировка намного отстает во времени — как правило, на несколько десятков лет от появления слова в речи.

Объективным лингвистическим критерием определения отыменного глагола как новой единицы в составе лексики письменного языка XVIII в. будет, с одной стороны, его соотношение с производящей основой, с другой стороны, его формально-семантическое соотношение с однокоренными словами ряда, гнезда слов, в которые он попадает, где в свою очередь он сам может служить производящей основой для других образований. Появление, например, глагола *актерствовать* в языке конца XVIII в. неизбежно предполагает наличие в нем, с одной стороны, слова *актерство*, которое является производящей основой для отыменного глагола *актерствовать*, с другой — ряда однокоренных слов, состоящего минимум из трех слов: *актер* — *актерство* — *актерствовать*, независимо от того, отмечены эти слова или нет в памятниках и словарях того времени. Точно так же по наличию в языке отглагольного существительного *боронение* можно безо-

шибочно утверждать, что в нем есть отыменный глагол *боронить*, от которого оно образовано, а по причастной форме *лакованный* можно судить о существовании в языке глагола *лаковать*. Естественно, что при этом нельзя игнорировать фактической истории слов. Возможны случаи, когда производящая основа — слово, послужившее для образования отыменного глагола, могло выйти из употребления и перестать быть живым фактом языка; в соотносительном ряду однокоренных слов могут быть представлены не все реально возможные единицы, но из этого не следует, что таких слов не было в языке в его историческом прошлом.

Самым бесспорным доказательством утверждения слова в языке, в том числе и отыменного глагола, будет способность самого слова стать производящей основой для образования новых слов.

Заключение

Новообразования, появившиеся в языке в XVIII в., представляют собой ту базу, на основе которой особенно ярко обозначились тенденции, характерные для развития лексического состава русского языка этого периода.

Рассмотрение некоторых разрядов новообразований, объединенных общностью словообразовательного форманта, показывает, что в XVIII в. новые слова появляются на основе более широкой словопроизводственной базы, чем в предшествующий период. В изучаемый период было меньше факторов, как структурных, так и семантических, которые до и после него препятствовали словообразованию. В словопроизводство вовлекаются такие семантические группы лексики, которые до XVIII в. не участвовали в нем или участвовали менее активно. Так, например, отглагольные прилагательные на *-тельный* и *-емый/-имый* в XVIII в. свободно образуются от глаголов, обозначающих конкретные физические действия, в то время как в предшествующий период их образование было возможно преимущественно от глаголов более широкой семантики. Свободнее образуются прилагательные на *-ный* от одушевленных существительных — названий лиц и животных, от существительных некоторых разрядов абстрактной семантики и т. п.

Расширение базы для образования новых слов в XVIII в. идет и за счет участия в нем таких лексико-грамматических разрядов, которые в предшествующий период не были продуктивными. Так, в XVIII в. активизируется образование существительных на *-ость* от причастий страдательного залога настоящего времени, образование прилагательных на *-ный* от существительных среднего рода, отглагольных прилагательных от основ глаголов несовершенного вида, непереходных и возвратных и т. п.

Активизируется образование новых слов от морфологически осложненных основ различной структуры. Ср., например, рост новообразований на *-ость* от основ прилагательных с суффиксами *-к-*, *-енн-*, *-лив-*, *-чив-*, активизацию образования прилагательных

с суффиксом *-н-* от уменьшительных существительных на *-ка*, *-ок*, прилагательных на *-овый* от основ на *-ец*, *-ок*, *-ик*, *-ка*, прилагательных на *-ский* от основ названий лиц на *-ник* и т. п.

Вовлечение в словообразование производных основ сложной морфологической структуры создало почву для формирования и вычленения производных суффиксов, с помощью которых в XVIII в. образуются группы новых слов. Ср., например, суффикс *-очн-*, с помощью которого образуются новые слова от основ конкретно-предметных существительных, суффиксы *-ническ-*, *-ческ-*, *-тельск-*, давшие ряды новообразований от имен лиц и т. п.

Фонд производящих основ в XVIII в. значительно возрастает за счет иноязычных заимствований, от которых в процессе их усвоения образовалось большое число производных, оформленных в соответствии с словообразовательной и грамматической системой русского языка. Среди производных такого рода обширный ряд составили новообразования, возникшие для передачи иноязычных заимствованных слов русскими лексико-грамматическими средствами. Так, для передачи первого компонента иноязычного сложного слова, а также существительного — компонента предложно-падежной конструкции в русском языке образуются прилагательные, которым, как правило, нет соответствий в языке-источнике, иноязычные заимствованные существительные оформляются с помощью суффикса *-ство*, которому в языке-источнике соответствуют суффиксы *-isme* (фр.) или *-tät* (нем.) и т. п.

Заимствования типизированной структуры послужили почвой для формирования рядов новообразований с производными суффиксами, в состав которых входит иноязычный суффиксальный элемент.

Таким образом, словарный состав русского языка XVIII в. обогащается новообразованиями, возникающими не только по старым моделям, но и по новым, сложившимся в рассматриваемый период.

Всестороннее и разнообразное влияние иноязычного материала на словообразовательную активность языка XVIII в. выразилось, кроме указанных факторов, в появлении довольно большого количества новых слов, возникших в это время в результате калькирования и семантической индукции.

Очень важным моментом в характеристике развития языка XVIII в. является активно происходивший в это время процесс разрушения стилистической ограниченности в соединении основ и суффиксов, принадлежащих к разным стилистическим пластам. О сближении письменного языка с народной разговорной речью свидетельствует, в частности, образование новых слов от основ стилистически сниженной лексики и лексики, имеющей отрицательную экспрессивную окраску. Особенно показательный материал в этом отношении представляют существительные на *-ость* и *-ство* с отвлеченным значением, образование которых до XVIII в. происходило почти исключительно от основ стилистически ней-

тральной книжной лексики. Церковнославянские по своему происхождению суффиксы *-тельн-* и *-ем-/-им-*, соединявшиеся в предшествующие периоды с основами церковно-книжного происхождения, в XVIII в. свободно соединяются с основами слов стилистически нейтральной лексики.

Постоянно расширяющейся базой для образования новых слов были новые значения слов не только нового, но и старого лексического фонда. Появление новых образных, переносных и расширительных значений слов вызывало к жизни новые производные от этих значений.

Бурный рост фонда новых слов сопровождался появлением большого количества однокоренных разносуффиксальных параллелей. Этот процесс характеризует весь XVIII в., но особенно много равнозначных однокоренных словообразовательных дублетов возникло в первой трети века. В результате наряду с устойчивыми в языке появляются ряды избыточных новообразований, уходящих из языка. Причины их появления были разные. Основными из них являются следующие:

1) известная неустойчивость и неопределенность семантики отдельных словообразовательных типов, что создавало возможность образования однокоренных разносуффиксальных слов, идентичных по значению;

2) активизация образования новых слов по таким моделям, которые не были активными до XVIII в., что приводило к взаимодействию старых слов с однокоренными новообразованиями;

3) неустойчивость новых моделей в начальный период их формирования;

4) вовлечение в словообразование различных по морфологической структуре основ, что приводило к разного рода преобразованиям на морфемном шве.

Эти процессы усугублялись общей неупорядоченностью и отсутствием строгих норм в языке XVIII в.

Взаимодействие однокоренных дублетных и синонимичных образований шло по направлению к утверждению в языке таких образований, которые, как правило, более четко выражали общее типизированное значение, свойственное данной лексико-семантической группе, и к устранению окказиональных дублетов. Следует при этом иметь в виду, что разрешение дублетности во многих случаях происходило за пределами XVIII в.

Наблюдения над образованием и значением обширных групп новых слов приводят к выводу о том, что лексический состав русского языка XVIII в. развивался в сторону большей абстрактности. Этот процесс характеризуется как внешними, так и внутриязыковыми факторами. Со стороны внешней это выражается в интенсивном пополнении словаря XVIII в. лексикой абстрактной семантики, в частности обширными рядами абстрактных существительных. В результате в языке XVIII в. по сравнению с предшествующими периодами создаются более широкие возможности

отвлечения качеств, свойств и действий от их конкретных носителей.

Об указанной тенденции свидетельствует также сильный рост класса прилагательных, которым, как правило, свойственно выражать более абстрактные значения по сравнению с существительными. Особенно показательны ряды новых прилагательных от основ существительных абстрактной семантики. Среди них важная роль принадлежит прилагательным, образованным с помощью иноязычных суффиксальных элементов, которые в XVIII в. активно пополняли фонд отвлеченной лексики.

Для характеристики развития лексического состава языка в сторону большей абстрактности немаловажное значение имеют и внутриязыковые закономерности, определявшие образование новых слов. Одна из них — разрыв семантики производящей основы и производного, причем обычно производное выражает более абстрактное значение по сравнению с производящей основой. Многочисленные примеры такого рода отношений наблюдаются среди новообразований, относящихся к разряду отвлеченной лексики. В XVIII в. все шире образуются слова, значение производящих основ которых покрывается «общим значением отвлеченного понятия».[1]

Разряды новых относительных прилагательных в значительно меньшей мере пополняются новыми словами, обозначающими чистые отношения без какого-либо оттенка качественности и свойственности, по сравнению с теми разрядами, в которых производное выражает более обобщенное значение, чем производящая основа. Например, новообразования на *-ный* от названий животных обычно обозначают 'такой, как у. . .; похожий на. . .'. Эти значения носят более обобщенный характер по сравнению с значениями чистого отношения или принадлежности.

Для общей характеристики словарного состава языка XVIII в. имеет значение интенсивный рост новообразований от глагольных и глагольно-именных основ. Так, существительные на *-ость* в XVIII в. образуются преимущественно от прилагательных с глагольными или глагольно-именными основами. Разряды прилагательных, как качественных, так и относительных, сильно расширяются за счет отглагольных прилагательных с суффиксами *-ем-/-им-* и особенно *-тельн-*. При этом обращает на себя внимание сильная процессуальность именных новообразований от глагольных и глагольно-именных основ. Это подтверждается, в частности, сохранением глагольного управления указанными образованиями, семантической близостью отглагольных прилагательных на *-тельный* и причастий и т. п.

Все это свидетельствует о тенденции к семантическому сближению глаголов и имен, о расширении семантической емкости

---

[1] Виноградов В. В. Русский язык. М.—Л., 1947, с. 121.

лексико-грамматических классов имен существительных и прилагательных.

Для развития лексической системы языка XVIII в. существенным является то обстоятельство, что ряды неологизмов, объединенных общностью словообразовательного форманта и производящей основы, специализируются на выражении определенных, типизированных значений. Таким образом, новые слова оказывают влияние на всю семантическую структуру того словообразовательного типа, в который они входят. Так, наиболее общим значением существительных на *-ство* становится название разного рода действий и состояния. Выражение значения отвлеченного качества, свойства становится основной семантической функцией существительных на *-ость*, образующихся от основ прилагательных и причастий. Тенденции к специализации и унификации значений намечаются также и у ряда лексико-семантических групп новых прилагательных и отыменных глаголов. Так, отыменные глаголы, производящие основы которых имеют общее значение лица, образуются в XVIII в. при помощи различных суффиксов, в том числе и при помощи суффикса *-нича-*. В то же время отыменные глаголы, производящие основы которых имеют общее значение предмета, как правило, не образуются при помощи этого суффикса.

Вместе с тем некоторые из лексико-семантических разрядов, а также отдельные слова утрачивают способность выражать те или иные значения, которые были свойственны данному словообразовательному типу ранее. Таким общим нехарактерным значением для существительных на *-ость* является в конце XVIII в. значение отвлеченной процессуальности. Единичными примерами в кругу новообразований уже в XVIII в. представлены существительные на *-ство* со значением отвлеченного качества, свойства, признака, уступающие в языке место существительным на *-ость*.

Таким образом, одним из центральных процессов, характеризующих развитие лексического состава языка XVIII в., является процесс устранения словообразовательной дублетности, особенно ярко проявляющейся в кругу новообразований. Другой стороной этого процесса является дифференциация синонимичных однокоренных параллелей с разными словообразовательными формантами, приобретающая в XVIII в. значительно более устойчивый характер, чем это было раньше.

Отмеченные выше тенденции развития словаря XVIII в. происходили на фоне общей картины неупорядоченности языковых процессов, разного рода индивидуальных отклонений от общих закономерностей.

Рост новообразований, относящихся к некоторым лексико-семантическим разрядам, сопровождается в XVIII в. расширением сфер их употребления. Если до этого времени распространение отвлеченной лексики с суффиксами *-ость*, *-ство*, *-ние* ограничивалось преимущественно сферой книжного языка, то в XVIII в.

они уже широко употребляются в различных жанрах художественной литературы, вплоть до произведений низкого слога, в письмах, дневниках, описаниях путешествий, многие из которых содержат элементы разговорного языка того времени. За счет новообразований на *-тельный* и *-емый*/*имый* расширяется сфера употребления разрядов прилагательных с этими суффиксами. В XVIII в. они широко применяются в составных терминах научной и деловой литературы, в качестве эпитетов в художественной прозе и поэзии.

Новообразования в XVIII в. возникали одинаково активно как в сферах общеупотребительной лексики, так и в специальных, ограниченных узким распространением. Особенно большое число новообразований отмечено в памятниках научной и деловой литературы, оригинальной и переводной художественной прозы (главным образом во второй половине XVIII в.), в газетах и журналах, записках, мемуарах, этнографической литературе, в специальных и толковых словарях, а также в русской части иноязычно-русских и русско-иноязычных словарей.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВНИК

Словник имеет выборочный характер. В него включены дериваты, относящиеся к рассмотренным в работе лексико-семантическим группам и словообразовательным типам. Указывается наиболее ранняя фиксация слова (по материалам, имевшимся в распоряжении авторов).

Дериваты, отмеченные как новообразования XVIII в. в «Очерках по исторической лексикологии XVIII в.» Е. Э. Биржаковой, Л. А. Войновой и Л. Л. Кутиной (Л., 1972), а также в ряде других исследований, в словник не вошли, за исключением тех случаев, когда в распоряжении авторов оказались новые данные. При некоторых словах, подвергшихся более подробному рассмотрению, указываются страницы работы (курсивом).

Расположение слов в словнике алфавитное. В некоторых случаях сохраняются написания слов, передающие своеобразие языка XVIII в. Если слово дается в орфографии XVIII в., то оно помещается в алфавит с учетом современной орфографии.

Абордирование Кн. М. 26
Абрикосный (априкоз-) ФЭ 88
Абрикосовый (априкоз-) СЖ I 286
Августинский (-стан-) Пуф. Ист. 1718 267
Аврóровый ЛВ I 194
Авторский Тред. СП I 12
Авторство Трут. 1769 135; *с. 102*
Агатный Норд.
Адамантный СМ 130
Адамантский Петров 92
Адвокатский Монтень 32
Адвокатство ЛВ I 191
Администраторский АВ IV 281 1743; *с. 186*
Адмиралтейство *с. 94—95*
Адмиральский ПБП I 571 1696; *с. 186*
Адмиральство ЖКФ 1707 9
Адъютанство АВ XXIV 317 Зап. Сув.
Азартность (озарт-) Архилабон 99
Азартный (озарт-) МРФ X 217 1753
Азимутный Ян.
Азимутовый ФРЛ [2] I 140
Академицкий ДР 27
Академский Мн. миров с. III
Аквамариновый Минер. Северг. I 19
Акомпанирование Клавикорд. шк. 74
Аккордный (акорд-) ПБП III 643 1704; *с. 175*
Акредитование АВ III 174 1756
Актерство АДТ 387 1791; *с. 103*
Актерствовать Кар. ПРП II 230; *с. 276*
Акушерский ПСЗ XXV 292 1798
Акцизный ПСЗ V 769 1719; *с. 164*
Алгебраиский Прим. Вед. 1729 269
Аллантоидный Анат. Г. с. I
Алоевый Приб. МВ 1783 239
Алость Норд.
Амазонский Зап. Матв. 63 1705
Аманатство Пис. Б.-Б. III 15 1792
Амарантовый Сл. комм. VII 289
Амбиционный Коз. ФП 104; *с. 208*
Амбрный Сл. пов. IV 46
Аметистный (ама-) ЛВ I 86
Аметистовый (ама-) ЛВ I 86
Амиантовый САР I 30

Амигдаловый САР I 30
Амуницийный ПБП III 505 1705; *с. 204*
Амуниционный (амму-) СПб. в. 1735 207; *с. 204*
Амурный АК I 48 1727
Амурство Долг. 55
Амфибиевый Канкрин I 241
Анакреонтский Вост. Лир. II 10
Ананасный Пис. Румянц. 210 1779
Ананасовый САР I 32
Анатомирование РАВ 10; *с. 140*
Анатомление Достопам. 188; *с. 140*
Анатомливание МАН VIII 385 1747; *с. 140*
Анкерочный САР I 35
Антальный САР I 36
Антимонный Кн. горн. 29
Анфресковый ЭМ IX 379
Апелляционный ПСЗ XVI 842 1764
Апельсинный СПб. в. 1750 368
Аплодирование Пис. Вор. 165
Аппетитный (апе-) ЛВ I 1048
Апрельный Календ. 1714
Апробование (аппро-) Монет. иск. I 9
Арендаторский Норд.
Арендный ПСЗ VII 62 1723
Аристотельский Геогр. ген. 51
Аркадииский (-диск-) Апофеосис 40
Аркадский Сум. СС VII 314
Арктиковый Геогр. ген. с. XIX
Ароматность Сл. пов. V 199; *с. 17*
Арсенальный ПСЗ XI 61 1740
Арсениковый Геогр. ген. 258
Архивный Норд.
Архивский ПСЗ XXII 510 1786
Архидиаконство (-дия-) ЛВ I 134
Архипелажский (-лаг-) Тред. Тилем. II 21 (Указ. вещ.); *с. 154*
Архитекторский ДПС V/2 663 1715; *с. 195*
Архитектурский ПСЗ IV 6 1700
Архитектурство Изобрет. вещей 151; *с.* 109
Асессорский ПСЗ V 166 1715; *с. 187*
Асессорство Док. АН 81 60-е г.
Ассекуранционный Приб. МВ 1787 393
Ассигнационный ПСЗ XXI 303 1781
Астрономский Арифм. Магн. 219
Атакирование Кн. М. 24
Атакование МРФ I 78 1705
Атлантийский Геогр. 1710 84
Атлантский Геогр. ген. с. XIX
Атмосферный Десн. 1781 3
Ауканье Судьба дерев. 100
Аукционный СПб. в. 1735 804
Аханье САР I 64
Бабничание САР I 67
Бабничать САР I 66; *с. 258*
Бабочный САР I 68
Багровость Наст. хир. 975
Бадьянный Кн. Ек. I 543
Базальтовый САР I 82
Бакаутовый (пак-, пок-) ТМУ 3
Баклушничать САР I 86
Балагуренье Награжд. хитр. 52
Балагурить Досуги II 197; *с. 270*
Балагурничанье Зап. Бол. III 1102; *с. 131*
Балагурный САР I 87
Балагурство ВЛ 260
Балаканье САР I 87
Баламутить Матин. 27
Балансерство Страх. Карм. кн. III 32
Балансирование (-нье) Зап. Винск. 18; *с. 133*
Балетный Прим. Вед. 1738 178; *с. 175*
Баллотирование ПСЗ У 606 1718; *с. 132*
Баловый Пис. Капн. 356 1791; *с. 180*
Бальный Кор. АИ 20; *с. 180*
Банкирство Дн. Храп. 376
Банкротский (-рут) МВ 1757 № 17
Банкротство (-рут-) МАН IX 62 1748; *с. 89*
Банкрутный Норд.
Баночный СПб. в. 1750 358
Барахтанье САР I 100
Барбарисный ЭМ I 334
Барометренный ЖКФ 1716 81
Баронский Ордина 51; *с. 186*
Баронство Салт. Пропоз. 10; *с. 105*
Барочный ПСЗ IX 368 1734
Барство Сум. СС VII 180
Барышничанье САР I 107
Барышничать Десн. 1768 45; *с. 256*
Барьерный (барриер-) СПб. в. 1746 77
Баснословность РЦ 7
Басовый ДМТ 116
Бастионный Норд.
Бастионовый Побежд. кр. 52; *с.164*
Батистовый МВ 1762 4
Батовый (ср. бат ‘лодка-однодеревка, долбленка’) Краш. ОЗК I 68
Бахарский Тред. Тилем. I с. XXXVIII
Башечный Пут. Гмел. II 325
Башмашничанье САР I 113
Башмачничать Норд.
Башмачнический Приб. МВ 1783 290
Баюканье САР I 116
Бдительность (бде-) Норд.
Безбожничанье САР I 256
Безбожничать САР I 255
Безбожнический Норд.

Вакационный ПЖ 1790 I 59
Ваксить САР I 463
Вальдмейстерский Кирил. ЦС I 123
Вальяжность Пут. Чел. 69
Вариационный Нов. алг. [заглавие]
Вассальство (вазаль-, фазаль-) ПСЗ VI 535 1722; *с. 89*
Ватерпасный Геом. 1709 20
Вафельный МАН V 652 1743
Вахляние САР I 512
Вверительный Пис. Б.-Б. 372 1792; *с. 226*
Вдавление Наст. хир. 977
Вдавливание САР II 450
Вдохнение Апулей II 286
Ведренность (-рянн-, -рен-) Норд.
Вежливость Приклады 20
Вейновый ПСЗ XIV 316 1754
Вейсгильденовый Шлат. Рудн. д. 191
Вексельный ПБП III 425 1705; *с. 159, 163, 165*
Векшевый Шлат. Рудн. д. 290
Велелепность Тред. Тилем. I 196
Великанский ЛВ I 26
Великатность МАН IV 644 1741
Великатство Лук. Мот 134
Великолепность ЕС 1755 4
Великомудрость Сум. Трес. 305
Величавость ЕОЛ 143
Величавство Сл. Кург. 274
Величательный САР I 590
Вензельный Прим. Вед. 1729 90
Вензловый Лом. СС I 165 1751
Верезжать Сум. Притчи 264
Верейный САР I 617
Веримый Кн. мир. 48
Верностный Пуф. Ист. 1718 113; *с. 179*
Вероломность *с. 81*
Вероятность ВЛ 532; *с. 31*
Верстательный Кн. мор. пл. 5; *с. 219*
Верткость САР I 638
Вертляность САР I 638
Вертопрашить САР I 639
Вертопрашничать САР I 639
Верфный ПСЗ V 517 1717; *с. 163*
Верхоглядничать САР I 455
Вершинный Салт. Изъявл. 35
Веселостный Пос. Зерк. 9; *с. 178*
Вестнический САР I 1072
Ветерный Канкрин II 88
Ветловый ПБП III 27 1704
Ветошничать Норд.
Ветошничество СК 119
Ветреничать САР I 1105
Веховой Рад. ПСС III 65
Вечерéть Держ. Соч. V 76
Вешняшный Геннин 75
Вещность Тред. Феопт. 227
Взаимность Пуф. ДЧ 337; *с. 55*
Взаимство Кант. Прир. 32; *с. 55*
Вздымание Рад. Уш. 81
Взлазивание Пут. Леп. II 45
Вигоневый (-ньев-) ММ IV 71
Видимость САР I 677
Видность ЛВ I 938
Визжание Сумар. Притчи 262
Визирный ПСЗ XVII 397 1765
Визитирный ПСЗ XVIII 593 1768
Визитный Хемн. СП 62
Викариатство Прим. Вед. 1741 140; *с. 104*
Вилочный Шлат. Рудн. д. 164
Винновый РФ X 40 1779
Виновность Брян. 1799 4
Винтовой Нов. Виньола 12
Винтовочный ПСЗ X 972 1739
Виолетовый Прим. Вед. 1735 230
Виперный АК III 232 1718
Виперовый АК III 232 1718
Висмутовый (виз-) Пос. КСБ 203
Височный Анат. Г. с. XXI
Витиеватость САР I 1033
Витриольный ПСЗ VI 251 1720
Вице-адмиральский МРФ I 62 1705
Вицеграфство ЛВ I 1246
Виц-губернаторство Долгор. 42
Вицеройство Хр. бес. I 23
Вклеивание Зап. Бол. IV 9
Включение ДПС III/1 287 1711
Вкусовой Коз. Расс. 68
Владельческий ПСЗ IX 397 1734
Властвование Рад. Пут. 338
Властительность Локк 213
Власяничный САР I 761
Влюбленность Пис. мас. 46
Влюбчивость Н. Эмин Роза 39; *с. 27*
Вменительный ЛГ III 25
Вместительность СК 102
Внезапность Лом. РГ 184
Внешность Алярд 112; *с. 38*
Вникательность Корифей I 200
Вникательный (-тельно) Лом. СС I 326 1756
Вносительный ЛГ III 27
Внятность РЦ 154
Вовлечение МЖ III 209—210
Водительство Приб. МВ 1784 625
Водовозничать Былины 81; *с. 257*
Водолазничать САР I 797
Водоходствовать МИГ 1791 92; *с. 260*
Воеводительство Пис. Б.-Б. III 35 1792
Вожевой ПСЗ IV 547 1710
Воженство ЛВ I 1016
Возблагодарность Тред. Тилем. II 22
Возбудительный РЦ 28
Возвратимый Норд.
Возвышательный МАН I 277 1727

Градирный Пут. Гмел. 4
Гранитный Н. Эмин Игра судьбы 50
Гранитовый Пут. Зуева 251
Грансольный ПСЗ XVI 851 1764
Графский Пуф. Ист. 1718 264
Гребенный Анат. Г. с. XVI
Гребеночный САР II 328
Грезетовый Ж. Анненк. 689
Гренадерский (грано-, -дир-) Устав Вейде 79
Греховодничать САР II 396
Гридорование (гриде-, гридо-, гради-) МАН I 405 1728
Гробничный САР II 351
Гродетуровый Щерб. Повр. нр. II 16
Грозительный ПСЗ XVIII 307 1767
Громкость Лом. СС I 72; *с. 25*
Гроссмейстерство Зап. Голиц. 1308
Гротный АБП II 90 1719
Грубиянить Норд.
Грубиянствовать ЛП 80
Грудинный Анат. Г. с. XXVII
Грудничный (-шн-) САР II 377
Грузность Норд.
Грунтовать Мин. жив. 21
Грядный Кирил. ЦС II 27
Губкость ЛВ I 732
Гулить САР II 426
Гульбищный САР II 428; *с. 178*
Гулюканье САР II 426
Гуторить САР II 446

Давежный Краш. ОЗК I 199
Даканье САР II 448
Дакать Спорщица 5
Дальновидность Тред. Тилем. I 218
Дамский ПСЗ V 454 1716
Дарствование САР II 467
Движимость Зерц. ест. л. 80 об.
Движность САР II 567
Двоякость Норд.
Двузнаменательность Приб. МВ 1784 460
Двуличность АВ XXIV 323 1799
Двусмысленность Приб. МВ 1784 685
Девесильный Календ. 1710 17
Девственность Рад. Пут. 228
Дезертирование Артикул 73; *с. 132*
Дезертировать МЗК II 484
Дезертовать Артикул 71; *с. 274*
Действительность АВ VII 165 1746
Деканский ЛВ I 757
Декламирование СПб. вестн. 1779 VI 91; *с. 133*
Дележный САР II 870
Делимость Эйлер ПП II 216
Делительный Кн. горн. 17
Дельность АК II 20 1709
Демаркационный Ян.
Демократичество Пис. Б.-Б. III 25 1792
Демостенство АВ XXIV 348 1799
Дендритный Минер. Северг. I 27
Дервишский (-жский) Кн. сист. 274
Державность Бакон 8
Державствование КАН 128
Дерзновенность Кант. Рел. I 175
Дернистость СК 25
Деспотичество Щерб. НС 21
Деспотство СПб. М. III 165
Десятский ПСЗ III 391 1697
Детинство Тред. Тилем. I 80; *с. 112*
Детородность Анат. Г. с. V
Диванский ЛВ I 442
Дивизионный ПСЗ XVIII 381 1767
Диковинный ВЛ 516
Диктаторский О воин. Цез. 135
Диктаторство Изобрет. вещей 77
Диктирование Волк. 108
Диктование ВТС I 53 1726
Директорство СПб. в. 1742 6; *с. 103*
Дирекционный ПСЗ XVIII 184 1767
Дышкантовый ДМТ 133 1706
Дискреционный ПСЗ XXIII 19 1789
Дискурованье Сум. Мать 75
Диссидентский Феатр. ист. 378
Дистаночный ПСЗ XXV 192 1798; *с. 205*
Дистиллирование Сл. пов. I 264
Дичать Норд.
Дичеть Норд.
Длительный САР II 711
Днепрский Хераск. Тв. II 254
Добровидность Львов Алекс. 80
Доброжелательство ПБП IV 36 1706
Доброжелательствовать ВЛ 255
Доброжелати ВЛ 257
Добролепность Тред. Тилем. I 62
Добросердечность РЦ 455
Добросердство Тред. Тилем. I 8
Добросовестность Кар. ДВ XI 4—5; *с. 27*
Добычный Артикул 81
Доварение Сл. пов. IV 106
Доваривание САР I 499
Доверение Сойм КМ VI 488
Доверенность ЖПВ II 703 1720; *с. 63—64*
Доверивание Коз ФП 27
Доверчивость САР I 1026
Доводительный Пуф. ДЧ 7
Догадливость Норд.
Догораживание САР II 306
Догрубительный ВЛ 76
Дозволение ДПС II/1 36 1712
Дозволительный Эмин Ернест 232
Доказательный Геогр. ген. 43
Доказательство ДПС I 364 1711; *с. 94*

Завещательный ВЛ 630
Зависимость АВ V 148 1764
Завиствование Бакон 92
Завистливость Рад. СС IV 143
Завитие ММ I 159
Завоевание Ордина 274; *с. 118*
Завывание Тред. Тилем. I 117
Завяние Осип. Не прямо в глаз 25
Загарание Прим. Вед. 1739 202
Загладимый ЛЦ 75; *с. 239*
Заглумность Пут. Леп. I 297
Заглушение УС II 41
Загляденье Рад. Пут. 234
Загнаивание Наст. хир. 963
Загнание ДПС VI/1 284 1716
Загнатие МЗК IV 357
Загнитие ЛВ I 368
Заграбление Пут. Леп. IV 248
Загрубелость ПК 1790 286
Загустение ФЭ 322
Задавание Приб. МВ 1784 482 *с. 138*
Задатчивание Пут. Леп. II 97
Задеревенелость ЛВ II 176
Задумливость ЕОЛ 50
Задумчивость ЛВ I 675; *с. 29*
Заживление Пс. ох. 85
Зажигательство ПСЗ XIV 208 1754
Зазнобить РЦ 179
Зазорность Тред. Тилем. I 212
Зазрительный ВЛ 248
Заимствование Прокоп. Понтиф. 34
Заквашение ЛВ II 270
Заквашивание Краш. ОЗК I 199
Закисание Минер. В. 581
Заклатие Пут. Леп. I 163
Заклеймение Рад. ПСС III 82
Заклинательный Труд. пч. 466
Заключительный ПБП II 158 1703
Законность Блэкстон 189
Законодательство Коз ФП 185
Законодательствовать САР III 11
Закорючивать САР²
Закорючить САР²
Закрытность Кар. ДВ X 86
Заливательный ПСЗ VII 95 1723; *с. 224*
Замедлительный Зап. Шах. 57
Замечание Краш. ОЗК¹ 553; *с. 122*
Замечательный Н. Эмин Роза 54
Замешанность Дн. Храп. 141
Замешательный АК X 53 1714; *с. 221*
Замешательство Д. Тв. 35
Замысловатость САР IV 368
Занимательность Шарл. 28; *с. 39*
Занозить ФЭ 69
Занятие ПБП IV 518 1705
Заочность ПСЗ XXII 525 1786
Запекательный ЭМ IX 286
Запирательный ТМ [л. 27]
Запирательство СД 214 1724; *с. 86*
Заповедательный САР I 985
Запрометность Гулливер I 163
Запрометчивость Приб. МВ 1783 338
Запружать Пут. Зуева 251; *с. 280*
Запруживать Норд.
Запруживаться ТВЭО II 215
Запутанность Держ. VI 38 1796
Запылчивость Чулк. ПП 13; *с. 25*
Запястный Анат. Г. с. XXII
Заразительность САР V 56
Зарничный Лом. СС I 319
Зарядить МИФ, I 76
Заседательский Норд.
Засорение ФЭ 318
Засоривание Арт. Бринка 160
Засохлость Осип. Не прямо в глаз 43
Застенчивость АВ VI 206 1757
Застужение ФЭ 264; *с. 125*
Заступательный ВТС 84 1726
Заступительный ПБП II 55 1702; *с. 222*
Застылость Геогр. ген. 141
Затворничество ЗС II 5 1786
Затишный Бобр. Тавр. 160
Затруднительный Буж. Похвала л. 31
Затхлость Коз. Расс. 108
Затылочный Артикул 114
Заунылость ЕОЛ 132
Заявление Десн. МКУ 36
Зверковый МИГ 1792 52
Зверный Тред. Феопт. 277
Зверообразность ПТ III 127
Зверскость Действ. чел. 39
Звонковый Сл. бот. 1781 I 115
Звонкость Лом. ОМ 5
Звучность Норд.
Здовольство МЗК XIV 15
Зельтерский (зельц-, селц-, сельт-) АВ XVI 92 1766
Земледельность Тред. Тилем. I 216
Земледелвчество Линней 152
Землепашество МЗК XIV 15
Зеренный ФЭ 188
Зернование Лом. ОМ 359
Злобить ВЛ 105
Злобность Бакон 131
Злобственность Осип. Не прямо в глаз 37
Злорадливость Агапит 17
Злорадствовать Гейм I 247
Злотворство Тред. Тилем. с. LXIII
Злоязычество Лук. Постоянство с. II
Знакомость Апофеосис 84
Знаменательность Зап. Ант. 145
Знаменитость Кн. сист. 35
Знат(н)ость ДПС VI/1 166—167 1716; *с. 57*
Знатство Зап. Н. Долг. 12; *с. 57*
Значение Десн. МКУ 3; *с. 118*

Каверзить Барс. Посл. 10
Каверзничать САР III 353
Кадетский (-децк-) Бум. КМ IV 17 1743
Кадычный САР III 356
Казимировый ММ IV 71
Казнительный Тред. СП II 282; *с. 222*
Казнодейский Прим. Вед. 1728 60
Каймить Норд.
Какаосовый Приб. МВ 1783 96
Каламенковый Кирил. ЦС I 23
Календарный Прим. Вед. 1731 40
Калечить РЦ 196
Калифонный Кирил. ЦС I 45
Калуферный Кн. земл. л. 16 об.
Кальцинирование Монет. д. 38
Каляканье САР III 407
Каменосечество УС I 64
Каменщический САР III 414
Камергерский Кант. Сат. II 62 [примеч.]
Камерирский ПСЗ VI 155 1720
Камер-юнкерство АВ XXIV 317 Зап. Сув.
Камзольный ДПС III/1 247 1715; *с. 164*
Каминный ЛВ I 433; *с. 164*
Камлотный ЕС 1763 II 335; *с. 163*
Камлотовый САР III 421
Кампешевый Приб. МВ 1783 279
Канальный ПСЗ V 735 1719
Канапейный ВЛ² 65
Канареечный САР III 424
Канарейный Сл. бот. 1781 I 90
Каникульный ЛВ I 928
Канифасный РАВ 16
Канифолить САР III 427
Канифольный Минер. Северг. II 246
Канонирский Пис. Мордв. 370
Каноницкий Хинск. служ. 6
Кантонный ПСЗ XXV 190 1798; *с. 175*
Канфовый МАХ 82 1765
Канцеляристовский МЗК XII 14
Канцеляристский ПСЗ IX 1734 411
Канцелярный УВ 1716 56; *с. 199*
Каплунный ВЛ 118
Капральский ПБП V 41 1707
Каптенармусский ПБП IV 45 1706
Каравайный САР III 439
Карандашный (кран-) МАН X 15 1749
Карантинный ПСЗ XIX 121 1770
Кардамонный ПСЗ XXI 31 1781
Кардинальство Бароний л. 1353 об.
Каркать Барс. Посл. 153
Кармазинский Топ. Оренб. I 33
Карманный АК I 141 1705
Кармелитанский Пут. Толст. II 176
Карминный Норд.
Карминовый Минер. Северг. I 23
Карнизный Ист. Бюф. I 338
Карпеточный САР III 450
Карпный ЭМ IX 162
Картавленье САР III 454
Картавость Норд.
Картежный АК I 76 1727
Картофельный Осип. Не прямо в глаз 43
Карточный (-шн-) Краш. ОЗК II 245; *с. 150*
Кастальский Лом. СС I 139
Касторный ЛК 13; с. *163*
Кастрюльный (ко-) ЭМ XVI 198
Катарный ПБП III 771 1705
Каткость Держ. Соч. I 304
Кафовый САР III 461
Кафрский Ист. Бюф. I 211
Качательный МАН I 1727 278; *с. 224*
Кашеварить ВНП III 466
Кашемирский ММ I 79
Квадрупельный Прим. Вед. 1729 187
Квакерский (квекор-) ЖКФ 1703 11
Квартирмейстерский ПСЗ VI 299 1721; *с. 187*
Квартирмейстерство АВ XXIV 317 Зап. Сув.
Квартирование ДПС I 392 1711; *с. 132*
Кварцевый Минер. В. 161
Квасность Филос. ест. (алф. К.)
Квитанцный ГР 24
Квитовый Дом разг. 127
Кегельный Анат. Г. с. VI
Кенарский ДПС V/2 792 1715
Кибиточный Капн. СС II 287 1786
Кизиловый Бобр. Тавр. 100
Кизлярский ПСЗ XXII 565 1786
Кинжальный Маркиз IV 14
Кинсонный САР III 530
Кирасирский Бум. КМ I 275 1732
Кирочный ПСЗ VII 39 1723
Кисловатость САР III 541
Киснутье Лом. СС I 350
Кисточный Сл. бот. 1795 67; *с. 150*
Кичливость Эйлер ПП II 41
Клависинный САР III 552
Кладбищный РГЛ 78
Классный САР III 591
Клееношный САР III 597
Клейкость Зыб. 1775 31; *с. 25*
Клеймить Пос. РП 57; *с. 280—281*
Клепцовый Краш. ОЗК I 213
Клеточный САР III 639
Клещевой Побежд. кр. 11
Клиновый СПб. в. 1750 536
Клистирный (клиштер-) Ит. ком. 452
Клохтанье МЖ I 120
Ключарский САР III 643
Клюшничество ЛВ I 1079

Коральковый ЛВ I 559
Коральный Достопам. 11
Кордонный Рад. ПСС III 75 1789
Корковый Сл. 1763 42
Кормительный КАН 121
Коробовой ДАЭ 69
Коробошный Анат. Г. с. VII
Коронационный Тред. Ортогр. 362
Короновать Пут. Толст. I 551
Коротковатость САР III 924
Короткость ЕС 1756 343; *с. 46*
Корочный Анат. Г. с. XVI
Корпусный Геом. 1709 39
Корректорский Лом. АСС IX 604 1764; *с. 190*
Корректурный МАН VIII 426 1747
Корсарский Пис. Мордв. 386
Корчемнический САР III 852
Корчить ЛП 153
Корячить РЦ 232
Косоватость САР III 872
Косость ЛЦ 217
Костерный (костерьн-) ЭМ I 195
Костовый ЕС 1763 II 492
Костяничный Пос. КСБ 136
Косыночный САР III 873
Кофешенкский СПб. в. 1746 191
Кофточный САР III 883
Кочанный (кач-) РГЛ 82
Кочережный САР III 885
Кошелечный ЛВ I 297
Кошенилевый Минер. Северг. I 23
Кошлаковый Краш. ОЗК II 251
Коэквационный ПЖ 1790 I 482
Кравческий САР III 892
Крамольничать РЦ 237
Крамольнический САР III 899
Краповый ПСЗ XIV 793 1757
Красильнический САР III 912
Красковый Бюшинг 38
Краснобайство Тред. Ортогр. 386
Кратковременность АВ XXIV 317 Зап. Сув.
Краткостный Пос. КСБ 151; *с. 178*
Краткоточность СПб. ж. I 2
Крахмалить Пут. Толст. I 357; *с. 281—282*
Кредитный Д. Тв. 42
Крейсерование ПБП X 120 1710
Крейсование (кроеи-) Вед. II 352 1719
Кренгование МРФ IX 431 1744
Крендельный Норд.
Креповый АБП II 26 1716
Крессалатный ЭМ I 268
Крестительный Поленов 301
Кривляние Тред. СП I 40
Криводушничать Норд.
Крикливость РЦ 241
Кристалловый Кн. сист. 103
Критиковать Кант. Рел. II 202; *с. 258*
Кричательный ВЛ 560
Кровавиковый Пут. Леп. I 301
Кровность РЦ 242
Крокодиловый ВЛ 123
Крокодильный ВЛ 123
Крокодильский ВЛ 123
Кроликовый СПб. в. 1750 345
Кронный Зап. Шах. 184
Кроновый Римпл. ман. 27
Кропание (-нье) Никол. Сам. ст. 84
Кропкость САР III 966
Кропотливость Трут. 1769 215; *с. 20*
Круазирование Пут. Сиц. 156
Кружание Тред. Феопт. 222
Крупность ФЭ 209
Крыловый Водохожд. 68
Крючить Лом. МРГ 738
Крючиться САР III 1046
Крючкотворство Трут. 1769 260
Крючкотворствовать САР III 1056
Кубский Прим. Вед. 1729 126
Кудахтать ВЛ 255
Кузнечество СК 51; *с. 102*
Кукловый Сл. бот. 1795 103
Кокурузный СПб. в. 1789 Приб. к № 86 2
Купечествование ПСЗ XVI 739 1764; *с. 129*
Купинный Капн. СС II 26 1795
Купольный Держ. Соч. II 163
Кураторский ПСЗ XI 318 1740
Кураторство ПСЗ XI 319 1740
Курительный Устр. 572 1718
Курфиршество ПСЗ III 637 1699; *с. 106*
Курчавость ПД I 105
Курьезность Кн. сист. 31
Курьерский СПб. М. II 99
Кусковой ДПС II/2 418 1712
Кустарный (ср. кустарник) Сл. бот. 1781 I 131
Кустный ВЛ 600
Кухонный Устр. 624 1718 [?]
Кучевой Сл. бот. 1795 5
Кучерский Мур. Басни 6

Лабиринтный Н. Эмин Игра судьбы 43
Лавандовый (ле-) Коз. Расс. 100
Лавенделевый ЭМ I 77
Лавирование УМ 52
Лаврский САР III 1125
Лагерный ПСЗ XVII 25 1765; *с. 162*
Лазаретный ПСЗ XXII 435 1785
Лакирование САР III 1136
Лакировать ПРГ I 162; *с. 283*
Лаковать Смирн. 173

Ламайский МИГ 1783 81
Лангедокский Сл. пов. IV 292
Ландшафтный (леншавт-) Изъявл. Салт. 9
Ластовый ЖКФ II 1713 38
Ласточный Канкрин I 111
Латунный Норд.
Латучный (лактуч-) Сл. пов. IV 118
Лафетный ПСЗ XVI 102 1762
Лбовый АК III 141 1707
Левантский Сл. пов. I 287
Левкоевый Откр. худ. III 20
Легационный Ян.
Легирование Сл. пов. I 425
Легковерность Лук. Мот 179
Легкостный Пуф. Ист. 1718 21
Легчительный ЛВ I 830
Лейденский Эйлер ПП II 315
Лекционный Нов. Оп. сл. 253
Лелеяние Анекд. пошех. 77
Лентный Бум. КМ IV 1735 129
Лентовый Изъявл. Салт. 10; *с. 163*
Ленточный Кирил. ЦС I 75
Лепетание Княж. ИП 706
Лепетать ВЛ 566
Лепление Чекал. 63
Летучесть Рад. Чел. III 146
Лечительный Кирил. ЦС I 69
Лжебратство Тред. СП I 20
Лживость Инстр. Бисмарку 67
Ликерный ПСЗ XXII 476 1785
Лилейный (лелей-) ПБП IV 746 1706; *с. 164*
Линючесть САР III 1214
Линяние САР III 1214
Лирный Лом. СС I 222; *с. 162*
Листковый ЭМ I 184
Листоватость Минер. Северг. I 439
Листочный СЖ II 90; *с. 150*
Литаврный СПб. в. 1728 68
Лицедействовать САР II 899
Лицемерствовать СЛ 12
Лицентный Бум. Шерем. 325; *с. 163*
Лицентский ПСЗ XVIII 634 1768
Лиценциатский ЛВ II 274
Лишательный ЛВ II 803
Лишность Кант. Сат. V 101
Ловкость Норд.
Ложевый АБП II 101 1722
Ложкомойничать Былины 81
Ложность ЖПВ II 526 1718; *с. 39*
Ломберный МАН VIII 315 1746
Ломкость ВЛ 772; *с. 46*
Лонный Анат. Г. с. XVIII
Лопанье Ист. Бюф. II 362
Лопаточный ПСЗ IV 283 1705
Лосковый Лом. ОМ 278
Лоснистость САР III 1316
Лотерейный Жив. 47
Лоцманский ПСЗ V 675 1719; *с. 190*
Лоцманство МРФ IX 293 1743; *с. 103*
Лошадничество СК 160
Луковичный Сл. бот. 1781 I 17
Луковочный ЭМ XVI 321; *с. 150*
Лучить Лом. МРГ 738
Любезность ЛВ I 80
Любимство ЕОЛ 96; *с. 79*
Любимчество Сл. Кург. 146
Любовнический Тред. СП II 95
Людскость (лют-, люц-) ПБП II 670 1703
Люстриновый РФ XXVII 6 1779
Лютеранство Д. Тв. 222; *с. 108*
Лягание САР III 1383
Лягушечный Прим. Вед. 1735 232
Ляпанье САР III 1387

Магазинный (-зейн-) ПБП IX 889 1709
Магелланский (-лян-) Геогр. ген. 62
Магистерский Н. Эмин Игра судьбы 32
Магистратский ПСЗ VI 291 1721
Магнежский Бюшинг 38
Магометанство (махо-) ВЛ 251; *с. 108*
Маевый Календ. 1710 17
Маетностный САР IV 4
Мазанковый ПСЗ IX 323 1734
Майоранный (маеран-) ВЛ 397
Макание Плещеев 92—93
Макаронный Пут. Сум. 216; *с. 163*
Маклерский ПСЗ VIII 163 1729
Маковичный САР IV 18
Малахитовый САР IV 20
Малевание (-ье) ДПС V 890 1715
Малерование МАН IV 708 1741
Маловажность Трут. 1769 2
Маловатость САР IV 23
Малоимущество МАН I 172 1726
Малолетство АК VI 4 1713; *с. 90*
Маломочность САР²
Малопрозрачность Пут. Зуева 62
Малочисленность Пут. Зуева 16
Малярство Кн. сист. 26
Манежный (ср. манеж 'место для верховой езды и конных упражнений') ПСЗ XVII 526 1766
Манерный Сл. ин. сл. 196
Манжетный САР IV 29
Манительный ВЛ 388
Манность Бум. КМ IV 122
Мануфактурство Пис. Кар. 335 1822
Мараковать РЦ 320
Марание Витр. (К) 66
Марательный Чулк. ПП 28
Марганцовый ТВЭО L 315 1795
Марённый Пут. Леп. I 123
Маринерский Пут. Толст. II 138
Маркизство *с. 106*

Полигонный ДАЭ 51
Полирование ЛЦ 252
Политичество Хинск. служ. 221; *с. 112*
Политичествовать Сум. СС VI 62
Политурный ЕС 1763 III 275
Полицеймейстерский ПСЗ V 578 1718
Полициркульный Анат. Г. с. I
Полковнический ВЛ 498
Полководческий Тред. Тилем. I 202
Пологость Кугорн 18; *с. 42*
Полоскательный МАН V 781 1743; *с. 225*
Полосной ПСЗ IX 291 1734; *с. 165*
Полосовой Геннин 197
Полыновый Календ. 1710 17
Полюбовничество ЛВ II 6
Помадиться Кар. ПРП I 46
Помадный РМ 1793 II 148
Помешательный Приклады 207; *с. 224*
Помещение Эйлер ПП I 277
Помещический САР IV 420
Помоществовательный ВЛ 63
Помпный МРФ I 58 1705
Помыкание ПСЗ XII 274 1744
Понимание Эмин Фемист. 200
Понимательный ЕС 1763 II 166; *с. 221*
Поновительный Ж. Креч. 41
Понтонный (пунт-) СВИМ V 20 1708; *с. 160*
Понукание Хемн. Басни [1] II 66
Понурность Ист. Бюф. I 95
Поострительный ППВ 1795 VI 422
Поощрительный Зыб. 1768 46
Попечительство Держ. VI 113; *с. 68—69*
Попечительствовать Пут. Леп. II 24—25
Поплиновый (пап-) МАН X 374 1750
Поповщинный Пос. Зерк. 18
Поползновенность Пис. Б.-Б. II 391 1792; *с. 65*
Поправлятельный ЛВ I 566
Попрекательный ДМТ 91 1702
Попустительство Бакон 7
Попутность МРФ I 90 1705
Пороговый Шлат. Рудн. д. 292
Порочность Тред. СП II 159
Порсканье Держ. Соч. IV 272
Портняжить Пут. Леп. II 38; *с. 267—268*
Портретный ТМ [л. 11]
Портупейный МСД 87; *с. 163*
Поручительство Пос. КСБ 191; *с. 94*
Порцелиновый АК III 220 1711
Порционный Бум. Шерем. 199 1710
Порывность ЖКФ 1721 42
Порядство ПБП II 475 1703
Посвятительный Бакон 18
Посланнический ПБП VIII 189 1708; *с. 190*
Последственность Рад. Чел. II 126; *с. 72*
Пословичный ЛВ II 829
Поспешительный ПБП II 414 1702
Посреднический Приб. МВ 1783 16
Посредничество ПБП VII 540 1708
Посредственнический Десн. 1781 6
Посредственность ВЛ 420
Постановительный Кн. сист. 330
Постижность Кант. Прир. 74
Посторонность ВЛ 445; *с. 41*
Постояльство Десн. МКУ 18
Постоянность Маркиз III 28
Потачливость ПД II 289
Потемный Лом. СС I 142 1739
Потливость САР IV 1016
Потрясательный Ист. Бюф. II 307
Похабничать САР IV 1018
Похлебство АК VI 21 1713
Похотливость РГЛ 167
Поццоланный Опыт 136; *с. 165*
Почталионский (почти-, пости-) ПСЗ VI 275 1720
Почтарский МАН I 239 1729
Почтительность Бакон 15
Почтмейстерский Устр. 360; *с. 187*
Появление Арифм. Магн. 224
Поярковый ФЭ 244
Правильность ВЛ 133
Правильство Сокр. мат. III 105
Правительный 'направляющий' Мех. Штурма 11
Правительский ДР 1
Правительствование МРФ I 55 1705
Праводетельность Приб. МВ 1783 328
Прапорщический САР IV 1017
Прародительский ВЛ 625
Превосходство Прокоп. СР II 57
Превратность ЕС 1755 188
Превыспренность УС I 173
Преданность ЛВ I 163; *с. 26*
Предводительский САР I 551
Предводительствование Рад. Чел. II 61
Предельность Шишк. Расс. 54; *с. 51*
Предзнаменательный Апофеосис 29
Предзнаменовательный ЛВ I 997
Предзрительный УВ 1716 34
Предлежательный Брян. 1790 6
Предлежность Ист. Бюф. I 334
Предложительный Были и небылицы 142; *с. 223*
Предметный ЕС 1763 I 74
Предназначение Корифей I 177
Предначертание Тред. Тилем. I с. V
Предоберегательство Прокоп. О мире л. 3

Пронянчиться САР IV 581
Пропечатание Рад. ПСС III 18
Пропечение Сл. пов. VI 301
Проплавление ПСЗ XXII 519 1786; с. *141*
Проповеднический ВЛ 477
Пропорциональность САР IV 1089
Пропорционный Навиг. (Б) 449
Проразность Тред. Тилем. I с. XXXVI
Прорезательный Геом. 1709 63
Проректорство ЛВ I 1246
Прорицательный ЕОЛ 24
Прорицательство СК 8
Пророчить Петров 231
Просвердливание Наст. хир. 97
Просрочение Эмин Фемист. 61; с. *137*
Простолюдинство Пос. Зерк. 26
Просторность РГЛ 176
Простотный Пос. КСБ 137; с. *177*
Простуживание ЕС 1763 IV 369
Протекторство Рад. Чел. III 109
Протестантский Вед. I 1703 12
Противительный Лом. РГ 205
Противнический САР IV 1098
Противоположность (-ву-) ПД II 188
Противотяглость УС III 201
Проткнутие Сл. пов. IV 174
Протоинквизиторский ПСЗ VII 43 1723
Протоколистский Псков. а. 297
Протокольный ГР 19
Протопопство ЛВ I 197
Протягательный Тат. Ист. I 181; с. *233*
Протяглость Геогр. ген. 117
Протяженность МЖ VII 322
Протяжность АК VII 79 1713
Профессорский ПСЗ VI 385 1721
Профессорство МАН VIII 478 1747; с. *104*
Профильный ЛВ II 812
Профосский САР IV 1101
Профосство ЛВ I 797
Прохватывание Сл. пов. VI 298; с. *128*
Прохладность Жив. 105
Прохлаждательный ЛВ II 905
Процентный ПСЗ XIV 377 1754
Прочность АК II 160 1725
Прутковый САР IV 1134
Прысканье ТВЭО L 99
Пряжечный САР IV 1148
Прямовидность Держ. Соч. II 164
Птичищный САР IV 1169
Публикование АК I 286 1705—1710
Публичный Пут. Толст. II 21
Пугательный Пис. Ек. II XVII 649 1791
Пуговочный САР IV 1173
Пудрение Откр. худ. III 286
Пудрить ВЛ 479
Пудриться Ит. ком. 182
Пужливость ВЛ 536
Пузырьковый ПЭ III 74
Пуканье САР IV 1177
Пулечный ПБП III 11 1702; с. *150*
Пульсовый Приб. МВ 1783 110
Пунктирный МАН X 15 1749
Пунктирование Тат. Разг. 84; с. *132*
Пунктуальность Ян.
Пуншевый Коз. Расс. 248
Пупочный (-шн-) Анат. Г. с. XXXV
Пурпурный Приб. МВ 1783 19
Пурпуровый Алярд 8
Пуссирование ПСЗ XV 320 1759
Пустомелить САР IV 89
Пустость Прим. Вед. 1730 330; с. *74*
Пустыннический Эмин Ернест 189; с. *193*
Путевой ПСЗ XVI 222 1763
Пухлость Кн. земл. л. 136; с. *46*
Пушкарный АК I 71 1727
Пылкость Муратори I 230; с. *25*
Пырейный САР IV 1234
Пышность Мн. миров 25

Раболепство Оказ. миру 23
Раболепствовать Александр 173
Работливость Рад. Влад. 111
Равелиновый (реве-) Побежд. кр. 45
Равнительный Геогр. 1710 5
Равномерность Арифм. Магн. 213
Равномерство Кн. сист. 351
Равносторонность Корифей I 154; с. *22*, *51*
Радивость САР V 27
Радушный Зрит. I 23
Ражение Петров 208
Ражесть САР V 52
Разбалтывание САР I 277
Разбирательство МЗК XIV 22; с. *87*
Разбогащение Поп. Немой 159
Разбойничанье САР I 209
Разбойничать Апофегм. 30
Разборчивость Лук. Мот I 77
Развертывание Аничк. 1783 21
Разветрение Пут. Леп. I 345
Развеянье Тред. Тилем. I 175
Развратительный Кант. Прир. 73; с. *222*
Развратничать САР I 912
Развращенность Приб. МВ 1783 6; с. *26*
Развязывание Зап. Бол. I 631
Разгласность Бакон 65
Разгнутие Тред. Тилем. I 84
Разговенье (роз-) Осип. Енеида IV 65
Разговорчивость СК 162

Спекуляторский (-ла-) Пуф. Ист. 1718 273
Спесивость САР V 668
Специонный ПСЗ XVIII 947 1769; *с. 203*
Спиртоватость Слов. пов. V 290
Сплавливание Прим. Вед. 1729 136
Спокойность Тат. Разг. 77
Спондиевый Тред. Тилем. I с. XXXVI
Споследовательный Пуф. ДЧ 9
Способительный ВЛ 74
Способствование АК II 96 1714
Спотыкание Соверш. кучер 164 об.
Справедный ПБП VI 227 1707
Сразительный Тред. Тилем. I с. XXXII
Срастывание Минер. Северг. I 96; *с. 127*
Средственность УС II 77
Срезывание ЕС 1763 IV 329
Срисовывание Зап. Бол. IV 96
Сродность Пут. Леп. I 326
Ссижение ПСЗ XVII 205 1765
Ссорливость САР V 691
Ставлепический САР V 807
Станковый САР V 776
Старательность САР V 702
Старательный Кант. Прир. 21; *с. 228*
Старостинский САР V 706
Старостский ВЛ 563
Старшинский Пут. Леп. II 52
Статуйный ЛВ II 1032
Стволовой Арт. Брауна 23
Стеклование Рад. Чел. II 163
Стекольный Коз. Расс. 187
Стельность ПСЗ XVI 517 1764
Стемневание ПСЗ XXII 295 1785
Степенность ЗС II 53; *с. 57*
Степенство Маркиз V 123; *с. 57*
Стихотворский Прокоп. День Ек. 6
Стихотворствовать Приб. МВ 1784 170
Стихотворческий Мн. миров 59
Столкновение ВЗ III 41; *с. 134*
Столярничать САР V 745
Стопный Анат. Г. с. XXIV
Сторожить Рад. ПСС III 268; *с. 255*
Страховой СПб. в. 1750 386
Страшилищный Кн. сист. 75
Стрекательный Рад. Пут. 302
Стремительность Бакон 70
Стремливость Богд. 43
Стремнинный САР V 874
Стропильный Шлат. Рудн. д. 276
Струение ММ II 94
Струйный Тред. Тилем. I 160
Стручечный Сл. бот. 1781 I 118
Стручковый Прим. Вед. 1733 6
Стряпчество Норд.
Студентский (шту-, студенск-) ВЛ 619
Стульный Кн. расх. 1710 л. 34 об.
Стучание Вост. СМ I 32
Стыдливость ВЛ 528
Стягивательный ЭМ I 301
Сугробный САР II 338
Судорожный Прим. Вед. 1730 351
Судьбинный Тред. Тилем. I 78; *с. 177—178*
Суеверность ЛВ I 258
Суеверство МАН I 465 1729
Суесловство ЛВ I 260
Суетливость Норд.
Суетность Бол. Пам. кн. 318
Сульфурный Геогр. ген. 82
Сумасбродить ВЛ 3; *с. 276*
Сумасбродничать СД II 102—103; *с. 276*
Сумасбродствовать Норд.; *с. 276*
Сумашедство Эмин Фемист. 305
Сумбурный САР V 966
Супный ЛВ I 157
Суповый Норд.
Супружеский Артикул 131
Сургучный Трут. 1769 45
Суриозность Ян.
Сурмление Тред. Тилем. I 62
Суточный Норд.
Сухощавость Л 1762
Существенность Эйлер ПП II 193
Существительность Зерц. безб. л. 743; *с. 51*
Существование Рад. Уш. 91
Сущность Тред. СП II 257
Сферичность МАН I 8 1727
Сферовидность Арифм. Магн. 224
Схимнический САР V 1000
Сходность Ордина 210; *с. 71*
Сходственность ПСЗ XIV 587 1756; *с. 71*
Схожничество Чист. 485
Сцептичество Бакон 86
Счетанность Тред. Феопт. 311
Сшивание Наст. хир. 966
Сывороточный Пут. Леп. I 374
Сыканье (-ие) Прим. Вед. 1734 59
Сырковый Зуев Сиб. 71; *с. 181*
Сюртучный (сертушн-) Осип. Енеида III 67

Табакерочный Лук. Щепет. 233
Табличный Блэкстон 13
Таваненье ('табаненье') САР VI 5
Таврить ФЭ 224
Таканье Дашк. Послан. 21
Такать ЕОЛ 119
Таксисовый ЖКФ 1712 62
Тальковый Пут. Зуева 269
Тамбурный ПД I 23
Тананакание Зап. Бол. I 200

Уволение ПУЗП 521 1723
Уволительный МАН II 16 1731
Увольнение ГР 15; *с. 120*
Увольнительный Ж. Анненк. 795
Увядание Кар. Соч. 1803 VII 126
Угащивание Зап. Бол. I 633
Углубление Маркиз V 16; *с. 120*
Угнетание Прим. Вед. 1729 347
Угодливость О ласкательстве 2
Угодничать Гейм III 277
Угорный Пут. Леп. I 390
Угостительный ЛВ II 112
Угрожательный ЛВ I 486
Угрозительный ЖПВ II 728 1720
Угрюмость ВЛ 705; *с. 26*
Удаленность УС II 265
Удвоительный АК VIII 289 1776
Удобопонятность Зап. Бол. I 107
Удобрительный ЭМ IX 60
Удовлетворение Прокоп. Полт. л. 5 об.
Удовлетворительный Пис. Кант. 285 1743
Удовольствительный Пис. Кант. 274 1742
Удостоверение Кант. Рел. I 83
Удостоверительность УС I 187
Удостоверительный Зап. Шах. 151
Удостоение Зап. Пор. 528; *с. 83*
Удостоинство Бум. КМ IV 89 1735; *с. 83*
Удручительный Рад. Пут. 387
Ужаривание Сл. пов. V 50
Ужасность АК II 425 1723
Ужи́нный ПСЗ IX 53 1733
Узаконительный ЛВ I 329
Узкогорлость (уско-) Пут. Леп. III 3
Узорочность Эйлер ПП II 4
Уклончивость Трут. 1769 61
Укреплятельный ЭМ IX 107
Укромность САР III 965
Укромонство Тред. Тилем. I 25
Укротительный ПСЗ XVIII 203 1767; *с. 224*
Укрывательство ДПС I 176 1711; *с. 86—87*
Укрытие ДПС II/2 254 1712
Улежалость Сл. пов. V 286
Улежание Зап. Бол. II 673
Улитковый Геом. 1709 19; *с. 182*
Улиточный Виньола 19; *с. 182*
Улучшивание ТВЭО L 195
Улыбание Держ. Соч. II 177
Улыбательный Были и небылицы 83; *с. 233*
Ульмовый ЛВ II 535
Умеблирование Изм. Евг. II 71
Уменьшительный Лом. ОМ 128
Умерлость Наст. хир. 976
Умилительный СПб. в. 1719 7; *с. 221*
Умильность ЕОЛ 109
Умничанье Лук. Соч. II 25; *с. 115*
Умничать Кант. II Соч. 360
Умножительный ПБП III 79 1704
Умозрение Аничк. 1783 21
Умозрител(ь)ство Кн. сист. 1 [предисл.]; *с. 110*
Умощение Маркиз V 6
Умствовательный Кн. сист. 293
Умудрение Блэкстон 88
Унавожение Рад. Влад. 116
Унавоживание Пут. Леп. I 141
Унизительный Лом. РГ 98
Уничтожательный ЛВ I 653
Уничтожительный АК III 284 1710
Упоровление Коз. ФП 196
Уплождение Рад. ПСС III 209
Уполномочение ПСЗ XXV 189 1798
Упорствовать ЛП 350
Управительский ПСЗ XI 505 1741; *с. 186, 189*
Упрекание Коз. ФП 225
Упругость Вольф. физ. (Лом.) 22
Упружность СПб. вестн. VI 185
Упрямость Маркиз II 12
Упрямствовать ВЛ 412
Упущение Бум. КМ I 96 1731; *с. 117*
Уравненность Рад. Чел. III 111
Уродливость САР V 52
Уродование Рад. ПСС III 192
Урчание Лом. СС I 358
Урчать Петров 218
Усердность ПБП IV 796 1706; *с. 58—59*
Усердствование Эмин Фемист. 3
Усильность Геогр. ген. 325
Усладительный ВЛ 382
Условный Лом. РГ 205
Услужливость Кандид 103; *с. 39*
Усматривание Эйлер ПП II 74
Усмирятельный ЭМ IX 107
Успешность ЗС I 252
Усталость РЦ 486
Устерцовый (-сов-) Прим. Вед. 1738 293; *с. 181*
Устрашительный АК IV 318 1711
Устремительность Бакон 206
Уступчивость Приб. МВ 1783 340
Усумнительный Пуф. Ист. 1718 15; *с. 221*
Усыпительный ЛВ II 458; *с. 220, 230*
Усыплятельный ЭМ IX 278; *с. 230*
Утесный ВЛ 227
Утлость Рад. Чел. II 42
Утомительный МЖ VI 77
Утопский ПЖ 1790 III 1583
Утучнительный Рад. Влад. 175
Утюжить ВЛ 104
Ученический ВЛ 372
Ученость ЕС 1763 V 453

Училищный МАН III 595 1738
Учительствовать Тред. Тилем. I с. II
Ущипливость БГ III 248; *с. 50*
Уютность Пут. Леп. I 139
Уютный Пут. Леп. I 139

Фазанный ЛВ I 967
Факторский СПб. в. 1750 611
Факторство Пут. Бел. 99; *с. 95*
Фалернский Сум. СС VII 179
Фалерный Сум. СС VII 179
Фал(ь)шивость АК III 20 1706; *с. 18*, *55—56*
Фальшивство ПБП II 687 1703; *с. 55—56*
Фамилиарство Ж. Зин. 418
Фамильный Геогр. 1719 213
Фанзовый Краш. ОЗК II 136
Фанфаронство Долгор. 243
Фартучный ЭМ XVI 389
Фасовый Побежд. кр. 51
Фасонный (фасонно) Сум. СС VI 76
Фашинный ПБП II 109 1702
Фашиновый Пут. Зуева 101
Фаянсовый ЛК 55
Фейерверкский ЛВ II 899
Фейерверочный ПСЗ XVI 97 1762
Фельдшерский (фельшер-) Прим. Вед. 1741 62
Фельдшпатовый Пут. Зуева 269
Фениксовый САР VI 483
Фенхельный (ср. фенхель 'укроп') Сл. пов. V 24
Фессалийский МЖ I 84
Фессальский Петров 74
Фехтование СПб. в. 1741 151
Фивейский Держ. Соч. II 211
Фиглярский ЭМ I 308
Фиглярство Прим. Вед. 1732 142; *с. 102*
Фиглярствовать Норд.
Фиговый Кн. мир. 56
Фигурность ММ III 45; *с. 17*, *51*
Филейный ПТ 1784 II 198
Философствование Вольф. физ. (Лом.) 2
Фиолевый ЛВ I 524
Фиольный ФЭ 308
Фискальный ПСЗ VI 208 1720
Фискальский ДПС III/1 228 1713
Фисташечный Сл. пов. IV 60
Фистшаковый Сл. 1763 44
Фишбейный (фиж-) Труд. пч. 544
Флагманский МГО I 79
Фланелевый Кар. ПРП III 220
Фланельный Приб. МВ 1783 319
Фланковый Побежд. кр. 54
Флеровый ДПС VI/1 553 1716
Флецовый Шлат. Рудн. д. 10
Флоретный ВЛ 574
Флюгерный (-гор-) Алярд 208
Флюсование ПСЗ XXI 776 1782
Фонтанный ПБП IV 263 1706; *с. 163*
Форейторский Ж. Анненк. 697
Формирование Откр. худ. III 169; *с. 133*
Формулярный ЛВ II 1028
Фортификацейный Жал. Шил. 33
Фортификационный (форто-) ПСЗ VIII 580 1731; *с. 201*
Фортификование Кугорн [заглавие]
Фрактурный ЛВ I 360
Фрахтенный ПСЗ V 88 1712
Фрахтный ПСЗ XVIII 545 1768; *с. 160*
Фрахтовый ВЛ 537
Фрегатный ПБП I 136 1697; *с. 164*
Фрейлинский АК VIII 155 1775
Фригийский Апофеосис 22
Фруктовый АК I 155 1706
Фузелерный ПСЗ XXII 472 1785; *с. 195*
Фузелерский СПб. в. 1750 589
Фундационный ПСЗ XVIII 454 1768; *с. 207*
Фуражирование ПСЗ V 101 1714; *с. 132*
Фуражный ПСЗ VII 107 1723
Фурмовый Геннин 142
Фурьерский ДПС V/2 771 1715
Футовый ВЛ 561
Фыркание САР VI 498

Хабарный САР VI 499
Ханжество ПСЗ XX 212 1775
Ханжить ВЛ 550
Ханство СРХБ 373 1722
Хаосный Хераск. Тв. III 51
Хариузовый Краш. ОЗК I 76
Харканье ВЛ 503
Харчевать ВЛ 111
Харчевничать ЛЦ 45
Харчевнический Кн. экс. 24
Харчить ВЛ 674
Харчиться САР VI 505—506
Хвастливость САР VI 512
Хвастовство Прим. Вед. 1728 45
Хвастунство Пуф. ДЧ 121
Хватский Держ. III 265 1787; *с. 194*
Хворостинный Пос. КСБ 277
Хворостный ВЛ 600
Хворостовый РЦ 557
Хижение Пут. Леп. I 240
Хитрование Тред. Тилем. I 142
Хищничать САР VI 357
Хищность ВЛ 134
Хладнокровность (холод-) ЗС II 12
Хламость САР VI 548

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И СОКРАЩЕНИЙ [1]

Абеляр — [Абеляр П. и Элоиза]. Собрание писем Абельярда и Элоизы, с присовокуплением описания жизни сих нещастных любовников. Перев. с фр. Александр Дмитриев. М., 1783.

Абл. Ск. — Сказки Александра Аблесимова. СПб., 1769.

АБП — Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом [1672—1724]. Т. I—II. М., 1872.

АВ — Архив кн. Воронцова. Кн. I—XL. М., 1870—1897.

Агапит — [Агапит]. Изложение глав или статей увещательных греческому императору Иустиниану. . . Перев. с еллиногр. яз. . . . С. Писаревым. СПб., 1771.

Ад. — Полный немецко-российской лексикон, из большого грамматикально-критического словаря г. Аделунга составленный. . . Ч. I—II. СПб., 1798.

Адел. — [Кошуа Б. Аделейда]. Африканская повесть. Перев. с фр. на рос. яз. [С. Перфильевым]. СПб., 1761.

АДТ — Архив Дирекции имп. театров (1746—1801). Вып. I, отд. 2 [Документы]. СПб., 1892.

АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. I—V. СПб., 1841—1842.

АК — Архив кн. Ф. А. Куракина. Изд. под ред. М. И. Семевского. Кн. I—X. СПб., 1890—1902.

Александр — История о Александре российском дворянине. — Сип.

Алярд — Новое галанское карабельное строение. . . вместе, снесено чрез Карлуса Алярда. М., 1709.

Анат. Г. — Лаврентия Гейстера. . . Сокращенная анатомиа. . . Перев. с лат. яз. на рос. . . .Мартином Шеиным. Т. [1]—2. [Реестр 2]. СПб., 1757.

Анекд. пошех. — Анекдоты древних пошехонцев. Соч. Василья Березайского. СПб., 1798.

Аничк. 1769 — Рассуждение из натуральной богословии о начале и происшествии натуральнаго богопочитания, которое. . . предлагает. . . Дмитрей Аничков 1769 г. [М., 1769].

Аничк. 1770 — Слово о свойствах познания человеческаго. . ., говоренное Дмитрием Аничковым июня 30 дня 1770 г. [М., 1770].

---

[1] При датировке слова или цитаты предусмотрено два случая: 1) дата входит в сокращение источника (напр.: Аничк. 1763 12); 2) дата указывается факультативно, если ее по списку источников установить трудно; при этом дата ставится после цифры, обозначающей номер страницы (напр.: ПСЗ XXII 323 1784). Части и тома изданий обозначены римскими цифрами во всех случаях, когда они входят в шифр источника.

Аничк. 1779 — Слово о превратных понятиях человеческих, происходящих от излишняго упования, возлагаемаго на чувства. . ., говоренное. . . Дмитрием Аничковым. [М., 1779].
Аничк. 1783 — Слово о разных способах, теснейший союз души с телом изъясняющих. . . говоренное. . . апр. 22 дня, 1783 г. . . . Дмитрием Аничковым. М., 1783.
Антон. — [А. А. Прокопович-Антонский]. Слово о начале и успехах наук, и в особенности естественной истории. . . говоренное. . . Антоном Антонским. М., 1791.
Аониды — Аониды, или Собрание разных новых стихотворений. Кн. I—III. М., 1796—[1799].
Аполлодор — Аполлодора грамматика афинеиского библиотеки или о богах. М., 1725.
Апофегм. — Апоффегмата то есть кратких, витиеватых и нравоучителных речей книги три. . . Перев. с полск. на слав. яз. СПб., 1716.
Апофеосис — Политиколепная апофеосис. М., 1709.
Апулей — Луция Апулея. . . Превращение, или Золотой осел. Перев. с лат. . . .Ермил Костров. Ч. I—II. М., 1780—1781.
Арг. — Аргенида повесть героическая соч. Иоанном Барклием, а с лат. на славенорос. перев. . . . от Василья Тредиаковского. Т. I—II. СПб., 1751.
Арист. — Рассуждения Аристотелевы о добродетелях и пороках. Перев. с лат. яз. на рос. М. А. СПб., 1787.
Арифм. Магн. — Арифметика, сиречь наука числителная. . . Леонтиа Магницкаго. М., 1703.
Арт. Брауна — Новейшее основание и практика артилерии Ернеста Брауна. [Перев. с нем.]. М., 1709.
Арт. Бринка — Описание артилерии. . . Чрез Тимофеа Бринка. . . Ныне новопреведеся с галанскаго яз. на слав. М., 1710.
Арт. Бухн. — Учение и практика артилерии. . . Изъяснено. . . артилерии порутчиком, Иоганном Зигмунтом Бухнером. М., 1711.
Артикул — Артикул воинскии купно с процесом надлежащии судящим. СПб., 1715.
Арханг. былины — Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901. Т. III. Мезень. СПб., 1910.
Арханг. лет. — Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец). М., 1950.
Арх. бр. Тург. — Архив братьев Тургеневых. Вып. 2-й. Письма и дневник Александра Ивановича Тургенева геттингенского периода (1802—1804 гг.). СПб., 1911.
Архилабон — Гистория королевича Архилабона. — Сип.
Архит. Штурма — Архитектура воинская гипотетическая. . . От публичного проф. Штурма. [Перев. с нем.]. М., 1709.
Арх. Строева — Архив П. М. Строева. Т. I. — РИБ, т. 32. Пгр., 1915.
АТ — Аналогические таблицы. Ч. 1—5. СПб., 1784—1787.
Афон. — Слово о пользе, знании, собирании и разположении чернозему. . ., говоренное. . . Матвеем Афониным. Апреля 22 дня 1771 г. [М., 1771].
Афон. гора — Афонская гора и Соловецкий монастырь. Труды чудовского иеродиакона Дамаскина (1701—1706). Сообщил архим. Леонид. Изд. ОЛДП. СПб., 1883.
Бажен. — В. И. Баженов. Документы постройки в Царицыне и Кремле. Архитектурный архив. Кн. I. М., 1946.
Бакон — [А. Делер]. Сокращение философии канцлера Франциска Бакона. Перев. В. Тредиаковским. Т. I. СПб., 1760. — В кн.: [Д. Маллет]. Житие канцлера Франциска Бакона. [М.], 1760.
Бароний — Деяния церковная и гражданская. . . Из летописаний Кесаря Barония собранная. Перев. с полск. яз. на слав. . . . М., 1719.
Барс. Посл. — А. А. Барсов. Собрание 4291 древних российских пословиц. М., 1770.

Барс. Речи — Собрание речей, говоренных. . . Антоном Барсовым. М., 1788.
БВ — Булавинское восстание (1707—1708 г.). [Документы. 1703—1709]. — Труды историко-археографического ин-та АН СССР. Т. 12. М., 1935.
БГ — Беседующий гражданин ежемесячное издание. . . Ч. I—III. СПб., 1789.
Безбожн. — Безбожный, трагедия в пяти действиях г. Браве. Перев. с нем. [И. П. Елагиным]. СПб., 1771.
Бекл. — Подлинное известие о славнейшей крепости называемой Склонность. . . Изд. Георгием Андреасом Беклером. . . СПб., 1765.
Беландра *[2] — Верная Беландра. Рук. БАН 16.9.3, XVIII в.
Блэкстон — [У. Б л э к с т о н]. Истолкования аглинских законов г. Блакстона. . . С подлинника аглинскаго. [Перев. С. Е. Десницкий при участии А. М. Брянцева]. Кн. I. М., 1780.
Бобр. Тавр. — Таврида. . . Лирико-эпическое песнотворение соч. капитаном Семеном Бобровым. Николаев, 1798.
Бобр. Херс. — Херсонида. Лирико-эпическое песнотворение. Вновь исправленное и умноженное. Соч. Семена Боброва. СПб., 1804.
Богд. — И. Ф. Б о г д а н о в и ч. Душенька. Древняя повесть, в вольных стихах. 3-е изд. М., 1799.
Болд. мон. — Болдин Дорогобужский монастырь. Книги приходные. — РИБ, т. 37. Л., 1924.
Бол. Пам. кн.* — А. Т. Б о л о т о в. Памятная книжка или собрание различных нравоучительных правил. 1761 г. Рук. БАН. Собрание текущих поступлений, № 1132.
Борн СМ — И. М. Б о р н. На смерть Радищева. — СМ I.
Брикм. — Сочинение о драгоценных камнях. . . У. Ф. Б. Брикмана. . . Перевод. . . Василья Беспалова. СПб., 1779.
Брян. 1790 — Слово о связи вещей во вселенной. . ., говоренное. . . июня 30 дня 1790 г. . . . Андреем Брянцевым. М., 1790.
Брян. 1799 — Слово о всеобщих и главных законах природы. . . июня 30 дня 1799 г. говоренное. . . Андреем Брянцевым. [М., 1799].
Буж. Ап. Андрей — Гавриил [Б у ж и н с к и й]. Слово на память св. первозванного апостола Андрея. СПб., 1720.
Буж. Гангут — [Гавриил Б у ж и н с к и й]. Слово о победе, полученной у Ангута. . . Проповедано бысть сие слово обер иеромонахом Гавриилом. . . СПб., 1720.
Буж. Нотенб. — [Гавриил Б у ж и н с к и й]. Слово о взятии Нотенбурха. . . Проповедася обер иеромонахом Гавриилом. . . СПб., 1721.
Буж. Похвала — Слово в похвалу Санктпетербурга и его основателя государя имп. Петра Великого, говоренное. . . Гавриилом Бужинским. . . СПб., 1717.
Бум. КМ — Бумаги кабинета министров имп. Анны Иоанновны 1731—1740 гг. Собр. и изд. под ред. А. Н. Филиппова. Т. 1—6. — Сб. РИО, т. 104, 106, 108, 111, 114, 117. Юрьев, 1898—1904.
Бум. Шерем. — Переписка и бумаги графа Бориса Петровича Шереметева. 1704—1722. СПб., 1879.
Были и небылицы — Были и небылицы. 1783 г. — Сочинения Екатерины II. Т. V. СПб., 1903.
Былины — Русские былины старой и новой записи. М., 1894.
Бюшинг — А. Ф. Бишинга Руководство к основательному и полезному познанию географического и политического состояния европейских государств и республик. Перев. с нем. Алексеем Разумновым. СПб., 1763.
Вад. ск. — Вадины сказки. . . Соч. г. Волтера. Перев. с фр. М. П[опов]. СПб., 1771.

---

[2] Звездочкой обозначены источники картотеки ДРС (Институт русского языка АН СССР, Москва).

В. арх. Б. Палех.* — Вотчинный архив Бутурлиных. Палех. Хранится в Ивановск. обл. архиве, г. Иваново-Вознесенск. 1708—1795 гг.

Вас. Кор. — История о российском матросе Василии Кориотском и о прекрасной королевне Ираклии Флоренской земли. — Сип.

ВЕ — Вестник Европы. Ч. I—V. СПб., 1802.

Вед. — Ведомости времени Петра Великого [1703—1719]. Вып. I—II. М., 1903—1906.

Вен. 1767 — Слово о свойствах и пользе растений. . ., говоренное. . . Петром Вениаминовым. Апр. 23 дня 1767 г. [М., 1767].

Вен. 1769 — Слово о постах, . . . говоренное. . . Петром Вениаминовым апр. 23 дня, 1769 г. М., 1769.

Веревк. — [М. И. В е р е в к и н]. Именинники. РФ, ч. XXI, 1788.

Вертер — [И. В. Г е т е]. Страсти молодаго Вертера. . . Перев. с нем. [Ф. Галченковым]. Ч. 1—2. СПб., 1781.

Вертопр. — [Б. Е. Е л ь ч а н и н о в]. Наказанная вертопрашка, комедия, в одном действии. СПб., 1767.

Вес. Мел.* — Веселый и шутливый Меландр, повествующий короткие, но приятные анекдоты. Перев. с лат. Ч. I—II. М., 1789.

ВЗ — Вечерняя заря. . . Ч. I—III. М., 1782.

Виен — Диссертация о влиянии анатомии в скулптуру и живопись. . . Соч. Ивана Виена. СПб., 1789.

Вин. РВ — И. И. В и н о г р а д о в. — РВ.

Виньола — Правило о пяти чинах архитектуры Якова Бароция де Вигнола. (Экз. БАН). М., 1709.

Витр. (Б.) — Марка Витрувия Поллиона об архитектуре. . . С примеч. . . . г. Перо. С фр. перев. В. Баженова. Кн. 1—5. СПб., 1790—1794.

Витр. (К.) — [К. П е р р о]. Сокращенный Витрувий, или Совершенный архитектор. Перев. Федора Каржавина. М., 1789.

В. Каин — Обстоятельное и верное описание добрых и злых дел российского мошенника. . . Ваньки Каина. . ., сочиненное М[атвеем] К[омаровым]. В Москве 1775 года. СПб., 1779.

ВЛ — [Э. В е й с м а н]. Немецко-латинский и русский лексикон. . . СПб., 1731.

ВЛ² — Вейсманнов немецкий лексикон с латинским, преложенный на российской язык, при втором сем издании вновь пересмотренный и против прежняго в разсуждении лат. и росс. языков знатно приумноженный. [Перевели на рус. яз. И. И. Ильинский, М. П. Сатаров и И. С. Горлицкий]. СПб., 1782.

Влх. Словарь — Γερασίμου Βλάχου Θησαυρός, τετράγλοσσος μετά τῆς τῶν ’επὶθεῖων ’εκλογῆς. . . Venetiis, 1658. С рукописным переводом Сильвестра Медведева. (Рукопись Н. П. Попова). Сп. к. XVII в.

ВНП — А. И. С о б о л е в с к и й. Великорусские народные песни. Т. III. СПб., 1897.

Водохожд. — Книга о способах, творящих водохождение рек свободное. М., 1708.

Волк. — Ф. Г. Волков и русский театр его времени. [Публикация документов. 1744—1763]. М., 1953.

Вольф. физ. (Лом.) — Волфианская експериментальная физика с нем. подлинника на лат. яз. сокращенная. С котораго на рос. яз. перевел Михайло Ломоносов. . . СПб., 1746.

Восп. дет. — [Ж. Б. М. Б е л ь г а р д]. Совершенное воспитание детей. . . изд. от абата Белегарда. А с фр. на рос. яз. перев. Сергей Волчков. СПб., 1747.

Вост. Лир. — Опыты лирические и другие мелкие сочинения в стихах А. Востокова. Ч. I—II. СПб., 1805—1806.

Вост. СМ I — А. В о с т о к о в — СМ I.

Врач. прав. — Наставления и правила врачебныя для деревенских жителей. . . Слово. . ., говоренное. . . Иоанном Христианом Керстенсом. М., 1769.

ВТС — Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета. 1726—1730. Изд. под ред. Н. Ф. Дубровина. Ч. I—VIII. — Сб. РИО, т. 55, 56, 63, 69, 79, 84, 94, 101. СПб., 1886—1898.

Выбор — Выбор по разуму, комедия в трех действиях. СПб., 1773.

Вязем. Стар. зап. кн. — Полное собрание сочинений князя П. А. Вяземского. Т. VIII. СПб., 1883.

Гейм — Новый российско-французско-немецкий словарь, сочиненный по Словарю Российской Академии Иваном Геймом. Т. I—III. М., 1799—1802.

Генкель — Руководство к хемическому рудословию. Сочинение И. Ф. Генкеля. . . Переведено с нем. А. Гладким. . . СПб., 1775.

Геннин — В. де-Геннин. Описание Уральских и Сибирских заводов [1735 г.]. М., 1937.

Геогр. 1710 — Географиа или краткое земнаго круга описание. М., 1710.

Геогр. 1719 — [И. Гюбнер]. Земноводнаго круга краткое описание из старыя и новыя географии. . . Чрез Ягана Гибнера собраное. М., 1719.

Геогр. ген. — Географиа генералная. . . Перев. с лат. яз. на рос. М., 1718.

Геогр. полит. — [И. М. Греч и С. Ф. Наковальнин]. Политическая география. . . Ч. I—IV. СПб., 1758—1772.

Геогр. Тат. — В. Н. Татищев. Общее географическое описание всея Сибири 1763 г. — Избранные труды по географии России. М., 1950.

Геом. 1709 — Приемы циркуля и линеики или избраннеишое начало во математических искуствах. М., 1709.

Геом. Назар. — Практическая геометрия соч. . . . Степаном Назаровым. Ч. I—II. СПб., 1760—1761.

Гергард — Опыт повести о царстве ископаемых К. А. Гергарда. . . Перев. с нем. Е. Б. Д. М. Ч. I. СПб., 1790.

Гесн. Идил. — Идиллии и пастушьи поемы г. Геснера. Перев. с подлинника В. Левшиным. М., 1787.

Гист. доф.* — Гистория дофинская о турецком принце Зизимии. Рукопись Смоленского гос. пед. ин-та № 105/47—23/Б к. XVIII в.

Гномол. — Гномологик, или Собранные из разных творцов мнения Хрисолоровы. . . Перев. с эллиногр. яз. . . . С. Писаревым. М., 1767.

Голиц. Соч. — Сочинения и переводы кн. А. И. Голицына в трех частях. М., 1800.

ГР — Его царского величества генералный регламент или устав. По которому государственные коллегии. . . поступать имеют. СПб., 1720.

Гр. Дв. — Грамоты Двинского уезда XVII—XVIII в. — Сб. грамот Коллегии Экономии. Т. II. [1649—1748]. Л., 1929.

М. Грек. Неизд. — Неизданные сочинения Максима Грека по рукописи б. Румянц. музея, № 264, XVI в.

Гр. Кольск. — Грамоты Кольского уезда XVI—XVIII в. Сб. грамот Коллегии Экономии. Т. II. [1556—1748]. Л., 1929.

Гр. крест.* — Памятники истории крестьян XIV—XIX в. Под ред. А. Э. Вормса, Ю. В. Готье, А. А. Кизеветтера, А. И. Яковлева. М., 1910.

ГС 1714 — Генералные сигналы надзираемые во флоте. . . . Напечатаны. . . на рос. и галанском яз. СПб., 1714.

Гулливер — [Дж. Свифт]. Путешествий Гулливеровых кн. первая. . ., перев. с фр. яз. на рос. Ерофеем Коржавиным. СПб., 1772.

ДАИ — Дополнения к актам историческим, собранные и изд. Археографическою комиссиею. Т. I—XII. СПб., 1846—1872.

Даль Слов. — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I—IV. М., 1863—1865.

Дамск. Любоп. сл. — [К. Я. Дамский]. Любопытный словарь, удивительных естеств и свойств животных. Собрано из разных записок, древних и новых путешествователей К. Я. Д. . . . СПб., 1795.

Дашк. Англ. пут. — Е. Р. Дашкова. Путешествие одной Российской знатной госпожи, по некоторым Аглинским провинциям. — Опыт трудов Вольного Российского собрания. . . Ч. 2. М., 1775.
Дашк. Послан. — Е. Р. Дашкова. Послание к слову так. — Собеседник любителей российского слова. . . Ч. I. СПб., 1783.
ДАЭ — Должность Архитектурной экспедиции [1737]. — Архитектурный архив, кн. 1. М., 1946.
Действ. чел. — Картина действий человеческих, мысли свободных часов. Перел. с фр. яз. [Петром Чижовым]. СПб., 1786.
Д. Феод. — Подлинное дело Новгородского епископа Феодосия. 1725 г. — РА, 1864.
Держ. — Сочинения Державина с объяснительными примеч. Я. Грота. 2-е изд. Т. I—VII. СПб., 1868—1878.
Держ. Соч. — Сочинения Г. Р. Державина. Ч. I—IV. СПб., 1808; ч. V. СПб., 1816.
Держ. Ст. (БП) — [Г. Р.] Державин. Стихотворения. Б-ка поэта. Большая серия. Л., 1933.
Держ. Ч. оды — Г. Р. Державин. Оды переведенные и сочиненные при горе Читалагае 1774 г. СПб., 1776.
Десн. 1768 — Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции. . ., говоренное. . . Семеном Десницким. Июня 30 дня, 1768 г. М., 1768.
Десн. 1770 — Слово о причинах смертных казней по делам криминальным. . ., говоренное. . . Семеном Десницким апр. 22 дня, 1770 г. М., 1770.
Десн. 1772 — Юридическое рассуждение о вещах священных. . ., говоренное С. Десницким. М., 1772.
Десн. 1775 — Юридическое рассуждение о начале и происхождении супружества. . ., говоренное. . . июня 30 дня 1775 г. . . . Семеном Десницким. М., 1775.
Десн. 1778 — Юридическое рассуждение о пользе знания отечественнаго законоискусства. . ., говоренное. . . апр. 22 дня 1778 г. . . . Семеном Десницким. М., 1778.
Десн. 1781 — Юридическое рассуждение о разных понятиях, какия имеют народы о собственности имения в различных состояниях общежительства. . ., говоренное. . . 1781 г. . . . Семеном Десницким. М., [1881].
Десн. МКУ — Материалы для комиссии об Уложении. 1768. По публ. А. Успенского «Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи. Соч. С. Е. Десницкого». — Зап. Имп. АН, 8 серия по ист.-фил. отд., т. 7, № 4. СПб., 1905.
Дмитр. — Сочинения и переводы Ивана Дмитриева. Ч. I—III. М., 1803—1805.
Дмитр. ВМЖ — И. И. Дмитриев. Взгляд на мою жизнь. Ч. I—III. [1824—1826]. М., 1866.
ДМТ — Московский театр при царях Алексее и Петре. Материалы, собр. С. К. Богоявленским. — Чт. ОИДР, 1914, кн. 2.
Дн. Храп. — Дневник А. В. Храповицкого. 1782—1793. Изд. по подлинной рукописи. СПб., 1874.
ДНШ — О немецких школах в Москве в первой четверти XVIII в. (1701—1715). Документы Моск. архивов, собр. С. А. Белокуровым и А. Н. Зерцаловым. — Чт. ОИДР, 1907, кн. 1.
Добр. душа — Добродетельная душа, или Нравоучительныя правила в пользу и научение юношества. . . на рос. яз. перев. подпоручиком Алексеем Артемьевым. СПб., 1777.
Док. 1742 — Исторические документы 1742 г. Публ. С. П. Шубинского. — РА 1864.
Док. АН — В. И. Ламанский. Ломоносов и Петербургская Академия наук. — Чт. ОИДР, 1865, кн. I.
Долгор. — И. М. Долгорукий. Капище моего сердца [1821]. М., 1874.

Долторн — Гистория о гишпанском знатного роду шляхтиче, . . . имянуемом Долторне, и о прекрасной гишпанской королевне Элеоноре. . . [Список XVIII в.] — А. Н. Пыпин. Из истории народной повести. — ПДП, вып. 64. СПб., 1887.

Дом. леч. — [У. Бьюкен]. Полный и всеобщий домашний лечебник . . . Т. I—V. М., 1790—1792.

Дом. разг. — Домашние разговоры. СПб., 1749.

·Донес. Бехт. — Парижские донесения Ф. Д. Бехтеева Елисавете Петровне (1756—1757). — РА, 1903, № 10.

Дон-Кишот — [Сервантес]. История о славном ла-манхском рыцаре Дон Кишоте. Перев. с фр. Т. I—II. СПб., 1769.

Достопам. — [Э. Р. Рот]. Достопамятное в Европе. То есть. Описание всего, что для любопытнаго смотрения света. . . в знатнейших местах Европы знать и видеть надлежит. . . Сергей Волчков. . . оную книгу, с нем. на рос. яз. перевел 1747 г. СПб., 1761.

Досуги — Досуги, или Собрание сочинений и переводов Михайла Попова. Ч. I—II. СПб., 1772.

ДПС — Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого. Изд. АН под ред. М. В. Калачева. Т. I—VI. СПб., 1880—1901.

ДР — Духовный регламент. СПб., 1721.

ДРС — Картотека ДРС.

Д. Тв. — Записка Леонтия Магницкого по делу Тверитинова. — ПДП, 38. СПб., 1882.

ДТП — Дела тайного приказа. Кн. I. — РИБ, т. 21. СПб., 1907.

Дух. Шиб. — Духовная Елистрата Шибаева. — Зап. Отд. рукописей, вып. 17, 1955.

Егер — Совершенный егер, или Знание о всех принадлежностях к ружейной и прочей полевой охоте. С нем. на рос. яз. перевел Василий Левшин. СПб., 1779.

Елаг. Зап. мас. — Новые материалы для истории масонства. Записка И. П. Елагина [не ранее 1786 г.]. — РА, 1864.

ЕОЛ — [П. Тальман]. Езда в остров любви. Перев. с фр. на руской. Чрез студента Василья Тредиаковского. СПб., 1730.

ЕС — Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие. 1755—1764. [Заглавие с 1758 по 1762 г. «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие»; с 1763 г. — «Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах»].

Ефим. — П. С. Ефименко. Материалы по этнографии русского населения Арх[ангельской] губ. Ч. I—II. М., 1877—1878.

Жал. Шил. — О жалованье переводчику В. Шиллингу (1708). — Чт. ОИДР, 1917, № 2.

Ж. Анненк. — Журнал курского помещика. . . Ивана Петрова сына Анненкова с 1745 году. — Материалы по ист. СССР. Т. 5. М., 1957.

Жд. — [П. И. Жданов]. Новой словарь англиской и российской. СПб., 1784.

Ж. Дем. — Журнал путешествия. . . Никиты Акинфиевича Демидова. По иностранным государствам с. . . 17 марта 1771 г. по возвращение в Россию, ноября 22 дня 1773 г. М., 1786.

Ж. Зин. — Журнал путешествия В. Н. Зиновьева по Германии, Италии, Франции и Англии в 1784—1788 г. — РС, 1878, т. 23.

Жив. — Живописец, еженед. на 1772 год сочинение. Ч. 1, 2. СПб., 1772—1773.

Жит. Бак. — [Д. Маллет]. Житие канцлера Франциска Бакона. Перев. с фр. на рос. Василий Тредиаковский. М., 1760.

Ж. Креч. — Журнал генерал-маиора Петра Кречетникова о движении и действиях военных в Польше в 1767 г. — Чт. ОИДР, 1863, кн. 3.

ЖКФ — Юрналы и камер-фурьерские журналы 1695—1774 г. СПб., 1853—1864. [Всего 82 вып.].

Ж. Лес. — Журнал [или поденная записка] о походе генерала лейтенанта Лесиа. . . СПб., 1721.

ЖПВ — Журнал или Поденная записка. . . Петра Великаго с 1698 г., даже до заключения Нейштатскаго мира. Ч. I—II. СПб., 1770—1772.
Ж. Рычк. — Журнал или Дневныя записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российскаго государства. СПб., 1770.
Ж. Син. — Морские журналы Н. А. Синявина 1705—1712 г. — ЗГД, ч. 10. СПб., 1852.
Жук. Соч. — В. А. Жуковский. Сочинения. Т. I—VI. Под ред. П. А. Ефремова. СПб., 1878.

ЗА — Н. А. Воскресенский. Законодательные акты Петра I. Т. I. Акты о высших государственных установлениях [1697—1724]. М.—Л., 1945.
Зап. Ант. — Записки Михаила Ивановича Антоновского [1806]. — РА, 1885, кн. I.
Зап. Бол. — Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. — Записки Андрея Тимофеевича Болотова. 1738—1795. Т. I—IV. СПб., 1871—1873.
Зап. Винск. — Мое время. Записки Г. С. Винского (1752—1818). Изд. «Огни». СПб., [1914].
Зап. Гарн. — Записки Михаила Гарновского: двор имп. Екатерины II. 1786—1790 гг. Сообщил А. И. Левшин. — РС, 1876, т. 15, 16.
Зап. Голиц. — Записки кн. Федора Никол. Голицына [1809]. — РА, 1874, кн. I.
Зап. Дан. — Записки артиллерии маиора Михаила Василиевича Данилова, написанные им в 1771 г. М., 1842.
Зап. Н. Долг. — Своеручные записки кн. Натальи Борисовны Долгорукой, дочери фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева [1767]. СПб., 1913.
Зап. Ж. — Записки Желябужского с 1682 по 2 июля 1709 г. СПб., 1840.
Зап. Креч. — Дневные записки о движении и действиях войск русских в великом княжестве Литовском и Польше в 1792 г., находившихся под начальством генерал-аншефа М. Н. Кречетникова. М., 1863.
Зап. Лопух. — Записки некоторых обстоятельств жизни и службы действительного тайного советника, сенатора И. В. Лопухина, сочиненные им самим. [1810]. М., 1860.
Зап. Матв. — Записки Андрея Артамоновича графа Матвеева [нач. XVIII в.] —Записки русских людей. События времени Петра Великого. СПб., 1841.
Зап. Нащ. — Записки Василия Александровича Нащокина [1759]. СПб., 1842.
Зап. Пор. — Семена Порошина Записки, служащие к истории. . . вел. кн. Павла Петровича (1764—1766). Изд. 2-е. СПб., 1881.
Зап. РГО — Показания об экспедиции кн. Черкасского, 1717. — Зап. РГО, 1853, кн. IX.
Зап. Шах. — Записки кн. Я. П. Шаховского (1705—1777). СПб., 1872.
ЗГД — Записки Гидрографического департамента Морского министерства. СПб., 1842—1852.
Зерц. безб. — Зерцало безбожия или невежества. — Из рукоп. сб. конца XVIII в. — Сб. «Звенья», т. 8. М., 1950.
Зерц. ест. — Зерцало естествозрительное [1713]. Рук. ГПБ, Q. VII.1.
Зрит. — Зритель ежемесячное изд. 1792 г. Ч. I—III. СПб., 1792.
ЗС — Зеркало света еженедельное изд. . . . Ч. I—II. СПб., 1786.
Зуев Ест. ист. — [В. Ф. Зуев]. Начертание естественной истории. . . Ч. 1—2. СПб., 1786.
Зуев Сиб. — Описание живущих Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов остяков и самоедцов, соч. . . . Васильем Зуевым. Об оленях. — В. Ф. Зуев. Материалы по этнографии Сибири XVIII в. (1771—1772). — Труды ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, нов. серия. Т. 5. М.—Л., 1947.

Зыб. 1768 — Слово о пользе прививной оспы. . ., говоренное. . . Семеном Зибелиным, декабря 5 дня, 1768 г. М., 1768.
Зыб. 1773 — Слово о вреде, проистекающем от содержания себя в теплоте излишной . . ., говоренное. . . Семеном Зыбелиным, июня 30 дня, 1773 г. М., 1773.
Зыб. 1775 — Слово о правильном воспитании с младенчества в рассуждении тела . . ., говоренное. . . Семеном Зыбелиным, апреля 22 дня, 1775 г. М., 1775.
Зыб. 1777 — Слово о сложениях тела человеческого, и о способах, как оные предохранять от болезней . . ., говоренное. . . Семеном Зыбелиным, июня 30 дня, 1777 г. М., 1777.
Зыб. 1780 — Слово о способе, как предупредить можно немаловажную между прочими медленнаго умножения народа причину . . ., говоренное. . . июня 30 дня, 1780 г. . . . Семеном Зыбелиным. М., 1780.
Иерон. — История о княжне Иерониме. . . с фр. яз. на рос. перев. капитаном Иваном Шишкиным. СПб., 1752.
Изм. Евг. — Евгений. . . Повесть написанная А. Измайловым. Ч. I—II. СПб., 1799—1801.
Изобрет. — О достопамятнейших изобретениях художеств и наук. М., 1790.
Изобрет. вещей — Полидора Виргилиа Урбинскаго осмь книг о изобретателех вещеи. Перев. с лат. на славено-рос. яз. [Ф. Лопатинским]. М., 1720.
Изъявл. Салт. — См. Салт. Изъявл.
Ильдежерта* — История королевы Ильдежерты Норвежской. Ч. I и II. . . Списана 1759 г. Рук. БАН 24.5.23 (Срезн. 99).
Инстр. Бисм.* — Инструкция главноначальствующему фон Бисмарку, 1747 года. (А. Гатцук. Бисмарк, русский главноначальствующий южною (украинскою) армиею в 1747 г.). — Чт. ОИДР, 1871, кн. 3.
Инстр. фл. — Инструкции и артикулы военные надлежащие к российскому флоту. М., 1710.
Интерл. — Русские интерлюдии XVIII в. — В кн.: Н. С. Тихонравов. Летописи русской литературы и древностей. Т. 2. М., 1859.
Интерм. — Одиннадцать интермедий XVIII в. — ПДП, 187, Пгр., 1915.
Иоанн — История о российском купце Иоанне и о прекрасной девице Елеоноре. — Сип.
Ипп. — Иппокрена, или Утехи любословия на 1799 г. Ч. I—II. М., [1799].
Ист. Бюф. — Всеобщая и частная естественная история графа де Бюффона; преложенная с фр. яз. на рос. Ч. I—X. СПб., 1789—1808.
Ист. ром. — Г. Гуэция Историческое разсуждение о начале романов. . . Перев. с фр. яз. Иваном Крюковым. М., 1783.
Ит. ком. — В. Н. Перетц. Италианские комедии и интермедии, представленные при дворе имп. Анны Иоанновны в 1733—1735 г. Тексты. Пгр., 1917.
Календ. 1710 — Календарь или месяцослов христианскии. По старому штилю, или изчислению. На лето. . . 1710. Напечатан в Москве, лета. . . 1709.
Календ. 1714 — Календарь или месяцослов христианскии. По старому штилю или изчислению на лето. . . 1714. Напечатан в Москве . . . лета 1713.
Календ. 1725 — Календарь или месяцослов на лето. . . 1726. . . СПб., 1725.
КАН — Краткое описание Комментариев Академии наук. Ч. 1. СПб., 1728.
Кандид — [Ф. М. А. Вольтер]. Кандид, или Оптимисм. . . Перев. с фр. [Семеном Башиловым]. СПб., 1769.
Канкрин — Первые основания искуства горных и соляных производств, соч. . . . Францом Людвигом Канкрином. [Перев. с нем. яз.]. Ч. I—X. СПб., 1785—1791.

Кант. Деп. — А. Д. К а н т е м и р. Депеши и политические письма (1732—1744). — Кант. Соч. II.

Кант. Прир. — А. Д. К а н т е м и р. Письма о природе и человеке [1742]. — Кант. Соч. II.

Кант. Рел. — Реляции кн. А. Д. Кантемира из Лондона [1732—1735]. С введ. и примеч. В. Н. Александренко. Т. I—II. М., 1892—1903.

Кант. Сат. — А. Д. К а н т е м и р. Сатиры 1—8. — Кант. Соч. I. Сатира 9.— Кант. СС.

Кант. Соч. — Сочинения, письма и избранные переводы кн. Антиоха Дмитриевича Кантемира. Ред. изд. П. А. Ефремова. Т. I—II. СПб., 1867—1868.

Кант. СС — А. Д. К а н т е м и р. Собрание стихотворений. 2-е изд. Л., 1956. Б-ка поэта. Большая серия.

Капн. СС — В. В. К а п н и с т. Собрание сочинений. Ред., вступ. ст. и примеч. Д. С. Бабкина. Т. I—II. М.—Л., 1960.

Капн. Яб. — В. В. К а п н и с т. Ябеда, комедия в пяти действиях. СПб., 1798.

Кар. ДВ — [Н. М. К а р а м з и н]. Деревенские вечера. Перев. из Жанлис. — Детское чтение для сердца и разума. Ч. IX—XII. М., 1787.

Кар. Дер. — Н. М. К а р а м з и н. Деревня. — Сочинения Карамзина. Т. VII. М., 1803.

Кар. ИГР — Сочинения Карамзина. История Государства Российского. Т. III и IV. СПб., 1851.

Карита — [Ж. Ж. Б а р т е л е м и]. Любовь Кариты и Полидора. Перев. с фр. [Д. И. Фонвизиным]. СПб., 1763.

Кар. ПРП — Н. М. К а р а м з и н. Письма русского путешественника. Ч. I—VI. М., 1797—1801.

Кар. Рыц. — Н. М. К а р а м з и н. Рыцарь нашего времени. — Сочинения Карамзина. Т. 9. Изд. 2-е. М., 1814.

Кар. Ст. полит. — Н. М. К а р а м з и н. Статьи политические из «Вестника Европы» 1802 г. — Сочинения Карамзина. Т. IX. Изд. 3-е, исправленное и умноженное. М., 1820.

Картотека ДРС — Картотека Словаря древнерусского языка (Институт русского языка АН СССР, Москва).

Картуш — Обстоятельныя и верныя истории двух мошенников: перваго. . . Ваньки Каина. . .; втораго. . . Картуша и его сотоварищей. 3-м тиснением. Во граде св. Петра. 1793.

Кв. Курц. — Книга Квинта Курция о делах содеяных Александра великого царя македонского. Перев. с лат. М., 1711.

Киреевск. Песни, нов. — Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия. Изд. Обществом любителей российской словесности при Московском университете. Вып. I. М., 1911.

Кирил. ЦС — И. К. К и р и л л о в. Цветущее состояние всероссийского государства [1727]. Кн. I—II. М., 1831.

Кирша Д. — Сборник Кирши Данилова. СПб., 1901.

Клавикорд. шк. — Клавикордная школа. . ., соч. г. Г. С. Лелейном, с нем. на рос. яз. перев. Федором Габлитцем. Ч. I. М., 1773.

Кн. горн. — Книга о горном деле (рукопись, ок. 1725 г.). — Летопись занятий Археографической комиссии 1862—1863. Вып. 2. СПб., 1862.

Кн. Ек. I — Книга приходо-расходная комнатных денег имп. Екатерины I. (За 1723—1725 г.). — РА, 1874, кн. 1.

Кн. жит. 1705 — Димитрий Ростовский (Туптало). Книга житий святых. . . на три месяцы четвертыи июнь, июль, август. . . Киев, 1705.

Кн. земл. — Книга зовомая земледелателная ново напечатавшаяся с прибавлением и жалованною грамматою. Сложенная Агапием монахом Критским. . . в Венетии 1674. . . преведеся в Великом Новеграде 1705 лета, в Софийском доме. Рук. БАН, 34.5.23.

Кн. историогр. — Книга историография початия имене, славы и расширения народа славянского. . . Собрана из многих книг исторических, чрез г. Мавроурбина. . . Перев. со ит. на рос. яз. . . . СПб., 1722.

Кн. М. — Книга Марсова или воинских дел. . . СПб., 1713.

Кн. Макар. ярм.* — Книга записная Макарьевской ярмонки большой таможни, по Сибирским отпускным выписям, 1-й пол. 724 года. — Врем. ОИДР, 1849, кн. 2.

Кн. мир. — Книга мирозрения или мнение о небесноземных глобусах. Перев. с нем. Я. Брюса. СПб., 1717.

Кн. мор. пл. — Книга, учащая морского плавания которую. Издаде. . . Авраам Деграф юже. . . от лат. яз. преведе на славянорос. диалек. . . Копиевскии. Амстердам, 1701.

Кн. навиг. — Книги полнаго собрания о навигации. . . капитаном Семеном Мордвиновым сочиненныя. Ч. 1—4. СПб., 1748—1753.

Кн. расх. 1710* — Книга расходная зимовых анбарных расходчиков чаронского бурмистра Ивана Веснина с товарыщем ис казенного анбара всяким припасом. Рукоп. ЛОИИ (Фонд Архангелогор. губ. канц., оп. 3, № 85). 1710 г.

Кн. сист. — [Д. К а н т е м и р]. Книга систима или состояние мухаммеданския религии. [Перев. с лат. Ильинского]. СПб., 1722.

Кн. экс. — Книга о эксерциции церемониах и должностях воинским людем надлежащих. СПб., 1715.

Княж. Грациям — Я. Б. К н я ж н и н. Послание трем грациям. — НЕС, ч. 49, 1790.

Княж. Дид. — Я. Б. К н я ж н и н. Дидона, трагедия. — Княж. СС, т. I.

Княж. ИП — Я. Б. К н я ж н и н. Избранные произведения. Л., 1961. Б-ка поэта. Большая серия, изд. 2-е.

Княж. Сбит. — Я. Б. К н я ж н и н. Сбитеньщик, комическая опера в трех действиях. — Княж. СС, т. III.

Княж. СС — Собрание сочинений Якова Княжнина. Т. I—IV. СПб., 1787.

Княж. Хваст. — Я. Б. К н я ж н и н. Комедия: Хвастун. — Княж. СС, т. III.

Коз. Расс. — Рассуждения двух индийцов Калана и Ибрагима о человеческом познании соч. Я. Козельским. Т. 1. СПб., 1788.

Коз. ФП — Философические предложения, соч. Я. Козельским. СПб., 1768.

Кон. зав.* — Рукопись о конских заводах в 74 главах из собр. В. Н. Перетца, № 23, XVIII в.

Кор. АИ — Описание коронации е. в. имп., и самодержицы всероссийской, Анны Иоанновны, торжественно отправленной в царствующем граде Москве, 28 апреля 1730 году. М., 1730.

Корифей — Корифей, или Ключ литературы. Кн. I—II. СПб., 1802—1803.

Костр. Соч. — Е. И. К о с т р о в. Полное собрание всех сочинений и переводов в стихах. Ч. I—II. СПб., 1802.

Костюмы — Опись костюмов и бутафории Московского российского театра за 1769—1771 гг. — Ежегодник Ин-та истории искусств. Театр. М., 1955.

Котош. — О России в царствование Алексея Михайловича. Сочинения Григория Котошихина. Изд. 4-е. СПб., 1906.

Краш. ОЗК — Описание Земли Камчатки сочиненное Степаном Крашенинниковым. . . . Т. I—II. СПб., 1755.

Краш. ОЗК[1] — Автобиография Крашенинникова, его рапорты и письма 1730—1740 г. Гмелину и Миллеру, рапорты 1741 г. Делиль де ля Кройеру и Стеллеру. — Описание Земли Камчатки. М.—Л., 1949.

Краш. Речь — Речь о пользе наук и художеств, читанная Степаном Крашенинниковым. . . в публичном академическом собрании сент. 6 дня, 1750. — Торжество Академии наук. . . празднованное сент. 6 дня 1750 г. СПб., 1750.

Крим. суд — Слово о происхождении и свойстве вышняго криминальнаго суда,. . . говоренное. . . Карлом Генриком Лангером. М., 1767.
Кронштет — Опыт рудословной системы г. Кронштета. С некоторыми прибавлениями г. Бринниха. 1776 году переведен с нем. на рос. яз. . . . М. Курдыманом. . . Изд. 2-е. СПб., 1789.
Крыл. ПСС — Полное собрание сочинений И. А. Крылова. Т. I—IV. СПб., 1896.
Крыл. Сочинитель — И. А. Крылов. Сочинитель в прихожей. — РФ, ч. 41, 1794.
Кугорн — Новое крепостное строение на мокром или низком горизонте. . . Г. барона фон Кугорна. [Перев. с гол. М. Шафирова]. М., 1709.
Л 1762 — [И. Ф. Литхен]. Лексикон российской и французской, в котором находятся почти все слова по порядку российскаго алфавита. Ч. 1—2. СПб., 1762.
Лабз. — Воспоминания Анны Евдокимовны Лабзиной. 1758—1828. СПб., 1914.
ЛБ — Лексикон славенороссий и имен толкование. . . тщанием, ведением же и иждивением. . . Памвы Берынды. . ., 1627.
ЛВ — Новой лексикон на французском, немецком, латинском, и на российском языках, переводу ассесора Сергея Волчкова. Ч. I—II. СПб., [1755]—1764.
ЛВН — Лексикон вокабулам новым по алфавиту. [Нач. XVIII в.]. — Сб. ОРЯС, т. 88, № 2. СПб., 1910.
ЛГ — Полной латинской Геснеров лексикон с российским переводом, с прибавлением к нему греческих слов и Российскаго реэстра, вновь исправленной и умноженной. . . Димитрием Синьковским. Ч. I—III. М., 1796—1798.
Лек. — Лекарство от задумчивости и бессонницы, или Настоящия русския сказки. СПб., 1786.
Линней — Философия ботаники, изъясняющая первые оной основания соч. Карла Линнея. . . Изд. на рос. яз. . . . Тимофеем Смеловским. СПб., 1800.
ЛК — Экстракт Савариева лексикона о коммерции. . . . С фр. на рос. язык перев. сия книга. . . Сергеем Волчковым. СПб., 1747.
ЛЛ — [Ж. Ф. Дрёдю Радье]. Любовной лексикон. Перев. с франц. [А. В. Храповицким]. СПб., 1768.
Локк — О воспитании детей г. Локка. Перев. с фр. на рос. яз. Николаем Поповским. Ч. I. М., 1759.
Лом. АСС — М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений. Т. I—X. М.—Л. Изд. АН СССР, 1950—1959.
Лом. МРГ — М. В. Ломоносов. [Материалы к Российской грамматике]. АСС. т. VII.
Лом. ОМ — М. В. Ломоносов. Первые основания металлургии, или рудных дел. СПб., 1763.
Лом. ПВ — Петр Великий, героическая поема, Михайла Ломоносова. СПб., 1760.
Лом. РГ — Российская грамматика Михайла Ломоносова. СПб., 1755.
Лом. СС — Собрание разных сочинений в стихах и в прозе. . . Михайла Ломоносова. 2-е изд. с прибавлениями. Кн. I—II [М.], 1757—1759.
ЛП — Лексикон треязычный [Ф. Поликарпова]. М., 1703.
ЛТ — Лексикон Российской исторической, географической и гражданской. Соч. . . . В. Н. Татищевым. Ч. 1—3. СПб., 1793.
Лук. Мот — В. И. Лукин. Мот любовию исправленной. — Лук. Соч., ч. I.
Лук. Постоянство — В. И. Лукин. Награжденное постоянство. Комедия в 5 действиях. — Лук. Соч., ч. II.
Лук. Пуст. — В. И. Лукин. Пустомеля. — Лук. Соч., ч. I.
Лук. Соч. — Сочинения и переводы Владимера Лукина. Ч. I—II. СПб., 1765.
ЛЦ — Христофора Целлария Краткой латинской лексикон с российским и немецким переводом. СПб., 1746.

Львов ЛН — Н. А. Львов. Епистола к Бакунину и другие стихотворения. — Литературное наследство, 1933, № 9—10.

П. Львов Алекс. — П. Ю. Львов. Александр и Юлия, истинная русская повесть. СПб., 1801.

П. Львов Р. Памела — Российская Памела, или История Марии, добродетельной поселянки. Сочинение П. Львова. Ч. I—II. СПб., 1789.

Майк. Басни — Нравоучительные басни Василья Майкова. Ч. I—II. М., 1766—1767.

Майк. Ел. — [В. И. Майков]. Елисей, или Раздраженный Вакх, поема. СПб., 1771.

Макер — Господина Макера Начальныя основания умозрительной химии, составляющей часть первую. Перевел с французскаго языка Косма Флоринский. Ч. I—II. СПб., 1774—1775.

Макф. — [Д. Макферсон]. Поэмы древних бардов. Перев. А[лександра] Д[митриева]. СПб., 1788.

МАН — Материалы для истории Академии наук. Т. I—X. СПб., 1885—1900.

Маниф. — Манифест или объявление, которое чтено в столовои палате. . . СПб., 1718.

Марианна — Жизнь Марианны, или Похождения госпожи графини де*** изданные г. де Мариво. Перев. с фр. яз. Александр Салтыков. Т. I. М., 1762.

Марин — С. Н. Марин. Полное собрание сочинений. [Конец XVIII в.]. — В сер. «Летописи Государственного литературного музея». Кн. 10. М., 1948.

Маркиз — [А. Ф. Прево д'Экзиль]. Приключѐния маркиза Г. . . . перев. на рос. яз. Иваном Елагиным. Ч. I. СПб., 1767; ч. II—VI. СПб., 1756—1765.

Мат. Рум. — [С. Я. Румовский]. Сокращения математики часть перьвая, содержащая начальные основания арифметики, геометрии и тригонометрии. . . СПб., 1760.

Матин. — М. А. Матинский. Опера комическая Санктпетербургской гостиной двор. М., 1791.

МАХ — Сборник материалов для истории имп. Санктпетербургской Академии Художеств за сто лет ее существования. Изд. под рук. П. Н. Петрова. СПб., 1864.

МВ — Московские ведомости. 1756—1800. [М., 1756—1800].

МВИ — Материалы для истории военного искусства в России [1712—1714]. — А. З. Мышлаевский. Петр Великий. Война в Финляндии в 1712—1714 г. Прилож. СПб., 1896.

МГО — Материалы для истории Гангутской операции. Вып. 1, ч. I—II. [Грамоты, указы и письма Петра Великого 1713—1714 г.]. Пгр., 1914.

МЕИ — Московское ежемесячное издание. . ., заключающее в себе собрание разных лучших статей, касающихся до нравоучения, политической и ученой истории, до философических и словесных наук. . . Ч. I—II. М., 1781.

Мех. Рого — Искусств механических. Рук. ГПБ Θ. IX. 16. [20-е годы XVIII в.].

Мех. Штурма — [И.-Х. Штурм]. К весу или к тяжолости корпоралных вещеи приложенная математика, инако же статикою и механикою или весовым и подъемным художеством называемая. 1708 г. Рук. БАН 17.15.16.

МЖ — Московской журнал. Ч. I—VIII. М., 1791—1792.

МЗК — Материалы Екатерининской законодательной комиссии: ч. I — Сб. РИО, т. 4. СПб., 1869; ч. II — Сб. РИО, т. 8. СПб., 1871; ч. IV — Сб. РИО, т. 32. СПб., 1881; ч. VIII — Сб. РИО, т. 93. СПб., 1894; ч. XII — Сб. РИО, т. 134. СПб., 1911; ч. XIV — Сб. РИО, т. 147. Пгр., 1915.

МИГ — Исторический и географический месяцослов на 1777—1797 год. СПб., [1776—1797].

Мизантр. — Мизантроп, или Нелюдим, комедия. . . Соч. г. Мольэра. [Перев. И. П. Елагин]. М., 1788.
Милорд* — Повесть о приключении аглинского милорда Георга и о Бранденбургской маркграфине Фридерике Луизе. Изданная М. К[омаровым]. СПб., 1782.
Минер. В. — [И. Г. В а л л е р и у с]. Минералогия. . ., соч. Иоганном Готшалком Валерием, . . . с нем. на рос. яз. перев. . . . Иваном Шлаттером. СПб., 1763.
Минер. Северг. — Первые основания минералогии или естественной истории ископаемых тел. . ., сочинения Василья Севергина. Кн. I—II. СПб., 1798.
Минер. Тер. — Краткое разсуждение о минералогии вообще, . . . соч. Андреем Теряевым. . . СПб., 1796.
Мин. жив. — Основательное и ясное наставление в миниатурной живописи. . . Перев. с нем. яз. переводчиком Михайлом Агентовым. М., 1765.
Михельсон 1866 — 30 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык. . . Сост. Михельсон. Изд. 1-е. М., 1866.
ММ — Московский Меркурий (Ежемесячный журнал, изд. П. И. Макарова). Ч. I—IV. М., 1803.
ММД — Материалы для истории морского дела при Петре Великом в 1717—1720 годах. Сообщил Н. А. Попов. — Чт. ОИДР, 1859, кн. 4.
ММЭ — Материалы для истории Морской экспедиции 1770 г. — РА, 1864.
Мн. миров — Разговоры о множестве миров г. Фонтенелла. . . С фр. перевел и потребными примечаниями изъяснил кн. Антиох Кантемир в Москве 1730 г. СПб., 1740.
Монет. д. — Описание при монетном деле потребного искусства. . . Соч. . . . Иваном Шлаттером, в Москве 1736 г. СПб., 1739.
Монет. иск. — Задачи касающияся до монетнаго искусства, соч. . . . Иваном Шлаттером в 1754 г. Ч. I—III. СПб., 1754—1758.
Монтень — [М. Э. М о н т е н ь]. Михайла Монтаниевы Опыты. На рос. яз. перев. . . . С. Волчковым. СПб., 1762.
М. подворье — Опись, учиненная Московскому подворью [1763]. — Чт. ОИДР, 1901, кн. 2.
МРФ — Материалы для истории русского флота. Ч. I—X. СПб., 1865.
МСД — Московский суконный двор [1706—1813]. — Крепостная мануфактура в России. Ч. 5. Л., 1934.
Мудрецы — Повесть бывшего посольства в португальской земли, история о португальском и бранденбургском мудрецах. — Сип.
Муза — Муза, ежемесячное издание на 1796 г. [Изд. И. И. Мартынов]. Ч. I—IV. СПб., 1796.
Музариона — Музариона, или Философия граций. Поэма. . ., соч. г. Виланда. М., 1784.
Муратори — Рассуждение о благоденствии общенародном, Лудвина-Антония Муратория. . ., прел. с фр. переводч. Михайлом Поповым. Ч. I—II. М., 1780.
Мур. Басни — Басни. . . Михайлы Муравьева. Кн. 1. СПб., 1773.
Мур. Ст. — М. Н. М у р а в ь е в. Стихотворения. М.—Л., 1967. Б-ка поэта. Большая серия, изд. 2-е.

Навиг. (Б) — Бугерово новое сочинение о навигации, содержащее теорию и практику морскаго пути. С фр. перев. . . . Н. Курганов. СПб., 1764.
Навиг. иссл. — Навигационныя или мореходныя исследования. Сочинены господином Безу, с франц. подлинника на российской язык переведены и дополнены С. Гурьевым. СПб., 1790—1791.
Награжд. хитр. — Награжденная хитрость, или Удачное плутовство. Пиеска. . . Соч. г. Алленваля, с фр. подлинника на нем., а с онаго на росс. яз. перев. Н. П. СПб., 1773.
Наказ — Наказ е. и. в. Екатерины Вторыя. . . данный Коммиссии о сочинении проекта новаго уложения [1767]. СПб., 1770.

Наст. хир. — Иоганна Захария Платнера. . . Основательные наставления хирургические, медические и рукопроизводные. . . Перев. с лат. яз. . . . лекарем Мартином Шеиным. СПб., 1761 [Реестр].
НЕС — Новыя ежемесячныя сочинения. 1786—1793 гг. Ч. I—LXXX. СПб., 1786—1793.
Никанор — Нещастной Никанор, или Приключение жизни Российскаго дворянина. . .. Ч. 1. СПб., 1775.
Никол. ИП — [Н. П. Николев]. Испытанное постоянство. Комедия в одном действии. Соч. в 1775 г. — РФ, ч. XXIII.
Никол. Розана — [Н. П. Николев]. Розана и Любим драмма. . . М., 1781.
Никол. Сам. ст. — Самолюбивый стихотворец. Комедия в пяти действиях Николая Николева. Соч. в 1775 г. — РФ, ч. XV.
Никол. Тв. — Творении Николая Петровича Николева. Ч. I—V. М., 1795—[1798].
Никол. Феникс — [Н. П. Николев]. Феникс. Драма с голосами, в трех действиях. Соч. в 1779 г. — РФ, ч. XXII.
Нов. алг. — Новая алгебра, содержащая в себе не только простую аналитику; но также дифференциальное, интегральное и вариационное исчисление, которую . . . издал. . . Александр Барсов. М., 1797.
Нов. Виньола — [Ж. Р. Люкот]. Новой Виньола, или Начальныя гражданской архитектуры наставления, с объяснением правил о пяти чинах или орденах оной, по предписаниям Иакова Бароция Виньолы. Перев. с фр. в Москве 1777 г. М., 1778.
Нов. О торг. — Н. И. Новиков. О торговле вообще. — Избранные сочинения. М.—Л., 1951.
Нов. Оп. сл. — Опыт историческаго словаря о российских писателях. Из разных печатных и рукописных книг, сообщенных известий, и словесных преданий собрал Николай Новиков. СПб., 1772.
Нов. Телем. — [К. Ф. Ламбер]. Новый Телемак. . . С фр. на рос. яз. перев. [Е. С. Харламовым]. Ч. I. СПб., 1761.
Норд. — Российский с немецким и французским переводами словарь, соч. Иваном Нордстетом. Ч. I—II. СПб., 1780—1782.
НРЛ — Новости русской литературы. Ч. I—XIV. М., 1802—1805.
Оберон — Оберон, царь волшебников, поэма г. Виланда. . . С нем. стихов прозою перев. . . . [В. А. Левшин]. М., 1787.
О воздухе — Dissertatio Rigeri. . . de Aere, т. е. Исследование сочинителя Ригера о воздухе, с лат. яз. Кирияком Кондратовичем в 1744 г. перев. СПб., 1767.
О воин. Цез. — Краткое описание о воинах из книг Цезариевых. М., 1711.
Озеров — В. А. Озеров. Трагедии. Стихотворения. Л., 1960.
ОИДР — Общество истории и древностей российских.
Оказ. миру — Рассуждение о оказательствах к миру. . . перев. с фр. яз. СПб., 1720.
О ласкательстве — О ласкательстве из енциклопедии. Перевел С[емен] Б[ашилов]. СПб., 1769.
ОЛДП — Общество любителей древней письменности.
Опис. гос. кит.* — Описание книги сея государства китайского или хинского. Рукопись 1731 г. Библиотеки Смоленского пед. ин-та № 124 (3/Б).
Оп. кам. ломок — Краткое описание марморных и других каменных ломок. . . находящихся в Российской Карелии соч. Самуилом Алопеусом пастором в Сордавале. СПб., 1787.
Опис. Синод.* — Описание документов и дел, хранящихся в Архиве святейшего правительствующего синода. Т. I. СПб., 1868.
Ордина — Историа о ординах или чинах воинских. . . Автора Адриана Шхонбека. Ч. I. Прев. с фр. яз. на рос. М., 1710.
ОРЯС — Отделение русского языка и словесности Академии наук.
Осип. Енеида — [Н. П. Осипов]. Виргилиева Енейда, вывороченная на изнанку. Ч. I—IV. СПб., 1791—1796.
Осип. Не прямо в глаз — [Н. П. Осипов]. Не прямо в глаз, а в самую бров. Ч. 1. СПб., 1790.

ОТВРС — Опыт трудов Вольного российского собрания. Ч. I—VI. М., 1774—1783.

Откр. худ. — [М. И. Агентов и И. Г. Гаврилов]. Открытие сокровенных художеств. . . Перев. с нем. из разных авторов переводчиком Михайлом Агентовым. Ч. I—III. М., 1768—1771.

Панк. 1792 — Слово о подлинной цели математических наук, . . . говоренное. . . июня 30 дня, 1792 г. проф. смешанной математики Михайлом Панкевичем. М., 1792.

Панк. 1800 — Слово об отличительных свойствах, источниках и средствах просвещения, . . . июня 30 дня 1800 г. говоренное. . . Михайлом Панкевичем. М., 1800.

Пант. ин. сл. — Пантеон иностранной словесности. Кн. I—III. М., 1798.

Париж — История о Париже и Вене. Переводная повесть в стихах Петровского времени. Приготовил к изд. Н. Н. Виноградов. — Сб. ОРЯС, т. 90, № 6, СПб., 1913.

ПБП — Письма и бумаги имп. Петра Великого. Т. I—XI. СПб., М.—Л., М., 1887—1964.

ПВМ — Правда воли монаршей. М., 1722.

ПД — Почта духов, ежемесячное издание. . . Ч. I—II. СПб., 1789—[1790].

ПДП — Памятники древней письменности.

ПДС — Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. VI—X [1682—1699]. СПб., 1862—1871.

Пельск. — П. А. Пельский. Мое коё-что. М., 1803.

Перем. нр. — Перемена в нравах. Комедия в двух действиях. — РФ, ч. XXXVIII, 1791.

Петр Зл. Кл. — Действие о князе Петре Златых ключах [XVIII в.]. (Г. П. Георгиевский. Две драмы Петровского времени) — Изв. ОРЯС, 1905, т. 10, кн. 1.

Петров — Сочинения В. Петрова. Часть перьвая. Оды. СПб., 1782.

ПЖ — Политический журнал, с показанием ученых и других вещей, издаваемый в Гамбурге Обществом ученых мужей. Перев. с нем. М., 1790—1800.

Пис. Б.-Б. — Сардиния в эпоху первой французской революции. Письма кн. А. М. Белосельского-Белозерского. . . к вице-канцлеру гр. И. А. Остерману за 1792—1793 гг. — РА, 1877, № 2—3.

Пис. Вор. — Письма гр. М. Л. Воронцова к И. И. Шувалову [1755—1767] [Публ. по рукописям, переданным Я. К. Гротом]. — РА, 1864 (2-е изд. 1866).

Пис. Ек. II — Переписка Екатерины II с кн. Г. А. Потемкиным (1782—1791). — РС, 1876, т. XVI—XVII.

Пис. Кант. — А. Д. Кантемир. Письма [К кн. Н. Ю. Трубецкому. 1740. К стихам своим. 1743]. — Кант. Соч. I.

Пис. Капн. — Письма В. В. Капниста. — Капн. СС II.

Пис. Кар. — Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву [1787—1817]. СПб., 1866.

Пис. мас. — Я. Л. Барсков. Переписка московских масонов XVIII в. 1780—1792 гг. [Письма А. М. Кутузова, Н. М. Карамзина, И. В. Лопухина, А. А. Плещеевой, Н. Н. Трубецкого, И. П. Тургенева и др.] Пгр., 1915.

Пис. Мордв. — Донесения и письма адмирала Н. С. Мордвинова кн. Потемкину и секретарю его [Попову]. 1787—1788 г. — ЗГД, ч. 10. СПб., 1852.

Пис. Ост. — Из переписки барона А. И. Остермана (письма к кн. Б. И. Куракину и гр. А. Головкину 1727—1729 г.). Сообщил М. А. Полиевктов. — Чт. ОИДР, 1913, кн. 3.

Пис. Петр. — Письма А. А. Петрова к Карамзину. [7 писем 1735—1752 гг.] — РА, 1863. Изд. 2-е.

Пис. Полен. — Письма А. Я. Поленова и к нему во время его заграничного пребывания [1763—1767]. — РА, 1865.

Пис. Репн. — Письма фельдмаршала князя Репнина к князю А. Б. Куракину. — РА, 1876, кн. III.
Пис. Румянц. — Е. М. Румянцева. Письма к мужу, фельдмаршалу гр. П. А. Румянцеву-Задунайскому в 1762—1779 гг. Изд. Д. Толстого. СПб., 1888.
Пис. Фонв. — Д. И. Фонвизин. Письма [1763—1787]. — Фонв. Соч.
Пис. Хемн. — И. И. Хемницер. Письма Н. А. Львову (1782—1783). — Хемн. СП.
ПК 1769 — Н. Г. Курганов. Российская универсальная грамматика, или Всеобщее письмословие. . . СПб., 1769.
ПК 1777 — Книга письмовник, а в ней науки российскаго языка с седмью присовокуплениями, разных учебных и полезнозабавных вещесловий. . . Во граде св. Петра. . . 1777.
ПК 1790 — Письмовник, содержащий в себе науку российскаго языка. . . 4-е изд. вновь выправленное, приумноженное. . . Николаем Кургановым. Ч. I—II. СПб., 1790.
Плещеев — Обозрение Российския империи в нынешнем ея новоустроенном состоянии, учиненное Сергеем Плещеевым. СПб., 1787.
Побежд. кр. — Побеждающая крепость. . . Поднесено от Э.-Ф. бар. фон Боргсдорфа. . . М., 1708.
Поденщ. — Поденьшина, или Ежедневныя издания. СПб., 1769 [Изд. и автор В. В. Тузов].
Подраж. — Подражатель. Комедия в одном действии. Соч. в Дмитрове [1779]. — РФ, ч. XXVII.
Пожар Капа — Пожар Капа, или царствование Туссеня-Лувертюра. С фр. П. . . Ш. . . . ъ. М., 1802.
Позн. прир. — Дружеское введение к познанию природы. . . Перев. с фр. студент Фома Розанов. М., 1793.
Поленов — А. Я. Поленов. О крепостном состоянии крестьян в России. . . [1767]. — РА, 1865.
Польза худ. — Д. А. Голицын. О пользе, славе и пр. художеств. — История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли, т. 2. М., 1964.
Поп. Анюта — [М. И. Попов]. Анюта, комическая опера, в одном действии. Представлена в первый раз. . . авг. 26 дня, 1772 г. — Досуги, ч. I.
Поп. Немой — [М. И. Попов]. Немой, комедия в пяти действиях. . . Представлена в первый раз. . . 1766 г., ноября 2 дня. — Досуги, ч. II.
Пос. Завещ. — Завещание отеческое, соч. И. Т. Посошкова, Новое изд., дополненное вновь открытою половиною завещания, под ред. Е. М. Прилежаева [1719 или 1720]. СПб., 1893.
Пос. Зерк. — Зеркало очевидное И. Т. Посошкова [1708]. Издал проф. А. Царевский. Вып. I. Казань, 1895.
Пос. КСБ — И. Т. Посошков. Книга о скудости и богатстве [1724]. М., 1937.
Пос. РП — И. Т. Посошков. Россиянин прошедшего века, или Предложение Ивана Посошкова, поданное боярину Ф. А. Головину 1701 г. . . . М., 1793.
Потребн. — Разные потребности (реэстр строениев). — Рук. ГПБ, Погод. № 1751. [50-е годы XVIII в.].
ППВ — Приятное и полезное препровождение времени. Ч. V—VI. М., 1795.
ППЗ — Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII—XX вв. [Сборники XVIII в.: сб. пословиц б. Петровской галереи, И. В. Пауса, В. Н. Татищева, А. И. Богданова]. Л., 1961.
ПРГ — Письма русских государей и других особ царского семейства. I. Переписка Петра I с Екатериною Алексеевною. М., 1861. 1707—1724; Письма русских государей и других особ царского семейства. Т. III. Переписка царевича Алексея Петровича и царицы Евдокии Федоровны. М., 1862. 1689—1728*; Письма русских

государей и др. особ царского семейства. IV. Переписка герцогини Курляндской Анны Ивановны. М., 1862. 1716—1729*.

Приб. МВ — Прибавление к Московским ведомостям. 1783—1784 года. [М., 1783—1784].

Придв.чел. — [Б. Грасиан-и-Моралес]. Грациан Придворной человек с фр. на рос. яз. перев. . . . Сергеем Волчковым. СПб., 1742.

Приклады — Приклады како пишутся комплементы разные. . . М., 1708.

Прикл. Сив. — Краткое известие о достопамятных приключениях капитана д'Сивиля. . . Перев. Ф[едор]а К[аржавин]а, с примеч. о неправильном выговоре и писании многих иностранных слов. М., 1791.

Прим. Вед. — Примечания к Ведомостям. 1728—1742. СПб., [1728—1742].

Прокоп. Ал. Невск. — Слово в день святого благоверного князя Александра Невского. Проповеданное Феофаном епископом Псковским. . . (1718) г. СПб., 1720.

Прокоп. День Ек. — Феофан Прокопович. Слово похвальное: в день святыя великомученицы Екатерины. . . СПб., 1717.

Прокоп. О мире — Слово о состоявшемся, между Империею Российскою, и короною шведскою, Мире (1721) г. . . ., проповеданное преосвященным Феофаном. . . (1722) г. СПб., 1723.

Прокоп. Полт. — Феофан Прокопович. Слово похвальное о баталии Полтавской. . . СПб., 1717.

Прокоп. Понтиф. — Феофан Прокопович. Розыск историческии, коих ради вин. . . нарицалися императоры римстии. . . понтифексами. . . СПб., 1721.

Прокоп. Рожд. ПП — Надежда добрых и долгих лет российской монархии, сын богом данный. . . Петр Петрович. . . проповедию провозвещенна. . . Феофана Прокоповича (1716). СПб., 1717.

Прокоп. СР — Феофана Прокоповича. . . Слова и речи поучительныя, похвальныя и поздравительныя. . . Ч. I—IV. СПб., 1760—1774.

Промот. — Свадьба господина Промоталова. — РФ, ч. XXVII, 1788.

П.-с. — Поэты-сатирики конца XVIII—начала XIX в. Л., 1959. (Б-ка поэта. Большая серия, изд. 2-е).

ПС — Петровский сборник, изд. «Русской стариною» 30 мая 1872 г. СПб., 1872.

ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи. Т. I—XXX. СПб., 1830.

ПСИ — Памятники сибирской истории XVIII в. Кн. 1. 1700—1713. СПб., 1882.

Псков. а.* — Псков и его пригороды. Кн. 2. — Сборник Моск. арх. Мин. юст. т. VI, М., 1914 (1580—1733 гг.).

Пс. ох. — Псовой охотник, содержащий в себе: о свойствах, названии и должности онаго. . . М., 1785.

ПТ — Покоящийся трудолюбец, периодическое изд., служащее продолжением Вечерния Зари. . . Ч. I—IV. М., 1784—1785.

ПУЗП — Письма, указы и заметки Петра I, доставленные П. Д. Волконским и Н. В. Калачевым и извлеченные из Архива прав. Сената. Собр. и изд. А. Ф. Бычковым [1704—1725]. — Сб. РИО, т. 11. СПб., 1873.

Пуст. — Пустомеля, ежемесячное сочинение, 1770 год. СПб., 1770.

Пут. Бел. — [Д. Белл]. Белевы путешествия чрез Россию в разныя асиятския земли. . . Перев. с фр. М. Попов. Ч. I. СПб., 1776.

Пут. Гмел. — С. Г. Гмелина Путешествие по России для исследования трех царств естества. Перев. с нем. Ч. I—III. СПб., 1771—1785.

Пут. Зуева — Путешественныя записки Василья Зуева от С. Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 году. СПб., 1787.

Пут. Кука — Последнее путешествие около света капитана Кука. . . Изд. Генрихом Циммерманом. СПб., 1786.

Пут. Леп. — Дневныя записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российскаго государства. . . [Ч. I]—IV. СПб., 1771—1805.

Пут. Сиц. — Повседневныя записки путешествия в Сицилию и Мальту в 1782 г. СПб., 1784.

Пут. Сум. — Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 г. Павла Сумарокова. С историческим и топографическим описанием всех тех мест. М., 1800.

Пут. Толст. — Путешествие стольника П. А. Толстого (1697—1699). — РА, 1888, кн. I—II.

Пут. Чел. — Путешествие по северу России в 1791 г. Дневник П. И. Челищева. СПб., 1886.

Пут. Шерем. — Похождение в Малтийский остров боярина Бориса Петровича Шереметева. 1697 июня 22—10 февраля 1699. — ПДС, т. X.

Пуф. ДЧ — О должности человека и гражданина по закону естественному, книги две. Соч. С. Пуфендорфом. Ныне же на рос. с лат. перев. И. Кречетовским. Кн. I—II. СПб., 1726.

Пуф. Ист. 1718 — Введение в гисторию европейскую. Чрез Самуила Пуфендорфия на нем. языке сложенное. . . [Перев. с лат.]. СПб., 1718.

ПУЧ — Полезное и увеселительное чтение для юношества и для всякаго возраста. . . Собрано из лучших иностранных сочинителей. М., 1788.

ПЭ — Переводы из Энциклопедии. Ч. I—III. М., 1767. Ч. I — II. СПб., 1770.

РА — Русский Архив. Ежем. журн. СПб., 1863—1918.

РАВ — Регламент о управлении адмиралтеиства и верфи и о должностях колегии адмиралтеискои. СПб., 1722.

Рад. Влад. — А. Н. Радищев. Описание владения. — Рад. СС, ч. IV.

Рад. ПСС — А. Н. Радищев. Полное собрание сочинений. Под ред. Н. К. Луппола, Г. А. Гуковского, В. А. Десницкого, Н. К. Пиксанова и др. Т. I—III. М.—Л., 1938—1952.

Рад. Пут. — А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву. СПб., 1790.

Рад. Сиб. — А. Н. Радищев. Сокращенное повествование о приобретении Сибири. — Рад. СС, ч. VI.

Рад. СС — А. Н. Радищев. Собрание оставшихся сочинений. Ч. I—VI. М., 1806—1811.

Рад. Торг — А. Н. Радищев. Письмо о китайском торге 1792 г. — Рад. СС, ч. VI.

Рад. Уш. — А. Н. Радищев. Житие Федора Ушакова. — Рад. СС, ч. V.

Рад. Чел. — А. Н. Радищев. О человеке, его смертности и бессмертии. — Рад. СС, ч. II—III.

РВ — Растущий виноград, ежемесячное сочинение. СПб., 1785—1787.

РГЛ — Книга Лексикон или собрание речей по алфавиту с российского на голландский язык. СПб., 1717.

РГО — Русское Географическое общество.

РД — Римские деяния. Вып. 1—2. СПб., 1878. (Изд. ОЛДП I, XXXIII).

Рег. лош. — Регула об лошадях как содержать и при том прилежно смотреть надлежит чтоб в добром призрении были [XVIII в.]. — Инструкция дворецкому Ивану Немчинову. . . СПб., 1881 — ПДП, вып. 15.

Реляц. Бенев. — Реляция Ф. Беневени из Бухары, 1722. — Зап. РГО, 1853, кн. IX.

Реш. д. — И. А. Чистович. Решиловское дело. Феофан Прокопович и Феофилакт Лопатинский. Материалы для истории первой половины XVIII столетия. СПб., 1861. Приложения [Документы, связанные с делом Н. Решилова и отношениями Ф. Прокоповича и Феофилакта Лопатинского. 1718, 1732—1733 гг.].

Реш. Худ. — Любопытный художник и ремесленник, или Записки касающияся до разных художеств. . . Собранныя А. Решетниковым. . . М., 1791.

РИБ — Русская историческая библиотека. Сборник, издаваемый с 1872 г. Археографической комиссией в С.-Петербурге.

Римпл. ман. — [Г. Римплер]. Римплерова манира о строении крепостей. М. 1708.

Римск. ист. — Римская история. . . соч. г. Ролленем. . . А с фр. перев. тщанием и трудами Василья Тредиаковскаго. Т. I—XVI. СПб., 1761—1767.

РИО — Русское историческое общество.

Рисован. — [И. Ф. Урванов]. Краткое руководство к познанию рисования и живописи историческаго рода. . . Соч. для учащихся художником И. У. СПб., 1793.

Рис. худ. — Основательныя правила. . . к рисовальному художеству. Ч. I—III. Изд. от Иоанна Даниила Преислера. . . Перев. с нем. яз. [И. К. Таубертом]. СПб., 1734.

РМ — Российский магазин трудами Феодора Туманского. Ч. I—III. СПб., 1792—1794.

Розана — [В. Лазаревич]. Добродетельная Розана соч. В. Л. СПб., 1782.

Росп. сл. — Роспись неупотребительным словам на российском языке. . . — В кн.: И. Э. Швелинг. Бессмертие души. . . СПб., 1779.

РС — Русская старина. Ежем. журн. СПб., 1870—1918.

Руссо Гр-н — Гражданин, или Рассуждение о политической экономии. Из соч. г. Руссо. Перев. В[асилием] М[едведевым]. СПб., 1787.

Руссо Нов. Ел. — Новая Елоиза, или Письма двух любовников. . . собранныя и обнародованныя Ж. Ж. Руссо. Т. 1. М., 1769.

Руссо П. эк. — [Ж. Ж. Руссо]. Статья о политической экономии. Перев. из Енциклопедии [А. И. Лужковым] СПб., 1777.

РФ — Российский феатр, или полное собрание всех российских феатральных сочинений. Ч. I—XLIII. СПб., 1786—1794.

РЦ — Российской Целлариус, или Этимологической российской лексикон. . ., изд. Франциском Гелтергофом. М., 1771.

Сад. — Городской и деревенской садовник. . . Перев. с нем. яз. Никита Рахманов. М., 1779.

Салт. Изъявл. — Изъявления прибыточные государству Федора Салтыкова. 1714 г. — В кн.: М. Павлов-Сильванский. Проекты реформ в записках современников Петра Великого. СПб., 1897.

Салт. Пропоз. — Пропозиции Федора Салтыкова [1713]. — ОЛДП. СПб., 1891.

САР — Словарь Академии Российской. Ч. I—VI. СПб., 1789—1794.

САР² — Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Ч. I—VI. СПб., 1806—1822.

Сат. в. — Сатирический вестник. . . Ч. 1. М., 1790.

СВИМ — Сборник военно-исторических материалов. Вып. IV. (Письма и бумаги А. В. Суворова, Г. А. Потемкина и П. А. Румянцева. 1787—1789 г. Кинбурн-Очаковская операция); Вып. V. (Северная война на ингерманландском и финляндском театре в 1708—1714 гг.). СПб., 1893.

СД — Н. Новомбергский. Слово и дело государевы (Материалы) [1690—1764]. Т. 2. Томск, 1909.

Сев. Ам. — Описание земель Северной Америки. . . Перев. с нем. на рос. яз. А. Р[азумовым]. СПб., 1765.

Секр. Альб. — Некоторые полезные статьи, выбранные из удивительных секретов великого Альберта. . . Перев. с фр. яз. Н. Сумароковым. СПб., 1783.

Семил. в. — Семилетняя война. Материалы о действиях русской армии и флота в 1756—1762 гг. Воениздат, М., 1948.

СЖ — Сельской житель, экономическое в пользу деревенских жителей служащее издание. Ч. I—II. М., 1778—1779.

Сидней — [Ф. Т. Арно]. Сидней и Силли, или Благодеяние и благодарность. [Перев. с фр. Д. И. Фонвизин]. М., 1769.

Сип. — Русские повести XVII—XVIII в. Под ред. и с предисл. В. В. Сиповского. Т. I. СПб., 1905.

Сиф — [Ж. Террасон]. Геройская добродетель, или Жизнь Сифа. Перев. с фр. яз. Д. Фон-Визиным. Ч. I—IV. М., 1762—1768.

СК — Польский общий словарь и библейный. . ., на российский яз. переведен. . . Кирияком Кондратовичем. СПб., 1775.

СЛ — Лексикон сиречь словесник славенский имеющ в себе Словеса перве славенския, азбучныя, посемже полския. . Изображен в типографии монастыря общежительного супрасльского. 1722.

Сл. 1763 — [Г. А. Полетика]. Словарь на шести языках: российском, греческом, латинском, французском, немецком и английском. . . СПб., 1763.

Сл. 1847 — Словарь церковно-славянского и русского языка, составл. Вторым отд. Акад. наук. Т. I—IV. СПб., 1847.

Сл. анат.-физиол. — Анатомико-физиологический словарь. . . напечатанный трудами и иждивением Нестора Максимовича-Амбодика. . . СПб., 1783.

Сл. бот. 1781 — Ботанической подробной словарь, или Травник; содержащий в себе по алфавиту описание большой части по сие время известных, как иностранных, так и здешних дерев, кустов, трав, цветов, корней, мхов, грибов и семян, . . . сочиненный. . . Андреем Мейером. Ч. I—II. М., 1781—1783.

Сл. бот. 1795 — [Н. М. Максимович-Амбодик]. Словарь ботанический, содержащий наименования растений и их частей. . . СПб., 1795.

Сл. ин. сл. — [Словарь иностранных слов, употребляемых в русском языке, с объяснением их значений]. — И то и сио. СПб., 1769.

Сл. комм. — Словарь коммерческий, содержащий познание о товарах всех стран. . . Переведен с фр. языка Васильем Левшиным. Ч. I—VII. М., 1787—1792.

Сл. Кург. — Н. Г. Курганов. Словарь разноязычной, или толкование еврейских, греческих, латинских, французских, немецких и прочих иноземских употребляемых в русском языке. — ПК 1790, ч. II.

Сл. нат. ист. — Словарь ручной натуральной истории. . . Издание. . . переведено с французскаго языка с пополнениями из лучших авторов и вещей нужных для России Василием Левшиным. Ч. I—II. М., 1788.

Сл. пов. — [В. А. Левшин]. Словарь поваренный, приспешничий, кандиторский и дистиллаторский. . . Ч. I—VI. М., 1795—1797.

СЛРС — Собеседник любителей российскаго слова, содержащий разные сочинения в стихах и в прозе некоторых российских писателей. Ч. I—XVI. СПб., 1783—1784.

СМ — Свиток муз. Кн. I—II. СПб., 1802—1803.

С.-Меран — [Ж. Мемье]. Граф Сент-Меран. . . Перев. с фр. [П. И. Макарова]. Ч. 1. СПб., 1795.

Смирн. — Н. А. Смирнов. Западное влияние на русский язык в Петровскую пору. — Сб. ОРЯС, т. 88, № 2. СПб., 1910.

Соверш. жив. — [Р. де Пиль]. Понятие о совершенном живописце служащее основанием судить о творениях живописцов; и примечание о портретах. Перев., первое с ит., а второе с фр. . . . Архипом Ивановым. СПб., 1789.

Соверш. кучер* — Совершенный кучер или искуство, как. . . у кареты на козлах ездить. . . Рукопись 1744 г. Библиотеки Смоленского пед. ин-та № 32 (22/Б).

Сойм. КМ — Ф. И. Соймонов. Описание Каспийского моря [30-е годы XVIII в.]. — ЕС 1763, ч. I—XI.

Сок. 1834 — [П. Соколов]. Общий церковно-славяно-российский словарь, или собрание речений. . . Ч. 1—2. СПб., 1834.

Сокр. мат. — [Я. Герман и Ж. Н. Делиль]. Сокращение математическое. . . [Перев. с фр. И. С. Горлицкий]. Ч. I—III. СПб.. 1728—1730.

Сохац. — Слово о главной цели воспитания; . . . говоренное. . . Павлом Сохацким Июня 30 дня 1793 г. М., 1793.

СПб. в. — Санктпетербургские ведомости. 1728—1800. СПб., 1728—[1800].

СПб. вестн. — Санктпетербургский вестник. . . Ч. I—VII. СПб., 1778—1781.

СПб. ЕС — Санктпетербургское еженедельное сочинение, касающееся до размножения домостроительства и распространения общеполезных знаний. СПб., 1778.

СПб. ж. — С. Петербургской журнал изд. И. Пниным. Ч. I—IV. СПб., 1798.

СПб. М. — С. Петербургский Меркурий, ежемесячное изд. 1793 г. Ч. I—IV. СПб., 1793—1794.

Спорщица — Спорщица, комедия в одном действии. Перев. вольно с фр. Соч. г. Дюфрени. СПб., 1779.

Срезн. — И. И. Срезневский. Материалы для Словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I—III. СПб., 1893—1912.

СРХБ — Сношения России с Хивою и Бухарою при Петре Великом. [Документы 1717—1725 гг.]. — Зап. РГО, 1853, кн. 9.

Стелл. — [Ж. А. Гурбийон]. Стеллино, или Новой Вертер. Перев. с фр. М., 1794.

Стихи руд. — Н. Г. Богданова. Стихи XVIII в. о рудокопном деле [1736]. — ТКДРЛ, т. 1. Л., 1932.

Страх. Карм. кн. — [Н. И. Страхов]. Карманная книжка для приезжающих на зиму в Москву старичков и старушек, невест и женихов. Ч. I—III. М., 1791.

Сув. — Автобиография Суворова, написанная им в 1786 году. — Исторический вестник, 1900, № 5.

Судьба дерев. — [М. И. Прокудин-Горский]. Судьба деревенская. Комедия, соч. в нравах деревенских жителей в 3 действиях. — РФ, ч. XXIX, 1789.

Сум. Гамлет — А. П. Сумароков. Гамлет. Трагедия. Представлена в первой раз в начале 1750 г., на Имп. театре, в СПб. — Сум. СС, ч. III.

Сум. ДС — А. П. Сумароков. Димитрий Самозванец. Трагедия. Представлена в первый раз в 1771 г. . . . — Сум. СС, ч. IV.

Сум. Лих. — А. П. Сумароков. Лихоимец. Комедия (1768). — Сум. СС, ч. V.

Сум. Мать — А. П. Сумароков. Мать совместница дочери. Комедия. — Сум. СС, ч. VI.

Сум. Оды — А. П. Сумароков. Оды и другие духовные сочинения и переложения. — Сум. СС, ч. I.

Сум. Притчи — А. П. Сумароков. Притчи. — Сум. СС, ч. VII.

Сум. Разг. — А. П. Сумароков. Разговор в царствии мертвых между Александром и Геростратом. Разговор в царстве мертвых: Кортец и Мотецума. . . — Сум. СС, ч. IX.

Сум. СС — Полное собрание всех сочинений, в стихах и прозе. . . А. П. Сумарокова. Ч. I—X. Изд. 2-е. М., 1787.

Сум. Трес. — А. П. Сумароков. Тресотиниус. Комедия. Зачата 12 генваря 1750, окончена генваря 13 1750. . . — Сум. СС, ч. V.

Сум. Ядовитый — А. П. Сумароков. Ядовитый. — Сум. СС, ч. V.

Сух. ИРА — М. И. Сухомлинов. История Российской Академии. Вып. I—VIII. СПб., 1874—1888.

Тат. Дух. — Духовная Василия Никитича Татищева [1733]. Изд. под наблюдением и с предисл. А. Островского. Казань, 1885.

Тат. Ист. — В. Н. Татищев. История российская с самых древнейших времен. Т. 1. М., 1768.

Тат. Разг. — В. Н. Татищев. Разговор о пользе наук и училищ. С предисл. и указателями Нила Попова. 1733. М., 1887.

Тат. Эк. зап. — Краткие экономические до деревни следующие записки. Соч. В. Н. Татищева. 1742 г. — Временник ОИДР, кн. 12. М., 1852.
ТВЭО — Труды Вольнаго Экономическаго общества. Т. I—LII. СПб., 1765—1775, 1779—1798, 1801—1821.
Телемак — Похождение Телемаково, сына Улиссова, соч. г. Фенелоном. . . Перев. на рос. яз. в 1734 г. [А. Ф. Хрущевым]. Напечатано 2-м тиснением. Ч. I—II. СПб., 1767.
Тепл. Филос. — Знания касающияся вообще до философии. . . собраны и изъяснены Григорьем Тепловым. Кн. 1. СПб., 1751.
Т. Ионес — Повесть о Томасе Ионесе или Найденыш. Соч. на аглинском яз. г. Фильдингом. А со онаго на фр. г. Делапласом. С фр. же на рос. Евсигнеем Харламовым. Т. I. СПб., 1770.
ТКДРЛ — Труды Комиссии по древнерусской литературе. Т. I. Л., 1932.
ТМ — Премудрого государя имп. Петра Великого. . . Театрум Махинарум то есть, ясное зрелище махин и преудивительных разных родов механических инструментов. . . Соч. тщанием и трудами. . . Андрея Нартова 1755 г. Рук. ГПБ., «Эрмитажное собрание», № 160.
ТМУ — Его имп. величества, всемилостивый регламент, и устав. По которому все. . ., а наипаче купцы карабелщики, . . . послушливо поступать имеют. СПб., 1724.
Топ. Оренб. — Топография оренбургская, то есть: обстоятельное описание Оренбургской губ., соч. Петром Рычковым. Ч. I—II. СПб., 1762.
ТП — Тариф Санктпитербургского, Выборгского, Нарвского, Архангелогородского, Кольского портов. СПб., 1724.
ТР — Табель о рангах всех чинов, воинских, статских, и придворных. . . М., 1722.
Тред. Ортогр. — Разговор между чужестранным человеком и российским об ортографии. . . соч. Васильем Тредиаковским. . . СПб., 1748.
Тред. Речь — В. К. Тредиаковский. Речь о чистоте российского языка, говоренная 1735 г. — Соч., т. 1.
Тред. Соч. — Сочинения Тредьяковского. Т. 1, 3. Изд. А. Смирдина. СПб., 1849.
Тред. СП — Сочинения и переводы как стихами так и прозою Василья Тредиаковского. Т. I—II. СПб., 1752.
Тред. Тилем. — Тилемахида или Странствование Тилемаха сына Одиссеева описанное в составе ироическия пиимы Василием Тредиаковским. . . Т. I—II. СПб., 1766.
Тред. Три рассужд. — Три рассуждения о трех главнейших древностях российских. . . Сочиненные Васильем Тредиаковским. СПб., 1773.
Тред. Феопт. — В. К. Тредиаковский. Феоптия [1754 г.]. — Избранные произведения. М.—Л., 1963.
Трет. 1768 — Слово о происшествии и учреждении Университетов в Европе, . . ., говоренное. . . Иваном Третьяковым. . . М., 1768.
Трет. 1769 — Слово о Римском правлении, . . . говоренное. . . Иваном Третьяковым. . . М., 1769.
Троя — История в ней же пишет, о разорении града Трои Фригийскаго царства. . . М., 1709.
Труд. пч. — Трудолюбивая пчела. СПб., 1759.
Трут. — Трутень, еженедельное издание, на 1769—1770 г. СПб., 1769—1770.
УВ 1716 — Книга Устав воинскии о должности генералов, фелтмаршалов, и всего генералитеита. СПб., 1716.
Ук. П. I — Указы. . . имп. Петра Великаго. . . Состоявшияся с 1714 по. . . генваря по 28 число, 1725 г. СПб., 1739.
УМ — Книга устав морскои, о всем что касается доброму управлению, в бытность флота на море. СПб., 1720.
Унк — Посольство к Зюнгарскому Хан-Тайчжи Цэван Рабтану капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1772—1724 гг. Изд. Н. И. Веселовским. СПб., 1887.

УС — Утренний свет, ежемесячное издание. Ч. I—IX. СПб., 1777—1780
Устав Вейде* — Воинский устав Вейде. 1696 г. Рук. БАН. 16. 18. 11.
Устр. — История царствования Петра Великого Н. Устрялова. Т. 6. Царевич Алексей Петрович. СПб., 1859.
УЧ — Утренние часы, еженедельное издание. Ч. I—IV. СПб., 1788—1790.
Ушак. Толк. Слов. — Толковый словарь русского языка под ред. проф. Д. Н. Ушакова. Т. I—IV. М., 1934—1940.

Фанни — [Риккобони]. Письмы от мистрис Фанни Буртлед, к милорду Карлу Алфреду де Кайтамбридж. С фр. яз. перев. [Б. Е. Ельчаниновым]. СПб., 1765.
Фарсон — Комедия о графе Фарсоне [20—30 годы XVIII в.]. — В кн.: Н. М. Петровский. К истории русского театра. М., 1900.
Фасмер — Макс Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. I—IV. М., 1964—1973.
Феатр. ист. — Феатрон или позор исторический изъявляющий повсюдную историю св. писания и гражданскую. . . чрез Вилгелма Стратеммана собранныи на рос. яз. с лат. перев. СПб., 1724.
Филос. ест. — Философия естественная. . . яже на лат. языке В. Сенгвердием изда бе, ныне же на славенский язык переведенная. Рук. БАН. 17.14.3. 1718.
Фонв. Бриг. — Д. И. Фонвизин. Бригадир. Комедия. . . — РФ, ч. XXXIII, 1790.
Фонв. Корион — Д. И. Фонвизин. Корион. Комедия. — В кн.: Н. С. Тихонравов. Материалы для полного собрания сочинений Д. И. Фонвизина. СПб., 1894.
Фонв. Недор. — Д. И. Фонвизин. Недоросль, комедия в пяти действиях. СПб., 1783.
Фонв. Призн. — Д. И. Фонвизин. Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях. — Фонв. ПСС, ч. Ш.
Фонв. ПСС — Д. И. Фонвизин. Полное собрание сочинений. Ч. I—IV. М., 1830.
Фонв. Соч. — Сочинения, письма и избранные переводы Д. И. Фонвизина. Изд. П. А. Ефремова. СПб., 1866.
ФРЛ[1] — Полной французской и российской лексикон, с последнего издания лексикона Французской академии на рос. яз. перев. Собранием ученых людей. Т. I—II. СПб., 1786.
ФРЛ[2] — Полной французской и российской Лексикон, с последнего издания Лексикона Фр. академии на рос. язык переведенный. 2-е изд., испр. и доп. И. Татищевым. Т. I—II. СПб., 1798.
ФЭ — Флоринова Экономия с нем. на рос. яз. сокращенно переведена. . . СПб., 1738.

Хемн. Басни[1] — [И. И. Хемницер]. Басни и сказки N. . . N. . . Изд. 2-е. Ч. I—II. СПб., 1782.
Хемн. Басни[2] — И. И. Хемницер. Басни и сказки. — Хемн. СП.
Хемн. СП — И. И. Хемницер. Сочинения и письма. С биогр. ст. и примеч. Я. К. Грота. СПб., 1873.
Хераск. Кадм. — М. М. Херасков. Кадм. и Гармония, древнее повествование. Ч. I. — Хераск. Тв., ч. VIII, 1801.
Хераск. Полид. — М. М. Херасков, Полидор, сын Кадма и Гармонии. Ч. 1—2. — Хераск. Тв., ч. X—XI, 1802.
Хераск. Тв. — Творения М. Хераскова, вновь исправленные и дополненные. Ч. I—XII. М., 1796—1803.
Хинск. служ.* — Краткое известие о хинском служении. Рукопись 1731 г. Библиотеки Смоленского пед. ин-та № 121 (3 Б).
М. Храп. Ода — Ода М. В. Храповицкого на достопамятное в России постановление о состоянии свободных хлебопашцев высочайшим имп. Александра I указом февраля в 20 день 1803 г. — Библио-

графические записки, периодическое изд. 1858 г. Т. I, № 12. М., 1858.
Хр. бес — Повесть о хромоногом бесе, соч. на фр. яз. г. Лесажем в двух частях, перев. Дмитрием Легким и Дмитрием Монеевым. Ч. I—II. СПб., 1763.
ЦСА — Церковный словарь, или истолкование речений словенских древних, ... соч. ... Петром Алексиевым... М., 1773.
Чеб. 1776 — Слово о изобретении искусства письма, ... говоренное Харитоном Чеботаревым... М., 1776.
Чекал. — Рассуждение о свободных художествах... изд. ... Петром Чекалевским... СПб., 1792.
Чист. — И. А. Чистович. Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868.
Чт. ОИДР — Чтения в императорском Обществе Истории и Древностей Российских. Журнал, издаваемый Московским университетом в 1845—1848 г.
Чулк. Пересм. — М. Д. Чулков. Пересмешник или Славенские сказки. Изд. 3-е с поправлением. Ч. I—V. М., 1789.
Чулк. Песни — М. Д. Чулков. Сочинения. Т. I. Собрание разных песен, ч. 1—3, с прибавлениями (1770—1773). Под ред. П. К. Симони. СПб., 1913.
Чулк. Повариха — М. Д. Чулков. Пригожая повариха, или Похождение развратной женщины. Ч. 1. СПб., 1770.
Чулк. ПП — М. Д. Чулков. Плачевное падение стихотворцев. Сатирическая поема. СПб., 1775.
Шалик. ДПМ — П. И. Шаликов. Другое путешествие в Малороссию. М., 1804.
Шарл. — Письма Шарлотты к Каролине во время ея знакомства с Вертером. Перев. с фр. А. К. Ч. 1—2. СПб., 1792.
Шаф. — [П. П. Шафиров]. Разсуждение, какие законные причины е. ц. в. Петр Первыи... к начатию воины против Короля Карола 12, Шведского 1700 году имел. СПб., 1717.
Шишк. Расс. — [А. С. Шишков]. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка. СПб., 1803.
Шлат. Рудн. д. — Обстоятельное наставление рудному делу... сочиненное.. Иваном Шлаттером. [СПб.], 1760.
Шпанб. — Репорт капитана М. П. Шпанберга в Адмиралтейств-коллегию об его плаваниях в 1738—1739 гг. — Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII в. М., 1948.
Щепет. — Щепетильник, комедия, в одном действии. — РФ, ч. XXXV, 1790.
Щерб. НС — М. М. Щербатов. Неизданные сочинения. М., 1935.
Щерб. Повр. нр. — О повреждении нравов в России. Записки кн. М. М. Щербатова [XVII ст. — 1788 г.]. — РС, 1870, т. II—III.
Эйлер ПП — [Л. Эйлер]. Письма о разных физических и философических материях, писанныя к некоторой немецкой принцессе с фр. яз. на рос. перев. Степаном Румовским. Ч. I—II. СПб., 1768—1774.
Электр. оп. — Електрические опыты... Соч. англ. королевским механиком Георгом Адамсом. С нем. на рос. яз. перел. Т[имофеем] О[сиповским]. Изд. ... Ефимом Войтяховским. М., 1793.
ЭМ — Экономической магазин, или Собрание всяких экономических известий... в пользу российских домостроителей и других любопытных людей образом журнала издаваемой. Ч. I—XL. М., 1780—1789.
Эмин Ернест — Письма Ернеста и Доравры. Соч. Федора Эмина. Ч. I—IV. СПб., 1766.
Эмин Мирам. — Непостоянная Фортуна, или Похождения Мирамонда. Соч. Федора Эмина с приобщением его жизни. Изд. 3-е. Ч. I—III. СПб., 1792.
Эмин Фемист. — Приключения Фемистокла... Соч. Федора Эмина. СПб., 1763.
Н. Эмин Игра судьбы — Игра судьбы Николая Эмина. СПб., 1789.

Н. Эмин Роза — Роза. . Соч. Николая Эмина. 2-е испр. изд. Ч. 1—2. СПб., 1788.
Юнг ТВ — Торжество веры над любовию. Поема соч. г. Юнгом. С фр. . . . на рос. яз. перев. И[ван] Л[опухин]. М., 1780.
Юсти — Основание силы и благосостояния царств. . . Соч. И. Г. Г. Юстий, а с нем. на рос. перев. И. Богаевский. Ч. I—IV. СПб., 1772—1778.
ЮЧЗ — Юности честное зерцало или показание к житейскому обхождению. СПб., 1719.
Яворск.* — Послание преосвященнейшего Стефана Яворского, митрополита Рязанского и Муромского, к преосвященным Алексею Сарскому и Подонскому и Варлааму Тверскому и Кашинскому. — Чт. ОИДР, 1862, кн. 4. 1718 г.
Ян. — [Я н о в с к и й]. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту. Ч. I—III. СПб., 1803—1806.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Новообразования в кругу отыменных глаголов

И. М. Мальцева, А. И. Молотков, З. М. Петрова

Лексические новообразования в русском языке XVIII в.

Утверждено к печати
Институтом русского языка АН СССР

Редактор издательства *Г. А. Щербакова*
Художник *М. И. Разулевич*
Технический редактор *Г. А. Бессонова*
Корректоры *Л. М. Агаджанова, Г. И. Атлас* и *Ф. Я. Петрова*

Сдано в набор 6/II 1975 г. Подписано к печати 30/V 1975 г. Формат бумаги $60\times90^1/_{16}$. Бумага № 2. Печ. л. $23^1/_4$=23.25 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 30.19. Изд. № 5815. Тип. зак. № 1731. М-04206. Тираж 3500. *Цена 2 р. 01 к.*

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская линия, д. 1

1-я тип. издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Следует читать*
5	8 сверху	М. В. Попова	М. В. Панова
9	6 снизу	Романова Н. П.	Романова Н. П.
22	12 сверху	Действуют . . . поминая	Действует . . . понимая
»	15 »	Тред. СП I 433	Тред. СП II 238
118	18 »	ЕС 1763 IV 318	Сойм. КМ IV 318
135	13 »	соотносительные	соотносительных
221	22 »	характеризуют	характеризует
224	1 снизу	пилительноя	пилительное

И. М. Мальцева и др.